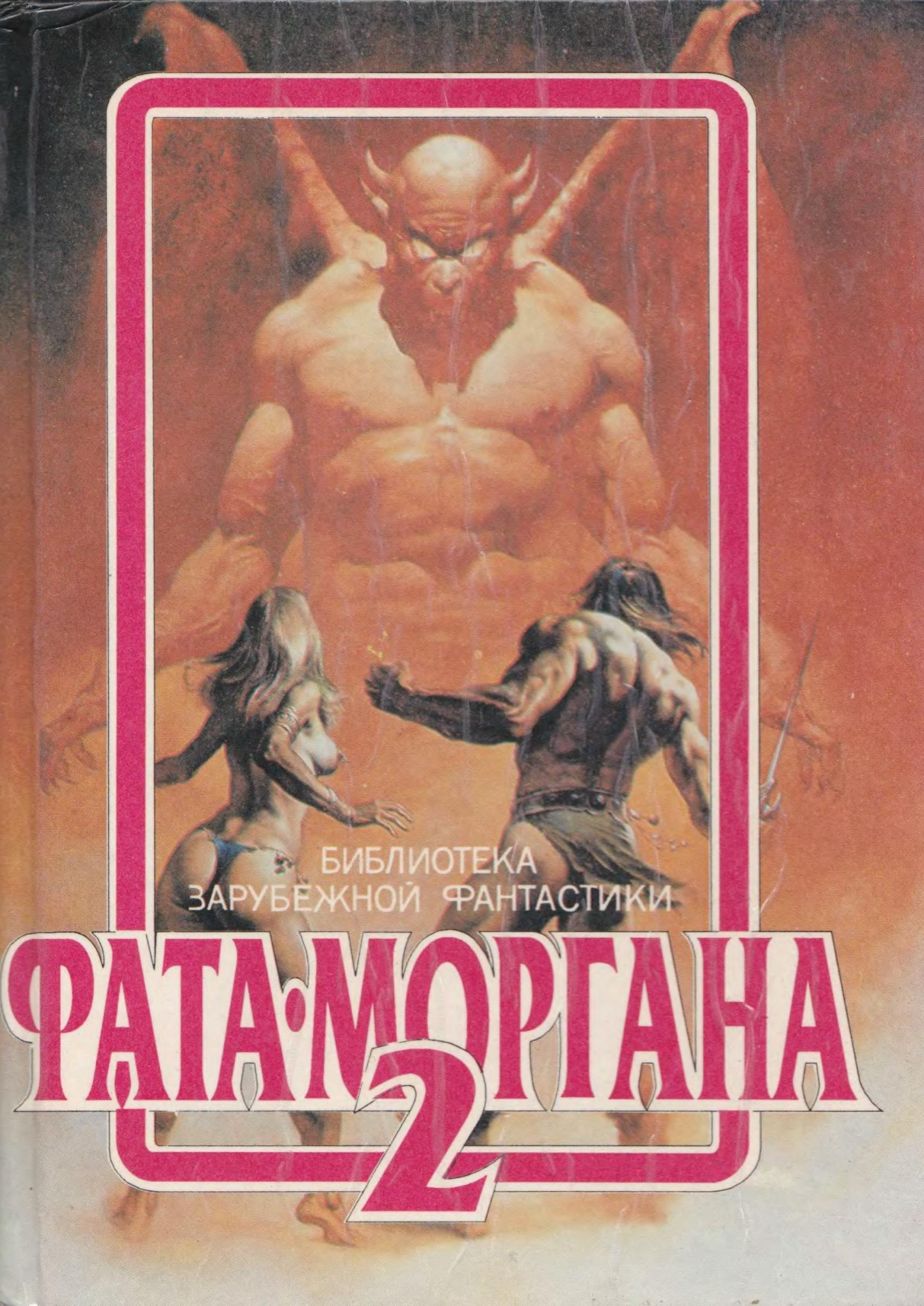
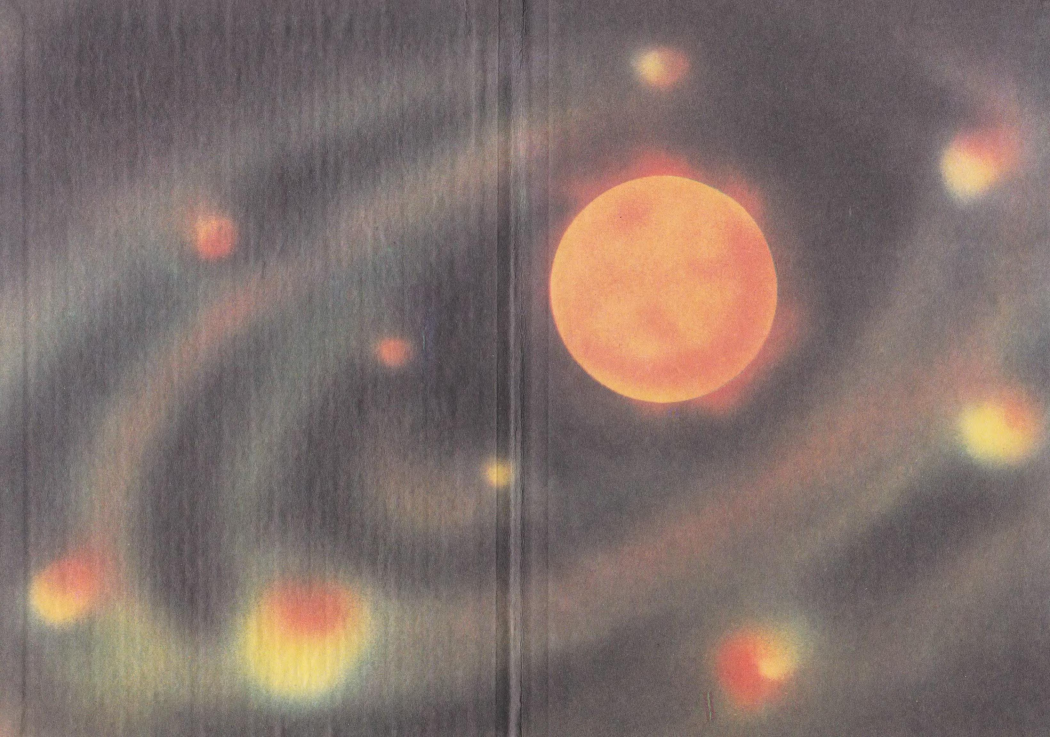

БИБЛИОТЕКА
ЗАРУБЕЖНОЙ ФАНТАСТИКИ
ФАТА-МОРГАНА
2



ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ДЕТЕКТИВ

ФАНТАСТИКА

•

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

•

ДЕТЕКТИВ

А. ВАН ВОГТ

М. ЛЕЙНСТЕР

М. ДЖЕМИСОН

К. СМИТ

К. МУР

Э. НОРТОН

С. КОРНБЛАТ

Д. КЕЛЛЕР

Д. ФИННЕЙ

О. ЛЕСЛИ

Л. АЛЬДАНИ

Д. ТИПТРИ-МЛ.

Р. БРЕДБЕРИ

У. ЛЕ ГУИН

Ф. БРАУН

Г. ХЕЛЛИНГА-МЛ.

М. ХЕРЛИ

Д. ФАЙФ

А. МЕРРИТ

Д. ЛОНДОН

Е. ПУТКАМЕР

С. БЛЭК

Г. УЭЛЛС

М. СЕЙЛОР

Ф. МАРЗА

Э. РАССЕЛ

Фантастические
рассказы
и повести

Нижний Новгород
Издательство
«ФЛОКС»
1991 г.

ББК 84(0)
Ф 27

Художник **Владимир Ан**

На обложке использована работа
Б. Вальехо

Ф 27 **Фата-Моргана 2:** Сб. зарубежной фантастики./Перевод с английского, итальянского языков.— Нижний Новгород: Издательство «Флокс», 1991.— 495 с.

ISBN 5-87198-001-05

Сборник зарубежной фантастики «Фата-Моргана 2» продолжает одноименную издательскую серию. Кроме произведений, ранее не переводившихся на русский язык, полностью и впервые репродуцируется популярный в 1920-х годах сборник «Борьба с химерами».

Читатель познакомится также с очерками об аномальных явлениях известного английского писателя-фантаста Эрика Фрэнка Рассела.

Ф $\frac{\textbf{4703000000—011}}{\textbf{Д40(03)—91}}$ **без объявл.**

ББК 84(0)

ISBN 5-87198-001-05

© Издательство «Флокс», составление, перевод, 1991
© В. Ан, оформление, 1991

А. Э. Ван Вогт

МИССИЯ К ЗВЕЗДАМ

Пролог

Земной звездолет миновал одинокую звезду Гиссер так быстро, что система слежения станции на метеорите не успела среагировать. Большой корабль уже виднелся на экране в виде светлого пятна, когда это дошло до сознания Часового. Зато системы корабля работали без замечаний, поскольку движущаяся световая точка заметно затормозилась и, продолжая замедляться, описала широкую дугу. Теперь он медленно двигался обратно с несомненным намерением найти небольшой объект, вызвавший помехи на энергетических экранах.

Когда он оказался в пределах видимости, то своим огромным корпусом закрыл свет далекой ярко-желтой звезды. Вблизи Пятиде-

сяти Солнц никогда не видели ничего подобного. Выглядел он, как корабль с дальних концов пространства, как чудовище из легендарного мира. Хотя он был новеньким, по историческим хроникам в нем можно было узнать военный корабль Империи Земли. Пророчество предсказывало этот страшный день, и вот он наступил.

Часовой знал, что делать. По подпространственной связи он послал к Пятидесяти Солнцам предупреждение, которого с тревогой ждали уже несколько столетий. Затем старательно затер следы своего присутствия. Взрыва не было. Перегруженные атомные генераторы без труда разложили массивное здание метеорологической станции на составные элементы. Часовой не пытался бежать. Никто не мог добраться до его мозга с заключенными в нем знаниями. На мгновенье он почувствовал судорогу боли, потом энергия превратила его в атомы.

Леди Глория Лаурр, первый капитан «Звездного Роя», не потрудилась сопроводить экспедицию, высадившуюся на астероиде, но внимательно следила за всем по астровизору. С момента, когда на экранах неожиданно появилась фигура человека в метеорологической обсерватории, она прекрасно поняла колоссальное значение этого открытия и успела обдумать все возможные осложнения. Обсерватория означала межзвездные путешествия, а люди могли происходить только с Земли. Причина их появления здесь была ясна: старая экспедиция. Это должно было произойти давно, раз сейчас они поднялись до межпланетных сообщений, и означало многочисленную популяцию, заселившую не одну планету. «Ее Высочество,— подумала она,— будет довольна». Придя в хорошее настроение, она вызвала силовой отсек.

— Я в восторге от вашей молниеносной акции, капитан Глон,— тепло сказала она.— Я имею в виду закрытие всего астероида в охранный энергетический кокон. Вас ждет награда.

Мужчина на экране астровизора склонил голову.

— Благодарю. Кажется, мы сохранили атомные и электронные составляющие всей станции. Жаль, что интерференция энергии ее реакторов не позволила Секции фотографии сделать четкие снимки.

Она улыбнулась.

— У нас есть человек, а для этой матрицы нам не нужны фотографии.

Улыбаясь, она вновь перевела взгляд на сцену на астероиде, задумчиво глядя на поглотители энергии и материи. В обсерватории висела карта, на которой было отмечено несколько бурь. Одна из них выглядела весьма грозно. Их огромный корабль не мог развить полной скорости, пока они не узнают ее положения. Можно потратить долгие десятилетия на этих коротких расстояниях, где корабль не может разогнаться, а без точного прогноза погоды не решится даже сохранить достигнутую скорость.

Увидев, что все покидают астероид, она энергичным движением выключила внутренний коммутатор, коснулась нескольких кнопок и, пройдя через трансмиттер, вышла к приемной камере в полумиле от мостика.

Дежурный офицер был мрачен.

— Я как раз получил снимки. Карту закрывает пятно энергетического тумана. Не повезло. Думаю, мы должны начать со здания со всем его содержимым, оставив человека на потом,— доложил он после уставного приветствия.— В конце концов это простая матрица человека. Оживление ее, теоретически более трудное, практически ничем не отличается от вашего перехода через трансмиттер с мостика в это помещение.

— Но зачем оставлять его на самый конец?

— Технические причины. Неодушевленным предметам характерна большая сложность, а организованная материя это не что иное, как общедоступные углеводороды.

— Ну, хорошо,— согласилась она, хотя и не была уверена, что человек, знания которого создали эту картину, был менее важен, чем сама карта.— Начинайте.

Она внимательно смотрела, как внутри просторной камеры возникает силуэт здания. Спускаясь на антигравитационных носителях, оно, наконец, утвердилось посреди огромной металлической плиты. Из кабины, качая головой, вышел техник и проводил их в реконструированную станцию, обращая внимание на ее недостатки.

— Двадцать семь солнечных точек на карте,— сказал он.— Невероятно мало, даже если люди эти заселили только небольшой район пространства. Кроме того, взгляните, сколько здесь бурь, даже далеко за пределами солнц и...— Слова застряли у него в горле. Молча он смотрел в темный угол, в двадцати футах за аппаратурой. Она проследила за его взглядом: там лежал человек. Тело его сотрясала дрожь.

— Я считала, что человека мы оставили на самый конец.

Профессор был явно смущен.

— Видимо, ассистент плохо меня понял. Это...

— Неважно,— прервала она его.— Немедленно отправьте его в Центр Психологии и скажите лейтенанту Неслор, что я сейчас там буду.

— Слушаюсь, леди.

— Погоди. Поклонись от меня старшему метеорологу и пригласи сюда. Я хочу, чтобы он взглянул на карту и высказал свое мнение.

Она резко повернулась, с ослепительной улыбкой взглянула на окружающих ее людей.

— Клянусь Юпитером, после долгих десяти лет что-то происходит. Если так пойдет и дальше, мы в два счета закончим эту игру.

Возбуждение полыхало в ее глазах.

К своему удивлению Часовой понял, почему он жив, еще до того, как пришел в себя. До того, как открыл глаза. Он чувствовал пробуждающееся сознание и инстинктивно начал ежедневную делианскую гимнастику мышц, нервов и разума, как обычно перед подъемом. Во время этого ритмичного цикла страшное подозрение обожгло его. Приходит в себя? Он?! Именно в момент, когда мозг его едва не взорвался от пережитого шока, он понял, как это произошло. Успокоившись, он ушел в себя. Взгляд его отметил молодую женщину, сидящую перед ним в шезлонге. Благородный овал лица. Величие, совершенно не подходящее такой молодой особе. Свободно откинувшись, она изучающе разглядывала его серыми блестящими глазами. Под их упорным взглядом в голове его воцарилась пустота. Наконец мысли вернулись: «Они запрограммировали меня для спокойного пробуждения. Что еще они сделали, о чем узнали?» Мысль разрасталась, и он чувствовал, что вот-вот голова его лопнет: «Что еще?»

Женщина слегка улыбнулась ему, и он услышал ее звучный серебристый голос:

— Не бойся. То есть, не бойся так сильно. Как тебя зовут?

Часовой открыл было рот, но тут же закрыл его и отрицательно покачал головой. На мгновение ему неудержимо захотелось объяснить ей, что ответ даже на один вопрос сломал бы оковы делианской инерции разума и привел бы к разглашению всей тайны. Он пересилил себя и вновь покачал головой.

Женщина нахмурилась.

— Не ответишь на такой невинный вопрос? Ведь это ничем не грозит.

Сначала имя, думал Часовой, потом с какой он планеты, где она находится относительно звезды Гиссер, что с бурями. Так постепенно все до конца. Чем дольше я буду отказывать людям в информации, которая им нужна, тем больше времени получат Пятьдесят Солнц для организации отпора самой страшной машине, которая когда-либо появлялась в этой части пространства. Женщина выпрямилась, взгляд ее стал тверд, как сталь. Когда она заговорила, в голосе ее тоже звучал металл:

— Кто бы ты ни был, знай, что находишься на борту императорского военного корабля «Звездный Рой», а я — первый капитан этого корабля, леди Лаурр. Знай также, что мы категорически требуем сообщить орбиту, по которой наш корабль сможет попасть на вашу главную планету.— Последовала пауза, потом ее вибрирующий голос зазвучал снова: — Уверена, вы уже знаете, что Земля не признает независимых правительств. Космос неделим. Во Вселенной нет места для ссорящихся наций, стремящихся к власти. Так гласит закон. Выступающие против него, являются преступниками и несут заслуженную кару. Это предупреждение.— Не ожидая ответа, она

повернулась.— Лейтенант Неслор,— сказала она, обращаясь к противоположной стене,— вы уже знаете, что делать дальше?

— Да, леди,— ответил женский голос.— Я приняла постоянную на основании исследований колонистов, остающихся вдали от главного потока жизни галактики. История не знает прецедента такой долгой изоляции, какая имела место здесь, поэтому я считаю, что они миновали этап статичности и достигли некоего собственного развития. Думаю, нам все же нужно начать с простейшего. Пара принудительных ответов откроет перед нами его разум. Попутно посмотрим, как быстро растет его сопротивление под давлением аппарата. Можно начинать?

Женщина в шезлонге кивнула головой, и из стены ударил луч света. Часовой попытался уклониться и только тут понял, что что-то держит его в кровати. Не веревки или цепи, нет, ничего не было видно, и все же оно было крепко, как сталь, и эластично, как резина. Он не успел задуматься, свет бил ему в глаза и в мозг — ослепляющий, яростный, пульсирующий блеск. Ему казалось, что сквозь него пробиваются голоса, звучащие в его голове, голоса говорящие: «Такой простой вопрос. Конечно, я отвечу... конечно, конечно... Меня зовут Часовой Гиссер. Я родом с планеты Кайдер III, из семьи делиан. Мы заселили семьдесят планет вокруг Пятидесяти Солнц, население тридцать миллиардов, четыреста крупных бурь, самые грозные на широте 473. Правительство расположено на Кассидоре VII, чудесной планете...»

Пораженный тем, что делает, он сжал обезумевшие мысли в делианский узел, прерывая поток губительных слов. Он знал, что больше никогда не даст застать себя врасплох, но... было поздно, слишком поздно.

Однако женщина вовсе не была в этом уверена. Покинув комнату, она вернулась к лейтенанту Неслор, даме уже не первой молодости, увлеченно классифицировавшей полученные данные. Психолог оторвалась от своего занятия и удивленно сказала:

— Это же абсолютно невозможно, леди. Его сопротивление достигло эквивалента индексу интеллигенции 800. А ведь он начал говорить при нажиме, эквивалентном индексу 167, что соответствует его внешности и, как вам известно, является средней величиной. За таким сопротивлением явно кроется какой-то метод тренинга. Думаю, ключом служит упоминание о делианском происхождении. Интенсивность подскочила, когда он произносил эти слова. Нельзя игнорировать этот факт, разве что мы решим сломить его волю.

Первый капитан отрицательно покачала головой.

— Сообщите мне, если случится что-нибудь новое,— сказала она и по пути к трансмиттеру остановилась, чтобы проверить местонахождение корабля. Легкая улыбка тронула ее губы, когда она увидела на экране его тень, кружащую вокруг солнца. «Время идет,—

подумала женщина.— Возможно ли, чтобы один человек задержал корабль, способный завоевать всю галактику?»

Старший метеоролог корабля, лейтенант Кэннонс, встал с кресла, когда она шла к нему через обширный зал, в котором по-прежнему находилась станция Пятидесяти Солнц. Волосы его седели, он был стар, очень стар. Подходя к нему, она подумала: «В этих людях, наблюдающих великие бури космоса, пульс жизни бьется медленнее. Они чувствуют эфемерность всего окружающего и понимают бесконечность времени. Бури, требующие сотен лет для достижения полной силы, и люди, заносящие их в каталоги, должны иметь общие черты».

Метеоролог поклонился и спокойно, с достоинством произнес:

— Для меня большая часть видеть первого капитана, Благородную Глорию Сесилию, Леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров.

Ответив на его приветствие, она поставила принесенную пленку. Прослушав ее, он сказал:

— Широта, которую он указал для шторма, не имеет ни малейшего значения. Эти невероятные существа разработали для Большого Магелланова Облака систему привязки без видимой связи с магнитным центром Облака. Видимо, они приняли за центр одно из солнц и создали вокруг него свою пространственную географию.

Старик энергично повернулся и повел ее к карте погоды.

— Она для нас абсолютно неприменима,— коротко сказал он.

— Что?

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Скажите, что вы думаете об этой карте?

Она помолчала, опасаясь высказываться перед таким интеллектом. Наконец, произнесла:

— Мое мнение почти полностью совпадает с тем, что вы сказали. У них принята своя система, и нужно только найти к ней ключ.— Голос ее окреп.— По-моему, на практике все наши проблемы сводятся к выбору направления, в котором нужно осмотреть пространство вблизи от метеостанции. Если мы двинемся не туда, потеряем много времени. Больше же всего я боюсь штормов.

Закончив, она вопросительно посмотрела на него. Старик покачал головой.

— Боюсь, что это не так просто. Эти светлые точки, изображающие звезды, имеют размер горошин только благодаря преломлению света. В метроскопе видно, что диаметр их всего несколько молекул. Если такова их пропорция относительно звезд...

Она научилась управлять своими чувствами в действительно трудных ситуациях. Сейчас она была ошеломлена, но сохраняла внешнее спокойствие. Она спросила:

— Вы хотите сказать, что каждая из этих звезд затеряна среди тысяч других?

— Еще хуже. Я хочу сказать, что они заселили только одну систему из десяти тысяч. Не забывайте, что Большое Магелланово Облако включает более пятидесяти миллионов солнц. Если хотите, я рассчитаю траектории ко всем ближайшим звездам в радиусе десяти световых лет. Может, нам повезет,— закончил он.

Она резко заметила:

— Одну из десяти тысяч? Не говорите глупостей. Нам пришлось бы посетить, по крайней мере, 2500 солнц, если повезет, и от 35 до 50 тысяч, если нет. Это исключено.— Мрачная гримаса исказила ее лицо.— Мы не будем терять пятьдесят лет на поиски иглы в стоге сена. У нас есть человек, умеющий читать эту карту. Она будет работать долго, но расскажет все.

Она направилась к выходу, но у двери остановилась.

— А что с самим зданием? Его конструкция вам о чем-нибудь говорит?

Он кивнул.

— Типичное для галактики пятнадцатитысячелетней давности.

— Без изменений? Никакого прогресса?

— Я ничего не вижу. Один наблюдатель делает все. Просто примитивно.

Она задумчиво покачала головой.

— Странно. За пятнадцать тысяч лет они должны были хоть что-то придумать. Обычно колонии статичны, но чтобы настолько...

Когда тремя часами позднее она читала текущие рапорты, дважды прозвенел сигнал астровизора. Два сообщения... Первое из Центра Психологии. Ее спросили:

— Можно ли нам ломать волю пленника?

— Нет! — ответила первый капитан Лаурр.

Второй вопрос заставил ее взглянуть на таблицу траекторий, пестревшую символами: коварный старец игнорировал ее запрещение. Криво улыбаясь, она подошла ближе и изучила светящиеся зигзаги, после чего передала приказ главным двигателям. Огромный корабль углубился во мрак ночи. В конце концов, не она первая гонится за двумя зайцами.

Через день она разглядывала сверху крайнюю планету светло-голубого солнца. Планета плыла в темноте под кораблем — лишенная атмосферы масса камня и металла, мрачная и отталкивающая, как всякий мир первозданных гор и долин, не тронутых дыханием жизни. Экраны показывали только камень, камень и камень, никакого движения или хотя бы его следов. Были еще три планеты, и на одной из них — теплый зеленеющий мир, где девственные леса волновались под порывами ветра, а равнины кишели зверьем. Однако не было ни одного здания, ни одного человека.

— На какую глубину под поверхность проникает ваше излучение? — мрачно спросила она по внутреннему коммутатору.

— Сто футов.

— А есть какие-нибудь металлы, имитирующие сто футов грунта?

— Несколько, леди.

Разочарованная, она отключилась. В тот день Центр Психологии молчал.

Назавтра перед ее нетерпеливым взглядом появилось гигантское красное солнце. Вокруг массивного светила кружило по огромным орбитам девяносто четыре планеты. Две были пригодны для колонизации, но и на них процветала флора и фауна, характерная для планет, не тронутых рукой человека и металлом цивилизации. Главный зоолог подтвердил это.

— Процент животных соответствует средней величине для миров, не заселенных разумными существами.

— А вам не пришло в голову, что их закон может защищать животных и запрещать обрабатывать землю даже для собственного удовольствия?

Ответа не последовало, впрочем, она его и не ждала. От лейтенанта Неслор не было ни слова.

Третье солнце находилось дальше. Капитан увеличила скорость до двадцати световых дней и получила неприятный урок, когда корабль влетел в небольшой шторм. Шторм, к счастью, был невелик: вибрация металла прекратилась, едва начавшись.

— Кажется, говорят,— сказала она позднее своим тридцати капитанам, собравшимся на совещание,— что мы должны вернуться в галактику и просить о посылке новой экспедиции, которая нашла бы этих затаившихся шакалов. Один из самых жалких голосов, дошедших до меня, напоминал, что мы совершили открытие по дороге домой и что после десяти лет, проведенных в Облаке, имеем право на отдых.— Ее серые глаза метали молнии, голос был тверд.— Уверяю вас, что сеющие пессимизм будут докладывать о неудаче правительству Ее Высочества. Потому заявляю всем, кто упал духом, что мы останемся здесь еще на десять лет, если потребуется. Передайте офицерам и команде, чтобы они были к этому готовы. У меня все.

Вернувшись на мостик, она вновь не нашла сообщения из Центра Психологии. Злость и нетерпение еще не остыли, когда она набирала номер, однако при виде серьезного лица лейтенанта Неслор пришла в себя.

— Что происходит, лейтенант? — спросила она.— Я жду информацию о пленнике.

Психолог покачала головой.

— Ничего нового нет.

— Ничего? — резко спросила леди Лаурр.

— Я дважды просила разрешения сломить его волю,— после-

довал ответ.— Надеюсь, вы знаете, что без причины таких предложений не делают.

Она знала, но неодобрение людей долга, обязательность объяснения каждого акта насилия над личностью автоматически вызывали отказ. Однако сейчас... Прежде, чем она успела сказать хоть слово, психолог заговорила снова:

— Я пыталась воздействовать на него во время сна, упирая на бессмысленность сопротивления Земле, раз уж обнаружение их все равно неизбежно, но это только убедило его, что прежние признания не принесли нам пользы.

Первый капитан перехватила инициативу:

— Нужно ли понимать это так, что вы не можете предложить ничего, кроме насилия?

Голова в астровизоре сделала отрицательный жест.

— Сопротивление, эквивалентное индексу интеллигенции 800 в мозгу с индексом 167,— сказала психолог,— для меня нечто необычайное.

Леди Глория чувствовала растущее удивление.

— Я не могу этого понять,— сказала она,— хотя чувствую, что мы проглядели что-то важное. Итак: мы натыкаемся на метеостанцию в системе пятидесяти миллионов солнц и застаем там человека, который вопреки всем законам инстинкта самосохранения немедленно лишает себя жизни, чтобы не попасть в наши руки. Сама станция — это старая галактическая развалина, ставшая за пятнадцать тысяч лет музеем прошлого. А ведь такой огромный промежуток времени и размах разума, с которым мы столкнулись — все указывает на то, что изменения должны быть. Да и имя этого человека — Часовой — типично для древнего, еще докосмического земного обычая давать имена по профессии. Не исключено, что даже наблюдение за этим солнцем передается в его семье от отца к сыну. Есть в этом что-то угнетающее... что-то...— она помолчала.— Что ты предлагаешь? — Выслушав ответ, кивнула головой.— Да, прекрасно, поместите его в одну из спален у командного мостика. Не может быть и разговора, чтобы заменить меня одной из твоих сотрудниц. Я сама сделаю все, что нужно. До завтра.

Капитан молчала, глядя на изображение пленника в астровизоре. Часовой лежал на кровати неподвижно, с закрытыми глазами, но со странным напряжением на лице. «Он похож,— подумала она,— на слепого, обнаружившего, что к нему возвращается зрение, что узы, наложенные на него невидимой силой, впервые отпускают его».

Психолог прошептала:

— Он по-прежнему не верит, что путы сняты и, вероятно, не двинется с места, пока вы хоть немного не успокоите его. Реакции его будут все отчетливей концентрироваться вокруг одной цели:

уничтожить корабль. С каждой секундой он все сильнее будет верить, что получил единственный шанс и должен действовать, невзирая ни на что. Сейчас вы увидите... Ах!

Часовой сел на кровати. Он высунул ногу из-под одеяла, поставил ее на пол и встал. Движения его были полны необыкновенной силы. С минуту он постоял, явно обдумывая свой первый шаг, потом, быстро взглянув на дверь, направился к ряду ящиков в одной из стен, потянул за первый попавшийся, после чего без малейшего труда принялся выдвигать их по очереди, ломая замки, как скрепки.

— Боже мой! — прошептала психолог.— Не спрашивайте меня, как он это делает. Сила является побочным эффектом его делианского воспитания. Леди...— Она с трудом сдерживала возбуждение.

Первый капитан взглянула на нее.

— Слушаю?

— Стоит ли вам в такой ситуации лично участвовать в операции? Он так силен, что без труда разорвет любого из нас на куски.

Благородная Глория Сесилия прервала ее властным жестом:

— Я не могу позволить, чтобы какой-нибудь дурень все испортил. Я приму обезболивающее. Дай знак, когда я должна войти.

Входя в рубку на командном мостике, Часовой чувствовал внутренний холодок и собранность. В одном из ящиков он нашел свою одежду. Конечно, он не предполагал, что она там лежит, но ящики вызвали у него интерес. Он напрягся делианским способом, и замки с треском уступили его суперсиле. Стоя на пороге, он оглядел огромное помещение с куполообразным потолком, и через мгновение, пораженный мыслью, что его соплеменники погибли, ощутил новый прилив решимости. Он был свободен. Эти люди даже не подозревали правды. На Земле наверняка давно забыли, кем был великий гений Джозеф М. Делл. Разумеется, его освободили с какой-то целью, но... «Смерть,— подумал он,— смерть им всем, такая смерть, которую они несли когда-то и, не задумываясь, принесли бы сейчас».

Склонившись над клавиатурой контрольных приборов, он краем глаза заметил женщину, вышедшую из ближней стены. Выпрямившись, он с дикой радостью узнал ее: командир. Ее, конечно, прикрывали излучатели, но откуда они могли знать, что все это время он лихорадочно думал, как заставить их пустить в ход оружие. Он был уверен, что они не смогут вновь соединить частицы его тела. Уже то, что его освободили, указывало на психологический розыгрыш. Прежде чем он успел что-либо предпринять, женщина с улыбкой произнесла:

— Я решительно не должна позволить тебе изучать эти приборы. Но мы решили изменить свое отношение к тебе. Свобода на корабле, встреча с членами экипажа... Мы хотим убедить тебя... убедить, что...

Видимо, что-то из его непримиримости и ненависти дошло до нее.

Она замолчала, раздраженно тряхнула головой и продолжала:

— Нам нужно, чтобы ты понял — мы вовсе не оборотни. Чтобы ты наконец поверил — мы не угроза твоим землякам. Ты должен понять, что теперь, когда мы знаем о вашем существовании, обнаружение вас — вопрос только времени. Земля не жестока и не стремится к власти над миром. Ей нужен минимум честного сотрудничества, да и то лишь во имя единства космоса. Должен существовать единый закон и высокая минимальная плата для работников. Всякого рода войны абсолютно запрещены. Кроме того, каждая планета или их союз может иметь собственное правительство, торговать с кем захочет и жить по-своему. Думаю, в этом нет ничего настолько страшного, чтобы объяснить твое странное самоубийство после обнаружения обсерватории.

«Сначала,— подумал он,— я разобью ей голову. Лучше всего схватить ее за ноги и ударить о металлическую стену или пол. Кости поддадутся легко, и это, во-первых, будет предостережением офицерам корабля, а во-вторых, вызовет смертоносный залп ее охраны Они слишком поздно поймут, что только огонь может меня задержать». Он сделал шаг к ней и начал незаметно напрягать мышцы и нервы — необходимое вступление для достижения делианским телом сверхчеловеческой мощи.

Женщина продолжала:

— Как ты сказал, вы заселили Пятьдесят Солнц. Почему именно столько? За пятнадцать тысяч лет ваша популяция могла достигнуть пятнадцати триллионов.

Следующий шаг. Еще один. Он знал, что теперь должен ответить, если не хочет вызвать ее подозрения в эти решающие секунды.

— Почти две трети наших семей бездетны. Так уж сложилось, что нас два рода и хотя смешанные браки довольно обычны...

Он был почти у цели.

— Ты хочешь сказать, что возникла мутация, и мутанты не могут размножаться?

Ответа на этот вопрос уже не требовалось. Их разделяли десять футов, и Часовой бросился на нее, как тигр.

Первый луч рассек его тело слишком низко, чтобы убить, но вызвал сильную тошноту и свинцовую тяжесть. Он услышал ее крик:

— Лейтенант Неслор, что это значит?

Но он уже схватил ее. Его пальцы крепко сжимали руку, которой она пыталась защищаться, когда второй залп ударил его в грудь. Кровавая пена заполнила рот, и пальцы, против его воли, выпустили руку женщины. О, космос, как же он жаждал забрать ее с собой в царство смерти! В последний раз до него донесся ее голос:

— Лейтенант Неслор! Прекратите огонь!

Прежде чем третий луч вонзился в его тело, Часовой испытал последний, всемогущий прилив мысли. Она по-прежнему ничего не

подозревает, зато знает уже кто-то другой. Кто-то, понявший все в последний момент. «Слишком поздно,— подумал он,— вы опоздали, глупцы! Ищите теперь... Наши получили предупреждение и спрятались еще лучше. А Пятьдесят Солнц рассыпаны, рассеяны среди миллионов звезд, среди...»

На этом смерть прервала его мысли.

Женщина поднялась с пола, покачиваясь, как пьяная. Как в тумане видела она, что лейтенант Неслор вышла из трансмиттера, задержалась перед телом Часового, потом бросилась к ней.

— Ты цела, дорогая? Так тяжело стрелять через астровизор, а...

— Сумасшедшая! — первый капитан обрела голос.— Ты понимаешь, что теперь его не вернуть к жизни? Нам придется возвращаться домой без...— Она замолчала, заметив, что психолог пристально вглядывается в нее.

— Его агрессивные цели не вызывали сомнения, и все было слишком быстро для моих аппаратов. Все это время его поведение вообще не укладывалось в рамки человеческой психики. В последний момент я вспомнила Джозефа Делла и резню его сверхлюдей пятнадцать тысяч лет назад. Невероятно, но некоторым удалось скрыться и основать цивилизацию в этом уголке пространства. Теперь вы понимаете: делианин — Джозеф М. Делл — конструктор идеального делианского робота.

1

Уличный громкоговоритель с треском ожил, и раздался громкий мужской голос:

— Внимание, граждане планет Пятидесяти Солнц! Говорит земной военный корабль «Звездный Рой». Сейчас к вам обратится Благородная Глория Сесилия, Леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров, первый капитан «Звездного Роя».

При первых словах из динамика Мелтби остановился на полпути к воздушному такси. Он заметил, что остальные пешеходы тоже остановились. Он не знал планеты Лант. После густонаселенного Кассидора, на котором находилась главная база военного флота Пятидесяти Солнц, ее столица очаровала его своим сельским видом. Его корабль пришвартовался здесь накануне согласно отданному всем военным кораблям приказу немедленно скрыться на ближайших населенных планетах. Из того, что он слышал в офицерской столовой, следовало, что это связано с кораблем с Земли, радиопередачу которого транслировали в этот момент по системе общей тревоги.

Мужской голос торжественно объявил:

— Леди Лаурр.

После этого раздался уверенный голос молодой женщины.

— Жители Пятидесяти Солнц, мы знаем, что вы здесь. Несколько лет мой корабль «Звездный Рой» изучал Большое Магелланово Облако. Совершенно случайно мы наткнулись на одну из ваших метеостанций и захватили ее оператора. Прежде чем покончить с собой, он сообщил, что где-то в этом скоплении находятся пятьдесят населенных планетных систем — всего семьдесят планет — на которых живут люди. Мы собираемся найти вас, хотя на первый взгляд кажется, что это выше наших возможностей. Рассуждая чисто логически, можно подумать, что трудно найти пятьдесят солнц среди ста миллионов звезд. Но мы нашли решение этой проблемы, которое только в части своей техническое. Теперь слушайте внимательно, граждане Пятидесяти Солнц. Мы знаем, что вы делианские и неделианские роботы, то есть, так называемые роботы, ибо на самом деле существа из плоти и крови. Просматривая исторические хроники, мы прочли о бессмысленных волнениях пятнадцать тысяч лет назад, ужаснувших вас и заставивших покинуть родную галактику и искать убежище вдали от земной цивилизации. Пятнадцать тысяч лет — это большой промежуток времени. Люди изменились. То, что испытали ваши предки, повториться не может. Я говорю это, чтобы успокоить вас. Вам просто необходимо вернуться обратно. Вы должны присоединиться к земному галактическому содружеству, подчиниться некоему минимуму законов и открыть межзвездные торговые порты. Зная, что у вас есть особые причины скрываться от нас, я даю вам одну неделю на выявление положения своих планет. Все это время мы ничего не будем предпринимать, но через неделю вы пожалеете о каждом дне промедления. В одном вы можете быть уверены: мы вас найдем. И быстро! — динамик умолк, как бы ожидая, пока смысл этих слов дойдет до слушателей.

— Всего один корабль,— сказал мужчина рядом с Мелтби.— Чего мы боимся? Уничтожить его, прежде чем он вернется в галактику и сообщит о нас.

Женский голос засомневался:

— Может, она только блефует? Неужели верит, что они могут нас найти?

— Вздор,— буркнул еще один мужчина.— Старая проблема иглы в стоге сена, только еще более трудная.

Мелтби молчал, хотя склонялся к тому же мнению. Ему казалось, что первый капитан земного корабля, госпожа Лаурр, блуждает в самой густой темноте, когда-либо окружавшей цивилизацию. Из динамика вновь поплыл голос Благородной Глории Сесилии:

— Чтобы исключить ошибки в измерении времени, объясняю, что день состоит из двадцати часов по сто минут каждый. В минуте тысяча секунд, за каждую из которых свет проходит ровно сто тысяч миль. Наш день несколько длиннее, чем был когда-то: тогда ми-

нута состояла из шестидесяти секунд, а скорость света составляла более 1836300 миль. Итак, время пошло. Ровно через неделю вы снова услышите меня.

Наступила пауза, затем диктор, тот самый, что представил женщину, сказал:

— Граждане Пятидесяти Солнц, мы получили записанное на пленку сообщение. Оно пришло час назад, и мы обнародовали его согласно поручению Совета Пятидесяти Солнц, следуя его требованию информировать население о всех аспектах этой серьезнейшей опасности. Вернитесь к своим занятиям, а мы сделаем все, что в наших силах. Мы сообщим вам, если случится что-то новое.

Мелтби движением руки подозвал такси. Едва он устроился на сиденье, как соседнее место заняла незнакомая женщина. Он проигнорировал едва заметное чувство, что она притягивает его мысли. Зрачки его слегка расширились, но он не подал и виду, что что-то не так. Разум женщины искал контакта с его разумом. Наконец она сказала:

— Ты слышал?

— Да.

— Что ты об этом думаешь?

— Эта женщина очень уверена в себе.

— Ты заметил, что она разделила нас всех на делианских и неделианских роботов?

Его не удивило, что она тоже это заметила. Земляне не имели понятия, что на Пятидесяти Солнцах жила еще третья раса — гибридников. Все эти тысячи лет с момента великой миграции браки делиан с неделианами не имели детей. Наконец, благодаря методу, известному как «процесс холодного давления», это стало возможно. Родился так называемый «гибридник» с двойным разумом, делианской физической силой и неделианскими способностями к творчеству. Соответственно настроенные, оба разума гибридника могли подчинить себе любого человека с нормальным мозгом. Мелтби был гибридником, как его соседка, что он определил по тому, как быстро она пробудила его разум. Правда, между ними была небольшая разница: он находился на Ланте и остальных планетах Пятидесяти Солнц легально, а она нет. При поимке ее ждала тюрьма или смерть.

— Мы следим за тобой,— услышал он,— с момента, когда до нашей главной квартиры дошло известие об этой истории, то есть уже час. Что, по-твоему, нужно делать?

Мелтби заколебался. Ему было тяжело в роли наследного вождя гибридников, ему — капитану космического флота Пятидесяти Солнц. Двадцать лет назад гибридники сделали попытку вооруженного захвата власти над Пятьюдесятью Солнцами. Попытка кончилась полным провалом, и гибридники оказались вне закона. Мелтби, тогда маленького мальчика, поймал делианский патруль. Его воспи-

тал флот. Все пытались каким-то образом решить проблему гибридников, и окружающие не щадили трудов, чтобы привить ему лояльность к Пятидесяти Солнцам в целом. В значительной мере это удалось, хотя об одном его учителя не имели понятия: что в руках у них наследный вождь гибридников. В мозгу Мелтби возник конфликт, который он до сих пор не мог решить.

Он задумчиво произнес:

— Мне кажется, мы должны идти рука об руку с делианами и неделианами. В конце концов, мы тоже относимся к Пятидесяти Солнцам.

— Есть предложение выдать положение одной из планет.

На мгновение он испытал шок, прекрасно поняв, что она имеет в виду. Возможностей ситуация открывала массу. «Похоже, интриганство не свойственно мне»,— с горечью подумал Мелтби. Постепенно он успокоился, привел мысли в порядок и почувствовал себя в силах вести дискуссию.

— Если Земля найдет нашу цивилизацию и признает ее правительство, все останется по-старому.

Блондинка хмуро усмехнулась, голубые глаза ее сверкнули.

— Если бы мы выдали их, то могли бы поставить вопрос о равноправии. Это все, чего мы хотим.

— Все? — Мелтби лучше знал, чего хотели гибридники, и знание это не доставляло ему удовольствия.— Насколько я помню, начатая нами война имела другие цели.

— Ну и что? — провоцирующе вставила она.— У кого больше прав для получения доминирующего положения? В психическом смысле мы стоим выше делиан и неделиан. По нашим сведениям, мы вообще единственная суперраса в этой галактике.

От возбуждения она забыла, о чем говорила:

— Эти люди с Земли никогда не встречали гибридников. Если мы, используя элемент неожиданности, введем достаточное число наших на борт их корабля, то сможем добыть новое решающее оружие. Понимаешь?

Мелтби понимал многое, в том числе и то, что подобные мысли играли немалую роль в этой истории.

— Моя дорогая,— ответил он,— нас слишком мало. Наше восстание против владык Пятидесяти Солнц провалилось, несмотря на неожиданность и первоначальные успехи. Будь у нас время, мы, может, и добились бы успеха. Но наши идеи перерастают наши возможности.

— Ханстон считает, что нужно действовать в критические моменты.

— Ханстон? — вырвалось у Мелтби помимо его воли. Он чувствовал себя никем рядом с колоритной фигурой Ханстона, который не просил, а требовал. На Мелтби лежала неблагодарная задача: удер-

живать от необдуманных поступков молодых энтузиастов. Через своих союзников, людей, как правило, умудренных, друзей умершего отца, он не мог делать ничего другого, как только проповедовать осторожность. Это не прибавляло ему популярности. Ханстон был второй фигурой в иерархии власти у гибридников. Его программа «действовать немедленно» очень нравилась молодым людям, которые знали катастрофу предыдущего поколения только по рассказам. Вожди совершали ошибки, а мы их не повторим. Таково было их отношение к делу.

Сам Мелтби не стремился к власти над Пятьюдесятью Солнцами. Уже много лет он обдумывал вопрос, как направить активность гибридников на менее воинственный путь. До сих пор ответа не было.

Не торопясь, он сказал:

— Перед лицом опасности нужно сомкнуть ряды. Нравится нам или нет, но мы принадлежим к Пятидесяти Солнцам. Может, и стоит выдать Земле эту цивилизацию, но не нам решать об этом через час после того, как представился случай. Передай Скрытым Городам, что я требую три дня на дискуссию и свободную критику. На четвертый день проголосуем: предать или нет. Это все.

Краем глаза он заметил, что она не в восторге. Лицо ее нахмурилось, в движениях стало заметно скрываемое раздражение.

— Моя дорогая,— добавил он мягче,— неужели твое мировоззрение допускает противоречие воле большинства?

После этих слов выражение ее лица изменилось, и он понял, что пробудил в ее мозгу извечные сомнения. Секрет его власти над соплеменниками заключался именно в этом. Совет гибридников, председателем которого он был, по всем важным делам обращался прямо к обществу. Время подтвердило, что голосование пробуждает в людях консервативные инстинкты. Самые горластые, месяцами требовавшие немедленных действий, перед тайным голосованием становятся очень осторожными. Много грозных политических бурь развеялось над урной для голосования.

Женщина, долгое время молчавшая, заговорила, цедя слова:

— За четыре дня решение может принять кто-то другой, и мы останемся на мели. Ханстон считает, что в переломный момент правительство должно действовать без задержек. Время для вопросов, правильно ли было решение, придет потом.

По крайней мере на это у Мелтби был готовый ответ:

— Речь идет о судьбе целой цивилизации. Имеет ли маленькая группа право поставить на карту жизнь сотен тысяч своих людей, а тем самым судьбы тридцати миллиардов граждан Пятидесяти Солнц? По-моему, нет. Мне здесь выходить. Счастливо.

Он встал, не оглядываясь, спустился на тротуар и двинулся к стальной ограде, за которой находилась одна из небольших баз,

которые военные силы Пятидесяти Солнц содержали на планете Лант. Охранник нахмурился, просматривая его документы, потом сухо сказал:

— Капитан, мне приказано доставить вас в здание Конгресса, на собрание местного самоуправления и военного командования. Вы пойдете без сопротивления?

Мелтби даже глазом не моргнул:

— Конечно.

Через минуту они летели к городу. Однако ловушка еще не захлопнулась: в любую минуту он мог сконцентрировать оба своих разума и подчинить себе охранника, а затем и пилота. Но он решил не делать этого. Ему пришло в голову, что правительственная конференция не угрожает непосредственно капитану Питеру Мелтби. Более того, капитан мог надеяться узнать что-нибудь полезное для себя.

Небольшой катер приземлился во дворе между двумя заросшими плющом зданиями. Через дверь и широкий, ярко освещенный коридор, Мелтби ввели в комнату. Здесь был большой стол, вокруг которого толпилось около двадцати мужчин. Видимо, о его прибытии сообщили, потому что в комнате было тихо. Одним взглядом он окинул обращенные к нему лица. Два из них он прекрасно знал. Их владельцы носили мундиры высших офицеров флота. Оба кивнули ему, и он подтвердил знакомство двумя кивками.

Ни с кем больше, даже с четырьмя остальными военными, он прежде не встречался. Легко было отличить делиан от неделиан. Первые были высоки, красивы, сильны, вторые даже между собой сильно различались. Поднялся приземистый неделианин, сидевший в противоположном конце стола. По фотографиям в газетах Мелтби узнал Эндрю Крейга, министра местного правительства.

— Господа,— начал Крейг,— будем откровенны с капитаном Мелтби. Капитан,— обратился он к нему,— мы много говорили об угрозе со стороны так называемого земного военного корабля. Командующая им женщина передала недавно сообщение, которое, вероятно, дошло и до вас.

Мелтби кивнул: — Дошло.

— Это хорошо. Вот как выглядит ситуация. Невзирая на предлагаемые выгоды, мы решили не открывать своего положения этому пришельцу. Кое-кто считает, что раз уж Земля добралась до Большого Магелланова Облака, то найдет нас рано или поздно. Но это может произойти и через несколько тысяч лет. Наша позиция такова: держаться вместе и контакта не устанавливать. В следующем десятилетии — увы, это займет столько времени — мы сможем послать экспедицию к главной галактике и увидеть, что там на самом деле происходит. Потом мы подумаем над окончательным решением.

По-моему, это разумный выход.

Он замолчал и выжидательно посмотрел на Мелтби. Видно было, что он обеспокоен.

— Очень разумный,— ровным голосом ответил Мелтби. Кое-кто из присутствующих облегченно вздохнул.

— Однако,— продолжал он,— почему вы думаете, что никто не укажет пришельцам с Земли нашего положения? Некоторые люди, даже некоторые планеты, могут усмотреть в этом выгоду для себя.

— Мы прекрасно понимаем это,— ответил толстяк.— Именно поэтому вы и приглашены на нашу встречу.

Мелтби назвал бы это чем угодно, только не приглашением, но от комментария воздержался.

— Мы уже получили сообщения местных правительств Пятидесяти Солнц. Все единодушно решили оставаться в тени. Но мы понимаем, что наше единство будет только видимостью, пока мы не получим подобной гарантии со стороны гибридников.

Мелтби уже и сам догадался, к чему он стремится, и счел это симптомом кризиса в отношениях между гибридниками и остальным населением Пятидесяти Солнц. Он не сомневался, что это касается и его особы.

— Господа,— сказал он,— я догадываюсь, что вы предложите мне посредничество в переговорах с гибридниками. Но ведь я капитан вооруженных сил Пятидесяти Солнц, и всякий подобный контакт поставит меня в двусмысленное положение.

Вице-адмирал Дрехан, командующий военным кораблем «Атмион», на котором Мелтби исполнял обязанности заместителя астрогатора и главного метеоролога, с жаром сказал:

— Капитан, вы можете свободно принять любое предложение, не боясь, что мы недооцениваем трудности вашего положения.

— Я хотел бы,— произнес Мелтби,— чтобы это было записано, и прошу стенографировать продолжение разговора.

Крейг кивнул стенографистам:

— Прошу вас записывать.

— Итак, к делу,— сказал Мелтби.

— Как вы догадались, капитан,— начал Крейг,— мы хотим, чтобы вы передали наши предложения,— он глянул исподлобья, явно не решаясь произнести название поставленной вне закона расы,— Верховному Совету Гибридников. Полагаем, у вас есть возможность связаться с ними.

— Много лет назад,— согласился Мелтби,— я уведомил своего командира о визите ко мне эмиссаров гибридников и о том, что на каждой из планет Пятидесяти Солнц имеется их аппаратура для поддержания между собой связи. В то время было решено не нарушать эту связь, поскольку тогда они наглухо ушли бы в подполье, и меня не уведомили бы о месте их новой локализации. В действи-

тельности, решение сообщить вооруженным силам Пятидесяти Солнц о существовании такой сети было принято голосованием гибридников.

Нетрудно было догадаться, что Мелтби начнут подозревать в связях с сородичами, поэтому ему приказали самому признаться в этом. Пятьдесят Солнц не стали бы мешать гибридникам, разве что в исключительной ситуации. План был хорошо продуман, но именно сейчас ситуация становилась исключительной.

— Откровенно говоря,— продолжал толстяк,— мы уверены, что гибридники сочтут нынешнее положение весьма благоприятным для себя.

Он имел в виду политический шантаж, а то, что не сказал об этом прямо, было весьма тактично с его стороны.

— Я уполномочен,— сказал он,— предложить вам ограниченные гражданские права; право доступа на некоторые планеты, право поселения в городах — причем каждые десять лет мы будем совместно возвращаться к этому вопросу и, в зависимости от политики гибридников в истекшем десятилетии, они могут рассчитывать на дальнейшие привилегии.

Он замолчал, и Мелтби заметил, что все напряженно смотрят на него.

— Что вы об этом думаете? — прервал тишину делианин.

Мелтби вздохнул. До появления земного корабля предложение было бы выгодным. Налицо был классический пример уступок под давлением в момент, когда контроль над ситуацией ускользает из рук. Он сказал это неагрессивно, внешне даже бесстрастно, а говоря, мысленно взвешивал условия. Похоже, предложение было честным. Зная самолюбие гибридников, он готов был признать, что большие уступки были бы опасны и для них, и для их мирно настроенных соседей. Принимая во внимание недавние события, ограничения и испытательные сроки были необходимым злом. Спокойно высказав свое мнение, он закончил:

— Нужно просто подождать и посмотреть, что произойдет.

После его выступления воцарилась тишина. Наконец неделианин с грубыми чертами лица резко сказал:

— А по-моему, мы только теряем время на эту трусливую игру. Хотя Пятьдесят Солнц долгое время жили в мире, у нас по-прежнему есть под рукой более ста боевых кораблей, не считая более мелких единиц. Где-то далеко в пространстве находится один военный корабль землян. Пошлем флот, пусть уничтожит его! Этим мы ликвидируем всех землян, знающих о нас. Пройдет еще тысяча лет, прежде чем они снова нас обнаружат.

— Мы уже говорили об этом,— промолвил вице-адмирал Дрехан.— Это неразумно по очень простой причине: земляне могут иметь неизвестное нам оружие и победить. Мы не можем рисковать.

— Мне наплевать, какое оружие имеет один корабль,— ответил тот же мужчина.— Если флот выполнит свой долг, мы разделаемся со всеми проблемами одним решительным поступком.

— Это крайнее средство,— заметил Крейг и вновь обратился к Мелтби.— Вы можете сказать гибридникам, если они не примут наше предложение, что у нас большой флот. Иными словами, если они решат нас выдать, пусть знают, что ничего этим не выиграют. Можете идти, капитан.

2

На командном мостике земного военного корабля «Звездный Рой» его командир Благородная Глория Сесилия, Леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров сидела за столом, глядя в пространство и обдумывая положение. Перед ней был многоплановый иллюминатор, настроенный на полную резкость. За ним тут и там сверкали звезды. При нулевом увеличении их мигало всего несколько. С левой стороны виднелось пятно центральной галактики, в которой Земля была только одной из планет одной из систем, песчинкой в космической пустыне. В своей задумчивости Глория почти не замечала этого. Изменяющиеся фрагменты фантастического зрелища уже много лет были фоном ее жизни. Улыбнувшись принятому решению, она нажала кнопку. На экране появилось лицо мужчины, и первый капитан сразу заговорила о деле:

— До меня дошли слухи, капитан, что наше решение найти цивилизации Пятидесяти Солнц в Большом Магеллановом Облаке принято с неудовольствием.

Капитан смутился и осторожно ответил:

— Леди, я действительно слышал, что ваше решение начать поиски воспринято без энтузиазма.

Она заметила, что он изменил формулировку и вместо «наше» сказал «ваше решение».

— Разумеется, я не могу говорить от имени всех членов экипажа, ведь их тридцать тысяч.

— Разумеется,— согласилась она. В голосе ее звучала ирония, но офицер сделал вид, что не заметил этого.

— Леди, было бы хорошо провести общее голосование.

— Ерунда. Все проголосуют за возвращение домой. Десять лет в пространстве превратили их в нытиков. Куриные мозги и никаких целей впереди! Капитан,— голос ее был мягок, но глаза блестели,— в твоем тоне и поведении я чувствую некую солидарность с этим... этим стадным инстинктом. Старейший принцип космических полетов гласит: «Кто-нибудь должен сохранить твердость духа, чтобы идти дальше». Офицеров подбирают очень старательно, и они не могут поддаться слепому стремлению домой. Известно также,

что люди, которые ему поддаются и возвращаются в свои дома, недолго остаются там и вскоре вновь вербуются в очередную экспедицию. Мы слишком далеко от нашей галактики, чтобы позволить себе роскошь отсутствия дисциплины.

— Я знаю эти аргументы,— спокойно сказал офицер.

— Приятно слышать,— язвительно ответила первый капитан и этим закончила разговор. Затем она вызвала Астрогацию. Ответил молодой офицер. С ним она не вела дискуссии.

— Я хочу иметь орбиты, которые проведут нас через Большое Магелланово Облако за возможно более короткое время. По дороге мы должны приблизиться к каждой звезде в этой системе на расстояние пятисот световых лет.

Мальчишеское лицо офицера побледнело.

— Леди,— выдавил он,— это самый необычный приказ, который мы когда-либо получали. Это звездное скопление имеет в поперечнике шесть тысяч световых лет. Какую скорость вы имели в виду, учитывая, что мы понятия не имеем о локализации штормов в этом районе?

Реакция юноши привела ее в замешательство. На долю секунды она потеряла уверенность в себе. За это мгновение перед ней промелькнула картина огромного пространства, которое они должны пересечь.

— Полагаю,— сказала она,— что районы штормов занимают в этом скоплении примерно один световой год на тридцать минут. Пусть ваш начальник сообщит мне, когда орбиты будут готовы,— сухо закончила она.

— Слушаюсь,— ответил молодой человек. Голос его ничего не выражал.

Она вновь села, коснулась переключателя, превратив иллюминатор в зеркало, и принялась разглядывать свое отражение: худощавую красивую тридцатипятилетнюю женщину. Отражение улыбалось — она была довольна своими решениями. Это разнесется по кораблю, и люди начнут понимать, к чему она стремится. Сначала их охватит отчаяние, потом они смирятся с судьбой. Сомнений она не испытывала. То, что она сделала, объяснялось уверенностью, что правительство Пятидесяти Солнц не выдаст положения ни одной из своих планет. Чувствуя тяжесть принятого решения, она в одиночестве села обедать. Борьба за судьбу корабля была неизбежна, и первый капитан понимала, что должна быть готовой ко всему. Трижды с ней пробовали связаться, но она игнорировала это. Автоматический сигнал «занята» значил: «Я здесь. Не мешать, если нет ничего срочного». Каждый раз звонок вскоре стихал.

После обеда она легла, чтобы немного вздремнуть и подумать. Однако вскоре встала, подошла к трансмиттеру, настроила аппарат и вошла в Центр Психологии в полумиле от спальни. Лейтенант Нес-

лор, главный психолог, вышла из соседней комнаты и сердечно приветствовала ее. Первый капитан вкратце познакомила ее со всеми своими заботами. Подруга кивнула головой.

— Я так и думала. Подожди немного. Я передам пациента ассистенту, и мы поговорим.

Когда она вернулась, леди Лаурр с интересом спросила:

— Много у тебя пациентов?

Серые глаза подруги внимательно изучали ее.

— Мой персонал проводит восемьсот часов процедур еженедельно.

— На вашем оборудовании это просто невероятно.

Лейтенант Неслор подтвердила:

— В последние годы число пациентов растет.

Леди Глория пожала плечами и уже хотела сменить тему, как что-то ее заинтересовало.

— Что их мучает? — спросила она.— Ностальгия?

— Пожалуй, это можно назвать так, хотя у нас есть несколько специальных терминов.— Она повысила голос.— Слушай, Глория, не суди их слишком строго. У людей, работа которых не отличается разнообразием, нелегкая жизнь. Несмотря на то, что корабль велик, с каждым годом его устройства все меньше удовлетворяют экипаж.

Благородная Глория Сесилия открыла было рот, чтобы сказать, что ее работа тоже не отличается разнообразием, но вовремя поняла, что это прозвучит фальшиво, даже снисходительно.

— Не понимаю. На борту у нас есть все. Равное число мужчин и женщин, работы в достатке, продуктов тоже, а уж развлечений хватит не на одну жизнь. Прогулки под ветвями живых деревьев по берегам никогда не пересыхающих ручьев. Можно жениться и развестись, хотя, конечно, о детях говорить не приходится. Полно кавалеров и веселых девиц. У каждого своя комната, и все знают, что деньги поступают на их счета, и после экспедиции их ждет спокойная старость.— Она нахмурилась.— И потом, открытие цивилизации Пятидесяти Солнц должно оживить путешествие.

Лейтенант Неслор улыбнулась.

— Глория, дорогая, ты говоришь, как ребенок. Это хорошо для тебя и меня, учитывая наши занятия. Лично я не могу дождаться, когда увижу, как думают и действуют эти люди. Я изучила историческую литературу о делианских и неделианских роботах и вижу здесь неограниченные возможности — для себя, но не для человека, ежедневно готовящего мне обед.

Лицо первого капитана приобрело прежнюю решительность.

— Боюсь, что твоему повару придется с этим смириться. А теперь к делу. У меня двойная проблема: удержать контроль над кораблем и найти Пятьдесят Солнц. Именно в такой последовательности.

Разговор их продолжался еще довольно долго. Наконец леди Лаурр вернулась в свои апартаменты, уверенная, что ее решение обеих проблем имеет психологическое оправдание.

Неделя перемирия прошла без неожиданностей. Сразу после истечения ее последней минуты она созвала совещание капитанов отделов своего огромного корабля. Уже первые ее слова задели офицеров за живое. Этого и следовало ожидать.

— Леди и джентльмены, я полагаю, что мы должны остаться, пока не найдем эту цивилизацию, даже если нам предстоит провести здесь еще десять лет.

Капитаны переглянулись и беспокойно зашевелились. Их было тридцать, из них четыре женщины.

Благородная Глория Сесилия, Леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров продолжала:

— Нам нужно подумать о долгосрочной стратегии. У кого есть предложения?

— Я не согласен начинать поиски,— сказал капитан Уэллес, шеф летного персонала.

Глаза первого капитана сузились. По выражению лиц остальных она догадалась, что Уэллес выражает мнение большинства, но заговорила так же бесстрастно, как и он:

— Капитан, есть способы лишения власти командующего кораблем офицера. Почему бы не использовать один из них?

Капитан Уэллес побледнел.

— Отлично, леди,— ответил он.— Я апеллирую к параграфу 492.

Ее потрясло такое быстрое принятие вызова. Она знала этот параграф, поскольку он ограничивал ее власть. Теоретически никто не знал всех указаний, описывающих мельчайшие вопросы, связанные с командованием, но она знала, что каждый ориентируется в указаниях, касающихся его самого. Когда в игру входили собственные права, каждый становился космическим юристом, не исключая и ее самой. С побледневшим лицом она слушала голос капитана Уэллеса:

— Ограничение... в обстоятельствах, оправдывающих собравшихся на совещание капитанов... большинство... две трети... первичная цель экспедиции...

На этом совещании данные обвинения выдвигались против нее впервые. «Звездный Рой» был отправлен в картографическую экспедицию, и задание было выполнено. Настаивая на изменении цели путешествия, она оказалась в поле действия этого параграфа. Подождав, пока Уэллес отложит книгу, она спросила:

— Будем голосовать?

Результат был 21 : 5 против нее. Четверо офицеров воздержались. Капитан Дороти Стардевант, руководящая женским обслуживающим персоналом, сказала:

— Глория, это должно было так кончиться. Мы очень давно не были дома. Пусть кто-нибудь другой ищет эту цивилизацию.

Первый капитан постучала карандашом по столу. Жест был нетерпеливый, но заговорила она спокойно:

— Параграф 492 позволяет мне действовать по собственному усмотрению от пяти до десяти процентов времени экспедиции, но не более шести месяцев. Поэтому я решила: мы остаемся в Большом Магеллановом Облаке еще шесть месяцев. Обсудим теперь способы и средства локализации планет Пятидесяти Солнц. Вот мои предложения.

И она начала излагать их.

3

Когда раздался сигнал тревоги: «Все по местам!», Мелтби сидел в своей кабине на борту военного корабля Пятидесяти Солнц «Атмион» и читал. Сирены молчали, значит, тревога не была боевой. Он отложил книгу и, торопливо накинув плащ, направился на навигационную палубу. Несколько офицеров и шеф астрогации уже были на месте. Они холодно кивнули ему. Сев за стол, он вынул из кармана свои орудия труда — линейку с радиоприставкой, которая обеспечивала связь с ближайшим электронным мозгом, в данном случае, мозгом «Атмиона».

Он раскладывал карандаши и бумагу, когда весь корабль вздрогнул. Одновременно ожил громкоговоритель. Адмирал Дрехан произнес:

— Сообщение только для офицеров. Как известно, немногим более недели назад земной военный корабль «Звездный Рой» передал нам ультиматум, время которого истекло пять часов назад. Все местные власти Пятидесяти Солнц утверждают, что до сих пор не получали новых сообщений. На самом же деле три часа назад пришел второй ультиматум, содержащий неожиданную угрозу. Нам кажется, что обнародование характера этой угрозы могло бы вызвать панику. Передаем для вашего сведения содержание нового ультиматума.

После короткой паузы они услышали решительный мужской голос:

— Благородная Глория Сесилия, Леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров, первый капитан военного корабля «Звездный Рой» вторично обращается к гражданам Пятидесяти Солнц.

Снова пауза, после которой вместо первого капитана Лаурр заговорил адмирал Дрехан:

— Меня попросили обратить ваше внимание на этот перечень титулов. Не подлежит сомнению, что враждебным кораблем руко-

водит женщина. Разумеется, это очень демократично... что женщина командует кораблем. Это указывает на равноправие полов. Вопрос только, как она получила такую должность. Благодаря воинскому званию? Кроме того, сам факт существования общественной иерархии косвенным образом свидетельствует о тоталитарном характере системы власти в главной галактике.

Мелтби не мог с ним согласиться. Титулы выражают только то, что они значат в данной ситуации. В достопамятные периоды абсолютизма некоторые деспоты Пятидесяти Солнц называли себя «первыми слугами». Были «президенты», от прихоти которых зависела жизнь или смерть граждан, «министры», имевшие абсолютную власть, целая плеяда субъектов, официальный титул которых скрывал жестокую действительность и давал обладателю эмоциональное удовлетворение. Эти мысли Мелтби прервал голос леди Лаурр.

— Мы,— сказала Благородная Глория Сесилия,— представители земной цивилизации, с сожалением констатируем упорство правительства Пятидесяти Солнц. Мы со всей ответственностью заявляем, что вас ввели в заблуждение. Расширение земной власти на Большое Магеллановo Облако принесет благополучие сообществам всех планет. Земле есть что предложить. Она гарантирует личностям легализацию основных привилегий, а сообществам основные свободы и выборность своих правительств. Земля не потерпит существования отдельного независимого государства в любом районе вселенной. Такая суверенная военная мощь могла бы ударить в сердце контролируемой человеческой расой галактики и бомбардировать ее густонаселенные планеты. Такое случалось. Вы можете догадаться, как кончили правительства, ответственные за подобные действия. От нас вам не уйти. Если нашему кораблю случайно удастся обнаружить вас сейчас, через пару лет сюда явятся десять тысяч кораблей. Мы никогда не откладываем подобных дел на потом. С нашей точки зрения безопасней уничтожить всю цивилизацию, чем допустить, чтобы она существовала, как рак, в культуре, из которой выросла. Я уверена, что нам повезет. В эту минуту мой военный корабль «Звездный Рой» отправляется в рейс через Большое Магеллановo Облако. Нам потребуется несколько лет, чтобы, следуя выбранным курсом, пролететь в пятистах световых годах от каждого солнца этого скопления. По дороге мы наугад бросим бомбы космического излучения на планеты большинства звезд во всех секторах пространства. Понимая, что не добьюсь этим ваших симпатий, я объяснила, почему мы решили действовать так безжалостно. Однако еще не поздно. В любой момент правительство любой планеты может проявить добрую волю, объявив по радио о своей готовности локализовать Пятьдесят Солнц. Планета, которая заговорит первой, станет столицей Пятидесяти Солнц. Первый человек или группа людей, давшие нам ключ к положению собственной или любой другой

планеты, получит в награду миллиард платиновых долларов, действительных во всей центральной галактике, или, если таково будет их желание, эквивалент в родной валюте. Не бойтесь, мой корабль может защитить вас от всех вооруженных сил Пятидесяти Солнц. А сейчас, в доказательство, что мы не шутим, мой главный астрогатор передаст данные, которые позволят вам следить за нашим полетом через Облако.— Передача резко оборвалась, и вновь заговорил адмирал Дрехан.

— Через минуту я передам эти данные астрогации, поскольку мы собираемся следить за «Звездным Роем» и результатами его акции. Однако задумаемся на минуту над содержанием речи леди Лаурр. Ее поведение, тон и выражения наводят на мысль, что она руководит очень большим кораблем. Не подумайте, что мы делаем поспешные выводы,— быстро добавил он,— нет, мы рассматриваем фрагменты ее ультиматума. Она утверждает, что «Звездный Рой» сбросит бомбы космического излучения на большинство планет Облака. Допустим, она имела в виду каждую сотую планету. Даже при таком раскладе это составит несколько миллионов бомб. А наши собственные военные заводы могут создать одну бомбу космического излучения только за четыре дня. Кроме того, такому заводу нужна как минимум квадратная миля полезной площади. Далее она заявила, что ее одинокий корабль может защитить предателей от вооруженных сил Пятидесяти Солнц. Мы сейчас имеем более ста боевых кораблей, более четырехсот крейсеров и тысячу меньших кораблей. Здесь уместно вспомнить первоначальное задание «Звездного Роя» в Большом Магеллановом Облаке. Как они сами признали, он отправился в картографическую экспедицию. Наши картографические корабли — это небольшие катера из демобила. Трудно поверить, что Земля предназначила один из своих крупнейших и мощнейших кораблей для такой заурядной цели.— Адмирал сделал паузу.— Прошу всех офицеров высказать свое отношение к вышеизложенному. Для большинства из вас это все. Астрогации и Метеорологии я передам параметры, сообщенные «Звездным Роем».

Более пяти часов длилась напряженная работа над переводом координат «Звездного Роя» в систему звездной картографии, принятой на Пятидесяти Солнцах. Только тогда было определено расстояние между земным кораблем и «Атмионом». Оно составляло тысячу четыреста световых лет. Впрочем, расстояние не имело значения. Они знали расположение всех штормов в Большом Магеллановом Облаке и с легкостью рассчитали орбиту для скорости в половину светового года в минуту.

Продолжительная работа утомила Мелтби. Кончив свое дело, он вернулся в кабину и заснул. Разбудил его сигнал тревоги, и он торопливо включил обзорный экран, соединенный с командованием.

Экран засветился. Это означало, что офицерам разрешено следить за развитием событий. Максимальное увеличение экрана было сосредоточено на небольшой светлой точке. Точка двигалась, но аккомодационная система удерживала ее в центре экрана. Из динамика послышался голос:

— По расчетам «Звездный Рой» находится сейчас на расстоянии около одной трети светового года.— Мелтби усмехнулся, услышав такую неточную формулировку. Диктор имел в виду, что оба корабля находятся в пределах верхних полей взаимного резонанса, вторичного явления подпространственных радиоволн, чего-то вроде приглушенного эха нижнего резонанса с практически неограниченным радиусом действия. Нельзя было с уверенностью сказать, как далеко находится земной корабль, за исключением того, что он не далее, чем в одной трети светового года. В принципе он мог находиться всего в нескольких милях от них, хотя это и было маловероятно: у них были радары для обнаружения объектов на малых расстояниях.— Наша скорость уменьшилась до десяти световых дней в минуту,— информировал голос.— Поскольку мы следуем курсом, указанным земным кораблем, и не теряем противника из виду, можно предположить, что наши скорости равны.— Это утверждение также было неточно. Можно было приблизиться, но никак не сравняться скоростью с кораблем, мчащимся быстрее света. Ошибка станет заметна сразу после разделения полей верхнего резонанса обоих кораблей. Только он это подумал, как точка на экране замерцала и погасла. Мелтби ждал, но изображение больше не появилось. Диктор невесело сказал:

— Не беспокойтесь. Меня заверили, что это временная потеря контакта.

Прошел час, но ничто не изменилось. Время от времени Мелтби поглядывал на экран, вспоминая слова адмирала Дрехана о размерах «Звездного Роя». Он понимал, что командир просто честно перечислил факты. Нужно было учитывать множество возможностей, но казалось невероятным, чтобы корабль был настолько огромен. Значит, первый капитан Лаурр блефовала. Доказательством этого должно быть количество сброшенных земным кораблем бомб.

Шесть следующих дней «Атмион» входил в поле верхнего резонанса «Звездного Роя». Каждый раз контакт держали, пока было можно. После чего, проверив курс неприятельского корабля, изучали соседние планеты. Только на одной они наткнулись на следы уничтожения. Да и то, бомбу, наверное, плохо нацелили, и она ударила во внешнюю планету, слишком удаленную от своего солнца, чтобы можно было говорить о какой-либо жизни. Теперь на планете кипело пекло ядерной реакции, сжигающей скальную скорлупу и вгрызающейся в металлическое ядро. Зрелище это не испугало команду «Атмиона». Вероятность того, что одна бомба из ста попадает в на-

селенную планету, была настолько близка к нулю, что цифрой после запятой можно было пренебречь. На шестой день экран в кабине Мелтби ожил, и на нем появилось лицо адмирала Дрехана.

— Капитан Мелтби, прошу явиться ко мне.

— Слушаюсь, сэр,— Мелтби не медлил ни секунды.

Несущий службу адъютант кивнул ему и пропустил в кабину Дрехана. Мелтби застал командующего за столом. Адмирал изучал радиограмму. Увидев капитана, он положил документ текстом вниз и указал Мелтби на кресло напротив себя.

— Капитан, каково ваше положение среди гибридников?

Вот они и подошли к сути дела. Страха у Мелтби не было. Он смотрел на адмирала, изобразив на лице беспокойство, и видел перед собой делианина в самом расцвете сил.

— Я сам точно не знаю, как они ко мне относятся,— сказал Мелтби.— Думаю, примерно как к предателю. Каждый раз, когда они обращаются ко мне, о чем я всегда докладываю начальству, я склоняю их к политике объединения и смирения.

— Что гибридники думают об этом деле? — спросил адмирал.

— Я могу только предполагать. Мои контакты слишком слабы.

— И все же, вы хоть что-то знаете?

— Насколько мне известно,— ответил Мелтби,— меньшинство считает, что Земля найдет Пятьдесят Солнц раньше или позже и, значит, говорят они, нужно пользоваться случаем. Большинству же надоела жизнь в подземельях, и они решительно за взаимодействие с Пятьюдесятью Солнцами.

— Какое большинство?

— Четыре к одному,— Мелтби солгал, не моргнув глазом. Зато Дрехан явно колебался.

— А может случиться, что меньшинство начнет действовать?

— Они хотели бы, но не могут. Так меня заверяли,— быстро сказал Мелтби.

— Почему?

— Среди них нет настоящих метеорологов.

Это тоже было ложью. Проблема выходила за пределы чьих-либо способностей и заключалась в том, что Хансон хотел прийти к власти легальным способом. Пока он верит, что это ему удастся, он не возьмет ее силой. Так донесла Мелтби его служба. На этой информации он и создавал тончайшую паутину правды и лжи.

Дрехан задумался над тем, что услышал, потом сказал:

— Последний ультиматум обеспокоил правительство тем, что создает идеальную возможность для гибридников. Одним ходом они могут получить то, за что сражались в прошлом поколении. Достаточно просто выдать нас.— К этому Мелтби ничего не мог добавить, кроме своей версии предыдущей лжи.

— По-моему, результат голосования достаточно точно характеризует настроения гибридников.

Наступила пауза, и Мелтби задумался, в чем истинная цель этого разговора. Не собирались же они поверить ему на слово. Дрехан откашлялся.

— Капитан, я много слышал о так называемом двойном разуме гибридников, но никто не мог сказать мне; в чем он заключается. Вы можете объяснить это?

— Собственно, это не имеет значения,— Мелтби спокойно солгал в третий раз.— Думаю, эта боязнь, рожденная во время войны, связана с ожесточением последних схваток. Вы знаете, как выглядит нормальный мозг: неисчислимые клетки, где каждая соединена с соседними. На этом уровне мозг гибридника ничем не отличается от вашего. Спускаясь же на уровень ниже, мы находим в каждой клетке гибридника цепочки длинных двойных молекул. Ваши не соединены в пары, его — соединены.

— Но что это дает?

— Делианскую сопротивляемость попыткам сломить волю и неделианские возможности творческого труда.

— Это все?

— Это все, что я знаю, сэр,— продолжал свою игру Мелтби.

— А что с парализующим гипнозом, которым они якобы обладают? Никто точно не знает, как он действует.

— Полагаю,— ответил Мелтби,— они использовали гипнотизирующие аппараты, но это уже совсем другое дело. Неизвестное часто вызывает страх.

Похоже было, что Дрехан принял решение. Он вручил радиограмму Мелтби.

— Это тебе,— сказал он.— Если это шифр, то мы не смогли его прочесть.

Действительно, это был шифр. Мелтби понял его с первого взгляда. Так вот в чем было дело. Сообщение гласило: «Капитану Питеру Мелтби, военный корабль «Атмион». Совет гибридников благодарит за посредничество в переговорах с правительством Пятидесяти Солнц. Договоренность будет полностью соблюдена. Гибридники хотят получить обещанные привилегии». Подписи не было. Значит, подпространственные передатчики «Атмиона» послали подписанную его именем просьбу. Придется сделать вид, что он ничего не понял.

— Я вижу, что здесь нет подписи. Ее опустили сознательно? — сказал он, как будто это действительно его интересовало.

Адмирал Дрехан выглядел разочарованным.

— Ты думаешь так же, как и я.

На мгновенье Мелтби стало жаль адмирала. Ни один делианин никогда не смог бы разгадать шифра этой депеши. Прочесть ее мож-

но было только имея два разума, привыкших сотрудничать. Обучение этому проводилось так рано, что Мелтби успел пройти его, прежде чем был схвачен двадцать лет назад. Суть сообщения заключалась в предупреждении, что меньшинство гибридников заявило о намерении установить контакт со «Звездным Роем» и уже неделю ведет кампанию для получения поддержки. Заявили они и о том, что привилегии получат лишь те, кто пойдет с ними.

Ему нужно было явиться туда лично. Но как? Его зрачки слегка расширились, когда он понял, что есть только одно доступное транспортное средство — корабль. Мелтби понял, что должен это сделать.

Он напряг мышцы по делианскому способу. Мгновенно оба разума его стали достаточно сильны и почувствовали близость чужой воли. Он подождал, пока чувство это станет частью его существа, и подумал: пустота! Мгновенье он не допускал к своим разумам мыслей, потом поднялся. Адмирал Дрехан тоже встал, точно так же, теми же самыми движениями, как будто мозг Мелтби двигал его мышцами. Да так оно и было. Адмирал подошел к пульту управления и коснулся переключателя.

— Машинное отделение,— сказал он и отдал приказ, поставивший «Атмион» на курс, который должен был привести его к тайной столице гибридников.

4

Первый капитан Лаурр прочла решение о «снятии с должности», и ее охватила ярость. Долгое время она сидела, сжав кулаки, наконец соединилась с капитаном Уэллесом. Лицо офицера замерло при виде женщины.

— Капитан,— сказала она с обидой,— я как раз прочла этот ваш документ с двадцатью четырьмя подписями.

— Полагаю, он отвечает уставу? — сухо спросил он.

— О, да, в этом у меня нет сомнений,— она только на мгновение потеряла контроль над собой.— Капитан, откуда эта отчаянная решимость немедленно вернуться домой? Жизнь — это нечто большее, чем устав. Перед нами открываются великие перспективы, неужели вы этого не понимаете?

— Благородная леди,— последовал холодный ответ.— Я вас очень уважаю. У вас огромные способности к руководству, но в то же время склонность к навязыванию своей воли. Вас удивляет и обижает, если другие думают иначе. Вы так часто правы, что вообще не верите в возможность совершения ошибки. Именно поэтому на нашем корабле тридцать капитанов, служащих вам советом, и при необходимости они могут, согласно уставу, снять вас с должности. Поверьте, все мы вас любим, но знаем и свои обязанности перед экипажем.

— Но вы же неправы! Мы можем заставить эту цивилизацию открыться... Капитан,— сказала она после паузы,— не могли бы вы один-единственный раз стать на мою сторону?

Она обратилась к нему с личной просьбой и почти тут же пожалела об этом. Ее просьба разрядила напряжение, он вдруг начал смеяться, попытался сдержать себя, но все было напрасно.

— Простите,— выдавил он.— Простите, ради бога.

— Что тут смешного?

Он, наконец, справился с собой.

— Снова «один-единственный раз». Леди Лаурр, неужели вы не помните ни одной из своих предыдущих просьб?

— Может, это и случилось пару раз...— осторожно сказала она, пытаясь вспомнить.

— Я не считал,— сказал капитан Уэллес,— но ошибусь не намного, если скажу, что за время экспедиции вы обращались к нам приватно или как первый капитан раз сто, и всегда с просьбой поддержать какой-нибудь ваш замысел. Но в этот, один-единственный раз закон будет применен против вас. И вы чувствуете себя обиженной этим.

— Я не обижена, я...— она замолчала.— Вижу, этот разговор ни к чему не ведет. По какой-то причине вы решили, что шесть месяцев это вечность.

— Дело не во времени, а в цели. Вы слепо верите, что можно найти Пятьдесят Солнц, разбросанных среди ста миллионов других. Вероятность же этого один к двум миллионам. Если вы этого не видите, мы вынуждены снять вас с должности, невзирая на наше личное к вам отношение.

Первый капитан чувствовала, что теряет почву под ногами. Спор приобретал невыгодный для нее оборот. Нужно было более детально представить свои аргументы.

— Капитан,— медленно сказала она,— это не математическая проблема. Если бы мы надеялись только на этот шанс, ваша позиция была бы непоколебима. Но наша надежда — психология.

— Те из нас, кто подписал решение, сделали это не с легким сердцем. Мы рассматривали и психологический аспект дела,— невозмутимо ответил капитан Уэллес.

— На каком же основании пренебрегли им? От невежества? — слова прозвучали довольно резко, и капитан Лаурр заметила, что собеседник раздражен. Голос капитана Уэллеса зазвучал официально.

— Мы с беспокойством отметили у вас склонность прислушиваться только к мнению лейтенанта Неслор. Ваши беседы с ней всегда тайна. Мы никогда не знаем, о чем вы говорите, и можем судить об этом только по вашим поступкам.

Это замечание поразило ее.

— Признаться, никогда не думала об этом так. Я просто обраща-

лась к главному психологу корабля, кстати, это предусмотрено уставом,— попыталась она защищаться. Капитан Уэллес не обратил на это внимания.

— Если мнение лейтенанта Неслор так ценно, она должна стать капитаном и иметь возможность предоставлять нам слово.— Он пожал плечами и прежде, чем она успела открыть рот, добавил: — Не говорите, что сделаете это немедленно. Даже если никто не будет против, для такого перевода нужен месяц, после чего новый капитан еще два месяца изучает процедуру на собраниях, не принимая участия в обсуждении.

— Вы не согласны на эти три месяца отсрочки? — мрачно спросила леди Лаурр.

— Нет.

— А если решить этот вопрос, минуя уставную процедуру?

— Только при срочной необходимости. Но это просто ваш каприз — поиски пропавшей цивилизации. Ее будет искать, и со временем найдет, специально отправленная экспедиция.

— Значит, вы настаиваете на своем решении?

— Да.

— Хорошо. Голосование через две недели. Если я проиграю и если ничего не случится, мы возвращаемся домой,— она махнула рукой, давая понять, что закончила разговор.

Отныне борьба должна вестись в двух плоскостях. Во-первых, это спор с капитаном Уэллесом и большинством в четыре пятых, во-вторых, попытки заставить жителей Пятидесяти Солнц выйти из укрытия.

Она вызвала связь. Отозвался капитан Герсон.

— Есть ли контакт со следящим за нами кораблем Пятидесяти Солнц?

— Нет. Я уже докладывал вам об уходе их корабля из поля наблюдения. До сих пор нам не удалось его заметить. Вероятно, они найдут нас завтра, когда мы сообщим наши координаты.

— Прошу известить меня об этом.

— Конечно.

Потом она соединилась с Арсеналом. Немедленно отозвался дежурный, но она терпеливо ждала, пока вызвали капитана боевых секций.

— Сколько выпущено бомб? — спросила она.

— Всего семь.

— Все наугад?

— Это простейший способ. Вероятность защищает нас от попадания в планету, на которой может существовать жизнь.

Она согласилась, хотя по-прежнему была обеспокоена. Наконец заговорила, чувствуя потребность очередного объяснения ситуации.

— Разум мой с этим согласен, но сердце...— она замолчала.—

Одна ошибка, капитан, и мы предстанем перед военным судом.

— Я знаю это, леди. Этот риск связан с моей должностью.— Он заколебался, но продолжал: — По-моему, мы прибегли к очень опасной угрозе, опасной для нас. Людей нельзя подвергать таким нажимам.

— За это отвечаю я,— коротко сказала она.

Закончив разговор, она принялась ходить взад-вперед по комнате. Две недели! Казалось невозможным, чтобы что-то произошло за это время. Через две недели, согласно ее плану, только-только начнется психологическое давление на делиан и неделиан. Мысль об этом напомнила ей кое-что. Быстро подойдя к трансмиттеру материи, она настроила его и через мгновенье оказалась в главной библиотеке, в личном кабинете ее заведующей, которая сидела за столом.

— Джейн, у вас есть материалы о делианских волнениях в...— начала она безо всякого вступления.

Библиотекарша вздрогнула и привстала в кресле, но тут же плюхнулась обратно.

— Глория, моя смерть будет на твоей совести. Можно ведь сказать хотя бы «привет».

Первый капитан почувствовала раскаяние.

— Прости. Меня захватила одна мысль. Но есть ли...

— Да, есть. Если подождешь минут десять, получишь все материалы. Ты уже ужинала?

— Ужинала? Нет. Конечно, нет.

— Мне нравится, как ты это говоришь, а зная тебя, я точно знаю, что это значит. Что ж, пошли со мной, разумеется, на ужин. И не будет разговора ни о каких делианах, пока мы не закончим есть.

— Это невозможно, Джейн. Нельзя терять ни минуты времени...

Библиотекарша встала из-за стола, обошла его и крепко взяла леди Лаурр за руку.

— Ах, нельзя терять... Тогда запомни: ты не получишь от меня никакой информации, пока не съешь ужин. И можешь ссылаться на свои законы и уставы, меня это не волнует. А теперь пошли.

Капитан Лаурр еще поспорила, но вскоре сдалась. Открыть людям глаза было выше ее сил. Вздохнув, она расслабилась.

— Спасибо тебе, Джейн. Я просто мечтаю о бокале вина,— утомленно сказала она. Пожалуй, можно расслабиться на часок, но действительность никуда не исчезнет. Она должна найти Пятьдесят Солнц теперь уже по причине, которая постепенно созревала в ее мозгу со всеми последствиями.

После ужина они разговорились о цивилизации Пятидесяти Солнц. Исторический экскурс оказался очень прост и ясен. Пятнадцать тысяч лет назад Джозеф М. Делл изобрел первый вариант трансмиттера материи. Устройство требовало синтеза некоторых видов тканей, особенно внутренних желез, исследовать которые было

трудно. Поскольку человек мог войти с одной стороны, а через секунду выйти в тысяче миль оттуда, не сразу заметили исключительно тонкие изменения, происходящие с людьми, пользовавшимися методом телепортации. Нельзя сказать, чтобы они теряли что-то, хотя поздние делиане всегда имели меньше творческих способностей. В некоторых отношениях они даже кое-что приобрели. Делианин легче переносил нервные стрессы, его физическая сила превышала самые фантастические мечты человека. Он мог увеличить ее до сверхъестественных пределов, используя странный процесс усиления внутренних напряжений мышц. Испуганные люди назвали их роботами. Ненависть людей к ним настолько возросла, что был период, когда на улицах безумствовали толпы, убивая делиан. Сторонники их среди людей убедили правительство позволить им эмигрировать, и до последнего времени никто не знал, куда они бежали.

Выслушав рассказ до конца, Благородная Глория Сесилия сидела, погруженная в свои мысли.

— Ты немногим помогла мне, — сказала она, как будто рассуждая сама с собой. За исключением нескольких мелких деталей, все это она знала. Собеседница внимательно смотрела на нее.

— Глория, ты что-то задумала. Ты всегда так выглядишь, когда у тебя есть какой-то план.

Тут она попала в десятку. Первый капитан поняла, что было бы опасно раскрывать свои замыслы. Люди, пробующие подогнать факты к своей теории, не заслуживают звания ученых. Часто она сама с неприязнью относилась к офицерам, выражавшимся неконкретно.

— Просто я собираю всю доступную нам информацию. Когда где-то за пределами мира в течение ста пятидесяти веков существует какая-то мутация, нужно учитывать все возможности. Мы не можем ничего упустить.

Библиотекарша кивнула. Наблюдая за ней, леди Лаурр решила, что объяснение удовлетворило ее, а мгновенная вспышка интуиции прошла бесследно. Она встала. Продолжать рисковать было неразумно. В другой раз все могло пойти гораздо хуже. Попрощавшись, она вернулась к себе и, подумав, решила поговорить с Центром Биологии.

— Доктор,— начала она,— недавно я передала вам информацию о делианах и неделианах с Пятидесяти Солнц. Как вы считаете, от смешанных браков могли рождаться дети?

Биолог был флегматичным человеком и каждое слово произносил медленно, с благоговением.

— История говорит — нет.

— А что скажете вы?

— Я считаю, что это вполне могло быть.

— Это я и хотела узнать,— торжествующе сказала первый капитан.

Возбуждение полученным ответом улеглось гораздо позднее, когда она ложилась спать. Лежа в темноте, она всматривалась в пространство. Великая ночь вокруг чуть изменилась. Светящиеся точки группировались иначе, и без увеличения она не могла бы утверждать, что действительно находится в Большом Магеллановом Облаке. Одиночных звезд было не более сотни. В некоторых местах затуманенный свет указывал на присутствие сотен тысяч, может быть, миллионов звезд. Машинально она потянулась к регулятору увеличения и повернула его до отказа. Теперь на нее смотрели миллиарды звезд. Она видела близкие огни неисчислимых звезд Облака и беспредельность спирального завитка главной галактики, усеянной теперь огоньками, которые невозможно было сосчитать. А ведь все, что она могла охватить взглядом, было лишь точкой во вселенной. Откуда это взялось? Десятки тысяч поколений людей жили и умирали, а ответа так и не предвиделось. Переключив увеличение на ноль, она вновь вернула вселенную в рамки своего разума. Широко открыв глаза, она думала: допустим, возник гибрид делианина с неделианином. Какие это может иметь последствия для меня? Представить это было трудно.

Спала она беспокойно.

Утром за скромным завтраком она осознала, что осталось всего тринадцать дней. Это буквально потрясло ее. Вставая от стола, она думала о том, что живет в мире мечтаний. Если она не будет действовать решительно, предприятие, в которое она втянула свой большой корабль, вскоре развалится. На командном мостике она вызвала Связь.

— Капитан,— сказала она офицеру, ответившему на вызов,— находится ли корабль Пятидесяти Солнц в пределах поля верхнего резонанса нашего корабля?

— Нет, леди.

Это была неприятность. Сейчас, когда она приняла решение, ее раздражала каждая неувязка.

— Как только заметите его, доложите руководству боевых секций.

— Слушаюсь.

Теперь настала очередь Арсенала. Офицер, мужчина с гордым лицом, проглотил слюну, когда она объяснила ему, чего хочет.

— Но ведь это выдаст наше самое грозное оружие,— запротестовал он.— Предположим...

— Мы ничего не будем предполагать! — в бешенстве воскликнула она.— В этой ситуации нам нечего терять. Нам не удалось выманить флот Пятидесяти Солнц, поэтому я приказываю схватить этот корабль. Вероятно, все его навигаторы получат приказ совершить самоубийство. Но это мы предотвратим.

Офицер сморщил лоб, обдумывая ее слова, наконец кивнул.

— Опасность заключается в том, что кто-нибудь вне поля может обнаружить его и исследовать. Но если вы считаете, что стоит рискнуть...

Благородная Глория занялась другими делами, но в глубине сознания постоянно помнила об отданном приказе. Никаких новых сведений не было. Не в силах сдержать нетерпение, она вновь соединилась со Связью. Однако корабль Пятидесяти Солнц не появился. На четвертый день даже разговаривать с первым капитаном «Звездного Роя» было невозможно. Но и этот день не принес перемен.

5

— Планета под нами! — сказал адмирал Дрехан. Мелтби проснулся и мгновенно с кошачьей ловкостью вскочил на ноги. По его командам корабль снизился с высоты десяти тысяч миль до тысячи, а потом до ста миль от поверхности. Мелтби изучил район на экране. Затем, хотя он никогда не бывал здесь, память услужливо показала ему фотокарты, виденные очень давно. Теперь «Атмион» направлялся ко входу крупнейшего из туннелей, ведущих к тайной столице гибридников.

Для уверенности он в который уже раз проверил, не видят ли младшие офицеры на своих экранах того, что происходит (под его гипнозом находились четырнадцать высших по званиям и должностям офицеров), и смело направил корабль в туннель. Предводители поддерживающих его группировок были предупреждены о прибытии по радио и заверили, что все будет готово. Однако всегда есть вероятность неудачи.

Вокруг них сомкнулась темнота пещеры. Глядя в ночь перед кораблем, Мелтби положил пальцы на выключатели прожекторов. Внезапно где-то внизу, вдали, сверкнул огонь. Убедившись, что он не гаснет, Мелтби нажал выключатель. Тотчас вспыхнули прожектора, освещая пещеру от пола до потолка. Корабль двинулся вперед, все дальше уходя в глубь планеты. Прошел час, но конца пути не было видно. Туннель извивался то влево, то вправо, то вверх, то вниз. Несколько раз ему казалось, что они возвращаются той же дорогой. Он мог бы следить за курсом по курсографу, но еще до того, как «Атмион» приблизился к планете, его попросили не делать этого. Ему сказали, что никто среди живых не знает, где под оболочкой планеты находится столица. Остальные города гибридников были укрыты точно так же.

Прошло двенадцать часов. Дважды Мелтби передавал управление адмиралу, чтобы немного поспать. Сейчас корабль вел он, а Дрехан спокойно спал в углу на койке.

Тридцать часов! Утомленный непрерывным напряжением, он

разбудил Дрехана, а сам лег. Однако едва он закрыл глаза, как тот доложил:

— Перед нами огни, капитан.— Мелтби бросился к приборам, и через пару минут восьмидесятитысячный город был под кораблем. Его предупредили, что никогда корабль такого размера не преодолевал лабиринта, поэтому он будет предметом интереса всех группировок. Включив обычное радио, он прошелся по волнам и услышал: «...итак, Питер Мелтби, наш наследный вождь, временно завладел военным кораблем «Атмион», чтобы лично убедить тех, кто...» Мелтби выключил приемник. Людей извещали о его прибытии.

Осмотрев город в поисках дома Ханстона, он узнал здание по полученному описанию и остановил «Атмион» точно над ним. Потом сконцентрировал стену энергии на ближайшем перекрестке, и тут же расставил другие барьеры, пока полностью не отрезал весь район. Люди могли войти в него, понятия не имея о ловушке, но выхода уже не было. Невидимая снаружи, изнутри стена светилась красным цветом и прикосновение к ней грозило мощным электрическим ударом. Поскольку Ханстон жил в своей квартире, ускользнуть он не мог.

Мелтби не надеялся, что эта акция решит дело — борьба шла за политическую власть. Применение силы могло повлиять на ее ход, но решить все окончательно только оружием было невозможно. В этой пробе сил сам способ его прибытия давал его противникам мощный аргумент. Смотрите — наверняка скажут они — один гибридник сумел овладеть военным кораблем. Это ли не доказательство нашего превосходства?

Им, чье тщеславие подавлялось в течение четверти века, подобные аргументы ударяли в голову. На экране появились небольшие корабли, и он установил с ними связь. Это прибывали руководители поддерживающих его группировок. Вскоре он мог наблюдать, как послушный его воле адмирал лично сопровождает их к шлюзу. Через несколько минут он уже пожимал руки людям, которых видел впервые в жизни. Почти тут же началась дискуссия о стратегии и тактике. Кое-кто из новоприбывших считал, что Ханстона нужно ликвидировать, но большинство высказывались за его изоляцию. Мелтби выслушивал каждого, понимая, что видит перед собой лучших судей. Однако, с другой стороны, постоянный контакт с опасностью действовал на их нервную систему. Мелтби даже допускал, что он, следящий за событиями со стороны, может занять более объективную позицию. Тем временем с обеих сторон посыпались вопросы:

— Действительно ли Пятьдесят Солнц смогут укрыться от земного корабля?

— Не заметил ли ты признаков депрессии?

— Почему скрыли от людей второй ультиматум?

— Только ли один военный корабль следит за «Звездным Роем»?

— Какая цель в этом наступании врагу на пятки?

— В каком положении окажемся мы, если Пятьдесят Солнц вдруг установят контакт с этим кораблем?

Припертому к стене, ему потребовалось время, чтобы понять, что вопросы образуют логический круг и что за этим кроется недоразумение. Он поднял руку.

— Господа, вам явно не дает покоя вопрос, сможем ли мы появиться на сцене и использовать ситуацию, если другие изменят свои намерения. Дело здесь вообще не в этом. Наша позиция заключается в том, что мы будем твердо стоять за Пятьдесят Солнц, невзирая на их решение. Мы действуем как подразделение организации, а не ведем игру для получения выгод больших, чем нам предложены. Я знаю, что вы находитесь между молотом и наковальней,— закончил он уже не так сурово.— Поверьте, я высоко ценю ваше мнение, но мы должны сохранить единство. Использовать таким образом критическую ситуацию просто неэтично.

Мужчины переглянулись. Некоторые, особенно молодые, были недовольны, как будто проглотили горькую пилюлю. Однако в конце концов все согласились пока поддержать план Мелтби.

— Что делать с Ханстоном?

— Я хочу с ним поговорить,— коротко ответил Мелтби.

Коллинз, старший из друзей отца Мелтби, несколько секунд изучал его лицо, затем вышел в радиорубку. Когда он вернулся, лицо его было бледно.

— Он отказывается прибыть сюда. Говорит, что если ты хочешь с ним увидеться, то должен спуститься к нему. Питер, это оскорбление.

Мелтби и глазом не моргнул.

— Скажи ему, что я сейчас у него буду,— он улыбнулся, видя их обеспокоенные лица.— Господа, этот человек сам идет к нам в руки. Передайте по радио, что перед лицом опасности я спущусь на землю во имя дружбы и солидарности. И пусть в сообщении чувствуется легкое беспокойство за мою безопасность. Только не переборщите. Разумеется, пока корабль контролирует положение, со мной ничего не случится. Однако, если через полтора часа я не вернусь, попробуйте со мной связаться. А потом, шаг за шагом, начиная с предупреждения, приближайтесь к открытию огня.

Вопреки внутреннему убеждению, его охватило ощущение странной пустоты и одиночества, когда его катер сел на крышу дома Ханстона. Ханстон был высоким мужчиной за тридцать, с иронической усмешкой на лице.

— Я хотел вырвать тебя из лап наших болтунов, цепляющихся за твою штанину,— спокойно сказал он.— «Оскорбление величия» не входило в мои планы. Я хочу с тобой поговорить и думаю, что сумею тебя убедить.

Он говорил живо, однако представлял устаревшие аргументы о принципиальном превосходстве гибридников. Говорил с глубоким убеждением, и под конец Мелтби пришел к выводу, что главной бедой этого человека было отсутствие информации о внешнем мире. Он слишком долго прожил в замкнутом кругу тайных городов гибридников, слишком много лет провел, думая и рассуждая без связи с действительностью. Несмотря на все остроумие, у Ханстона был провинциальный интеллект. Закончил он свой монолог вопросом:

— Ты веришь, что Пятьдесят Солнц могут укрыться от цивилизации Земли?

— Нет,— честно ответил Мелтби.— Я верю, что со временем они нас найдут.

— И все же выступаешь за молчание?

— Я выступаю за ясность ситуации и верю, что разумнее соблюдать осторожность перед контактом. Может, мы даже сможем скрываться лет сто или больше.

Ханстон молчал. На его красивое лицо наползла гримаса.

— Я вижу,— сказал он,— у нас разные взгляды.

— Возможно, наши планы на будущее совпадают,— с нажимом сказал Мелтби.— Может, это только различие методов при стремлении к одной цели.

Лицо Ханстона посветлело.

— Если бы я мог в это поверить,— он замолчал, глаза его сузились.— Я хотел бы услышать ваше мнение о будущей роли гибридников в цивилизации.

— Если им будет дан шанс и они воспользуются легальным способом,— спокойно ответил Мелтби,— то, несомненно, выйдут на передовые позиции. Не используя возможностей своего разума господствовать над другими, они подчинят себе сначала Пятьдесят Солнц, а затем центральную галактику. Но если когда-нибудь на своем пути к власти над вселенной они воспользуются силой, то будут уничтожены до последнего человека.

Глаза Ханстона сверкнули.

— И как долго, по-твоему, нужно этого ждать?

— Это может начаться при твоей и моей жизни, а потребует по крайней мере тысячи лет, в зависимости от того, как быстро делиане и люди будут соединяться между собой, ведь сейчас, о чем тебе, конечно, известно, потомство в таких браках запрещено...

Ханстон мрачно кивнул.

— Меня неверно информировали. Ты — один из нас.

— Нет! — решительно запротестовал Мелтби.— Не путай стратегию и тактику. В данном случае это разница между жизнью и смертью. Даже намек на то, что в будущем мы собираемся захватить власть, испугает людей, относящихся к нам сейчас благосклонно. Если мы выразим наше единство с ними, то это будет хорошим нача-

лом. Если же мы займем оппортунистическую позицию, тогда немногочисленная раса сверхлюдей, представителями которой мы оба являемся, рано или поздно будет уничтожена.

Ханстон вскочил на ноги.

— Я согласен и пойду с тобой. Подождем еще немного.

Для Мелтби, который считался с возможностью применения силы, это была удивительная победа. Он верил, что Ханстон говорит правду, однако не собирался верить ему только на слово. Этот человек может изменить мнение, как только исчезнет угроза со стороны «Атмиона». Он открыто высказал это Ханстону и закончил:

— В данной ситуации я должен просить твоего согласия на шесть месяцев ареста вдали от твоих соплеменников. Это будет просто домашний арест. Ты даже можешь забрать жену. Если за это время Пятьдесят Солнц свяжутся с земным кораблем, ты будешь немедленно освобожден. Ты будешь скорее гостем, чем пленником. Даю тебе двадцать четыре часа на размышление.

По дороге к кораблю, который должен был доставить его на «Атмион», никто не пытался его задержать. Ханстон отдался в их руки под конец двадцатичетырехчасового срока. Он поставил только одно условие: детали его домашнего ареста должны быть объявлены по радио. Вот так получилось, что Пятьдесят Солнц могли пока не опасаться обнаружения, поскольку было ясно, что один корабль без их помощи не найдет ни одной планеты так хорошо замаскированной цивилизации.

За это Мелтби был спокоен. Однако оставалась проблема неизбежного обнаружения через пару лет, когда из главной галактики придут другие корабли. Неожиданно именно теперь, когда самая большая опасность миновала, он начал беспокоиться за будущее. Ведя боевой корабль Пятидесяти Солнц обратно, Мелтби обдумывал, что мог бы сделать он для обеспечения безопасности людей из Большого Магелланова Облака. Он пришел к выводу, что кто-то должен изучить размеры опасности, и содрогнулся при мысли о том, каким образом это возможно сделать. Однако вскоре он понял, что лишь он является тем человеком, которому это по силам. Он все еще думал, как сдать свой корабль, когда зазвучали сигналы тревоги.

— Леди Лаурр, чужой корабль в поле верхнего резонанса.

— Берите его!

6

Мелтби не знал точно, как это получилось. В первые мгновения атаки противника он подумал, как было бы хорошо, если бы их поймали. Потом, когда притягивающий луч ухватил «Атмион», было уже

слишком поздно сигнализировать. Что-то происходило с Мелтби: он физически ощущал, будто его засасывает смерч, судороги чередовались с расслаблениями тела, как будто растягивалась материя, из которой он состоял. Что бы это ни было, все прекратилось, как только излучение зацепило военный корабль Пятидесяти Солнц и потащило его в пространство.

С бьющимся сердцем Мелтби следил за измерительными приборами, надеясь хоть приблизительно оценить размеры корабля противника. Прошли минуты, прежде чем он начал понимать, что это невозможно, ибо даже ближние звезды в беспредельной ночи выглядели как светлые точки.

Сомнения его получили подтверждение. «Атмион» был еще в нескольких световых минутах от своего победителя, когда острая, кошмарная боль пронзила мышцы Мелтби. Он еще успел подумать: «Парализующий луч», и свалился в судорогах на пол рубки.

Очнулся он с убеждением, что должен овладеть ситуацией, какова бы она ни была. Он догадывался, что у них есть способы заставить его говорить. Нужно было учесть даже возможность поражения его мощного двойного разума, если только они начнут подозревать, на что он способен. Расслабив мышцы век, он незаметно открыл глаза. В это же мгновение где-то рядом заговорил мужчина странным, но понятным языком:

— Отлично. Теперь через шлюз.

Мелтби открыл глаза, но успел узнать знакомое помещение «Атмиона». Видимо, шел процесс введения боевого корабля Пятидесяти Солнц внутрь вражеского. Факт, что он по-прежнему лежал там, где упал, в рубке, означал, что ни офицеры, ни экипаж «Атмиона» не были еще допрошены. Мелтби охватило возбуждение. Неужели все так просто? Неужели просто достаточно подчинить своей воле каждого человека, который окажется в пределах действия его двойного разума? Неужели это все возможно?

Да, это было возможно. Мелтби, как и всех остальных, вели коридорами, уходящими далеко вперед. Вооруженные члены экипажа земного корабля, мужчины и женщины, шли впереди и замыкали длинную колонну пленных. Так это выглядело внешне. Настоящими же пленниками были офицеры, командующие конвоем. В нужную минуту командир, крепкий молодой мужчина лет тридцати, спокойно приказал главной колонне идти дальше, а Мелтби и остальные офицеры астрогации и метеорологии свернули в боковой коридор к большому апартаменту с несколькими спальнями.

— Здесь вам будет хорошо,— уверенно сказал землянин.— Мы принесем подходящие скафандры, и вы сможете ходить по кораблю, сколько вам будет угодно. Только не говорите много с нашими людьми. У вас здесь есть все типы диалектов, но ни один не похож

на ваш. Мы не хотим, чтобы вас заметили, поэтому будьте осторожны!

Мелтби успокоился. Пришло время познакомиться с кораблем и порядками на нем. Теперь он не сомневался, что тот огромен и что на борту его больше людей, чем может контролировать один гибридник. Возможно, здесь были ловушки для любопытного пришельца, но при любом исследовании риск неизбежен. Как только он получит общее представление о корабле и его устройстве, он быстро сориентируется в незнакомой обстановке.

После ухода стражников он принял участие в посещении офицерами кухни. Как он и ожидал, здешние продукты немногим отличались от их собственных. Когда все досыта наелись, Мелтби с необыкновенной серьезностью познакомил их с ситуацией. Он прекрасно понимал, что вступает в опасную игру. Офицеры были умными людьми, и, если хоть один из них свяжет их пленение с борьбой жителей Пятидесяти Солнц против гибридников, его рапорт ужаснет командование больше, чем земной корабль.

С облегчением приветствовал он офицера, вернувшегося со скафандрами. Проблема контроля над разумом землянина в присутствии людей Пятидесяти Солнц была очень деликатной. Это требовало, чтобы сама «жертва» поверила в рациональные причины своего нелогичного поведения. Этот офицер земного корабля свято верил, что должен сделать все, чтобы заслужить себе благосклонность командиров захваченного корабля. Кроме того, ему казалось, что было бы глупо делиться этой информацией со своим командованием или разговаривать на эту тему с коллегами. В результате он был готов так проинструктировать своих людей, чтобы Мелтби и его товарищи могли ограниченно передвигаться по кораблю. Однако он не собирался сообщать им сведений о самом «Звездном Рое». В присутствии своих товарищей Мелтби поддерживал ограничения, но именно он отправился сопровождать офицера, когда тот удалился с сознанием исполненного долга. К огорчению Мелтби, человек этот не поддавался никакому влиянию, когда речь заходила о корабле. У него было желание помочь, но он был не в состоянии поделиться своими сведениями. Что-то удерживало его, какой-то внутренний запрет, возможно, тоже гипнотической природы. Наконец, стало ясно, что о некоторых вещах Мелтби придется посоветоваться со своими начальниками, которые имели свободу выбора. Младшие офицеры этой свободы не имели, а для анализа и ломки охранного барьера у Мелтби не было времени.

Он догадывался, что командование корабля заметило отсутствие астрогаторов и метеорологов с «Атмиона». Если бы он мог поговорить с женщиной, которая командует земным кораблем... Но это само по себе потребует других шагов. Может быть, бегства?

Хотя нельзя было терять времени, он потратил два часа на гипнотическую обработку некоторых офицеров с тем, чтобы по данному знаку они организовали их бегство. С целью получить добро ему каждый раз приходилось использовать настоящий или мнимый приказ высшего офицера. Из осторожности он объяснял, что «Атмион» будет освобожден для демонстрации дружелюбия относительно Пятидесяти Солнц, а затем доложил высшему по званию офицеру, что первый капитан хочет его видеть. Чем это могло закончиться, он имел самое туманное представление.

Лейтенант Неслор пришла на командный мостик и, сев на стул, вздохнула.

— Что-то здесь не так,— сказала она.

Первый капитан оторвалась от контрольного пульта и изучающе посмотрела на свою подругу. Когда молчание слишком затянулось, она раздраженно сказала:

— Наверняка некоторые люди с Пятидесяти Солнц знают, где находятся их планеты.

Психолог покачала головой.

— Мы не нашли на борту ни одного офицера астрогации. Остальные узники были удивлены этим не менее нас.

Первый капитан нахмурилась.

— Не понимаю,— медленно сказала она.

— Их пятеро,— продолжала лейтенант Неслор.— Всех видели за несколько минут до пленения «Атмиона». Теперь их нет.

Леди Лаурр среагировала мгновенно:

— Обыскать корабль! Объявить общую тревогу! — она замерла, полуобернувшись к контрольному пульту, и задумчиво посмотрела на психолога.— Вижу, ты не считаешь это лучшим способом.

— Мы уже имели дело с одним делианином,— последовал ответ.

Леди Глория вздрогнула. Воспоминание о Часовом Гиссер, схваченном на метеостанции, было еще живо.

— Что же делать? — спросила она.

— Ждать! У них должен быть план, независимо от того, каким способом они ускользнули от энергетических датчиков. Я хочу знать, что им нужно и что они ищут.

Первый капитан воздержалась от комментария.

— Разумеется, тебе нужна будет охрана,— сказала лейтенант Неслор.— Я беру это на себя.— Капитан Лаурр пожала плечами.

— Не могу представить, чтобы кто-то чужой мог надеяться попасть в мой апартамент. Если бы я когда-нибудь забыла систему, то даже не пыталась бы найти дорогу.— Она помолчала.— Это все, что ты советуешь? Только ждать развития событий?

— Да.

Молодая женщина покачала головой.

— Мне этого мало, моя дорогая. Полагаю, мои прежние приказы введены в действие и требуют безусловного выполнения.— Она резко повернулась к контрольному пульту. Через мгновенье на экране появилось лицо.

— Капитан,— сказала Глория,— что делает в эту минуту ваша полиция?

— Патрулирует и охраняет,— последовал ответ.

— С каким результатом?

— Корабль полностью защищен от случайного взрыва. Все бомбы под наблюдением, дистанционные датчики следят за главным входом. Ничто не может застать нас врасплох.

— Отлично,— сказала первый капитан Лаурр,— продолжайте службу.— Она отключилась и зевнула.— Думаю, пора спать. Спокойной ночи, дорогая.

Лейтенант Неслор поднялась:

— Я уверена, что ты можешь спать спокойно.

Она вышла.

Еще с полчаса капитан диктовала распоряжения для разных секций, указывая время передачи для каждого. Затем разделась, легла в постель и тут же уснула.

Внезапно она проснулась с чувством странного беспокойства. Как обычно, кроме бледного света от контрольного пульта, мостик был погружен в темноту, но вскоре она с удивлением поняла: в комнате кто-то есть. Она лежала совершенно неподвижно, чувствуя растущее напряжение, и вспоминала слова лейтенанта Неслор. Казалось невозможным, чтобы кто-либо, не знакомый с этим чудовищно большим кораблем, нашел ее так быстро. Глаза, привыкнув к темноте, различили человеческую фигуру в двух футах от кровати. Пришелец явно ждал, когда она его обнаружит. Видимо, он понял, что она не спит, потому что сказал:

— Не зажигайте света. И ведите себя спокойно.

Голос был мягкий, но это только убедило ее, что пришелец необыкновенно опасен. Его приказ задержал ее в постели и даже напугал. Она подумала, что успеет умереть прежде, чем кто-либо придет на помощь. Она могла только надеяться, что лейтенант Неслор не спит и все видит.

— С вами ничего не случится, если сделаете так, как я сказал,— снова заговорил мужчина.

— Кто ты?

Мелтби не ответил. Найдя стул, он сел на него. Положение было не из лучших: слишком много механических устройств находилось на борту этого военного корабля, чтобы он мог чувствовать себя в безопасности. Его могли схватить и убить без предупреждения. Не было никакой гарантии, что сейчас за ним не наблюдают

из какого-нибудь невидимого места, находящегося за пределами его контроля.

— С вами ничего не случится,— медленно начал он,— если вы сами не сделаете ничего явно враждебного. Я пришел сюда, надеясь услышать ответы на несколько вопросов. Чтобы вы успокоились, объясню, что я один из астрогаторов корабля Пятидесяти Солнц «Атмион». Не буду уточнять, как мы скрылись от вас, а разговариваю я с вами таким образом из-за вашей пропаганды. Вы были правы, полагая, что в народе Пятидесяти Солнц нет единства. Некоторые считают, что мы должны принять ваши условия. Другие боятся. Разумеется, этих боязливых большинство. Они и победили. Всегда кажется безопасней ждать и надеяться.

Он замолчал, мысленно анализируя свои слова, и, хотя мог сказать это мягче, слова содержали нужный смысл. Если люди с этого корабля вообще могут во что-либо поверить, так это в то, что он и ему подобные еще не решили, что им делать. Мелтби продолжал так же неторопливо:

— Я представляю группу, занимающую в этих событиях исключительное положение. Только астрогаторы и метеорологи с разных планет и кораблей могут указать вам положение обитаемых миров. Вероятно, десятки тысяч потенциальных предателей пожертвовали бы своими земляками для личной выгоды, но среди высококвалифицированного административного и военного персонала таких нет. Я уверен, вы прекрасно понимаете, что это значит.

По мере того, как Мелтби говорил, женщина постепенно расслаблялась. Его слова звучали разумно, его намерения выглядели странно, но вполне правдоподобно. То, что ее мучило, казалось мелочью в сравнении со всем происшедшим. Как он нашел дорогу к ее комнате? Каждый, менее ее знакомый с особенностями конструкции корабля, принял бы за факт присутствие гостя и этим ограничился. Но она знала цену вероятности, о которой шла речь. Как если бы он прибыл в чужой город, где жило тридцать тысяч человек, и прямо направился в квартиру человека, с которым хотел повидаться. Она едва заметно покачала головой, отбрасывая такую возможность, и стала ждать продолжения. В своей безопасности она была уверена и, кроме того, с каждой минутой все больше убеждалась в том, что лейтенант Неслор на посту. Может, она даже что-нибудь узнает.

— Мы должны кое-что знать,— говорил Мелтби.— Решение, которое нужно вам от нас, трудно принять, поэтому мы стараемся отсрочить его. Нам было бы гораздо легче, если бы вы вернулись в главную галактику и прислали сюда другой корабль когда-нибудь в будущем. Тогда у нас было бы время приготовиться к неизбежному, и никому не пришлось бы выдавать своих земляков.

Глория кивнула. Это она могла понять.

— Что ты хочешь знать? — спросила она.

— Как долго вы были в Большом Магеллановом Облаке?

— Десять лет.

— Как долго собираетесь здесь оставаться?

— На это я ответить не могу,— сказала первый капитан. Ее поразило, что слова эти правдивы, хотя бы в отношении ее. Голосование должно было состояться через два дня.

— Советую ответить на мой вопрос,— сказал Мелтби.

— А если не отвечу? — при этих словах рука ее, незаметно двигавшаяся к маленькому пульту на краю кровати, достигла цели. Она торжествующе нажала одну из кнопок и тут же расслабилась. Из темноты донесся голос Мелтби:

— Я решил позволить тебе это. Надеюсь, теперь ты почувствуешь себя в безопасности.

Его спокойствие удивляло ее, но он просто не знал, что она сделала. Глория холодно объяснила, что привела в действие комплекс регистрирующих датчиков. С этой минуты они будут следить за ним своими электронными глазами. Всякая попытка использовать энергетическое оружие столкнется с противодействием. Она тоже не могла использовать оружия, но решила не упоминать об этом.

— Я вовсе не собираюсь пользоваться оружием,— сказал Мелтби.— Но хотел бы, чтобы ты ответила на мои вопросы.

— Хорошо,— голос ее звучал спокойно, но в ней поднималась волна раздражения против лейтенанта Неслор. Чего она ждет, черт побери?

— Насколько велик ваш корабль? — спросил Мелтби.

— Длина его тысяча пятьсот футов, а экипаж состоит из трех тысяч человек.

— Это очень большой корабль,— цифры поразили Мелтби, и он задумался, насколько она преувеличила.

Первый капитан молчала. На самом деле корабль был в десять раз больше, однако роль играли не размеры корабля, а его вооружение. Она была почти уверена, что спрашивающий даже не догадывается, настолько велик наступательный и оборонный потенциал корабля, которым она командовала. Всего несколько высших офицеров имели представление о характере некоторых систем, которые она могла использовать. Офицеры эти должны сейчас находиться под непрерывным контролем дистанционных датчиков.

— Еще меня интересует, как мы были пойманы. Ты можешь объяснить это? — услышала она голос Мелтби.

Итак, наконец, он дошел до этого. Капитан Лаурр повысила голос:

— Лейтенант Неслор?

— Да, леди,— последовал немедленный ответ из темноты.

— Тебе не кажется, что комедия затянулась?

— Действительно. Прикончить его?

— Нет. Теперь он ответит на некоторые вопросы.

И все же, спеша к трансмиттеру. Мелтби успел подчинить себе ее разум. За его спиной...

— Не стреляй! — крикнула Глория напряженным голосом.— Пропусти его!

Даже потом, анализируя свое поведение, она не сомневалась, что отдала этот приказ, чувствовала свой импульс, заставивший отдать его. Позднее она объясняла себе, что, поскольку пришелец не угрожал ее безопасности и был одним из таких нужных астрогаторов, уничтожение его было бы нерационально.

Мелтби спокойно покинул мостик и дал знак, который освободил «Атмион». Когда корабль Пятидесяти Солнц исчез вдали, офицеры земного корабля, согласно с последним приказом Мелтби, забыли о своем участии в его бегстве. С субъективной точки зрения этот побег был все, чего Мелтби достиг. Хотя само проникновение на вражеский корабль и уход с него были достаточно рискованным предприятием. Полученной информации было слишком мало, но он убедился, что они имеют дело с огромным кораблем. «Звездному Рою» нужно быть осторожным при встрече с флотом, но Мелтби не сомневался, что у противника есть оружие, позволяющее уничтожать по нескольку военных кораблей Пятидесяти Солнц одновременно. Более всего мучила его неизвестная еще реакция на этот инцидент со стороны офицеров экипажа «Атмиона» и вообще населения Пятидесяти Солнц. Для одного человека все это было слишком много.

События последовали не сразу. Мелтби прекрасно понимал, что адмирал Дрехан отправил рапорт правительству Пятидесяти Солнц. В следующие два дня ничего не произошло. На третий день они получили сообщение со «Звездного Роя» о резкой смене направления движения. Причина поворота была непонятна. На четвертый день на экране в каюте Мелтби появилось лицо адмирала Дрехана.

— Сообщение для всего экипажа,— сказал командир гробовым голосом.— Из главного штаба получено следующее извещение.— Он помолчал и прочел: — «Настоящим объявляется состояние войны между народами Пятидесяти Солнц и земным кораблем «Звездный Рой». Флоту отдан приказ преградить ему дорогу и начать битву. Корабли, неспособные продолжать сражение, при угрозе попадания в руки врага должны уничтожить звездные карты, а все офицеры метеорологии и астрогации на их борту должны покончить жизнь самоубийством. Волей суверенного правительства Пятидесяти Солнц пришелец должен быть уничтожен».

Мелтби побледнел и с напряжением слушал, как Дрехан продолжает:

— Я получил конфиденциальные сведения, что правительство сделало выводы из того факта, что «Звездный Рой» освободил «Атмион», чтобы избежать нашего гнева. На основании этого командование решило, что земной корабль можно уничтожить решительной атакой. Если мы точно выполним приказ, то даже перехват отдельных кораблей не даст врагу превосходства. Я уже назначил штрафные отделения для всех офицеров метеорологии и астрогации, если воля их в критический момент будет сломлена. Прошу помнить об этом.

Капитан Питер Мелтби, главный метеоролог «Атмиона» и его младший астрогатор, почувствовал тяжесть в желудке, когда понял, что ловушка захлопнулась. Он установил политику совместных действий с обитателями Пятидесяти Солнц. Теперь отступить от нее по личным причинам было невозможно. Единственная надежда была на то, что «волки пространства», как часто называли военные корабли, все вместе быстро расправятся с одним кораблем Земли.

7

Глория проиграла голосование со счетом 9:10 и мрачно отдала приказ возвращаться домой. Позднее в тот же день со Связи поступил запрос:

— Мы по-прежнему сообщаем данные о своем курсе?

На это ее власть еще распространялась.

— Конечно,— коротко ответила она.

На следующий день сигнал тревоги вырвал ее из сна.

— Тысячи кораблей прямо по курсу! — доложил оперативный дежурный.

— Боевая скорость! Все по местам! — скомандовала она.

После выполнения этих приказов, когда скорость корабля упала до тысячи миль в секунду, она выступила на совещании капитанов.

— Итак, господа,— сказала она, не скрывая своего восторга,— получу ли я разрешение принять бой с флотом непокорного правительства, которое доказало, что способно на любые поступки против земной цивилизации?

— Глория,— заметила одна из женщин,— не мучай нас. Это один из моментов, когда ты права.

Единогласно приняли решение начать схватку. После голосования возник вопрос:

— Уничтожим их или возьмем в плен?

— Возьмем в плен.

— Всех?

— Всех.

Флот Пятидесяти Солнц и земной корабль находились друг от друга в сорока миллионах километров, когда «Звездный Рой» поставил запирающее поле, охватившее значительную часть пространства. Оно образовывало собственную минивселенную с очень высокой степенью искривления. Корабли флота, мчащиеся вперед, возвращались на свои исходные позиции. Попытки вырваться из ловушки, набирая скорость больше скорости света, ни к чему не привели. Ракеты, выпущенные в центр этого поля, вернулись назад, и пришлось взорвать их в пространстве, чтобы они не поразили свои же корабли. Установить связь с планетами Пятидесяти Солнц было невозможно. Через четыре часа «Звездный Рой» привел в действие притягивающий луч. Один за другим корабли флота неумолимо приближались к гигантскому военному кораблю. Именно в этот момент офицерам метеорологии и астрогации были отданы суровые приказы.

На «Атмионе» Мелтби был одним из тех, кто побледнел, пожав руку адмиралу Дрехану, чтобы сразу после этого прижать к виску излучатель энергии. В последнюю секунду он заколебался. Он мог бы сейчас овладеть их разумом и спасти свою жизнь, но зло подумал, что это ни к чему не приведет. Открытие Пятидесяти Солнц неизбежно. Вопрос только в том, произойдет это раньше или позже, невзирая на то, как он поступит... Он подумал: «Именно такой шаг я и предлагал сделать гибридникам. Я должен быть с ними до конца в трудную минуту». Минута колебания кончилась, и он коснулся активатора оружия.

Когда технический персонал втянул на борт пойманные корабли, молодой женщине, первому капитану величайшего корабля, когда-либо долетавшего до Большого Магелланова Облака, доложили о самоубийствах. Ее охватила жалость.

— Оживить их всех! — приказала она.— Никто не должен умереть.

— Некоторые из них сильно повреждены. Они воспользовались излучателями энергии.

Она нахмурилась. Это означало большие дополнительные затраты.

— Глупцы! — сказала она.— Они почти заслужили смерть. Используйте все возможные средства. Если будет нужно, пропустите все корабли через трансмиттеры материи.

Вечером она сидела за столом, принимая донесения. К ней привели нескольких воскрешенных астрогаторов, и она допросила их с помощью лейтенанта Неслор. Еще до отбоя замаскированная цивилизация была обнаружена.

8

Газ дрейфовал миллион лет. Отбросы десяти тысяч солнц, диффузионные испарения погасших взрывов, стихших адских огней и ярости ста миллионов обезумевших солнечных пятен, без формы, без цели. Но это было только начало. Газ выползал в большую темноту. Он содержал кальций, натрий, водород и большинство других элементов, а скорость дрейфа доходила до двадцати миль в секунду. Время шло, а силы гравитации не ослабевали ни на секунду. Наконец огромная масса разделилась. Крупные скопления газа приобрели видимость формы, двигаясь все дальше и дальше, пока не достигли места, где когда-то тысячи пылающих звезд «пересекли дорогу» главного потока межзвездной материи. Первый удар оживил огромные скопления. Облака негатонов, как кавалерия, врезались в массу позитронов чужой материи, напирающей с такой же стремительностью. Мгновенно легкие орбитальные позитроны и негатоны исчезли в яркой вспышке, превратившись в интенсивное излучение. Родился шторм. Ободранные ядра материи звезд несли теперь страшные неуравновешенные отрицательные заряды, отталкивающие электроны, но притягивающие атомные ядра межзвездной материи. Со своей стороны ядра этой материи притягивали дополнительные нуклоны. Результат движения зарядов был невообразимо страшен. Две противостоящие массы напирали и клубились в катаклизме взаимной реакции. Сначала они двигались в противоположных направлениях, затем все более становились объединенным кипящим смерчем. Неясное сначала, новое направление вскоре твердо обозначилось, после чего фронтом шириной в десять световых лет со скоростью немногим меньше скорости света шторм двинулся дальше. Он захватывал звезды и выплевывал их за собой, и только бомбардировка космическим излучением указывала на то, что они являются центром невидимого атомного опустошения. На четыреста девятнадцатый год своего существования шторм в долю секунды пересек орбиту Новой и разошелся не на шутку.

На трехмерной карте Центральной Метеорологической Секции Главного Штаба на планете Кайдер III шторм был закрашен оранжевым цветом, что означало величайший из более чем четырехсот штормов, буйствовавших в районе Большого Магелланова Облака, занятом Пятьюдесятью Солнцами. Он выглядел, как неправильное пятно, достигавшее широты 473, долготы 228, центр 190 парсек в специфическом масштабе Пятидесяти Солнц, деления которого не имели никакой связи с магнитным центром Облака. Сообщение о Новой не было еще нанесено на карту. Когда это произойдет, пятно приобретет агрессивный красный цвет.

Мелтби стоял среди группы политиков у открытого окна и смотрел на земной корабль. Он выглядел всего лишь серебристой тенью в глубине неба, но зрелище это притягивало пораженные взгляды всех мужчин. Мелтби же был спокоен. Забавно, что жители Пятидесяти Солнц в момент опасности призывают на помощь его. Он отвернулся от корабля и взглянул на тучного и потного председателя самоуправления Кайдера III. Сконцентрировав разум, привлек к себе взгляд этого человека. Советник, не подозревая о приказе, открыл рот.

— Вы поняли инструкции, капитан Мелтби?

Мелтби кивнул.

— Понял.

Это было слишком слабо сказано. Он принял их позицию, их цель за составную часть своей веры в то, что только сотрудничество обеспечит гибридникам надлежащее положение в цивилизации, в которой они выросли. А вот теперь запоздавшее сопротивление Пятидесяти Солнц обрекало ее на гибель. Впрочем, не ему, офицеру, подвергать сомнению их логику. Лаконичный ответ, должно быть, вызвал живые воспоминания. Жирное лицо затряслось, как студень, и покрылось новыми каплями пота.

— Капитан Мелтби, вы не можете отказать нам, просто не имеете права. Они попросили метеоролога, чтобы он провел их на Кассидор VII, резиденцию центрального правительства. Вы должны завести их в большой шторм на широте 473. Мы поручаем это вам, поскольку вы имеете двойной разум гибридников. Мы сожалеем, что в прошлом не всегда в полной мере оценивали вашу службу. Но, согласитесь, после войн с гибридниками вполне естественна была наша осторожность перед...

Мелтби прервал объяснения.

— Не о чем говорить,— сказал он.— По-моему, гибридники увязли в этом так же глубоко, как делиане и неделиане. Заверяю вас, что сделаю все, что в моих силах, чтобы уничтожить этот корабль.

— Будьте осторожны! — предостерег его советник.— В одно мгновенье он может превратить в пыль нас, нашу планету и наше солнце. Мы не думали, что Земля могла нас так опередить и создать такой мощный механизм. В конце концов, среди нас есть делиане, и, конечно, гибридники, которые могут заниматься наукой; кстати, первые уже тысячу лет ничего другого не делают. Не забывайте, что мы не просим вас рисковать своей жизнью. Этот военный корабль непобедим. Нам не сказали, как он перенесет настоящий шторм, но он наверняка перенесет. Однако все на борту потеряют сознание. Вы, как гибридник, придете в себя первым. Объединенные силы нашего флота, который, как вы знаете, освобожден, будут ждать вашего сигнала для абордажа. Это ясно?

Это было ясно с первой минуты, но у неделиан была привычка повторяться, как будто мысли теряли свою ясность в их головах. Когда двери большого зала закрылись за Мелтби, один из советников обратился к соседу:

— Ему сказали, что шторм прошел Новую?

Толстяк покачал головой. Глаза его сверкнули, и он спокойно ответил:

— Нет. Все-таки это один из гибридников. Несмотря на его заслуги, мы не можем ему полностью доверять.

9

Все утро поступали донесения. Некоторые указывали на продвижение вперед, другие были менее оптимистичными. Но задержки не портили ей настроения. То, что удача не покинула ее, было чудесно. Поступала информация, которая ее интересовала: население Кайдера III — два миллиарда сто миллионов; две пятых — делиане, три пятых — неделиане. Первые, так называемые роботы, превосходили вторых физически и психически, но были неспособны к творчеству. Неделиане доминировали в научных лабораториях. Сорок девять остальных солнц, у которых имелись населенные планеты, были названы в алфавитном порядке:

1. Ассора: широта 931, долгота 27, центр 201 парсек.
2. Атмион: ...

Список был бесконечным. Незадолго до полуночи Глория с холодным удивлением поняла, что из Метеорологии не поступает никаких сведений о штормах. Она набрала нужный номер:

— Что происходит, лейтенант Кэннонс? Твои ассистенты непрерывно копируют различные карты. Неужели без результатов?

Старик покачал головой.

— Как вы, конечно, помните, у первого схваченного нами робота было время послать предупреждение. Немедленно были уничтожены все навигационные карты на всех планетах Пятидесяти Солнц, торговые корабли лишены радиостанций для поддержания подпространственной связи, а военные получили приказ приземлиться на ближайшую планету и оставаться там до отмены приказа. По-моему, они сделали это еще до того, как стало очевидно, что их флот не имеет против нас никаких шансов. Теперь они дадут нам метеоролога, но нам придется пользоваться детектором лжи для проверки того, что он говорит.

— Понятно,— она улыбнулась ему.— Бояться нечего, они не посмеют открыто выступить против нас. Конечно, они что-то затеяли, но это уже ничего не изменит. Тот, кого они пришлют, должен говорить правду. Дайте мне знать, когда он явится.

Ленч она съела за письменным столом, глядя на изменяющиеся картины в астровизоре, прислушиваясь к звукам разговоров и мысленно составляя общую картину ситуации.

— Несомненно, капитан Таргесс,— не выдержала она наконец,— они лгут, как по нотам. Что ж, пусть будет так. Мы можем применить психологический тест для проверки достоверности наиболее важных сведений. Пока же самое главное — успокоить тех, кого вы собираетесь допросить. Постарайтесь убедить этих людей, что Земля принимает их как равных, без предрассудков какого-либо рода из-за их роботопроис...— она закусила губу.— Паршивое слово, самый худший вид пропаганды. Мы должны исключить его из нашей памяти.

— Боюсь, что из памяти его убрать не удастся,— пожал плечами офицер.

Она посмотрела на него, прищурившись, потом со злостью прервала контакт. Через минуту по корабельной сети было передано сообщение:

— Запрещается употреблять слово «робот»... никто из персонала... под угрозой штрафа...— закончив, она заблокировала свой запасной приемник и вызвала Центр Психологии.

На экране появилась лейтенант Неслор.

— Я только что прослушала ваш приказ,— сказала психолог.— Однако боюсь, что мы имеем дело с глубоко укоренившимися инстинктами — ненавистью или страхом перед неизвестным, чужим. Леди, наши предки в свое время считали себя лучше других из-за небольшой разницы в пигментации кожи. История говорит, что даже цвет глаз влиял на исторические решения. Мы плывем по очень глубоким водам, и, если в хорошей форме доберемся до порта, это будет главным итогом нашей жизни.

В голосе психолога звучал энтузиазм, обрадовавший первого капитана. Если она действительно что-то ценила, так это оптимизм людей, подходящих к препятствиям без тени сомнения в возможности их преодоления, с юношеским запалом и волей к победе. Закончив разговор, она улыбнулась. Эйфория прошла, осталась только проблема и холодный расчет. Ее проблема, только ее. Все офицеры аристократического происхождения имели неограниченные полномочия, и от них ждали, что они найдут выход из любой ситуации. Она вновь вызвала Метеорологию:

— Лейтенант Кэннонс, когда прибудет офицер флота Пятидесяти Солнц, прошу применить следующую тактику...

Мелтби движением руки отпустил машину. Она исчезла за углом, а он остался, угрюмо глядя на светящийся энергетический барьер, блокирующий уличное движение. Потом еще раз посмотрел на земной корабль. Теперь он висел точно над его головой и был невообра-

зимо высоко — длинная черная сигара. Независимо от высоты, он все равно превосходил размерами все, что когда-либо видели Пятьдесят Солнц — невероятное металлическое творение мира далекого, почти легендарного. Однако такова была реальность. Они будут проверять, подумал он, проводить анализ, прежде чем примут хотя бы цифру из предложенных им. Не то чтобы он сомневался в победе своего двойного разума, но нельзя было забывать, что пропасть, отделяющая уровень науки Земли от уровня науки Пятидесяти Солнц, уже успела неприятно поразить даже гибридников.

Мелтби осмотрел улицу. Из двух машин, стоявших посредине, поднимался к небу веер розового огня. Он был очень бледный и прозрачный, безусловно, электронной природы, и смертельный. За ним виднелись люди в блестящей униформе. Непрерывный поток этих людей тянулся от здания к зданию. Тремя кварталами дальше пылал второй занавес розоватого огня. По бокам никакой охраны не было. Люди были свободные, уверенные в себе. До него донесся гул голосов, приглушенный смех; причем, как и на борту «Звездного Роя», там были не только мужчины. Когда он подошел, по ступеням ближайшего здания спустились две красивые женщины. Охранник окликнул их, и до Мелтби донесся звон серебристого смеха. Смеясь, они пошли дальше, а он вдруг почувствовал возбуждение. Какое-то необычное настроение шло от этих людей из дальних краев, из огромных и чудесных миров, лежащих далеко за пределами Пятидесяти Солнц. Его бросило в холод, потом в жар, наконец он поднял взгляд на невероятно большой корабль, и холод вернулся... Один, подумал он, но настолько могучий, что флот тридцати миллиардов людей оказался бессильным перед ним. Они...

Он вдруг заметил, что его разглядывает один из эффектно одетых стражников. Он поднес ко рту передатчик, укрепленный на запястье, и через минуту, прервав разговор с каким-то солдатом, подошел другой человек и спросил Мелтби через лучевую завесу:

— Тебе что-то нужно? Или ты просто хочешь посмотреть?

Мелтби понял, что не чувствует страха перед этими людьми. Сам план захвата корабля опирался на его глубокое убеждение в неуязвимости роботов в том смысле, что никакая сила не сможет извести их до конца. Он спокойно объяснил свое присутствие.

— Ах так,— сказал мужчина — мы ждем тебя. Я должен немедленно проводить тебя к нашему метеорологу. Минуточку...

Лучевой занавес исчез, и Мелтби провели к одному из зданий. Они двинулись по длинному коридору, в котором где-то находился работающий трансмиттер, потому что вдруг Мелтби оказался на корабле, в обширном помещении. В антигравитационных пюпитрах стояло с полдюжины карт. Свет сочился из миллионов маленьких точек на стенах. Всюду, куда он смотрел, виднелись на планшетах светящиеся кривые с резкими контурами. Проводника нигде не бы-

ло, зато вместо него к Мелтби подошел высокий седой мужчина. Старец протянул руку.

— Меня зовут Кэннонс, метеоролог. Мы разрабатываем орбиту, и через час корабль будет готов в путь. Наш первый капитан очень спешит.

Мелтби небрежно кивнул, но внутренне он был крайне напряжен. Он стоял совершенно неподвижно, изучая окружающее своим проницательным делианским разумом в поисках энергетических узлов, которые выдавали тайные попытки наблюдения или контроля за его мыслями. Однако ничего подобного не сумел обнаружить. Он улыбнулся: неужели все было честно? Было, черт побери!

10

Опускаяєь в кресло, Мелтби почувствовал внутреннюю собранность. Радость жизни горела в нем, как огонь. Это было возбуждение перед битвой, и он радовался, что может его удовлетворить. За время своей долгой службы во флоте Пятидесяти Солнц он сталкивался с враждебностью и подозрениями и все потому, что был гибридником. В этих случаях он всегда чувствовал себя бессильным. Теперь он встретился с более глубокой враждебностью и подозрительностью, которые сжигали все вокруг. Но на этот раз он мог бороться. Он мог смотреть этому дружелюбному старцу прямо в глаза и... Дружелюбному?

— Мне смешно,— говорил землянин,— думать о научных аспектах орбиты, которую мы должны выбрать. Например: с каким опозданием доходят ваши рапорты о штормах?

Мелтби не смог скрыть улыбки. Значит, лейтенант Кэннонс хочет все знать. Признаться, начало было обещающим. Единственный способ задать вопрос — это... это просто задать его.

— Три-четыре месяца,— ответил он.— Ничего особенного. Каждому космическому метеорологу нужно примерно столько времени для проверки границ данного шторма в своем районе. Потом он докладывает, и мы исправляем свои карты. К счастью,— произнося эту ложь, он закрылся своим вторым разумом,— между солнцами Кайдер и Кассидор нет больших штормов. Но все же эта пара солнц не позволяет двигаться прямо,— продолжал он, проскакивая мимо правды.— Поэтому, если вы покажете мне несколько своих орбит для двух тысяч пятисот световых лет, я выберу лучшие.— Он сразу понял, что это важнейшее дело не выйдет у него так просто.

— Нет штормов? — повторил старик и сжал губы. Морщины на его вытянутом лице, казалось, стали глубже. Он выглядел обеспокоенным, и ясно было, что он не ожидал такого однозначного от-

вета.— Гмм, нет штормов. Это бы упростило все дело, не так ли? Он замолчал.— Знаете, для двоих людей, выросших в разных культурах, очень важно, чтобы они нашли общую точку зрения. Пространство весьма велико. Даже такая относительно небольшая звездная система, как Большое Магелланово Облако, так протяженна, что мы не можем ее охватить. Мы десять лет изучали Облако и можем без запинки сказать, что оно занимает шестьдесят миллиардов кубических световых лет и содержит сто миллиардов звезд. Мы нашли магнитный центр Облака, установили нулевую линию от центра до ярчайшей звезды С Дорадус. Сейчас, мне кажется, даже могут найтись люди настолько глупые, чтобы утверждать, что эта система детально изучена.

Мелтби молчал, поскольку был именно таким глупцом. Это было предупреждение. Ему прямо говорили, что они могут проверить любую предложенную им орбиту. Впрочем, это значило гораздо больше. Это указывало на то, что Земля находится накануне захвата власти над Большим Магеллановым Облаком. Уничтожение этого корабля даст Пятидесяти Солнцам отсрочку, в течение которой они должны будут решить, что делать дальше. Но в конечном итоге это ни к чему не приведет. Придут другие корабли, неумолимый натиск огромной популяции главной галактики протянется еще дальше в пространство. Всегда под контролем, под опекой мощной армады непобедимых кораблей через Облако пойдут огромные транспорты, и каждая планета, каждый уголок признает власть Земли. Земная империя не потерпит независимости других народов, в какой бы форме она ни проявлялась.

Хорошо, что он не строил свой план уничтожения корабля на орбите, ведущей внутрь звезды. Их магнитые замеры локализовали все звезды. Но ни через десять, ни даже через сто лет один корабль не сможет уловить все шторма на расстоянии в две с половиной тысячи световых лет. Если их психологи не познают специфики его двойного разума, он действительно выполнит поручение правительства Пятидесяти Солнц. Мелтби верил в удачу.

Лейтенант Кэннонс повозился с экраном орбит, и на нем закружились и замигали световые линии. Наконец они остановились, как шары в тотализаторе, и Мелтби выбрал шесть, ведущих прямо в шторм. Через десять минут он почувствовал легкую дрожь, когда корабль начал движение. Он встал, нахмурившись. Странно, что они начали действовать без проверки его...

— Сюда,— сказал старик.

Это не может так кончиться, подумал Мелтби. Теперь они возьмутся за него и...

Вдруг мысли его отключились. Он внезапно ощутил себя летящим в пространстве. Далеко-далеко внизу виднелась удаляющаяся планета Кайдер III. С одной стороны поблескивал огромный мрач-

ный корпус военного корабля, а с трех остальных сторон были звезды и беспредельное пространство. Несмотря на усилие воли, он испытал невыразимый шок. Его действующий разум как будто скрутило судорогой. Он зашатался и упал бы, если бы не то, что, сделав попытку удержаться на ногах, обнаружил, что крепко стоит на них. Все его существо охватило беспокойство. Он инстинктивно вывел из летаргии свой второй разум и выдвинул его вперед, поставив его делианскую силу на защиту своего второго «я» от того, что могли сделать ему люди. Откуда-то из центра темноты и горящих звезд донесся голос первого капитана, леди Лаурр:

— Итак, лейтенант Неслор, принес ли сюрприз свои плоды?

— Через три секунды, леди, его сопротивляемость подскочила до индекса интеллектуальности 900. Это означает, что они прислали нам делианина. А ведь вы специально подчеркнули, что их представитель не должен быть делианином.

— Вы в принципе ошибаетесь,— быстро сказал Мелтби в окружающую его темноту.— Я не делианин, и уверяю вас, что понижу свой индекс интеллектуальности до нуля, если вам так хочется. Я инстинктивно реагировал на сюрприз, по-моему, это вполне нормально.

Что-то щелкнуло, и иллюзия пространства и звезд исчезла из поля зрения. Мелтби констатировал то, о чем уже начал догадываться: он ни на секунду не покинул метеолаборатории. Рядом, со сдержанной улыбкой на морщинистом лице, стоял тот же патриарх метеорологии. На возвышении сидела красивая молодая женщина. Старик торжественно произнес:

— Ты находишься перед первым капитаном, Благородной Глорией Сесилией, Леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров. Веди себя подобающе.

Мелтби склонился в поклоне, но не сказал ни слова. Первый капитан искоса поглядывала на него; на нее явно произвела впечатление его внешность. Высокий, великолепная фигура, сила, интеллект... Одним взглядом она охватила все черты, общие для высокоразвитого человека и... робота. Эти люди могли быть более опасны, чем она думала.

— Как ты знаешь, мы должны тебя допросить,— сказала она.— Мы не хотим тебе зла. Ты сказал, что Кассидор VII, главная планета Пятидесяти Солнц, находится в двух с половиной тысячах световых лет отсюда. Обычным путем мы потеряли бы много лет, ища дорогу через такое огромное пространство не изученной, заполненной звездами галактики. Но ты представил нам на выбор орбиты. Мы должны убедиться, что они безопасны, что за ними не кроется никакой хитрости или желания нанести нам вред. С этой целью мы просим тебя открыть свой разум и ответить на наши вопросы под непрерывным психологическим контролем.

— Мне приказано сотрудничать с вами во всем,— сказал Мелтби.

Ему было интересно, что он почувствует сейчас, когда подошло время испытания. Однако ничего необычного не было. Его тело стало менее подвижным, зато разум... Он ушел вглубь, предоставив отвечать на вопросы делианскому разуму, который сознательно держал вдали от собственных мыслей. Удивительный разум, не имеющий собственной воли, не управлявшийся дистанционно, реагировал с индексом интеллекта 191. Иногда он пользовался своим вторым разумом, который не имел творческих способностей, зато отличался компьютерной памятью, а сопротивляемость его внешнему нажиму, как это быстро установила психолог, превышала девятьсот. Точнее, она соответствовала индексу интеллекта 917.

— Как тебя зовут? — начался допрос.

Фамилия, звание, должность; он отвечал на все спокойно, решительно, без колебаний.

Когда он кончил и подтвердил под присягой правдивость своих слов о штормах, воцарилась мертвая тишина. Наконец, из ближней стены вышла женщина средних лет. Она указала ему на стул и, когда он сел, наклонила его голову и начала обследование. Она делала это осторожно, ее пальцы ласково касались его, но когда она заговорила, слова ее прозвучали резко:

— Ты не делианин, и не неделианин. Молекулярная структура твоего мозга и тела самая удивительная из всех, которые я когда-либо видела. Все частицы соединены парами. Однажды нечто подобное мне повстречалось в искусственной электронной системе, когда мы пытались уравновесить нестабильное поле. Сравнение не точно, но... мгм... я должна вспомнить результат того эксперимента.— Она помолчала.— Как ты это объяснишь? Кто ты?

Мелтби вздохнул. Еще раньше он решил, что в главном он не солжет. Для двойного разума это не имело значения, но ложь действовала на легкие колебания давления крови, вызывала нервные судороги и нарушала гармонию мышц. А рисковать сейчас нельзя было ни в коем случае.

— Я — гибридник,— объявил он и коротко рассказал, как сто лет назад совершилось невозможное прежде соединение делиан и неделиан. Применение «холодного давления»...

— Минуточку,— извинилась психолог и исчезла. Когда она вновь вышла из трансмиттера, она продолжала что-то обдумывать.— Кажется, он говорит правду,— неохотно сказала она.

— Что это значит? — воскликнул первый капитан.— С момента встречи с первым человеком Пятидесяти Солнц Центр Психологии сомневается в каждом своем выводе. А я-то считала психологию единственной совершенной наукой. Либо он говорит правду, либо лжет.

Психолог выглядела очень несчастной. Она довольно долго разглядывала Мелтби и наконец, обращаясь к своему командиру, сказала:

— У его мозга двойная структура. Я не вижу причин откладывать полное ускорение.

«Наконец я нашла то, что искала»,— подумала Глория. Действительно связь делианина с неделианином дала потомство. Пока она не знала, что это может значить, и сказала вслух с легкой улыбкой:

— Приглашаю капитана Мелтби на обед. Он, конечно, не откажется от сотрудничества в дальнейших исследованиях, которые ты захочешь провести позже. А пока прошу проводить его к нему в каюту.— Она повернулась к коммутатору.— Центральные двигатели ускорить до половины светового года в минуту по следующей орбите...

Мелтби слушал, считая в уме. Половина светового года в минуту. Достижение такой скорости займет кое-какое время. И... через восемь часов они влетят в шторм. Восемь часов!

После ухода Мелтби леди Лаурр невесело расспрашивала свою подругу:

— Ну и как? Что ты об этом думаешь?

— Трудно поверить, что они отважатся выкинуть какой-нибудь номер на этом этапе,— в голосе психолога была сдержанная ярость.

Первый капитан задумчиво сказала:

— У них здесь довольно сложная система. Единственные заслуживающие внимания карты находятся на планетах, а люди, умеющие их читать, на кораблях. На основании закодированной информации от людей, не умеющих читать карты, астрогаторы производят свои вычисления. Единственным способом проверить правдивость капитана Мелтби являются психологические тесты. Как и прежде, я надеюсь на тебя...

Несомненно, они что-то задумали, но мы не можем допустить, чтобы нас парализовал страх. Несомненно, мы сможем выбраться из любой ловушки, в которую они нас втянут, пусть даже с помощью силы. Пока же ничего не упусти. Не спускай глаз с этого человека. Бегство «Атмиона» по-прежнему загадка.

— Я сделаю все, что в моих силах,— ответила психолог.

11

Столкновение потоков материи Новой с уже разогнавшимися газами вызвало новый шторм. Гигантское солнце, взорвавшись, усилило диффузию, все перепутало и добавило еще один смертельный фактор, а именно: скорость! Столкновения превзошли своей

стремительностью запас прочности материи. Первым мчался свет Новой, неся пылающее предостережение со скоростью более ста восьмидесяти шести тысяч миль в секунду всем тем, кто знал, что возникло у передовой линии межзвездного шторма. Но этот предупреждающий блеск нивелировала колоссальная скорость шторма. Недели и месяцы мчался он сквозь бесконечную ночь со скоростью чуть меньше скорости света.

Посуда после обеда была убрана. Через полчаса, подумал Мелтби. Полчаса! Содрогаясь, он пытался представить, что, собственно, происходит с кораблем, внезапно соприкоснувшимся с тысячами гравитонов торможения. Вслух же он сказал:

— Мой день? Я провел его в библиотеке. Меня заинтересовала новейшая история земной колонизации космоса. Мне интересно, какая судьба постигла расы, подобные гибридникам. Я говорил вам, что после войны, проигранной главным образом оттого, что их было так мало, гибридники скрылись от Пятидесяти Солнц... Я был одним из пойманных детей, которых...

Его прервал крик из коммутатора:

— Благородная леди, я нашла решение!

Прошла секунда, прежде чем Мелтби узнал возбужденный голос психолога. Он почти забыл, что она следила за ним. Следующие ее слова заставили его похолодеть.

— Два разума! Минуту назад я подумала об этом и смонтировала двойное контрольное устройство. Прошу спросить его о шторме и задержать корабль. Немедленно!

Взгляд Мелтби встретился со взглядом стальных прищуренных глаз первого капитана. Он тут же сконцентрировал оба своих разума и заставил ее сказать:

— Это несерьезно, лейтенант. Один человек не может иметь двух разумов. Объясни свою мысль.

Вся его надежда была на задержку. Было еще десять минут, в течение которых они могли спастись. Он должен был занять каждую секунду этого времени, помешать всем их усилиям, попытаться овладеть положением. Если бы только его трехмерный гипноз действовал через коммутаторы... Но он, увы, не действовал. Лучи света устремились к нему из стен и оплели его тело, приковали его к стулу огромным числом неразрывных пут. Когда руки и ноги его были связаны материализованной энергией, еще одно поле появилось перед его лицом, делая невозможным воздействие на первого капитана. Он был связан надежней, чем если бы дюжина мужчин силой и весом придавила его тело. Мелтби расслабился и засмеялся:

— Слишком поздно,— насмешливо сказал он.— Торможение до безопасной скорости потребует, по крайней мере, час, а при данной

скорости вы не можете вовремя повернуть, чтобы избежать крупнейшего шторма в этой части вселенной.

Это было не полной правдой. Было еще и время, и место, чтобы уйти от приближающегося шторма в направлении его движения. Невозможным был только поворот к хвосту шторма или его крыльям. В мысли Мелтби вмешался крик молодой женщины:

— Центральные двигатели! Уменьшить скорость! Тревога!

Последовало сотрясение, от которого закачались стены, и Мелтби почувствовал, как отрицательное ускорение растягивает его мышцы. Он подобрался, после чего взглянул через стол на первого капитана. Улыбка ее напоминала застывшую маску.

— Лейтенант Неслор, примени любые физические или иные средства, но заставь его говорить. Нужно что-то делать.

— Ключ ко всему — его второй разум,— раздался голос психолога.— Он не делианский и обладает нормальной сопротивляемостью. Я подвергну его сильнейшему давлению, которое когда-либо применялось к человеческому мозгу, используя два элемента: секс и логику. Как объект его чувств мне придется использовать вас, капитан.

— Торопись! — ответила молодая женщина. Голос ее был тяжел, как брусок железа.

Мелтби был погружен в темноту, психическую и физическую. Глубоко в его сознании таилась уверенность, что он существует и что неумолимые аппараты стараются вклиниться в его мысли. Он пытался бороться. Его сопротивление было сильно, как его жизнь: оно имело интенсивность миллиардов, триллионов импульсов, формировавших его тело. Но мысль-давление снаружи росла с каждой секундой. Как глупо с его стороны сопротивляться Земле, раз эта чудесная землянка любит его, любит, любит... Как прекрасна цивилизация Земли и главной галактики. Триста миллионов миллиардов людей. Уже сам вступительный контакт может преобразить Пятьдесят Солнц. Как она хороша! Я должен ее спасти. Она для меня все. Как будто издалека послышался его собственный голос, объясняющий, что нужно сделать, как повернуть корабль, в каком направлении, сколько осталось на это времени. Он пытался замолчать, но его голос продолжал неумолимо произносить слова, которые означали второе поражение Пятидесяти Солнц. Мгла начала редеть. Чудовищное давление на разум ослабело, и поток слов из его уст прервался. Мелтби выпрямился на стуле, весь дрожа. Первый капитан говорила в коммутатор:

— Совершить поворот на 0,0100. При этом мы обогнем шторм на расстоянии семи световых недель. Поворот будет опасно резким, но я чувствую, что по крайней мере настолько мы должны уклониться от курса.— Она повернулась и взглянула на Мелтби: —

Приготовься. При скорости в половину светового года в секунду поворот даже на сотую долю градуса вызывает у некоторых людей потерю сознания.

— Но не у меня,— ответил Мелтби и напряг свое делианское тело. За следующие четыре минуты она трижды теряла сознание, а он сидел, наблюдая за ней. Но каждый раз она приходила в себя через несколько секунд.

— Мы, люди,— сказала она, слабо улыбаясь,— существа хлипкие. Но, по крайней мере, стараемся это переносить.

Страшные минуты тянулись без конца. Мелтби начал чувствовать давление невообразимо резкого поворота. «Как эти люди могли надеяться пережить прямой удар шторма?» — пришло ему в голову. Вдруг все кончилось. Мужской голос спокойно произнёс:

— Мы завершили поворот, леди, и теперь находимся за пределами опас...— Он замолчал, а потом закричал: — Капитан, свет Новой вспыхнул со стороны шторма!

12

В эти минуты перед самой катастрофой военный корабль «Звездный Рой» ослепительно сверкал, как огромный драгоценный камень. Вспышка Новой вызвала неописуемый перезвон сигналов тревоги на всех его ста двадцати палубах. Огни вспыхивали от одного конца корабля до другого. В отблесках этих огней черный корпус выглядел, как цель их путешествия — прекрасная планета Кассидор, усеянная точками городов. Превосходящий всякое воображение, великолепный в своей силе, огромный корабль бесшумно, как привидение, двигался сквозь темноту вдоль той специфической реки времени и пространства, которая обозначала его направление. Даже когда он ворвался в центр бури, для глаза ничего не изменилось. Расстилающееся перед ним пространство было чисто, как всякая пустота. Газы, породившие шторм, находились в состоянии такого разрежения, что корабль не почувствовал бы их присутствия и при атомных скоростях. Дезинтеграция материи в этом шторме была весьма стремительной, а космическое излучение стало мощнейшим источником энергии в известной вселенной. Страшная, апокалиптическая опасность угрожала «Звездному Рою» из-за его собственной чудовищной скорости. Удар об эту массу газа со скоростью в половину светового года в минуту ничем не отличался от столкновения со сплошной стеной. Огромный корабль затрещал по швам, когда потеря скорости потрясла его могучую конструкцию. В одно мгновенье сила торможения превысила возможности систем, запроектированные конструктора-

ми корабля. Он начал разваливаться. Однако все происходило по оригинальному проекту известной фирмы, построившей его. Перейдя предел прочности, он разлетелся на девять тысяч самостоятельных сегментов. Как иглы обтекаемой формы, длиной в четыреста, а шириной в сорок футов, серебристые фигуры врезались в газ, уменьшая его давление на гладкие поверхности. Для спасения этого было недостаточно. Металл стонал от пытки трения. В тормозных камерах мужчины и женщины почти без сознания испытывали муки, сходные с агонией. Сотни сегментов корабля толклись в пространстве, избегая ударов с помощью автоматических экранов. Однако, несмотря на незначительное уменьшение скорости, масса газа не была преодолена, световые годы газа по-прежнему лежали перед кораблем. Жизненные силы людей были на пределе. Вновь на помощь им пришли автоматы.

В самом начале они раскрыли пол и уложили всех в тормозные камеры, спасая им жизнь, а теперь наполнили камеры специальным газом. Он был влажным и липким и толстым слоем оседал на одежде, просачивался к коже, а через нее в каждую клетку тела. Люди погрузились в сон, а вместе с ним пришло облегчение. Кровь стала лучше реагировать на сотрясения, расслабились мышцы, еще недавно скрученные судорогами, мозг пропитался живительной субстанцией. Человек стал чрезвычайно эластичным под гравитационным давлением: сто, сто пятьдесят гравитонов перегрузки, а жизнь по-прежнему держалась в его теле.

Огромное сердце вселенной пульсировало. Шторм мчался по своим артериям, рождая животворное излучение, очищая темноту от ее ядов, и наконец маленькие кораблики вырвались за его пределы. Тут же они начали собираться в группы, искать друг друга, как будто ими руководил инстинкт объединения. И вот уже военный корабль «Звездный Рой» начал принимать свою прежнюю форму. Однако в нем были незаполненные ячейки, ибо несколько частей потерялись.

На третий день исполняющий обязанности первого капитана Рутгерс вызвал уцелевших офицеров на передний мостик, где временно устроил свой штаб. После совещания было сделано сообщение для экипажа.

«Сегодня утром в 008 часов пришло сообщение от первого капитана Благородной Глории Сесилии, Леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров. Она совершила вынужденную посадку на планете какого-то желто-белого солнца. Корабль разбился при посадке и ремонту не подлежит. Поскольку единственной формой связи с ней являются подпространственные волны, локализация такого распространенного типа звезды среди миллионов других совершенно невозможна, и капитаны после долгого обсуждения вынуждены с горечью сообщить, что имя нашей Благородной Леди

увеличит длинный список жертв космоса, список тех, кто погиб при исполнении служебных обязанностей.

Флаг Адмиралтейства будет спущен до особого распоряжения».

13

Когда он подошел, она стояла, повернувшись спиной. Мелтби заколебался, потом сконцентрировал свой разум и задержал ее на месте у сегмента корабля, бывшего когда-то главным командным мостиком «Звездного Роя». Длинная металлическая сигара лежала, наполовину зарывшись в грунт большой долины. Один ее конец погрузился в сверкающую воду ленивой реки. Мелтби остановился в двух шагах от высокой, стройной женщины и, по-прежнему не выдавая своего присутствия, осмотрелся по сторонам. Мелкий дождь, сопровождавший его рекогносцировку, ушел за желтый край долины на западе. Маленькое желтое солнце выглянуло из-за занавеса темных охристых облаков и осветило его.

Мелтби вздохнул и, мысленно вернувшись к женщине, сделал так, чтобы она не видела, как он подошел к ней. Все это время он много думал о Глории Сесилии. Конечно, проблема мужчины и женщины, закинутых на удаленную планету и оказавшихся перед необходимостью провести остаток жизни вместе, была в принципе очень просто разрешима. Тем более, что один из этой пары был подготовлен для любви к другому. Он мрачно улыбнулся. Он прекрасно понимал, что источник этой любви искусственен, но это не уменьшало ее силы. Внушение психолога попало ему прямо в сердце. К сожалению, только ему. За два дня пребывания с ней наедине он обнаружил, что леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров и не думает поддаться естественному натиску этой ситуации. Пора сказать ей об этом. Не потому, что время торопит, а просто, чтобы она знала о существовании проблемы.

Он сделал шаг вперед и обнял ее. Высокая красивая женщина, как будто созданная для него, подчиняясь его воле, ответила на поцелуй со страстностью, которая превзошла все его ожидания. Он собирался освободить ее разум во время поцелуя, но не сделал этого. Когда он наконец отпустил ее, это был всего лишь пустой жест: ее разум был полностью подчинен ему.

Около дверей стоял металлический стул. Опустившись на него, он поднял взгляд на первого капитана. Пламя желания, вспыхнувшее в нем, выходило за пределы его прежней оценки интенсивности своего чувства. Он-то считал, что полностью владеет собой, но все было не так. Он так любил эту женщину, что одного прикосновения хватило, чтобы парализовать его волю.

Пульс возвращался к норме, а он тем временем с показным

равнодушием разглядывал ее. Красива — относительно правил красоты, хотя почти все женщины-делианки были красивы. Губы тонкие, показывающие твердость характера, и кроме того, во взгляде стальных глаз угадывалась жестокость. Этой женщине будет трудно примириться с судьбой пожизненного робинзона на неизвестной планете. Об этом нужно подумать. Пока же...

Со вздохом он освободил ее от трехмерного закрытия, из осторожности повернув сначала спиной к себе. Мгновенье она стояла неподвижно, потом направилась к небольшому холму, возвышающемуся над болотистой почвой. Поднявшись по склону, она посмотрела туда, откуда он пришел несколько минут назад. Она явно искала его. Наконец повернулась, заслоняя глаза от света заходящего солнца, спустилась вниз и тут заметила его. Медленно подошла и сказала неестественно резко:

— Ты очень тихо подошел. Должно быть, зашел с запада.

— Нет,— сказал он, подумав,— я был на востоке.

Она изучающе посмотрела на него, потом сжала губы, которые опухли от поцелуя.

— Ну и что? Нашел что-нибудь?

Она замолчала. Только тут она почувствовала, что губы опухли. Она коснулась их пальцами, и вдруг в глазах ее мелькнула догадка. Прежде чем она успела произнести хоть слово, он сказал:

— Да, совершенно верно.

Она неподвижно смотрела на него, сдерживая растущую ярость. Наконец заговорила каменным голосом:

— Попробуй еще раз, и я застрелю тебя, как собаку.

Мелтби без улыбки покачал головой:

— И одна проживешь здесь остаток своих дней? Ты бы сошла с ума.

Тут же он понял, что ее злость глуха к логике подобного рода, и торопливо добавил:

— Кроме того, тебе пришлось бы стрелять мне в спину. Не сомневаюсь, что ты сделала бы это из чувства долга. Но никогда по личным причинам.

К его удивлению на глазах у нее появились слезы. Конечно, плакала она от злости, но слезы-то были настоящие! Сделав шаг вперед, она влепила ему пощечину.

— Ты робот! — выкрикнула она.

Мрачно глядя на нее, он язвительно засмеялся:

— Если память мне не изменяет, дама, сказавшая это, была той особой, которая прочла торжественное воззвание для всех планет Пятидесяти Солнц, клянясь, что за пятнадцать тысяч лет земляне забыли обо всех своих предрассудках относительно роботов. Возможно ли,— закончил он,— чтобы при ближайшем рассмотрении проблема оказалась более сложной?

Ответа не последовало. Благородная Глория Сесилия промчалась мимо него и исчезла внутри корабля. Через несколько минут она вновь появилась, и Мелтби заметил, что она убрала с лица все следы слез.

— Что ты обнаружил во время обхода? Я оттягивала вызов корабля до твоего возвращения,— спокойно сказала она.

— Я думал, тебя просили о связи в 010 часов.

Женщина пожала плечами, а в голосе ее зазвучали дерзкие нотки:

— Они отзываются на мой вызов. Ты нашел какие-нибудь признаки разумной жизни?

Он позволил себе короткую роскошь сочувствия человеку, пережившему столько потрясений, как первый капитан Лаурр. Наконец заговорил:

— В основном болота и очень старые джунгли. И хотя некоторые деревья огромны, следов надрезов не видно. Попалось несколько странных зверей и четырехногое двурукое создание, которое разглядывало меня издали. У него было копье, но находилось существо за пределами гипноза. Где-то рядом должна быть деревня. Наверное, на краю долины. У меня появилась мысль: я разберу сегмент корабля на меньшие части и перенесу на твердую почву. Ученым с корабля я передал бы следущие данные: мы на планете солнца типа Г. Оно должно быть больше среднего желто-белого солнца и иметь большую температуру поверхности. Больше и горячее потому, что хотя и находится так далеко, дает достаточно тепла для существования полутропических условий на северном полушарии этой планеты. В полдень оно находилось далеко на севере, а теперь поворачивает на юг. На глаз планета должна иметь отклонение градусов сорок, что означает возникновение холодных ветров, хотя возраст и характер вегетации не подтверждают этого.

Капитан Лаурр нахмурилась.

— Это немного. Но, конечно, моя стихия — это командование.

— А моя — метеорология.

— Вот именно. Заходи. Может, мой астрофизик поймет что-нибудь из этого.

«Твой астрофизик!» — хотелось воскликнуть Мелтби, однако он промолчал. Войдя в корабль, он закрыл за собой дверь и с кривой улыбкой осмотрел внутренность командного мостика. Глория уселась перед астровизором. Даже приятный блеск пульта контрольных инструментов, занимавшего целую стену, выглядел сейчас бутафорским. Вся машинерия от этого пульта осталась далеко в космическом пространстве. Когда-то она царила в Магеллановом Облаке, а теперь его собственный пистолет был более мощным предметом. Он почувствовал на себе взгляд капитана Лаурр.

— Не понимаю,— сказала она.— Они не отвечают.

Мелтби не смог удержаться от насмешки.

— Может, у них есть действительно важная причина, чтобы поговорить с тобой в 010 часов.

Едва заметный тик свидетельствовал о ее раздражении, но она не произнесла ни слова.

— В конце концов, это не имеет значения,— холодно продолжал Мелтби.— Они и так применяют в подобных случаях обычную процедуру. Дело наверняка в изучении всех возможностей спасения. Однако я не могу даже представить средство, с помощью которого нас можно найти.

Казалось, она не поняла его. Все еще дуясь, она спросила:

— Как получилось, что мы никогда не слышали радиопередатчиков Пятидесяти Солнц? За эти десять лет в Облаке мы не поймали ни разу даже шороха радиопередачи.

— Все передатчики работают на неслыханно сложной, меняющейся волне с частотой изменения двадцать раз в секунду. Если бы ваши приборы отмечали щелчок каждые десять минут, то...

Закончить ему не дал голос из астровизора:

— Исполняющий обязанности первого капитана Рутгерс.

— О, наконец-то, капитан,— сказала женщина.— Что случилось?

— Мы высаживаем наши силы на Кассидор VII,— последовал ответ.— Как вам известно, устав требует, чтобы первый капитан...

— Да, да, конечно. Но теперь у вас есть время?

— Нет. Я вырвался на минутку, чтобы узнать, все ли у вас в порядке, и сейчас переключу вас на капитана Пленстона.

— Как проходит высадка?

— Идеально. Мы установили связь с правительством. Похоже, они сдались. К сожалению, мне уже пора идти. До свидания, леди.

Лицо исчезло с экрана, и он погас. Наверное, это было одно из самых коротких приветствий. Но Мелтби, погруженный в свои черные мысли, почти не заметил этого. Итак, все кончилось. Отчаянная хитрость Пятидесяти Солнц, его собственная попытка покушения на огромный военный корабль — все оказалось напрасным. С минуту он смаковал горечь поражения со всеми его последствиями, потом внезапно осознал, что в его жизни борьбы больше не будет. Но и это не улучшило его настроения. На красивом энергичном лице Благородной Глории Сесилии он заметил гримасу гордости, смешанной с раздражением: несомненно, она еще не чувствовала себя оторванной от событий, происходящих где-то в пространстве. Не осмыслила она и значения, которое имело внезапное прекращение разговора.

Экран вновь засветился, но этого лица Мелтби никогда не видел. Это был пожилой мужчина с квадратной челюстью и напыщенным голосом.

— Это большая честь для меня, леди; я надеюсь найти что-нибудь, что помогло бы вам спастись. Никогда нельзя терять надежды, пока, как говорится, не забьют последний гвоздь в твой гроб.

Он захохотал, а она сказала:

— Капитан Мелтби сообщит вам всю доступную ему информацию, а взамен вы наверняка дадите ему какой-нибудь совет, капитан Пленстон. К сожалению, мы оба не астрофизики.

— Невозможно знать всего,— заметил капитан Пленстон.— Ээ... капитан Мелтби, что вы узнали?

Мелтби коротко изложил то, что знал, после чего молча выслушал инструкции. Их было немного.

— Мне нужно знать продолжительность времен года. Очень странен этот желтый эффект солнечного света и темно-коричневый цвет. Сделайте фотографии на цветной пленке, пользуясь тремя красителями: красным, голубым и желтым. Исследуйте спектр света: меня интересует — нет ли там сильного голубого солнца, ультрафиолет которого задерживает густая атмосфера, а свет и тепло доходят до поверхности в желтых тонах. Откровенно говоря, особой надежды у меня нет: Большое Облако забито голубыми солнцами — пятьсот тысяч штук, все горячее Сириуса. Под конец хочу еще раз напомнить о временах года: расспросите об этом туземцев. Ни в коем случае не забудьте об этом. До свидания.

14

Туземец вел себя осторожно. Он непрерывно, но почти незаметно отступал к джунглям, а его четыре ноги давали ему превосходство в скорости. Он это прекрасно понимал, поэтому то и дело провоцирующе возвращался. Женщина смотрела на него сначала с интересом, потом с раздражением.

— А может,— предложила она,— разделимся, и я погоню его на тебя?

Он покачал головой и решительно ответил:

— Он заманивает нас в ловушку. Включи датчики в шлеме и держи оружие наготове. Стрелять не торопись, но и до последней минуты не тяни. Копье может нанести страшную рану, а у нас нет никаких лекарств.

Его приказной тон раздражал ее. Он как будто не видел, что она не хуже его разбирается в ситуации. Благородная Глория Сесилия вздохнула. Если им придется остаться на этой планете, не обойтись без принципиальных изменений личности, без психической подгонки и не только с ее стороны.

— Вот здесь! — услышала она рядом голос Мелтби.— Взгляни,

как разделяется этот овраг. Я был здесь вчера и знаю, что обе ветви вновь соединяются в двухстах ярдах отсюда. Он убежал налево, значит, я пойду направо. Ты останешься здесь, а когда он вернется, чтобы посмотреть, что случилось, погонишь его на меня.

Мелтби, как тень, удалился по тропинке, вьющейся под густым шатром зарослей. Воцарилась тишина. Она ждала. Через минуту ее охватило чувство одиночества в этом желто-черном мире, не знающем жизни с самого начала времени. Мысли клубились в ее голове. Вчера Мелтби имел в виду именно это, говоря, что она не отважится его застрелить и остаться одной. Тогда до нее не дошло, но сейчас она поняла. Покинутая на безымянной планете со слабым солнцем, одинокая женщина просыпается каждое утро в ветшающем корабле, мертвый металлический корпус которого лежит на болотистом темно-желтом грунте... Она стояла, задумавшись. У нее не было сомнений, что проблема делиан, гибридников и людей может найти решение и здесь, и в любом другом месте. Из задумчивости ее вырвал какой-то звук. Оглядевшись, она заметила голову, осторожно вынырнувшую из кустов на краю поляны, в ста шагах от нее. Интересная голова. Ее дикость зачаровывала не менее, чем остальные черты. Желтоватый торс закрывали заросли, но перед этим он показался целиком, и она узнала тип СС — обычного почти везде рода кентавров. Его тело было точно выверено на задних и передних конечностях. Разглядывавшие ее большие блестящие глаза округлились от удивления. Голова закрутилась из стороны в сторону, явно ища Мелтби. Глория Лаурр махнула пистолетом и двинулась вперед. Существо немедленно исчезло. Через датчики она слышала, как оно мчалось все дальше, потом замедлило бег, и наконец все стихло.

«Поймал,— подумала она, и это произвело на нее большое впечатление.— Эти гибридники с двойным разумом отчаянны и способны на многое. Жаль будет, если предрассудки помешают принять их в лоно галактической цивилизации Империи Земли».

Через пару минут она увидела его, разговаривающего с туземцем через блочную систему. Мелтби поднял голову, заметил ее и покачал головой с беспокойством.

— Он говорит, что всегда было так тепло, а живет он тысячу триста лун. Луна — это сорок солнц, то есть сорок дней. Он уговаривает нас немного пройти дальше, вглубь долины, но это шито белыми нитками. Нам нужно сделать осторожный дружеский жест и...— Слова вдруг замерли у него на губах.

Прежде чем она успела сориентироваться, его воля заставила ее рвануться в сторону. Она упала на землю и сильно ударилась. Уже лежа, оглушенная, она краем глаза успела заметить копье, прошившее воздух там, где она только что стояла. Повернувшись на спину — уже владея своей волей — она выхватила пистолет,

целясь туда, откуда прилетело копье. По голому склону галопом мчался второй кентавр. Палец ее лег на спуск, как вдруг...

— Нет! — это был голос Мелтби.— Они выслали разведчика, проверить, что происходит,— сказал он почти шепотом.— Он выполнил задание, и все кончилось.

Она опустила пистолет, недовольно констатировав, что рука ее дрожит. Точнее, она вся тряслась. Она открыла рот, чтобы сказать: «Спасибо за то, что спас мне жизнь», но тут же закрыла его, не издав ни звука. Голос тоже был бы дрожащим, а он действительно спас ей жизнь. Ее мысль повисла на краю бездны, шокированная сама собой. Трудно представить, но раньше никто в одиночку ей не был страшен. Она помнила случай, когда ее корабль влетел во внешнее кольцо звезды, или, к примеру, недавний катаклизм шторма. Обе эти опасности были безлики, их можно было победить с помощью техники и обученного экипажа. На этот раз было иначе. По дороге к кораблю она попыталась понять сущность этой разницы и, кажется, поняла.

— Спектр не отличается ничем особенным,— доложил Мелтби свои наблюдения,— полное отсутствие темных полос, зато две желтые настолько интенсивны, что ослепили меня. Вы были правы, это голубое солнце с сильным ультрафиолетом, задерживаемым атмосферой. Однако уникальность этого явления ограничивается нашей планетой, атмосфера которой необыкновенно густа. У вас есть вопросы? — закончил он.

— Нет! — астрофизик, казалось, что-то взвешивал.— И дальнейших инструкций у меня тоже нет. Нужно изучить этот материал. Не могли бы вы попросить к астровизору леди Лаурр? С вашего позволения, я поговорю с ней наедине.

— Пожалуйста.

Мелтби сидел снаружи, разглядывая восходящий месяц. Темнота — он заметил это еще прошлой ночью — создавала неуловимый, вездесущий фиолетовый полусвет. Ну, это-то ясно! При таком угловом размере солнца и таком его цвете температура на поверхности планеты составляла бы минус сто восемьдесят градусов, а не плюс восемьдесят. И, значит, одно из пятисот тысяч голубых солнц... Интересно, но...

Мелтби усмехнулся. «Нет дальнейших инструкций» капитана Пленстона несло в себе все признаки окончательного приговора, который... Он невольно вздрогнул и попытался представить себя через год, как и сейчас, вглядывающегося в неменяющийся месяц. Десять лет, двадцать... Тут он почувствовал ее присутствие. Уже некоторое время она стояла в дверях, глядя на него. Он поднял взгляд. Сноп белого света изнутри корабля придавал ее лицу какое-то странное выражение.

— Мы больше не услышим позывных корабля,— сказала она и, повернувшись, исчезла в кабине. Мелтби равнодушно кивнул головой. Прекращение связи было сурово и даже жестоко, но полностью отвечало уставу, где была предусмотрена подобная ситуация. Робинзоны должны раз и навсегда уяснить, что отрезаны бесповоротно. Что теперь и всегда могут надеяться только на себя. Что ж, пусть будет так. Факт остается фактом, и нужно принять его. В одной из книг, прочитанных на корабле, была глава о потерпевших катастрофу. В ней сообщалось, что истории известно девятьсот миллионов людей, которых судьба забросила на незнакомые планеты. Большинство этих планет в конце концов были найдены, и по крайней мере на десяти тысячах образовались большие сообщества. По закону каждый должен был способствовать росту популяции: и мужчины, и женщины, независимо от предыдущего положения. Робинзоны должны забыть о своих чувствах и собственном «я», а думать о себе, как об инструменте экспансии расы. Существовали даже наказания, конечно, невыполнимые, если помощь не пришла, но со всей суровостью применяемые к спасенным. Не исключено, что когда-нибудь суд решит, что человек и... ну что ж, робот это особый случай.

Он просидел так с полчаса, наконец поднялся, чувствуя голод. Он совершенно забыл об ужине и внезапно разозлился сам на себя. Черт побери, это не лучший момент для оказания на нее давления. Рано или поздно она сама убедится, что приготовление пищи ее обязанность. Но только не в эту ночь. Он поспешил к кораблю, в миниатюрную кухоньку, составляющую часть оборудования каждого сегмента. В коридоре он остановился: из-под кухонных дверей сочился свет, а внутри кто-то насвистывал без определенной мелодии, но весело. В воздухе пахло жареным мясом с овощами. Они почти столкнулись на пороге.

— А я хотела тебя позвать,— сказала она.

Ужин прошел в молчании. Сунув посуду в автомат, они сели на большой диван. Мелтби наконец заметил, что женщина как-то особенно смотрит на него.

— Есть ли шанс,— спросила вдруг она,— что у гибридника и женщины человеческой расы будут дети?

— Если говорить откровенно,— признался Мелтби,— я не очень верю в это.— Он принялся описывать процесс холодного давления, сопутствующий формированию протоплазмы, необходимой для возникновения гибридника, а когда закончил, она по-прежнему смотрела на него. Наконец заговорила:

— Со мной сегодня случилась очень странная вещь после того, как туземец швырнул копье. Я поняла,— ей было трудно подбирать слова,— поняла, что если говорить обо мне лично, то я решила проблему роботов. Разумеется,— спокойно продолжала она,—

я не стала бы противиться в любом случае, но мне приятно сознавать, что ты нравишься мне,— она улыбнулась,— нравишься безоговорочно.

15

Голубое и в то же время желтое солнце. На следующее утро Мелтби сидел на своем стуле, ломая над этим голову. Он ожидал визита туземцев, поэтому решил остаться в корабле. Размышляя, он не спускал глаз с краев поляны, границ долины, но...

Есть закон, вспомнил он, описывающий переход света в другие полосы спектра, например, желтые. Он довольно сложен, но поскольку всю аппаратуру командного мостика составляли контрольные приборы, нужно основываться на математике, если, конечно, пытаться установить, что это за солнце. Большая часть тепла скорее всего доходила до планеты в полосе ультрафиолета, но проверить это было нельзя. Значит, нечего забивать себе голову, лучше заняться желтой полосой.

Он вошел в корабль. Глории нигде не было видно, но дверь в ее спальню была закрыта. Он нашел блокнот, вернулся на свое место и принялся считать. Через час ответ был готов: миллион триста тысяч миллионов миль. Почти одна пятая светового года. Он сухо засмеялся: это было то, что надо. Хорошо бы иметь более полные данные или... А нужны ли они? Он вдруг замер. Неслыханная действительность обрушилась на него, и он с криком вскочил на ноги. Повернувшись, он уже хотел вбежать в корабль, как длинная черная тень закрыла небо. Тень настолько огромная и так быстро закрывшая всю долину, что Мелтби остановился и посмотрел на небо. Военный корабль «Звездный Рой» низко висел над планетой желто-коричневых джунглей, выпуская из себя спасательный катер. Прежде чем он приземлился, у Мелтби была минута для разговора с Глорией.

— Подумать только,— сказал он,— что секунду назад я сделал открытие.

Глория не смотрела на него. Взгляд ее был устремлен вдаль.

— Что касается меня,— продолжал он,— думаю, лучше всего засадить меня в камеру и...

— Не говори глупостей,— прервала она, по-прежнему не глядя на него.— Не думай, что я смущена оттого, что ты поцеловал меня. Я приму тебя в своей каюте, но позднее.

Ванна, чистая одежда, и наконец Мелтби через трансмиттер вошел в секцию астрофизики. Его собственное открытие шокирующего факта, в принципе правильное, требовало, однако, выяснения некоторых деталей.

— Мелтби! — шеф секции подошел к нему, протягивая руку.— Это солнце, которое ты отыскал... уже после первого описания желтизны и черноты у нас возникли подозрения. Но, конечно, мы не могли пробуждать ваши надежды. Это запрещено, как ты знаешь. Отклонение оси, несомненно долгое лето, за время которого у больших деревьев в джунглях не прибавилось слоев... это дало пищу для раздумий. А убогий спектр с полным отсутствием темных полос — это уже почти решение. Последнее доказательство мы получили, просматривая фильм, снятый на ортопленке, тогда как сине- и красночувствительные пленки были сильно недодержаны. Этот ряд звезды так горяч, что практически все излучение ее энергии происходит в ультрафиолетовом и инфракрасном диапазонах. Вторичное излучение — типа флуоресценции в атмосфере самой звезды — видимый желтый свет возникает, когда атомы гелия преобразуют ничтожную часть ультрафиолетового излучения в волны большей длины. В некотором смысле это флуоресцентная лампа, но превышающая средние космические размеры. Полное излучение, доходящее до планеты, было конечно, огромно, а присутствие на ее поверхности водяных паров, двуокиси углерода и иных газов — это совсем другое дело. Ничего удивительного, что туземец сказал, будто всегда было тепло. Лето длится уже тысячи четыре лет. Обычно излучение звезды такого типа почти равно излучению Новой в ее катастрофическом апогее активности. Радиация ее примерно соответствует радиации ста миллионов обычных солнц. Мы называем Новой О ярчайшую из всех звезд, а такая всего одна в Большом Магеллановом Облаке — это огромная и великолепная С Дорадус. Когда я попросил тебя позвать капитана Лаурр, то сказал ей, что среди ста миллионов солнц она выбрала...

Мелтби прервал его:

— Минутку, я не ослышался? Ты сказал, что сообщил это леди Лаурр прошлой ночью?

— Там внизу была ночь? — заинтересовался капитан Пленстон.— Да, при случае... чуть не забыл... Такие вещи, как женитьба, не имеют для меня большого значения... теперь, когда я стал стар, но все же поздравляю.

Мелтби не поспевал за ходом разговора. Разум его застрял на известии о том, что она обо всем знала. Услышав последние слова, он пришел в себя.

— Поздравляю? — повторил он.

— Самое время ей выйти замуж,— буркнул капитан.— Она всегда думала только о профессиональной карьере. Кроме того, это хорошо подействует на остальных роботов... прошу прощения. Поверь, название не имеет для меня ни малейшего значения. Так или иначе, сама леди Лаурр объявила об этом несколько минут

назад, так что заходи в другой раз.— Махнув на прощание рукой, он отошел.

Мелтби направился к ближайшему трансмиттеру. Она наверняка ждет его, и он не может испытывать ее терпение.

16

Бледно светящийся шар имел в диаметре около трех футов. Он висел в воздухе посредине кабины, и нижняя ее поверхность была на уровне подбородка Мелтби. Он нахмурился и, напрягши свой делианский разум, встал с кровати, сунул ноги в тапки и осторожно обошел светящийся предмет. Едва он оказался сзади, как шар исчез. Мелтби торопливо вернулся и вновь увидел его. Он позволил себе улыбнуться. Как он и предполагал, это была проекция из подпространства, направленная на его кровать, и не имеющая материального воплощения. Явление заинтриговало его. Если бы он не знал, что у них нет такого коммутатора, то думал бы, что сейчас его уведомят о наступлении времени действия. Ему очень хотелось думать, что это не так. До сих пор он ни на шаг не приблизился к решению. Однако кто бы еще мог пытаться добраться до него? Его охватило желание коснуться кнопки, соединявшей центр командования корабля с тем, что происходило в каюте. Не хотелось бы, чтобы Глория думала, что он поддерживает связь со своими. Если она начнет подозревать, то даже то, что он ее муж, не спасет его двойного разума от психолога корабля.

Однако кроме супружеских у него были и другие обязанности. Он сел на кровать и, поглядывая исподлобья на шар, сказал:

— Допустим, я знаю, кто вы. Чего вы хотите?

Из шара послышался очень сильный и уверенный в себе голос:

— Тебе кажется, что ты знаешь, кто говорит. Может, узнал по этому прекрасному шару?

Мелтби узнал голос. Глаза его сузились, он с трудом глотнул, но тут же взял себя в руки. Он не забыл, что может иметь слушателей, которые сделают соответствующие выводы, если он сразу узнает этого человека. Именно для них он сказал:

— Дело довольно просто. Я — гибридник, попавший на борт земного военного корабля «Звездный Рой», находящегося в Большом Магеллановом Облаке, в районе Пятидесяти Солнц. Кто, кроме представителя моей расы, может пытаться связаться со мной?

— И зная об этом, ты не сделал попытки выдать нас?

Мелтби молчал. Замечание не понравилось ему. Он понял, что эти слова, так же как недавно его собственные, были адресованы возможным слушателям. Но это обращение внимания на то, что он хотел сохранить разговор в тайне, не было дружеским жестом. Он

яснее, чем прежде, осознал, что не стоит забывать о своей политической позиции, как на корабле, так и вне его. И взвешивать каждое слово. Вглядываясь в светящийся предмет, он решил установить скрывающегося за ним человека.

— Кто ты? — лаконично спросил он.

— Ханстон!

— О! — воскликнул Мелтби. Его удивление было не совсем искусственным. Подтверждение своей догадки произвело на него впечатление. Теперь последствия этого разговора приобретали более глубокое значение. Ханстона освободили после того, как «Звездный Рой» нашел Пятьдесят Солнц. С этого времени Мелтби оказался в ситуации, фактически лишившей его связи с внешним миром.

— Чего ты хочешь? — повторил он.

— Твоей дипломатической поддержки.

— Моей... чего? — выдавил Мелтби.

Голос Ханстона звучал теперь гордо.

— Согласно нашему убеждению, что гибридники, несмотря на малую численность, имеют право на участие в правительстве Пятидесяти Солнц наравне с другими, я приказал сегодня захватить все планеты нашей системы. В этот момент армии гибридников, поддерживаемые самым мощным супероружием в галактике, проводят вторжение и вскоре победят. Ты...

Голос умолк и после паузы спокойно продолжал:

— Вы внимательно слушаете меня, капитан Мелтби?

Этот вопрос был, как тишина, воцарившаяся после удара грома. Мелтби медленно приходил в себя от шока. Он встал, но тут же вновь сел на кровать. До него наконец дошло, что, хотя мир изменился, кабина по-прежнему существует. Кабина, светящийся шар и он сам. Гнев разгорелся в нем со страшной силой.

— Ты отдал приказ...— яростно рявкнул он и тут же остановился. Его мозг перестроился для молниеносного понимания. Мелтби анализировал возможности, открывшиеся после получения этой информации. Наконец он мрачно заговорил, отлично понимая, что его положение делает невозможным спор о существе дела.— Ты утверждаешь, что это совершилось, но то, что я знаю о политике Империи Земли, убеждает меня, что надежды твои напрасны.

— Вовсе нет,— последовал быстрый ответ.— Нам нужно убедить только первого капитана, леди Лаурр. Она уполномочена поступать, как сочтет нужным, а она твоя жена.

Мелтби колебался, но был теперь гораздо спокойнее. Интересно, что Ханстон, начавший действовать по своему усмотрению, ищет теперь его поддержки. Вообще-то странного здесь ничего не было. Именно это внезапное понимание, что он ждал чего-то такого с самого начала, с того момента, как было объявлено об обнаружении земным кораблем Пятидесяти Солнц, заставило Мелтби мол-

чать. Через пять-десять лет, может, даже через год, печать земного одобрения навсегда закрепит систему демократии Пятидесяти Солнц такой, какая она есть. А законы этого правительства полностью исключали гибридников из какого-либо участия в нем. Сейчас, в этом месяце, теоретически еще можно было что-то изменить. Потом же...

Стало ясно, что именно он замешкался с принятием решения. Эмоции остальных сосредоточились на жажде деятельности и наконец перешли в действия. Ему придется как-то покинуть корабль и посмотреть, что происходит, однако в эту минуту главное осторожность.

— Я не против представить твои аргументы моей жене. Но некоторые из них не произвели на меня ни малейшего впечатления. Ты сказал: мощнейшее супероружие в галактике. Согласен, этот способ использования подпространственной связи для меня нов, но в целом твое утверждение просто нонсенс. Ты никоим образом не можешь знать вооружения даже одного этого корабля, ибо даже я, несмотря на то, что нахожусь здесь, его не знаю. Кроме того, смело можно утверждать, что каждый корабль уступает силе, которую Земля в любой момент может сосредоточить во всякой точке известной вселенной. Ты не можешь даже предполагать, какое оружие имеет Земля, а тем более утверждать, что ваше лучше. В связи с этим мой вопрос звучит так: зачем ты вообще прибег к такой дешевой угрозе? Из всех твоих аргументов этот менее всего послужит делу.

На главном мостике могучего корабля Благородная Глория Сесилия отвернулась от экрана визора, показывавшего кабину Мелтби. Ее красивое лицо было хмурым. Не спеша она спросила свою подругу:

— Что ты об этом думаешь, лейтенант Неслор?

— Думаю, леди, что это именно тот момент, о котором мы говорили, когда ты впервые спросила меня, каким был бы психологический эффект твоего супружества с Питером Мелтби.

Первый капитан удивленно уставилась на свою подчиненную.

— Ты что, спятила? Его реакции совершенно естественны, даже в мелочах. Он высказал мне свое мнение о внутренней ситуации Пятидесяти Солнц, и каждое его слово соответствует...

Внутренний коммутатор мягко зазвенел, и на экране появилось лицо и плечи мужчины.

— Дрейдон,— представился он.— Начальник Связи. Относительно вашего вопроса об ультракоротких радиоволнах, сосредоточенных сейчас в спальне вашего мужа. Подобное устройство изобретено в главной галактике около ста девяноста лет назад. Было решено оборудовать им все новые военные корабли и старые, классом выше крейсера, но мы находились в пути, когда началось

массовое производство. По крайней мере в этой области гибридники сравнялись с творческим гением людей, хотя трудно понять, как они могли сделать так много. Вполне вероятно, что они не отдают себе отчета о возможностях наших датчиков, которые немедленно сообщают нам о присутствии чужой энергии. Никоим образом они не могли учесть всех побочных эффектов своего изобретения. Что-нибудь еще, леди?

— Да. Как это действует?

— Энергия. Чистая энергия. Мощный пучок ультраволн направляется в сектор пространства, где предположительно находится приемный корабль. Все двигатели корабля-передатчика настраиваются на излучение. Насколько я помню, удалось экспериментально установить связь на расстоянии в три тысячи пятьсот световых лет.

— Хорошо,— нетерпеливо сказала леди Лаурр,— но каков принцип действия? Как, например, они отличили «Звездный Рой» от сотни других кораблей?

— Вам известно,— последовал ответ,— что наш корабль непрерывно испускает опознавательные лучи на волне определенной длины. Ультраизлучение настроено на длину этой волны и реагирует, столкнувшись с ней. После этого все лучи сосредотачиваются на источнике опознавательных волн и удерживают его в перекрестье, невзирая на скорость и направление. Когда это сделано, переслать по ним изображение и голос совсем просто.

— Понимаю,— она помолчала, потом добавила: — Спасибо,— и отключилась, вновь переведя взгляд на кабину Мелтби.

— Прекрасно,— говорил тот,— я представлю твои аргументы жене.

Вместо ответа светящийся шар исчез, но первого капитана это не обеспокоило. Весь разговор был записан, так что позднее она могла прослушать пропущенный фрагмент. Медленно повернувшись, она высказала мысль, которая не покидала ее ни на минуту.

— Ты можешь объяснить то, что сказала перед тем, как нас прервали?

— Произошло нечто принципиальное для проблемы Пятидесяти Солнц,— холодно сказала пожилая женщина.— Это слишком серьезно, чтобы допустить какое-нибудь вмешательство. Мы должны удалить с корабля твоего мужа, а ты сама — согласиться подвергнуться изъятию любви к нему, пока эта история не подойдет к концу.

— Нет! — упрямо сказала леди Лаурр.— Не понимаю. На каком основании ты так считаешь?

— По нескольким причинам. Во-первых, потому что ты за него вышла. Ты бы никогда не полюбила обычного человека.

— Конечно,— с гордостью сказала первый капитан.— Ты сама установила, что его индексы интеллекта, каждый по отдельности, больше моего.

Лейтенант Неслор язвительно засмеялась.

— С каких это пор индекс интеллекта столько для тебя значит? Если бы это было критерием установления равенства, королевские и аристократические роды галактики кишели бы профессорами и академиками. Нет, моя госпожа, особы высокого происхождения обладают величием, не имеющим ничего общего с интеллектом или талантом. Мы, менее счастливые смертные, можем переживать это, как несправедливость, но ничего не можем сделать, когда лорд войдет в комнату, мы можем его не любить, ненавидеть, игнорировать или пасть перед ним ниц, но мы никогда не пройдем мимо него равнодушно. Капитан Мелтби окружен именно такой атмосферой.

— Он всего лишь капитан флота Пятидесяти Солнц,— запротестовала Глория,— к тому же сирота, воспитанный государством.

Лейтенант Неслор слушала ее невозмутимо.

— Не бойся, он знает, кто он такой. Жаль, что ты вышла за него так быстро, не дав мне провести детально исследование его двух разумов. Меня очень интересует его история.

— Он мне все рассказал.

— Благородная леди,— резко сказала психолог,— подумай над тем, что говоришь. Мы имеем дело с мужчиной, низший уровень интеллекта которого превышает 170. Каждое слово, сказанное тобой о нем, выдает слабость женщины к любимому. Я не сомневаюсь в твоем доверии к нему. Насколько я поняла, он человек незаурядный и порядочный. Но твое окончательное решение по делу Пятидесяти Солнц должно быть принято независимо от твоих чувств. Теперь понимаешь?

Последовала долгая пауза, а за ней почти незаметный кивок.

— Высади его на Атмион,— сказала она бесцветным голосом.— Мы возвращаемся на Кассидор.

17

Стоя на земле, Мелтби смотрел, как «Звездный Рой» исчезает в голубой дымке ионосферы. Потом он поймал такси и поехал в ближайший отель, откуда провел свой первый телефонный разговор. Через час в его комнату вошла молодая женщина и остановилась. Подойдя ближе, она опустилась на колено и несмело поцеловала ему руку.

— Можешь встать,— сказал Мелтби. Она начала пятиться, глядя на него внимательным, слегка веселым и чуть-чуть вызываю-

щим взглядом. Мелтби сам чувствовал себя глупо в этой ситуации. Решение многих поколений гибридников, что наследственное руководство является единственным практическим решением проблемы власти над такой большой группой талантливых людей, приняло довольно неожиданный оборот, когда Питер Мелтби, сын последнего вождя, был схвачен делианами после битвы, в которой погиб его отец. После долгого обсуждения было решено вернуть ему его права. Они даже поверили, что вождь, которого воспитывает народ Пятидесяти Солнц, принесет гибридникам спасение. Смирение его и других пойманных детей, ныне взрослых людей, могло помочь получить доверие граждан Пятидесяти Солнц. Кое-кто из старых политиков считал это единственной надеждой своей расы. Интересно, что, несмотря на акцию Ханстона, эта женщина признавала позицию Мелтби.

— Мое положение следующее,— сказал Мелтби.— Я уверен, что одежда, которую я ношу, соединена с датчиком на борту «Звездного Роя». Нужно, чтобы кто-то поносил ее во время моей поездки в столицу.

— Это можно сделать,— ответила она.— Завтра в полночь будет ждать корабль. Вы успеете?

— Успею.

Она заколебалась.

— Что-нибудь еще?

— Да,— сказал Мелтби.— Кто поддерживает Ханстона?

— Молодые мужчины,— не задумываясь, ответила она.

— А молодые женщины?

— Но ведь я здесь.— улыбнулась она.

— Да, но только половиной сердца.

— Вторая половина,— серьезно сказала она,— сейчас с парнем, сражающимся в одной из армий Ханстона.

— А почему не все твое сердце находится там?

— Потому что я не верю в правильность предательства легального правительства в первую же критическую минуту. На определенное время мы выбрали систему наследственной власти. Мы, женщины, вовсе не одобряем стремительных рискованных действий, управляемых таким авантюристом, как Ханстон, хотя и понимаем, что это переломный момент.

— Много мужчин заплатят жизнью, прежде чем все кончится,— серьезно сказал Мелтби.— Надеюсь, среди них не будет твоего парня.

— Спасибо,— прошептала она уходя.

У гибридников было девять планет, не имевших названий, а на них-девять тайных городов. Как и планеты, города не имели названий. О них говорили просто «город», выделяя в каждом случае разный звук. Они находились под землей: три под большими бур-

ными морями, два под горными хребтами, а о положении остальных четырех вообще никто ничего не знал. Этот факт подтверждало одно из путешествий Мелтби. Выходы располагались далеко от городов, к которым вели туннели настолько извилистые, что большие космические корабли вынуждены были двигаться с минимальной скоростью.

Прибывший за Мелтби корабль опоздал всего на десять минут. Большинство экипажа составляли женщины, но нашлись среди них и старые мужчины, вместе с тремя советниками его погибшего отца — Джонсоном, Сандерсом и Коллингсом. Этот последний выступил от имени всей троицы.

— Я не уверен, сэр,— сказал он,— стоит ли вам отправляться в город. Даже женщины настроены враждебно. Они боятся за своих сыновей, мужей, любовников, но верны им. Все, что делают Ханстон и компания, есть и было покрыто тайной. Мы понятия не имеем, что происходит. В тайном городе неоткуда получать информацию.

— Я и не ожидал, что будет можно,— заговорил Мелтби.— Я хочу произнести речь, представив на общее обсуждение свою точку зрения.

Позднее, когда Мелтби оказался перед слушателями, он не почувствовал одобрения. Двадцать тысяч людей в огромной аудитории слушали его голос в тишине, которая, казалось, обволокла все, когда он начал описывать возможности «Звездного Роя». После того, как он обрисовал принципы политики Империи Земли относительно затерянных колоний типа Пятидесяти Солнц, недовольство прорвалось наружу, но Мелтби все же продолжал с мрачной решимостью:

— Если гибридники не придут к соглашению с Землей или не найдут способа нейтрализовать ее мощь, все прежние победы окажутся бесполезными и кончатся неизбежным поражением. У Пятидесяти Солнц нет сил для победы над земным военным кораблем. Что же тогда говорить о других кораблях, которые Земля может прислать сюда в случае необходимости. Кроме того...

В этот момент микрофон отключили. Все динамики в огромном зале заревели в унисон: «Тайный агент своей жены-землянки. Он никогда не был нашим». На лице Мелтби появилась мрачная улыбка. Значит, приятели Ханстона сочли, что его трезвые аргументы могут принести результат, и это их ответ. Он ждал конца помех, но шли минуты, а крики скорее усиливались, чем ослабевали. Аудитория, однако, была не из тех, кто считает крик логичным способом аргументации. Разозленные женщины на глазах Мелтби срывали динамики, до которых могли дотянуться, но это не решало проблемы, поскольку большинство их висело у потолка. Замешательство

усиливалось. «Ханстон и его люди,— напряженно думал Мелтби,— должны понимать, что раздражают собственных сторонников. Почему же они пошли на такой риск? На это есть только один разумный ответ: им нужна отсрочка. У них есть в запасе что-то великое, что перевесит всю враждебность и раздражение».

Чья-то рука тронула его за плечо. Повернувшись, он увидел обеспокоенное лицо Коллингса.

— Мне это не нравится,— сказал старик, стараясь перекричать шум.— Раз уж они зашли так далеко, то могут устроить покушение. Тебе лучше немедленно вернуться на Атмион или Кассидор.

Мелтби, казалось, не слушал его.

— Я должен выбрать Атмион,— решил он наконец.— Не хочу, чтобы люди со «Звездного Роя» думали, что я меняю убеждения, как перчатки. В некотором смысле меня с ними ничто не связывает, но я считаю, что поддержание контакта может еще пригодиться.— Он усмехнулся. Ясно было, что это классическая недомолвка. Правда, Глорию избавили от любви к нему, но у него-то она осталась. Как бы он ни старался, ему не забыть этого чувства.

— Ты знаешь, как меня найти,— сказал он,— если будет что-то новое?

Впрочем, он предвидел, что Ханстон особо позаботится, чтобы ни одно сообщение не дошло до тайного города на планете без названия. Способ, которым он сам собирался получить ее, был особым вопросом. Мелтби спустился с трибуны. Шум постепенно замирал за его спиной.

Шло время, а Мелтби ломал голову над загадочным отсутствием известий о «Звездном Рое». Долгие дни этого месяца он бесцельно бродил от города к городу, слыша только об успехах гибридников. Сообщения были слишком уж яркими. Победители, должно быть, везде захватили радиостанции, поскольку шли донесения о том, как население Пятидесяти Солнц принимает новых вождей, ведущих их в бой с кораблем Империи Земли, против людей, предки которых пятнадцать тысяч лет назад вырезали всех роботов, попавших им в руки, а уцелевших вынудили спасаться бегством. Тема эта повторялась до оскомины. «Ни один «робот» не может верить человеку, после того, что произошло в прошлом. Гибридники защитят мир от подлых людей и их военного корабля». Беспокоил триумф, которого были полны сообщения.

На тридцать первый день, обедая на открытой террасе ресторана, Мелтби впервые задумался над этим триумфальным настроением. Негромкая, но бравурная музыка лилась из репродуктора над его головой. Один вопрос занимал его: что случилось со «Звездным Роем»? Где он может быть теперь?

Глория сказала: «Мы немедленно начнем действовать. Земля не признает никакой власти меньшинства. Гибридники получат

демократические привилегии и равные права, но не доминирующее положение. Иначе быть не может».

Мелтби понимал, что это разумно, если люди действительно изжили предрассудки относительно так называемых роботов. Если — но грубое устранение его с корабля доказывало, что проблема вовсе не решена. Музыка оборвалась на высокой тоскливой ноте, и в тишину ворвался хорошо знакомый голос Ханстона:

— Важное сообщение для всех граждан Пятидесяти Солнц. Земной военный корабль более не опасен. Гибридники овладели кораблем, который находится сейчас на Кассидоре, раскрывая свои секреты перед техническими экспертами. Граждане Пятидесяти Солнц! Дни тревог и беспокойств миновали. Гибридники, ваши родственники и защитники, сделают для вас все. Как их и ваш вождь, я торжественно объявляю тридцати миллиардам людей наших семидесяти планет начало подготовки к будущему визиту из главной галактики. Заверяю вас, что никогда больше ни один военный корабль не вторгнется в пределы Большого Магелланова Облака, которое я объявляю нашей территорией, святой и неприкосновенной навсегда. Но это в будущем. Пока же мы, граждане Пятидесяти Солнц, избежали самой страшной опасности. В связи с этим объявляю трехдневные торжества. Пусть льются музыка и вино, звучит смех...

Поначалу казалось, что думать здесь не над чем. Мелтби шел по бульвару, мимо деревьев, цветов и прекрасных домов, пробуя представить непобедимый военный корабль, захваченный со всем экипажем, если, конечно, он был жив. Как это случилось? Ради космоса, как?

Это могли совершить гибридники с двойным разумом, если оказались на борту в количестве, достаточном для подчинения своей воле всех высших офицеров. Но где бы нашелся безумец, чтобы впустить на борт первую группу гибридников. Еще месяц назад у «Звездного Роя» был двойной предохранитель от подобного трагического конца. Первой линией была психолог корабля лейтенант Неслор, которая не колеблясь вторглась бы в разум любого, прибывающего на корабль. Второй — капитан Питер Мелтби, двойной разум которого немедленно определял другого гибридника. Вот только Мелтби вместо корабля находился в тихой красивой аллее на планете Атмион. Так вот почему явился ему светящийся шар, а Ханстон был так вежлив. Слова этого человека не имели ничего общего с его намерениями. Вся сцена была разыграна для того, чтобы заставить покинуть корабль человека, который только и мог немедленно обнаружить гибридника. Трудно сказать, как он поступил бы в таком случае. Предательство сородичей и осуждение их на смерть из любви к женщине из лагеря противника можно было не принимать в расчет. С другой стороны, он не мог бы

допустить, чтобы она попала в плен. Впрочем, теперь это уже не имело значения. Судьба распорядилась событиями, не спросив его мнения, и теперь он не мог влиять на их развитие. Захват политической власти над Пятьюдесятью Солнцами и овладение мощным военным кораблем были выше сил человека, которому судьба доказала, что он способен ошибаться и теперь может заплатить за это жизнью. Никто бы не заплакал о нем, даже его бывшие сторонники.

Однако ему еще нужно было кое-что сделать. Если «Звездный Рой» действительно захвачен, то вместе с ним захвачена и Благородная Глория Сесилия. А к длинному списку титулов Глории Сесилии, Леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров прибавился недавно еще один: миссис Мелтби. Такова была действительность, из которой вытекала первая сугубо личная цель в его одинокой жизни.

18

Перед ним была база военного флота. Мелтби остановился в ста футах от главного входа и закурил. Курение было неделианской привычкой, и он никогда этого не делал, однако человек, желающий выбраться с четвертой планеты звезды Атмион на Кассидор VII без использования официальных линий, должен иметь целый репертуар маскирующих действий. Внимательно осмотрев ворота и начальника охраны, он двинулся вперед легкой походкой человека с чистой совестью. Пока делианин проверял его идеальные документы, он развязно выпускал дым. Развязность эта была маской, на самом деле разум его напряженно работал. Плохо, что начальником оказался делианин, на которых гипноз не действовал.

— Прошу через боковой вход, капитан,— сказал офицер.— Я хочу с вами поговорить.

Мелтби почувствовал, что кровь отливает от его основного мозга, но дополнительный напрягся, как закаленная сталь. Неужели его опознали? Он уже хотел нанести удар, но заколебался. «Стой! — сказал он себе.— На действие еще будет время, если офицер захочет поднять тревогу. Нужно проверить, успел ли Ханстон затянуть сеть». Он взглянул на лицо офицера, но типично красивое обличье делианина имело и типично непроницаемый вид. Если его опознали, все равно уже поздно применять гипноз. Делианин, понизив голос, заговорил по существу дела:

— У нас приказ задержать вас, капитан.

Он замолчал и с интересом поглядел на Мелтби, который, зондируя его своими разумами, наткнулся на непроницаемый барьер и отступил. Пока ему ничего не угрожало.

— Да? — вопросительно сказал он.

— Если я вас впущу,— говорил делианин,— и что-нибудь случится, скажем, исчезнет корабль, я буду отвечать. Но если я вас не впущу, и вы просто уйдете, никто про вас не узнает.

Мелтби помрачнел.

— Спасибо,— сказал он,— но, собственно, в чем дело?

— Мы не знаем, что об этом думать.

— О чем?

— О гибридниках. Они захватили власть, все это очень хорошо. Но флот Пятидесяти Солнц ни от чего не отказывается и не дает присягу на верность. Кроме того, нас интересует: а не было ли предложение Земли честным?

— Почему вы говорите это мне? Физически я гибридник.

Офицер усмехнулся.

— В кубриках много говорят о вас, капитан. Мы не забыли, что пятнадцать лет вы были среди нас. Вы могли не заметить, но мы подвергали вас многим пробам.

— Заметил,— ответил Мелтби, мрачнея от воспоминаний.— У меня сложилось впечатление, что результаты были не в мою пользу.

— Совсем наоборот, в вашу.

Воцарилась тишина. Мелтби чувствовал растущее возбуждение. Он настолько погряз в своих хлопотах, что реакция Пятидесяти Солнц на политический катаклизм едва дошла до него. Когда он задумался над этим, то отметил у гражданского населения ту же неуверенность, которую выразил этот офицер. Несомненно, гибридники захватили власть в идеально подходящий политический момент. Но победа их не была окончательной, по-прежнему существовал шанс для других.

— Я хочу попасть на Кассидор, посмотреть, что с моей женой, прямо сказал Мелтби.— Как это сделать?

— Первый капитан «Звездного Роя» действительно ваша жена? Это не пропагандистский трюк?

Мелтби кивнул.

— Да, она моя жена.

— И она вышла за вас, зная, что вы робот?

— Я неделями сидел в библиотеке военного корабля,— сказал Мелтби,— изучая земную версию резни роботов пятнадцать тысяч лет назад. Они объясняют это временным возвращением расовых предрассудков, имеющих, как вам известно, свои корни в страхе перед неизвестным и, конечно, в чисто иррациональной антипатии. Делианин, существо действительно прекрасное, со своей удивительной физической и разумной силой, казался настолько превосходящим нормальных людей, что страх превратился в ненависть и началось линчевание.

— А что с неделианами? — спросил офицер.— Они помогли нам бежать, и все же о них мало что известно.

Мелтби улыбнулся.

— В этом все дело. Слушайте...

Выслушав объяснение, офицер не выказал никаких чувств.

— Люди со «Звездного Роя» знают об этом?

— Я сказал им,— ответил Мелтби.— Они собирались огласить это перед возвращением корабля на Землю.

Оба помолчали. Потом делианин спросил:

— Что вы думаете об этой истории с гибридниками?

— Даже не знаю, что думать.

— Как и все мы.

— Чего я действительно боюсь, так это появления других земных кораблей, из которых по крайней мере половину не удастся захватить хитростью, как «Звездный Рой».

— Да,— сказал делианин,— это и нам пришло в голову.

Вновь оба замолчали. На этот раз тишину прервал Мелтби, спросив:

— Как я могу попасть на Кассидор?

Делианин заколебался, потом вздохнул.

— Через два часа будет корабль. Думаю, капитан Герд Лейрд не будет против вашего присутствия на борту. Прошу за мной, капитан.

Мелтби шел в тени огромных ангаров, чувствуя странную расслабленность. Только в пространстве он понял, что это значило: мучительное чувство одиночества во враждебной вселенной исчезло.

19

Темнота за иллюминатором смягчала тот его разум, который можно назвать творческим. Он смотрел в чернильную пустоту с искрящимися точками звезд и чувствовал, как все в нем переворачивается. Нахлынули ностальгические воспоминания о часах, проведенных за пультом метеоролога флота Пятидесяти Солнц. Тогда он считал, что не имеет друзей, что от всех его отделяет непреодолимая недоверчивость. Действительность могла быть иной: вероятно, он так отдалился от них, что никто не решался с ним сблизиться. Теперь он знал, что подозрительность давно развеялась, почти исчезла. Благодаря этому проблема Пятидесяти Солнц вновь стала его проблемой. Нужно иначе подойти к освобождению Глории, подумал он. За два часа до посадки он отправил свою визитку капитану Лейрду и попросил о личной встрече. Командир корабля был худощавым, седым, почтенным неделианином. Он согласился с каждым словом, каждой деталью плана Мелтби.

— Все это дело,— сказал он,— началось две недели назад, вскоре после захвата власти гибридниками. Подсчитывая общее число военных кораблей, которыми располагает Земля, мы получили такое большое число, что оно практически теряло свое значение. Нас бы вовсе не удивило,— откровенно сказал офицер,— если бы Земля выделила по одному военному кораблю на каждого жителя Пятидесяти Солнц, и это не считая тех, что охраняют главную галактику. Флот с нетерпением ждал, что Ханстон объявит об этом публично или частным образом, однако с его стороны не было никакой реакции. А ведь первая экспедиция в Большое Магелланово Облако послана с ведома центральной власти.

— Эта экспедиция направлена императором Земли,— сказал Мелтби.

— Безумцы! — пробормотал капитан корабля.— Наши новые вожди настоящие безумцы.— Он покачал головой и расправил плечи, как бы желая избавиться от сомнений.— Капитан Мелтби,— продолжал он торжественно,— полагаю, что могу обеспечить вам поддержку военного флота в деле освобождения вашей жены, если... если она еще жива.

Через час, падая в темноту, Мелтби старался думать об этом обещании, чтобы погасить мрачный отблеск последних слов. Внезапно его прежний сарказм вспыхнул, как раздутый ветром костер. Просто не верится, с иронией думал он, что всего два месяца прошло с момента, когда обстоятельства заставили лейтенанта Неслор, психолога «Звездного Роя», навязать ему глубокую любовь к Глории, которая с того времени стала определять его поступки. С другой стороны, она полюбила его сама и именно поэтому их связь была ему так дорога.

Планета под ними увеличивалась по мере приближения. Она посветлела и выглядела, как висящий в пространстве полумесяц, темная сторона которого подмигивала серебристыми огнями десятков тысяч городов и поселков. Именно туда он направлялся.

Приземлился он в лесочке и как раз закапывал под деревом свой скафандр, когда на него обрушилась полная темнота. Мелтби почувствовал, что падает. Ударившись о землю, он потерял сознание.

Очнувшись, он удивленно осмотрелся. По-прежнему было темно. Две из трех лун Кассидора висели высоко над горизонтом, а когда он садился, их не было видно. Свет лун заливал большую поляну, и он узнал группу деревьев. Он пошевелил руками — они не были связаны. Встал на колени, потом поднялся на ноги. Вокруг никого не было. Все было тихо, он не слышал ничего, кроме слабого шума ветра в ветвях деревьев. Мелтби вспомнил, что слышал о подобных обмороках, бывающих у неделиан после долгого снижения. На делиан это не действовало, и до последнего времени он считал, что

на гибридников тоже. Теперь не было сомнений, что это не так. Пожав плечами, он забыл об этой истории.

Через десять минут он добрался до стоянки машин. Еще через десять он уже был в Центре полетов. Здесь он чувствовал себя как дома. Остановившись перед одними из сорока ворот, он изучил своим двойным разумом толпу людей и убедился, что гибридников среди них нет. Это принесло ему небольшое удовлетворение. Небольшое, ибо он и так знал, что у Ханстона не хватит людей на сложное патрулирование улиц города. Вождь гибридников мог говорить что угодно о своих армиях. Мелтби криво усмехнулся. Путч, принесший Ханстону власть над Пятьюдесятью Солнцами, был гораздо более смелым и рискованным предприятием, чем казался на первый взгляд. Он решился на него, не имея даже ста тысяч человек. Отсюда вывод, что опасность ждет Питера Мелтби только в конечном пункте, в огромном городе Делла, столице Пятидесяти Солнц. Купив билет, он направился к эскалатору, и тут кто-то тронул его за плечо. В долю секунды он завладел разумом незнакомца, после чего так же быстро расслабился. Он стоял лицом к лицу с лейтенантом Неслор, главным психологом «Звездного Роя».

Мелтби отставил чашку и посмотрел на психолога в юбке.

— Если говорить откровенно,— сказал он,— меня не интересует ваш план освобождения корабля. В моем положении я не могу становиться на чью-либо сторону.

Он замолчал, с интересом разглядывая ее. Иногда его интриговала внутренняя жизнь этой средних лет женщины. Он даже всерьез подумывал, не использует ли она аппаратуру из своей лаборатории, чтобы сделать себя недоступной для всех человеческих чувств. Однако сейчас было не время для колкостей, и он холодно произнес:

— По-моему, именно вы виновны в позорном захвате «Звездного Роя». Во-первых, потому что убрали с корабля меня, гарантию безопасности, во-вторых, потому что в ваши обязанности входило изучение разумов тех, кого пропускали на корабль. Я никак не могу понять, отчего вы ошиблись.

Женщина взглянула ему прямо в глаза.

— Я не буду ничего объяснять,— сказала она.— Поражение говорит само за себя.— Она покраснела.— Ты думаешь, что наша госпожа бросится тебе в объятия, благодаря за спасение? Не забывай, что она избавлена от любви к тебе и для нее имеет значение только корабль.

— Я пойду на этот риск,— ответил он,— и пойду на него один. И если мы когда-нибудь будем подчиняться юрисдикции Земли, я напомню о своих правах.

Глаза лейтенанта Неслор сузились.

— Ага,— сказала она,— значит, ты знаешь об этом. Ты много просиживал в нашей библиотеке, правда?

— Пожалуй, я знаю законы Земли лучше любого человека со «Звездного Роя»,— спокойно ответил Мелтби.

— И не хочешь даже выслушать мой план и воспользоваться помощью тысячи уцелевших членов экипажа.

— Я уже сказал, что не могу участвовать в крупных операциях.

Она встала.

— Но ты попробуешь освободить леди Глорию?

— Да.

Она молча повернулась и пошла. Он смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дальними дверями.

20

С высоты аудиенционного кресла первый капитан, Благородная Глория Сесилия, Леди Лаурр из Высокорожденных Лаурров без тени улыбки выслушала рапорт психолога. Только когда та закончила, она немного расслабилась. Однако голос ее звучал резко.

— Значит, ты уверена, что он ничего не подозревает? Не догадывается, что «Звездный Рой» вовсе не попал в руки врага? Что это ты оглушила его, когда он приземлился в кустах?

— Подозрения у него были,— сказала лейтенант Неслор,— но откуда он мог узнать больше? Он же знает, что мы молчим, потому не может заподозрить, что триумфальное заявление Ханстона всего лишь ход в опасной игре, которую мы ведем, стараясь уничтожить друг друга. Уже само известие о том, что Ханстон овладел земным военным кораблем сбивает с толку настолько, что невозможно дойти до сути дела.

Молодая женщина с улыбкой согласилась. Некоторое время она сидела неподвижно, прищурив глаза и скривив в усмешке губы, за которыми сверкали жемчужные зубки. Совсем иначе выглядела она, когда впервые услышала, что гибридники захватили земной военный корабль, к тому же новую модель, над которой создатели бились много лет. Воспоминания всего, что она знала об этом корабле — «Молнии», как его называли в военных портах,— промелькнули у нее перед глазами. Производство девятисот миллиардов его элементов начали, предвидя, что первый корабль будет закончен через семьдесят лет, после чего начнется массовое производство. Буквально единицы этих кораблей могли к этому времени вступить в строй, и вот один из них попал в руки врага.

Ее чувства по поводу того, что гибридники завладели таким военным кораблем, колебались между тревогой и облегчением. Облегчением, что суперизобретения гибридников были всего лишь

выкрадены в главной галактике, и тревогой перед результатами их успеха. Что затевает Ханстон? Как он относится к тому, что у Империи Земли больше военных кораблей, чем народу во всех Пятидесяти Солнцах.

— Видимо,— медленно сказала она,— едва услышав о нас, они выслали корабль в главную галактику. Если они окажутся на борту в достаточном количестве, их ничто не остановит. Меня радует,— продолжала она уже веселее,— что капитан Мелтби не заинтересовался, каким образом ты и тысяча членов экипажа скрылись, когда Ханстон совершал свой «захват» «Звездного Роя». Не удивительно, что он не хотел иметь ничего общего с твоим планом освобождения корабля. Важно, что в разговоре с ним ты узнала то, что нас интересовало: побуждаемый любовью, он пытается попасть на борт корабля Ханстона. Как только наш датчик даст сигнал, что капитан попал на корабль, мы начнем действовать.— Она рассмеялась.— Капитан очень удивится, когда увидит, что носит на себе.

— Он может заплатить за это жизнью,— заметила лейтенант Неслор.

Смех оборвался, но на лице леди Лаурр осталась улыбка.

— Не забывай,— быстро добавила лейтенант Неслор,— что твоя сегодняшняя неприязнь вызвана сознанием того, как сильно ты была привязана к нему прежде.

— Возможно,— признала первый капитан,— что ты переборщила со своим вмешательством. Но, независимо от причины, я не собираюсь менять своего отношения к нему и не желаю, чтобы чувство возвращалось. Мой развод с капитаном Мелтби окончателен. Это ясно?

— Да, благородная леди.

Насколько хватало глаз, везде были корабли, больше, чем Мелтби когда-либо видел в портах Кассидора. Гибридники поспешно демобилизовали флот Пятидесяти Солнц.

Шеренги кораблей тянулись на север, юг и восток до самого горизонта. Корабли лежали в своих гнездах, образуя длинные геометрически правильные ряды. Время от времени монотонность пейзажа нарушалась наземными ангарами и мастерскими. Большинство помещений было спрятано под поверхностью космодрома, точнее, под металлическими плитами, которые покрывали ее, как волнующееся море. Земной военный корабль находился в четверти мили от западного входа. Расстояние, казалось, вовсе не уменьшало его. Колоссальная сигара висела над горизонтом, закрывая своей тенью небольшие корабли. Ни на Кассидоре, ни во всех Пятидесяти Солнцах не было ничего, что хотя бы приближенно могло сравниться с этим кораблем по размерам, завершенности

форм и мощи. Еще теперь Мелтби не мог поверить, что такое несравненное оружие — машина, способная уничтожить целые планеты,— попало в руки гибридников в работоспособном состоянии. Способ, каким он освободил «Атмион», доказывал, что это возможно. Мелтби с трудом отвлекся от бесполезных рассуждений и двинулся вперед. Спокойный, уверенный, решительный. Офицер-неделианин с милым лицом проводил его через ворота со словами:

— В дверях того здания находится электронный трансмиттер материи, настроенный на трюм корабля.— Он указал рукой направление и продолжал: — Так вы попадете на корабль. А это сигнальное устройство прошу положить в карман.

Мелтби принял небольшой прибор и с интересом изучил простую комбинацию передающего и приемного каналов с кнопкой, включающей сигнал.

— Зачем мне это? — спросил он.

— Вы направляетесь к мостику первого капитана, правда?

Мелтби кивнул, но, чувствуя зарождающуюся досаду, промолчал.

— Не теряя ни минуты,— продолжал офицер,— постарайтесь любой ценой добраться до контрольного пульта и вывести из строя энергетические линии, прервать связь, нарушить автоматические экраны и так далее. Потом нажмите кнопку.

Теперь это была уже не догадка, а уверенность. Он чувствовал, что идет по краю пропасти.

— Но в чем все-таки дело? — услышал он свой бесстрастный голос. Последовал спокойный, даже холодный ответ:

— Решено,— сказал офицер,— попытаться завладеть этим военным кораблем. Нам в руки попало несколько запасных трансмиттеров, и с разных районов сосредоточения мы готовы в течение часа перебросить на борт «Звездного Роя» сто тысяч человек. Независимо от результатов схватки ваши шансы бегства с женой во время битвы значительно возрастут. Инструкции ясны? — сухо спросил он.

Инструкции! Вот оно что. Он принадлежал флоту Пятидесяти Солнц, и они приняли как само собой разумеющееся, что он подчинится их приказам. Разумеется, он подчинится. Проблему лояльности наследного вождя гибридников, который присягнул на верность Пятидесяти Солнцам и женился на представительнице Империи Земли, нужно было рассматривать с точки зрения основных норм морали. Нелепая мысль возникла у Мелтби — что не хватает еще только атаки уцелевших землян со «Звездного Роя». Подход отрядов лейтенанта Неслор создал бы идеальную ситуацию для человека, разум которого с минуты на минуту работал все интенсивнее. Ему нужно было время, чтобы подумать. И, к счастью, оно у него будет. Ему не нужно принимать решение здесь и немедленно. Он заберет сигнальное устройство и включит его или нет.

— Да, я понял инструкции,— спокойно сказал он, сунув прибор в карман. Через две минуты он вошел в военный корабль.

21

Он находился в пустом трюме. Осмотрев его, он пришел к выводу, что не попадал сюда, находясь на борту «Звездного Роя». Но тогда у него не было возможности бродить по всему кораблю. Да и времени тоже не было. Он быстро протянул руку к клавише внутреннего трансмиттера, который должен был перенести его на мостик первого капитана. В последний момент, уже держа палец на клавише, он задумался. Разум советовал действовать, невзирая ни на что. Вся история войн учила, что сознательная смелость, соединенная с находчивостью, как правило, приносит победу. Вот только он ничего не планировал за исключением использования своего второго, делианского разума. Стоя совершенно неподвижно, он анализировал свои действия с момента, когда Ханстон впустил шар энергии в его спальню, и до случайно узнанного плана атаки флота Пятидесяти Солнц.

Однако время шло, и нужно было действовать. Он решил добраться до кабины первого капитана, а сделать это можно было только одним способом. Он резко нажал клавишу, и все вокруг залил свет. В двух шагах от него стоял высокий мужчина и смотрел на трансмиттер. В руке он держал пистолет. Только когда он заговорил, Мелтби узнал Ханстона.

— Здравствуй, Мелтби. Я ждал тебя,— сказал тот.

Что ж, на этот раз дерзость не помогла. Теперь только выхватить свой пистолет из кобуры... Но нет, об этом Мелтби не мог и мечтать. Он взглянул на контрольный пульт, на ту его часть, которая управляла автоматикой внутри корабля. На пульте горел огонек. Мелтби осторожно шевельнул рукой, и огонек замигал, реагируя на его движения. Лучше было не пытаться доставать оружие, пока прибор был включен. Мелтби глубоко вздохнул и сосредоточил свое внимание на Ханстоне. Прошло несколько месяцев с тех пор, как он видел его последний раз. Как и все, в чьих жилах текла делианская кровь, он имел фигуру атлета, и сейчас, сильный и гордый, был вождем до мозга костей. От прежней его неуверенности не осталось и следа. Без всякого вступления он сказал:

— Кратко обрисую ситуацию. Это не «Звездный Рой». Мое заявление имело тактический характер. Мы похитили этот военный корабль с базы в главной галактике. В этот момент похищается второй, который вскоре будет здесь. Когда он подойдет, мы атакуем «Звездный Рой».

Итак, немногого не хватило, чтобы Мелтби из освободителя превратился в простофилю. Решительный, готовый сразиться с любой опасностью, он в одно мгновенье превратился в глупца, а его задание оказалось никчемным.

— Н-н-но...— попытался он что-то сказать. Однако это был пустой звук.

— Кто-то сообщил нам, что ты явишься,— продолжал Ханстон, поскольку Мелтби молчал.— Мы полагаем, твоя жена. Полагаем мы и то, что в основе всех ее действий лежат враждебные намерения. Поэтому приготовились ко всему. Десять тысяч гибридников ждут на борту. Если твое прибытие должно явиться сигналом к атаке, это может быть хорошая атака. Но она не застанет нас врасплох.

Мелтби вздрогнул, вспомнив о силах флота Пятидесяти Солнц, готовых ворваться на корабль. Он открыл было рот, чтобы сказать об этом, но тут же вновь закрыл его, ибо делианский разум вспомнил о первой встрече с лейтенантом Неслор. Аналитические способности его разума достигали недоступных человеку высот. В долю секунды он связал эту встречу с темнотой, свалившейся на него во время посадки на Кассидор. Немедленно второй разум изучил тысячи вариантов, а поскольку предпосылок было достаточно, дал ответ. Он носил датчик на себе! Его оглушили, чтобы переодеть в другую одежду. В любой момент эта одежда может подать сигнал. Обливаясь потом, Мелтби мысленно увидел битву титанов: десять тысяч гибридников против всего экипажа «Звездного Роя» и ста тысяч солдат флота Пятидесяти Солнц. Если эти последние ждут его сигнала, он спасет их, не подав его. Он с пронзительной ясностью понял, что должен что-нибудь сказать, но сначала...

Сначала он должен убедиться, что комбинезон заряжен энергией. Он спрятал руку за спину и осторожно сунул ее между лопаток. Она вошла на четыре... шесть дюймов, а он по-прежнему чувствовал только пустоту. Он убрал руку. Сомнений больше не было.

— Мы планируем,— сказал Ханстон,— уничтожить «Звездный Рой», а потом и всю Землю.

— Что?! — Мелтби вытаращил на него глаза. Ему вдруг показалось, что он оглох. В ушах звучал только его собственный голос, повторявший: — Уничтожить Землю!

Ханстон равнодушно подтвердил.

— Другого выхода нет. Если мы уничтожим единственную планету, на которой знают об экспедиции «Звездного Роя» в Большое Магелланово Облако, то получим время для развития своей цивилизации, пока, после сотен лет интенсивного размножения, гибридников не хватит для завоевания главной галактики.

— Но ведь Земля — это центр главной галактики,— запротестовал Мелтби.— На ней расположена вся администрация, прави-

тельство, это символ империи. Главная планета трех тысяч миллионов солнц. Она...— Голос отказался повиноваться ему. Его охватил страх тем больший, что речь шла не о нем.— Безумец! — крикнул он, задыхаясь от ярости.— Ты не можешь этого сделать. Это дезорганизует всю галактику.

— Верно! — удовлетворенно согласился Ханстон.— Это даст нам время. Даже если другие знали об экспедиции «Звездного Роя», никто не свяжет ее с катастрофой, и новая экспедиция не будет послана. Как видишь,— продолжал он,— я полностью откровенен с тобой. Ты не мог не заметить, что наш план зависит от того, удастся ли нам уничтожить «Звездный Рой». В этом,— спокойно закончил он,— мы, естественно, надеемся на помощь наследного вождя гибридников.

22

В огромном зале воцарилась тишина. Экраны контрольного пульта оживлял только одинокий огонек, мерцающий, как далекий костер. Мелтби стоял неподвижно, прислушиваясь к зарождающейся мысли, только косвенно связанной с требованием Ханстона. Мысль эта не была нова. Он пытался отогнать ее, но она все росла, заполняя его разум. Это была уверенность, что рано или поздно ему придется принять чью-либо сторону в этом столкновении трех могучих противников.

Он не позволит уничтожить Землю! С огромным трудом он взял себя в руки и посмотрел на Ханстона, зрачки которого сузились от таящейся в них тревоги. Это удивило Мелтби. Он открыл было рот, чтобы сделать язвительное замечание об узурпаторе, просящем помощи у человека, место которого он должен занять, но Ханстон опередил его:

— Мелтби, откуда грозит опасность? Как они хотят использовать твое прибытие сюда? Ты должен уже знать это.

Об этом Мелтби почти забыл. Он вновь хотел было что-то сказать, но промолчал, на этот раз сознательно. Другая мысль появилась в уголках его подсознания. Точнее, она появилась несколько месяцев назад и содержала его собственное решение проблемы Пятидесяти Солнц. Поначалу идея была нереальной — один человек должен был победить три враждующих группировки и заставить их повиноваться себе. Но сейчас он в долю секунды понял, как это сделать. Быстрее, нужно спешить! В любой момент они могут использовать то, что он носит на себе.

— Это помещение! — выкрикнул он.— Немедленно беги отсюда, если тебе дорога жизнь!

Ханстон уставился на него. Угроза не испугала его.

— Это помещение таит опасность, потому что здесь находишься ты? — с интересом спросил он.

— Да,— ответил Мелтби, слегка разведя руки в стороны и вытянув шею. При этом он сгруппировал мышцы, готовясь к внезапному прыжку.

Однако вместо того, чтобы стрелять, Ханстон нахмурился.

— Что-то здесь не так,— сказал он.— Не могу же я оставить в твоих руках командный мостик военного корабля. Из этого следует, что практически ты просишь убить тебя. Очевидно, что раз тебе грозит опасность, ты должен умереть. Даже слишком очевидно. Когда я выстрелю, действие антисвета, который следит за тобой, будет нейтрализовано, и ты тоже сможешь использовать оружие. Ты этого ждешь?

Он ждал ответа.

— Беги отсюда! Беги, глупец! — только и сумел сказать Мелтби.

Ханстон не дрогнул, только лицо его побледнело.

— Единственная опасность, какую мы видим,— сказал он,— это трансмиттер «Звездного Роя», если бы им удалось доставить его на корабль.— Он взглянул на Мелтби.— Пока мы не можем расшифровать действия этих трансмиттеров, но одно знаем наверняка: нет связи между трансмиттерами двух разных кораблей. Они по-разному настроены и запрограммированы. Однажды настроенные, они не изменятся, что бы с ними ни делали. Но ты должен знать тайну их действия. Открой мне ее. Открой!

Теперь стало ясно, что ему придется атаковать, несмотря на антисвет. Оружием ему пользоваться нельзя, он должен застать противника врасплох. Может, ему удастся заговорить Ханстона. Что за ирония судьбы! Ханстон и его технические эксперты правильно оценили характер опасности, но сейчас, стоя перед человеком, одетым в комбинезон, спереди и сзади которого были трансмиттеры, Ханстон ничего не подозревал.

— Трансмиттеры действуют по принципу, очень похожему на тот, по которому были созданы первые делианские роботы,— сказал он,— только здесь использованы оригинальные составляющие. Конструкторы роботов взяли электронный образ человека и из органической материи создали нечто такое, что должно было быть точной его копией. Правда, куда-то вкралась ошибка, поскольку делиане ни в коем случае не были дубликатами оригинальных людей, отмечались даже физические различия. Из этих отличий родилась ненависть, нашедшая выход в резне «роботов» пятнадцать тысяч лет назад. Но это уже история. Ныне трансмиттеры материи превращают организм в поток электронов, а затем воссоздают его, используя процесс реконструкции ткани. Процесс стал так же прост, как включение света и...

Тут-то Мелтби и атаковал. Страх, что Ханстон выстрелит в

него, исчез, потому что в последнюю секунду тот заколебался и проиграл, как миллионы людей до него. Пистолет выстрелил, когда Мелтби уже держал Ханстона за запястье. Через мгновенье пистолет выпал из руки Ханстона.

— Каналья! — прошипел он.— Ты знал, что я не выстрелю в наследного вождя гибридников. Предатель!..

Мелтби этого не знал, но не терял времени на решение головоломки. Голос Ханстона смолк, поскольку Мелтби сжал его голову, как в тисках, и прижал его к себе, к своему скафандру.

Ханстон был настолько удивлен, что в решающий момент прекратил сопротивление. Мелтби тут же пропихнул его через трансмиттер внутрь собственной одежды. Еще виднелась дергающаяся ступня, а Мелтби уже рвал крепления комбинезона. Потом он опустил его на пол так, чтобы поверхности трансмиттеров оказались друг против друга, с безумной торопливостью сбросил одежду и, подбежав к контрольному пульту, переставил антисвет на себя, после чего ввел несколько поправок в приборы. Через минуту корабль принадлежал ему. Оставалось только передать главарям группировок его решение и заняться последним вопросом — Глорией.

23

Спустя десять дней капитаны «Звездного Роя» собрались на заседание. Когда Мелтби вошел в зал, Глория сидела с мрачным видом, ни на кого не глядя. Он понял, что она пыталась воспрепятствовать заседанию и вновь проиграла. Сев на место, указанное ему одним из офицеров, он стал ждать вызова. Мелтби знал, что для победы ему нужны действительно сильные аргументы. Ставка стоила всех усилий, которые он уже вложил в эту борьбу и которые только собирался вложить. Он искоса взглянул на эту «ставку», но тут же опустил глаза, встретившись с ее взглядом — холодным и неприступным. Она подошла к нему и сказала:

— Капитан Мелтби, я прошу вас забрать свой иск.

— Благородная леди,— ответил он,— ты нравишься мне и когда сердишься, и когда... отдаешься.

— Я никогда не прощу тебе этой вульгарщины! — гневно воскликнула она.

— Мне очень жаль, что ты считаешь меня вульгарным. Так было не всегда, и ты прекрасно это знаешь.

Она покраснела.

— Я не собираюсь вспоминать то, что мне сейчас неприятно,— сказала она, поеживаясь.— Если бы ты был джентльменом, то не требовал бы разбирательства.

— Надеюсь, ты по-прежнему считаешь меня джентльменом в общепринятом смысле этого слова. Но я не вижу, какую это имеет связь с нашими чувствами.

— Ни один джентльмен не требует от женщины любви.

— Я хочу только возвращения чувства, которое уничтожили силой.

Сверля его взглядом, она сжала кулаки, как будто собираясь ударить.

— Проклятый космический крючкотвор! — воскликнула она.— Я жалею... жалею, что вообще пустила тебя в нашу библиотеку.

Мелтби улыбнулся.

— Глория, дорогая,— доверительно сказал он,— я слышал, что ты сама очень хороший знаток космического права. Готов поспорить...

— Я никогда не спорю,— надменно сказала она.

После всего происшедшего ее утверждение было так несправедливо, что Мелтби буквально онемел. Однако тут же улыбнулся еще шире.

— Моя дорогая,— сказал он,— это дело уже выиграно тобой, и ты об этом знаешь. Держу пари, что в глубине души ты хочешь, чтобы выиграл я, и потому не воспользуешься своим единственным аргументом.

— Никаких аргументов нет,— ответила она.— Мы оба хорошо знаем закон, и ты сознательно мучаешь меня этой болтовней.

Вдруг он увидел на ее глазах слезы.

— Прошу тебя, Питер,— умоляюще сказала она,— откажись от этого. Оставь меня в покое.

Мелтби тронула искренность этой просьбы, но он не собирался сдаваться. Эта женщина безоговорочно отдалась ему на планете С Дорадус. Если после освобождения от искусственного психологического давления она не захочет его, то будет свободна.

— Моя дорогая,— продолжал он,— ты боишься сама себя? Помни, что после всего пережитого решение принадлежит тебе. Ты предчувствуешь, что выберешь меня, и в то же время боишься этого. Освободившись от давления, ты можешь захотеть возвращения нашего брака.

— Никогда. Неужели ты думаешь, что я сохраню память о тех событиях, воспоминание о насилии над собой? Можешь ты это понять?

Вдруг он понял, что смотрит на это дело с чисто мужской точки зрения. Женщины видят это иначе. Они должны испытывать потребность вступления в брак без малейшего давления. Это было потрясением для его напряженного сознания, однако он по-прежнему не мог заставить себя произнести слова, которые освободили бы ее.

Мысленно он вернулся к событиям последних десяти дней. Это были дни его славы. Миллиарды людей заключили союз, основываясь на данной им свободе. Первыми протянули друг другу руки делиане и неделиане. После известия, что «Звездный Рой» не попал в руки гибридников, а Земля поддерживает свое первое предложение с небольшими изменениями, правительство Пятидесяти Солнц публично выразило согласие. Мелтби слегка разочаровала реакция на собранные им в библиотеке корабля сенсационные известия, что неделиане это не гуманоиды и не роботы в широком смысле этого слова, а потомки людей, которые помогли бежать первым делианам. Может быть, просто внимание людей занимали другие проблемы. Он надеялся, что в будущем к этому отнесутся по-другому. Неделиане почувствуют родство с жителями Земли, делиане смогут убедиться, что люди не так уж плохи. Основные трудности вызывала проблема гибридников. Без своего порывистого вожака Ханстона, временно находившегося в тюрьме, большинство их как будто смирилось с поражением и приняло предложение Мелтби. В своем выступлении для тайных городов он говорил без обиняков. Выбрав мир, они получат равный статус в правительстве Пятидесяти Солнц. Все корабли главной галактики будут предупреждены об их тактике, и на многие годы гибридники будут обязаны носить опознавательные знаки. Однако делиане могут вступать с браки с неделианами, а запрещение таким парам иметь детей снимается. Поскольку ребенок, рожденный от такого брака, неизбежно будет гибридником, число их будет возрастать. Если эта мутация, согласно с законом, начнет доминировать, Земля готова принять такое положение вещей. Законы, касающиеся такого рода процессов, либеральны и выходят далеко в будущее. Решительно запрещается только агрессия.

Вспоминая обо всем этом, Мелтби с горечью улыбнулся. Все проблемы были решены, кроме его собственной. Он все еще сражался с мыслями, когда заседание началось. Спустя три часа капитан Рутгерс прочел вердикт, принятый судьями.

— Закон относительно снятия искусственного психического давления,— начал он,— не касается капитана Мелтби, который не был гражданином Империи Земли, когда его подвергли этому процессу. Однако закон этот распространяется на леди Глорию как знатную землянку. Поскольку,— продолжал он,— капитан Мелтби выбран постоянным представителем Пятидесяти Солнц на Земле, а для леди Глории это последняя экспедиция на борту военного корабля, не существует никаких формальных барьеров для продолжения этого брака.

Суд постановил: леди Глория пройдет необходимую обработку, которая вернет ей чувство к мужу.

Мелтби быстро взглянул на Глорию и встал, видя у нее слезы.

— Высокий суд, я хочу кое о чем просить вас.

Капитан Рутгерс сделал знак, что дает ему слово. Мелтби помолчал, собираясь с мыслями, после чего сказал:

— Я хочу освободить мою жену от этой процедуры, но с одним условием.

— Что это за условие? — быстро задала вопрос одна из женщин.

— Условие таково: в выбранном мной месте она дает мне сорок восемь часов для завоевания ее. Если через этот срок чувства ее не изменятся, я попрошу отложить выполнение решения суда на неопределенное время.

Женщина взглянула на свою начальницу.

— Это очень порядочно, Глория.

— Это смешно,— сказала первый капитан «Звездного Роя», залившись румянцем. Мелтби подошел к ней и наклонился к ее уху.

— Глория, это твой второй шанс. Первым ты не воспользовалась, как я и предсказывал.

— Не было никакого первого. Такой приговор был неизбежен, и ты знаешь это прекрасно.— Она избегала его взгляда, по крайней мере так казалось Мелтби.

— Основной принцип супружества, Глория, принцип старый, как история человечества.

Теперь она смотрела ему прямо в глаза, постепенно начиная понимать.

— Ну, конечно,— сказала она.— Как я могла забыть об этом.— Она приподнялась, как бы собираясь с ним спорить, после чего медленно опустилась в кресло.

— Почему ты считаешь, что у нас не может быть детей?

— Ни в одном браке человека с гибридником ребенок не рождался без использования искусственных средств.

— Но используя процесс давления...

— Никого нельзя заставить подвергнуться этому,— сказал Мелтби и терпеливо продолжал: — Глория, согласись, что в течение всего времени до оглашения приговора ты могла использовать этот довод. Это самая старая, а в определенные периоды истории, единственная причина для разрыва супружества. И все же, стараясь разорвать нашу связь, ты не подумала о ней. Я считаю это подтверждением того, что в глубине души ты хочешь иметь меня своим мужем. Я хочу только быть с тобой рядом, и теперь имею и право просить об этом.

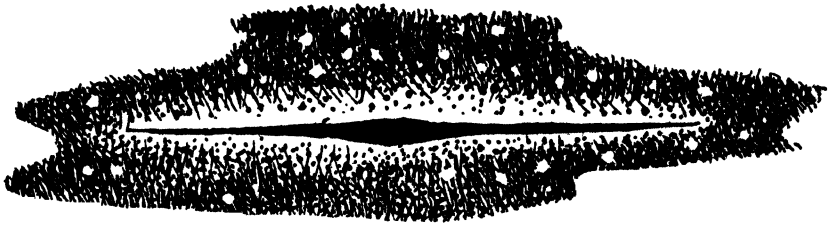
— Где же ты хочешь провести эти сорок восемь часов, которые,— медленно начала она и вдруг замолчала. Зрачки ее расширились.— Но это же смешно. Я не согласна участвовать в такой наивной романтической истории. Кроме того, С Дорадус совершенно не по пути.

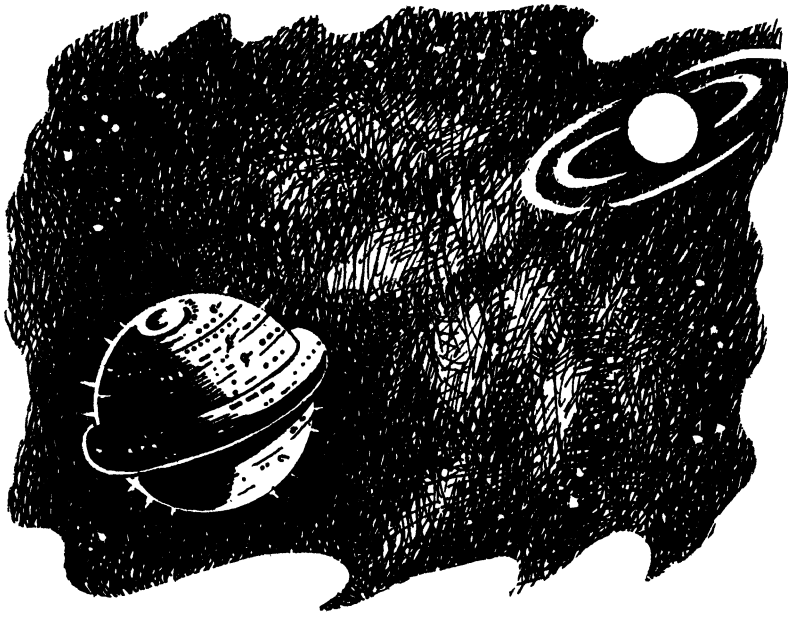
Взглянув поверх ее плеча, Мелтби заметил входящую в зал лейтенанта Неслор. Он послал ей короткий вопросительный взгляд, и она почти незаметно склонила голову. Тогда Мелтби вновь перевел взгляд на Глорию. Он не испытывал стыда из-за договора, заключенного с психологом, чтобы сразу после приговора она сняла искусственное психическое давление. Эта гордая молодая женщина нуждалась в настоящей любви больше, чем кто-либо на корабле. Лейтенант Неслор понимала это так же хорошо, как и он, поэтому сразу согласилась помочь. Зная, что у Глории уже нет прежней неприязни, хотя для достижения полного эффекта придется подождать, он сказал:

— Планета С Дорадус, где мы тогда разбились, расположена всего в восемнадцати часах пути отсюда. Мы возьмем спасательный катер, а потом догоним «Звездный Рой», не нарушая его курса.

— И ты ждешь,— язвительно сказала она,— что там я брошусь тебе в объятия?

— Да,— не колеблясь сказал он.— Именно этого.





М. Лейнстер

ПРОКСИМА ЦЕНТАВРА

1

«Адастра» уже сверкала, ведь от приближающегося Солнца ее отделяло небольшое расстояние. Наблюдающие за внешней поверхностью огромного корабля видеоэкраны передавали на внутренние мониторы слабый свет. Они показывали мощное округлое тело металлического шара, покрытое лесом кранов, слишком массивных, чтобы их могла передвигать сила меньшая, чем та, которой располагал сам корабль. Они показывали весь шар диаметром в тысячу пятьсот метров, как слабо светящийся объект, неподвижно висящий в пространстве.

Впрочем, последнее впечатление было ошибочно. Колоссальный, на первый взгляд, слишком огромный, чтобы хотя бы вздрогнуть под действием любой представимой силы, корабль именно сейчас

подвергался ее воздействию. В двенадцати точках его слабо поблескивающей обшивки находились отверстия, из которых вырывалось прозрачное пурпурное пламя. Оно давало мало света — меньше, чем звезда, к которой направлялся корабль — но это были дюзы ракет, поднявших «Адастру» с поверхности Земли и семь лет толкавших ее сквозь межзвездное пространство к Проксиме Центавра — ближайшей к Солнцу звездной системе.

Однако сейчас двигатели не разгоняли корабль: огромный шар тормозил. Он терял скорость — ровно 9,9 м в секунду — чтобы внутри корпуса создать эффект земной гравитации. Торможение продолжалось уже несколько месяцев. Корабль, который должен был первым преодолеть пространство между двумя солнечными системами, тормозил от максимальной скорости, близкой к скорости света, чтобы достичь такой, какая необходима для маневров в шестидесяти миллионах километров от поверхности звезды.

Далеко впереди Проксима Центавра призывно поблескивала. Видеоэкраны, показывавшие слабый отблеск звезды на панцире корабля, переносили ее изображение внутрь, и на экране главной рубки она виднелась с большим увеличением. Изображение это задумчиво разглядывал старый седобородый мужчина в мундире. Медленно, как будто повторял это уже много раз, он сказал:

— Довольно своеобразное кольцо: двойное, как кольцо Сатурна. У Сатурна девять лун. Интересно, сколько планет будет у этого солнца?

Девушка нетерпеливо откликнулась:

— Мы скоро узнаем это, не так ли? Ведь мы почти на месте, и уже знаем время обращения одной из них! Джек сказал...

Отец медленно повернулся в ее сторону.

— Джек?

— Гэри,— поправилась девушка.— Джек Гэри.

— Моя дорогая,— мягко сказал старец,— он производит впечатление порядочного человека и имеет большие способности, но он — бунт. Помни об этом!

Девушка закусила губу.

Старик продолжал, медленно и беззлобно:

— Это весьма прискорбно, что внутри экипажа экспедиции произошел раскол — внутри экспедиции, которая должна быть научной, проводимой в духе крестового похода. Ты даже плохо помнишь, как это началось, но мы, офицеры, слишком хорошо знаем, сколько усилий приложили бунты, чтобы погубить главную цель нашей экспедиции. Этот Гэри — из бунтов. Действительно, он по-своему сообразителен, и я даже позволил бы ему жить в офицерской кабине, но Ольстер проверил его и обнаружил нежелательные факты, сделавшие это невозможным.

— Я не верю Ольстеру! — с нажимом сказала девушка.— Кроме

того, именно Джек поймал те сигналы. Он над ними работает, офицер он или бунт! В конце концов, он человек. Близится время, когда сигналы могут прийти снова, и тут тебе придется положиться на него.

Старик нахмурился. Осторожно ступая, он подошел к креслу и сел с обычной, и пожалуй, патетической осторожностью. «Адастра» не требовала постоянного пребывания за пультом управления, как межпланетные корабли. Здесь, в межзвездной пустоте, не было необходимости следить за движением других кораблей, опасаться метеоритов или тех загадочных и до сих пор не изученных силовых полей, которые поначалу делали межпланетные путешествия такими рискованными.

В любом случае корабль был настолько велик, что мелкие метеориты не могли ему повредить, а при скорости, с которой он сейчас двигался, большие скальные обломки были бы обнаружены индукционными лучами достаточно рано, чтобы их локализовать и при необходимости сменить курс.

Боковая дверь в рубку внезапно открылась, и вошел мужчина. С быстротой профессионала он пробежал взглядом по рядам указателей; на мгновенье взглянув на щелкнувший переключатель, мужчина повернулся и старательно отсалютовал старику.

— А, Ольстер,— сказал тот.— Тебя тоже интересуют эти сигналы, а?

— Да, господин капитан. Конечно. И как ваш заместитель я предпочитаю держать вопрос на контроле. Гэри — это бунт, и я не хотел бы, чтобы он овладел информацией, которую мог бы скрыть от офицеров.

— Ерунда! — раздраженно бросила девушка.

— Возможно,— согласился с ней Ольстер.— Надеюсь, что это так. Даже уверен в этом, но не желаю пренебрегать осторожностью.

Застрекотал звонок. Ольстер нажал клавишу, и один из мониторов засветился. С экрана смотрело смуглое и мрачноватое лицо молодого мужчины.

— Минуточку, Гэри,— резко сказал Ольстер. Он нажал другую кнопку, и экран на мгновение потемнел, чтобы тут же осветиться вновь. На сей раз он показывал длинный коридор, по которому приближалась одинокая фигура. Вскоре на экране было то же самое бесстрастное лицо.

Ольстер еще резче произнес:

— Вторая дверь открыта, Гэри. Вы можете войти.

— По-моему, это омерзительно,— со злостью сказала девушка, когда экран погас.— Ты же знаешь, что можешь ему доверять! Должен! И все-таки каждый раз, когда он приходит в офицерские

каюты, ты ведешь себя так, словно у него в каждой руке по бомбе, а за спиной сопровождающие.

Ольстер пожал плечами и многозначительно посмотрел на старика, а тот устало сказал:

— Моя дорогая, Ольстер второй по званию после меня, и на обратном пути к Земле будет командиром. Я бы хотел, чтобы ты была благоразумной.

Однако девушка отвернулась от молодцеватой фигуры Ольстера в безупречно сшитом мундире, оперлась подбородком на сплетенные ладони и задумчиво смотрела в противоположную стену. Ольстер подошел к пульту управления и начал внимательно следить за движением указателей.

Тихо шумел вентилятор, потом как-то радостно, словно довольный собой, щелкнул переключатель. Больше ничто не нарушало тишину.

«Адастра», самое мощное творение человеческой расы, мчалась в космическом пространстве; свет далекого солнца матово отражался от ее корпуса. Земля осталась в семи годах и неисчислимых миллионах километров позади. Межпланетные путешествия в Солнечной Системе были уже обычным явлением; процветающая колония на Венере и с большим трудом поддерживаемая станция на самом крупном спутнике Юпитера, гарантировали динамичное развитие межпланетной торговли, даже после того, как мертвые города Марса перестали давать баснословную прибыль. Однако лишь один корабль пересек орбиту Плутона — и была им «Адастра».

Это был самый крупный из всех кораблей, самая колоссальная конструкция, которую когда-либо создавали люди. Честно говоря, проект ее сначала высмеяли как нереальный для людей — людей, которые в конце концов его реализовали. Шпангоуты скелета «Адастры» были так велики, что после отливки их нельзя было перенести ни одним краном, поэтому формы сразу устанавливали в тех местах, где должны были оказаться шпангоуты, и там же заливали их металлом. Дюзы ракетных двигателей были настолько мощными, что ультразвуковые импульсы, необходимые для нейтрализации эффекта поля Колдуэлла, генерировались в тридцати различных местах на каждой из них, поскольку иначе дезинтеграция топлива распространилась бы на сами дюзы, а потом и на весь огромный корабль, чтобы в конце концов превратить в сноп пурпурного огня саму планету творцов «Адастры». При максимальном ускорении двенадцать дюз дезинтегрировали пять кубических сантиметров воды в секунду.

Диаметр корабля составлял несколько больше полутора километров. Топливные баки содержали запас, достаточный для всего путешествия, без необходимости регенерации или очистки атмосферы. Склады, мастерские, запасы материалов и частей были так

велики, что перечисление их было бы просто списком ничего не говорящих цифр.

Внутри корабля находились даже сто пятьдесят гектаров пахотной земли, где под светом ламп, имитирующих солнечные лучи, выращивались растения; они перерабатывали отходы органической материи и возвращали в обращение выдыхаемый людьми углекислый газ — частично в виде кислорода, а частично в виде съедобных углеводородов.

«Адастра» была замкнутым миром. Имея достаточно энергии, она могла содержать свой экипаж бесконечно, поставляя ему питание и атмосферу; внутри корабля было достаточно места для обеспечения всех человеческих потребностей, включая потребность в одиночестве.

Отправляясь в самое удивительное путешествие в истории человечества, корабль формально получил статус государства, а его капитан — полномочия для установления и исполнения необходимых законов. Они летели к цели, удаленной на четыре световых года; минимальное время, через которое можно было ожидать возвращения корабля, оценивалось в четырнадцать лет. Никакой экипаж не смог бы вынести такого долгого путешествия и остаться целым, поэтому люди отбирались не в одиночку, а семьями.

Когда «Адастра» поднималась с поверхности Земли, на борту ее было пятьдесят детей, а в первый год путешествия родились еще десять. Людям на Земле казалось, что могучий корабль мог не только бесконечно поддерживать существование своего экипажа, но сам экипаж, обладающий более чем достаточными ресурсами для науки и развлечений, мог восстанавливаться в такой степени, что тысячелетний полет становился столь же возможным, как эта небольшая прогулка до Проксимы Центавра.

Так бы оно и случилось, если бы не явление настолько незначительное, что его никто не предусмотрел. Явлением этим была скука. Не прошло и полугода, как полет перестал быть исключительным событием. Путешествие на большом корабле стало убийственно скучным, особенно для женщин.

«Адастра» уподобилась огромному муравейнику, в котором не было газет, магазинов, новых фильмов, новых лиц или хотя бы мелких неудобств, вызываемых сменой погоды. Мелочная детальность всех приготовлений к путешествию лишила его какого-либо разнообразия. Это и означало скуку.

Скука же влекла за собой беспокойство, а беспокойство, когда на борту есть женщины, мечтавшие о невероятных приключениях, означало дьявольские неприятности. Мужья перестали быть для них героями, превратившись в обыкновенных людей. У мужчин тоже были подобные разочарования. Заявления о разводах заполнили стол капитана, поскольку именно он олицетворял на корабле

власть. На восьмом месяце произошло одно убийство, в следующие три — еще два.

Через полтора года полета экипаж оказался на грани бунта. Когда прошли два года, кабины офицеров отделили от большей части «Адастры», людей разоружили, а за любой работой, выполнения которой требовали от бунтовщиков, следили офицеры, готовые применить оружие. Через три года экипаж потребовал возвращения на Землю, но за время, в течение которого «Адастра» могла бы погасить свою невероятно большую скорость и остановиться, она оказалась бы так близко от первоначальной цели путешествия, что это не имело большого значения для общего времени полета. Поэтому оставшееся время члены экипажа старались облегчить себе монотонность жизни любыми развлечениями, какие только можно было придумать при фактическом отсутствии потребности в настоящей работе.

Обитатели офицерских кабин называли своих подчиненных термином, который стал прозвищем для всех прочих участников полета — сокращением от слова «бунтовщики». Экипаж не желал поддерживать какие-либо отношения с офицерами, но, вопреки утверждениям Ольстера, реальной угрозы бунта не было. С некоторым опозданием между сторонами установилось что-то вроде внутреннего равновесия.

Большая часть экипажа выработала у себя взамен дерганой психики жителей изолированного от остального мира небоскреба психику жителей изолированной деревни. Разница между ними принципиальна. К условиям изоляции и монотонности особенно хорошо приспособились дети, выросшие за время экспедиции.

Джек Гэри был одним из них. Когда путешествие только началось, ему было шестнадцать лет. Он был сыном ракетного инженера; отец его умер на втором году путешествия. Другим примером этого типа была Элен Бредли. Когда ее отец — автор проекта и командир огромного корабля — нажал кнопку, запустившую ракету, ей было четырнадцать лет.

Уже в момент начала полета отец ее был более чем в преклонном возрасте. Быстро состарившийся под гнетом ответственности, длящейся непрерывно уже семь лет, он был сейчас старцем и знал — как знала это Элен, хотя и не могла с этим смириться — что не переживет долгого обратного путешествия. Его место должен был занять Ольстер, наследуя одновременно связанный с постом руководителя деспотический авторитет. При этом еще Ольстер хотел жениться на Элен.

Опершись подбородком на ладони, она и думала сейчас обо всем этом.

Было тихо, слышался только посвист вентилятора и время от времени радостное тиканье переключателей, управляющих автома-

тами, следившими, чтобы в мире, называемом «Адастрой», никогда не произошло ничего плохого.

Стук в дверь. Капитан поднял веки: он был очень стар и минуту назад задремал.

— Войдите! — коротко бросил Ольстер.

Джек Гэри вошел и отсалютовал, обращаясь к капитану. Это соответствовало уставу, но Ольстер бросил на него яростный взгляд.

— А, это вы, Гэри,— сказал капитан.— Кажется, близко время, когда мы ожидаем получения новых сигналов, верно?

— Да, господин капитан.

Джек Гэри был очень спокоен и деловит. Только один раз, когда он искоса взглянул на Элен, в его облике проскользнуло что-то, кроме позы человека, поглощенного работой. За бесконечно малую долю секунды взгляд его нечто сказал ей, заставившее ее радостно просиять.

Ольстер заметил этот короткий взгляд и жестко сказал:

— Вы продвинулись в расшифровке сигналов, Гэри?

Глядя на записи в блокноте, Гэри установил шкалу трансволнового приемника. Не прерывая настройку аппаратуры, он ответил:

— Нет. Сначала повторяется один и тот же набор сигналов, который должен быть чем-то вроде позывных, поскольку часть его используется как подпись в конце передачи. С позволения капитана я воспользовался первой частью этого блока сигналов как позывными в наших передачах, отправляемых в ответ на те. Просматривая записанные передачи, я наткнулся на нечто, показавшееся мне важным.

— Что это такое, Гэри? — мягко спросил капитан.

— Уже несколько месяцев мы посылаем сигналы вперед направленным лучом. Это была ваша идея — высылать сигналы вперед, чтобы в случае существования цивилизованных жителей на планетах, кружащихся вокруг солнца, к которому мы летим, они убедились, что наши цели мирные.

— Верно,— согласился капитан.— Было бы трагично, если бы первый межзвездный контакт оказался иным.

— Уже почти три месяца мы получаем ответ на наши сигналы и всегда с промежутками более чем в тридцать часов. Разумеется, мы предположили, что их посылает стационарный передатчик и что действует он раз в сутки, когда находится в положении, наиболее подходящем для связи с нами.

— Конечно,— сказал капитан.— Мы рассчитали период вращения планеты, с которой приходят сигналы.

Джек Гэри закончил настройку и повернул выключатель. В динамике появился нарастающий шум, который тут же смолк. Джек еще раз проверил взглядом указатели.

— Я сравнивал записи, господин капитан, беря поправку на наше приближение к источнику передачи. Поскольку мы резко уменьшаем расстояние между нами и звездой, нашим сегодняшним сигналам, чтобы дойти до нее, требуется на несколько секунд меньше, чем вчерашним. Их сигналы должны демонстрировать то же самое сокращение перерыва между передачами, если их действительно отправляют каждый день в один и тот же момент планетарного времени.

Капитан благожелательно кивнул.

— Поначалу так и было,— продолжал Джек,— но около трех недель назад продолжительность перерыва между передачами совершенно изменилась. Это касается силы сигнала, а также формы волны, как будто теперь их посылает другой передатчик. Кроме того, в первый день после этой смены сигнал дошел до нас быстрее на секунду, чем это следовало из нашей скорости сближения со звездой. На второй день сигналы пришли на три секунды раньше, на третий — на шесть, на четвертый — на десять... и так далее. Еще около недели назад сигналы приходили с упреждениями, увеличивающимися в арифметической прогрессии, затем упреждение стало вновь уменьшаться.

— Чушь! — резко бросил Ольстер.

— Так утверждают записи,— решительно ответил Джек.

— Ну, и как вы это объясните, Гэри? — спросил капитан.

— Они передают с космического корабля,— коротко ответил Джек.— Он приближается к нам с ускорением в четыре раза больше нашего и посылает сигналы с тем же интервалом, что и прежде — по их часам.

Воцарилась тишина. Элен Бредли блаженно улыбалась. Капитан задумался, наконец, признал:

— Очень хорошо, Гэри. Это звучит убедительно. Что дальше?

— Итак, господин капитан,— продолжил Джек,— поскольку направление смещения приходящих сигналов во времени неделю назад изменилось на обратное, похоже, что приближающийся космический корабль начал торможение. Вот мои расчеты, господин капитан. Если сигналы посылаются через то же время, что и сначала, это означает, что к нам приближается космический корабль, тормозящий, чтобы остановиться и изменить курс. Его курс и скорость сравняются с нашими через четыре дня и восемнадцать часов. Они хотят застать нас врасплох этой встречей.

Лицо капитана просветлело.

— Великолепно, Гэри! Это действительно высоко развитая цивилизация! Что за встреча! Два народа, разделенные четырьмя световыми годами пространства! Подумать только, какие чудеса мы увидим! И представьте, они послали корабль далеко за пределы своей системы, чтобы нас встретить и приветствовать!

Джек был настроен более серьезно.

— Надеюсь, что да, господин капитан,— сухо сказал он.

— Дальше, Гэри,— зло сказал Ольстер.

— Что ж,— задумчиво произнес Джек,— они делают вид, что посылают сигналы со своей планеты — передают, как им кажется, через те же интервалы. Если бы захотели, то могли бы обмениваться с нами сигналами двадцать четыре часа в сутки и начать работу по согласованию кода для обмена информацией. Вместо этого они пытаются обмануть нас. Полагаю, что в лучшем случае они прибудут, готовые к схватке. Если не ошибаюсь, сигналы пойдут через три секунды.

Он замолчал и стал смотреть на шкалу приемника. Из аппарата ползла лента, регистрирующая сигналы по мере их поступления, и другая, записывающая глубины модуляции. Обе они были чисты.

Но вдруг — ровно через три секунды — самописцы дрогнули, и на ползущих лентах бумаги появились тонкие белые линии. Из динамика донеслись звуки.

Это был голос — сомнений не было. Хрипловатый и одновременно шипящий, больше всего похожий на стрекот насекомого. Однако звуки, из которых он состоял, модулировались таким образом, каким не смогло бы сделать этого ни одно насекомое. Явно образующие что-то вроде слов без гласных, но различающиеся родом и напряженностью звука.

Трое мужчин, сидевших в рубке, уже много раз слышали эти слова, так же, как и девушка, но именно теперь они произвели на нее впечатление угрозы, брани, скрываемой жажды уничтожения; слушая их, она почувствовала, что кровь стынет в ее жилах.

2

Корабль мчался в космосе; дюзы его двигателей посылали вперед тонкие и, казалось, несоизмеримо слабые, по сравнению с массой «Адастры», пурпурные языки пламени, которые не выделяли ни дыма, ни газов и казались лишь маленькими огоньками, необъяснимым образом горящими в пустоте.

Во внешнем его виде не происходило никаких перемен уже много лет. Время от времени люди выбирались из шлюза и двигались по поверхности корабля, расплавляя сталь под ногами огнем, вырывающимся из термических излучателей. Потребности в подобной экспедиции не было уже давно.

Однако сейчас в слабом свете Проксимы Центавра из маленького шлюза выскользнул человек в космическом скафандре и тут же оторвался от корабля на всю длину тонкого, как паутина, страховочного каната. Постоянное ускорение создавало искусствен-

ную гравитацию не только внутри шара, все, что двигалось вместе с «Адастрой», подчинялось тому же воздействию. Человек на передней тормозящей поверхности корабля был отброшен в пространство моментом своей собственной массы и той же силой, что внутри корабля прижимала его ноги к полу.

Он подтянулся обратно, затратив на это огромные усилия; двигался неуклюже, что еще больше подчеркивала округлость раздутого скафандра. Схватившись за поручень, он на время работы сверлом пристегнулся карабином, потом еще более неловко перебрался на другое место и продолжал сверлить. Так он сменил пять мест, а затем на стальной поверхности, которая, казалось, всегда была над ним, не менее получаса возился с установкой сложной путаницы стеллажей и проводов. В конце концов, довольный проделанной работой, он подтянулся обратно и забрался в шлюз. «Адастра» мчалась вперед, совершенно не изменившаяся, кроме маленькой выпуклой конструкции из проволоки диаметром около десяти метров, которая больше всего походила на микроскопические заграждения из колючей проволоки.

Когда уже внутри корабля Джек освобождался от космического скафандра, его горячо приветствовала Элен Бредли.

— Это было ужасно! — сказала она.— Так смотреть на тебя, висящего на той паутине, над миллионами километров космической пустоты под ногами!

— Если бы канат лопнул, твой отец повернул бы корабль, чтобы подцепить меня,— тихо ответил Джек.— Пойдем включим индуктор, проверим, как действует новая приемная антенна.

Он повесил скафандр на место. Когда они выходили из шлюза, их руки случайно соприкоснулись, и молодые люди заколебались, поглядывая друг на друга. Потом остановились: глаза Элен сверкали. Руки Джека нетерпеливо поднялись...

Поблизости послышались шаги, из-за угла вышел Ольстер — заместитель капитана корабля — и остановился как вкопанный.

— Что это значит? — яростно спросил он.— То, что капитан пустил тебя в офицерскую часть корабля, вовсе не значит, что ты можешь вводить здесь стиль флиртования бунтов!

— Как ты смеешь! — гневно крикнула Элен.

Огненный румянец на лице разъяренного Джека быстро сменился бледностью.

— Возьми свои слова назад,— сказал он тихо, очень тихо.— Возьми их назад, или я покажу тебе стиль борьбы бунтов при помощи излучателя поля. Как офицер я тоже теперь вооружен.

Ольстер что-то буркнул и обратился к девушке:

— Твоему отцу плохо,— зло сказал он.— Ожидание конца полета давало ему силы, но теперь...

Девушка, вскрикнув, выбежала.

Ольстер резко повернулся к Джеку.

— Я ничего не возьму назад,— бросил он.— По приказу командира ты стал офицером, но ты — бунт, и, когда командиром стану я, долго ты офицером не останешься. Предупреждаю! Что вы здесь делали?

Джек смертельно побледнел, но звание офицера, дающее ему возможность часто видеться с Элен, было слишком ценным, чтобы потерять его. Кроме того, у него была работа, а выполнить ее не будучи офицером он не мог.

— Я монтировал на поверхности интерференционную решетку,— сказал он,— чтобы запеленговать станцию, посылающую сигналы, которые мы принимаем. Некоторое время она будет действовать как индуктор и гораздо точнее, чем главные индукторы корабля.

— Вот и занимайся своей чертовой работой,— резко бросил Ольстер.— Посвящай побольше внимания ей, а не флирту!

Джек подключил кабель решетки, которую недавно смонтировал, к трансволновому приемнику. Работал он около часа, все более и более мрачнея. Происходило что-то непонятное. Индуктор фиксировал вокруг «Адастры» полную пустоту. Поначалу интерференционная решетка показывала положение крупного объекта, удаленного на два миллиона километров и немного в сторону от курса «Адастры», потом вдруг все касающиеся его показания исчезли. Указатели всех датчиков трансволнового приемника встали на ноль.

— Проклятье! — выругался Джек.

Он изменил настройку на пульте управления, ненадолго задумался, а затем одновременно переключил частоту в главных индукторах и интерференционной решетке. Затаив дыхание, он ждал полминуты — столько времени требовалось волнам на новой частоте, чтобы преодолеть три миллиона километров, а потом войти в анализатор, передавая информацию о любом объекте в пространстве, который мог их исказить.

26, 27, 28 секунд... И тут на огромном корабле включились все сигналы тревоги. Все аварийные переборки «Адастры» с шипением закрылись, превращая каждый коридор в шлюз. Секундой позже осветились экраны мониторов в главной рубке.

— Управление Ракетными Двигателями готово!

— Персонал Воздушной Системы готов!

— Силовая установка готова!

Джек коротко бросил в микрофон:

— Главные индукторы обнаружили в двух миллионах километров объект, с большой скоростью движущийся в нашем направлении. Капитан болен, поэтому прошу найти его заместителя Ольстера.

Дверь резко открылась, и в рубку ворвался сам Ольстер.

— Что за черт? — заорал он.— Вы что, спятили, включать общую тревогу?! Индукторы...

Джек указал на пульт главного индуктора. Стрелки всех приборов по-прежнему выдавали информацию о причине, вызвавшей продолжавший звучать сигнал тревоги. Ольстер тупо посмотрел на приборы, и пока он на них пялился, все стрелки вернулись на ноль.

Лицо Ольстера отразило удивление: это была пустота, настолько же лишенная выражения, как и показания приборов.

— Они обнаружили наш луч,— мрачно сказал Джек,— и спрятались за каким-то излучением, которое его нейтрализовало, потому я установил две частоты и одновременно заменил их, а они не сумели перенастроить нейтрализаторы так быстро, чтобы не включились наши сирены.

Ольстер молча стоял, борясь с яростью, терзавшей его. Наконец нехотя согласился:

— Вы правы, Гэри. Хорошая работа. Продолжайте наблюдение.

Сказав это, он холодно и с достоинством принял командование огромным кораблем, хотя, честно говоря, сделать можно было немного. Всевозможные приготовления к отражению угрозы были закончены через пять минут. Потом Ольстер вновь обратился к Джеку.

— Я не люблю вас,— холодно сказал он.— В личном плане, как мужчина, я вас терпеть не могу, но как заместитель капитана, исполняющий обязанности командира корабля, должен признать, что вы отлично показали себя, обнаружив хитрость наших друзей — попытку приблизиться на расстояние атаки без нашего ведома.

Джек не ответил. Он хмурился, потому что думал об Элен.

«Адастра» была большим, но слабо маневренным кораблем. Она была чрезвычайно массивна и все же не годилась для тарана. Располагала почти неограниченной мощью уничтожения благодаря устройствам, создающим поле Колдуэлла для дезинтеграции материи, но не имела вооружения более мощного, чем двухмегаваттное вихревое орудие, предназначенное для уничтожения опасных животных и растений там, где они могли бы приземлиться.

— Каково ваше мнение? — коротко спросил Ольстер.— Как вы оцениваете ситуацию?

— Они ведут себя так, словно планируют враждебные действия,— ответил Джек.— Ускорение у них в четыре раза больше нашего, так что убежать мы не сможем. С таким ускорением они должны быть более маневренными. Мы не имеем ни малейшего понятия, каким оружием они располагают, но знаем, что не можем с ними бороться, разве что у них какое-то очень примитивное вооружение. Я вижу только один шанс...

— Какой?

— Они пытались приблизиться к нам тайком, видимо, собираясь неожиданно открыть огонь. Но возможно, они просто боятся и хотели только присмотреться к нам, не давая возможности атаковать их. В таком случае единственным разумным ходом с нашей стороны будет направить на их корабль сигнальный луч. Когда они поймут, что нам известно их положение и мы не предпринимаем враждебных действий, едва ли они подумают, что мы не можем сражаться. Скорее они решат, что мы настроены миролюбиво и лучше не задевать корабль такого размера, знающий их местонахождение и готовый отразить нападение.

— Очень хорошо,— сказал Ольстер.— Вы откомандировываетесь к службе связи. Продолжайте заниматься своей программой. Я проконсультируюсь с ракетными инженерами и посмотрю, что они смогут придумать для вооружения. Вы свободны.

Голос его звучал резко, даже грубо, он действовал Джеку на нервы, от него буквально бежали мурашки по коже. Однако следовало признать, Ольстер не позволял своей личной антипатии повредить кораблю. Он был одним из тех офицеров, которых искренне ненавидят все — пока не появится конкретная угроза. Только тогда проявляется их умение.

Джек отправился в помещение, где располагались манипуляторы устройств связи. Перемещение луча не потребовало много времени. Передатчик начал монотонно посылать запись последней передачи «Адастры» для далекой и до сих пор не идентифицированной планеты, обращающейся вокруг окруженной кольцами звезды. Пока в эфир раз за разом уходили сигналы, Джек приказал оператору связи переключить образ чужого корабля на экран.

Они держали его теперь в луче сканнера, а усиление яркости и масштаба увеличения позволило получить на мониторе изображение чужого корабля в виде миниатюры диаметром тридцать сантиметров.

Форму он имел яйцевидную и был идеально гладок. Ни следа ребер, выдвигающихся крыльев для полета в атмосфере или башенок спасательных шлюпок. Не видно было абсолютно никаких деталей, кроме дюз, из которых время от времени брызгал огонь, и маленьких точек, которые могли быть иллюминаторами. Корабль продолжал тормозить, чтобы уравнять скорость и курс с «Адастрой».

— Спектроскопический анализ готов? — спросил Джек.

— Да,— ответил дежурный наблюдатель.— Но в него трудно поверить. Они пользуются ракетами на жидком топливе — какая-то органическая смесь. Кроме того, из расчетов следует, что корпус этой телеги из целлюлозы, а не металла. Снаружи она деревянная.

Джек пожал плечами. Ни следа оружия.

Он снова принялся за работу. Чужой корабль непрерывно просвечивался насквозь лучами сканнера, и приборы не могли не

обнаружить, что на корабль направлен луч, следящий за каждым его движением, и значит, присутствие и, вероятно, цель пришельцев известны на могучем корабле из далекого пространства.

Все же приемники Джека молчали. Лента ползла из них без следа записи. Хотя... Джек присмотрелся внимательнее: на ленте виднелась странная, смазанная линия, как будто анализаторы приемников не могли работать на частоте принимаемых ими волн. Джек взглянул на указатель теплового эффекта. Чужой корабль излучал с мощью, означавшей, что «Адастра» принимает пять тысяч киловатт. Однако это не было попыткой связи. Джек помрачнел, потом переключил принимаемое излучение в пятиметровый диапазон и прочел его частоту и тип. После этого соединился с главной рубкой.

— Они всаживают в нас короткие волны,— спокойно доложил он Ольстеру.— Около пяти мегаватт на тридцатисантиметровых волнах. Излучение того типа, который на Земле использовали для уничтожения вредителей на полях. Смертельно для живых существ, но наш корпус его просто поглощает.

Элен... Остановить «Адастру» было невозможно. Хотя торможение продолжалось, они еще недостаточно приблизились к системе Проксимы Центавра, а уже были атакованы кораблем, чье ускорение четырехкратно превосходило их собственное. Этот корабль накачивал их убийственным излучением.

— Может, они думают, что мы уже мертвы? И придут к выводу, что наш передатчик работает автоматически?

Внезапно из динамика бортового радиоузла послышался голос Ольстера:

— Внимание всем офицерам! Вражеский корабль направил на нас лучи, которые, вероятно, считает смертоносными. Сейчас он приближается к нам с максимальным ускорением. Приказываю ни в коем случае не трогать механизмы управления: нынешнее их положение не должно измениться ни на волос. Не должно быть никаких признаков присутствия разумной жизни на борту «Адастры». У работающих устройств должны постоянно находиться дежурные на случай необходимости срочного маневра. Пока делаем вид, что «Адастра» летит под контролем автоматов. Все понятно?

Джек легко представил себе рапорты центров управления отделами. Внезапно ожил его собственный приемник. Послышались похожие на гудки звуки вызова, знакомые настолько, что производили впечатление слов, потом какафония звуков и слова, произносимые человеком. Снова гудки — и опять слова на отличном английском — явно воспроизведенная запись передачи «Адастры».

— Связисты,— приказал Ольстер,— не отвечать на эти сигналы. Это проверка, уцелели ли мы после их атаки.

— Понял,— ответил Джек.

Ольстер был прав. Джек смотрел на указатели и слушал, а из динамика лилась бессмысленная болтовня. Потом прекратилась. Десять минут было тихо, затем все началось сначала.

«Адастра» мчалась сквозь вакуум. Бессмыслица из космического пространства кончилась, и секундой позже снова заговорил радиоузел.

— Вражеский корабль увеличил ускорение; они явно уверены, что мы все погибли. Через четыре часа они будут рядом с нами, поэтому на три часа возобновляются обычные вахты.

Джек откинулся на спинку кресла и нахмурился. Он начинал понимать тактику, которой решил придерживаться Ольстер. Это была плохая тактика, и в то же время единственная, которой мог воспользоваться беззащитный корабль вроде «Адастры».

Однако неудача первой атаки вовсе не означала, что все последующие тоже кончатся ничем. «Адастра» просто не могла остановиться еще много миллионов километров. Если даже отчаянный план Ольстера поможет справиться с этим конкретным нападающим и этим конкретным оружием, это вовсе не означало — просто не могло означать — что «Адастра» или люди на ее борту получат хотя бы шанс, чтобы защититься. А ведь здесь была Элен...

3

Странный корабль был теперь отчетливо виден на мониторах — даже без увеличения. Он остановился в десяти километрах от «Адастры».

Идеально яйцевидный, без каких-либо выступающих частей, кроме кормовых дюз, он висел неподвижно относительно земного корабля, и это означало, что его навигаторы давно уже проанализировали ускорение тормозящей «Адастры» и точно подогнали к нему все параметры своего курса.

Элен со все еще мокрым от слез лицом смотрела, как Джек усиливает яркость и увеличение изображения. Ее отец сломался внезапно и окончательно. Сейчас он отдыхал, почти непрерывно находясь в дреме, с выражением блаженного удовлетворения на лице.

Он пилотировал «Адастру» до момента первого контакта с цивилизацией иной звездной системы. Дело его жизни было выполнено, и он целиком отдался отдыху. Разумеется, он не знал, что первым настоящим контактом с чужим космическим кораблем был удар коротких волн с частотой, убийственной для живых существ.

Космический корабль на экране монитора увеличивался по мере того, как Джек вращал ручку, приближая его. Теперь даже

света звезд, отраженного от «Адастры» должно было хватить для выявления каких-либо деталей поверхности. Но их не было — совершенно никаких. Ни заклепок, ни болтов, ни даже линий стыков плит корпуса. Ряд иллюминаторов был темным и не показывал никаких признаков жизни внутри.

— Вот это дерево! — повторил Джек.— Корабль сделан из какого-то вида целлюлозы, которая выдерживает холод космического пространства.

— По-моему, это похоже скорее на выросшее, чем на построенное,— тихо сказала Элен.

Джек удивленно заморгал, потом открыл было рот, но тут приемник у его локтя разразился звуками, похожими на гудение и жужжание насекомого: это были сигналы с чужого корабля. Потом английские слова, записанные с предыдущих передач «Адастры». Искушение ответить им было велико.

— Во всяком случае они хитры,— мрачно заметил Джек.

Сигналы смолкли. Тишина. Джек взглянул на ленту с записью принимаемых волн. На ней виднелись такие же, как прежде, затертые линии.

— Снова короткие. На таком расстоянии они должны не только убить нас, но еще и стерилизовать корабль. К счастью, наш корпус сделан из тяжелого сплава с высоким коэффициентом гистерезиса. Ни один квант этого излучения не сможет пройти сквозь него.

На долгое время воцарилась тишина. Лента с записью показывала, что мощный поток тридцатисантиметровых волн по-прежнему омывает корпус «Адастры». Джек вдруг соединился с вахтой и задал вопрос. Да, он не ошибся — внешняя оболочка корабля нагревалась. За пятнадцать минут ее температура повысилась на полградуса.

— Нечего беспокоиться,— буркнул он.— Пятнадцать градусов — это все, чего они добьются такой мощностью.

Запись на ленте кончилась. Смертоносное, как считали чужаки, излучение прекратилось. Яйцевидный корабль рванулся вперед. Следующие двадцать минут Джеку пришлось переключаться на все новые экраны, чтобы удержать чужаков в поле зрения. Чужой корабль летал над корпусом «Адастры» осторожно, но с назойливым любопытством — то в полукилометре, то в двухстах метрах, прыгал то туда, то сюда с удивительным ускорением и не менее удивительной способностью останавливаться на месте. Дюзы ракетных двигателей имелись у него только на большем конце яйцевидного корпуса, и каждый раз, желая изменить направление, ему приходилось поворачиваться целиком, поэтому гироскопы у него наверняка были очень мощными. И все равно от стремительности его движений перехватывало дыхание.

— Не хотел бы я находиться внутри него,— сказал Джек.—

Обычные для них методы навигации превратили бы нас в кашу. Это не люди, как мы, они могут выдержать гораздо больше.

Чужой корабль казался разумным, даже живым существом, а стремительность движений делала его еще более пугающим, когда он крутился вокруг гигантского космического корабля, который чужаки считали сейчас огромным гробом.

Внезапно чужой корабль резко повернул и направился к «Адастре». Двести метров, сто, двадцать... Наконец он мягко остановился на поверхности земного корабля.

— Теперь мы взглянем на них,— сказал Джек.— Они сели возле шлюза, значит, явно знают, что это такое. Посмотрим на их скафандры.

Элен подавила крик. Часть борта чужого корабля начала вдруг вздуваться, как пузырь, коснулась поверхности «Адастры» и, казалось, прилипла к ней. Поверхность соприкосновения все увеличивалась.

— О, Боже! — сказал Джек бесцветным голосом.— Неужели он живой? И хочет сожрать наш корабль?

Из динамика центрального радиоузла донеслась команда:

— Вооруженным офицерам немедленно собраться у шлюза СН41. Центаврийцы открывают его снаружи. Ждать на месте дальнейших распоряжений! Видеоэкран в шлюзе действует, по ходу дела вас будут информировать. Выполняйте!

Динамик затих. Джек схватил тяжелое оружие — один из тех излучателей поля, которые оглушали человека на расстоянии до двух километров, а с шести метров, если использовать полную мощность — убивали. В кобуре на поясе у него было оружие для ближнего боя. Он направился к двери.

— Джек! — отчаянно крикнула Элен.

Он поцеловал ее. Губы их встретились впервые, но казалось вполне естественным, что это случилось именно сейчас.

Джек бегом помчался по длинным коридорам «Адастры» к назначенному месту сбора, и, пока бежал, мысли его ничуть не походили на мысли ученого и офицера первой земной межзвездной экспедиции. Он думал о губах Элен, отчаянно приникающих к его губам, о прижавшемся к нему мягком теле девушки.

Сверху донесся шепот, идущий из динамиков центрального радиоузла:

— Они внутри шлюза. Открыли его без труда. Сейчас изучают наш воздух. Похоже, он их вполне устраивает.

Динамик остался позади, а Джек, задыхаясь, мчался дальше. Перед ним бежал кто-то другой. Шесть, потом двенадцать человек собрались в конце коридора. Сбоку, от стены, донесся сдавленный голос:

— ...ятся со внутренней дверью шлюза. Похоже, только чет-

веро или пятеро войдут в корабль. Нужно позволить им удалиться от шлюза подальше, поэтому все спрячьтесь. Когда задвинутся аварийные переборки, это будет сигнал для вас. Используйте тяжелые излучатели, увеличивая мощность от минимума до тех пор, пока они не упадут парализованными. Вероятно, потребуется большая мощность, чтобы их повалить. Если возможно — не убивать. Приготовиться!

Вокруг была дюжина или даже больше офицеров. Толстый начальник отдела ракетных двигателей, худощавый офицер вентиляционной службы, подофицеры из других отделов. Толстый начальник ракетчиков засопел, торопливо ища убежище. Потом что-то щелкнуло со стороны внутренней двери шлюза, и она открылась. Изнутри доносились приглушенные уханья. Существа — кем бы они ни были — изучали висящие там скафандры. Поначалу звуки интонировались отчетливо и можно было различить уханье отдельных особей, но внезапно из шлюза понеслось неразборчивое бормотанье — несколько существ заговорили одновременно. В голосах их звучало возбуждение, алчность и ноты триумфа.

Затем что-то шевельнулось в дверях шлюза, какая-то тень вышла за порог, и люди увидели существ, которые напали на их корабль.

В первое мгновенье они показались совершенно похожими на людей. У них были две ноги и две свисающие по бокам верхние конечности — щупальца, явно служившие руками и постепенно истончавшиеся, переходя в тонкие, подвижные отростки. И ноги и щупальца производили впечатление гибких по всей длине; в них не было суставов, использовавшихся людьми при ходьбе, отчего движения центаврийцев были удивительно мягкими.

Однако самым странным было то, что у них не имелось голов. Раскачиваясь на ходу, они вышли из шлюза, и каждый на конце одной из рук имел странный полуцилиндрический предмет, который нес так, словно это было оружие. К туловищу крепились металлические контейнеры, а само туловище было волокнистым и в строении его кожи виднелось что-то удивительно знакомое.

Удивленно смотревший Джек искал глаза, ноздри, губы, но заметил только узкие щелки. Может, это и есть глаза? Ничего похожего на рот вообще не было. Волос тоже не было, но на спине одного из существ, когда то повернулось, чтобы возбужденно проухать что-то остальным, он заметил пористую коричневатую субстанцию. Она выглядела как кора, кора дерева. И вдруг Джека осенило. Он едва не закричал, но вместо этого наклонился и тихонько передвинул рукоять, регулирующую уровень излучения, сразу на максимум.

Существа двигались вперед. Они дошли до разветвления коридора и, помахав руками, издавая при этом артикулированные

звуки, разделились на две группы. Потом исчезли из поля зрения, их голоса удалились. Офицеры, оставшиеся позади, беспокоились, что сигнал атаки еще не был дан. Из динамика радиоузла донесся шепот:

— Спокойно! Они уверены, что все мы мертвы. Снова разделяются. Может, нам удастся закрыть аварийные переборки и запереть их по одному. Тогда мы займемся ими по очереди. А вы наблюдайте за шлюзом.

Тишина, слышно только гудение работающего где-то рядом вентилятора. Потом где-то далеко пронзительно закричал человек и, прежде чем крик его стих, раздался голос одного из существ. Это был высокий, пискливый визг — радостный, триумфальный и невыразимо страшный.

Ему ответили другие взвизгивания, поднялась суматоха, словно остальные создания бежали к первому. И тут зашипел сжатый воздух, отделяя каждую часть корабля от остальных. В гробовой тишине фрагмента коридора, в котором были отрезаны офицеры, дежурившие у шлюза, они вдруг услышали удивленное уханье.

Из шлюза появились еще два существа. Один из людей дрогнул, существо заметило это и направило в его сторону полуцилиндрический предмет. Человек — а это был офицер связи — крикнул и конвульсивно дернулся. В ту же секунду, как мышцы его напряглись для отчаянного прыжка, он вдруг рухнул мертвый как камень.

Существо издало высокий, триумфальный визг, такой же, какой они слышали недавно, и жадно бросилось к телу. Одна из длинных, утончающихся рук метнулась вперед и коснулась руки мертвого человека.

И в этот момент загудел излучатель Джека; за ним начали стрелять остальные. В несколько секунд помещение заполнил звук, похожий на жужжание разозленных пчел. Еще три существа появились из люка, но тут же упали под перекрестным огнем силовых полей излучателей. Люди прекратили стрелять, только когда почувствовали резкое движение воздуха в сторону шлюза: это означало, что на корабле врага поняли опасность и чужаки уходят. Требовалось срочно закрыть шлюз, а потом уже можно будет заняться существами, вторгшимися на «Адастру».

Два часа спустя Джек вошел в главную рубку и отсалютовал. Лицо у него было бледное, а черты его выдавали возбуждение и решительность. Ольстер мрачно повернулся к нему.

— Я послал за вами,— резко сказал он,— поскольку вы являетесь потенциальным источником неприятностей. Командир мертв, вы слышали об этом?

— Да,— угрюмо ответил Джек.— Слышал.

— Следовательно, я становлюсь капитаном «Адастры»,— вы-

зывающе продолжал Ольстер.— Как вы помните, в моих руках право жизни и смерти в случае неповиновения, кроме того, супружество на «Адастре» становится легальным только после приказа с моей подписью.

— Я отлично понимаю это, господин капитан,— ответил Джек еще мрачнее.

— Вот и отлично,— заметил Ольстер и с нажимом добавил: — По дисциплинарным причинам я приказываю вам прекратить любые контакты с мисс Элен Бредли. Невыполнение приказа будет расценено как бунт. Я собираюсь жениться на ней сам. Что вы скажете на это?

Джек ответил с не меньшим нажимом:

— Я не обращу ни малейшего внимания на этот приказ, поскольку вы не такой глупец, чтобы выполнить свою угрозу. Разве вы идиот, чтобы не видеть, что наши шансы выйти из этого меньше, чем один из пятисот? Если вы собираетесь жениться на Элен, лучше постарайтесь дать ей шанс выжить!

На мгновенье стало тихо. Двое мужчин с яростью меряли друг друга взглядами — один средних лет, другой еще почти юноша. Наконец Ольстер скривился в улыбке, не имевшей в себе ни грамма радости.

— Как мужчина мужчину, я вас терпеть не могу,— сухо сказал он,— но как капитан «Адастры» хотел бы иметь еще несколько человек вроде вас. Мы провели семь лет на этом чертовом корабле, а теперь, когда пришла опасность, все офицеры настолько потрясены, что не годятся ни на что. Они будут выполнять приказы, но никто из них не способен их отдавать. Офицер связи был убит одним из этих дьяволов, верно?

— Да, господин капитан.

— Тогда я произвожу вас в офицеры связи. Мне противно смотреть на вас, и не сомневаюсь, вы испытываете те же чувства по отношению ко мне, но голова у вас работает хорошо. Вот и воспользуйтесь ею. Что вы делали в последние часы?

— Настраивал диктограф для разработки словаря из того, что сказал один из центаврийцев, чтобы потом использовать его как переводчика, действующего в обе стороны.

Ольстер на мгновенье удивился, потом согласно кивнул. Конечно, диктограф просто разбивает слово на отдельные фонемы, проводит анализ и выбирает карту, подходящую к эталону. При нормальном порядке работы карта приводит в действие печатающее устройство. Однако вместо записи отдельных букв карта может содержать напечатанный эквивалент слова чужого языка, и тогда начинает работать динамик.

На Земле подобные машины применялись довольно редко, так как в них необходимо использовать очень большие банки памяти.

Одно время их использовали для дословных переводов как в разговоре, так и на письме. Джек предлагал писать центаврийские слова вместе с английскими эквивалентами, а диктограф, принимая загадочные поухивания, издаваемые чужими существами, должен был выбирать карточки, вызывая тем самым произнесение динамиком английских синонимов чужих слов.

Разумеется, так же это должно было действовать и в обратную сторону. С приготовленным таким образом словарем возможен был разговор без перерыва, необходимого для обучения пониманию и произношению звуков чужого языка.

— Отлично! — Ольстер оценил идею Джека одним словом.— И все же поставьте на эту работу кого-нибудь еще. Раз уж начало положено, дальнейшее должно быть просто. А вы нужны для другого. Вам известно, что уже установлено о центаврийцах?

— Да, господин капитан. Их ручное оружие похоже на наше, но значительно более эффективно. Я видел, как им убили офицера связи.

— А относительно самих существ?

— Я помогал связывать одно из них.

— Что вы о них думаете? У меня есть рапорт врача, но он сам не может в это поверить!

— Не удивительно, господин капитан,— мрачно сказал Джек.— Они совершенно не подходят под наши представления о разумных существах. У нас даже нет подходящего понятия, чтобы определить их сущность. С одной стороны, это, несомненно, растения. Тела их состоят из волокон целлюлозы, как наши из волокон мышц. Однако они разумны, чертовски разумны. Из земных организмов они больше всего близки к хищным растениям, типа росянки и ей подобных, однако настолько же выше их, насколько мы выше морских анемонов, которые животные в той же степени, что и люди. По-моему, господин капитан, они не являются ни животными, ни растениями; их тела состоят из тех же субстанций, что земные растения, но они могут перемещаться, как животные Земли. Вполне возможно, что типичные формы животной жизни на их планете так же стационарны, как типичные укоренившиеся растения Земли.

— Они относятся к нам, животным, как мы — к растениям? — с горечью спросил Ольстер.

— Да, господин капитан,— спокойно ответил Джек.— Питаются они через отверстия в руках. Тот, что убил офицера связи, схватил его за руку. Выглядело это так, словно он выделил при этом какую-то жидкость, мгновенно растворяющую ткани. Он тут же всосал эту жидкость обратно. Если позволите высказать предположение, господин капитан...

— Продолжайте,— сказал Ольстер.— Все остальные бесцельно бегают по кругу или удивляясь, или умирая от ужаса.

— Командир группы, которая вторглась на корабль, носил на себе отличительный знак — кожаную повязку на одной руке.

— Но что, черт возьми...

— Погибли двое наших людей: офицер связи и дежурный техник. Прежде чем мы поймали центаврийца, который убил дежурного, тот успел съесть кусочек его тела, а остальное было как-то странно высушено химикалиями, которые существо имело с собой.

Кадык Ольстера задвигался, как будто капитана тошнило.

— Я видел это...

— Может, это и странная мысль,— серьезно сказал Джек,— но если бы на месте центаврийца был человек, запертый на корабле, принадлежащем чужой расе, и ожидающий скорой смерти, единственной вещью, которую он хотел бы иметь на своем теле — как сделал чужак с высушенным, законсервированным телом дежурного — было бы...

— Золото,— закончил Ольстер,— или платина, или драгоценные камни, которыми он мог бы рассчитывать откупиться.

— Вот именно,— подтвердил Джек.— Но не забывайте, что это лишь догадка, а эти существа не только не люди, но даже не животные. Все же ясно одно: они едят мясо животных. Они ценят пищу животного происхождения, как люди ценят бриллианты. Останки животных — кожу — носят как украшение. Похоже, животные ткани на их планете редкость, раз их так высоко ценят. Таким образом...

Ольстер встал, лицо его отражало противоречивые чувства.

— Значит, наши тела для них эквивалент золота! Бриллиантов! Гэри, нет и тени надежды на дружбу с этими дьяволами!

— Я согласен с вами — шансов у нас нет,— бесстрастно ответил Джек.— Если бы на Земле приземлилась раса с телами из металлического золота, их, вероятно, перебили бы. Но есть еще один момент: Земля. Зная наш курс, эти существа могут установить, откуда мы прибыли, а их космические корабли довольно хороши. Я хочу поставить к диктографу кого-нибудь другого, а сам попытаюсь передать сообщение на базу. Невозможно проверить, дойдет ли оно до цели, но они должны ждать наших сообщений именно когда оно достигнет Земли. Может, они усовершенствовали приемники — во всяком случае, они могли это сделать.

— Люди могли бы противостоять этим тварям в космическом пространстве,— жестко сказал Ольстер,— при условии, что будут предупреждены. Может быть, хватит излучателей, а если нет, то торпед Колдуэлла. Или отрядов самоубийц, использующих свои тела как приманку. Однако, Гэри... мы говорим, будто с нами все кончено!

— Я думаю, господин капитан,— ответил Джек,— так оно и

есть.— Он помолчал и добавил: — Я поставлю к диктографу Элен Бредли и дам ей охранника для наблюдения за пленником. Центавриец будет крепко связан.

Это последнее заявление содержало в подтексте догадку, что приказ, касающийся избегания Элен, аннулирован. Оно было даже вызовом, провоцирующим на повторение приказа. Глаза Ольстера вспыхнули, и он с трудом взял себя в руки.

— Будь ты проклят, Гэри! — бросил он.— Убирайся!

Он повернулся к монитору, на котором виднелся вражеский корабль, а Джек вышел из рубки.

Яйцеобразный корабль находился сейчас на расстоянии двух тысяч километров и тормозил. Удирая от земного корабля, он маневрировал, как безумный, так что поражение его любым снарядом было бы невозможно; даже слежение за ним узким лучом представляло чрезвычайную трудность. Сейчас, остановившись относительно «Адастры», он висел в пространстве, наблюдая и явно готовя новую дьявольщину. Во всяком случае так считал Ольстер, мрачно смотревший на него.

Запасы «Адастры», казавшиеся неисчислимыми, когда корабль стартовал с Земли, оказались жалостно малы и недостаточны в данной, конкретной ситуации — перед лицом враждебности. Он мог бы засыпать сокровищами человеческой цивилизации расу, владеющую этой солнечной системой, мог бы ускорить развитие дикарей, мог предложить кое-что даже расе, стоящей выше людей, но эти существа, которые...

Чужой космический корабль висел неподвижно. Вероятно, посылал сигнал на свою родную планету, требуя распоряжений. В главную рубку «Адастры» поступали рапорты, и Ольстер знакомился с их содержанием. Центаврийцы, несомненно, извлекали из воздуха двуокись углерода; это соединение было для них тем же, чем кислород для людей, и в воздухе, лишенном CO_2, они не смогли бы жить. Однако скорость их метаболизма была выше, чем у любого земного растения, ее можно было сравнить с обменом веществ земных животных. Ни в чем, кроме строения тела, они не были растениями, как морской анемон не выдает своей звериной натуры, пока не проведешь его точный химический анализ.

Центаврийцы имели высокоразвитую центральную нервную систему, своеобразный эквивалент мозга, значительный интеллект и богатый язык. Звуки произносили благодаря похожему на пищалку устройству, размещенному в специальном углублении тела. И они испытывали эмоции.

Пойманное существо, когда ему показывали различные предметы, выказало особый интерес к машинам; оно быстро поняло назначение маленького магнитофона и сознательно издало в сто-

рону микрофона целую серию звуков. Оно жадно ощупывало человеческую одежду, отбрасывая ткани хлопчатобумажные или синтетические, зато выказало сильное возбуждение, коснувшись шерстяной рубашки, и еще большее, когда ему дали кожаный пояс. Оно надело его на себя, без труда защелкнув замок после первого же взгляда на него.

Из шерстяной рубашки оно вырвало нить и съело ее, раскачиваясь взад-вперед, словно в экстазе. Когда перед ним положили мясо, существо, казалось, не находило себе места от возбуждения. Часть мяса оно сожрало немедленно, все так же экстатически раскачиваясь, а остальное законсервировало с помощью загадочного химического процесса, пользуясь для этого субстанцией из небольшого металлического контейнера, который имело при себе и велело подать, указывая на него жестами.

Его орган зрения находился за двумя щелями в верхней части тела; самих глаз изучить не удалось. Однако лежащий перед Ольстером рапорт подчеркивал, что центавриец выказывал чрезвычайное оживление, едва в его поле зрения появлялся человек. Это было возбуждение того типа, который не прибавлял людям уверенности в себе. Это были те же самые чувства — только более сильно выраженные — которые существо проявило на шерсть и кожу.

В рапорте также говорилось, что поначалу, видя людей, центавриец, как будто ведомый инстинктом, делал движения, напоминающие прицеливание из оружия.

Ольстер прочел этот и другие рапорты, а два часа спустя, после того как Джек поставил Элен Бредли к диктографу, она явилась на доклад.

— Прошу прощения, Элен,— сказал Ольстер.— Я не должен был назначать тебя на эту работу. На этом настоял Гэри. Я бы предпочел оставить тебя в покое.

— Я очень рада, что он это сделал,— решительно сказала Элен.— Отец умер, это так, но с чувством хорошо выполненного долга. Умер, не узнав, каковы центаврийцы. Работа пошла мне на пользу, и я справилась с ней лучше, чем ожидала. Центавриец, с которым я работала, был командиром отряда, вторгшегося на корабль. Он почти сразу понял, чему служит диктограф, и сейчас у нас есть довольно обширный словарь. Ты можешь поговорить с ним, если хочешь.

Ольстер быстро взглянул на монитор. Корабль врага не двигался. Да оно и понятно.

Расстояние «Адастры» от Проксимы Центавра можно было уже мерить в сотнях миллионов километров, а не в миллионах миллиардов, но, пользуясь иной терминологией, это все еще было расстояние порядка световых лет.

Тяжело ступая, Ольстер вошел в биологическую лабораторию, где хозяйничала Элен. В комнате находилось множество живности — кролики, овцы и, казалось, неисчислимое количество мелких животных, разводимых во время путешествия для получения продуктов питания: их планировали выпустить на волю, если вокруг окруженной кольцами звезды обращается планета, подходящая для колонизации.

Центавриец был крепко привязан к стулу многочисленными веревками. Он? Она? Оно? Независимо от этого, он был совершенно беспомощен. Рядом со стулом стоял диктограф с подключенным к нему динамиком. Пленник заухал по-своему, а машина перевела странные звуки, шелестя между словами:

— Ты... быть... комендант... этот корабль?

— Да,— ответил Ольстер, и машина мелодично заухала.

— Эта... женщина... мужчина... мертвый,— снова сказала машина после очередных звуков, изданных чужаком.

— Я сказала ему, что мой отец мертв,— быстро вставила Элен.

Машина продолжала:

— Я... купить... все... мертвые... люди... на... корабль... дать... металл... золото... вы... любить...

Ольстер скрипел зубами, Элен побледнела. Она пыталась что-то сказать, но слова застряли у нее в горле.

— Вот оно — рождение межзвездной дружбы, которую мы надеялись установить,— с горечью сказал Ольстер.

Тут ожил динамик центрального радиоузла:

— Вызываю капитана Ольстера! Излучение впереди! На нескольких частотах, очень интенсивное! Явно передают несколько кораблей, хотя мы не можем выделить никаких сигналов.

В биолабораторию вошел Джек Гэри. Лицо его было серьезно и бледно. Он старательно отсалютовал.

— Господин капитан,— начал он,— предыдущий офицер связи считал свою должность выгодной синекурой. За семь лет мы не приняли ни одной передачи с Земли, значит, он ни одной и не ждал. Тем временем сигналы идут — и уже несколько месяцев. Они отправлены с Земли через три года после нашего старта. Дела обстоят так, что парень по имени Коллавей обнаружил, что поляризованная по кругу волна дает узкий луч, сохраняющий свою форму навсегда. Несомненно, они передавали для нас уже несколько лет, и теперь мы принимаем одну из первых передач. Так вот, построена вторая «Адастра», и набирается экипаж... Нет, черт возьми, они набрали его еще четыре года назад! Корабль уже в пути и направляется туда же, куда и мы. Они летят по крайней мере три года и не имеют понятия, что эти дьяволы ждут их! Если даже мы сами взорвем корабль, все равно с Земли прибудет следующий, такой же

невооруженный — прибудет затем, чтобы наткнуться на этих тварей, когда уже будет слишком поздно тормозить...

Снова заговорил центральный радиоузел:

— Капитан Ольстер, докладывает вахта. За последние три минуты температура корпуса поднялась на пять градусов и продолжает расти! Что-то закачивает в нас тепло и с бешеной скоростью!

Ольстер повернулся к Джеку и произнес с ледяной вежливостью:

— Гэри, согласись, что нам нет смысла ненавидеть друг друга, все равно мы здесь все погибнем. Так почему мне все время хочется тебя убить?

Впрочем, вопрос этот был чисто риторическим. Услышав три ужасные новости подряд, Элен тихо заплакала. Желая выплакаться, она инстинктивно бросилась в объятия Джека.

4

На самом деле ситуация была даже хуже, чем казалось сначала. Например, внешняя температура корпуса, о которой говорил вахтенный офицер, была показанием общего термометра, усредняющего показания всех наружных термометров. Одного взгляда на таблицу температур было достаточно, чтобы понять: температура задней части «Адастры» была практически нормальной, разогревалась передняя полусфера, направленная в сторону Проксимы Центавра. Однако и она нагревалась неравномерно: точки, возле которых дрожали красные огоньки, группировались близко друг к другу.

Ольстер с каменным спокойствием разглядывал красные огоньки на мониторе.

— Точно посреди нашего диска, видимого из их положения,— холодно констатировал он.— Это, разумеется, должен быть тот флот космических кораблей.

— Господин капитан,— сухо сказал Джек Гэри,— корабль, с которого мы захватили пленников, установил связь на несколько часов раньше, чем мы ожидали. Значит, это наверняка был не один корабль с излучателем коротких волн на борту, а целый флот с разведывательным кораблем впереди. Именно этот корабль сообщил им, что мы расставили ловушку на часть его экипажа, и в результате они открыли огонь!

Ольстер резко бросил в микрофон центрального радиоузла:

— Эвакуировать сектор Ж90. Он должен быть отделен немедленно, а обитатели его пусть выходят через шлюзы. Эвакуировать также прилегающие сектора, оставив только несущих службу. Всем им немедленно надеть вакуумные скафандры.

Он выключил микрофон и тихо добавил:

— Наружная температура части сектора Ж90 составляет сейчас четыреста градусов. Это температура темно-красного жара. Через пять минут оболочка начнет плавиться, а через час они проделают нам сквозную дыру.

— Господин капитан! — торопливо произнес Джек.— Напоминаю, что они атаковали, поскольку разведывательный корабль доложил, что мы расставили ловушку части их экипажа. Есть небольшая надежда...

— Какая? — зло крикнул Ольстер.— У нас нет оружия!

— Диктограф господин капитан! Теперь мы можем с ними поговорить!

— Великолепно, Гэри! — жестко сказал Ольстер.— Назначаю вас послом! За дело!

Он повернулся на пятке и поспешно выбежал из рубки. Через минуту голос его загремел из динамиков центрального радиоузла:

— Вызываю ракетного офицера! Немедленно доложить по личному видеофону! Порядок аварийный!

Ольстер отключился, но Джек этого не заметил. Он соединился с отделом радиокоммуникации, приказал дать полную мощность на передающий луч и расширить его угол. Он отдавал распоряжения одно за другим, а в перерывах молниеносно объяснял Элен, в чем тут дело.

Она слету поняла его идею. Центавриец в биолаборатории был, разумеется, связан, и в узких щелках, бывших его органами зрения, не удалось прочесть ни искры эмоций. Однако Элен, зная запас слов на карточках диктографа, заговорила в микрофон устройства. Вместо произносимых ею слов из динамика поплыли уханья. Центавриец вздрогнул, потом отозвался, и динамик произнес деревянным голосом:

— Я... говорить... корабль... планета. Да.

Как только из кабины связистов пришло подтверждение готовности ко входу на антенну, скрипучие звуки его наречия заполнили биолабораторию, уходя в эфир на расширенном луче главного передатчика.

В десяти тысячах километров впереди висел в космической пустоте разведывательный корабль центаврийцев. «Адастра» преодолела пространство, направляясь к окруженной кольцами звезде, являвшейся целью самой смелой экспедиции человечества. С расстояния в десять тысяч километров «Адастра» выглядела бы просто точкой, но телескопы центаврийцев могли выделить любую деталь ее поверхности. С тысячи километров она походила бы на игрушку, сплетенную сложной сетью усиливающих элементов.

Однако лишь с расстояния в несколько километров можно было вполне оценить ее размеры. Ее тысяча пятьсот метров диаметра

подавляли размерами даже самый крупный из далеких невидимых силуэтов, висящих в пустоте и составляющих вражеский флот, направлявший на «Адастру» смертоносное излучение.

С расстояния в несколько километров можно было также заметить результаты этого облучения. Корпус «Адастры» был сделан из стального сплава; он был твердым и с высоким коэффициентом гистерезиса. Переменные токи, индуцированные с этой стали излучением центаврийцев, разогрели бы даже корпус из меди, стальное же покрытие нагревалось все сильнее. Оно изменило цвет и на участке длиной сто метров светилось красным.

Дюза двигателя в этом районе перестала вдруг извергать пурпурное мерцающее пламя. Двигатель был погашен, а остальные слегка увеличили тягу, чтобы компенсировать уменьшение мощности.

Темно-красный цвет стали посветлел, стал карминовым, потом корпус разогрелся до желтоватого оттенка, стал канареечным и начал голубеть.

Над внешним панцирем корабля клубился пар, поднимавшийся от плавящейся поверхности и как бы притягивавшийся далеким солнцем. Пар сгустился, превратившись в настоящее металлическое облако.

Наконец из центра освещенного полушария «Адастры» словно забил фонтан. Наружный панцирь проплавился насквозь, и воздух из корабля улетучился в пустоту, захватив огромное количество жидкого, парящего металла. Быстро рассеиваясь в пространстве, возникла прозрачная, слегка светящаяся оболочка, похожая на хвост кометы.

Изображения на мониторах внутри «Адастры» посерели, звезды прямо по курсу поблекли. Земной корабль потерял часть своей атмосферы, которая устремилась вперед, создавая завихрения.

Вскоре газы настолько разредились, что стали незаметными, оставаясь, однако, значительно плотнее абсолютного вакуума космического пространства.

По краям огромной дыры в корпусе корабля металл кипел и испарялся, а внутренние переборки начали приобретать зловещий красно-бурый цвет, который быстро переходил в кармин и начинал слегка желтеть.

В главной рубке Ольстер наблюдал за всем этим до момента, когда камеры, показывающие внутренность сектора Ж90, расплавились. Очень спокойно он произнес в стоявший перед ним микрофон:

— У нас меньше времени, чем я думал. Придется поспешить. Уверенности, правда, нет, но помните, что эти дьяволы наверняка продырявят нас со всех сторон и убедятся, что на борту не осталось никого живого. Вы должны что-то придумать и быстро.

Ему ответил полуистерический голос:

— Но, господин капитан, если я включу акустические вибраторы в ракетах, мы превратимся в плазму! Мгновенно! Дезинтеграция топлива перекинется на дюзы, и весь корабль просто взорвется!

— Глупец! — рявкнул Ольстер.— Следующий корабль с Земли уже в пути и ничего не подозревает! Они, как и мы, безоружны! Эти дьяволы могут по нашему курсу определить, откуда мы прибыли! Да, мы должны умереть! Наша смерть будет нелегкой, но мы должны убедиться, что они не отправят космического флота против Земли! Мы не можем дать себя уничтожить так просто! Наша смерть не должна быть бесполезной. Умирая, мы должны защитить человечество!

Лицо Ольстера, кричавшего в видеофон, не походило на лицо мученика или человека, готового пожертвовать собой. Это было лицо человека, запугивающего своего подчиненного и грубо вынуждающего того повиноваться.

Пока корабль находился под воздействием луча, который поглощался металлическим корпусом и превращался в тепло, Ольстер устраивал разносы то одному, то другому отделу. Не выдержала очередная переборка, и из гигантского корабля ударил очередной фонтан испарившегося металла и горячих газов. В миллионах километров от них покоилось в полной неподвижности кольцо яйцевидных кораблей; они не подавали никаких признаков жизни и выглядели, как спящие чудовища. Однако именно из них тянулись безжалостные лучи, сходившиеся в одной точке на корпусе «Адастры». Огромная дыра извергала пенящийся металл и клубящиеся газы; время от времени вылетали узнаваемые предметы, которые тут же взрывались.

В бесчисленных помещениях могучего корабля люди реагировали на приближающуюся гибель столькими разными способами, сколько различий между людьми. Некоторые причитали, несколько членов экипажа производили впечатление сошедших с ума и превратившихся в маниакальных убийц. Другие вламывались в склады и методично, хотя и несколько торопливо, упивались до бессознательного состояния. Одни женщины прижимали к себе детей, громко рыдая над ними, другие просто спятили.

Однако в нескольких секциях яростный голос Ольстера поддерживал хотя бы видимость дисциплины. В мастерской машинного отделения люди работали с безумной поспешностью, ругаясь и делая ошибки, сводившие их работу на нет. Худощавый офицер службы регенерации воздуха мерял большими шагами район своих владений, сжимая в руке огромный французский ключ, и на каждое проявление паники реагировал гневными ударами. Тяжело сопя, начальник ракет неожиданно выказал буквально гениальную способ-

ность извергать практически непрерывный поток ругательств, поэтому бледно-пурпурные языки пламени вырывались из дюз в космическое пространство безо всяких помех и задержек.

Однако сцена, разыгравшаяся в биолаборатории, проходила в тишине и полной сосредоточенности. Связанный центавриец наполнял помещение своими странными словами. Диктограф тихо шелестел, бесстрастно анализируя каждый звук и ища карточки словаря, содержащие английские эквиваленты уханий пленника. Время от времени одна из карточек подходила, и тогда машина переводила отдельное слово с центаврийского языка.

— ...корабль...— длинная серия звуков, значительно отличающихся высотой, напряжением и выразительностью.

— ...люди...— и вновь длинная серия звуков.

— ...люди говорить...

Центавриец умолк, а потом начал издавать другие звуки медленно и старательно. Машина перевела их все: пленник старательно подбирал слова и пользовался теми, которые зарегистрировал, работая с Элен.

— Он понимает, что нам нужно,— сказала бледная Элен.

Машина перевела:

— Вы... говорить... машина... говорить... для... корабль...

Джек очень тихо произнес в микрофон передатчика:

— Мы ваши друзья. У нас есть много вещей, которые вам нужны. Мы хотим только дружбы. Никого из вас мы не убили из враждебности, это была просто самооборона. Мы предлагаем вам мир. Если же нет — будем сражаться. Но мы хотим мира.

Когда машина зашелестела, а из динамика полились ухающие звуки, Джек шепотом сказал Элен:

— Эти разговоры о борьбе — просто блеф. Надеюсь, он подействует!

Тишина. Невидимые, удаленные на миллионы километров космические корабли скрещивали лучи смертоносного излучения посредине диска «Адастры». Самое удивительное, что это излучение совершенно не вредило человеческому телу. Оно прошло бы сквозь него незамеченным.

Однако сталь панциря «Адастры» задерживала его и поглощала в виде вихревых токов, а они превращались в тепло. Сквозь дыру, образованную этим теплом, небольшой вулкан извергал в космическое пространство переборки, оборудование и саму атмосферу «Адастры».

В биологической лаборатории царила гробовая тишина. Приемник молчал. Прошла минута, вторая, третья. Радиоволны, несущие голос Джека, мчались со скоростью света, но чтобы добраться до источника лучей, разрывавших «Адастру» на куски, им потребо-

валось не менее девяноста секунд. Потом последовала пауза, а за ней нужны были очередные девяносто секунд для других волн, делающих каждую секунду триста тысяч километров и несущих ответ.

Наконец, приемник заухал, как фальшивящая шарманка. Диктограф тихо зашелестел, и из динамика донесся бесстрастный голос:

— Мы... теперь... друзья... не сражаться... корабли... прибыть... забрать... вас... на... планета.

В то же время миниатюрный вулкан на корпусе «Адастры» уменьшил силу своего извержения, постепенно его расплавленные, кипящие края перестали парить, а вскоре прекратилось и кипение металла; он остывал постепенно, от голубоватой белизны испаряющейся стали, через желтый, карминовый и, наконец, грязно-красный цвет, чтобы позднее, еще медленнее, застыть в сверкающую белую металлическую поверхность стали, которая остыла в лишенном кислорода вакууме.

Джек коротко сказал в микрофон, связанный с главной рубкой:

— Господин капитан, я установил связь с центаврийцами; они прекратили огонь. Сказали, что высылают флот, чтобы забрать нас.

— Очень хорошо,— с горечью отозвался Ольстер.— Все равно никто не может придумать ничего, чтобы сделать нашу смерть не напрасной. Что дальше?

— Думаю, надо бы освободить того центаврийца,— ответил Джек.— Разумеется, мы можем за ним следить и изолировать, если он вновь начнет буянить. Полагаю, такой ход был бы дипломатичным.

— Вы наш посол,— с иронией сказал Ольстер.— Сейчас у нас есть немного времени, но лучше вам поставить кого-то другого на дипломатическую работу и заняться отправкой сообщения на Землю, если можно приспособить передатчик для того рода волн, которые они будут ждать.

Лицо его исчезло с экрана монитора. Джек повернулся к Элен, почувствовав себя вдруг очень усталым.

— В том-то и вся проблема,— вздохнул он.— Они будут ждать волн, которые отправили к нам; при мощи, которой мы располагаем, вряд ли они примут что-то другое. Мы услышали их передачу с середины и перед самым концом описания передающей аппаратуры нового типа, которой теперь пользуются на Земле. Разумеется, они будут повторять эту передачу — может, даже повторяют ее не один год — и у нас есть шанс поймать ее полностью, если мы доживем до этого времени. Но мы не можем угадать, когда они вновь ее передадут. Ты поработаешь с этим существом над расширением словаря?

Элен озабоченно посмотрела на него, потом положила ладонь ему на плечо.

— Он очень разумен,— поспешно сказала она.— Я объясню ему все, и пусть с ним работает кто-то другой. Я пойду с тобой. В конце концов, у нас может не оказаться времени для себя.

— Думаю, около десяти часов,— устало ответил Джек.

Он подавленно слушал, как Элен объясняла все центаврийцу, старательно подбирая слова, которые переводил диктограф. Потом она вызвала ассистента и двух охранников, и они освободили безголовое существо. Чужак не бросился на них — наоборот, выражал нетерпеливое желание продолжать работу над расширением словаря, благодаря чему мог бы состояться полный обмен мыслями.

Джек с Элен пошли в отдел связи, где прослушали записанную часть передачи с Земли. Она представляла собой полнейшую неразбериху. Четыре года назад Земля с энтузиазмом приветствовала проект отправки сообщения своим смелым героям. Импульс нематериальной энергии должен был путешествовать сквозь неисчислимые миллиарды километров Космоса и догнать первооткрывателей, стартовавших три года назад. Из текста следовало, что передача отправлена через некоторое время после первой. Во время передачи она транслировалась на всю Землю, и, несомненно, многие миллионы людей вздрагивали при мысли, что слышат слова, которым предстоит преодолеть расстояние между двумя солнцами.

Однако слова ничем не могли помочь экипажу «Адастры». Передача представляла собой развлекательную программу, начинавшуюся фривольной песенкой, исполняемой популярным квартетом; затем выступал с несколькими скетчами самый высокооплачиваемый комик Земли — его остроты были хорошо знакомы экипажу «Адастры» — а за ним следовали торжественные приветствия выдающихся политиков и прочая ерунда. Короче говоря, это была смесь пошлятины и вздора, задуманная так, чтобы повысить популярность выступающих в ней лиц благодаря всеобщей трансляции программы.

Экипажу «Адастры» это было ни к чему; корпус корабля был продырявлен, команде грозила скорая гибель и всему человечеству, вероятно, тоже гибель как следствие этого межзвездного путешествия.

Джек и Элен сидели молча и слушали, сжимая руки друг друга. Удивительно, но сознание краткости времени, оставшегося им, привело к тому, что бурное выражение своих чувств казалось нелепым. Они слушали невероятно вульгарную передачу с Земли, практически ничего не слыша, и то и дело переглядывались.

В биологической лаборатории расширение словаря шло быстрыми темпами. Там уже начали пользоваться картинками. Освободили второго центаврийца и, благодаря его умению рисовать, доказавшему, что глаза существ-растений действуют почти идентично глазам землян, получили множество определений и синонимов

английских слов, что значительно расширило знания о центаврийской цивилизации.

Когда провели сопоставление накопленных сведений, оказалось, что цивилизация эта удивительно напоминает человеческую. Центаврийцы создавали конструкции, несомненно, являвшиеся их домами. У них имелись города, законы, искусство — рисунки второго центаврийца были тому доказательством — имелась также наука. Особенно высокоразвитой была биология, в некоторой степени исполнявшая роль металлургии в цивилизации людей. Конструкции чужаков не строились — их выращивали. Вместо металлов они имели различные виды протоплазмы, могли контролировать скорость и способ ее роста.

Дома, мосты, экипажи — даже космические корабли — все создавалось из живой материи, которую умерщвляли, когда конструкции достигали нужной формы и размеров. При желании можно было вновь активировать рост, что позволяло достигать таких необычных решений, как пузырчатое соединение центаврийского корабля с «Адастрой».

Судя по собранным до сих пор фактам, центаврийская цивилизация была очень странной, но все же не абсолютно непонятной. Даже люди могли развиваться подобным образом, если бы земная цивилизация стартовала с другой точки. Зато центаврийская экономика, когда люди с ней познакомились, оказалась для них понятной и в то же время ужасающей.

Цивилизация центаврийцев развилась из хищных растений — как человечество из хищных животных. На каком-то раннем этапе развития человечества возник культ золота, у центаврийцев же ничего подобного не было. В то время, как люди разрушали города, вырубали леса и безжалостно уничтожали все — ради золота или других ценностей, которые можно было обменять на золото — центаврийцы жаждали животных.

Как люди перебили в Америке бизонов, чтобы продать их мясо за золото, так центаврийцы безжалостно уничтожили животную жизнь на своей планете. Для них именно плоть животных была эквивалентом золота. Века назад по необходимости они научились употреблять растительную пищу, но затаенная жажда мяса осталась. Был изобретен способ консервации продуктов животного происхождения на неопределенное время. Они прочесали сетями моря, выловив все, до самой маленькой ракушки. Даже идея космических путешествий — позднее они претворили ее в жизнь — возникла лишь после того, как центаврийцы увидели в телескопы растительность на других планетах, кружащих вокруг их солнца, что делало вероятным наличие там и животной жизни.

Три планеты Проксимы Центавра имели климат и атмосферу, пригодные для всех форм жизни, но к данному времени только на

одной, наиболее удаленной, уцелели кое-какие остатки животной жизни. Даже там центаврийцы горячечно охотились на последние, исчезающие группы маленьких четвероногих, которые зарылись на сотни метров под поверхность скованного льдом континента.

Стало ясно, что «Адастра» — корабль, битком набитый такими сокровищами, каких ни один центавриец не мог себе даже представить. Еще яснее стало то, что для экспедиции на Землю будут задействованы все средства и возможности здешней расы. Миллиарды человеческих существ! Миллионы меньших животных! Неисчислимые создания в океанах! Вся центаврийская популяция ошалеет от жажды вторжения в это царство богатств и экстаза, испытываемого каждым центаврийцем при употреблении прадавней пищи своей расы.

5

Яйцеобразные, лишенные каких-либо деталей на поверхности, космические корабли приближались со всех сторон одновременно. На пульте термометров заметно было медленное, но ритмичное движение сигналов тревоги. Одна из лампочек сверкнула красным — и погасла. Затем следующая, и еще одна — по мере занятия центаврийскими кораблями позиций. Каждая из вспышек вызывалась мгновенным ударом излучения в корпус «Адастры».

Спустя двадцать минут после того, как последний луч подтвердил бессилие землян, яйцеобразный корабль приблизился к «Адастре» и с идеальной точностью остановился носом к шлюзу; из корпуса его вырос огромный пузырь, прижавшийся к стали.

Ольстер смотрел на экран; лицо его было бледно, а кулаки крепко сжаты. Хриплый, напряженный голос Джека Гэри доносился через интерком из биологической лаборатории.

— Сообщение от центаврийцев. На наш корпус сел их корабль, и его экипаж войдет через шлюз. Враждебные действия с нашей стороны будут равнозначны немедленному уничтожению «Адастры».

— Сопротивления центаврийцам не будет,— резко бросил Ольстер.— Это приказ! Мы не самоубийцы!

— Я считаю, господин капитан,— донесся из динамика голос Джека,— что это была бы неплохая мысль!

— Занимайтесь своими делами, Гэри! — рявкнул Ольстер.— Каковы успехи в связи?

— У нас есть словесные карты почти пяти тысяч слов. Мы можем говорить почти на любую тему, но каждая из них неприятна. Карточки сейчас проходят через копирование и будут готовы через несколько минут. Второй диктограф с расширенным словарем будет вам послан, как только все приготовим.

Ольстер заметил на мониторе безголовые фигуры центаврийцев, появляющиеся из шлюза в корпусе «Адастры».

— Вошли на корабль! — сообщил он Джеку.— Вы офицер связи, так что встречайте их и приведите сюда начальника!

— Понял! — мрачно откликнулся Джек.

Приказ этот звучал как приговор, и Джек слегка побледнел. Элен прижалась к нему.

Центавриец, бывший недавно пленником, вопросительно заухал в сторону диктографа. Динамик проскрипел:

— Каков... приказ?

Элен объяснила.

Человек так быстро привыкает к необычному, что казалось почти естественным, что девушка обращается к микрофону, а из динамика льются скрипы чужого языка, передающие смысл ее слов:

— Я... тоже... идти... они... не... убить... пока...

Центавриец подошел к двери и ловко открыл ее — ему хватило того, что он видел, как ее открывали. Теперь впереди пошел Джек. В кобуре на поясе у него был ручной излучатель, но он прекрасно понимал его бесполезность. Вероятно, он успел бы прикончить идущее за ним существо, но это ничего бы не дало.

Приглушенное уханье впереди. Человек-растение ответил громко, пронзительно, и тут же пришел отклик. Джек вошел в поле зрения новой группы нападающих. Их было двадцать или тридцать, каждый вооружен полуцилиндрическим предметом, больших размеров, чем те, которые несли существа первой группы, проникшей на корабль.

При виде Джека началось общее возбуждение: дрожь похожих на руки щупалец по обе стороны безголовых туловищ, бряцание оружием. Громкое уханье — словно команда,— и существа успокоились. Однако Джек дрожал всем телом, ощущая хищное вожделение, казалось, излучаемое ими.

Его проводник, недавний пленник, обменялся с прибывшими серией непонятных звуков, и вновь по толпе существ-растений прокатился возбужденный ропот.

— Прошу,— сухо сказал Джек.

Он проводил их до главной рубки. По дороге они один раз услышали чьи-то причитания: видимо, одна из женщин не выдержала перед лицом приближающейся смерти. Непонятная болтовня нарушила тишину, царившую среди неуклюжих существ, шедших за Джеком, и вновь ее прекратил повелительный окрик.

Рубка. Ольстер походил на мраморную статую — за исключением глаз, пылавших огненным, почти маниакальным пламенем. Монитор рядом с ним показывал нестройную процессию центаврийцев, входивших в корабль через второй шлюз.

Под присмотром Элен принесли диктограф. Девушка невольно вскрикнула при виде такого множества чудовищных существ, собравшихся в рубке.

— Настрой прибор,— сказал Ольстер голосом настолько острым и ломким, что он походил на чистый лед.

Дрожа, Элен выполнила распоряжение.

— Я готов к разговору,— хрипло сказал Ольстер в микрофон.

Тихо шелестя, машина перевела его слова.

Предводитель новой группы заухал в ответ. Прозвучал приказ для всех офицеров немедленно явиться в рубку, предварительно переведя все устройства в автоматический режим. Возникли некоторые трудности с переводом центаврийского эквивалента понятия «автоматический», которого не оказалось в картотеке машины. Это заняло некоторое время.

Ольстер отдал приказ. Холодный пот покрывал его лоб, но нервы были словно из стали.

Следующий приказ центаврийцев, тоже был понят с некоторой трудностью. Дубликаты всех технологических планов, а также все — и тут расшифровка требования отняла много времени — книги, касающиеся конструкции корабля, должны быть доставлены к шлюзу, через который вошли эти существа; эталонные образцы машин, генераторов и оружия требовалось сложить в том же месте.

Снова Ольстер отдал приказ. Голос его звучал слабо, но не срывался и даже не дрожал.

Предводитель центаврийцев отдал новый приказ, который диктограф не смог перевести. Его подчиненные быстро двинулись к дверям, а в рубке остались только четверо. Джек быстро подошел к Ольстеру, выхватил из кобуры излучатель и прижал его к боку капитана. Центаврийцы не протестовали против этого.

— Чтоб тебя черти взяли! — яростно произнес Джек.— Ты позволяешь им захватить корабль! Хочешь торговаться за свою жизнь? Не выйдет, негодяй: я прикончу тебя, прорвусь к ракетным дюзам и превращу весь корабль в плазму, которая убьет этих тварей вместе с нами!

Элен тут же воскликнула:

— Нет! Джек, поверь мне!

Поскольку она стояла у диктографа, слова ее были как эхо повторены в уханьях языка центаврийцев. Ольстер же, хотя и покраснел, но сумел взять себя в руки и сдавленно рявкнул:

— Глупец! Эти дьяволы могут добраться до Земли — теперь, когда знают, чего она стоит! Так что, если бы они даже убили всех людей на корабле — а они могут это сделать — мы должны долететь на их планету и приземлиться там.— Тут он понизил голос до хриплого шепота и почти беззвучно процедил: — Если, по-твоему, я хочу пережить то, что нас ждет — стреляй!

Мгновение Джек стоял, как оглушенный, после чего отступил на шаг и отсалютовал заученным, точным движением.

— Прошу прощения, господин капитан,— сказал он дрожащим голосом.— С этой минуты вы можете на меня рассчитывать.

Один из офицеров «Адастры» пошатываясь вошел в рубку. Затем следующий, и еще один. Так поочередно вошли шестеро — из тридцати.

— Они... все... офицеры? — спросила машина.

— Мой начальник застрелил свою семью и покончил с собой,— выдавил офицер из отдела регенерации воздуха.— Толпа бунтов атаковала ракетные дюзы, и начальник ракетчиков отбил их нападение, а потом истек кровью от удара ножом в шею. Офицер...

— Довольно! — прервал Ольстер высоким слабым голосом, машинально смял ладонью воротник мундира, подошел к микрофону и тихо сказал:

— Это все оставшиеся в живых офицеры. Чтобы вести корабль, хватит.

Центавриец, имевший широкие кожаные браслеты на обоих щупальцах и что-то вроде пояса на талии, направился к микрофону центрального радиоузла; отростки на конце одного из щупалец умело передвинули выключатель. Существо издало странные, непонятные звуки — и начался ад!

Из видеофонов, размещенных на всех стенах рубки, понеслись высокие, писклявые крики. Ужасные крики, чудовищные... Они пугали больше, чем вой волчьей стаи, бегущей по следу обезумевшего от страха оленя. Это были те же звуки, которые слышал Джек, когда один из первых на «Адастре» нападающих увидел человека — и тут же убил его.

От мониторов неслись также и другие звуки: крики людей. Раздалось даже два или три взрыва.

Потом воцарилась тишина. Центаврийцы в рубке — а их было здесь пятеро — дрожали, буквально тряслись. Их распирала невыносимая жажда крови, слепая, инстинктивная, неудержимая жажда, полученная в результате эволюции от какой-то расы хищных растений, обладавшей способностью передвигаться и ведомой отчаянной необходимостью поисков пищи.

Центавриец с кожаными украшениями снова подошел к диктографу и заухал:

— Хотеть... два... люди... ехать... корабль... учиться... от... них. Сейчас.

В рубке раздался чуть слышный звук: это капля холодного пота упала с лица Ольстера на пол.

Капитан словно съежился, лицо его было серым, как пепел. Он закрыл глаза. Джек спокойно разглядывал лица офицеров.

— Полагаю, это будет означать вивисекцию,— резко сказал он.— Несомненно, что они собираются отправиться на Землю, иначе при их интеллекте не убили бы всех, кроме нас — даже чтобы получить сокровище. Они хотят опробовать на человеческом теле различные виды оружия. Мне кажется, господин капитан, связь сейчас не самая нужная секция. Я пойду добровольцем.

— Нет! Джек! Нет! — отчаянно крикнула Элен.

Ольстер открыл глаза.

— Гэри вызвался сам. Нужен еще один доброволец на вивисекцию.

Он сказал это прерывающимся голосом, как человек, не сходящий с ума только благодаря отчаянному усилию.

— Они хотят узнать, как убивать людей. Их тридцатисантиметровые волны на нас не действуют, и они знают, что излучение, расплавившее корпус, не убило бы людей. Я сам не могу вызваться! Мне нужно остаться на корабле! — В голосе его было отчаяние.— Еще один доброволец — на медленную смерть!

Тишина. Последние события и сознание того, что еще происходило в бесчисленных помещениях «Адастры», буквально оглушили большинство из шестерых оставшихся офицеров. Они были не в состоянии думать, подвергшись эмоциональному параличу из-за событий, разыгравшихся в их присутствии.

Тогда Элен, пошатываясь, вышла вперед и упала в объятия Джека.

— Я... тоже пойду,— прошептала она.— Все равно мы все умрем! Я здесь не нужна и могу... могу умереть вместе с Джеком.

Ольстер застонал.

— Умоляю тебя!

— Я... хочу... идти! — повторила она.— И ты не можешь меня удержать! Я хочу идти с Джеком! — Она крепко прижалась к нему.

Центавриец с кожаными украшениями нетерпеливо заухал в сторону диктографа:

— Эти... двое... идти.

— Подождите! — крикнул Ольстер.

Двигаясь, как автомат, он подошел к своему столу, схватил электрическое перо и дрожащей рукой написал что-то на служебном бланке.

— Я сошел с ума! — слабо сказал он.— Все мы спятили. Мне кажется, что мы уже умерли и находимся в аду. И все же возьмите.

Джек сунул бланк приказа в карман. Центавриец с кожаными украшениями нетерпеливо заухал и повел их к дверям шлюза, через который существа-растения попали на корабль. Трижды им встречались бредущие по кораблю создания, которые, завидев их, издавали ужасный, леденящий кровь в жилах вой, и каждый раз центавриец повелительно ухал и существа отступали.

Один раз Джек заметил четверых чудовищ, раскачивающихся взад-вперед над чем-то, лежащим на полу. Он быстро поднял руку и прикрыл ладонью глаза Элен.

У шлюза их проводник указал на дверь. Они повиновались, и их тут же схватили длинные, резиноподобные щупальца. Элен застонала и замерла, а Джек яростно сопротивлялся, выкрикивая ее имя. Потом что-то сильно ударило его по голове, и он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, ему показалось, что на него что-то давит с огромной силой. Вздрогнув, он шевельнулся, и часть тяжести как будто исчезла. Вспыхнул свет, но не тот, что знали люди на Земле, а какое-то танцующее, пульсирующее пламя, неутомимо лижущее внутреннюю поверхность окружавшего его стеклянного шара. В воздухе висел неприятный запах — как в зверинце. Джек сел. Элен лежала рядом — явно живая и невредимая.

Похоже было, что рядом нет ни одного центаврийца. Джек тихо погладил руку девушки, слушая пульсирующий, прерывистый звук: при каждой отдельной пульсации он чувствовал мгновенное ускорение. Это был ракетный двигатель на жидком топливе.

— Мы на одном из их чертовых кораблей,— сухо заметил он и ощупал бок в поисках излучателя. Оружие исчезло.

Элен открыла глаза, огляделась. Наконец заметила Джека, задрожала и прижалась к нему.

— Что... что случилось?

— Нужно посмотреть,— мрачно ответил он.

Пол под их ногами внезапно наклонился, и Джек машинально взглянул в иллюминатор, существование которого подсознательно отметил еще раньше. За ним была хорошо знакомая чернота космического пространства, освещенная многочисленными маленькими точками света — звездами. Еще он заметил окруженное кольцами солнце и яркие пятна — планеты.

Одна из них была очень близко: можно было видеть диск планеты, снеговые шапки на полюсах и размазанные переходы зеленоватых пространств, по-видимому, континентов, в неописуемый оттенок, который приобретает дно океана, когда на него смотришь из-за атмосферы планеты.

Тишина. Никаких уханий на странном языке центаврийцев. Какое-то время не было слышно вообще никаких звуков.

— Думаю, мы летим на эту планету,— тихо сказал Джек.— Давай прикинем, удастся ли нам совершить самоубийство, прежде чем корабль сядет.

Тут они услышали какой-то звук, донесшийся как будто издалека. Это было сдавленное урчание, ничем не напоминающее жуткие звуки языка этих растений. Джек осторожно выглянул из камеры, где они пришли в себя; Элен жалась к нему. Тишина —

лишь это далекое урчание. Нигде никакого движения. Вновь слабая икота ракетных двигателей с отчетливым ускорением всего корабля. Запах зверинца усилился. Они прошли сквозь отверстие странной формы и... и тут Элен воскликнула:

— Звери!

Одна на другой там громоздились клетки с «Адастры», в которых размещались животные, разводимые ради мяса и предназначенные к выпущению на волю, если бы вокруг Проксимы Центавра кружила планета, пригодная для колонизации. Немного дальше высилась невероятная куча книг, машин, разнообразнейших банок и контейнеров, которые предводитель центаврийцев приказал доставить к шлюзу. Опять ни следа центаврийцев.

Затем из места, расположенного еще дальше, донесся приглушенный звук, удивительно похожий на человеческий голос. Когда Джек двинулся вперед, в сторону источника этого звука, заинтригованная Элен поспешила за ним.

Вскоре они нашли это место. Голос шел из устройства, размещенного в корпусе, из того же матово-бурого материала, из которого были сделаны полы, стены и все другие части корабля.

Это действительно был человеческий голос. Более того, это был голос Ольстера — измученный, хриплый, полуистерический.

— ...должны уже были к этому времени прийти в себя, а эти дьяволы требуют какого-нибудь знака этого! Они уменьшили ваше ускорение, когда я сказал, что то, которое было, не позволит вам прийти в себя. Гэри! Элен! Отправьте этот сигнал!

Пауза и снова голос:

— Я расскажу вам все еще раз. Вы находитесь на космическом корабле, которым эти дьяволы управляют с помощью направленного луча, действующего на двигатели. Вас высадят на одной из планет, которая некогда имела животную жизнь. Теперь она свободна — пуста, если не считать растений — а вы и груз корабля: животные, книги и все остальное, являетесь частной собственностью главного из этих дьяволов. Он отправил вас на дистанционно управляемом корабле, поскольку в случае такого сокровища, которым вы являетесь, не верит никому из своих собратьев.

Вы являетесь сокровищницей знаний: вам предстоит перевести наши книги, объяснить нашу науку и так далее. На вашей планете запрещено приземление каких-либо кораблей, кроме его собственных. Вышлете вы наконец этот сигнал или нет? Нужно потянуть за ручку, которая находится прямо над динамиком, из которого идет мой голос. Потяните за нее три раза, и они будут знать, что вы чувствуете себя хорошо, и не вышлют за вами следующего корабля со средством для консервации ваших тел, чтобы не допустить потери такого бесценного сокровища!

Из динамика донесся металлически звучащий истерический смех: центаврийские приемники не были приспособлены к сложной фонетике человеческого языка.

Джек протянул руку и трижды дернул за ручку. Голос Ольстера продолжал:

— На корабле сейчас сущий ад. Это уже не корабль, а дьявольский котел. В живых нас осталось семеро, и мы учим центаврийцев управлять кораблем. Однако мы сказали им, что мы не можем выключить ракеты, чтобы продемонстрировать их устройство, поскольку для их повторного запуска необходимо иметь рядом планетную массу, вызывающую деформацию пространства, что обязательно для начала реакции. Они оставят нас в живых, пока мы им этого не покажем. У них есть своя письменность, и они записывают все, что мы говорим, после того, как это переведет диктограф. Очень научно...

Голос умолк на середине фразы.

— Только что пришел ваш сигнал,— продолжал он после небольшой паузы.— Где-то там есть продукты, а воздуха вам должно хватить до посадки. Полет продлится еще четыре дня. О навигации не беспокойтесь, они этим занимаются сами. Я свяжусь с вами попозже.

Голос вновь смолк — на этот раз насовсем.

Двое людей — юноша и девушка — осмотрели корабль центаврийцев. По сравнению с «Адастрой» он был очень мал. Длиной тридцать метров или немного больше, в самой широкой части он имел около двадцати. Они нашли каюты, точнее, каморки — сейчас совершенно пустые,— в которых некогда размещались тесно упакованные существа-растения.

Помещения эти могли охлаждаться до низких температур; было весьма вероятно, что на низкую температуру центаврийцы реагировали как растения на Земле зимой, погружаясь в состояние гибернации, похожее на зимний сон животных. Такое решение проблемы позволяло перевозить многочисленную команду, которую можно было оживлять во время сражений или посадок.

— Если бы они переделали «Адастру» для путешествия на Землю в соответствии с этими принципами,— угрюмо заметил Джек,— в ней поместилось бы не менее ста пятидесяти тысяч центаврийцев. Может, и больше.

Мысль о нападении на человечество этих созданий мучила его. Элен пыталась по-женски утешить его, направляя разговор на их нынешнее, безопасное положение.

— Мы добровольно согласились на вивисекцию,—сказала она на второй день после того, как они пришли в себя,— а оказались хотя бы на время в безопасности. И... и принадлежим друг другу.

— Время для нового сообщения Ольстера,— отрезал Джек.

С момента последней связи прошло уже почти тридцать часов. Центаврийский распорядок дня, подобно человеческим расписаниям, действующим на земных космических кораблях, опирался на единицу времени, равную продолжительности суточного оборота планеты.

— Лучше пойдем, послушаем его.

Так они и сделали. Измученный голос Ольстера зазвучал из странно выглядевшего динамика в ожидаемое время. Он звучал менее уверенно, чем накануне, и в нем ясно слышалось напряжение. Ольстер рассказал им о прогрессе, достигнутом чужаками в управлении «Адастрой». Оставшиеся в живых офицеры не были уже нужны для надзора за работой систем корабля. Кроме того, была выключена аппаратура, очищающая воздух, поскольку удаление из него двуокиси углерода превращало воздух в непригодный для центаврийцев.

Шестерых людей оставили в живых, чтобы они могли удовлетворить ненасытную жажду информации этих растений. Они жили под непрерывным давлением; от них требовали детального представления запасов памяти, чтобы записать все это странным способом их поработителей. Самый младший из шести, подофицер отдела регенерации воздуха, сошел с ума от воспоминаний о недавних событиях и ожидания своей смерти. Несколько часов он безумно выл, а затем был убит, а тело его мумифицировали с помощью удивительных высушивающих центаврийских химикатов. Остальные стали похожи на живые тени, они вздрагивали от малейшего шороха.

— Скорость торможения изменилась,— сказал Ольстер слабым голосом.— Вы прибудете на место за два дня до нашей посадки на планету, которую эти дьяволы называют родной. Это странно, но у них совершенно нет инстинкта колонизации новых планет... Мне кажется, что еще один из нас находится на грани безумия. Кстати, они забрали у нас ремни и ботинки — они были из кожи. Мы бы тоже забрали золотую ленточку для упаковки рождественских подарков, разве нет? Они весьма последовательны, эти...— тут он не выдержал и истерично закричал:

— Какой же я глупец! Послал вас обоих вместе, а сам живу здесь, в этом аду! Гэри, приказываю тебе держаться подальше от Элен! Запрещаю вам разговаривать друг с другом! Приказываю...

Прошел еще один день. И еще один. Ольстер выходил на связь еще дважды. Судя по голосу, отчаяние его все углублялось, нервы сдавали, и он был все ближе к безумию. Во второй раз он рыдал, проклиная Джека за то, что он находится там, где нет никаких чужаков.

— Мы уже не интересуем этих дьяволов, разве что как животные. Наши мозги потеряли цену. Корабль систематически потро-

шат; вчера они выловили всех дождевых червей из сельскохозяйственного сектора. Каждого из нас охраняет стражник. Мой сегодня вырвал у меня клок волос и сожрал их, раскачиваясь в экстазе! У нас нет уже шерстяных рубашек! Это совершенно дикие звери!

Прошел следующий день. Ольстер был на грани истерики. На корабле остались всего трое живых людей, и сейчас Ольстер должен был передать Джеку инструкции относительно посадки корабля на необитаемую планету. Цель была уже близка: диск планеты, которая должна была стать их тюрьмой, заполнял половину неба. Вторая планета, к которой направлялась «Адастра», видна была Джеку как кружок.

За кольцами Проксимы Центавра было в общей сложности шесть планет, а планета-тюрьма следовала сразу за родной планетой существ-растений. Слишком холодная для центаврийцев, она тысячи лет являлась целью охотничьих экспедиций, которые прочесывали ее поверхность, пока там оставалось хоть одно млекопитающее, рыба, птица, или даже ракушка. За ее орбитой кружил мир, окованный льдами, а еще дальше вращались вокруг Проксимы Центавра замерзшие глыбы камня.

— Теперь ты знаешь, как принять на себя управление кораблем, когда управляющий луч приведет в действие аэродинамические рули,— произнес голос Ольстера. Голос этот дрожал, словно шел сквозь зубы, лязгающие от нервного напряжения.— Вам будет там хорошо. Деревья, цветы и что-то вроде травы, если снимки, которые они делают, чего-то стоят. А нас ждет величайший праздник в истории ада. Все космические корабли вызваны на базу. На целой планете не будет ни одного центаврийца, который не получит хотя бы маленького кусочка животной ткани. Каждый получит что-нибудь, чтобы испытать дикое наслаждение, которое они переживают, дорвавшись до чего-либо, имеющего животное происхождение.

Будь они прокляты! Каждое существо целого вида! Мы — самое большое сокровище, о котором они могли мечтать! Они не церемонятся и говорят при мне, а я уже достаточно безумен, чтобы понимать многое из их разговоров. Их самый главный вождь планирует новые корабли — бóльшие, чем они когда-либо выращивали. Он отправится на Землю с флотом в триста космических кораблей, с большинством экипажей во сне или гибернации. На этих кораблях будет три миллиона дьяволов, а также чертовы излучатели, которые расплавят любой земной корабль с десяти миллионов километров.

Похоже, разговор помогал Ольстеру удержать остатки ускользающего рассудка. На следующий день яйцеобразный корабль Джека и Элен вошел из космической пустоты в атмосферу, дико завывшую за его гладкими стенками. Джек немедленно взял управление на себя, и корабль начал падать все медленнее, пока, наконец, мягко не сел на зеленой поляне, перед лесом странных, но не вызы-

вающих страха деревьев. В этой части планеты близился закат и, прежде чем они успели осмотреться, стало темно.

В следующие два дня они почти не отходили от корабля. Ольстер говорил почти непрерывно.

— Следующий корабль летит с Земли,— сказал он, и голос его сорвался.— Следующий корабль! Они стартовали, по крайней мере, четыре года назад и будут здесь через следующие четыре. Вы двое, может, еще увидите его, а я буду мертв или свихнусь, прежде чем утром взойдет солнце! Самое забавное, как мне кажется, что ближе всего к безумию я оказываюсь, когда думаю, что ты, Элен, позволяешь Джеку себя целовать! Ты знаешь, я любил тебя, любил, когда еще был человеком, до того, как стал развалиной, безвольно наблюдающей, как мой корабль летит прямо в ад. Я очень любил тебя. Я ревновал и, когда ты смотрела на Гэри сверкающими глазами, ненавидел его. До сих пор я его ненавижу, Элен! О, как я его ненавижу!

Однако голос Ольстера был теперь лишь голосом духа, ввергнутого в чистилище.

— О, каким я был глупцом, давая ему тот приказ!

Джек кружил по кораблю, глядя по сторонам невидящими, пылающими глазами. Элен обняла его за шею, он словно очнулся и что-то буркнул голосом, полным ненависти. Его распирала отчаянная жажда сражения с центаврийцами. Он начал копаться в машинах, а затем принялся монтировать из разных аппаратов десятикиловаттный вихревой излучатель. Работа продолжалась много часов, и только услышав, что Элен чем-то занялась, Джек оставил свое занятие и пошел посмотреть.

Она как раз вытаскивала наружу последние клетки, привезенные с «Адастры», и выпускала сидящих в них животных. Голуби радостно летали над ее головой, кролики, едва выскочив из ее рук, с удовольствием хрупали незнакомую, но вполне удовлетворительно выглядевшую растительность.

Девушка наслаждалась этим зрелищем.

Кроликов было шестеро и еще маленький детеныш на подгибающихся лапках. Куры копались в земле и что-то клевали, но на этой планете не было насекомых, и они могли найти только семена и траву. Под лучами солнца четыре щенка радостно кувыркались в жестких листьях.

— Во всяком случае,— упрямо сказала Элен,— хотя бы они могут пока радоваться жизни! Не то, что мы — нам есть о чем беспокоиться! Этот мир мог бы стать раем для людей!

Джек мрачно окинул взглядом зеленый прекрасный мир. Никаких хищников, никаких надоедливых насекомых. На этой планете не могло быть даже болезней, разве что человек сам завезет их сюда. Она действительно могла оказаться раем.

Из космического корабля донесся звук человеческого голоса. Джек тоскливо побрел туда, чтобы послушать. Элен шла следом.

Они стояли в странном помещении рубки. Стены, потолки, полы, облицовка приборов — все было сделано из матовой, темно-коричневой субстанции, выросшей в формы, которые требовались центаврийцам. Голос Ольстера был удивительно спокоен.

— Надеюсь, вы не ушли куда-нибудь на разведку,— произнес динамик.— Сегодня состоится праздник. «Адастра» села в центр города этих дьяволов; ее посадил я — единственный человек, оставшийся в живых. У их главаря есть что-то вроде дворца возле открытого места, где я сейчас нахожусь.

Сегодня они праздновали. Просто удивительно, сколько материи животного происхождения было на «Адастре». Они нашли даже конский волос, делающий жесткими воротнички наших мундиров, шерстяные одеяла, ботинки. Даже некоторые сорта мыла содержали животные жиры, и они их «очистили». Они отыскивают каждую частицу материи животного происхождения так же ловко, как наши химики отыскивают золото или радий. Невероятно, правда?

Некоторое время динамик молчал.

— Я уже полностью пришел в себя,— сказал наконец голос Ольстера.— Похоже, на время я сходил с ума, но то, что увидел сегодня, очистило мой разум. Я видел миллионы этих дьяволов, погружающих свои щупальца в огромные корыта, где находились все животные ткани с «Адастры», растворенные в какой-то жидкости. Их главарь многое оставил себе! Я видел предметы, которые носили в его дворец между двумя рядами стражников. Некоторые из этих предметов были когда-то моими друзьями. Я видел город, обезумевший от дикой радости, видел этих дьяволов, в экстазе качающихся взад-вперед, слышал их главного дьявола, произносящего что-то вроде тронной речи. Я многое понимаю на их языке. Он говорил, что Земля набита животными: людьми, птицами, зверями, рыбами в океане. Он сказал, что скоро будет выращен самый большой флот за всю историю их цивилизации, флот, использующий привод земного корабля — наши ракеты, Гэри,— и что флот этот понесет неисчислимое множество существ-растений, которые должны покорить и оккупировать Землю. Они пришлют на родную планету такие сокровища, что каждый из его подданных сможет часто наслаждаться так, как сегодня. Дьяволы, безумно раскачиваясь взад и вперед, издали свой пронзительный вопль. Миллионы одновременно.

Джек тихо застонал, а Элен закрыла глаза, как бы желая избавиться от зрелища, представшего перед ее мысленным взором.

— Теперь о самых важных для вас делах,— спокойно сказал Ольстер, удаленный от них на миллионы километров,— единствен-

ный человек на планете кровожадных растений.— Ко мне идут их ученые, чтобы я показал им внутреннее устройство наших ракет, а некоторые должны завтра прибыть к вам, чтобы начать расспросы. Однако я собираюсь показать этим дьяволам наши ракеты и уверен — уверен на все сто процентов — что все космические корабли этой расы находятся здесь.

Их экипажи явились принять участие в празднике, во время которого каждый из этих растений получил в подарок от своего главаря столько животной ткани, сколько прежде мог собрать, работая всю жизнь. Животная ткань здесь гораздо ценнее, чем у нас золото, ее сравнительная ценность лежит где-то между платиной и радием. В общем, все вернулись домой. Каждый! И помните, что корабль с Земли находится в пути. Он доберется сюда через четыре года, помните об этом!

Из динамика донесся нетерпеливый свист.

— Они уже здесь,— спокойно сказал Ольстер.— Сейчас я покажу им ракеты. Может, и вы увидите эту потеху — это зависит от времени суток, которое сейчас у вас. Но помните, что близнец «Адастры» уже в пути! Еще одно, Гэри — то, что я дал тебе тот приказ, было поступком безумца, но я рад, что сделал это. Прощайте оба!

Из динамика донеслось далекое, утихающее уханье. Далеко-далеко, в центре города дьяволов, Ольстер шел с людьми-растениями, чтобы показать им внутреннее устройство ракет. Они хотели постичь принцип действия привода огромного корабля во всех деталях, чтобы построить — а точнее, вырастить — такие же большие корабли и перевезти неисчислимые орды захватчиков в Солнечную систему, где находились животные.

— Выйдем наружу,— резко произнес Джек.— Он как-то сказал, что предпочитает сделать это сам, поскольку нет устройства, которому он мог бы довериться. Тогда я решил, что он спятил, ведь попасть живым на их планету казалось невозможным. Выйдем наружу и посмотрим на небо.

Они стояли на зеленой траве, глядя на небо над своими головами, и ждали. Джек представил себе ракетные секции «Адастры». Ему казалось, что он видит входящую в них странную процессию: толпу жутких растений и вместе с ними Ольстера с каменным лицом и сжатыми кулаками.

Ему нужно открыть камеру сгорания одной из ракет и объяснить действие дезинтеграционного поля, которое прессует электроны водорода так, что его атомы превращаются в атомы гелия, а гелий — в литий, в то время как кислород из воды буквально разрывается на нейтроны и чистую энергию. Потом он должен ответить на вопросы. Ультразвуковые генераторы он должен представить

как аппаратуру для управления мощностью и направлением реактивных струй и ничего не говорить о том, что только материал ракетных дюз, облучаемый генераторами, может выдержать воздействие дезинтеграционного поля.

Не должен он объяснять и того, что ракета, запускаемая без заранее включенного генератора, вспыхнет от топлива, что любая другая субстанция, за исключением материала, пошедшего на дюзы, тоже вступит в реакцию, и все: дюзы, корабль, а вместе с ним и планета, исчезнет в яркой вспышке пурпурного пламени.

Нет, этого Ольстер им не объяснит. Он просто покажет центаврийцам, как запустить поле Колдуэлла.

Земляне смотрели в небо, и наконец на нем вспыхнул яркий пурпурный огонь, затмивший свет окруженного кольцами солнца, стоявшего над головами. Пурпурная вспышка продолжалась секунду, две, три... Ни один звук не сопровождал ее, ничего, кроме мгновенного удара невыносимого жара. Снова все было, как прежде, спокойно.

Окруженное кольцами, солнце ярко светило в небе. Облака, совсем как земные, спокойно плыли куда-то, гонимые ветром. Животные с «Адастры» с удовольствием жевали зеленые листья, голуби радостно носились в воздухе.

— Он сделал это,— сказал Джек.— Все их космические корабли были на базе. Существ-растений больше нет: исчезла их цивилизация, их планета и их планы уничтожения нашей Земли.

Там, где была планета центаврийцев, в космическом пространстве не осталось ничего, даже пара или остывающего газа. Она исчезла, как будто никогда не существовала, а мужчина и женщина с Земли стояли на планете, которая могла быть раем для людей, и следующий корабль с большим количеством людей был в пути.

— Он сделал это,— тихо повторил Джек.— Пусть покоится в мире. А мы... мы можем теперь подумать о жизни вместо смерти.

Постепенно лицо его расслабилось. Он взглянул на Элен и обнял ее.

Она радостно прижалась к нему, отбросив все мысли о том, что было в прошлом. Потом тихо спросила:

— А каким был последний приказ Ольстера? Тот, что он дал тебе на бланке?

— Я даже не посмотрел,— ответил Джек.

Он порылся в кармане и вынул из него смятый бланк приказа. Пробежав его глазами, протянул Элен.

Согласно правилам, одобренным прежде, чем «Адастра» покинула Землю, закон и надзор за их выполнением находился в руках капитана огромного корабля. Особенно подчеркивалось, что легальное супружество на «Адастре» должно быть подтверждено офи-

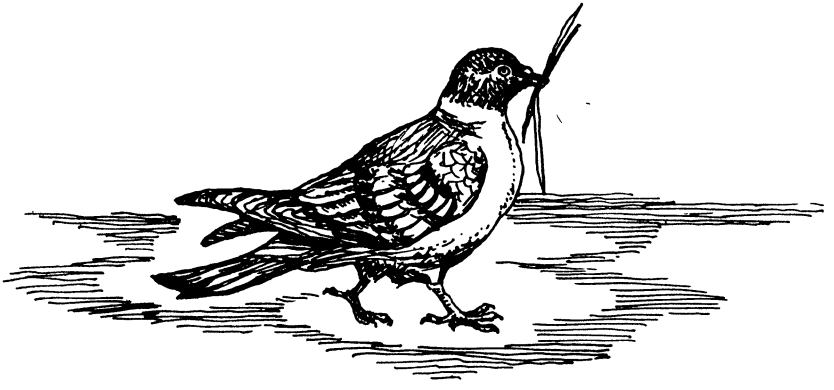
циальным приказом, подписанным капитаном. Бланк, поданный Ольстером Джеку, когда тот шел, как считали все, на смерть в муках, был именно таким приказом. Другими словами, он констатировал факт заключения брака.

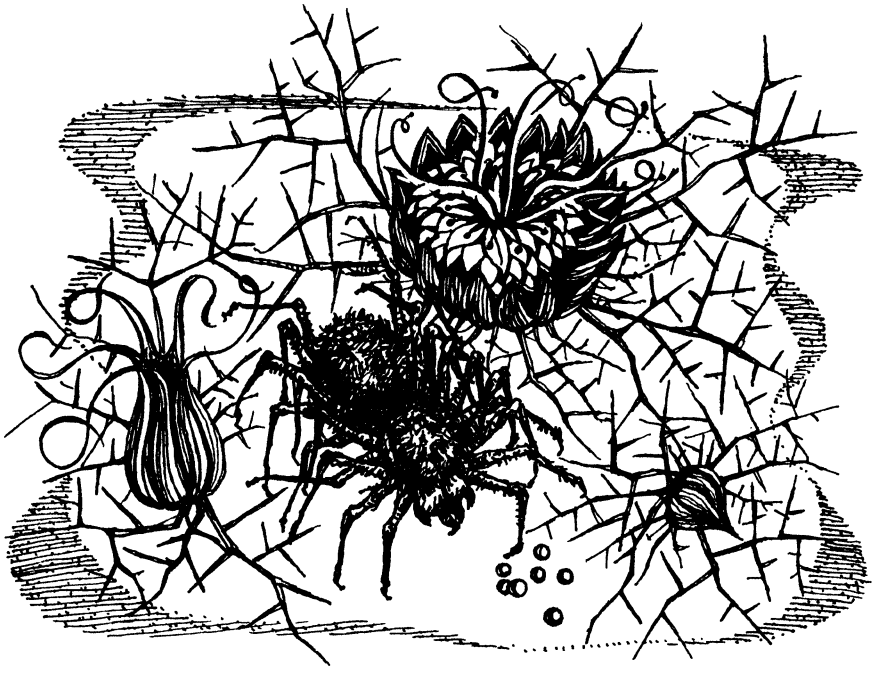
Джек и Элен улыбнулись друг другу.

— Это... это не так уж и важно,— неуверенно сказала Элен,— но все равно я рада этому приказу!

Один из выпущенных на свободу голубей нашел на земле соломинку и клюнул ее. Его подруга внимательно осмотрела ее, они о чем-то поворковали и улетели с соломинкой.

Вероятно, в ходе обсуждения решили, что соломинка отлично подходит для начала строительства гнезда.





М. Джемисон

ЛИЛИИ ЖИЗНИ

Пробирка с треском упала на землю, и из нее вырвалась струйка едкого пара.

Паркс не обратил на это внимания и, схватившись за край стола, простонал:

— Что-то случилось с моим расписанием! Этот приступ должен был начаться только через полчаса...

Новая судорога заставила его замолчать.

Максвелл, не вставая с места, внимательно посмотрел на него, потом взглянул на часы. Было всего два, а следующий укол они должны были получить в три. Тем временем приступ Паркса все набирал силу. Руки его дрожали и извивались в конвульсиях, и уже начинались страшные судороги, такие характерные для убийствен-

ной венерианской болотной лихорадки. Лицо Паркса было уже не лицом человека, а какой-то чудовищной пародией на него — дикой, смертельной маской с тупым взглядом косящих и вытаращенных глаз.

Максвелл вздохнул, встал и отодвинул стул. Вскоре его ждет то же, что творится сейчас с Парксом. Он неторопливо подошел к аптечному шкафчику и вынул два блестящих шприца. Потом наполнил оба лекарством. Паракобрин помогал слабо, но до сих пор лучшего средства не было. Положив шприцы возле «стены плача» — железного бруса, старательно закрепленного у толстых столбов — он подошел к Парксу, который стонал и извивался на своем стуле.

— Пошли, старина,— мягко сказал он.— Пусть это будет за нами.

Паркс дал отвести себя на место, а долгая практика завершила остальное. Вскоре Максвелл уже ввел иглу и нажал на поршень, а Паркс цеплялся за брусок, как будто хотел его расплющить. Максвелл сделал глубокий вдох. Теперь его очередь. Завернув рукав, он сам ввел себе в вену янтарную жидкость.

Пять бесконечно долгих минут оба они цеплялись за брус, извиваясь и рыдая от боли, пока дьявольское лекарство расходилось по их телам — как будто вместо крови в жилах текло расплавленное железо и смертоносная кислота. Потом все кончилось. Судорожно сжатые пальцы ослабли, напряжение мускулов исчезло, а хрип снова превратился в дыхание.

— Я не... выдержу... этого... больше,— пробормотал Паркс сквозь стиснутые зубы.

— Выдержишь,— мрачно ответил Максвелл.— Мы всегда так говорим... все так говорят... и все-таки делают укол. Ты же знаешь альтернативу.

— Знаю,— тупо произнес Паркс.— Без паракобрина судороги продолжаются непрерывно и кончаются безумием. Альтернатива — это веревка, прыжок с верхнего этажа или яд.

— Вот именно. А теперь вернемся к работе. Что было в той пробирке?

— Экспериментальный материал 1104. Впрочем, это все равно. Я уже использовал весь запас коры бальзамника. У нас нет материала на повторение пробы. Разве что Хоскинс перебросит новую партию.

— В таком случае нечего говорить об этом. Пошли в зал. Может, препарат 1103 дал результат.

Паркс молча последовал за ним, постепенно вновь обретая власть над собой. В следующий раз он опередит ход стрелок часов. Паракобрин никогда не вызывает приятных ощущений, но лучше вводить его тогда, когда человек владеет собой, чем после начала приступа.

Осмотр зала, как обычно, разочаровал их. Обезьяна в клетке отвратительно дергалась в последних конвульсиях. Через пару минут она будет мертва так же, как те неподвижные морские свинки в соседних загончиках. Последняя формула тоже не дала результатов, и две трети человечества будут страдать по-прежнему, поскольку против болотной лихорадки до сих пор не найдено средства лучшего, чем паракобрин.

Максвелл заглянул в следующие клетки. У них еще было несколько обезьян и морских свинок, поэтому можно было попробовать другие лекарства. Человек должен быть очень терпелив, когда проводит такие важные исследования: даже тысяча неудач не имеет никакого значения. Нужно заранее предвидеть их.

— Я думаю,— начал он,— что теперь мы должны...

— Пойду открою двери,— прервал его Паркс, услышав осторожный стук.— Может, это Хоскинс.

Да, это был Хоскинс, межпланетный контрабандист. Он тащил тяжелую сумку и кисло улыбался.

— Плохоие новости, господа,— сказал он, кладя сумку на пол.— С Венеры вы больше ничего не получите. Патрули вокруг планеты утроили, и контроль на космодромах усилили. Тони арестован, и контрабанда для вас конфискована вместе с кораблем. Разумеется, его посадили в каталажку, а груз сожгли. Это значит, что больше вы не получите ни коры бальзамника, ни древесных клопов, ни твангитванги, ни тыкв и вообще ничего. Шан Дхи бросил свою работу, я остался без поставщика, поэтому ликвидирую все дело.

— У тебя нет ничего для нас? — спросил ошеломленный Паркс, который свято верил, что вакцину против судорог можно получить только из какого-нибудь органического вещества с Венеры, где был источник болезни. Только там могли возникнуть естественные враги вируса. Однако в последнее время с Венеры на Землю завезли еще и другие болезни, поэтому власти запретили всякие поставки. А без контрабандных поставок сырья руки у Паркса и Максвелла были связаны.

— У меня есть только вот это,— сказал Хоскинс, открывая сумку.— Правда, это не совсем то, что вы заказывали, но я могу вам его уступить. Это из святыни томбовов, которую когда-то ограбил Шан Дхи. Собственно, ему место в музее, но товар левый, а в музее слишком много спрашивают. Хотите взять его?

Он сунул руки в сумку и достал оттуда фигурку. Это был интересный образец кофейного нефрита, считавшегося дикими томбовами святым камнем, и для их возможностей обработанного весьма старательно. Фигурка изображала одного из древних томбовских божеств, сидящего на троне, с толстыми руками, сложенными на животе. С шеи у него свисал шнур чего-то, что походило на большие жемчужины, а на голове божество имело венок из болотных

лилий. Лилии росли также вокруг всего трона, и нефрит, из которого их вырезали, был покрашен каким-то зеленым лаком. Бледно-желтые лилии были покрашены подобным образом.

— Шан Дхи говорит, что это томбовский бог здоровья, и взят он из великой святыни на болотах Ангра, где племена ангра устраивают свои оргии.

— Уфф! — вздрогнул Паркс.— Те, кто видел этот томбовский обряд, говорили, что зрелище не самое приятное.— Нет, нам это, пожалуй, не подойдет.

— Откуда нам знать это? — задумчиво сказал Максвелл.— Бог здоровья, говоришь? Гм... Мне пришло в голову, что большинство томбовов не подвержено болотной лихорадке, по крайней мере, не болели ею, пока туда не прибыли наши переселенцы. Может, этим стоит заняться. Сколько это будет стоить?

— Нисколько,— ответил Хоскинс.— Вы были очень хорошими клиентами, и потому возьмите его на память. Но этого,— он снова полез в сумку,— я отдать за так не могу.

Он вынул большую горсть прекрасных мерцающих шариков. Они были размером с шарик для пинг-понга и выглядели совершенно как мыльные пузыри, но когда Максвелл взял один в руки, он оказался необычайно твердым, хотя и легким, как перышко.

— Что это такое?

— Наверное, какие-то драгоценности,— ответил Хоскинс.— Они из той же святыни. Шан Дхи говорит, что они висели на шее большого божества, как ожерелье, а связаны между собой были пучками травы. У маленького божка такие же.

Максвелл, нахмурившись, разглядывал шарики. Хоскинс требовал тысячу за всю партию. Это были большие деньги, но что значили деньги для людей, обреченных на страшную, медленную смерть? Шарики должны были иметь связь с томбовскими обрядами здоровья, а дикий томбов, хотя и отвратительная тварь, был известен своим здоровьем. Только те из них, что приняли цивилизацию, вырождались и вымирали. Сомнительно было, чтобы сами драгоценности имели какую-нибудь лечебную силу, но они происходили из святыни, а значит, были символом, а может, и следом для открытия всей тайны.

Максвелл открыл ящик стола и высыпал в него блестящие шарики.

— Выпиши чек, Паркс. Я поиграю в детектива.

Паркс, все еще ошеломленный приступом болезни, молча кивнул головой. Когда Хоскинс вышел, они вынули шарики из стола и внимательно осмотрели. Потом распределили между собой работу и занялись делом.

Они провели всевозможные исследования, но результат был отрицательный. Шарики были кислотоупорными, а твердость имели

такую, что никак не удавалось их раздавить. Правда, Максвелл сумел распилить пополам один из них: он оказался пуст и, только когда пила пробила тонкую оболочку, раздался резкий свист заключенных внутри газов, выходящих наружу. Паркс быстро взял пробу зловонного продукта, а результат анализа весьма удивил его. Органические газы на Венере имели чрезвычайно сложное строение.

— Слушай! — воскликнул вдруг Максвелл, отрываясь от микроскопа.— У меня здесь проба опилок. Они вовсе не кристаллические, а имеют несомненное клеточное строение. Шарики явно не минералы, и в то же время не растительная или животная ткань, по крайней мере такая, какую мы знаем. Они попросту...

— Попросту венерианские,— вздохнув, закончил Паркс. Все, жившее на Венере, всегда было головоломкой для исследователя. Там не было четкой границы между флорой и фауной, а в некоторых случаях и то и другое состыковывалось с миром минералов. Развитие и изменение солитера на Земле были просты, как деление амебы, по сравнению с жизненными циклами на Венере. Паркс знал один вид водяного муравья, который оплодотворялся, прижимаясь к коже угря, а потом выбирался на берег и там откладывал яйца. Из этих яиц вырастали большие пучки мха, которыми питались странные, бесперые птицы. В пищеводе этих птиц из яиц развивались паразиты, которые после выделения превращались в ползающих муравьев. У муравьев вырастали крылья, и они летели к океану на поиски угрей. Все это было типичным для Венеры примером симбиоза: муравьи каким-то образом были необходимы для существования угрей, а в своем позднем виде — для птиц и как пища, и как пищеварительные энзимы. Ученые, изучавшие эти вопросы, терялись в лабиринте еще более сложных разветвлений.

Максвелл и Паркс переглянулись.

— Да,— сказал Максвелл,— это единственное, что у нас осталось.— Хоскинс уже ничего не может нам доставить, поэтому придется отправиться туда. Я хочу узнать, почему дикие томбовы не болеют лихорадкой, почему лилии являются для них святыней, и в чем тайна шариков. Отправимся на Венеру.

Они прибыли в порт Ангара в невеселом настроении. Руки и бедра у них болели от множества предохранительных уколов и, кроме того, им пришлось письменно отречься от большинства своих гражданских прав. Несмотря на всевозможные меры предосторожности, жители Земли не могли оставаться на Венере больше трех месяцев без риска заразиться одной из многих болезней, каждая из которых раз и навсегда отрезала возможность возвращения на Землю. Поэтому весь риск нужно было брать на себя, заранее освобождая правительство и всевозможные власти от какой-либо ответственности.

Общество пассажиров тоже не улучшало настроения. Среди них было несколько ученых, так же, как Паркс и Максвелл, принимающих участие в отчаянной борьбе, идущей уже много лет. Остальные были миссионерами, которые должны были заменить тех членов миссии, трехмесячный срок которых уже истекал. С теми же целями ехали инспектора из карантинных контор и представители Синдиката Радиоактивных Элементов, осуществляющие надзор над шахтами урана. Большинство считало свое назначение божьим наказанием.

Они приземлились на большой поляне, вырубленной среди джунглей. Вокруг был густой желтый туман. Зрелище космодрома было волнующим: друг против друга там стояли ряды паланкинов, над которыми развевались выцветшие и потрепанные флажки со знаком Красного Креста. На носилках лежали люди, которых новоприбывшие должны были заменить — развалины здоровых мужчин, кем они были еще несколько недель назад. Все понимали, что для некоторых доставка в порт просто чистая формальность. Кто из них получит разрешение вернуться на Землю, зависело только от решения врача.

— Веселенькое местечко,— мрачно заметил Паркс.

— Когда тебя снова скрутит судорога,— сурово ответил Максвелл,— тебе не придется думать об этом. Приступ стирает различия.

Он посмотрел на туземцев, стоявших шеренгами около носилок. Это были местные илоты, которые служили носильщиками. Они стояли дрожа, поскольку тоже болели, и даже сильнее, чем люди. Уколы паракобрина делали только людям, а для туземцев лекарства жалели. На болотах их жило полным-полно, и достаточно было предложить им табака — единственный неместный продукт, ценимый дикарями,— чтобы явилась целая толпа. На глазах Максвелла один из носильщиков начал дергаться в конвульсиях и со стоном упал на грязную землю. Никто не обратил внимания: это было привычное зрелище. Может быть, завтра им займутся мусорщики.

Томбовы выглядели, как карикатура на человека, даже более гротескно, чем крупные обезьяны на Земле. Разница заключалась прежде всего в ступнях, имеющих форму огромных расплющенных лап. Они давали возможность хождения по болотам, поскольку распределяли вес тела на большую площадь, благодаря чему томбов мог безопасно передвигаться по тонкой корке, покрывавшей трясины. Лапы эти, как у уток, имели длинные, сужающиеся к концу пальцы с перепонками между ними.

Появился начальник порта и назначил носильщиков для новоприбывших. Он выкрикивал приказы на хрипящем языке томбовов, и носильщики хватали носилки и шлепали, разбрызгивая грязь.

Несмотря на плохую видимость, дорога из порта оказалась очень интересной. Максвелл испытывал странное чувство, когда шестеро дрожащих невольников несли его на плечах через необъятные болота. Удивляла его и безумная растительность, окружавшая их со всех сторон. Разнообразие неизвестных ему видов было бесконечным, как бесконечным было и поле для научных изысканий. Однако, учитывая небывало высокую смертность, вряд ли человек когда-нибудь изучит более детально необычные формы жизни Венеры. Время от времени появлялись какие-то животные — если это вообще были животные — такие же странные и невероятные, как фантастические цветущие лианы, дымящиеся кусты и деревья, издающие глухой, металлический звук треснувшего колокола.

Мимолетное чувство удовлетворения покинуло Максвелла, когда караван вышел на новую поляну и появилась низкая, слепленная из грязи стена. За ней размещалась группа зданий, а над центральным развевался выцветший флаг ОМ — Объединенных Миссий. Рядом были вольеры, в которых держали новых томбовов перед отправкой на рынок невольников. Никто из жителей Земли даже под страхом смерти не мог работать в местном климате, поэтому туземцы были единственной рабочей силой. Они добывали уран, переносили тяжести, служили средством передвижения, строили дома. Дикари для этого не подходили, их нужно было сначала обучить и приручить.

Максвелл цинично подумал о статистике обращений, о тысячах неофитов, обращаемых ежегодно. Это было не евангелистское предприятие, а хозяйственная необходимость. Жители Земли, независимо от своей религии, сходились в одном: томбов в диком виде — это ленивый и безответственный негодяй. Дикий туземец был законченным лгуном и прирожденным вором, готовым убивать, если ему что-то не понравится, и делал это обычно способом ужасным. Он не понимал цели работы, поскольку пищи вокруг было полным-полно, был крепок и толстокож, поэтому вообще не воспринимал физических наказаний. Ему были чужды абстрактные понятия, и он не создал никакой философии. Короче говоря, чтобы он стал пригоден для чего-либо, его следовало окрестить.

Наконец за поворотом дороги исчезла миссия и ее страшное приложение: рынок невольников. Впереди располагались первые шалаши Ангры. Они миновали амбулаторию со «стеной плача» и одетыми в белое работниками и наконец оказались перед низким зданием, над которым висела доска с надписью: Бюро Координации Исследований.

Главный врач был худощавым мужчиной с землистой кожей и отчаянием во взгляде. Выражение безнадежности не исчезло, даже когда Максвелл изложил свою теорию. Врач покачал головой.

— Утка,— сказал он,— потеря времени. Уже многие предполагали, что дикие томбовы едят или пьют что-то, предохраняющее их от болотной лихорадки. Мы детально изучили составляющие их питания и даже отвратительный воздух болот, которым они дышат, но результат всегда был отрицательным. Нет и никакой отчетливой разницы между группами крови у нас и у томбовов, а также в их витаминных реакциях. Сейчас мы считаем, что тайна так называемой невосприимчивости томбовов заключается в естественном отборе. Нынешние жители болот — это потомки тех, кого болезнь не сумела одолеть, и потому они более выносливы.

— Абсурд! — воскликнул Максвелл, раздраженный пессимизмом врача.— Что же тогда происходит с их врожденной невосприимчивостью сразу после обращения? Крещение никак не влияет на обменные процессы в организме. Неужели вам никогда не приходило в голову, что невосприимчивость возникает в результате операций, проводимых во время таинственных обрядов?

— На темы религии,— чопорно ответил врач,— я никогда не дискутирую. И чем меньше мы будем говорить об отвратительных обрядах болотных дикарей, тем лучше. Уверяю, что если бы вы знали томбовов так хорошо, как мы...

Максвелл повернулся и вышел.

— Идем, Паркс. Повторяется история «знака Черной Руки». Когда ученого ослепляют предрассудки, он перестает быть ученым.

В амбулатории они расспросили о Шан Дхи, давнем сообщнике Хоскинса. Шан Дхи был обращенным туземцем, который после короткого пребывания у белых вернулся к томбовам. Сразу после обращения он заболел лихорадкой, но был настолько умен, что тут же сбежал. Как двойной отступник, он стал парией для обеих рас. Его терпели, но относились к нему с недоверием. Как посредник он был очень хорош, поскольку был единственным томбовом, знавшим обычаи белых и говорившим на их языке, хотя Хоскинс и предупреждал, что язык этот весьма своеобразен.

— Шан Дхи? — переспросил дежурный врач, удивленный, что серьезные люди спрашивают о каком-то подозрительном типе.— Наверняка за решеткой. А если нет, то вы найдете его возле какой-нибудь норы на Краю, нажравшегося занкры. Только советую вам идти с охраной, если хотите его отыскать. Когда обращенный туземец сбегает, он опускается на самое дно.

— Ничего, мы справимся,— сказал Максвелл. Антитомбовские настроения были здесь в порядке вещей, но ему-то Хоскинс дал четкие указания.

Занкровый притон был местечком не из приятных. Темная, грязная и страшно вонючая дыра. Повсюду на грязных матах лежали клиенты — белые, которые не могли выдержать местных условий и не могли вернуться на Землю из-за состояния своего

здоровья. Они уже умерли для мира, хотя их мускулы иногда еще сокращались в спазматических конвульсиях. Чтобы смягчить ожидание гибели, они прибегали к помощи занкры, которая, не помогая как лекарство, дарила забвение благодаря своему составу: смеси алкоголя и нескольких мощных алкалоидов. При этом она была дешевой, поскольку дыни, соком которых она являлась, стоили гроши. Когда Максвелл и Паркс вошли, как раз начинали новую дыню. Они смотрели, как туземец, сидевший у дверей, пробил в овоще дыру и ввел трубочку.

— Мы пришли от мистера Хоскинса,— обратился к нему Максвелл.— Где можно найти Шан Дхи?

Томбов задумчиво посмотрел на него, потом ответил:

— Я Шан Дхи.

Максвелл тоже присмотрелся к нему и удовлетворенно отметил, что туземец обладал великолепным здоровьем. Не было заметно даже легкой дрожи, которая оставалась после укола паракобрина. А ведь руки Шан Дхи явно свидетельствовали о том, что некогда он был жертвой судорог: их покрывали шрамы от порезов, несомненный признак нелеченной болезни. Шрамы были старыми и в некоторой степени подтверждали теорию Максвелла. Человек этот явно излечился — хотя это и считалось невозможным. Но как? Вернувшись к прежним своим обычаям?

Установить контакт с Шан Дхи оказалось нелегко. Плохо было уже то, что он говорил на ужасном жаргоне, введенном первыми миссионерами. Но кроме того, он был подозрителен, упрям и уклончив. Из вопросов Максвелла он сразу же понял, что ученый знает об ограблении святыни, и вполне отдавал себе отчет, что узнай об этом томбовы — и предатель умрет в страшных муках.

— Не знать, что хорошая лилия,— ответил он, избегая встречаться взглядом с Максвеллом.— Томбов не ест лилия. Носить. Лилия цветок нехорошо человек Земли. Канкилона выходит из лилия. Люди не любят канкилона. Люди священник говорить канкилона от... отвратный чудовищ. Люди священник убивать канкилона. Канкилона смерть — томбов смерть. Смерть плохо для томбов. Лучше люди не видеть канкилона.

Этим все и кончилось. Никоим образом нельзя было добиться ничего большего. А каким «отвратительным чудовищем» является канкилона, можно было гадать до бесконечности. На Венере это могло быть все — от мухоловки до огненного дракона. Одно было ясно: между лилиями и этим чудовищем есть какая-то связь, миссионеры относятся к чудовищам очень настороженно, а последние как-то влияют на здоровье туземцев.

Расспросы о наполненных газом мерцающих шариках принесли объяснения совершенно невразумительные. Только гораздо позже они обрели смысл.

— Маленький светлый шарик — не дорогой камень,— признал он наконец.— Маленький светлый шарик ни для чего. Один день красив... шесть, восемь дней, потом... нет маленький светлый шарик. Ушла. Маленький светлый шарик — тата-тата канкилона.

— Врет,— сказал Паркс.— У нас их восемнадцать в коробке. Мы изучали их гораздо больше недели, и ни один не исчез. Я бы сказал, что они очень долговечны.

Однако Шан Дхи не желал ничего добавлять. Максвелл сделал в памяти заметку о какой-то связи с таинственной канкилоной, но пока обошел это молчанием и перешел к главной цели разговора. Возьмется ли Шан Дхи устроить их присутствие на оргии томбовов?

Шан Дхи отреагировал приступом ужаса. Святыни томбовов всегда были суровым табу для белых. Они были табу даже для томбовов, включая их жрецов, кроме дней обрядов. Ни один томбов, наверное, не осмелился бы убить белого, даже застав его за осквернением святого места, зато судьба Шан Дхи, пойманного за этим же, превзошла бы самые кошмарные порождения фантазии. Шан Дхи был готов красть, перевозить контрабанду, даже убивать, если у них хватит табака для расплаты, но этого он никогда не сделает.

— А жрецы томбовов любят табак? — спросил Максвелл.

Вопрос оказался удачным. Шан Дхи заколебался, глотнул занкры и начал считать на пальцах. Наконец выразил согласие.

— Может будет сделать,— неохотно сказал он.— Может томбов священник пустит Шан Дхи прятать люди в дом бога. Но люди священник не любят люди в томбов дом бога. Люди не любят смотреть томбов есть канкилона. Люди болеть. Люди терять голова. Люди в дом бога не надо, люди спрятать рядом дом бога.

Оба исследователя искренне обещали, что будут наблюдать из укрытия. Они не скажут никому ни слова и заплатят любую разумную цену. Они пришли не насмехаться или обращать, а хотят только узнать тайну здоровья томбовов. Наконец Шан Дхи поверил, и лицо его даже скривилось в улыбке.

— Томбов священник лучше белый священник. Томбов хочет долгая жизнь здесь. Томбов не хочет долгая жизнь далеко в небе. В небе плохо. Слишком далеко. Здесь лучше.

Паркс и Максвелл невольно улыбнулись. Несчастный туземец был прав во многом. Наука, провозглашаемая миссионерами, к тому же искаженная, не могла явиться утешением для этих страдающих существ, занимающихся тяжелой работой. Ничего странного, что они хотели заботиться о своем здоровье здесь и сейчас, не очень беспокоясь о своем будущем на небе. Не торгуясь, ученые передали Шан Дхи требуемое количество табака.

Три недели отняло у них путешествие по топким болотам. Часть дороги они проделали на примитивной лодке, пока наконец не

добрались до места, где совершался обряд Долгой Жизни. Шан Дхи показал им знаки, ограничивающие район обряда. Через три дня их уберут, но до того времени ни один томбов не смеет за них заходить. Однако Шан Дхи направил свою лодку вперед. Они плыли все дальше, мимо треугольных рощиц молодых деревьев, среди которых виднелись предупреждающие черепа, украшенные плюмажами. Болотистая лагуна сужалась. Теперь они плыли между двумя полями лилий. Шан Дхи объяснил, что такие лилии растут всего в нескольких местах, и что срывание цветов на святом поле карается смертью.

Максвелл с большим вниманием разглядывал цветы, но не заметил никаких существенных отличий от земной их разновидности, разве что стебли были значительно выше и имели желтый цвет. Потом его вдруг поразил вид ужасных волосатых существ, ползавших между лилиями.. Довольно долго они не попадались ему на глаза, но наконец ему удалось разглядеть одного подробно. Это был паук, похожий на огромного тарантула — чудовищный клубок длинных шелковистых волос, покрывающих клубнеобразное, пульсирующее тело размером с футбольный мяч. Существо имело две дюжины ног, волосатых и заканчивающихся когтями, а также омерзительные, похожие на ножницы жвалы, с которых стекал зеленый яд. Пучок блестящих глаз отсвечивал красным и фиолетовым цветом.

— Канкилона,— сказал Шан Дхи.

Паркс содрогнулся. Сам вид создания был омерзителен, а Шан Дхи говорил, что томбовы поедали их!

Лагуна кончилась узкой мелью, и вскоре лодка заскребла носом по болотистому берегу. Это был остров, расположенный в сердцевине территории святыни. Они вышли из лодки, вытащили ее на берег и спрятали в зарослях, после чего, взвалив на себя багаж, отправились вглубь острова.

Центр его занимала большая поляна, окруженная лесом высоких кипарисов. Под деревьями скрывались сотни маленьких шалашей, а вдалеке виднелась святыня — удивительное строение из серого камня. Удивительное потому, что ближайшая суша находилась в ста милях отсюда и только упорная вера и самоотверженность помогли принести эти тяжелые валуны сюда. В настоящий момент большие двери святыни были закрыты и запечатаны. Вокруг было пусто.

Прежде всего Шан Дхи занялся устройством убежища. Он сделал его в двойном шалаше, который специально построил на значительном удалении от остальных. Как изгнанник он мог принять участие в обряде, но вынужден был держаться в стороне от остальных верующих. В данном случае это условие было весьма удобно: двое белых могли жить в задней части шалаша и наблюдать за

всем через щели в стене, пока Шан Дхи спокойно сидел на пороге, уверенный, что ни один из томбовов не осмелится приблизиться к изгою. По мнению Шан Дхи, им нельзя было уходить отсюда до кульминационной ночи пира. Тогда все томбовы упьются до потери сознания, и можно будет следить за ними из темноты портала святыни.

Максвелл и Паркс разложили свои вещи. У них был запас продуктов и пачек табака, предназначенного для жрецов. Были у них также и научные инструменты — баночки, пробирки, химикалии для проведения опытов и, наконец, спектрограф. Однако самым важным был запас ампул паракобрина, поскольку Паркс чувствовал себя отвратительно и ежечасно должен был делать себе укол. Они старательно разложили все это и стали ждать.

Следующая неделя не принесла ничего нового и прошла довольно монотонно. Постепенно начали собираться томбовы, с ног до головы покрытые грязью болот. Вместе с ними прибыли женщины и дети, и все тащили огромное количество занкровых дынь. Каждая семья устраивалась в своем шалаше, после чего отправлялась на собрание племени. Оно очень походило на собрания дикарей в любой точке Солнечной системы и сопровождалось размеренными ударами в там-тамы, дикими танцами и поглощением огромных количеств еды и питья. Тут и там разыгрывались сцены отвратительного пьянства, но в сущности, от начала пятого дня все было довольно мирно. Только на пятый день появились жрецы.

С этой минуты все разительно переменилось. Даже самые отъявленные пьяницы ходили трезвехонькими до самого захода солнца. Всех отправили на работы, женщин тоже.

Томбовы отправились на болота, покачивась на своих расплющенных, ластообразных ногах. Мужчины несли странные сетки, сплетенные из тонких лиан, мальчики следовали за ними, таща огромные клетки из прутьев, женщины собирали лилии. Они тщательно очищали растения, срывая цветы и листья так, что оставались только высокие стебли. Только после наступления сумерек Максвелл понял цель похода. Они притащили с собой сотни пойманных канкилон, причем пауки отвратительным воем протестовали против своего пленения. Жрецы раскрыли ворота святыни, собрали пауков и снова закрыли ворота.

Так продолжалось еще три дня. По мере того, как томбовы все больше опустошали болота от растительности и ползающих чудищ, Максвелл сделал удивительное открытие. В один из этих дней на несколько минут показалось солнце — неслыханное редкое явление на постоянно закрытой облаками Венере — и тогда как будто свершилось чудо. Все болото засверкало неисчислимым количеством цветных огоньков. Везде толстым слоем лежали шарики, те самые, что они купили от Хоскинса как драгоценности. Их было как

сухих листьев осенью, однако вскоре тучи снова закрыли солнце и блеск погас.

— Что ты об этом думаешь? — спросил Паркс, смотревший в немом удивлении.— Неужели это семена лилий?

— Пожалуй, нет,— ответил Максвелл.— Они такие легкие... Семена должны погружаться в землю, чтобы прорасти, а эти шарики не погрузятся даже в воду.

Наконец подошел последний день торжества. Мужчины и женщины украсили себя одеждами из лилий: на них были венки и ожерелья, гирлянды и разнообразные головные уборы. А занкр они пили в невообразимых количествах. Всю вторую половину дня продолжались дикие танцы, а в сумерках пьяный хор превратился в чудовищный безумный вой. Тогда двери святыни открылись настежь и внутри засветились факелы.

— Скоро уже увидеть пир канкилона,— сказал Шан Дхи. Он выглядел так, будто его мучила совесть.— Не нужно томбов священник видеть как люди смотреть,— добавил он предостерегающе. Максвелл и Паркс повторили свои клятвы.

Было уже около полуночи, когда они решили, что участники обрядов настолько пьяны, что ни на что не обращают внимания. Максвелл и Паркс покинули шалаш и двинулись напрямик через поляну, внимательно следя, чтобы не наткнуться на какого-нибудь из томбовов, лежащих без сознания. У ворот святыни они остановились и заглянули внутрь. Оргия дошла до предела. Теперь они могли видеть весь ход пира. Двое служителей подавали извивающегося канкилона, лишенного ног. Жрец брал от них паука, двумя быстрыми движениями отрывал у него жвалы, швырял их в корзину, стоявшую у ног главного божества, а туловище бросал в воющую толпу. Какое-то время шла борьба, заканчивавшаяся возгласами разочарования, после чего все с завистью следили как избранники судьбы погружают зубы в мягкий мешочек яда искалеченной твари.

Паркс схватил Максвелла за руку.

— Я д... должен вернуться в шалаш,— простонал он.

— Что такое? — резко спросил Максвелл.— Не можешь на это смотреть? Мы же с тобой не слюнявые миссионеры.

— Не в том дело. Я забыл сделать укол, и уже чувствую дрожь в теле. Но ты останься. Я вернусь через минуту.

Максвелл позволил ему уйти. Укол, сделанный вовремя, был делом довольно простым, а он не хотел упускать ни одной детали из обряда, разыгрывавшегося перед ним. Некоторое время он смотрел, как Паркс исчезает в темноте, после чего снова перевел взгляд на необычное зрелище.

Однако увидеть его вновь ему не удалось. Удивительно сильная рука схватила его в объятия, а мощный удар мускулистого колена

подсек ноги и повалил на землю. По широкой и плоской ступне он понял, что нападающий — томбов. Потом у самого его уха раздался насмешливый голос, хорошо знакомый Максвеллу: голос совершенно пьяного Шан Дхи. От него невыносимо несло занкром.

— Люди хотеть долгую жизнь, да? — насмехался он.— Хорошо, хорошо. Люди иметь долгая жизнь. Люди взять канкилона сок.

Максвелл чувствовал, как обезумевший томбов с чудовищной силой перегибает его назад, раз за разом разражаясь все более диким смехом. Потом он почувствовал на лице прикосновение чего-то скользкого и волосатого и никак не мог вздохнуть. Отчаянно вырвавшись, он попытался крикнуть, этого-то и ждал Шан Дхи. Тонкая ткань мешочка с ядом лопнула, коснувшись зубов ученого, и он почувствовал на губах тошнотворную маслянистую жидкость. Язык и небо обожгло. Максвелл чувствовал себя опозоренным и осквернённым и хотел только умереть, немедленно умереть. Но именно тогда произошло что-то странное.

Отвращение и тошнота внезапно прошли, как будто их никогда и не было. Вместо этого он ощущал какую-то небесную радость, восторг, превосходящий все, что только можно себе представить. Он не был уже больным и знал, что никогда не будет болеть. Он был силен и мог бы схватиться с самым сильным атлетом. Жизнь казалась ему великолепной, и он должен был как-то выразить это. Максвелл издал крик, который эхом отразился от дальнего конца поляны, а потом все начало бешено кружиться вокруг него. Огни загорались и гасли, а вой в святыне начал постепенно утихать, пока не замер в отдалении. Что было потом, Максвелл не помнил.

Он проснулся, когда светало, и подумал, что это рассвет следующего дня. Он лежал лицом к земле в грязи перед воротами святыни. Некоторое время Максвелл не шевелился, ожидая неизбежного приступа головной боли. После такого отравления — он как в тумане вспоминал подробности — должна была прийти головная боль и боль чудовищная. Однако ее не было. Не было и отвратительного вкуса во рту. Максвелл вынужден был признать, что чувствует себя великолепно, и подумал, не сошел ли он с ума. Неуверенно он попытался подняться, ожидая, что начнется рвота, но ничего подобного! Он был свеж как младенец. Ни о чем не думая, он вскочил на ноги, однако тут же пожалел об этом, потому что ударился головой обо что-то, чего не увидел сначала и что теперь с треском упало. Взглянув на этот предмет, он замер: перед ним лежали три длинные деревянные рейки, связанные лианой и заканчивающиеся пучком разноцветных перьев. Из перьев щерил зубы череп. Видимо, ночью кто-то установил над ним этот зловещий символ: предупреждение, что лежащий человек — табу.

Максвелл взглянул на святыню. Она была закрыта наглухо, двери старательно заперты. Поляна тоже опустела, в шалашах

никого не было. Обряд закончился, участники ушли, и все теперь вновь было табу. Часы Максвелла показывали четыре часа дня, значит, он спал много часов.

Внезапно он вспомнил о Парксе. Ведь он сказал, что сейчас вернется. Где же он теперь? Может, Шан Дхи напал и на него? Он быстро огляделся, но не нашел и следа приятеля. Широко шагая, Максвелл перешел через поляну.

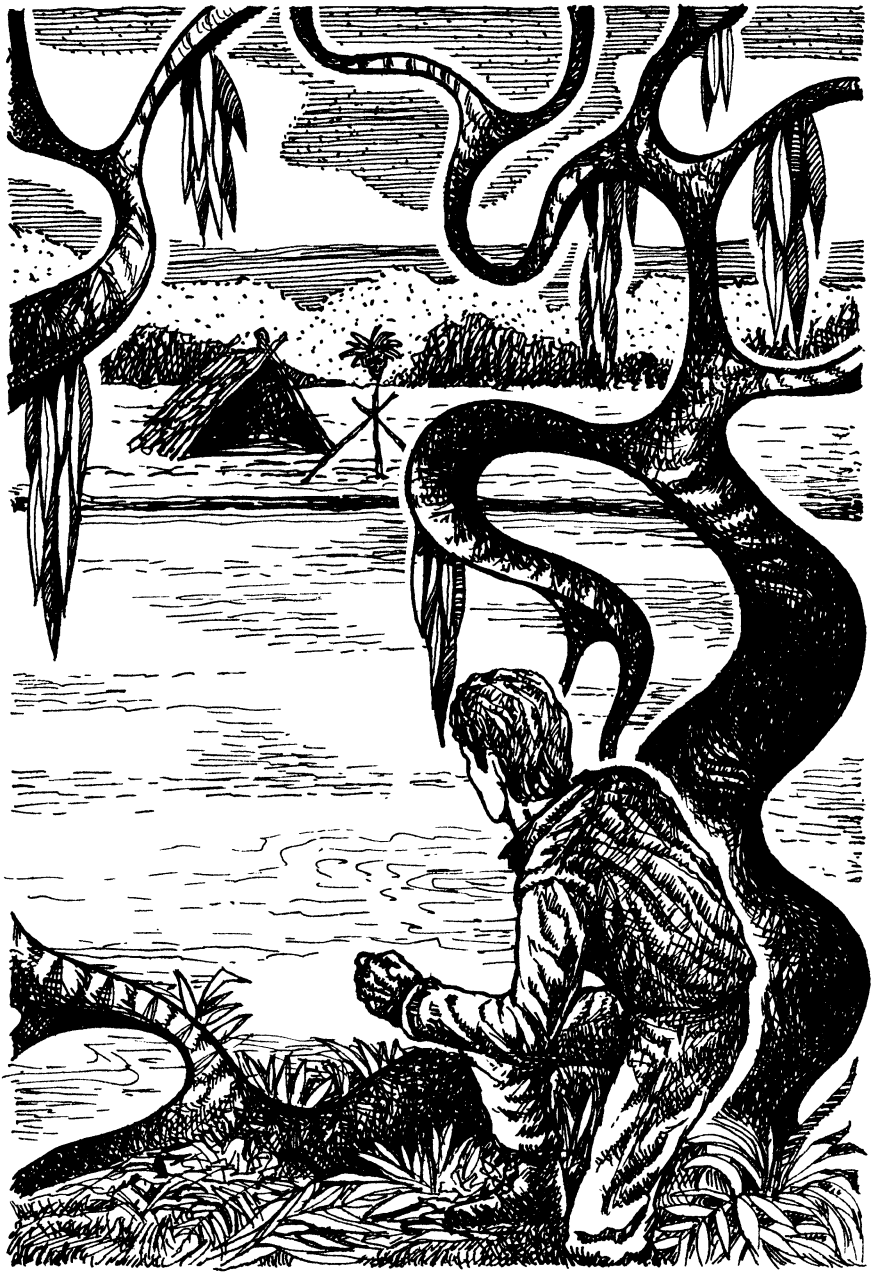
Перед шалашом он остановился, как вкопанный. У входа стоял такой же знак табу. С высокой жерди щерила зубы свежеотрубленная голова томбова, а на земле валялись разбросанные, очищенные от мяса кости. Голова была головой Шан Дхи. Вероятно, он нарушил какой-то суровый запрет и заплатил за это жизнью. Максвелл содрогнулся при мысли о том, что может найти в шалаше.

Внутри шалаша был разгром. Пол в обеих половинах покрывали обломки разбитых предметов, большинство научного оборудования было уничтожено, продукты перемешаны с химикалиями. Весь запас табака исчез бесследно, но хуже всего то, что был уничтожен весь запас паракобрина. Об этом говорили раздавленные ампулы и разбитые шприцы. Грабители, как когда-то гитлеровцы, уничтожили все, что не представляло для них ценности.

Однако в эту минуту Максвелла занимало только одно: он должен любой ценой найти Паркса. Он нашел его наконец, закрытого грудой разодранной одежды. Максвелл нагнулся к нему и осмотрел. Он чувствовал себя убийцей. Паркс никогда не выражал особого желания лететь на Венеру. Именно Максвелл уперся, что нужно изучить тот след, на который вывел Хоскинс. Лицо Паркса было напряжено, губы покрыла смертельная бледность, а слабая дрожь свидетельствовала о страшном истощении, вызванном целыми сутками непрерывных конвульсий. Видимо, он опоздал с уколом и упал, так и не сделав его. Максвелл должен был предвидеть это и вернуться из святыни вместе с ним. Теперь было слишком поздно. Паракобрина больше не было, и Паркс должен был умереть до наступления ночи.

Максвелла охватило отчаяние. Минуты шли, и вдруг его осенило: ведь сам он пропустил, по крайней мере, два очередных укола, а чувствовал себя великолепно! Он недоверчиво вытянул руку вперед. Ни следа какой-либо дрожи! Так значит?.. В следующую минуту Максвелл уже судорожно обшаривал покинутые шалаши. Еще несколько минут, и сумерки превратятся в ночь, поэтому времени терять было нельзя. В третьем шалаше он нашел сетку для канкилон, в следующем — поврежденную клетку, которую поспешно исправил, и бегом отправился на край болота.

Он быстро убедился, что поимка ловких канкилон требует совместных действий нескольких человек. Первые три с легкостью удрали от него, четвертый запутался, но начал яростно защищаться.



Максвелл не знал, не теряет ли яд канкилоны свои свойства после смерти паука, но должен был получить его порцию немедленно, пусть даже и ослабленную. Он проткнул чудовище ножом и подождал, пока оно умрет. У него не было с собой никакой емкости, поэтому он оторвал часть рукава своей рубашки и окунул в сочащийся яд. Потом побежал к Парксу.

— Открой рот, старина,— сказал он, но Паркс не реагировал. Максвелл раздвинул его челюсти ножом, зафиксировал их тампоном, затем капля за каплей выдавил из тряпки вонючую жидкость. Паркс извивался и пробовал отклонить голову, но был для этого слишком слаб. Когда вся жидкость была у него во рту. Максвелл закрыл ему рот и заставил проглотить. Потом стал ждать.

Действие было невероятно быстрым. В течение нескольких секунд дыхание Паркса, почти уже незаметное, углубилось, исчезающий пульс вернулся. Постепенно расслабились напряженные мышцы шеи, лицо разгладилось, а на щеки вернулся румянец. Вскоре Паркс уснул спокойным сном. Тогда Максвелл внимательно осмотрел его с ног до головы. Дрожи не было совершенно. Ни следа. Максвелл вздохнул с облегчением и зажег факел. Нужно было попробовать спасти хотя бы часть продуктов.

Новое средство оказалось поистине чудесным, и все же Паркс выздоравливал очень медленно. Может, потому, что болезнь уже очень истощила его организм, а может, из-за того, что яд не был свежим. Полное выздоровление было вопросом скорее недель, чем часов или дней, но за это время у Максвелла была возможность заняться наблюдениями.

Он внимательно следил за болотом, желая знать, какая судьба постигнет кристаллические шарики, о которых Шан Дхи говорил, что со временем они исчезают. Надев болотные сапоги, он собрал немного шариков и положил их в шалаше. Одновременно следил за тем, что происходит на краю болота.

Почти неделю ничего не происходило, но однажды ночью Максвелл кое-что заметил. Случайно получилось, что он не мог заснуть и вышел на поляну подышать свежим воздухом. Тогда он и увидел фиолетовое свечение, охватившее всю территорию болота. Похоже было, что всю поверхность болота покрывал слой дымящегося антрацита, освещенного множеством бледных синих огоньков. Максвелл торопливо вернулся в шалаш, взял факел, надел сапоги и приступил к наблюдениям.

Он обнаружил множество ползающих улиток, по внешнему виду напоминавших австралийского утконоса. Некоторые из них шумно пожирали стебли лилий, однако большинство лежало, вглядываясь, как зачарованные, в кристаллические шарики. Иллюминацию создавал свет их фиолетовых глаз, что не очень-то удивило Максвелла: большинство представителей фауны Венеры имело све-

тящиеся глаза. Однако потрясла его метаморфоза, происходившая с шариками под действием света: они уменьшались почти на глазах. Сначала они становились размером с ноготь, потом исчезали совершенно, и только пузырьки воздуха обозначали место, где шарики погружались в болото. Максвелл собрал целую горсть этих уменьшенных шариков перед самым их исчезновением.

Наутро он разрезал одну из жемчужинок и исследовал. Это, несомненно, было семя, может быть, семя лилии. Еще один интересный пример обходных дорог, которыми ходит природа. В начальной фазе зерно было явно бесплодным, и одновременно имело форму и вес, которые позволяли ему держаться на поверхности болота, потом же, может, в результате симбиотического импульса, притягивало к себе улиток. Фиолетовые лучи, идущие из их глаз, каким-то образом оплодотворяли семена и те, изменив свой вес, уходили в почву.

Исходя из этих предположений, Максвелл решил проверить свою теорию. Вооружившись дополнительным снаряжением, он ночью отправился на болото, неся пучок сухих жердей и спектрограф. С помощью прибора он точно установил состав излучения и время облучения семян. Потом обозначил места погружения семян, воткнув там палочки. Если здесь вырастут лилии, значит, шарики были их семенами.

На следующую ночь он превратил аппарат в проектор и, воссоздав свет улиток, облучил им шарики, собранные неделю назад. Они превратились в семена. Теперь у него было, по крайней мере, одно доказательство. Он посадил свои шарики и тоже пометил места.

Постепенно Паркс выздоравливал. Несколько дней подряд Максвелл устраивал экспедиции для охоты за пауками, но с каждым днем их было все меньше. Наконец они исчезли совсем. Видимо, дата обрядного торжества была выбрана так, чтобы пришлась на время наибольшего их количества. Когда они появятся снова и каким образом? Обдумывая это, Максвелл приступил к исследованию остатков их тел, сваленных кучей возле шалаша. Он надеялся узнать что-нибудь о способе размножения канкилон.

Он рассматривал один труп за другим, но без результата. Наконец нашел нечто, потрясшее его. Это явно было яйцо, однако яйцо канкилоны одновременно оказалось уже знакомым ему кристаллическим шариком. Теперь у него в руках было еще одно звено цикла развития, и оставалось ждать следующих.

Впрочем, ждать приходилось и по другой причине. Паркс поправлялся, но не подлежало сомнению, что еще какое-то время он не сможет путешествовать самостоятельно, и Шан Дхи теперь не было. Максвелл вдруг подумал, оставили ли разгневанные жрецы их лодку, и решил тут же это проверить.

Лодка оказалась в том же месте, где они ее спрятали, и Максвелл столкнул ее на воду. Он поплыл в низ лагуны, но, добравшись до линии треугольных запрещающих знаков, быстро повернул обратно: сразу за ней располагался лагерь подозрительно выглядевших томбовов. Это было неприятное открытие.

Вскоре он все же немного успокоился: один из томбовов тоже заметил его, и долгое время оба молча смотрели друг на друга. К этому присоединились другие томбовы, однако поведение их всех было совершенно спокойным, ни малейшим жестом или окриком они не выражали враждебных намерений, а когда Максвелл повернулся и направился к священному острову, дикари равнодушно вернулись в лагерь.

Зачем нужен этот лагерь, угадал Паркс. К этому времени он уже мог разговаривать и с большим интересом выслушал рассказ Максвелла.

— Вся история с канкилоной — одна из величайших тайн томбовов. Они уже познали эгоизм белых и их грабительский способ эксплуатации. Они не хотят нас убивать — если бы хотели, сделали бы это сразу после окончания обряда — но и не желают, чтобы мы вернулись в Ангру хотя бы с одним живым пауком, яйцом или другим секретом. Мы можем выйти отсюда живыми, но с пустыми руками.

— Понимаю,— мрачно сказал Максвелл.— Они не хуже нас знают, что если наша раса узнает о паучьем яде, толпы людей явятся на болота и после этого от канкилон не останется и следа. Пауков для этого слишком мало. Их постигла бы судьба бизонов и других вымерших видов. Но в таком случае мы оказались в замкнутом круге.

— Верно,— согласился Паркс.— Разумеется, мы должны провести анализ яда и его составных частей, но наши приборы уничтожены. Значит, если мы не сможем забрать с собой хотя бы одного экземпляра, наше путешествие окажется бесполезным.

— Посмотрим,— сказал Максвелл.

Тем временем в местах погружения семян взошли лилии. Еще немного, и они должны были стать взрослыми растениями, и тогда придет время для нового ритуального обряда. Паркс и Максвелл хотели выбраться до этого, и по весьма важной причине. Если они не вернутся в Ангру, их пребывание здесь превысит шесть месяцев, и тогда уже ничто не сможет убедить тупоголовых карантинных чиновников, что организмы ученых не кишат венерианскими вирусами.

Уже расцвели первые лилии, когда они сели в лодку, отправляясь в обратный путь. Максвелл зацепил веслом пучок растений и сорвал один из цветов.

Бутон выглядел странно, у него не было ни тычинок, ни пестика.

Растение было бесполым, но на одном из лепестков ученый заметил как будто нарост. Он разрезал его, и изнутри выпал целый клубок маленьких красных созданий, как муравьи из разрытого муравейника. Малютки-канкилоны!

— Теперь мы знаем все,— сказал Максвелл, бросая лилию в воду.— Пауки вылупляются из лилий, потом откладывают яйца, появляется улитка, и яйца превращаются в семена лилии. Таким образом замыкается цикл.

— А поскольку,— дополнил Паркс,— канкилоны являются источником здоровья, то, когда они снесут яйца, томбовы хватают их и съедают. Так называемые драгоценности святыни — попросту резерв семян на случай засухи.

— Засуха на Венере? — рассмеялся Максвелл.— Ты с ума сошел!

Но он хорошо понял, что имел в виду Паркс.

На краю резервации лилий их остановил патруль томбовов. Они были молчаливы и не применяли силы, но старательно осмотрели все.

Обыскав лодку, они не нашли никакой контрабанды, и молчаливый предводитель указал им общее направление до Ангры. Максвелл погрузил весло в воду, и лодка двинулась вперед.

— Жаль,— сказал Паркс.— Но по крайней мере, мы излечились, и, может, в следующий раз нам повезет больше.

— Мы вовсе не излечились,— серьезно заметил Максвелл.— Болезнь в наших телах только задержана. Не забывай, что томбовы проводят свое лечение дважды в год. Но нам повезло больше, чем ты полагаешь. И вот доказательство.

Он показал блокнот, в котором детально описал излучение глаз улиток.

— В нашей лаборатории,— сказал он,— есть запас яиц канкилоны, и мы знаем, как их активизировать. Можно устроить подходящую теплицу и начать с небольшой партии, а потом приступить к работе в большем масштабе. Людям вовсе не обязательно знать, что они принимают раствор яда канкилоны. Может я назову его «антисудорожник» или как-нибудь в этом роде.

— О, это все равно,— ответил повеселевший Паркс.— Думаю, что берега Конго будут в самый раз.

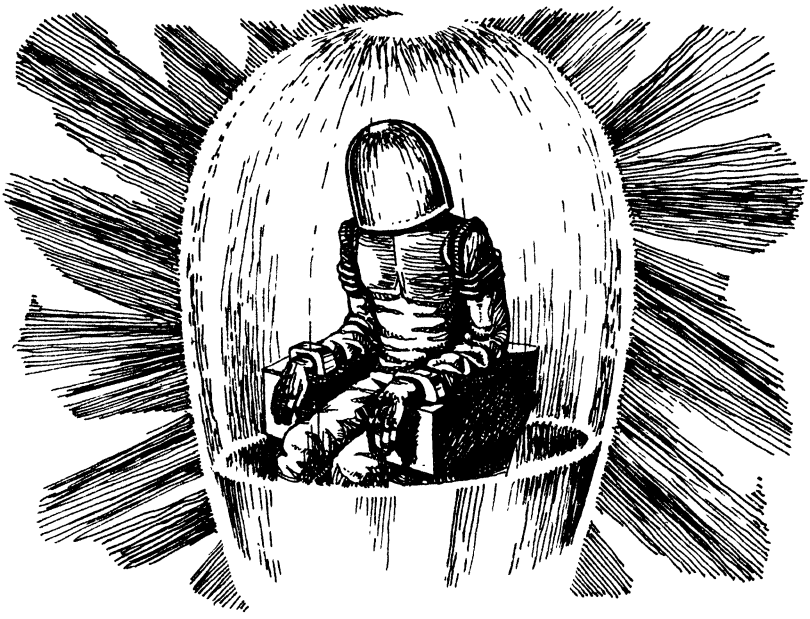
— Никогда не бывает так плохо, как кажется на первый взгляд,— сказал Максвелл.

Месяцем позже он повторил ту же фразу, но в другом смысле. Они сидели на борту корабля, возвращавшегося на Землю, и были одними из немногих, кому здоровье позволяло пользоваться курительной.

Рядом с ними уселся в кресло какой-то миссионер и сразу же засыпал их откровениями.

— Ах, как это хорошо с божьей помощью вернуться домой,— сказал он, сопя от удовольствия.— Истинное наказание с этими томбовами. Уф! Стадо диких бестий, погрязших в чудовищных суевериях и устраивающих отвратительные обряды. Наши первобытные люди тоже имели страшные обычаи, но в культуре томбовов нет ни одной прогрессивной черты.

— Ну,— сказал Максвелл, прищурив один глаз и усмехнувшись.— Этого я бы не сказал.



К. Смит

ПЛАНЕТА ШАЙОЛЬ

1

Между тем, как с Мерсером обращались на пароме и как на лайнере, была огромная разница. Экипаж лайнера откровенно насмехался над ним:

— Кричи громче,— любил говорить один красномордый стюард,— тогда мы все узнаем, что это именно ты.

Другой, более мирный и от этого еще более противный, однажды сказал:

— Будь благоразумен. Если будешь все время орать, заимеешь шанс подохнуть досрочно. А ведь вместе с тем... как это там называют... может случиться и что-нибудь приятное.

Мерсер промолчал. Неприятностей у него и так хватало.

А на пароме все было иначе. Персонал был «словоохотлив» и даже, можно сказать, дружелюбен к нему. Наручники были сняты...

Когда он ступил на паром, ему приказали раздеться и, как положено, тщательно осмотрели. Осмотрели без грубости и быстро, как подопытного зверька. Мерсеру хотелось поговорить с кем-нибудь. Но один из медиков опередил его:

— Не беспокойся, я сам поговорю с тобой и очень скоро. Ну а пока тебя подвергнут предварительной подготовке к жизни там...— врач указал на пол, что означало планету, над которой они находились.

Санитар стал растирать его спину каким-то антисептиком.

— Сейчас вам сделают укол, но ничего серьезного не произойдет. Мы только определим плотность вашей кожи...

Раздраженный их невозмутимостью, Мерсер поинтересовался:

— Вы хотя бы знаете, кто я?

— Разумеется,— ответил приятный женский голос.— Но пока помолчите и не мешайте. Не то процедура может затянуться.

И, не теряя времени даром, они приступили к ее выполнению. Он исподтишка наблюдал за действиями врачей. В их поведении не было ничего такого, что говорило бы о жестокости. Они последовательно проводили анализы. Женщина в маске велела ему лечь на хирургический стол. Мерсер подчинился.

— Что, мадам, сейчас начнется наказание?

— Нет, здесь никого не наказывают. Это всего лишь санитарный спутник, планета находится под нами. Сейчас мы подвергнем вашу кожу специальной обработке, и она станет гораздо плотнее. После этого вы сможете поговорить с главным врачом. Ему-то вы и расскажете о своем преступлении.

— Разве вам оно неизвестно? — удивился он.

— Конечно, нет,— улыбнулась врач.— У нас среди прибывающих других и не бывает. А сейчас не мешайте, я подготавливаю вашу кожу к процедуре. На Шайоле вам это очень пригодится.

Второй врач — молодая девушка — вставила его запястья в укрепленные на столе браслеты. Зажимы очень напоминали орудия пыток Империи, но Мерсер догадался, что у них иное, пока неизвестное ему предназначение.

Девушка отошла в сторону:

— Все готово.

— Выбирайте: несколько часов мучений или наркоз?

— Почему я должен мучаться?

— Некоторым это нравится... Думаю, это зависит от того, что пришлось перенести человеку, прежде чем он попал к нам. Вы подвергались гипнозу?

— Нет, меня избавили от этого.

Ему отчетливо вспомнилось следствие и заседание суда, когда со скамьи подсудимых он мог видеть, как судьи переговариваются между собой. Слышать их он не мог. Внезапно звукоизоляция отключилась, и он отчетливо услышал их разговор:

— Какое дьявольское лицо. Я отдаю голос за мучительную смерть,— спокойно сказал один.

— Вы что, против планеты Шайоль? — поинтересовался другой.

— Обиталище «дромозом»,— констатировал третий,— подойдет ему лучше всего!

Один из судей заметил, что обвиняемый все слышит, и включил звукоизоляцию. Тогда Мерсеру казалось, что все мучения позади. Сейчас он думал иначе.

На Шайоле должна жить куча людей, потому что оттуда еще никто не возвращался. Теперь он станет одним из них.

Врачи дали ему наркоз, и он провалился в блаженную темноту.

Придя в себя, он обнаружил, что кожа по всему телу покраснела и распухла. Боль была нестерпимой, и он застонал.

Тут же вошла медсестра и надела ему на голову металлический шлем. Чтобы побороть внезапно накативший приступ боли, ему пришлось сжать кулаки, глубоко вонзив ногти в ладони.

— Если хотите, можете кричать,— сказала сестра.— Через несколько минут прибор найдет нужный центр в мозгу.

Она щелкнула тумблером. Боль покинула его тело, сменившись восхитительным блаженством.

Сестра молча отошла в угол комнаты.

— Спасибо,— как можно радушнее пробормотал он.

Присмотревшись, он увидел, что и на ней красуется такой же металлический шлем. Лицо сестры покрылось румянцем. Мечтательно-просительно она произнесла:

— Кажется, вы хороший человек. Я думаю, вы не станете доносить на меня?

— Но ведь это запрещено?..— неуверенно произнес Мерсер, имея в виду шлем на ней.

— А как еще выдержать все это? — пожала плечами сестра.— Вы отправитесь вниз, на планету, где с вами произойдут разные ужасы. Затем оттуда будут присылать к нам различные части вашего тела, непрерывным потоком. Возможно, мне не один раз предстоит увидеть вашу голову, замороженную и готовую к препарированию, прежде чем истекут два года моего контракта. У нас тоже есть нервы. Нам слышно, как вы там кричите. Ведь и после того, как Шайоль возьмется за вас, вы все равно останетесь человеком. Поэтому, чтобы окончательно не свихнуться, время от времени я устраиваю себе сеансы отдыха. А теперь снимите шлем.

Она как-то оказалась рядом с его кроватью. Мерсер снял шлем и с себя и с нее.

— Минутку,— произнесла сестра уже нормальным голосом.— Сейчас я вами займусь. Надеюсь, я вам ничего не сказала про то, что творится внизу?

— Вы молчали, как рыба,— заверил он ее.

Поцеловав его в губы, она вновь водрузила шлем ему на голову.

— Вот так. Ты — парень, что надо.

Она была восхитительной женщиной, и если бы не шлем... Но... и, закрыв глаза, он стал предаваться наслаждению, десятикратно стимулированному при помощи шлема в нервных центрах мозга.

Чьи-то жесткие пальцы на локте привели его в чувство и заставили открыть глаза. Рядом с койкой стоял пожилой, внушительного вида мужчина:

— Она вновь занимается этим,— сердито сказал он.— Я — доктор Вонаит, и я сейчас сниму с вами это ведро.

Резким движением он сорвал шлем. Мерсера сразу же скрутило от боли. Он закричал, каким-то уголком сознания уловив, что врач спокойно наблюдает за этим. Через некоторое время доктор спросил:

— Ну как?

— Теперь чуточку лучше.

— Хорошо, поговорим.

— Слушаю вас... доктор...

— Вы осуждены, и вас отправят на эту планету,— врач указал вниз.— Вам хочется рассказать о своем преступлении?

Мерсер вспомнил дворец и тихое мяуканье каких-то непонятных созданий, которых он касался. Мерсер напрягся.

— Нет. У моего преступления нет названия. Оно против семьи императора...

— Отлично,— кивнул врач.— Вы не хотели бы, чтобы я лишил вас разума, прежде чем вы очутитесь там? — Он указал вниз.

Мерсер посмотрел на врача. Он не доверял медицине. Возможно, это очередная уловка, чтобы обострить его страдания. Жестокость императора общеизвестна. Если он приговорен к Шайолю, то почему этот врач хочет облегчить его участь и пытается нарушить закон?

По выражению лица Мерсера врач все понял.

— Итак, вы отказываетесь,— с сожалением произнес он.— Тогда мне остается лишь подготовить вас. Хотите шлем?

— Вы можете рассказать мне, что там, внизу?

— Кое-что могу. Там живет наш рабочий. Он человек по разуму, хотя и с нечеловеческой внешностью. Он — клон, выращенный из клеток животного. Очень добросовестный. Дромоза — это довольно оригинальная форма жизни. К счастью, обитает только на Шайоле. Когда дромозы внедрятся в ваше тело и воспроизведут какой-либо из ваших органов, Бликат — это имя рабочего — без-

болезненно вырежет его и отошлет сюда. Мы эти органы замораживаем и отсылаем по назначению. Половина операций по замене органов делается благодаря существованию дромоз. Шайоль — планета бессмертия... При всем желании вам не удастся там умереть.

— То есть как? — поразился Мерсер.— А мое наказание что — будет вечным?

— Я хотел сказать не это,— уточнил врач,— вы быстро не умрете. Но помните, какие бы лишения не преследовали вас: образцы, которые отсылает нам Бликат, помогут тысячам людей.

— А покончить самоубийством там можно?

— Не знаю,— честно признался врач.— До сих пор подобного не случалось. Хотя, возможно, им бы этого и хотелось.

— С Шайоля возвращаются?

— Нет.

— Там можно общаться с другими?

— Да.

— Там есть охрана?

— Никого! — вскричал врач.— Вы глупец! Это не наказание... Хотя людям очень не нравится находиться там. Там никого из охраны нет.

— Но как же так? — не понял Мерсер.

— Лишь Бликат, который помогает нам. Итак... Вы по-прежнему хотите сохранить зрение и разум?

— Да.— твердо ответил Мерсер.— Коль уж мне выпало столько испытаний... я хочу пройти и остаток пути...

— Тогда разрешите, я одену вам шлем, чтобы вы получили еще одну дозу.

Состояние под шлемом напоминало опьянение.

Врач поднял руку. Мерсер удивился этому жесту, но затем понял, что Вонаит прощается с ним.

— Доброй ночи, мистер Мерсер; прощайте.

2

Спутник служил космическим госпиталем. Разговоры с врачом теперь казались ему сном.

Еще дважды медсестра пробиралась в его бокс, где они вместе «отдыхали» под шлемами. Несколько ванн задубили его кожу. Под наркозом у него удалили остатки зубов, заменив их стальными резцами. Ногти на руках и ногах после спецобработки превратились в жуткие когти. Но рассудок по-прежнему был чист.

Наконец настал день отправления. Его уложили в ракету, взревели двигатели, и он почувствовал вкус крови на губах.

Первое, что он ощутил, придя в себя, был непривычный холод. Кто-то помог ему встать. Полностью очнувшись, он увидел бычью морду, раза в четыре больше человеческого лица. В больших коровьих глазах читалась доброта. Судя по остальному телу, это был мужчина. Решив, что Мерсер достаточно пришел в себя, он заговорил:

— Я друг, зовут меня Бликат, и я всегда в случае опасности приду к вам на помощь.

— Мне очень больно,— пожаловался Мерсер.

— Конечно, у вас болит все тело. Это результат падения.

— Можно шлем?! — взмолился Мерсер.

Бликат рассмеялся.

— У меня нет ни одного. Зато у меня есть кое-что получше. Не бойся. Все будет о'кей.

Мерсер с сомнением посмотрел на него. Шлем дарил ему минуты счастья на спутнике. Здесь тоже нужна хоть какая-нибудь стимуляция мозга, чтобы преодолеть мучения, которые ожидают его по выходе на поверхность...

Громоподобный хохот Бликата наполнил комнату:

— Вы слышали о конданине, приятель?

— Нет,— признался Мерсер.

— Это наркотик, его не упоминают даже в секретных справочниках.

— У вас он есть?

— У меня суперконданин. Если вы примете его сейчас, то через три минуты умрете. Однако эти минуты превратятся в века счастья.

— Но тогда какая мне от него польза?

— Ничто не помешает вам принимать его после того, как дромозомы поработают над вами. Сейчас я кое-что покажу...

«Какой тут может быть выход,— уныло подумал Мерсер.— Неужели он думает, что я смогу покинуть эту планету».

— Посмотрите в окно,— тем временем продолжал Бликат,— и скажите мне, что вы видите.

Воздух был прозрачен. Шайоль напоминал гигантскую пустыню горчичного цвета. Метрах в ста от окна виднелись какие-то розоватые предметы, показавшиеся Мерсеру живыми. Еще дальше, справа, лежала огромная статуя, представляющая собой человеческую ногу высотой с шестнадцатиэтажный дом.

— Вижу ногу,— начал он,— однако...

— Что «однако»? — перебил его Бликат.

— Это не может быть настоящей ногой,— засомневался Мерсер.

— Да нет, она действительно настоящая! Это капитан Альварец, который открыл эту планету шестьсот лет назад. Он все еще в прекрасном состоянии. Да, конечно, дромоза поразила его на сто

процентов, но мне кажется, что человеческое сознание он сохранил. Вы знаете, что я делаю?

— Что же?

— Даю ему шесть кубиков суперконданина, и он хрипит в ответ. Вот на что способен этот наркотик. Вам я буду его давать тоже. Вот это и есть приятный для вас сюрприз!

«Ты лжешь,— подумал Мерсер.— Если бы все это было правдой, откуда бы тогда раздавались крики во время связи со спутником? Почему врач тогда предлагал лишить меня рассудка и зрения?»

Человек-бык с мукой в глазах смотрел на него.

— Ты мне не веришь?— уныло спросил он.

— Не совсем. Мне кажется, вы чего-то недоговариваете.

— Не так уж и многого,— ответил Бликат.— Ты подпрыгнешь, когда дромоза нападет на тебя и когда из твоего тела вырастут новые органы: голова, почки, руки. Здесь есть малый, который отрастил всего за один год тридцать шесть рук. В первое время ты будешь жутко кричать... Ну, а теперь о приятном... Яичницу хочешь?

— Яичницу? — удивился Мерсер.— Какое ко всему этому имеет отношение яичница?

— Почти никакого. Просто, последнее удовольствие.

Мерсер с удивлением наблюдал, как огромный человек достает яйца из холодильника.

— Так что́, дружище,— ухмыльнулся Бликат,— все еще сомневаетесь, что я вам друг? Ничего, скоро вы убедитесь в этом.

Примерно через час Мерсер покинул гостеприимное укрытие. Бликат дружески похлопал его по плечу:

— Не заставляй меня надевать свой защитный костюм.

Мерсер покосился на огромный свинцовый скафандр.

— Когда я закрою дверь,— продолжал минотавр,— откроется наружный шлюз, и тебе останется сделать два шага вперед.

— И что случится? — спросил Мерсер, у которого все внутри перевернулось от ожидания неизвестно чего.

— Ты хочешь начать все сначала? — проворчал Бликат. В течение последнего часа он только и делал, что отбивался от вопросов Мерсера про планету.

Мерсер вышел наружу. Ничего не произошло. Со страхом он озирался вокруг. Гороподобное тело капитана Альвареца занимало добрую часть горизонта справа. Мерсеру очень не хотелось становиться жителем этой планеты.

Медленно, через силу переставляя ноги, побрел он прочь. Внезапно прямо перед ним что-то вспыхнуло, и в тот же момент его больно ужалили в бок, словно ткнули раскаленным железным прутом. Ничего не поняв, он продолжил путь. В тот же момент словно небеса обрушились на его многострадальную голову.

Это была даже не боль. Ощущение было гораздо хуже, словно кто-то вгрызался в правую сторону его тела. Он упал, потеряв голос. Словно невидимые щупальца сдавили его тело изнутри.

Неожиданно рядом раздались голоса. Два лица гротескно-розового цвета склонились над ним. Было трудно поверить, что когда-то это были люди. У мужчины вместо одного росло сразу два носа. Женщина была невообразима. На каждой щеке у нее отросло по груди, а со лба свисал пучок пальцев.

— Красивый новичок,— улыбнулась она.

Они помогли ему подняться на ноги, умело подхватив под руки, и он увидел, что они направляются, точнее, его волокут к группе розовых тел.

Когда они подошли поближе, он увидел, что это тоже люди. Точнее, когда-то это были люди. Человек-фламинго клевал собственное тело. У женщины, лежавшей рядом с ним, от шеи вбок росло тело мальчика.

— Новенький,— проговорила женщина. Она, вместе со своим двуносым спутником, помогла Мерсеру улечься на песок.

Раздалось старческое ворчание:

— Боюсь, что нас скоро начнут кормить.

— О нет!

— Еще рано!

— Зачем?

По группе пробежала как бы волна протеста. Но старческое ворчание продолжалось:

— Посмотрите на большой палец человека-горы.

Ропот остальных подтвердил, что они тоже увидели это. Какая-то женщина с телом, сплошь покрытым руками, подползла к Мерсеру и стала кричать ему в ухо.

— Дромозома идет. Будет больно! Когда ты пообвыкнешь, то научишься закапываться...— Она кивнула в сторону курганов.— Они закопались.

Светлячки добрались до Мерсера... Он чувствовал, как его тело меняется изнутри. Эти штуки снабжали его тело энергией, одновременно перестраивая его. Все, что они делали, было хорошо продумано, но одновременно причиняло нестерпимую боль. Не в силах терпеть, он орал как сумасшедший. Неожиданно все кончилось, и он почувствовал, что может говорить.

К нему подошел мужчина, с выростом, наподобие рога торчащим из головы.

— День добрый, приятель.

— Привет,— ответил Мерсер.

— Вам не удастся покончить самоубийством,— сказал мужчина.

— Что со мной происходит? — спросил Мерсер.

— Вам подарили какую-то запасную часть тела. Они постоянно вводят в нас зародыши этих тел. Бликат срезает большинство из них, а некоторым дает подрасти. Вон как, к примеру, у нее,— он кивнул в сторону женщины с телом мальчика.

— И это все? — удивленно спросил Мерсер.— Боль при закладке зародыша и укусы вместо питания?

— Нет,— покачал головой мужчина.— Иногда им кажется, что нам холодно, и они наполняют наши потроха огнем, иногда наоборот.

Мерсер спросил, запинаясь:

— Так что мы? Люди или скот?

— Скот! Эта планета набита несчастными. Большинство из них закопалось. Мы — единственные, сохранившие дар речи.

Мерсер почувствовал, что силы покидают его. Для одного дня событий было слишком много. Он ощущал только, что лежит на земле. А потом уснул. И это было высшим блаженством дня.

3

За неделю он успел перезнакомиться со всей группой. Боль от укусов уже не воспринималась, а на месте первого появилась опухоль. Шипоголовый внимательно осмотрел ее.

— Вам досталась детская голова. Наверху обрадуются этому...

Группа познакомила его с девушкой, которая выращивала тела, одно за другим. Ее бедра переходили в плечи, а затем снова шли бедра. Увидев ее, он содрогнулся и на сутки зарылся в песок.

— Вам не к чему было выбираться из песка ради меня,— сказала ему девушка, явно поджидавшая его.

— Я вылез не ради вас, мадам.

— А я хочу вам кое-что показать,— продолжала она, указав в сторону небольшого холмика.— Раскопайте его.

Мерсер пожал плечами, посмотрел на девушку и со всей силой могучих когтей принялся за работу. Через несколько минут на дне ямы показалось что-то розовое. Это был спящий мужчина, из бока которого росла куча добавочных рук.

— Вот это, как мне кажется, и есть...

— Да,— подтвердила она.— У него удалены глаза и кора мозга.

— Вы попросили меня откопать его... зачем?

— Чтобы вы задумались.

Неожиданно девушка стала извиваться, как в судорогах. Движения передавались от одного ее тела другому. Мерсер заинтересовался: каким образом воздух умудряется попадать в легкие обоих тел. Когда спазмы кончились, она обратилась к нему:

— У меня будет еще одна завязь.

— Тело? По-моему, у вас их предостаточно.

— О, эти...— скривилась она в гримасе.— Я обещала Бликату, что выращу их. Погляди на яму. Кому лучше — ему или мне? А?

— Ради этого ты и заставила меня откопать его?

— Да.

— И ты ждешь от меня ответа?

— Нет... не сейчас... Сначала подумай.

— Кто ты? — спросил Мерсер.

— Здесь обычно не спрашивают об этом. Но тебе я отвечу. Раньше меня звали Леди. Я — мачеха императора.

— Ты?! — поразился Мерсер.

Девушка печально улыбнулась в ответ.

— Что ж,— сказал он,— расскажи мне про это до того, как я заработаю еще один укус.

Она пододвинулась к нему.

— Люди не вечны,— начала девушка.

— Но это не тайна,— ответил Мерсер.

— Поверь в это! — прервала его Леди Да.

В это время по всей пустыне начали зажигаться огоньки.

— Скорее закапывайтесь! Может быть, они нас не заметят.

Мерсер стал быстро закапываться в песок, изредка оглядываясь на разрытого им человека. Лишенный разума, извиваясь как рыба, выброшенная на берег, старался вновь скрыться под землей.

Примерно через неделю после этого разговора в группе раздались крики. Мерсер уже полностью освоился в необычной компании. Среди новых знакомых был получеловек — у него отсутствовала нижняя часть тела. Тот показал Мерсеру, как замирать и лежать неподвижно при приближении дромозом.

— С ними невозможно бороться,— говорил он.— Они превратили Альвареца в гору. Кормят и заботятся о нем.

— А когда вам дают наркотик? — поинтересовался Мерсер.

— Когда приходит Бликат.

Бликат пришел в этот день, волоча за собой большие сани. Еще до его прихода группа развила бурную деятельность. Они откапывали спящих.

— Спешите! — торопила Леди Да.— Он не будет делать уколы, пока все не окажутся на поверхности.

Бликат был облачен в свинцовый скафандр. Он вытащил из саней здоровенную бутыль с подсоединенным инъектором.

Сначала он подошел к женщине, выращивающей тело мальчика.

— Хорошая девушка. Вот тебе подарок,— и он вколол иглу.

Затем повернулся к остальным. Получив укол, люди валились на землю в полубессознательном состоянии.

Он подошел к Мерсеру и узнал его:

— Привет, приятель! У тебя есть что-нибудь для меня?

За Мерсера ответил двуносый:

— Мне кажется, у него детская головка, однако она еще слишком мала.

Мерсер, поглощенный собственными мыслями, не заметил, как его укололи. Он сделал шаг и, проваливаясь в нирвану, упал рядом с Леди Да. Неподалеку уселась женщина, покрытая руками. В полузабытьи они говорили о чем-то, но мысли путались. Резкая боль внезапно пронзила его живот, но наркотик тут же поглотил ее.

Собрав последние силы, он похвастался:

— Был хороший укус, возможно, вырастет еще что-нибудь.

Леди Да с усилием ответила:

— Запомни, люди не вечны... Мы можем, как и все... умереть...

Мерсер почувствовал, что его рассудок окончательно затуманивается.

Тем временем Бликат начал готовить инструменты.

После первого укола главным для Мерсера стало время действия наркотика. Теперь на свое тело он смотрел равнодушно. Потом боль вернулась. Но теперь она приходила не снаружи, а изнутри. Мучения остались прежними, но он изменился. Теперь он знал, в чем секрет планеты Шайоль.

Убивая время, он пытался заговорить с Леди Да, но она лишь молча улыбалась в ответ. Скорее всего, множество ее тел дольше подвергались влиянию наркотика. Он дотронулся до плеча получеловека, тот проснулся.

— Привет. Это нарушение правил игры. Вы играете?

— В карты?

— Нет. Это что-то вроде устройства с реальными людьми вместо фигур.

— Нет...

— Но вам хочется выяснить, когда же следующий укол?

— Да,— ответил, смутившись, Мерсер.

— Скоро... Оттого-то я и думаю об играх. Мы все знаем, что произойдет, но никто не скажет, сколько времени займет та или иная фаза игры.

— Фазы? Это что — промежуток между играми?

Получеловек рассмеялся:

— Нет. Фаза — часть игры, партия. Я имею в виду известный нам порядок, в котором протекает наша жизнь. Но у нас нет ни часов, ни календаря. Из-за этого никто толком не знает, сколько времени занимает каждое событие...

Мерсер не успел ничего ответить, потому что подвергся нападению дромозом.

Мерсер не представлял, сколько времени он ждал прихода Бликата. На этот раз рабочий улыбнулся, увидев детскую головку на бедре Мерсера. Введя наркотик и дождавшись начала его действия, он аккуратно отрезал головку от бедра и смазал рану особой мазью.

Мерсер ничего не почувствовал.

А на следующий день у него прямо из груди стали расти две ноги. Затем рядом с его собственной появилась еще одна голова.

Леди Да часто нежно улыбалась ему, но на этой планете не было места для любви. Он хорошо помнил ее слова: «Люди не вечны». Эта мысль была для девушки утешением, хотя Мерсер считал ее абсурдной.

Шло время, менялась внешность старых обитателей, прибывали новые. Время от времени Бликат приводил к ним новичков или пристраивал лишенных разума к другим группам.

Однажды Мерсер упросил Бликата посчитать, сколько времени прошло с его появления здесь. После минутной паузы тот ответил:

— Четыре года семь месяцев и четыре дня стандартного земного времени.

Получив этот ответ, Мерсер уныло побрел прочь. Ему казалось, что он здесь уже целую вечность. Он поражался: как мог Бликат находиться здесь так долго? Был ли человек-бык рабом долга или человеком, не потерявшим веру в добро и справедливость? Неизвестно...

Шатаясь, он брел к своей группе. Леди Да, удобно устроившись у песчаного холмика, помахала ему рукой.

4

Годы, если это были годы, шли своим чередом, уныло сменяя друг друга. На Шайоле не менялось ничего. Время словно остановилось для них.

«Люди не вечны».

Это было их единственной надеждой, на это можно было положиться. Больше их ничто не интересовало. Любознательность постепенно угасала.

А затем неожиданно наступил «День Детей». В этот день Леди Да и Мерсер молча сидели и думали. Для того, чтобы понять друг друга, им были не нужны слова. Неожиданный рев сирены со стороны жилища Бликата заставил их вздрогнуть и обернуться на звук. Первой заговорила Леди Да:

— Когда-нибудь мы назовем это военной тревогой.

Какой-то мужчина с двумя головами подсел к ним. Вяло поздоровавшись, он произнес:

— Там... тревога... я... я...— и впал в забытье.

Леди Да несколькими сильными пощечинами заставила его прийти в себя.

— Почему тревога? Зачем вы прищли к нам?

— Вы и этот джентльмен, кажется, сохранили способность мыслить. Мне показалось, что вы будете отдавать распоряжения.

Вой сирены стал выше. Дверь укрытия распахнулась. Наружу выскочил Бликат, в спешке забыв облачиться в скафандр, и бросился к ним. Подхватив обоих под мышки, он вернулся в укрытие. Закрыв дверь тамбура, он закричал:

— Кто вы? Люди или нет? Я отказываюсь выполнять подобные приказы! Смотрите!

На полу в дальнем углу лежали четыре ребенка. У всех четверых вокруг висков были заметны тонкие красные кружки. Это означало, что их лишили разума, удалив кору головного мозга.

Бликат продолжал кричать:

— Вы же люди! Я просто корова, я выполняю свою работу, но ЭТО не входит в мои обязанности!

Мерсер попытался сосредоточиться. Мысли путались, голова отказывалась работать... «Это худшее преступление из всех, совершенных империей»,— пронеслось у него в голове.

— Но что мы можем сделать? — спросила Леди Да.— Ведь все в ваших руках.

— Я связался со спутником, а когда они поняли, о чем я говорю... Главный врач лично приказал мне исполнять положенные обязанности.

— Доктор Вонаит? — уточнил Мерсер.

— Нет, он умер. Там новый врач. Я не человек, но и у меня есть нервы. Я не могу этого допустить!

— И что вы собираетесь делать?

Бликат посмотрел в окно.

— Возможно, меня убьют за это... Я поднял всегалактическую тревогу. Все корабли, находящиеся в этом секторе Галактики, летят к нам.

Леди Да воскликнула:

— Но ведь это допускается только в случае вторжения! — Она встала: — Вы не сможете удалить с меня все это безобразие прямо сейчас? И найти подходящую одежду? Еще потребуется какое-нибудь противонаркотическое средство.

— Я хотел получить именно этот результат! — радостно закричал Бликат.— Я не приму этих детей!

Он быстро очистил тела Леди Да и Мерсера от наростов. И только успел дать им нейтрализующее наркотик средство, как вновь завыла сирена.

— Прибывают!

Земля задрожала. Потом люки посадочного модуля открылись, но из них вышли всего лишь роботы Таможенной Службы.

— Где пришельцы?

— Пришельцев нет...— начал было Бликат, но Леди Да прервала его, громко заявив:

— Я — бывшая императрица, Леди Да. Вы слышали это имя?

— Нет,— ответил робот-инспектор.

— Немедленно соедините меня с посредниками!

— Но мы не можем...— растерянно ответил робот.

— Вы можете попросить.

Робот повиновался... Девушка обернулась к Бликату.

— Сделайте нам с Мерсером уколы. Затем разместите нас снаружи, чтобы дромоза быстрее залечила рубцы. Как только наладится связь, позовите нас.

— Хорошо.

Инъекция причинила нестерпимую боль. Роботы тем временем фотографировали местность. В полудреме Мерсер услышал голос из купола:

— Спутник вызывает Шайоль.

Бликат не стал отвечать на вызов сам. Выйдя наружу с кусками ткани, он обернул ими людей и внес внутрь.

— Установлена связь с Советом Посредников,— прошептал он.

Включился коммуникатор, и помещение наполнилось дымкой. В воздухе появилась человеческая фигура. Постепенно проясняясь, она стала принимать женские формы, и наконец они увидели женщину в форме старинного покроя.

— Шайоль? Леди Да, вы вызывали меня?

Не говоря ни слова, Леди Да взглядом указала на детей.

— Но это безумие! — воскликнула женщина.— Вы на службе у императора?

— Милая, я сама была императрицей,— усмехнулась Леди Да.— Здесь же все мы в роли подопытных кроликов. Посмотрите на людей, оставшихся на равнине.

Изображение женщины-посредника переместилось к ближайшей группе людей. Через несколько минут оно вернулось в помещение.

— Меня зовут Леди Иоанна. Прошу простить меня, я не знала всего этого. Хотя я ведь являюсь членом Совета Посредников.

Обе женщины внимательно посмотрели друг на друга.

— Проведите расследование,— первой нарушила возникшую паузу Леди Да,— и, пожалуйста, удостойте нас смерти. Кстати, что вы знаете о суперконданине?

— Это тайна Совета Посредников! — вскричал Бликат.

— Я же вхожу в Совет,— усмехнулась Леди Иоанна.— Но я даже не могла предположить, что кто-нибудь сумеет уцелеть

на этой планете. Я слышала только о хирургических запасниках. Но кто посмел так поступить с детьми?

Бликат вышел вперед.

— За все, что происходит на этой планете, отвечаю я!

— Но вы не человек, вы — корова.

— Точнее, бык. Моя семья — на Земле, в холодильнике. Своей тысячелетней службой я зарабатываю им свободу. Вы знаете секретные правила этой планеты?

Леди Иоанна распорядилась:

— Поменьше говорите о наркотиках, лучше расскажите мне подробности этого дела.

— Здесь,— начал Бликат,— тысяча триста двадцать один человек, которых можно рассматривать в качестве источников запасных органов. Еще семьсот настолько изменены планетой, что операции на них проводить бесполезно. Здесь попросту имперская тюрьма. Однако Совет отдал тайный приказ: применять наркотик для смягчения наказания.

Леди Иоанна подняла руку в знак скорби, продолжая смотреть на Леди Да.

— Вы люди — все еще может перемениться. С Империей покончено навсегда. Основной договор, по которому Совет капитулировал перед Империей тысячу лет назад, аннулирован. О вашем существовании просто никто не знал. Можем ли мы что-нибудь для вас сделать прямо сейчас?

— Мы уже не в состоянии покинуть планету из-за дромозом и этого вашего препарата, к которому пристрастились,— вступил в разговор Мерсер.

Бликат упал на колени.

— Чего ты хочешь? — спросила Леди Иоанна.

— Вот эти...— он указал на искалеченных детей,— убейте их. И...

— Продолжай.

— Я не могу убивать. Что мне с ними делать? — он вновь с мольбой указал на детей.

— Сберегите их.

— Не могу. У меня нет для них пищи.

— А препарат?

— Он смертелен, если его дать до того, как их обработает дромозома.

— Оказывается, все мы были глупцами,— рассмеялась Леди Иоанна.— Если наркотик действует только после укусов дромозом, то зачем же было делать тайну из него?

Леди Да обратилась к ней:

— Пусть их вынесут из укрытия. Я...

Она потеряла сознание. Мерсер едва успел подхватить ее.

— Вы достаточно натерпелись,— сказала женщина-посредник.— Звездолет уже выслан к вам. Персонал спутника будет арестован.

— Вы накажете врача, виновного во всем этом? — спросил Мерсер.

— Вы можете говорить об этом? Вы??!

— Я совершил зло и был наказан, почему же нельзя наказать преступника?

— Мы вылечим этого человека, и вас тоже, если это удастся.

Мерсер заплакал. Ему уже грезилась жизнь, другая, не похожая на этот кошмар. Потом, с трудом сдерживая слезы, он обратился к Леди Иоанне:

— Мне кажется, мы вряд ли сможем покинуть Шайоль.

Она повернулась к Бликату.

— Вы добрый. Дайте им максимальную дозу наркотика. Совет решит, что делать с вами. Кстати, безопасно ли роботам исследовать планету?

— Да.

Изображение посредницы исчезло.

Мерсер и Леди Да увидели, что глаза Бликата красны от слез.

Часы или столетья? Кто мог бы сосчитать время на Шайоле? Группа вернулась к привычной жизни. Только паузы между инъекциями стали короче.

5

И вот настал долгожданный день.

Разверзлось небо. На Шайоль садились корабли, и из них выходили люди. «Люди» были на самом деле роботами с голографическими изображениями лиц людей, находящихся на других планетах. Они быстро собрали все группы людей в одном месте. Когда это было сделано, Мерсер услышал знакомый голос Леди Иоанны:

— Сделайте так, чтобы меня видели все! — приказала она сначала.

Изображение увеличилось в пять раз.

— Разбудите всех!

Роботы стали обрызгивать спящих какой-то жидкостью. Мерсер почувствовал, что его разум проясняется.

— Слушайте решение Совета Посредников о планете Шайоль!

Во-первых. Производство трансплантантов будет продолжаться. Здесь останутся части тел для этого. Люди и андроиды здесь больше находиться не будут.

Во-вторых. Бликат по прибытии домой получит награду в размере двойной премии.

— Нет!! — закричал Бликат.— Я хочу закончить свою работу.

Заключенные, сохранившие мозг, внимательно слушали. Остальные по-прежнему упорно пытались закопаться в песок, но роботы столь же упорно вытаскивали их на поверхность.

— В-третьих. Все лица, разум которых не поддается лечению, будут подвергнуты отсечению головы. Их тела останутся тут для производства трансплантанта, а головы будут умерщвлены при помощи сверхдозы наркотика.

В-четвертых. Установлено, что дети являются последними наследниками трона Империи и сосланы сюда для предотвращения попыток реставрации императорской власти. Врачи выполняли приказ. Они будут подвергнуты стиранию памяти, чтобы в будущем не стыдились совершенного.

— Несправедливо! — воскликнул получеловек.

— В-пятых. Мы предлагаем вам планету, где вы сможете жить. Она гораздо красивее и удобнее Шайоля. И конечно, дромозом там нет.

При этих словах толпа заволновалась. Узники начали кричать и даже ругаться. Всем хотелось получить укол, и если для этого требовалось остаться на Шайоле, все они были согласны.

— Вопросы? — сказала Леди Иоанна.

— Дадут ли нам взамен уколов шлемы?

— Да.

— Разрешат ли нам вступать в брак? — Это спросила Леди Да.

— Не знаю,— ответила Леди Иоанна.— Но почему бы и нет...

— Я хочу обвенчаться с ним,— Леди Да обняла Мерсера.

Мерсер решил, что все это нелепо. Но он был счастлив сейчас и не стал возражать.

Роботы начали разделять людей на две группы. Одна должна была отправиться в новый мир, другие готовились получить последние почести.

Бликат, бросив всех остальных, торопился со своей бутылью к «человеку-горе» Альварецу, чтобы при помощи гигантской дозы наркотика удостоить его блаженства.

Леди Да обняла Мерсера и запечатлела на его губах ласковый неумелый поцелуй. Это был первый и последний поцелуй на Шайоле.

К. Мур

ШАМБЛО

Человек уже давно завоевал Вселенную. В этом нет сомнения. Когда-то, еще до египтян, в те седые времена, из которых доносится эхо полумифических тайн — Атлантида, Му,— в те доисторические времена была эпоха в развитии цивилизации, когда люди, как и мы сегодня, строили города из стали, чтобы разместить в них свои космические корабли, когда они называли планеты своим родным языком, когда они слышали, как люди с Венеры называли их влажную планету «Жаардоль» на своем мягком, сладкозвучном, тягучем языке, когда они произносили гуттуральное «Ллаккдиц», подражая наречию жителей Марса, населяющих сухие равнины этой планеты. В этом невозможно усомниться. Человек уже давно завоевал Вселенную, и отголоски этого все звучат слабым эхом в мире, который забыл подлинный облик той цивилизации. Сущест-

вует слишком много мифов и легенд, чтобы мы могли сомневаться в этом. Например, миф о Медузе не мог возникнуть на Земле. Это сказание о змееволосой Горгоне, которая превращала в камень каждого, кто посмеет взглянуть на нее, не может рассказывать о существе, которое жило на Земле. А те древние греки, которые рассказывали эту историю, видимо, вспомнили, полусознательно и почти не веря в нее, историю из доисторических времен о странном существе, происходящем с одной из отдаленных планет, на которую спустились когда-то их далекие предки.

— Шамбло! Шамбло! — Дикий истерический крик толпы раздавался в узких улочках Ландароля, а топот тяжелых сапог по красной шлаковой дороге звучал, как угрожающий аккомпанемент к нарастающему реву: — Шамбло! Шамбло!

Нортвест Смит услышал приближение толпы и спрятался в ближайшей дверной нише, положив предосторожности ради руку на приклад своей лучевой винтовки, и его бесцветные глаза сузились. Странные звуки не были чем-то необычным на улицах этой последней колонии землян на Марсе — нецивилизованного, грубого, маленького города, в котором могло произойти, что угодно, и очень часто происходило. Но Нортвест Смит, чье имя хорошо знали и уважали в каждом кабачке и на каждом диком пограничном посту на доброй дюжине диких планет, был, несмотря на это, осторожным человеком. Он прислонился спиной к стене и вынул пистолет, слушая приближение все нарастающего рева.

Вдруг в поле его зрения попала бегущая красная фигура, она неслась, петляя, как заяц, из одного убежища по узкой улице к другому. Это была девушка, смуглая девушка в разорванной одежде, ярко-красный цвет которой бросался в глаза. Она неслась, но в ее поспешном беге уже чувствовалась усталость, и он слышал с того места, где стоял, ее прерывистое дыхание. Когда она появилась, он увидел, как она остановилась, опершись рукой о стену, и дико озиралась, ища убежища. Она, по-видимому, не заметила его, так как когда рев толпы стал громче, а топот ног стал раздаваться так ясно, будто люди были уже на углу, она испустила отчаянный жалостный стон и прыгнула в нишу около него.

Когда она увидела его, высокого, с темной, продубленной кожей, с рукой на лучевом ружье, она тихо всхлипнула и упала к его ногам — перепуганный комок ярко-красной одежды и голого коричневого тела.

Смит не увидел ее лица, но перед ним была девушка, изящно сложенная, и ей угрожала опасность, и хотя он не пользовался славой рыцаря, что-то в этом безнадежном, отчаявшемся комке тронуло ту струну сочувствия к побежденному, которая есть в сердце каждого землянина, и он подтолкнул ее в угол позади себя и выхватил пистолет, когда передовая часть толпы вырвалась из-за угла.

Это была пестрая толпа, земляне и марсиане, несколько венерианцев, живущих в болотах, и неизвестные, безымянные жители неизвестных планет — типичный для Ландароля сброд.

Когда первые из толпы завернули за угол и увидели перед собой пустую улицу, то погоня приостановилась, и некоторые вышли из толпы и начали обыскивать дверные ниши по обеим сторонам улицы.

— Вы что-то ищете? — Циничный выкрик Смита перекрыл рев толпы.

Они оглянулись. Крик вдруг утих, пока они рассматривали то, что увидели перед собой — огромного землянина в кожаной одежде астронавта, полностью почерневшего под лучами диких солнц, так, что осталась только жуткая белизна бесцветных глаз на решительном, покрытом шрамами лице, твердой рукой сжимающего пистолет, а позади него — скрючившуюся, тяжело дышавшую девушку в ярко-красной одежде.

Самый решительный из толпы — коренастый землянин в разорванной в клочья кожаной одежде, с которой были сорваны нашивки дозорного — смотрел некоторое время на обоих со странным недоверчивым выражением лица, которое сменило выражение дикой радости и восторга охотника. Затем он испустил гортанный крик: — Шамбло! — и бросился вперед. Толпа, стоящая позади него, повторила этот клич — Шамбло! Шамбло! Шамбло! — и заревела опять.

Смит небрежно оперся о стенку, скрестив руки и положив пистолет на левое предплечье; казалось, что он не способен на быструю реакцию, но при первом же шаге, который сделал предводитель, его пистолет описал привычный полукруг, и ослепительный луч голубовато-белого огня выжег круг около его ног. Это был традиционный жест, и каждый из толпы понимал его значение. Предводитель попятился назад, и на мгновение воцарилось смятение, когда обе волны встретились и боролись друг с другом. Рот у Смита сжался зловещей линией, когда он следил за происходящим. Мужчина в изодранной униформе дозорного угрожающе поднял кулак и подошел вплотную к пограничной линии круга, в то время как толпа позади него колыхалась взад и вперед.

— Хочешь перейти эту линию? — спросил его Смит зловеще тихим голосом.

— Нам нужна эта девка!

— Тогда подойдите и возьмите ее! — Смит нагло усмехнулся ему в лицо. Он понимал, что это небезопасно, но его сопротивление не было таким уж безрассудным, как казалось. У него был богатый опыт, и он понимал поведение толпы, он видел, что они не жаждали его смерти. В толпе он не увидел оружия. Люди хотели схватить девушку из-за необъяснимой жажды крови, причину которой он

не понимал, он чувствовал, что эта ярость не направлена на него. Возможно, начнется драка, но его жизнь была в безопасности. Если бы они хотели бороться с оружием, то давно бы вынули его. Поэтому Смит ухмыльнулся в лицо разъяренному мужчине и лениво облокотился о стену.

Толпа нетерпеливо колыхалась позади своего самозванного предводителя, и снова стали раздаваться угрожающие голоса. Смит услышал стенания девушки у своих ног.

— Что вы намереваетесь с ней делать?

— Она Шамбло! Шамбло, дурак! Дай ей пинка, чтобы она вылетела сюда — а мы уж позаботимся о ней!

— Я сам позабочусь о ней! — сказал небрежно Смит.

— Говорю же тебе, она — Шамбло! Проклятье! Таких мы не оставляем в живых! Толкни ее к нам!

Но повторение этого имени не произвело на Смита никакого впечатления, а его природное упорство заметно усилилось, когда толпа придвинулась вплоть до пограничного круга и ее крики стали громче.

— Шамбло! Толкни ее сюда! Отдай нам Шамбло! Шамбло!

Смит вдруг сменил свою небрежную позу, уперся ногами в землю и угрожающе поднял свой пистолет.

— Назад! — закричал он.— Она моя! Назад!

У него не было намерения выстрелить из лучевого ружья. Он теперь знал, что они не убьют его, если он первый не начнет стрелять, а он не собирался умирать ради какой-то девушки, жертвовать ради нее своей жизнью. Но он ожидал серьезной драки и инстинктивно готовился к ней, глядя на взволнованную толпу. К его удивлению, вдруг случилось такое, чего он ранее не видел. Услышав его упрямый ответ передние отшатнулись назад не в испуге, но с явным удивлением. Бывший дозорный сказал: — Тебе! Она принадлежит тебе? — таким голосом, в котором гнев сменился недоумением.

Смит встал, широко расставив ноги в сапогах перед съежившейся фигурой, и помахал пистолетом.

— Да! — сказал он.— И она будет моей! Отойдите назад!

Мужчина уставился на него, не сказав ни слова, и на его обветренном лице отразились ужас, отвращение и недоверие. Недоверие на миг победило, и он спросил: — Тебе?

Смит упрямо кивнул.

Мужчина вдруг отступил, его поза выражала беспредельное презрение. Он махнул толпе рукой и громко сказал: — Она принадлежит ему!

Напряжение в толпе упало, все замолчали, и презрительное выражение переходило с одного лица на другое.

Бывший дозорный плюнул на покрытую шлаком дорогу и равнодушно отвернулся.

— Ну и оставь ее себе! — крикнул он Смиту через плечо.— Но пусть она не показывается в этом городе!

Смит смотрел, почти раскрыв рот и ничего не понимая, на презрительную реакцию толпы, которая уже начинала расходиться. В его голове все смешалось. Он не мог поверить, что такая кровожадная враждебность могла испариться в одно мгновение. И странное сочетание презрения и отвращения, которое он увидел на их лицах, смущало его еще больше. Ландароль нельзя было считать пуританским городом — ему и в голову не могло прийти, что его притязания на девушку могли вызвать всеобщее отвращение.

Нет, здесь было что-то, объяснявшееся более глубокими мотивами. Инстинктивное, внезапное отвращение возникло на лицах, которые он видел — это отвращение не было бы таким сильным, даже если бы он сознался в людоедстве или принадлежности к почитателям Фарола. И все покинули его так поспешно, как будто грех, который он совершил по незнанию, мог перейти и на них.

Улица опустела столь же быстро, как и наполнилась. Он увидел, как один стройный венерианец посмотрел на него через плечо и крикнул презрительно: «Шамбло!» — и это слово вызвало в его сознании новые соображения.— Шамбло! — Слово происходило, видимо, из французского языка. Достаточно странным было то, что оно звучало из уст венерианца или марсианина с сухих равнин, а тон, которым оно было произнесено, смущал его еще больше.

— Таких мы не оставляем в живых! — сказал бывший дозорный. Это напомнило ему что-то... одну строчку из одного древнего текста на его родном языке... «Вы не должны допустить, чтобы ведьма осталась в живых». Он усмехнулся про себя из-за сходства этих слов и в тот же миг вспомнил о девушке.

Она бесшумно встала. Он повернулся и взглянул на нее, снова положил на место свой пистолет, и лишь теперь взглянул на нее с любопытством, а затем стал рассматривать с той полной откровенностью, с которой иногда рассматривают что-то не принадлежащее к роду человеческому. Потому что она не была человеком. Это он понял с первого взгляда, хотя смуглое, красивое тело выглядело совершенно женским, а ярко-красную одежду,— он теперь видел, что она была из кожи,— она носила с той непринужденностью, которые были свойственны лишь немногим нечеловеческим существам. Он понял это, когда заглянул в ее глаза, и неприятный холод пробежал по его телу. Глаза были зелеными, как молодая трава, с вертикальными, как у кошки, зрачками, а в их глубине затаилось выражение темной, звериной мудрости — выражение животного, которое видит лучше, чем человек.

Ее лицо было лишено всякого волосяного покрова; ни бровей, ни ресниц — и он мог бы поклясться, что плоский ярко-красный тюрбан, которым была обвита ее голова, прикрывает лысину. На

ногах и руках у нее было по четыре пальца, которые оканчивались круглыми когтями, способными втягиваться, как у кошки. Она провела языком по губам — тонким, плоским, розовым языком, таким же кошачьим, как и ее глаза — и с трудом заговорила. У него сложилось впечатление, что ее горло и язык не приспособлены для человеческой речи.

— Больше нет страха,— сказала она, и ее маленькие зубы оказались белыми и острыми, словно у котенка.

— Почему они гнались за тобой? — с любопытством спросил он.— Что ты натворила? Шамбло... это твое имя?

— Я... не говорить... твой язык,— сказала она, помедлив.

— Ну, попытайся хотя бы — я хочу знать. Почему они гнались за тобой? Ты можешь сейчас остаться на улице или тебе лучше укрыться где-нибудь в доме? Люди опасны.

— Я... идти с тобой.— Она сказала это с трудом.

— Говоришь мне ты! — ухмыльнулся Смит.— Кто ты? По-моему, ты выглядишь, как котенок.

— Шамбло.— Она произнесла это с грустью.

— Где ты живешь? Ты родом с Марса?

— Я приходить... издалека... из старого времени... из далекой страны...

— Подожди! — засмеялся Смит.— Ты говоришь что-то непонятное. Значит, ты не с Марса?

Она выпрямилась, подняв высоко голову в тюрбане, и в ее позе было что-то царственное.

— С Марса? — спросила она с презрением.— Мой народ... у вас нет такого слова. Ваш язык... очень трудный для меня...

— На каком же языке ты говоришь? Может быть, я знаю его.

Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза, и в ее взгляде была едва заметная насмешка, в этом он мог бы поклясться.

— Когда-нибудь... я... поговорю с тобой... на моем языке,— обещала она ему, и розовый язык быстро скользнул по губам быстрым и голодным движением. На красном тротуаре послышались приближающиеся шаги и перебили ответ Смита. Марсианин — житель сухих равнин, подошел, качаясь, распространяя запах сегир-виски, марки, которую изготовляли на Венере. Когда он увидел вспыхнувшие ярко-красные обрывки одежды девушки, он резким движением повернул голову, а когда его затуманенное сегиром сознание восприняло ее присутствие, он шатаясь зашагал к нише и заорал: — Шамбло, клянусь Фаролом! Шамбло! — при этом он вытянул руку, чтобы схватить ее. Смит с презрением отвел его руку в сторону. Пьяный отшатнулся назад и уставился на него горящими глазами.

— Твоя, да? — прохрипел он.— Хорошо! Приятного удовольствия!

И, как бывший дозорный, он тоже плюнул на тротуар и отвернулся, бормоча что-то на грубом языке сухих равнин.

Смит наблюдал за ним, как он поплелся дальше, и над его бесцветными глазами залегла морщина. Какое-то неприятное чувство овладело им.

— Идем! — сказал он девушке бесцеремонно.— Если так пойдет и дальше, то лучше уйти с улицы. Куда тебя проводить?

— С... тобой...— пробормотала она.

Он посмотрел в пустые, зеленые глаза. Эти постоянно меняющиеся зрачки смущали его, и в то же время у него было какое-то неопределенное ощущение, что этот животный взгляд представляет собой закрытый барьер, который мог открыться в любую минуту и показать глубочайшие пределы того неясного знания, какое он предполагал, глядя в ее глаза.

Он вновь резко сказал: — Тогда пойдем! — и вышел на улицу. Она семенила за ним на шаг или два поодаль, не стараясь поспеть за его размашистыми шагами, и хотя Смит двигался — как было известно многим от Венеры до спутников Юпитера — тихо, как кошка, даже в сапогах астронавта, девушка кралась следом за ним будто тень, скользя по неровной дороге, и так бесшумно, что даже его легкие шаги были слышны на пустой улице.

Смит выбирал наименее оживленные улицы Ландароля и втайне благодарил своих безымянных богов, что его квартира находилась не очень далеко, так как немногие прохожие, что попадались им навстречу, отворачивались и смотрели на них с уже знакомым смешанным чувством ужаса и презрения, которого он по-прежнему не понимал.

Комната, которую он снял, находилась в пансионе на окраине Ландароля. Он представлял собой в те времена примитивный лагерь колонистов и, по-видимому, не смог бы предоставить приезжим ничего лучшего, а дела Смита были не такого рода, чтобы их можно было разглашать. Он неоднократно жил и в худших местах и знал, что впредь не будет их чураться.

Никого не было видно, когда он вошел в дом, и девушка скользнула следом за ним вверх по лестнице и исчезла, как тень, за дверью, так что никто в доме ее не заметил. Смит закрыл дверь на замок, прислонился к ней своими широкими плечами и задумчиво принялся рассматривать девушку. Одним взглядом она охватила все, что было в комнате — неопрятную кровать, шатающийся стол, криво висевшее треснувшее зеркало на стене, некрашенные стулья — комната выглядела, как в любом поселении землян за пределами Земли. С одного взгляда она поняла его бедность и, не обращая на нее внимания, повернулась к окну, выглянула на миг из него, взглянув на низкие крыши и пустынный пейзаж позади них, на красный шлак в лучах предзакатного солнца.

— Ты можешь остаться здесь,— сказал он неожиданно,— пока я буду жить в городе. Я жду здесь друга, который приедет с Венеры. Ты уже ела?

— Да,— сказала девушка быстро.— Я... не нужно... еда.... некоторое время.

— Ну...— Смит огляделся в комнате.— Я вернусь сегодня вечером, но не знаю, когда. Ты можешь уйти или остаться здесь, как тебе заблагорассудится. Но лучше закрой дверь на замок.

И без дальнейших церемоний он оставил ее и ушел. Он услышал, как она повернула в замке ключ, и улыбнулся про себя. Он не думал, что увидит ее снова.

Он спустился вниз по лестнице и вышел на улицу, освещенную косыми лучами заходящего солнца, и в голове его роилось так много иных мыслей, что он вскоре забыл о смуглой девушке. О делах Смита в Ландароле, как и о большинстве его дел, лучше не говорить. Человек живет так, как его вынуждают обстоятельства, и опасная жизнь Смита проходила за гранью закона. Достаточно сказать, что в данный момент его чрезвычайно интересовали космодром и грузы, которые отправлялись на другие планеты, а друг, которого он ждал, был Джерол, венерианец, тот самый, который в своем маленьком юрком космическом корабле «Дева» носился стрелой из одного конца Вселенной в другой, открыто издеваясь над скоростью патрульных кораблей и оставляя своих преследователей трепыхаться в океане Космоса. Смит, Джерол и «Дева» составляли триаду, которая уже давно заставляла ломать голову руководителей патрульной службы и стоила им немало седых волос, и когда Смит в тот вечер покидал свой пансион, будущее казалось ему весьма заманчивым.

Ночью в Ландароле творилось черт знает что, как и в других лагерях на всех планетах, где жили люди с Земли, и, когда Смит подходил к центру по улицам, на которых уже зажглись огни, веселье было в разгаре. Зачем он шел туда, нас не касается. Он смешался с толпой в том месте, где огни горели ярче всего и где слышалось постукивание жетонов из слоновой кости и позвякивание серебра, а красный сегир заманчиво клокотал, выливаясь из черных венерианских бутылок. Поздно ночью Смит плелся домой, сопровождаемый лишь спутниками Марса, и вполне понятно, что улица время от времени качалась у него под ногами. Даже Смит не мог стоять твердо на ногах, если пил красный сегир в каждом баре от «Марслама» до «Нью-Чикаго».

Но он проделал обратный путь лишь с незначительными затруднениями и целые пять минут искал свой ключ, пока не вспомнил, что оставил его в замочной скважине для девушки.

Он постучал. За дверью не было слышно шума шагов, но немного спустя щелкнул замок и дверь открылась. Девушка бесшумно

отступила назад, когда он входил, и заняла свое любимое место у окна; опершись на карниз, она четко выделялась на фоне звездного неба. В комнате было темно.

Смит повернул выключатель у двери и прислонился, ища опору, к дверной раме. Холодный ночной воздух несколько отрезвил его, да и голова была довольно ясной — у него хмель ударял в ноги, не в голову, в противном случае он не ушел бы далеко на пути беззакония, который избрал для себя. Он стоял, небрежно прислонясь к дверной раме, и рассматривал девушку в ярком свете лампы, несколько ослепленный ее ярко-красной одеждой и светом.

— Значит, ты осталась,— сказал он.

— Я... ждать...— тихо ответила она, откинувшись назад на карниз, и обхватила грубое дерево своими изящными, четырехпалыми руками, которые в темноте казались светло-коричневыми.

— Почему?

Она не ответила на вопрос, но на ее губах появилась слабая улыбка. У женщин это означало бы ответ — волнующий, вызывающий ответ. В этой улыбке Шамбло было что-то трогательное и ужасное — такое человеческое выражение на лице полуживотного существа. И все же... это прелестное, коричневое тело, округлости которого так приятно выглядывали из-под обрывков ярко-красной одежды — бархатный коричневый цвет — белозубая улыбка... Смит почувствовал, как в нем поднимается волнение, в конце концов... у него еще много времени до прибытия Джерола. Его глаза цвета светлой стали скользили по ней медленным испытывающим взглядом, от которого ничто не ускользало. И когда он заговорил, то услышал, что голос его звучит глухо.

— Иди сюда! — сказал он.

Она медленно пошла к нему, бесшумно ступая своими босыми, когтистыми ногами, и остановилась перед ним с опущенными веками, а на ее губах блуждала трогательная человеческая улыбка. Он взял ее за плечи, бархатно-мягкие плечи, нежные, как пена, совсем не похожие на человеческое тело. Когда его руки коснулись ее, по ее телу пробежала легкая дрожь. Нортвест Смит вдруг задержал дыхание и притянул ее к себе... приятное, податливое, коричневое тело в его руках... услышал, как у нее тоже перехватило дыхание, а затем, когда она обвила своими бархатными руками его шею, оно стало прерывистым и частым. И когда он глянул ей в лицо, которое было совсем близко, и зеленые животные глаза с пульсирующими зрачками встретились с его глазами — Смит почувствовал, несмотря на нарастающий шум крови в висках, как что-то глубоко содрогнулось в нем в то время, как он приближал свой губы к ее губам — содрогнулось необъяснимо, инстинктивно, с легким налетом отвращения. Он не мог найти слов, чтобы выразить это, но даже слабое ее прикосновение вдруг стало ему

ненавистным — каким бы нежным, бархатистым и женственным оно ни было — и лицо, приближавшее сейчас губы к его губам, могло бы принадлежать животному — темная сила жадно смотрела из этих зрачков с узким разрезом — и в какой-то чудовищный миг он почувствовал то же дикое, лихорадочное отвращение, которое он видел на лицах в толпе...

— Боже! — он с трудом перевел дыхание, употребляя самое древнее заклинание против зла, которое он когда-либо слышал, и, оторвав ее руки от своей шеи, с такой силой оттолкнул ее от себя, что она отлетела на середину комнаты. Смит же отшатнулся к двери, тяжело дыша, и смотрел на нее, не сводя глаз, в то время как необузданное отвращение медленно затихало в нем. Она упала на пол около окна и, когда она лежала там, прислонясь к стене и опустив голову, он вдруг с удивлением заметил, что ее тюрбан съехал набок — тюрбан, который, как он был уверен, прикрывал лысину,— и что локон ярко-красных волос выглянул из-под него, таких же ярко-красных, как и ее одежда, таких же нечеловечески красных, как и ее не по-человечески зеленые глаза. Он посмотрел на нее, тряхнул, будто оглушенный, головой, опять посмотрел, так как ему показалось, будто толстый красный локон шевельнулся, прильнув к ее щеке.

Когда локон коснулся щеки, ее руки легким движением взлетели вверх, и она спрятала локон под тюрбан движением, очень похожим на человеческое, и опять опустила голову на руки. И ему показалось, что она украдкой глядела на него сквозь глубокие тени своих пальцев.

Смит сделал глубокий вдох и провел рукой по лбу. Необъяснимое мгновение прошло так же быстро, как и наступило — слишком быстро, чтобы он мог его понять или проанализировать.

— Надо кончать с сегиром,— сказал он неуверенно сам себе. Неужели он вообразил себе ярко-красный локон? В конце концов, она — всего лишь красивое, коричневое существо женского пола, одна из многих представительниц получеловеческих рас, которые населяли планеты. И больше ничего. Красивое, маленькое существо, но животное...

Он засмеялся нервным смехом.

— Конечно! — сказал он.— Я не ангел, но где-то должна быть граница. Вот! — Он подошел к кровати, нашел несколько одеял в беспорядочной куче вещей и бросил их в дальний конец комнаты.— Ты можешь спать здесь!

Она молча поднялась с пола и начала раскладывать одеяла, и каждое ее движение выражало непонятное смирение животного.

Этой ночью Смиту приснился странный сон. Ему приснилось, что он проснулся в каком-то помещении, наполненном тьмой, лунным светом и движущимися тенями, так как ближайший спутник-

луна Марса несся по небу, а тьма на планете под ним была заполнена беспокойной жизнью. И что-то — какое-то безымянное, невероятное существо — обвилось вокруг шеи... что-то похожее на мягкую змею, влажное и теплое. Оно лежало свободно и легко на его шее — и тихо двигалось, очень тихо, с легким, нежным нажимом, от которого по его нервным клеткам проходили липкие волны восторга, опасного восторга — сильнее, чем физическое наслаждение, более глубокого, чем духовная радость. Эта мягкая теплота гладила его со страшной нежностью, проникая вплоть до глубочайших уголков его души. Он был от него в таком восторге, что совсем ослабел, но все же знал — это мгновенное знание возникло из глубин невероятного сна,— что нельзя затрагивать душу. И вместе с этим откровением его охватил ужас, и восторг превратился в отвращение, ненавистное, омерзительное,— но все же в высшей степени приятное отвращение. Он попытался поднять руки и оторвать от шеи это чудовищное существо — но попытался это сделать лишь вполсилы, так как, хотя его душа испытывала отвращение до самых своих глубин, тело пронизывал такой восторг, что руки почти отказывались сделать это. Но когда он все же сделал попытку поднять руки, по нему пробежала ледяная дрожь, и он понял, что не может двигаться — его тело лежало совершенно неподвижно под одеялом, как живой мрамор, по жилам которого пробегал бешеный восторг.

Отвращение охватывало его все сильнее, в то время как он боролся против парализующего сна — борьба души против вялого тела — титаническая борьба, пока светлые полосы не пробили пульсирующую темноту, собравшись вокруг него и окутывая его, и пока он не впал в забытье, переходящее в сон.

Когда на следующее утро его разбудил сияющий солнечный свет, проникающий сквозь чистую, тонкую атмосферу Марса, Смит полежал некоторое время в постели и попытался вспомнить, что ему приснилось.

Сон был явственнее, чем действительность, но теперь он уже не мог точно припомнить его — разве что сон был приятнее и ужаснее всего, что он пережил в жизни. Некоторое время он лежал в постели и гадал, как вдруг какой-то тихий шорох в углу прервал его мысли, он сел и увидел девушку, которая лежала на своей постели, свернувшись, как кошка, и смотрела на него круглыми, серьезными глазами. Он с жалостью посмотрел на нее.

— Доброе утро,— сказал он.— Я видел дьявольский сон... Ну, хочешь есть?

Она молча покачала головой, и он мог бы поклясться, что в ее глазах сверкнули украдкой странные, веселые искорки.

Он потянулся, зевнул и прогнал сон из своей памяти.

— Что мне с тобой делать? — спросил он и стал думать о

предстоящем.— Через день-два я уеду отсюда, а взять тебя с собой я не могу, понимаешь. Откуда ты, собственно, приехала?

Она снова покачала головой.

— Не хочешь сказать? Ну, это твое дело. Ты можешь оставаться здесь, пока я не сдам комнату. Тогда тебе придется заботиться о себе самой.

Он опустил ноги на пол и взял свою одежду.

Десять минут спустя он уже прилаживал свое лучевое ружье у пояса и тогда обратился к девушке.

— В коробке на столе пищевые концентраты. Их должно хватить до моего возвращения. И будет лучше, если ты опять запрешь дверь, когда я уйду.

Невозмутимый взгляд ее больших глаз был единственным ответом, и он не был уверен, поняла ли она его, но дверь она заперла так же, как и накануне, когда он вышел, и, слегка ухмыльнувшись, он стал спускаться по лестнице.

Воспоминание о необычном сне, приснившемся ему в последнюю ночь, оставило его, как обычно и бывает в подобных случаях, а когда он добрался до улицы, то совсем забыл о девушке и обо всех событиях вчерашнего дня, которые были вытеснены насущными потребностями сегодняшнего.

Все его внимание было поглощено делом, ради которого он прибыл сюда. Он так усиленно занимался своими делами, что все остальное не находило места в его мыслях, и с той минуты, как он вышел на улицу, и до того момента, когда он вечером возвращался домой, каждый его поступок имел серьезные причины: но если бы кто-либо в течение дня следил за ним, то ему бы показалось, что он бессмысленно разгуливает по Ландаролу.

Смит потратил по меньшей мере два часа на то, что праздно шатался у космодрома и наблюдал сонными бесцветными глазами за космолетами, которые прибывали и стартовали, рассматривал пассажиров, которые прилетали и улетали, грузы, ожидающие отправки, погрузку — особенно погрузку.

Он еще раз прошелся по барам города и выпил в течение дня немало разнообразных напитков, он вел праздные разговоры с мужчинами всех рас и миров, как правило, на их языке, поскольку Смит славился среди своих современников знанием языков.

Он слушал сплетни с космических орбит, новости с дюжины планет о тысяче различных событий. Он услышал последний анекдот об императоре Венеры, последнее сообщение о китайско-арийской войне и новейшую песню прямо из уст Розы Робертсон, которую обожал каждый мужчина на цивилизованных планетах, называя ее «Роза Джорджии». День оказался вполне удачным, в том что касалось его личных целей, и лишь поздно вечером, когда он уже возвращался домой, мысль о коричневой девушке, остав-

шейся в его комнате, начала в открытую овладевать им, хотя целый день она бесформенной и подавленной ютилась на дне сознания.

Смит не имел ни малейшего понятия, чем она могла питаться, но он все же купил банку нью-йоркских ростбифов, одну банку венерианского лягушачьего бульона, дюжину яблок и два фунта того салата с Земли, который так хорошо произрастает на плодородной почве каналов Марса. Он думал, что в этом широчайшем ассортименте продуктов она, наверняка, найдет что-нибудь для себя, и, поднимаясь по лестнице,— его день прошел очень удачно — напевал про себя «Зеленые холмы Земли» удивительно приятным баритоном.

Дверь была заперта, как и в прошлый раз, и ему пришлось слегка постучать сапогом по нижним доскам двери, так как руки у него были заняты. Она открыла дверь со свойственной для нее осторожностью и смотрела на него в полутьме, когда он, спотыкаясь, шел со своей поклажей к столу. В комнате опять не было света.

— Почему ты не зажигаешь свет? — спросил он раздраженно, после того, как ударился ногой о стул, стоящий около стола, пытаясь положить на стол свою поклажу.

— Светло... и темно... все равно... для меня,— пробормотала она.

— Кошачьи глаза, да? Да ты и выглядишь, как кошка. Вот, я принес тебе еду. Выбери себе что-нибудь. Ты любишь ростбиф? А немного лягушачьего бульона?

Она отрицательно покачала головой и отступила на шаг назад.

— Нет,— сказала она.— Я не могу... есть... то, что ты.

Смит сдвинул брови.

— Ты не съела ничего из концентратных таблеток?

Красный тюрбан снова отрицательно качнулся.

— Тогда ты уже ничего не ела больше... больше суток! Ты же голодная.

— Не голодная,— отрицала она.

— Что же мне купить для тебя? Еще есть время, если я потороплюсь. Тебе надо что-то поесть.

— Я поем...— сказала она тихо.— Скоро я буду... буду я... есть. Не... беспокойся.

Потом она отвернулась, встала у окна и выглянула наружу, глядя на освещенный луной ландшафт, будто хотела закончить разговор.

Смит бросил на нее обиженный взгляд, открывая банку с ростбифом. В ее заверении звучал какой-то странный оттенок, который ему определенно не понравился. Но ведь у девушки были зубы и язык и, кажется, подобный человеческому пищеварительный аппарат, если судить по ее человеческому облику.

Ее утверждение, будто он не сможет найти для нее ничего съестного — бессмысленно. Она, видно, все-таки съела кое-что из концентратов, решил он, открывая крышку термоса и вдыхая запах горячего мяса.

— Ну, если ты не хочешь ничего есть, тогда не ешь,— заметил он равнодушно, наливая бульон и кладя кубики мяса в похожую на тарелку крышку термоса и вынимая ложку.

Она немного повернулась в его сторону и смотрела, как он подвинул шатающийся стул, и сел, и принялся есть, а через некоторое время он увидел, что ее зеленые глаза не отрываясь смотрят на него, что очень его раздражало, и он сказал, кусая яблоко.— Почему ты не попробуешь? Это вкусно.

— То... что ем я... лучше,— объяснила она мягким голосом, заикаясь и бормоча, и он снова скорее почувствовал чем услышал едва заметный неприятный оттенок в ее словах.

Его охватило внезапное подозрение, когда он вспомнил ее последнее замечание — неясное напоминание об ужасных рассказах, которые он слышал в прошлом у костров во время привалов,— и он повернулся на своем стуле и посмотрел на нее; едва уловимый, необъяснимый страх стал подкрадываться к нему. Что-то было в ее словах — в тех, которые она не сказала,— что-то угрожающее.

Под его взглядом она робко встала, ее большие зеленые глаза с пульсирующими зрачками встретились с его глазами и выдержали этот взгляд. А ее губы были ярко красного цвета, а зубы — острые.

— Чем же ты питаешься? — потребовал он ответа. И затем, после некоторой паузы, очень тихо.— Кровью?

Она довольно долго пристально смотрела на него, ничего не понимая, а потом нечто похожее на насмешку искривило ее губы, и она сказала презрительно: — Ты думаешь, я... вампир, да? Нет, я — шамбло!

При этом в ее тоне отчетливо послышались презрение и насмешка, но также безошибочно она знала, что он имел в виду, принимала как логическое подозрение — вампир! Сказка — но сказка, с которой это нечеловеческое существо было хорошо знакомо. Смит не был легковерным человеком, не был и суеверен, но он сам уже повидал слишком много странных вещей, чтобы сомневаться, что в основе самых невероятных легенд мог лежать реальный факт. А в этом существе было что-то невыразимо странное...

Он некоторое время раздумывал над этим, пока ел яблоко. И хотя он хотел спросить ее о многом, он все же не сделал этого, так как знал, что это ни к чему бы не привело.

Он не сказал более ни слова, пока не съел мясо, потом яблоко, за ним другое, и не убрал со стола, бросив банку в окно. Затем он откинулся на спинку стула и стал наблюдать за девушкой из-под полуопущенных век, причем глаза его казались бесцветными на

лице цвета дубленой кожи. И он снова обратил внимание на прелестные коричневые округлости ее тела, мягкие, как бархат — нежнейшая плоть под обрывками красной ткани. Может, она вампир, она явно не человек, но необычайно привлекательна, по крайней мере, сейчас, сидя рядом в покорной позе, опустив голову в красном тюрбане, положив когтистые пальцы рук на колени. Так они сидели некоторое время молча, и тишина дрожала между ними.

Она была так похожа на женщину — нежная, и покорная, и робкая, мягче самого мягкого меха, только если б он мог позабыть о ее когтистых руках и пульсирующих глазах — и эту необъяснимую непохожесть, которую невозможно выразить словами... (Неужели ему лишь померещился красный, движущийся локон? Неужели сегир был причиной того отвращения, которое он остро почувствовал, когда держал ее в объятиях? Почему чернь так жаждала ее крови?) Он сидел и пристально глядел на нее, и, несмотря на тайну, которая окружала ее, и на подозрение, которое сверлило его мозги,— она обладала таким чудесным, нежным, округлым телом, которое почти не прикрывали обрывки одежды, что он постепенно ощутил, как кровь его застучала в висках, а внутри словно обожгло жаром — коричневое, девственное создание стояло с опущенными глазами — затем ее веки поднялись и зеленые кошачьи глаза встретились с его глазами, и снова мгновенно проснулось отвращение, испытанное им в последнюю ночь, как предупреждающий колокол, который раздавался в нем всякий раз, когда встречались их взгляды — она все же была зверем, слишком гладкая и слишком мягкая, чтобы быть человеком, и эта внутренняя непохожесть... Смит пожал плечами и сел. У него было много недостатков, но слабость плоти не являлась среди них самым главным.

Он кивнул девушке, чтобы она шла спать на свою постель в углу, и пошел к своей кровати. Он заснул глубоким здоровым сном, но потом вдруг неожиданно и полностью проснулся в том внутреннем возбуждении, которое предвещает нечто значительное. Он проснулся, когда комната была залита сиянием лунного света, и было так светло, что он мог рассмотреть красные лохмотья девушки, когда она села на своей постели. Она не спала, она сидела, повернувшись к нему плечом, опустив голову, и предостерегающее чувство поползло, обжигая холодом, по его спине, в то время как он наблюдал за тем, что она делала. И это было нечто совершенно естественное для девушки,— для любой девушки, везде. Она развязывала свой тюрбан.

Он глядел, не дыша, и предчувствие чего-то ужасного необъяснимо шевельнулось в его сознании...

Красные складки разошлись, и — и теперь он знал, что это был не сон — снова красный локон спустился вниз к ее щеке... неужели

это были волосы? Локон?.. толстый, как червяк, он тяжело опускался вдоль мягкой щеки... краснее крови и такой же толстый, как ползучий червь... он полз, действительно, как червь.

Смит облокотился на локоть, не замечая своего движения, и устремил пристальный взгляд, полный оскорбительного, завороженного недоверия, на этот локон. Это был не сон. До этого времени он считал, что виной всему был сегир, который, как он думал, «двигал» локон накануне вечером. Но сейчас он стал длиннее, растягивался и двигался сам. Это должны быть волосы, но они ползли: они отвратительно завивались вдоль ее щек, лаская их, отталкивающе, невероятно... Они были влажные, толстые, круглые и блестящие...

Девушка распустила последнюю складку тюрбана и сняла его.

Смит с радостью отвернулся бы от того, что он сейчас видел — раньше он смотрел на более страшные вещи даже не моргнув глазом — но он не мог пошевельнуться. Он только мог лежать, облокотившись на локти, и смотреть на массу ярко-красных извивающихся — червей? Волос? Что это было — ползущее по ее голове, страшно напоминая локоны? Они становились длиннее, падали вниз, росли у него на глазах, спускаясь по плечам ниспадающим каскадом, такая масса, которую вначале невозможно было бы спрятать под тесно прилегающим тюрбаном. Его удивление не знало границ, но все было так. И они все извивались, становились длиннее, спускались вниз, а она потряхивала ими — злая карикатура на женщину, которая встряхивает распущенными волосами — пока эта невыразимая путаница — извиваясь, корчась, отвратительно красного цвета — не спустилась до ее талии и еще ниже, становясь все длиннее, бесконечная масса ползущих мерзостей, которые до сих пор каким-то невероятным образом были спрятаны под туго закрученным тюрбаном. Это было похоже на гнездо слепых беспокойных красный червей — это было похоже на... на открытые внутренности, которые умели двигаться, это было невыразимо ужасно.

Смит лежал в темноте, охваченный внутренне и внешне ледяным холодом, вызванным общим шоком и отвращением.

Она стряхнула эту отвратительную, невероятную путаницу на плечи, и он почувствовал, что вот, сейчас она обернется, и тогда ему придется взглянуть ей в глаза. При мысли об этом его сердце остановилось от страха, который был еще ужаснее всего, что он увидел в этом страшном сне; ибо это был ведь чудовищный сон, ни что иное. Но он уже теперь знал, что не сможет оторвать от него глаз — болезненное колдовство этого зрелища пленило его, и в нем была какая-то красота...

Она повернула голову. Ползущие мерзости завивались и извивались при этом движении, сшибались, толстые, влажные, блестящие на округлых коричневых плечах, по которым они сейчас опус-

кались отвратительными каскадами и уже почти совсем скрыли ее тело. Она повернула голову. Смит лежал парализованный. И он увидел, как уменьшилась округлость ее щеки, как стал виден ее профиль, и круглое лицо повернулось медленно в сторону кровати — лунный свет освещал, как дневной, красивое лицо девушки, робкое и милое, обрамленное отвратительной ползущей путаницей...

Ее зеленые глаза встретились с его глазами. Он почувствовал резкий толчок, ужас пробежал вдоль его парализованного позвоночника, оставив ледяную окоченелость. Он почувствовал, что весь покрылся гусиной кожей. Но он почти не заметил этой окоченелости и холодного ужаса, так как зеленые глаза приковали к себе его глаза долгим, долгим взглядом, который обещал что-то неописуемое — не обязательно неприятное — беззвучный голос ее разума атаковывал его маленькими, бормочущими обещаниями.

На какое-то мгновенье он провалился в слепую пропасть подчинения; но сам вид этих мерзостей для его глаз, хотя он уже не воспринимал осознанно находящееся перед ним, был так страшен, что вытащил его из соблазнительной темноты — зрелище этой мерзости, кишащей и переползающей друг через друга, зрелище, полное невыразимого отвращения.

Она встала, и извивающаяся ярко-красная масса из... из того, что росло на ее голове, упала каскадом вдоль ее тела. Она свисала длинным, живым плащем вдоль ее босых ног до пола, закрыв ее волной ужасной, влажной, извивающейся жизни. Она подняла руки и разделила, как пловец, этот водопад, отбросив его за плечи, чтобы открыть свое коричневое тело с мягкими линиями. Она мило улыбалась, и в волнах, которые тянулись от ее лба и вокруг него, извивались змееподобные, влажные, живые плети. И Смит понял, что перед ним была Медуза Горгона.

Это знание — инстинктивное знание, уходящее в скрытые туманом седые времена истории — на мгновение вырвало из кошмарного оцепенения, но тут же он снова встретился с ее глазами, они улыбались, зеленые, как стекло, при лунном свете, полуприкрытые опущенными веками.

Она протянула руки сквозь извивающуюся красную путаницу. И в ней было нечто сверх всякой меры притягательное, так что вся кровь ударила ему в голову, и он зашатался, как сомнамбула — когда она нагнулась к нему, невыразимо милая, несказанно привлекательная в своем покрывале из живого ужаса.

И в этом красном, влажном клубке была какая-то своеобразная красота, лунный свет блестел и скользил по толстым, круглым, как черви, плетям и терялся в этой массе, чтобы вновь заблестеть и побежать серебряной змейкой вдоль извивающихся плетей — чудовищная, вызывающая ужас красота, ужаснее, чем какое-либо другое безобразие.

Но все это он осознал опять лишь наполовину, поскольку коварное бормотание вновь проникло в его мозг со своими обещаниями, ласками, призывами, которые были слаще меда; а впившиеся в него зеленые глаза были ясными и горели, как драгоценные каменья, и через пульсирующие темные разрезы он пристально вглядывался в еще более глубокую тьму, в которой было все... Он понимал это... Он неясно понял это, когда впервые глянул в плоские, неглубокие звериные глаза и увидел все, что было скрыто в их глубине: вся прелесть и весь ужас, весь страх и все очарование в этой бесконечной тьме, в которую ее глаза открывались, как окна с зелеными, подобно смарагдовым, стеклами.

Ее губы двигались, и среди бормотания, которое неразрывно сочеталось с тишиной и легким покачиванием ее тела и с ужасными движениями ее... ее волос — она очень тихо, очень страстно шептала: — Я буду... сейчас... говорить с тобой... на моем языке... о, мой возлюбленный!

И, окутанная своим живым покрывалом, она склонилась над ним, бормотание нарастало, соблазняя и лаская, проникая в потаенные уголки его сознания — многообещающе, требовательно, необычайно сладко. Его тело начало зудеть при виде мерзости, но его отвращение было извращенным, оно взрывалось жаждой объятий той, которую он ненавидел. Его руки обхватили ее под живым покрывалом, влажным, теплым и отвратительно живым — и нежное, бархатное тело прижалось к нему, ее руки обвили его шею — и вместе с шепотом волна несказанного ужаса накрыла их обоих.

До самой смерти вспоминал он в кошмарных снах об этом мгновении, когда живые плети шамбло впервые заключили его в свои объятия.

Он вспоминал вызывающий тошноту удушливый запах, когда эта влажная масса покрыла его — толстые, пульсирующие черви обвили каждый сантиметр его тела, скользя, извиваясь, их влага и тепло проникали сквозь его одежду, и ему казалось, что он обнажен.

И все это за минуту оцепенения, а после — мгновенный поток несовместимых ощущений, прежде чем он впал в забытье. И он вспомнил о вчерашнем сне — он понял теперь, что это была страшная действительность, а скользящие, неясные ласки этих влажных, теплых червей на его теле вызывали восторги, которые невозможно выразить словами,— глубокий экстаз, который охватывает тело и сознание и глубоко трогает душу неестественным восхищением. Он лежал неподвижно, как мрамор, так же превратившись в камень, как все жертвы Медузы в старых легендах. А в это время ужасное вожделение шамбло пробегало по всем клеткам его существа, заставляя трепетать; через каждый атом его тела и через невидимые частицы того, что люди называют душой, через все,

что было Смитом, вливалось это ужасное вожделение. И это было, действительно, ужасом.

Он неясно понимал это, даже тогда, когда его тело отвечало на всепроникающий восторг, порочный, кошмарный призыв, который приводил в ужас его душу — и все же в самых потаенных глубинах этой души дрожал от наслаждения какой-то ухмыляющийся предатель. Но глубоко за всем этим он ощущал ужас, отвращение и отчаяние, превосходящие всякую меру, в то время, как интимнейшие ласки проникали в самые потаенные уголки его души,— а он знал, что душу трогать нельзя,— и трепетал, несмотря на все это, в опасном вожделении.

И этот конфликт тела и сознания, смесь самозабвения и отвращения он ощутил в кратчайшее мгновение, пока ярко-красные черви извивались над ним и ползали по нему, глубокий, омерзительный трепет нескончаемого удовольствия, проникающего в каждую частичку его существа. И он не мог двигаться в склизких, восторженных объятиях — его захлестнула слабость, которая становилась все сильнее после каждой, следующей одна за другой волны сильного восторга, а предатель в его душе делался все сильнее и прогонял отвращение — и это в нем прекратило борьбу, когда он полностью погрузился в сияющую темноту, которая заставила его забыть все, кроме этого всепоглощающего восторга...

Когда молодой венерианец поднялся по лестнице, ведущей в квартиру Смита, то машинально вынул ключ, и между его тонкими бровями образовалась складка. Он был строен, как все жители Венеры, имел светлую и гладкую кожу, и, как у большинства его соотечественников, выражению ангельской невинности на его лице не следовало доверять. У него было лицо падшего ангела, но лишенное демонического величия; в его глазах ухмылялся черт, а вокруг рта тянулись тонкие линии, которые свидетельствовали о бесцеремонности и разгульной жизни, а также о долгих годах, заполненных беспрерывной сменой занятий, в течение которых его имя, наряду с именем Смита, стало самым ненавистным и самым уважаемым в анналах космической полиции. Теперь он поднимался по лестнице, удивленно морща лоб. Он прибыл в Ландароль с полуденным космолетом — «Деву» он с помощью краски и других средств сделал неузнаваемой — и увидел, что дела, которые он надеялся увидеть завершенными, находились в полном беспорядке. Из осторожных расспросов он узнал, что Смита никто не видел уже три дня. Это не было похоже на его друга — тот до сих пор еще никогда не подводил его, а непонятное отсутствие Смита поставило на карту не только надежду на крупную прибыль, но и их личную безопасность. Джерол мог себе представить только один вариант решения этой загадки: свершился приговор судьбы. Физическая

невозможность была единственным объяснением. Размышляя над всем этим, он вставил ключ в дверь и открыл ее. И в этот момент, когда открылась дверь, он почувствовал — произошло что-то страшное...

В комнате была полутьма, и некоторое время он не мог ничего видеть, но при первом же вдохе почувствовал чужой, неописуемый запах, полусладкий, полуотвратительный. И в глубине его существа ожили унаследованные воспоминания — древнейшие воспоминания из эпохи болот, от предков-венерианцев, очень далекие и давно прошедшие...— и дали сигнал предупреждения.

Джерол положил руку на пистолет и шире растворил дверь. В смутном свете он мог увидеть сперва лишь странный холм в противоположном углу комнаты...

Затем его глаза привыкли к темноте и он разглядел холм, который как-то странно поднимался и опускался и в котором что-то двигалось... Холм — он резко втянул в себя воздух — холм, похожий на кучу внутренностей, живой, движущийся, извивающийся в своей необъяснимой подвижности.

С его губ сорвалось пылкое венерианское ругательство, и быстрым шагом он переступил порог, захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, держа пистолет наготове, хотя все его тело начало зудеть — потому что он знал...

— Смит! — сказал он тихо, его голос охрип от ужаса.— Нортвест!

Колыхавшаяся масса двигалась, трепетала — снова погружалась в кишащее спокойствие.

— Смит! Смит! — Голос венерианца звучал мягко, но настойчиво и несколько дрожал от страха.

Живая масса нетерпеливо сдвинулась. Потом опять, нехотя, плеть за плетью стала отделяться, извиваясь и распадаясь, и среди них стала медленно показываться коричневая кожа космического костюма, покрытого слизью и блестящего.

— Смит! Нортвест! — Настойчивый шепот Джерола неотвязно возник снова, и с мечтательной медлительностью кожаная одежда начала двигаться...

Человек сел среди извивающихся червей, человек, который когда-то, давно, был, видимо, Нортвест Смит. С головы до ног он был покрыт слизью от объятий ползающих мерзостей, окружавших его. Его лицо было лицом существа, не имевшего ничего общего с людьми,— полумертвое, с застывшим серым взглядом и выражением страшного восторга, отпечатавшегося на нем, оно, казалось, вышло из глубины его личности, слабое отражение, вследствие неизмеримого удаления от тела. И, как лунный свет, который, являясь всего лишь отражением дневного солнечного света, создает тайну и колдовство, так и на этом сером, обращенном к двери лице

был написан неописуемый, сладкий ужас, отражение восторга, выходящего за пределы сознания каждого, кто сам познал лишь земной восторг.

И пока он так сидел, повернув к Джеролу свое опустошенное, слепое лицо, красные черви непрерывно двигались и извивались вокруг него легкими, мягкими, ласкающими движениями.

— Смит! Иди сюда! Смит... вставай... Смит! Смит!..

Шепот Джерола раздавался в тишине, приказывая, требуя, но сам он не собирался отойти от двери.

Страшно медленно, как человек, который восстает из мертвых, Смит поднялся из гнезда красной слизи. Он качался на ногах, как пьяный, и две или три кроваво-красные плети извивались вокруг его ног вплоть до колен и обвили их, будто защищая, двигаясь и непрестанно лаская, и эти ласки, казалось, придавали ему тайную силу, так как он сказал беззвучным голосом:

— Уходи! Уходи! Оставь меня в покое!

И на мертвом, восторженном лице не отразилось ни малейшего движения.

— Смит! — В голосе Джерола слышалось отчаяние.— Смит! Послушай! Смит, ты слышишь меня?

— Уходи! — ответил монотонный голос.— Уходи! Уходи! Ухо...

— Я уйду, если ты пойдешь со мной. Слышишь? Смит! Смит! Я...

Он замолчал, не договорив до конца, и опять по его спине пробежал озноб генетической памяти его расы, так как ярко-красная масса зашевелилась, заколыхалась, поднимаясь...

Джерол прижался к двери и схватил свое оружие. Он невольно произнес имя бога, которого уже давно забыл. Ведь он знал, что сейчас последует, и это знание было страшнее, чем великое незнание. Красная, извивающаяся масса поднялась выше, плети разделились, и из-под них выглянуло человеческое лицо — нет, получеловеческое, с зелеными кошачьими глазами, которые неотразимо блестели в тусклом свете, как освещенные драгоценные камни.

Джерол выдохнул: — Шар! — поднял одну руку вверх и закрыл ей глаза, а все его существо задрожало от опасного желания — ответить на этот зеленый взгляд, хотя бы на короткое мгновение.

— Смит! — в отчаянии крикнул он.— Смит! Ты слышишь меня?

— Уходи! — сказал голос, который не был голосом Смита.— Уходи!

Джерол понял, хотя он и не осмеливался взглянуть, что это был голос того существа, которое раздвинуло толстые плети из червей и сейчас стояло перед ним во всей человеческой красоте смуглого, расцветшего женского тела, опутанного живой мерзостью. Он почувствовал, что ее глаза были устремлены на него, а что-то внутри него кричало, чтобы он опустил защищавшую его руку...

Он погиб — он понял это, и это откровение дало ему мужество, которое родилось из отчаяния. Голос в его мозгу нарастал, становился громче, почти оглушая его своим властным приказом, который словно подгонял его — приказом опустить руку, глянуть в глаза, подчиниться,— и бормоча обещание, сладостное и опасное, обещание предстоящего блаженства...

Но ему все же удалось устоять,— каким-то образом он, отупевший и оглушенный, сумел удержать пистолет в высоко поднятой руке — невероятно, чудом, пересек, отвернув лицо, маленькую комнату и попытался нащупать плечо Смита. Какое-то мгновение его рука натыкалась на пустоту, затем он нашел его и схватил кожу, покрытую слизью, влажную, отвратительную — и одновременно почувствовал, как что-то ласково обвилось вокруг его щиколотки, волна отвратительного вожделения прошла по нему, потом другая петля обвилась вокруг его ног, и еще одна...

Джерол стиснул зубы, крепче охватил плечо Смита, и даже его рука содрогнулась, поскольку кожа того была так же покрыта слизью, как и черви вокруг его ног, и при этом прикосновении его пронзил слабый озноб омерзительного восторга.

Он ничего не чувствовал, кроме ласкающего давления на ногах, а голос в его сознании заглушал все другие звуки, и его тело нехотя подчинялось — но каким-то образом ему удалось сделать единственное, невероятное усилие и вытащить Смита из этого ужасного гнезда. Обхватившие Смита плети оборвались, издав тихий, всасывающий звук, а вся масса вздрогнула и схватила венерианца, и тогда Джерол совершенно позабыл о друге и направил все силы на безнадежную задачу — освободиться самому. Теперь боролась лишь одна часть его самого — только эта часть сопротивлялась омерзительному объятию, а в глубине его сознания звучало ласковое соблазнительное бормотание, и все его тело жаждало подчиниться этому бормотанию.

— Шар! Шар! — молился, задыхаясь, Джерол и лишь наполовину осознавал, что он говорит, а ведь он повторял детские молитвы, которые, казалось, уже давно забыл, и, повернувшись к массе спиной, он стал топтать своими тяжелыми сапогами красных, извивающихся червей, ползавших вокруг него. Они ускользали от него, дрожа и сворачиваясь, и хотя он знал, что те, что были сзади, пытались обвить его шею, он все же мог бороться до тех пор, пока не будет вынужден глянуть ей в глаза.

Он топтал, и давил, и опять топтал, и на короткое мгновение освободился от слизистых объятий, когда черви, раздавленные его тяжелыми сапогами, уползали от него, и он зашатался, одурманенный, больной от омерзения и отчаяния, отбиваясь от живых арканов, и вдруг поднял глаза и увидел треснувшее зеркало, висевшее на стене. В нем он увидел тусклое отражение извивающейся,

красной твари позади себя, выглядывающее кошачье лицо с робкой девичьей улыбкой, потрясающе человеческое, и красные плети, которые пытались достать его. Воспоминание о том, что он когда-то читал, мелькнуло вдруг в его мозгу, и вздох облегчения и надежды вырвался у него, поколебал на какое-то мгновение силу приказа, звучавшего в его сознании.

Не переводя дыхания, он поднял пистолет на плечо, направил прицел на тварь позади себя, видя ее отражение в зеркале, и нажал на спуск.

В зеркале он увидел, как голубое пламя врезалось ослепительным потоком как раз в середину извивающейся, протягивающей к нему свои щупальца твари, которая пыталась схватить его сзади.

Шипение, вспышка, а затем высокий, тонкий крик, душащий злобой и отчаянием... пламя описало большую дугу и погасло, когда пистолет выпал из руки Джерола и упал на пол.

Нортвест Смит открыл глаза и увидел свет марсианского солнца, который лился узкими полосами через грязное окно. Что-то холодное, влажное ударило его в лицо, и хорошо знакомое горячее покалывание сегир-виски обожгло его горло.

— Смит! — раздался издалека голос Джерола.— Нортвест, черт побери, проснись же наконец!

— Я... проснулся,— выдавил Смит, с трудом ворочая языком.— Что, собственно, случилось?

Край стакана стукнул о его зубы, и Джерол сказал раздраженно: — Выпей это, дурак!

Смит покорно сделал глоток, затем выпил еще обжигающего сегира. Тепло разлилось по его телу, пробудило от оцепенения, в котором он до сих пор пребывал, и несколько помогло преодолеть охватившую его слабость, которую он медленно начал осознавать. Несколько минут он лежал тихо, пока тепло сегира разливалось по его телу, и воспоминание вместе с действием виски начало постепенно проникать в его сознание.

Кошмарные воспоминания... сладкие и ужасные... воспоминания о...

— Боже! — тяжело дыша сказал Смит и попытался сесть. Слабость опрокинула его, как удар, и некоторое время комната кружилась вокруг него. Он упал на что-то твердое и теплое — плечо Джерола. Рука венерианца поддержала его, и комната остановилась. Через некоторое время он немного повернулся и пристально посмотрел в темные глаза друга. Джерол поддерживал его одной рукой, а в другой был бокал сегира, который он пил. Его черные глаза смотрели через край стакана на Смита, и вдруг он истерически засмеялся — сказывался пережитый страх.

— Клянусь Фаролом! — задыхаясь, произнес Джерол и поперх-

нулся своим виски.— Клянусь Фаролом, Нортвест! Этого я тебе не дам скоро забыть! Если ты в следующий раз захочешь вытащить меня из драки, то я тебе скажу...

— Хорошо, хорошо! — сказал Смит.— Что же все-таки случилось? Как...

— Шамбло.— Джерол перестал смеяться.— Что у тебя общего с ней...

— Что это такое? — спросил протрезвевший Смит.

— Ты хочешь сказать, что не знал этого? Но где же ты нашел ее? Как...

— Может, ты первый расскажешь, что тебе известно? — твердо сказал Смит.— И дай мне еще глоток виски. Мне он сейчас необходим.

— Ты можешь сам держать стакан? Тебе лучше?

— Да, немного. Я могу его держать, спасибо. Рассказывай дальше.

— Я, право, не знаю, с чего должен начать. Их называют Шамбло...

— Милостивый боже! Разве их много?!

— Это своего рода раса, как мне кажется,— одна из самых древних. Никто не знает, откуда она взялась. Имя звучит по-французски, не правда ли? Но оно обманчиво, оно возникло еще в доисторические времена.

— Я никогда не слышал о них.

— О них знают немногие. А те, кто знает, не хотят много говорить о них.

— Ну, половина города их знает. Я просто не понимал тогда, о чем говорили люди. Я и сейчас еще не все понимаю...

— Такое бывает иногда. Они появляются, об этом распространяются слухи, город объединяется и выгоняет их, а потом... Эта история не получит широкой огласки. Она слишком неправдоподобна.

— Но... боже, Джерол! Что это такое? Откуда оно пришло?

— Никто не знает определенно, откуда они родом. С другой планеты — возможно, с неоткрытой. Некоторые говорят — с Венеры; я знаю, что в нашей семье передавались из поколения в поколение какие-то довольно мрачные легенды о них — поэтому я о них и узнал. И когда я открыл эту дверь... я... я подумал, что узнал этот запах...

— Так что же они такое?

— Это знает один бог. Это не люди, хотя и выглядят, как люди. А может быть, это всего лишь иллюзия, или я свихнулся. Не знаю. Это разновидность вампиров, или, может быть, вампиры — их разновидность. Их нормальный облик, должно быть, эта... эта маска, и в таком виде они вытягивают пищу из... я думаю, из

жизненных сил человека. И они принимают облик — обычно облик женщины, как мне кажется, прежде чем они... начинают. Они это делают, чтобы поднять жизненную силу до определенного уровня, который им облегчает... И от них исходит всегда это отвратительное, губительное чувство вожделения, когда... они жрут. Есть люди, которые, если они остались в живых после первой встречи, уже не могут жить без них... не могут расстаться с ними, становятся одержимыми этой страстью... и держат это существо у себя всю жизнь — а жизнь длится недолго — и кормят его ради этого ужасного наслаждения. Это хуже, чем курить минг... или молиться Фаролу.

— Да,— сказал Смит.— Теперь я начинаю понимать, почему люди были так удивлены, и на их лицах было такое отвращение... когда я сказал... ну, это неважно. Рассказывай дальше!

— Ты мог с... ним разговаривать? — спросил Джерол.

— Я пробовал. Оно не умело хорошо говорить. Я спросил, откуда оно пришло, и оно сказало... издалека и из древних времен... что-то подобное.

— Хотел бы я знать... Возможно, с неизвестной планеты, но я не верю в это. Знаешь, имеется столько невероятных историй, в основе которых лежит какой-либо факт, что я уже не раз спрашивал себя: возможно ли существование других, более страшных суеверий, о которых мы даже не слышали? Вещи, подобные этой, пагубные и кощунственные, и те, кто знает о них, должны молчать?

Ужасные, фантастические твари, которые разгуливают свободно, и о которых мы даже понаслышке ничего не знаем!

Эти твари существуют с древнейших времен. Никто не знает, когда и где они впервые появились. А те, кто их видел, как мы с тобой, не говорят о них. Это один из тех неопределенных и туманных слухов, о которых иногда можно найти неопределенные намеки в старых книгах...

Я думаю, что их раса возникла раньше человеческой, из старого посева, в эпохи, предшествовавшие нашей. Возможно, на планетах, сейчас уже превратившихся в пыль. И они так опасны для человека, что те, кто их открыл, молчат об этом — или стараются забыть их как можно скорее.

Итак, они родом из незапамятных времен. Я думаю, что ты вспомнил при этом легенду о Медузе Горгоне. Нет сомнения, что древние греки знали о них. Означает ли это, что до наших цивилизаций существовали другие, которые покинули Землю и отправились исследовать другие планеты? Или одна из шамбло, скажем, три тысячи лет назад каким-то образом нашла путь в Грецию? Если долго размышлять об этом, можно потерять рассудок. Я спрашиваю себя, сколько легенд имеют в своей основе подобные факты, о которых мы не подозреваем и о которых никогда не узнаем.

Горгона Медуза, прекрасная женщина со змеями вместо волос и взглядом, который превращал людей в камень, была все же убита Персеем. Я совершенно случайно вспомнил об этом, Нортвест, и это спасло тебе и мне жизнь. Персей убил ее с помощью зеркала, в котором отражалось то, на что он не смел взглянуть. И я спрашиваю себя, что подумал бы древний грек, который первым рассказал эту легенду, если бы он знал, что его история через три тысячи лет спасет жизнь двум людям на другой планете? Я спрашиваю себя, какова история этого грека и как он встретился с этим существом, и что случилось...

Но есть много такого, о чем мы никогда не узнаем. Разве свидетельства этой расы о... о существах, кем бы они ни были, не интересны? Летописи о других планетах, о других эпохах, и о начале человеческой цивилизации! Но я не думаю, что они сохранили какие-либо летописи. Мне кажется, что у них даже нет места для их хранения; я, правда, мало знаю о них, не больше, чем другие, но они, как Вечный Жид. Они спустя много времени появляются то там, то здесь, и я бы пожертвовал своими глазами, чтобы узнать, где они между нами находятся! Я не верю, что их ужасная, гипнотическая сила есть признак сверхчеловеческого интеллекта. Эта сила — лишь средство, чтобы получить пищу,— как длинный язык у лягушки или запах у плотоядных растений. Их качества имеют материальную природу, так же как лягушка и растение питаются материальной пищей.

Шамбло используют духовное средство, так как питаются духовной пищей. Только я не знаю, как это лучше выразить. И подобно тому, как животное, которое пожирает тела других животных, после каждого приема пищи становится физически сильнее других представителей своего вида, так и шамбло увеличивает свою власть над сознанием и душой людей, жизненной силой которых она питается. Но я говорю о вещах, которые не могу описать — о вещах, в существовании которых я не уверен.

Я знаю лишь, что я, когда почувствовал, что эти плети обвились вокруг моих ног — что я вовсе не хотел вырываться от них, у меня было такое чувство, что... что... я испорчен до глубины моего существа этим вожделением — и все же...

— Я знаю,— сказал, медленно выговаривая слова, Смит. Действие сегира уменьшилось, слабость вновь захлестывала его волнами, и он, скорее, размышлял вслух, говоря тихо и словно бы не замечая, что Джерол слушает его.— Я знаю это — много лучше, чем ты. И это существо источает что-то такое неописуемо ужасное, что совершенно несовместимо со всем, присущим человеку — нет слов, чтобы выразить это. Какое-то время я был частью этого существа в полном смысле слова, я разделял его мысли и воспоминания, его чувства и желания и... теперь все кончено, и я не очень

хорошо помню, но единственная часть, которая оставалась свободной, чуть не обезумела от мерзостей этого существа. И все же, это было такое глубокое наслаждение! Я думаю, во мне есть частица, зерно, которому свойственно только зло — как в каждом человеке — и которому нужен лишь правильный стимул, чтобы захватить господство; поскольку в то время, как я чувствовал отвращение от прикосновения этих щупальцев... во мне было что-то... буквально, трепетавшее от восторга...

Поэтому я увидел... я узнал страшные вещи, о которых я не могу теперь вспомнить. Я посещал невероятные места, смотрел через память этого существа, с которым я был одним целым, и увидел... боже, я хотел бы, я мог бы вспомнить!

— Благодари своего бога, что ты не можешь этого сделать,— сказал Джерол.

Его голос вывел Смита из легкого забытья, в которое он впал, и он оперся на локоть, шатаясь от слабости. Комната плыла у него перед глазами, и он закрыл их, чтобы не видеть этого, и спросил: — Ты говоришь, что они... они не появятся опять? И нет возможности найти другое..?

Джерол некоторое время молчал. Он положил руки на плечи Смита и отодвинул его назад. И так, сидя, смотрел на черное, опустошенное лицо, на котором сейчас было новое, чужое, неописуемое выражение, которое он никогда не видел раньше, но хорошо знал, что оно означает, слишком хорошо.

— Смит,— наконец сказал он, и его глаза были на этот раз спокойными и серьезными, а маленький ухмыляющийся чертик, прыгавший в них, исчез.— Смит, я еще никогда не требовал, чтобы ты дал мне слово, но я... я завоевал право на это, и я прошу, чтобы ты мне кое-что обещал.

Бесцветные глаза Смита неуверенно смотрели в черные глаза Джерола. В них были неуверенность и страх перед неизвестным обещанием. Какое-то мгновение Джерол смотрел не в знакомые глаза друга, а в бездонную серую пустоту, и увидел там весь ужас и весь восторг — блеклое море, в котором утонули невыразимые желания. Затем взгляд Смита снова сконцентрировался, и глаза уже смотрели в лицо Джерола, а голос произнес:

— Давай, я обещаю.

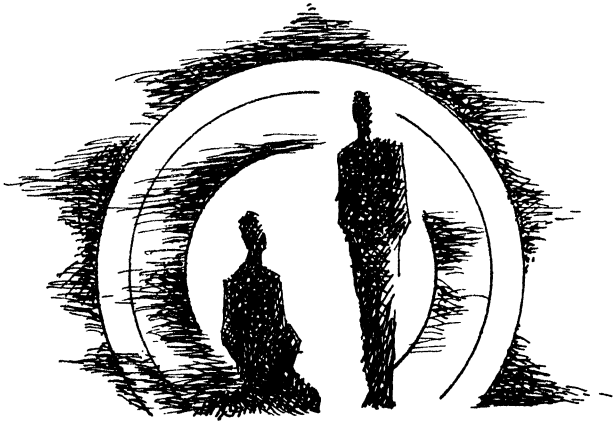
— Если ты когда-либо опять встретишь шамбло — когда-либо, где-либо — то вытащишь свое оружие и превратишь чудовище в пепел, как только поймешь, что это оно. Ты обещаешь мне?

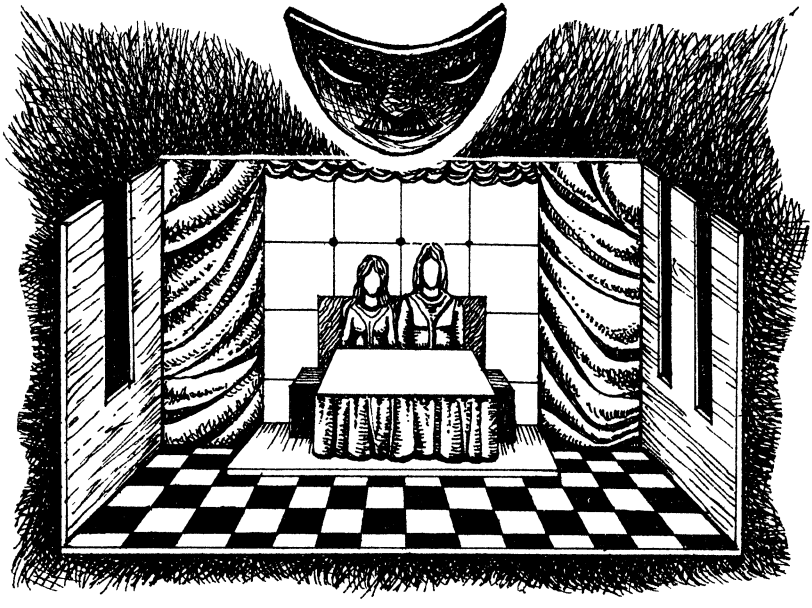
Долгое молчание. Мрачные, черные глаза Джерола не мигая, безжалостно сверлили бесцветные глаза Смита. И на смуглом лбу Смита выступили вены. Он никогда не нарушал своего слова — он давал его, наверное, раз двенадцать в своей жизни, но если давал, то был уже не в состоянии его нарушить.

И снова полился мрачный поток воспоминаний, слаще и ужаснее любого сна. Джерол снова заглянул в пустоту, которая скрывала невыразимое. В комнате было очень тихо.

Серый поток отхлынул. Глаза Смита, серые и пронзительные, как сталь, осмысленно глядели на Джерола.

— Я попробую,— сказал он. И его голос при этом дрогнул.





Э. Нортон

СОН КУЗНЕЦА

Кузнецы песен перековывают и старые и новые легенды в восхитительные баллады. Никто не знает, есть ли в них правда, однако в самом невероятном рассказе лежит зерно истины. Точно так было и с легендой про сон кузнеца, но доказать это нашему современнику так же трудно, как вычертить ковшиком Фэс Ферн.

В Гейле жил кузнец Брезен, познавший все великие и малые тайны своего мастерства. Ему приходилось работать и с бронзой, и с железом и даже с драгоценными металлами — их он обрабатывал особенными редкими инструментами, таких было немного.

У Брезена было два сына — Эрнан и Колард, красивые парни. Не только в Гейле, но и гораздо дальше — в Саймс и Болдре — его считали счастливейшим человеком.

Наковав крюков, мечей, а иногда и украшений из серебра, он дважды в год отвозил их по реке в Туфорд.

Это было еще до вторжения. Если не считать редких набегов разбойников, лесных бродяг и прочих в этом роде, то Хай-Халлак жил мирно. Но нужда в оружии в Верхних Долинах все же была.

Лордом Этендейла был тогда Висис, жители его почти не видели, потому что жил он в унаследованном от матери поместье в прибрежных землях, где и женился во второй раз. Так что в башне бывали одна-две прачки и немногие старики, да и те от одного зимнего праздника до другого.

Через два года в самом Гейле, после празднования второй годовщины брака лорда Висиса, о чем жители Долин были извещены посланием, случилось кое-что важное.

Торговец, пришедший с холмов, привез на одном из пони слитки некоего металла. Брезен не знал, что это за металл, но его поразило исходившее от него сияние, хотя слитки не были даже толком обработаны. Испытав огнем и молотом кусочек этого металла, кузнец пришел в восторг и купил весь груз. На вопрос об источнике металла продавец отвечал уклончиво, и Брезен решил, что тот желает сохранить секрет, надеясь на будущие сделки. Но торговцу пришлось оставить два мешка с металлическим ломом и рудой в одном из ларей Брезена — захромал пони. И сделал он это, как показалось кузнецу, с явной неохотой.

Работать с небывалым металлом Брезен начал не сразу, долго изучал его, обдумывал, куда его лучше применить и, в конце концов, решил для начала отковать мечи. Тем более, прошел слух, что лорд Висис посетит свои западные владения, и если поднести ему хороший образец кузнечной работы, то можно будет рассчитывать на его покровительство.

Брезен поручил плавку Коларду; юноша с этим прекрасно справлялся. Предполагая, что торговец со своим грузом приедет еще раз, Брезен решил приучить к работе с этим металлом обоих своих сыновей.

Но в кузнечном ремесле всякое случается. И когда плавка взорвалась, едва не разворотив кузницу, все присутствующие и сам Брезен поняли, что дело тут не в оплошности или небрежности Коларда — они знали его аккуратность и старательность.

Пострадавших было много, но больше всех досталось самому Коларду. Смерть для него была бы лучшим исходом, ведь после долгих месяцев лечения он уже не был человеком.

Искалеченное тело взяла к себе Дервина, Мудрая Женщина и целительница. То, что выползало из ее дома, уже не было Коллардом, стройным мальчиком, каким мог бы гордиться любой отец. Нечто похожее можно было увидеть в развалинах Древних, на резьбе, сильно испорченной временем и погодой. Скрюченное тело столетнего старца, а лицо — страшная маска, такое можно увидеть в лесу, где нечистая...

Дервина изо всех сил старалась скрыть его от людских глаз, но ее старания были напрасны: когда Колард ковылял по улице, все и так старались отвести глаза.

Чтобы скрыть изуродованное лицо, он постоянно носил сделанную Дервиной маску из мягкой коры, но даже в ней старался избегать людей.

В дом отца он так и не вернулся, поселился в хижине на дальнем краю села. Погубивший его несчастный случай не затронул ни разума, ни умелых рук, и он перестроил хижину в достаточно удобное жилище, скрывшее его от прежних товарищей.

Работал он в кузнице по ночам, но постоянный стук молотков беспокоил жителей Гейла, напоминал о том, кто работал этими молотками, и Брезен запретил сыну работать ночью.

Колард перестал ходить в кузницу, на следующее лето не пришел на свадьбу брата, который женился на Камали из Мизла, и о нем постепенно забыли.

Появился Колард только на третий год, и то лишь потому, что приехал торговец, но не тот, прежний, а другой. Пока тот торговался с Брезеном, Колард стоял в тени, а когда торг закончился, выступил вперед.

Ничего не говоря, он кивнул в сторону стола, на котором расставил целую серию небольших причудливых фигурок людей и животных. Они были выполнены с таким совершенством, словно обреченный Колард вложил в них свою мечту быть таким же.

Фигурки были сработаны из дерева и металла. При виде такого искусства Брезен остолбенел, но тут заметил знакомый блеск — это был тот самый проклятый металл, от которого он отказался после взрыва.

Торговец сразу понял ценность этих фигурок и решил купить. Каркающим голосом Колард назначил цену.

Как только торговец ушел, Брезен повернулся к сыну, он даже забыл о пустой маске, которой только глаза придавали сходство с живым человеком.

— Как же ты их сделал, Колард? Даже в лавках заморских купцов в Туфорде я никогда не видел такой работы! Раньше... раньше ты такого никогда не делал...— путаясь в словах, он глядел на маску, словно разговаривал не с сыном, а с кем-то чужим, вроде тех, танцующих вокруг камней, к которым осторожный человек и близко не подойдет.

— Не знаю,— ответил скрипучий голос.— Пришло в голову — и сделал,— Колард собрался уходить.

— Твоя выручка...— остановил его отец.

На столе лежали заморские монеты, годные в переплавку или для обмена, малиновая ткань и два ножа с рукоятками из резного рога.

— Сохрани это,— пожал плечами Колард, но тут же, потеряв равновесие, ухватился за край стола.— Для чего мне богатство? У меня нет невесты, чтобы покупать ей свадебные подарки.

— А если тебе не нужно все это, зачем же...— спросил стоявший поблизости Эрнан; его задело, что младший брат сделал такие прекрасные вещи, хотя раньше ничем особенным не выделялся.

— Не знаю,— Колард повернулся к брату.— Вероятно, для того, чтобы узнать, какую ценность они имеют для умного дельца. Кстати, отец, ты напомнил мне о моем долге,— он взял кусок тонкой ткани и маленькую золотую монету с ушком для цепочки.— Мудрая Женщина сделала для меня все, что могла,— он немного помолчал.— А остальное пусть будет моей долей в семейном хозяйстве.

В сумерках он принес свой подарок Дервине и положил на стол в ее небольшой комнатке, где пахло сухими травами и настоями. Когда он вошел, ручные животные разбежались.

Дервина достала из висячего шкафчика маску и протянула Колларду.

— Вот, я приготовила тебе... Она гораздо мягче той... Из хорошо выделанной кожи...— сказала она.— Я давно искала что-нибудь подходящее. У тебя была работа.

Колард сунул руки во внутренний карман куртки и достал последнюю из фигурок, принесенную Дервине. Это была статуэтка крылатой женщины с широко раскинутыми, поднятыми вверх руками. Если бы торговец, с жадностью скупивший остальные фигурки, увидел эту статуэтку, он купил бы ее за любые деньги.

— Ты видел ее? — Дервина протянула к статуэтке руку, но не коснулась.

— Как и всех остальных, во сне,— проскрежетал Колард,— а когда проснулся, решил изваять образ мечты. Мудрая Женщина, если ты и в самом деле мой друг, сделай так, чтобы я уснул и больше не проснулся.

— Ты же прекрасно знаешь, что я не могу этого сделать, тогда моя слава целительницы пойдет прахом. А ты не догадываешься, почему тебе привиделся такой сон? Какие места снились тебе? — в ее голосе ощущалось нечто большее, чем простое любопытство.

— Мест, которых я видел, нет в Долинах, по крайней мере, в нынешних. А может человек видеть во сне далекое прошлое?

— Собственное прошлое человек видит часто, но если ему дан талант, то он может увидеть и более далекое прошлое.

— Талант! — Колард произнес это слово, как клятву.— Какой т а л а н т?

— Колард,— Дервина перевела взгляд с него на статуэтку,— а раньше ты мог делать такие вещи?

— Ты меня не понимаешь. У меня есть только руки, и я отдал

бы все за прямую спину и за лицо, от которого бы не шарахались женщины.

— Ты никогда не позволял говорить о твоем будущем...

— И не позволю! — вскипел он.— Да и кто позволил бы, будь он на моем месте? А почему такой сон приснился именно мне, и как я воплотил мою мечту в эти фигурки... Видишь ли, мне кажется, тут дело в необычном металле, который я переплавлял в кузнице. В нем, вероятно, заключено какое-то страшное колдовство. А спросить было некого, ведь тот торговец больше не приходил сюда.

— Я уверена, что этот металл из какой-нибудь цитадели Древних,— сказала Дервина.— Хотя они бились не копьями и не мечами, а чем-то более сильным, ковать их они умели. Возможно, торговец случайно наткнулся на остатки этого оружия.

— И что же? — спросил Колард.

— Человек пользуется такими вещами для удовольствия, делает их своими руками, носит с собой, вкладывает в них... ну, что-то вроде жизни. Это влияние может сохраняться много лет, но если неосторожный человек выпустит этот остаток эмоций, то они войдут в него и откроют...

— Понятно,— Колард провел пальцами по чистой крышке стола.— Память других людей вошла в меня, пока я лежал больной и был открыт для нее.

— Вот именно! — закивала Дервина.— Вероятно, во сне ты видел Долины, какими они были до прихода вашего народа.

— А что хорошего в этом для меня?

— Не знаю. Но пользуйся, Колард, пользуйся этим! Неиспользованный дар вянет, и мир становится беднее.

— Мир? Что ж, так я смогу зарабатывать свой хлеб, и никто не потревожит меня. Очевидно, мне предназначено всю жизнь идти по темной дороге, никогда не сворачивая в гостеприимную дверь...

Дервина молча схватила его руку и повернула ладонь к свету прежде, чем он сумел ее отдернуть. С силой кузнеца она намертво зажала ее, наклонилась и принялась рассматривать линии на ладони.

— Не надо прорицаний! — захрипел он так, что сова встрепенулась и опустила здоровое крыло.

— А разве я что-нибудь говорю? — выпуская его руку, сказала Дервина.— Как хочешь, Колард. Я ничего не сказала.

Он в смущении отвел руку и, словно стирая отметки Дервины, потер ее пальцами другой руки.

— Мне пора,— сказал он и взял маску, чтобы примерить ее в своей хижине, подальше от чужих глаз.

— Иди с миром,— сказала Дервина, так говорили в ее народе.

От этого пожелания ему полегчало.

Шло время. Хижину Коларда все обходили стороной, к себе он никого не приглашал, даже отца. Второй торговец не появлялся, зато приехали новые из большого мира за Долинами, мира, который люди Гейла считали легендарным.

В башне начали приводить в порядок комнаты. В Гейле и на дальних фермах пошли разговоры, что Лорд Висис, женившийся второй раз, решил послать свою дочь от первого брака, леди Джесинду, в деревню — в городе она постоянно болела.

Колард направлялся к колодцу, когда услышал резкий голос своей невестки:

— Болела! Это не новость! Когда меня позвала к себе в комнаты Дама Матильда, чтобы посоветоваться, какой травы надо посушить, чтобы класть под ее ковер, она была со мной достаточно откровенна. Она сказала, что дочери Лорда никогда не станет лучше, потому что молодая леди — заморыш, она больше напоминает ребенка, а не девицу на выданье. Впрочем, если Лорд даст за ней большое приданое, то может кто и пожелает ее в постель,— Камали засмеялась.— Как сказала Дама Матильда, леди Джесинду отправляют подальше с глаз леди Гвеннел, которая оказалась чересчур чувствительна. Она якобы заявила лорду, что не сможет родить ему здорового и крепкого сына, пока перед ней маячит это сутулое хилое создание.

Впервые ощутив жгучее любопытство, Колард бесшумно поставил ведро и подошел поближе к окну. Но больше ничего не услышал, потому что отец потребовал подогретого эля, и Камали, прервав рассказ, бросилась к очагу.

Вернувшись к себе в хижину, Колард сел к камину, снял маску и, вертя ее в руках, начал вспоминать все, что удалось подслушать.

Значит, леди Джесинду убрали. Да, согласно старому поверью беременная не должна видеть ничего уродливого, ничего, что может отразиться на ребенке во чреве, и лорд Висис, конечно же, постарался для своего будущего сына, не спросив мнения своей дочери. А леди Джесинда, раз она не такая, как все, наверное, рада спрятаться от людских взоров.

Только вот понравится ли ей в Гейле? Не будет ли ей еще тяжелее, чем Коларду? Он впервые забыл о себе и подумал о другом человеке.

Он встал, зажег лампу и осветил фигурки, что стояли на полке. Пока он критически рассматривал их, что-то зашевелилось в его мозгу. Размышляя, он перебирал статуэтки и наконец выбрал одну, которая, вроде бы, отвечала его требованиям. Он сел за стол и разложил инструменты. Фигурка изображала животное, похожее на лошадь, вздыбившуюся в радостном свободном прыжке, только между изящными ушами торчал рог.

Колард положил статуэтку на бок, принялся за работу и закончил ее только с петухами. Танцующий единорог превратился в печатку, в основании которой была выгравирована буква «Джей» с обвивающей ее виноградной лозой.

Колард с облегчением вздохнул и отодвинулся от стола. Он сделал то, что хотел. Только зачем? Ему вдруг захотелось бросить статуэтку в тигель, но он подавил безумный порыв.

Он не пошел встречать лорда Висиса с дочерью, хотя все жители Гейла были в сборе.

Потом до него дошли рассказы о том, что леди Джесинда прибыла в носилках и была так укутана в покрывала, что виднелось только лицо, узкое и бледное.

— Такие не живут долго,— заявила Камали.— Дама Матильда, как я слышала, уже послала за Мудрой Женщиной. У молодой леди только одна нянька, да и та больная. Ох и весело будет в башне Гейла! — в голосе Камали звучало сожаление, но не о судьбе девушки, а об оживлении в башне, которое могло бы внести хоть какое-то разнообразие в жизнь обитателей Гейла.

Потрогав маску на лице, Колард подумал, что пора ее заменить, она износилась, значит, надо будет навестить Дервину... Значит, он услышит что-то о леди, узнает, каким образом она оказалась такой. С наступлением темноты он отправился к Мудрой Женщине, не забыв прихватить с собой печатку.

У Дервины в окне горел свет. После условного стука он вошел и очень удивился, увидев, что она сидит у камина в плаще, только капюшон был откинут на плечи.

— Что случилось? — спросил он, взяв ее за руку.

— Боже мой, Колард! Как это ужасно... Бедная малышка!

— Леди Джесинда?

— Да. Хотя я причиняла боль ее бедному телу, она очень ласково говорила со мной. А ее няня ничем ей помочь не в силах, потому что очень стара. Дорога была слишком тяжела для леди, но она не жаловалась и даже не протестовала против своего изгнания. Так, по крайней мере, мне сообщила няня. Я дала девушке успокоительное питье, она уснула. И все же, это было очень жестоко — привезти ее сюда.

Присев на корточки, Колард слушал и внутренне радовался, что девушка получила такую поддержку — Дервину.

Через некоторое время Дервина успокоилась и выпила приготовленный Колардом чай из трав. Она ни о чем его не спрашивала, но он ощущал, что ему здесь рады. Ни слова не говоря, он достал печатку из кармана и положил ее под лампу.

Изделие было выполнено из неизвестного металла, погубившего Колларда, и тем не менее юношу постоянно тянуло к нему. Он чувствовал, что фигурки, сделанные из него, гораздо лучше и больше

похожи на тех, что он видел во сне. Печатка засверкала в свете лампы.

Взглянув на вещь, Дервина глубоко вздохнула, перевернула ее и, увидев гравировку, кивнула головой.

— Ты хорошо сделал, Колард. Я отдам ей...

— Не надо! — он хотел забрать печатку назад, но руки его не послушались.

— Надо,— ответила Дервина твердо.— А если она попросит, ты принесешь остальные и тем самым поможешь ей хоть на мгновение забыть о своей участи. Ты совершишь великое дело, Колард. А теперь принеси мне несколько штук наугад, тех, которые могли бы ей понравиться и вызвать улыбку.

Осмотрев коллекцию, он ничего не выбрал «наугад» и сел за работу.

Он использовал только этот необычный металл, оказалось, что работать с ним очень легко, и дважды он приносил Дервине свои изделия.

А в третий раз Мудрая Женщина пришла сама, и это было так необычно и удивительно, что Колард растерялся.

— Леди Джесинда хочет видеть тебя, чтобы лично поблагодарить.

— Лично! — Колард закрыл лицо, точнее, маску, руками.

— Колард! — гневно сверкнула глазами Дервина.— Ты же никогда не был трусом. Неужели ты испугался несчастной девочки, пожелавшей сказать тебе слова благодарности? Она очень этого хочет, Колард. Желание это грузом повисло на ее сердце. Доставь бедняжке радость. Я рассказала ей о твоем несчастье, поэтому она просит тебя прийти к ночи через старые гостевые ворота. И я пойду с тобой... Колард, неужели ты откажешься?

Но Колард не смог отказаться, ему самому очень хотелось увидеть леди Джесинду. По обрывочным рассказам он не мог представить себе ее образ, а Дервину спрашивать стеснялся. И он согласился.

В назначенный срок он явился в будуар леди Джесинды в сопровождении Дервины. Он старался держаться прямо, насколько позволяло изломанное тело, а его лицо от глаз леди закрывала плотная маска.

Все, кто видел леди, обложенную подушками и укутанную меховыми плащами, говорили, что она очень маленькая. Теперь же, сидя в кресле с высокой спинкой, она казалась еще меньше. Ее длинные волосы цвета темного меда были заплетены в косы, перевязанные лентами, и лежали на сгорбленных плечах. Из всего остального виднелось только бледное узкое лицо и две белые руки, что лежали на доске, положенной на подлокотниках кресла. На этой же доске стояли все фигурки, полученные от Коларда.

Потом он так и не мог вспомнить, как они поздоровались. Было такое ощущение, словно два друга встретились после долгих несчастных лет. Леди спрашивала Колларда о его работе, а он рассказывал ей о своих снах. Внезапно она сказала ему такое, что навсегда запомнилось ему:

— Ты счастливый, Колард: у тебя волшебные руки, и ты можешь сделать свои сны явными, и я счастлива тем, что ты разделил их со мной. А теперь назови их всех.

И он, себе на удивление, стал давать имя каждой фигурке, а она согласно кивала головой.

— Совершенно правильно! Ты точно назвал их!

Потом, ковыляя домой рядом с Дервиной, он заново переживал все, что мог вспомнить и молчал, а наутро проснулся с огромным желанием работать.

Он работал неистово, чувствуя, что должен выполнить задачу и что времени у него очень мало. Теперь он делал не просто маленькую фигурку, а зал в миниатюре, такой мог быть только у очень знатного лорда. Для панелей он брал ароматное дерево, а на остальное использовал все тот же странный металл.

Спал Колард, когда выбивался из сил, а ел, когда голод начинал донимать его всерьез.

Всю обстановку холла он выполнял тщательно и вдумчиво. На возвышении он поставил два высоких кресла. Они пока пусты — и это было неправильно. Колард провел рукой по лицу без маски, и грубые рубцы впервые не взволновали его. Он чувствовал, что чего-то не хватает, но чего... От сильной усталости Колард был не в силах думать.

Свалившись на постель, Колард крепко уснул и никаких снов как будто не видел, но когда проснулся — точно знал, что́ нужно сделать. Ощущение срочности возникло в нем с такой силой, что ему было жалко тратить на еду даже минуту.

Работал он необыкновенно старательно, терял счет времени, и наконец те, кто должен был сидеть на высоких тронах, были готовы...

Женщина с лицом Джесинды, только стройная и прекрасная, способная ходить, бегать и ездить верхом.

Мужчина... Колард задумчиво повертел его, разглядывая. Это было не его лицо, нет, но он чувствовал, что так — правильно, так нужно.

Посадив обоих в высоком зале, он оглядел свою хижину совершенно другими глазами.

Прежде чем уйти, он умылся, достал свою лучшую одежду, правда, довольно жалкую, убрал со стола все инструменты, а потом, собрав все остальные статуэтки бросил их в тигель. Зал он завернул в кусок ткани и взял с собой.

Шел он медленно — вещь была тяжелой, но когда вышел на другой конец деревни, остановился как вкопанный. На улицах, освещенных факелами, царила суета, какая бывала только при очень важных событиях. И Башня была освещена факелами.

Коларда коснулись холодные пальцы страха, и он повернул к дому Дервины. Хотя ночной ветер был очень холодным, он весь взмок, пока стучал в дверь. Не получив ответа, Колард решился на невозможное: вошел без приглашения.

Комнату наполнял странный запах. На каждом углу стола горело по голубой свечке, а между ними лежали предметы, относящиеся, как догадался Колард, к Мудрому Искусству: развернутый свиток пергамента, прижатый камнями странного цвета, миска с жидкостью, мерцающей и вспыхивающей искрами, нож, положенные крест-накрест со странным жезлом.

Мудрая Женщина стояла у стола, и он испугался, что она рассердится, но Дервина кивком подозвала его, словно ожидала его прихода. Он подошел к ней с чувством чего-то неладного, хотя раньше отмахивался от ее тайн.

Не говоря ни слова, Дервина жестом приказала ему поставить свою ношу на стол, и Колард повиновался. Когда он развернул ткань, и в свете голубых свеч возник зал, у него захватило дух. Коларду показалось, что он издалека смотрит в настоящую, реальную комнату.

— А вот и ответ,— медленно произнесла Дервина, наклонилась и внимательно обследовала весь зал, словно желала удостовериться, что он подходит для каких-то ее целей. Выпрямившись, она посмотрела на Коларда.— Случилось многое. Разве ты не слышал?

— О чем? Я работал. Что-то с леди Джесиндой?

— Да. Лорд Висис умер от горячки. Леди Джесинда — его единственная наследница. Леди Гвеннел послала за ней, чтобы немедленно выдать ее замуж за своего брата Хэтберта. Только брак этот не настоящий. Она хочет сохранить богатство и земли. Против леди Джесинды замышляется недоброе: с теми, кому нужны ее богатства, девушка долго не протянет.

Слова Дервины били Коларда сильнее, чем любые удары по телу, он даже вцепился в край стола.

— Она... Она не должна ехать!

— Да? А кто удержит ее? Кто встанет на пути тех, что посланы за нею? Чтобы выиграть время, мы с нянькой уложили леди в постель под видом болезни и напугали приехавших предсказанием смерти в дороге. Это на них подействовало — они боятся, как бы она не умерла до свадьбы. А теперь пришло известие, что сюда едет сам лорд Хэтберт, чтобы обвенчаться с ней на ее смертном одре, если по другому не выйдет.

Колард хотел что-то сказать, но Дервина только отмахнулась.

— Этой ночью я призывала Силы, которые никогда не осмеливалась тревожить, ибо Мудрая Женщина может их вызывать всего лишь один или два раза в жизни. Они мне ответили... если ты захочешь помочь...

— Каким образом?

— Высоко в северных отрогах находится гробница Древних. Силу, живущую там, можно вызвать, но ее необходимо сфокусировать на работе, которая у тебя есть,— Дервина указала на зал.— Леди Джесинда, сидящая здесь такой, какой должна бы быть, сделана из металла, с каким когда-то работали Древние. Это именно то, что нужно, чтобы призвать Силу и Власть. Времени у нас очень мало, а сделать это можно только у гробницы.

Колард снова завернул свою работу. Он верил: Дервина знает, что говорит. И если она права... Но что он сможет сделать, если она ошиблась? Уничтожить тех, кто хочет увезти и насильно выдать замуж Джесинду? Это он-то, чудовище? Уж лучше поверить Дервине.

Того, что Древние все еще могут явить свою власть, если захотят, никто не мог отрицать. О таких случаях существует много рассказов.

Взяв сумку, Дервина положила в нее две новые свечи и сверток с травами.

— То, что ты принес, поставь на средний камень,— сказала она Коларду,— эти свечи поставь по бокам так же, как они стоят у меня. Как только свечи разгорятся, посыпь в огонь по щепотке травы и три раза вызови Таланна. Я же пойду в Башню. Я сделаю все возможное, чтобы отсрочить дурное дело, а ты торопись. Торопись!

— Да,— ответил Колард, уже идя к двери. Он не мог бежать, даже неуклюжее ковыляние не по дороге давалось ему с большим трудом, но в конце концов он все же добрался до отрогов. Дом Мудрой Женщины находился недалеко от гробницы Древних, и на это, конечно, были веские причины.

Через поля идти было не очень трудно, а вот подъем тяжело достался Коларду и потребовал напряжения всех его физических и душевных сил.

И вот он, наконец, ступил на тропу. Днем по ней идти было, по всей вероятности, очень легко, но в темноте — ужасно трудно. Неожиданно Колард заметил слабый свет, он шел от ноши, и юноша приоткрыл ткань, чтобы хоть немного осветить себе дорогу.

Колард несколько раз оскальзывался и падал, больно ударяясь — ношу он берег больше, чем свое тело. Он смертельно устал и только усилием воли заставлял себя дюйм за дюймом продвигаться вперед. Его силы поддерживало лишь бледное лицо леди Джесинды,

оно стояло перед его глазами во время всего этого кошмарного пути. И еще то, что он видел в ее глазах.

Таким образом он дошел до древней гробницы, вырубленной в скале искусными руками людей или существ, живших здесь давным-давно. Над ней тянулась сильно попорченная дождями и ветрами полоса резьбы, и Коларду показалось, что в этих остатках он видит животных из своих снов.

Одернув себя, Колард обратил внимание на камень, лежащий перед гробницей в форме полумесяца. Встав между его рогами, Колард снял ткань со своего зала и поставил его на алтарь. Потом трясущимися руками поставил свечи и зажег. Когда они разгорелись, он бросил на каждую, как велела Дервина, по горстке травы. Его рука так дрожала, что он был вынужден поддерживать ее другой рукой.

Закурился приятный дымок. Наклонившись над алтарем, Колард изо всех сил закричал, хотя вышло это у него не громче кваканья лягушки:

— Таланн! Таланн! Таланн!

Колард и сам не знал, на что надеялся. Мощь Древних была так ужасна, что могла сжечь его на месте, но ничего не произошло. Он упал на землю скорее от мрачного отчаяния, чем от усталости. Древняя Сила... А может, она уже сошла на нет, исчезла?

И вдруг... то ли у него в мозгу, то ли эхом от скал прозвучал глубокий голос:

— Чего ты хочешь?

Ошеломленный и испуганный Колард не мог и слова сказать, а только произнес бессловесную мольбу за леди Джесинду.

Скорчившись на холодной земле, он в изумлении смотрел на зал, сияющий огнями, словно внутри горели сотни или тысячи светильников. Ему казалось, что он слышит голоса, звуки лютни... Из зала шло тепло, ароматы, жизнь, настоящая жизнь!

Жизнь для Джесинды! Жизнь, достойная ее! И Колард твердо знал: то, что должно быть — будет, только в другом времени и месте.

Тепло... свет... вокруг него. Он не корчится на холоде, а сидит и смотрит вниз, на зал... Нет! Неправда! Это снова сон!

Колард прогнал сомнения. Это его сон! Он мог потребовать, чтобы этот его сон продолжался вечно. Его сон... и ее! Он повернул голову. С приветливой улыбкой на него смотрела Джесинда. Как сияют ее глаза! Он протянул руку, и навстречу протянулась ее рука.

— Милорд...

Он встревожился на мгновение.

— Мы спим...

— Ну и что же? Сон наш, мы видим его вместе, значит, сделать его реальным — полное наше право!

Колард еще не все понимал, а Джесинда отвечала как-то неопределенно; он только начинал забывать прошлое, а она уже совсем забыла.

На алтаре начал плавиться металл. Ручейки стекали на землю, она впитывала их и скрывала навеки.

Тем временем в Башне Дервина и нянька потушили свечи, задернули занавески балдахина и разошлись, удовлетворенно кивнув друг другу.

А в зале работы Коларда продолжался праздник, длился нескончаемый сон.

С. Корнблат

АВАНТЮРИСТЫ

Президент Фолсом XXIV раздраженно говорил министру финансов:

— Дьявол меня возьми, Банистер, если я что-то понимаю. Почему я не могу купить коллекцию Николадиса? И не говорите мне об учете процентных ставок и покупательской Серии W.

Министр финансов почувствовал, как у него перехватывает горло, и ответил:

— Все сводится к одному — нет денег, мистер Президент.

Президент, слишком увлеченный мыслями об удивительной коллекции, вошел в раж:

— Да это же дешево,— резко сказал он.— Старинная фигурка Генри Мура — правда, она слишком большая, чтоб ее трогать, но, слава Богу, я не сноб — пятнадцать ранних Моррисонов и, не могу припомнить, что там еще.

Он с надеждой взглянул на министра общественного мнения:

— Мог бы я конфисковать их для общественного блага или еще для чего-нибудь?

Министр общественного мнения покачал головой. Его позиция была профессионально логичной.

— Никаких шансов, мистер Президент. Мы никогда не преуспеем в этом. Любители искусства возопят до небес.

— Предположим, я... А почему нет денег? — он вновь с упреком посмотрел на министра финансов.

— Сэр, покупки по обязательствам новой серии W были ограничены, поскольку потенциальные покупатели были привлечены возможностью...

— Подождите, подождите! Вы же знаете, я ничего не понимаю в этом. Куда идут деньги?

Директор бюджета осторожно произнес:

— Мистер Президент, в закончившееся двухлетие министерство обороны получило 78% ассигнований...

Министр обороны прорычал:

— Минуточку, Фелдер! Мы же голосовали...

Президент в ярости перебил:

— А-а, ты мошенник! Мой отец знал, что с вами делать. Но не думаю, что я не справлюсь с этим.

Президент резко нажал на кнопку; его глупая физиономия была искажена гневом, и на лицах сидящих вокруг стола отразилось напряжение.

Панели быстро опустились вниз, открывая вооруженных агентов секретной службы. На каждого члена кабинета было наведено как минимум два автомата.

— Взять этого... этого предателя! — крикнул Президент. Его палец указал на министра обороны, который, всхлипывая, упал на стол. Два агента секретной службы прямо-таки выволокли его из кабинета.

Президент Фолсом XXIV откинулся назад и, выпятив нижнюю губу, приказал министру финансов:

— Достаньте мне деньги для коллекции Николадиса. Ясно? Меня не интересует, как вы это сделаете. Достаньте мне их, и все.

Он бросил взгляд на министра общественного мнения:

— Вы хотите что-то сказать?

— Нет, ничего, мистер Президент.

— Это хорошо.— Президент расслабился и жалобно произнес:

— Не понимаю, почему бы вам не быть благоразумнее. Я очень благоразумный человек. И я не пойму, почему я не могу слегка развлечься под свою ответственность. Действительно, не пойму. Я очень чувствителен, я не переношу таких сцен. Все, заседание кабинета закрыто.

Они встали и, молча, по старшинству вышли. Президент заметил, что панели были все еще опущены, он нажал на кнопку, панели поднялись и спрятали агентов секретной службы с застывшими лицами. Он вытащил из кармана фигурку и стал вертеть ее в руке. Он удовлетворенно улыбался, по лицу расплылось блаженство. Какой забавный контраст! Какие неожиданные вариации!

Кабинет, за исключением министра обороны, собрался на заседание в спортзале Белого Дома, который не прослушивался аппаратурой.

— Господи,— сказал бледный госсекретарь.— Бедняга Вилли.

Резкий в силу профессиональной принадлежности министр общественного мнения выпалил:

— Мы должны прикончить этого ублюдка. Меня не волнует, что будет потом.

— Мы все знаем, что будет потом,— сухо сказал директор бюджета.— Президентом станет Фолсом XXV. Нет, нам придется и дальше сдерживать утечки финансов: не существует человека, который бы смог опрокинуть Республику...

— А как насчет войны? — решительно спросил министр торговли.— У нас нет доказательств, что наша программа сработает. Так как же насчет войны?

— Сейчас у нас равновесие, мой дорогой,— утомленно ответил госсекретарь.— Вопрос Ио-Каллисто доказал это. Республика и Советы падут, если попытаются сделать все на скорую руку, когда у них дело дойдет до настоящих ударов обеих сторон. Фолсом XXIV и его превосходительство Премьер Ершинский прекрасно знают это.

Министр финансов спросил:

— Что вы думаете о Стейнере, не пригласить ли его в министерство обороны?

Директор бюджета изумился:

— Да разве он согласится?

Министр финансов прочистил горло:

— Вообще-то, я пригласил его заглянуть сюда прямо сейчас,— и он швырнул мяч в корзину.

— Уфф! — выдохнул директор.— Ну, вы — старый мошенник. Стейнер подошел бы как нельзя лучше. Он наладил работу Бюро Стандартов, как часы.

Директор обманным жестом швырнул мяч в министра сырья, который мягко поймал его и отбросил.

— Вот и он,— произнес министр сырья.— Стейнер! Идите сюда и растрясите жирок!

Стейнер, приземистый мужчина уже за пятьдесят, легким шагом подошел к ним и сказал:

— Не возражаю. Где Вилли?

— Президент уличил его в предательстве. Возможно, сейчас его уже казнят,— разъяснил госсекретарь.

Стейнер помрачнел и был совершенно удручен, когда министр финансов сказал с каменным выражением лица:

— Мы хотим рекомендовать тебя в Министерство обороны.

— Мне хорошо и в Бюро Стандартов,— отрезал Стейнер.— Безопаснее. Папаша босса имел интерес к науке, но этот нас не трогает. Там спокойно. Почему бы вам не пригласить Винча из Национальной комиссии по искусству? Для него это будет не намного хуже, верно?

— Мозгов нет,— быстро отреагировал министр сырья.— Выше голову!

Стейнер поймал мяч и откинул его.

— Что же хорошего в мозгах? — спокойно спросил он.

— Ближе, джентльмены,— сказал госсекретарь.— Эти броски трудноваты для моих рук.

Ряды сомкнулись, и Кабинет объяснил Стейнеру, зачем нужны умные головы. Совещание закончилось, Стейнер принял предложение.

Луна принадлежит Республике. Марс — Советам. Титан — Республике. Ганимед — полностью Советский. Но Ио и Каллисто по Гринвичскому Договору наполовину принадлежат Республике, наполовину — Советам.

По главной улице главного поселения на Ио проходит невидимая линия. По одну сторону линии поселение известно как Нью-Питсбург. Другая сторона называется Нижний Магнитогорск.

Как-то раз у восьмилетнего мальчика в горняцком доме в Питсбурге кровоточила рана на голове. Его глаза распухли и были закрыты.

Его отец, еле державшийся на ногах, споткнулся о бутылку. Он тупо уставился на нее, поднял и поставил ее прямо, но слишком поздно, чтоб сохранить хоть каплю алкоголя, затем он не отрываясь уставился на мальчика.

— Видишь, что я из-за тебя сделал, ты, маленький гаденыш? — прорычал он и так сильно ударил его кулаком по окровавленной голове, что ребенок отлетел к стене лачуги. Мальчик медленно и молча поднялся — казалось, что с его левой рукой что-то не в порядке — и зарычал на отца.

Он не произнес ни слова.

— Опять взбесился,— сказал отец свирепым голосом. Его глаза опустились под странным пристальным и жгучим взглядом мальчика.— Чертов дурак...

Из кухни вышла худая, высокая женщина. Спокойным тоном она сказала мужу:

— Уходи.

Икнув, он произнес:

— Твое отродье разлило мою бутылку. Дай доллар.

Она ответила тем же ровным голосом:

— Мне надо покупать продукты.

— Я сказал, дай доллар! — он ударил ее по лицу — никакой реакции, тогда он рванул маленькую сумочку на ремешке, которая висела у нее на шее. И тут мальчишка превратился в демона. Он набросился на отца с кулаками, стал кусаться. Это длилось секунду или две. Отец отшвырнул его в угол, где он остался лежать все еще гневный, молчаливый, с сухими глазами. Мать не двигалась, след от пощечины мужа все еще горел на ее лице, когда тот проковылял прочь, сжимая сумочку с деньгами.

Миссис Грейсон присела в углу рядом с восьмилетним мальчиком.

— Маленький Томми,— сказала она мягко,— мой маленький Томми! Ты опять переходил границу?

Он истерично зарыдал в ладони, пока она ласкала его. Наконец он смог сказать:

— Я не переходил границу, мамочка, на этот раз. Это было в школе. Они говорят, по-настоящему наше имя Красинские. Покарай их, господь! — пронзительно закричал мальчик.— Говорят, его дед был Красинским, он перешел границу и сменил имя на Грейсон! Будь он проклят! Сотворить такое с нами!

— Ну, родной,— сказала мать и погладила его.— Ну, родной,— его дрожь стала проходить. Она произнесла:

— Давай уберем осколки, Томми. Ты не должен отставать в школе. Ты обещаешь мне это, верно, дорогой?

— Да, мамочка,— сказал он, протянул к ней свои тонкие руки и поцеловал ее.— Уберем осколки. Мы еще покажем ему. Я имею в виду — им.

Президент Фолсом XXIV лежал на смертном одре, не ощущая боли, в основном потому, что его личный врач одурманил его морфием. Доктор Барнс сидел у кровати, держа за запястье Президента, и ждал, временами задремывая, потом просыпался и воинственным взглядом осматривал комнату. Четыре агента секретной службы не обращали внимания на то, спит президент или нет, они горячо обсуждали характер и привычки первенца Президента, который вскоре должен был занять высший пост в Республике.

— Говорят, подстрекатель,— обеспокоенно сказал репортер Ассошиэйтед Пресс.

— Подстрекатель, точно,— сказал другой из Юнайтед Пресс.— Он может произносить пламенные революционные речи, какие захочет, как будто бы он не любитель ортодоксальных учений. Я уже не молод, а Вы, конечно, не помните старого Президента.

Фолсома XXII. Хотя он, бывало, занимался ходьбой по пересеченной местности, но прямо-таки молился на старину ФДР.

Понизив голос, репортер Ай-Эн-Си произнес:

— Тогда он молился не на того Рузвельта. Атлетом был Тедди.

Доктор Барнс огляделся, выпустил президентскую руку и мгновение подержал зеркало у рта Президента:

— Джентльмены,— сказал он.— Президент скончался.

— О'кей,— ответил репортер Ассошиэйтед Пресс,— пошли, ребята. Я отправлю молнию. Ты, ЮПИ, освети работу выборщиков. Триб, собери несколько интервью и материал...

Вдруг дверь резко открылась, за ней стоял полковник от инфантерии, тяжело дышавший, с автоматом на груди.

— Он мертв? — спросил полковник.

— Да,— ответил представитель Эй-Пи.— Дайте пройти.

— Никто не выйдет из комнаты,— грубо сказал полковник.— Я представляю генерала Слокума, действующего Президента Республики. Коллегия выборщиков сейчас...

В спину полковника ударила автоматная очередь, он повернулся и упал с хриплым криком. Еще несколько автоматных очередей раздалось в Белом Доме. В дверь просунулась голова агента Секретной службы:

— Президент умер? Вы, ребята, оставайтесь здесь. Мы очистим все за час...

Он исчез.

Доктор бессвязно выразил свою тревогу, репортеры же держались с профессиональным спокойствием. Репортер из Ассошиэйтед Пресс спросил:

— А кто такой этот Слокум? Командующий обороной?

— Я помню его,— ответил парень из Ай-Эн-Си.— Три звезды. Он возглавлял Тактические воздушные силы в Канзасе четыре или пять лет назад. Кажется, тогда он и вышел в отставку.

Фосфорная граната влетела в окно и взорвалась шарообразным желтым пламенем размером с баскетбольный мяч, от него шли густые клубы фосфорной окиси. Потом задействовала разбрызгивающая система, пропитывая фосфором комнату.

— Бежим! — заорал человек из Ассошиэйтед Пресс, и они стали выбираться из комнаты, с грохотом хлопая дверями. Пальто доктора было прожжено в двух или трех местах. Репортеры сорвали с него пальто и швырнули обратно в комнату, в коридоре доктора вырвало.

Репортер ЮПИ, страшно ругаясь, убирал с тыльной стороны руки шипящий кусочек фосфора. И, закончив работу, обливаясь потом, упал. Корреспондент Ай-Эн-Си дал ему фляжку, и тот выпил полпинты ликера.

— Кто же сможет разбить эту стену? — слабо спросил он.

— Никто,— мрачно ответил репортер Ассошиэйтед Пресс.—

К черту! Ничего из этого не выйдет. И претенденту Гафту не посчастливилось в ...03 году, и мятеж в Пентагоне не удался в ...67.

— В шестьдесят восьмом,— тихо поправил ЮПИ.— Это было в шестьдесят восьмом, а не в шестьдесят седьмом.

Корреспондент Ассошиэйтед Пресс ударил кулаком по ладони и выругался.

— Господи,— сказал он.— Когда-нибудь я бы хотел...

Он резко оборвал себя.

Журналист Юнайтед Пресс, выбитый из колеи шоком и алкоголем, продолжал лепетать:

— Я тоже. Люблю рассказывать истории. Может быть, это действительно был шестьдесят седьмой, а не шестьдесят восьмой. Я уже не уверен. Не успеваешь все вовремя записать, детали забываются, а потом кажется, что этого вовсе и не было. Революция — это было бы прекрасно. Но чтобы совершить революцию, нужны люди. Люди, умеющие видеть и слышать. И обладающие памятью. Мы же производим на свет слепых и глухих.

Внезапно репортер начал тяжело опускаться по стене коридора, бережно поддерживая обожженную руку. Остальные испуганно за ним наблюдали.

В этот момент корреспондент Ассошиэйтед Пресс увидел шагающего по коридору в сопровождении агентов Секретной службы министра обороны.

— Мистер Стейнер! — окликнул он.— Каково положение?

Стейнер остановился и сказал, тяжело дыша:

— Слокум забаррикадировался в Овальном кабинете. Не хотелось бы вламываться туда. Похоже, что он единственный левый. Их всего человек пятьдесят или около того. Действующий Президент взял на себя командование у Овального кабинета. Хотите посмотреть?

Конечно, они хотели. Все немедленно отправились туда и даже потащили за собой репортера ЮПИ.

У действующего Президента, который должен был стать Президентом Фолсомом XXV, как только соберется Коллегия выборщиков, были отцовские черты — недовольные губы и слабоочерченный подбородок на еще молоденьком лице. У него был автомат, и он был готов палить, не целясь. Здесь же находилось большинство членов Кабинета. Когда вошел министр обороны, Фолсом повернулся к нему:

— Стейнер,— злобно бросил он,— можете вы объяснить, почему в вашем департаменте мятеж против Республики?

— Мистер Президент,— ответил Стейнер,— по моей рекомендации Слокум был отправлен в отставку два года назад. Мне кажется, здесь моя ответственность закончилась, дальше об этом заботилась Секретная служба.

Президент убрал палец со спускового крючка автомата и слегка выпятил нижнюю губу.

— Хорошо,— отрывисто сказал он и повернулся к двери.— Слокум! Выходи. Мы можем использовать газ, если понадобится.

Неожиданно дверь открылась, за ней стоял измученный человек с тремя звездами на каждом плече и непокрытой головой.

— Ладно,— мрачно произнес он.— Я был так глуп, считая, что с режимом можно что-то сделать. Но вы, толстомордые недоумки, вы и дальше будете...

Его перерезала автоматная очередь. Президент так сильно сжимал рукоять автомата, что костяшки пальцев у него стали белыми; пули решетили генеральское тело, пока не опустел магазин.

— Сжечь,— резко приказал Президент, поворачиваясь к нему спиной.— Доктор Барнс, подойдите. Я хочу услышать все о кончине отца.

Доктор, охрипший, с покрасневшими от фосфорного дыма глазами, стал рассказывать. Репортер Юнайтед Пресс неуклюже обмяк в кресле, но другие корреспонденты отметили, что доктор Барнс все время поглядывал на них в ходе тихой беседы.

— Спасибо, доктор,— сказал наконец решительно Президент.

Он кивнул агентам Секретной службы:

— Взять этих предателей.

Ошеломленных журналистов увели.

Госсекретарь прочистил горло.

— Мистер Президент,— произнес он.— Я пользуюсь возможностью, чтоб представить вам, согласно обычаю, прошение об отставке своей и членов Кабинета.

— Ладно,— буркнул Президент.— Можете остаться. Но с делами я намерен управляться сам.

Он поднял автомат.

— Вы,— бросил он министру общественного мнения,— для вас есть работа. Сотрите память о моем отце как можно скорее, но искусно. Я хочу, чтобы вся Республика встала в армейский строй. Да! Что еще?

— Мистер Президент,— заговорил дрожащий посланник,— я имею честь информировать вас, что Коллегия выборщиков избрала вас Президентом Республики. Единогласно.

Кадет Томас Грейсон лежал на койке и плакал от чувства одиночества. В руке он сжимал письмо от матери: «...твоим зачислением в Академию я горда больше, чем это могут выразить слова. Я плохо знала своего деда, но я знаю, ты будешь так же хорошо служить Республике. Ты должен быть смелым и сильным ради меня...»

Он бы все отдал, все, что имел или на что мог надеяться, лишь бы вернуться к ней и уехать от шпионящих и издевающихся кадетов

корпуса. Он поцеловал письмо и торопливо спрятал его под матрас, услышав шаги.

Грейсон испуганно вытаращил глаза, но вошел его товарищ по комнате Фергюсон. Фергюсон был с Земли, и его огорчало легкое лунное притяжение, которое было для Грейсона наказанием из-за слабых мускулов, привыкших к притяжению Ио.

— Отдыхаешь, мистер,— усмехнулся Фергюсон.

— А я думал, это вечерний осмотр.

— Ну, это в любую минуту. Они внизу. Дай-ка я поправлю твою койку, а то у тебя будут неприятности.

Поправляя койку, Фергюсон вытащил письмо и захихикал:

— Ого! Кто она? — и открыл письмо.

Когда офицеры вошли в комнату, они увидели, что Фергюсон лежит на полу с уже почерневшим лицом, а худой маленький Грейсон душит его. Втроем они оттащили Тома. Фергюсона отправили в лазарет, а Грейсона — в кабинет к начальнику корпуса.

Начальник Академии изучающе посмотрел на кадета из-под своих бровей, самых пышных в армии.

— Кадет Грейсон, объясните, что произошло,— приказал он.

— Сэр, кадет Фергюсон без разрешения стал читать письмо моей матери.

— Это не основание для нанесения ему увечий. Можете еще что-нибудь сказать в свое оправдание?

— Сэр, я вышел из себя. Я решил, что этот акт неуважения по отношению к моей матери, корпусу и всей Республике. Кадет Фергюсон опозорил корпус.

«Чушь,— подумал начальник Корпуса.— Совсем зеленый». Он никогда раньше не видел такого напряжения сил у кадетов с Ио. А ведь это должно быть пыткой для слабых даже в лунной гравитации мускулов. Еще пять минут, и парня придется унести и приводить в чувство после проявленного упорства.

Начальник Корпуса изучал дело Грейсона. Об академических успехах говорить было рано, но по части дополнительных занятий кадет был то ли медведем, то ли ослом. Он занимался в полдюжине групп, стал членом математического и литературного клубов. Начальник еще раз взглянул на Грейсона. Тот продолжал напрягать все силы. Неожиданно начальник Корпуса понял, что парень будет держаться, пока не умрет от напряжения.

— Сто часов с ранцем,— повелительно распорядился он,— чтобы быть в норме к концу четверти. Кадет Грейсон, если вы преуспеете в ходьбе, помните, в Корпусе существует традиция товарищества, и от кадетов требуется, чтобы они ее соблюдали. Свободны.

После того, как Грейсон четко отсалютовал и вышел, начальник корпуса вновь углубился в его дело. С левой рукой парня было явно что-то неладно, но экзаменационная комиссия, побывавшая на Ио,

этого не заметила. Очень странно. Нарушение серьезное. Но теперь ничего не поделаешь.

Президент, располневший и ставший осторожнее со дня выборов, выпалил:

— Хорошо бы теперь организовать инцидент. Но где взять деньги? Да и зачем остальная часть Ио? И как пойдет дело, если начнется война?

Ответил министр финансов:

— Вкладчики ссудят деньги, мистер Президент. Так как людям, передающим свои сбережения, выплачивается комиссионное вознаграждение, что стимулирует их доходы.

— Нам нужна руда, мистер Президент,— добавил министр сырья.— Мы отчаянно нуждаемся в ней.

— Все наши исследования отмечают, что Советский Премьер мог бы рассматривать вооруженное вторжение в приграничные области как повод к войне,— сказал госсекретарь.— За последние пять лет у Советов значительно возросло количество потребительских товаров, и, как результат, пострадало их вооружение. Ваши мудрые распоряжения повернуть Республику на военный путь принесли плоды, мистер Президент.

Президент Фолсом XXV внимательно рассматривал членов Кабинета. Он не считал, что приграничный инцидент, в результате которого была бы захвачена Советская часть Ио, был столь необходим. Но, в конечном итоге, они были специалистами. И ничто не указывало на то, что они ищут личную выгоду. Похоже, они дали рекомендации как профессионалы, и лучше всего принять их. И все-таки, было что-то непонятное и тревожное...

«Чепуха»,— решил он.

Досье на членов Кабинета не содержали ничего предосудительного. Одного шантажировала любовница-актриса, и он отправил ее за пределы Земли. Другой имел привычку давать взятки ради продвижения по гражданской и военной службе любимых сыновей. И дальше в том же духе. Республика не могла от этого пострадать. Республика и династия были неуязвимы. Ты просто шпионишь за всеми, в том числе и за самими шпионами, и краткой информации достаточно, чтобы представить все, как тебе надо, и поддержать общественное невежество, которое превращает людей в слепо-глухонемых. Система шпионажа была проста, нужно было лишь следить, чтобы все было как можно запутанней и чтобы никто не знал, кто есть кто. Приведение приговоров в исполнение не встречало трудностей, для виновных и только заподозренных не делалось различий. Контроль за сознанием при четырех газетах, шести журналах и трех радио- и телестанциях был делом для нескольких клерков.

Нет, Кабинет не стоило подозревать.

Система была безупречна.

— Замечательно,— сказал Президент Фолсом XXV.— Действуйте.

Однажды исчезла миссис Грейсон, вдова из Нью-Питсбурга на Ио. Об этом сообщалось во всех газетах и теленовостях. Потом ее обнаружили совершенно измученную: она пробиралась через границу между Нижним Магнитогорском и Нью-Питсбургом. Миссис Грейсон рассказывала жуткие истории о своих страданиях в Нижнем Магнитогорске и побеге. На дипломатическую ноту Республики Советами был дан ответ другой нотой, после чего пришла депеша Первому флоту Республики на Ио, а потом такая же депеша Первому и Пятому Советским флотам на Ио.

Первый флот Республики обстрелял обычно пустующий полигон и, произведя неожиданную атаку, продвинулся вперед на своих эсминцах.

Завязалось сражение.

Лейтенант Грейсон взял на себя командование на корабле после гибели капитана. Возбужденная команда увидела странного, но решительного молодого офицера, проявлявшего удивительное умение и мужество, и доверилась ему. За неделю военных действий потрепанный эсминец Грейсона уничтожил семь советских эсминцев и крейсер.

Когда Грейсон поднялся на флагманский корабль, его наградили и поручили командовать всей флотилией. Его загадочный магнетизм притягивал к себе всех офицеров и рядовых семи кораблей. Они сражались, как одержимые, уничтожая крейсера и линкоры в молниеносных, оригинальных атаках, которые, казалось, не могли закончиться победой и тем не менее всегда были удачными. Грейсон дважды чуть не погиб, но самообладание выручало его.

Грейсон был вновь награжден, получил линкор и жалкие четыре нашивки. Потом он без приказа вторгся на Советскую сторону Ио, командуя морской пехотой, прорвался сквозь два советских полка и вернулся на линкор с пленными, высшими гражданскими и военными представителями советской администрации на Ио.

Грейсона восхищенно обсуждали на борту флагмана.

— У него потрясающие способности, адмирал. Его люди пошли бы за ним в ядерный очаг. Я уверен, они вернулись бы невредимыми, если б он захотел,— смех был истеричным.

— Он не так уж эффектно смотрится, но если он начнет использовать свое обаяние — берегитесь!

— Он... он — победитель. Я даже сам не знаю, что имею в виду.

— Кажется, я знаю. Они появляются не часто. Люди, которых не остановишь. Люди, которые всего добиваются. Наполеоны. Александры, Сталины. И так до наших дней.

— Гитлер. Фолсом I. Чингис-хан.

— Что ж, это тоже верно.

Они одернули шитые золотой тесьмой мундиры и дали сигнал почетной гвардии.

Грейсон был вызван на борт, получил еще одну награду, в его честь произнесли речь, он тоже произнес речь...

Президент Фолсом XXV не знал, что делать, и поэтому собрал Кабинет министров.

— Ну,— в раздражении крикнул он министру обороны.

Стейнер слегка пожал плечами.

— Мистер Президент, ничего нельзя сделать. У него флот, средства связи и народ.

— Народ! — Президент взбесился. Его палец впился в кнопку, панель отодвинулась, и показался агент Секретной службы, стоящий в своей нише.

— Покончить с предателем! — истерично визжал Фолсом.

Командир наряда смущенно ответил:

— Мистер Президент, перед тем, как встать на дежурство, мы слушали Грейсона. Он объявил, что он Президент де-факто...

— Покончить! Покончить!

Комадир решительно вышел вперед.

— ...нам понравилось то, что он говорил о Республике, и еще он сказал, что мы не должны вам повиноваться.

Президент отшатнулся.

Вошел Грейсон в своей лейтенантской форме, он широко улыбался.

За ним шли адмиралы и офицеры.

— Мистер Грейсон! Вы принимаете руководство? — спросил командир наряда.

— Да. И зовите меня просто Грейсон! — ответил человек в лейтенантской форме.— Титулы придут потом. Можете идти.

Командир радостно ухмыльнулся и собрал свой отряд. Этот довольно изящный молодой человек, у которого было что-то неладно с рукой, принял руководство — полное руководство.

— Мистер Фолсом,— объявил Грейсон,— вы низложены с поста Президента. Капитан, возьмите его и...— он закончил брезгливым передергиванием плечей.

Дородный офицер схватил Фолсома под локоть. Как одурманенный наркотиками, свергнутый Президент позволил ему увести себя.

Грейсон окинул взглядом комнату:

— Кто вы, джентльмены?

Они почувствовали его магнетизм.

Слово взял Стейнер:

— Грейсон,— сдержанно произнес он.— Мы были Кабинетом министров Фолсома. Что бы там ни было, мы многое должны сказать вам. Наедине, если позволите.

— Хорошо, джентльмены,— адмиралы и капитаны вышли, своим видом выражая согласие.

— Грейсон, все началось много лет назад,— продолжил Стейнер.— Мой предшественник Вильям Малверн решил свергнуть режим, считая, что такой строй является оскорблением человеческого достоинства.

Было уже много подобных попыток, но все они разбивались о подводные камни шпионажа, терроризма и контроля за общественным мнением — тремя видами оружия, которые режим крепко держал в своих руках.

Малверн решил пойти другим путем, не используя шпионаж против шпионажа, террор против террора, контроль за общественным мнением против контроля за общественным мнением. Он решил воспользоваться тем, что историю творят определенные люди, которые рождаются, чтобы стать нарушителями спокойствия. Эти Филиппы Македонские, Наполеоны, Сталины и Гитлеры — авантюристы. Вновь и вновь они проносятся по истории, разрушая древние империи, превращая обычных строевых солдат в бессмертных демонов битвы, выкорчевывая старую культуру, вдыхая новую жизнь в умирающих. Все они похожи, эти авантюристы, и им присущи одни и те же качества. Прежде всего, конечно, ум. Остальное не так ярко, но тоже всегда присутствует. Все они иноземцы: Наполеон с Корсики, Гитлер из Австрии, Сталин из Грузии, Филипп был македонцем. У всех наблюдался Эдипов комплекс. И всегда был физический недостаток. Рост Наполеона. Сухая рука Сталина — кстати, как у вас. Всегда были некоторые ограничения в правах, реальные или мнимые.

Для вас это будет шоком, Грейсон, но вы должны это знать. Вы рождены авантюристом.

Малверн заполнил Кабинет самыми искусными агентами-двойниками, которых только смог найти, и они взялись за работу. Восемьдесят шесть младенцев были внедрены в дальние владения Республики в неродные семьи. Ваша мать не была вашей матерью, это была величайшая актриса Земли. В области интеллекта ваша наследственность была столь хороша, что мы не могли отвергнуть вас из-за отсутствия физического недостатка. Мы высушили вашу руку гамма-лучами. Надеюсь, вы простите нас. Другого пути не было.

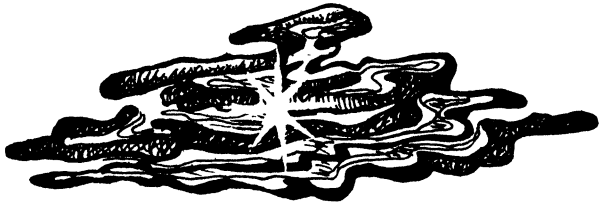
Из восьмидесяти шести только вы оправдали надежды. Комбинации с вами все время отличались от остальных, в генетическом плане или бытовом, и они сработали. Теперь мы пришли к свершившемуся. Внешняя оболочка уничтожена, и вы знаете, кто вы. Дайте

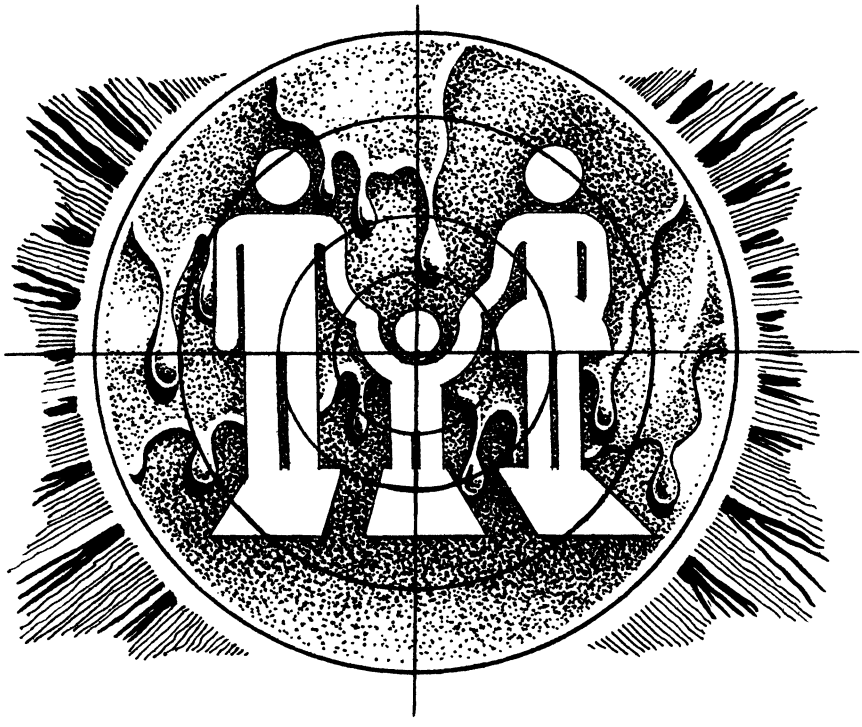
этому процессу идти своим путем, мертвая рука прошлого не может больше...

Грейсон подошел к двери и позвал, Стейнер замолк. Вошли два капитана, и Грейсон объявил:

— Эти люди отвергли мою добрую волю.— Взять их и...— он закончил брезгливым пожатием плеч.

— Слушаюсь, Божественный,— отчеканил капитан без малейшего следа насмешки в голосе.





Д. Келлер

ВОССТАНИЕ ПЕШЕХОДОВ

Молодая мать медленно шла по шоссе, держа за руку маленького сына. Они представляли собой прекрасную пару пешеходов, хотя устали и были покрыты пылью после перехода из Огайо в Арканзас, где собирались для последней битвы жалкие остатки побежденной расы. Много дней эти двое двигались по различным дорогам на запад, то и дело чудом избегая смерти. Но в тот день усталая, голодная и ослепленная заходящим солнцем женщина спала на ходу, и разбудил ее собственный крик, когда она поняла, что бегство уже невозможно. Она еще успела спасти своего сына, столкнув его в канаву, и умерла на месте, под колесами автомобиля, мчавшегося со скоростью шестидесяти миль в час.

Элегантную даму в «седане» разозлил внезапный толчок, и она довольно резко спросила через стекло у шофера:

— Что это было, Уильям?

— Мы только что переехали пешехода, госпожа.

— Всего-то? Во всяком случае, ты должен быть осторожнее.— Женщина повернулась к своей дочери.— Уильям только что переехал пешехода, и мы чуть подскочили.

Девочка с гордостью смотрела на свое новое платье. Сегодня ей исполнялось восемь лет, и она ехала с визитом к бабушке. Ее скрюченные, тронутые атрофией ножки ритмично раскачивались. Мать с гордостью подчеркивала, что малютка никогда не пыталась ходить. Однако она явно пыталась мыслить, потому что ее мучил какой-то вопрос. Наконец она обратилась к матери.

— Мама,— спросила она,— а пешеходы испытывают боль так же, как и мы?

— Конечно, нет, дорогая. Они не такие, как мы, некоторые даже утверждают, что они вообще не люди.

— А кто — обезьяны?

— Нет, они стоят выше обезьян, но значительно ниже автомобилистов.

Машина продолжала мчаться вперед.

А позади на шоссе остался застывший от ужаса маленький мальчик, рыдающий над окровавленным телом своей матери, которое с трудом сумел оттащить на обочину. Он оставался там до следующего утра, а затем оставил мать и медленно пошел к лесу. Он устал и был голоден и несчастен, но на вершине холма на минуту задержался и яростно потряс кулаком.

В тот день в душе его родилась глубокая ненависть.

Мир помешался на автомобилях. Дорожные полицейские раздраженно посматривали на медленно бредущих пешеходов, которые угрожали цивилизации, являлись шагом назад на пути прогресса, вызовом развитию науки. В человеческом теле признавался лишь разум.

Постепенно машины заменили работу мышц, как средства, ведущего к цели. Жизнь состояла из серии взрывов смеси бензина или спирта с воздухом или из разрежения пара в цилиндрах и турбинах, что давало человеку силу, которую можно использовать. Человечество добивалось своих целей благодаря механической энергии, создаваемой в больших количествах и передаваемой по проводам в виде электричества.

Небо служило самолетам, причем более высокие уровни предназначались для междугородних перелетов, а низшие для пригородного движения. Дороги — все из железобетона, в основном, односторонние, определяли допустимое количество машин, позволяющее избегать непрерывных столкновений. Некоторая часть людей с готовно-

стью взмыла в небо, но подавляющее большинство из-за отсутствия достаточного числа воздушных коридоров была вынуждена остаться на земле.

По мере того как улучшались автомобили, человеческие ноги все более атрофировались. Наследники Форда, которым уже не хватало езды за пределами дома, придумали небольшой одноместный экипаж для использования в доме, а лестницы заменили изогнутыми дорожками. Люди начали жить в металлических коробках, покидая их только на ночь. Со временем, частью по необходимости, а частью по собственной воле, машину ввели в спорт и игры. Спроектировали специальные модели для игры в гольф; дети в парках, сидя в дрезинах, крутили колеса; девушки плавали в тропических водах Флориды, лежа в амфибиях. Человечество перестало пользоваться нижними конечностями.

Бездействие ног влекло за собой атрофию, атрофия вызвала постепенные отчетливые изменения в строении тела, а они в свою очередь повлияли на новую концепцию женской красоты. Все это произошло на протяжении веков.

Со сменой обычаев изменились законы. Теперь они защищали не все общество, а лишь автомобилистов. Дороги, прежде служившие всем, теперь предназначались только для машин. Поначалу хождение по шоссе было просто опасным, затем оно стало преступлением. Перемены эти также происходили постепенно. Сначала для машин отвели лишь некоторые дороги, потом пешеходам вообще запретили ими пользоваться, отняли у них право на вознаграждение при несчастном случае на шоссе, и наконец хождение по дорогам стало считаться преступлением.

Последним шагом стал закон, позволяющий убивать на шоссе всех пешеходов.

Никто не хотел ездить медленно — мир охватила мания скорости и перемещения с места на место. В выходные и праздники неисчислимые массы автомобилистов мчались «куда глаза глядят», только бы не проводить свободное время дома. Сельский пейзаж состоял сейчас из длинных потоков машин, мчавшихся со скоростью восьмидесяти миль в час между стенами реклам и останавливающихся порой на заправочной станции, перед баром или у куста, чтобы оборвать с него цветы. Воздух был насыщен выхлопными газами и наполнен хриплым воем всевозможных клаксонов. Никто ничего не видел, никто не хотел ничего видеть, мечтою каждого водителя стало ехать быстрее, чем автомобиль перед ним. На современном языке это называлось «спокойным отдыхом в деревне».

Пешеходов больше не было, точнее, почти не было. Даже в деревнях люди передвигались на колесах. Поля обрабатывали только машины. Местами, держась, как козы, неприступных скал, остались недобитые пешеходы, сохранившие желание пользоваться ногами.

Все эти люди происходили из бедноты. Поначалу закон не дискриминировал их. В каждом штате было по нескольку семей, которые никогда не переставали ходить самостоятельно. Автомобилисты смотрели на них сначала с удивлением, потом с ужасом. Никто не замечал огромной пропасти между двумя этими группами «хомо сапиенс», пока пешеходам не запретили пользоваться дорогами. Тут же во всех штатах вспыхнуло Восстание Пешеходов, и хотя после битвы под Банкер-Хилл прошли уже сотни лет, дух ее оставался вечно живым, а запрет на хождение по шоссе только усиливал желание его нарушить. Все больше пешеходов гибло от несчастных случаев, и семьи их мстили, стараясь, чтобы езда на автомобилях стала неприятной и опасной: гвозди, булавки, стекло, колючая проволока, стволы деревьев, крупные валуны стали обычным оружием. В горах Озарк какой-то отшельник, живущий в лесу, яростно бил стекла и дырявил покрышки точными выстрелами из карабина, другие просто ходили по дорогам и издевались над автомобилистами. Если бы шансы были равны, это могло бы привести к анархии, поскольку же они не были равны, пешеходы просто нарушали порядок. Классовое сознание достигло предела, когда сенатор Гласс из Нью-Йорка заявил на заседании Палаты:

— Раса, которая перестает развиваться, должна погибнуть. Веками человечество передвигалось на колесах, стремясь к состоянию механического совершенства. Пешеходы, пренебрегая своим правом на езду автомобилем, не только упрямо ходят пешком, но и осмеливаются требовать равных прав со стоящими неизмеримо выше автомобилистами. Терпение уже перестало быть добродетелью. Лучшее, что можно сделать для этих несчастных дегенератов — это начать процесс уничтожения. Только так можно остановить ширящиеся беспорядки в нашей спокойной и прекрасной стране. Мне не остается ничего иного, как внести на рассмотрение «Закон об уничтожении пешеходов». Как вам известно, он предусматривает немедленное уничтожение каждого пешехода, оказавшегося в пределах досягаемости полиции штата. По последней переписи населения их осталось около десяти тысяч, главным образом, в нескольких штатах Среднего Запада. С гордостью могу сообщить, что мой собственный избирательный округ, имевший до вчерашнего дня одного пешехода — девяностолетнего старца — отныне чист от них. Мне сообщили, что, к счастью, он вышел на дорогу, со старческим упорством направляясь на могилу жены, и был тут же сбит. Однако, хотя в Нью-Йорке сейчас нет ни одного из этих жалких дегенератов, мы охотно поможем другим, менее удачливым штатам.

Положение было немедленно принято, при возражении сенаторов из Кентукки, Теннеси и Арканзаса. Для поощрения назначили премию за каждого убитого пешехода, а каждый округ, добившийся полного успеха, получал серебряную звезду. Каждый штат, в кото-

ром оставались одни автомобилисты, получал золотую звезду. Судьба пешеходов, как некогда судьба почтовых голубей, была предрешена.

Как и следовало ожидать, уничтожение не было ни немедленным, ни полным. Тут и там автомобилисты встречали неожиданный отпор. В результате прошел еще год, прежде чем идущий пешком мальчик поклялся отомстить машинам, несущим гибель человечеству.

Сто лет спустя, воскресным днем, Академию Естественных Наук в Филадельфии, как обычно, заполняли искатели развлечений, каждый из которых прибыл в собственном экипаже. Бесшумно, на резиновом ходу, передвигались они вдоль витрин, то и дело задерживаясь перед экспонатами, которые привлекли их внимание. Среди экскурсантов были отец с сыном, оба весьма заинтригованные: мальчик — незнакомым миром чудес, отец — проницательными вопросами и наблюдениями сына. Наконец мальчик остановил свой экипаж перед одной из витрин.

— Что это, отец? Они похожи на нас, только имеют какую-то странную форму.

— Это, сын мой, семья пешеходов. Они жили давно, а я знаю о них, поскольку мне рассказывала моя мать. Эту семью подстрелили в горах Озарк, считается, что они были последними представителями своей расы.

— Жаль,— задумчиво сказал мальчик.— Если они жили, ты мог бы достать мне такого маленького, чтобы я с ним играл.

— Они мертвы,— ответил отец.— Все погибли.

Он считал, что говорит правду, однако ошибался. Небольшая группа пешеходов уцелела, а их предводителем и мозгом был правнук того мальчика, который когда-то давно стоял на склоне с ненавистью в сердце.

Независимо от климатических условий, среды и различных врагов человек всегда ухитрялся выжить. В случае с пешеходами произошел элементарный естественный отбор: выжили сильнейшие. Только самые ловкие, умные и смелые сумели избежать систематической охоты. Хоть и немногочисленные, они все же выжили. Хоть и лишенные всех так называемых благ цивилизации — они существовали. Вынужденные защищать не только собственную жизнь, но и существование целой расы, они руководствовались ловкостью своих предков, живших в лесах. Они жили, охотились, любили друг друга, умирали, и два поколения мир ничего не знал о них. У них была своя политическая организация, свои законы и суд, вершивший справедливость на основании Блекстона и Конституции. Вождем всегда был кто-то из рода Миллеров — сначала выросший мальчик с ненавистью в сердце, потом его сын, воспитанный с детства в нена-

висти ко всему механическому, затем его внук — мудрый, хитрый и энергичный и, наконец, правнук, Авраам Миллер, тремя поколениями подготовленный к мести.

Авраам Миллер был наследным президентом Колонии Пешеходов, укрытой в горах Озарк. Граждане ее жили в изоляции, но не в неведении, их была горстка, но они приспособились к сложившейся обстановке. Среди первых беглецов оказалось несколько изобретателей и профессоров, а также один юрист. Они культивировали свои знания и передавали их дальше. Все вместе они возделывали землю, охотились, ловили рыбу, строили лаборатории. У них имелись даже машины, и время от времени, маскируя ноги, они отправлялись на разведку на территорию врага. Обучение некоторых детей с самого начала строилось в этом направлении. Имеются доказательства, что один из таких шпионов жил несколько лет в Сент-Луисе.

Колонией управляла одна мысль, всех жителей влекла одна цель: дети с малых лет говорили о ней, школьники день за днем разговаривали об этом, молодежь шепталась о ней при свете луны, в лабораториях она была написана на всех стенах, старики собирали вокруг себя детвору и заставляли клясться, что они все свершат. Вся деятельность колонии подчинялась реализации лозунга:

— Мы вернемся!

Они упивались ненавистью. Их предков травили, как диких животных, убивали без жалости, как паразитов. Они хотели не столько мести, сколько свободы, права на свободную жизнь — как хотят и где хотят. Три поколения колонии удавалось хранить свое существование в секрете. Год за годом они жили, работали и умирали с одной мыслью в сердце. Теперь пришло время реализации планов. А тем временем мир автомобилистов катился своим путем, материалистический, механический, самолюбивый — он дал удобства массам, но не сумел обеспечить счастья отдельным гражданам. Все жили в достатке, имели доходы, дома, продукты, одежду. Однако дома были из бетона, все одинаковые, отливаемые на конвейере. И мебель была из бетона, отливаемая вместе с домами. Одежда делалась из водоотталкивающей бумаги, одинакового фасона, менявшегося четыре раза в году. Продукты продавались кубиками, каждый из которых содержал все необходимое для жизни, на каждом написано количество. Веками изобретатели что-то придумывали, и наконец жизнь стала однообразной, а работа свелась к нажатию кнопок. Однако мир автомобилистов оставлял желать много лучшего, поскольку никто не пользовался мускулами. Разумеется, летом люди потели, но уже несколько поколений никто не вспотел от усилия. Такие слова, как «труд», «работа» помечались в словарях как устаревшие.

И все же люди не были счастливы, поскольку создание автомо-

биля, который мог бы ехать по обычному шоссе быстрее ста пятидесяти миль в час, оказалось технически невозможно. Автомобилисты не могли передвигаться так быстро, как хотели. Им не удалось уничтожить расстояния и обмануть время.

Кроме того, все они были отравлены. Воздух был насыщен выхлопными газами двигателей, сжигавших миллионы галлонов бензина и других жидкостей, несмотря на то, что множество машин электрифицировали. Однако важнейшей причиной отравлений являлось сокращение выделения токсичных субстанций через кожу и почти полное отсутствие физической работы. Автомобилисты перестали работать в архаическом значении этого слова, а перестав работать — перестали потеть. Несколько часов в день, проведенных на фабрике или за столом, хватало, чтобы заработать на жизнь. Поскольку они никогда не уставали, им требовалось меньше часов сна. Оставшиеся часы они проводили в машинах, разъезжая, куда глаза глядят. Все равно куда, лишь бы быстро. Дети с малых лет воспитывались в машинах, проводя в них практически всю жизнь. Родной дом перестал существовать — его заменил автомобиль.

Автомобилисты ехали вперед, не всегда зная, зачем, а пешеходы знали цель, к которой стремились.

Общество было, в сущности, социалистическим, то есть все классы жили в достатке. Преступный мир исчез уже несколько поколений назад, когда была принята теория Брайнта, что достаточно выделить и стерилизовать два процента потенциальных преступников и проблема перестанет существовать в течение одного поколения. Когда Брайнт впервые опубликовал свой тезис, последовало несколько критических откликов, но претворение его в жизнь встретило всеобщее одобрение — не считая тех, кого это непосредственно касалось.

Однако даже это внешне идеальное общество не было свободно от недостатков. Хотя все имели средства, необходимые для жизни, это не значило, что все жили с одинаковым достатком. Другими словами, мир по-прежнему делился на бедных и богатых, а богатые по-прежнему составляли большинство в правительствах и принимали законы.

Наиболее замкнутой, аристократической и влиятельной семьей среди них была семья Хейслеров. Их имение в Гудзоне окружала тридцатимильная железная ограда высотой в двенадцать футов. Немногие удостоились чести быть приглашенными в каменный дворец, окруженный лесом из сосен, буков и елей. Хейслеры были настолько могущественны, что никто из них никогда не занимал никакой должности. Они выбирали президентов, но не стремились иметь их в своей семье. Враги утверждали, что они обязаны всем счастливым бракам с Фордами и Рокфеллерами, но несомненно, то была лишь сплетня, рожденная завистью. Хейслеры владели банками и недвижи-

мостью, фабриками и административными зданиями. Известно было, что Президент Соединенных Штатов и Высший Суд у них в кармане. Однако имелось кое-что, о чем редко говорили и писали в газетах: единственная наследница главной ветви семьи умела ходить.

Уильям Генри Хейслер был необычным миллионером. Когда ему сообщили, что его жена родила дочь, он поклялся богом (хотя не знал, что это такое), что будет проводить со своим ребенком не менее часа ежедневно.

Первые несколько месяцев в девочке не замечали ничего ненормального, хотя сиделки обратили внимание, что у нее некрасивые ноги. Отец решил, что, вероятно, у всех младенцев ноги некрасивые.

Когда ей исполнился год, она попыталась встать и сделать первый шаг. Это тоже еще не вызвало беспокойства, поскольку педиатры в один голос утверждали, что все дети пытаются несколько месяцев пользоваться ногами — это просто дурная привычка, вроде сосания пальца, от которой легко отучить. Они дали сиделкам обычные в таких случаях указания, которые несомненно были бы претворены в жизнь, если бы отец решительно не заявил:

— У каждого ребенка есть своя индивидуальность. Оставьте ее в покое, и посмотрим, что из нее вырастет.— А чтобы обеспечить послушание, выделил одного из своих секретарей для постоянного надзора, обязав представлять ежедневно письменные доклады.

Девочка росла. Пришло время, когда детское прозвище «малютка» сменилось полным именем «Маргарет». По мере того, как она росла, росли и ее ноги, а чем больше она ходила, тем сильнее они становились. Никто и ни в чем не помогал ей, поскольку никто из взрослых никогда не ходил и даже не видел никого, кто ходит. Девочка не только ходила на ногах, но и по-детски протестовала против механических перевозок, визжа как безумная, когда ее пытались посадить в машину.

Когда было уже слишком поздно, ее отец начал советоваться с любым, кто мог бы сказать что-то о создавшемся положении и подсказать из него выход. Хейслер желал, чтобы его ребенок имел собственную индивидуальность, но не хотел, чтобы он был отщепенцем. Поэтому он приглашал на консультации нейрологов, хирургов, воспитателей, психологов, специалистов в области детской психики — и ничего не добился. Все соглашались, что это случай атавизма, и предлагали в качестве лекарства тысячи решений — от психоанализа до грубого лишения свободы передвижений и бандажа на нижние конечности девочки. Наконец разозленный Хейслер заплатил им за труды и за молчание, рявкнул: «Чтоб вас черти взяли!» — и отослал обратно. Он не знал, кто такие черти, но выражение это доставило ему облегчение.

Все тут же разъехались, за исключением одного старичка, кото-

рый наряду с прочими занятиями увлеченно изучал генеалогию. Вместе с хозяином они образовали интересную пару, сидя лицом к лицу в своих миниэкипажах: один был мужчиной в расцвете сил, энергичным, крепко сложенным (не считая усохших ног), прирожденным лидером, а другой — старым, седовласым, высохшим мечтателем. В комнате остались только они, не считая ребенка, который беззаботно играл в солнечной оконной нише.

— Я, кажется, сказал, чтобы вы шли к чертям,— буркнул магнат.

— Но как? — последовал логичный ответ.— Остальные ведь тоже вас не послушались и просто уехали из вашего дома. Скажите мне, где находится ад и те черти, к которым вы нас послали? Наши подводные лодки изучили морское дно до глубины в пять миль. Наши самолеты достигают звезд. Гора Эверест покорена. Я читал различные дневники путешественников, но нигде не встретил описания ада. Несколько веков назад теологи утверждали, что это место, куда отправляются после смерти грешники, но с тех пор как мы стерилизовали два процента Брайанта, грешников не осталось. Несмотря на ваши миллионы и неограниченную власть, вы сами находитесь ближе к аду, глядя на своего ненормального ребенка.

— Но, профессор, умственно она развита превосходно,— запротестовал Хейслер.— Ей семь лет, а результаты тестов Винет-Саймона на уровне десятилетнего. Если бы она перестала ходить! Конечно, я горжусь ею, но хотел бы, чтобы она была, как другие дети. Кто захочет жениться на ней? Это же просто неприлично. Вы только взгляните, что она вытворяет!

— Невероятно! — воскликнул старик.— Я читал об этом в книге трехсотлетней давности. Когда-то множество детей делали то же самое.

— Но что это такое?

— Это называлось «кувыркаться».

— А что это значит? Почему она так себя ведет? — Хейслер вытер пот со лба.— Над нами будут смеяться, если сообщение об этом попадет в газеты.

— Вы достаточно сильны, чтобы этому помешать... Кстати, скажите, вы изучали историю своей семьи? Знаете, чья кровь течет в ее жилах?

— Нет. Я никогда этим не интересовался. Разумеется, я принадлежу к Сыновьям Американской Революции, и тому подобное. Мне просто принесли нужные документы, и я расписался в нужном месте. Но я никогда их не читал, хотя хорошо заплатил за публикацию книги об этом.

— Значит, ваш предок был революционером? Где эта книга?

Хейслер вызвал секретаря, который въехал, выслушал распоряжение и вскоре вернулся с историей семьи Хейслеров. Старик то-

ропливо открыл ее. В комнате царила тишина, нарушаемая только голосом девочки, игравшей с плюшевым медведем. Потом вдруг старик рассмеялся.

— Теперь все понятно. Вашего предка, принимавшего участие в Революции, звали Миллер, Авраам Миллер из города Гамильтон. Его мать похитили и убили индейцы. Он был родом из весьма уважаемой линии пешеходов; впрочем, в то время все ходили пешком. Миллеры и Хейслеры породнились через супружество, и произошло это лет сто назад. Ваш прадед имел сестру, которая вышла за Миллера. О ней идет речь на странице триста тридцатой, вот послушайте.

«Маргарет Хейслер была единственной сестрой Уильяма Хейслера. Независимая и слегка со странностями, она совершила безумный поступок, выйдя замуж за фермера по фамилии Авраам Миллер, принадлежащего к наиболее известным предводителям движения пешеходов в Пенсильвании. После его смерти вдова с единственным сыном, восьмилетним мальчиком, исчезли, несомненно, погибнув во время всеобщего уничтожения пешеходов. В письме, написанном брату ее до замужества, она хвалилась, что никогда не садилась в автомобиль и никогда не сядет, что Бог дал ей ноги, чтобы ими пользоваться, и что ей посчастливилось встретить мужчину, тоже имеющего ноги и желающего на них ходить, как повелел Господь».

— Вот вам и секрет вашей дочери. В ней возродилась сестра вашего прадеда. Сто лет назад эта женщина предпочла умереть, нежели поддаться моде. Вы сами говорили, что малышка едва не задохнулась от плача, когда ее пытались посадить в машину — это явно наследственная черта. Желая сломать это силой, можно убить ребенка. Остается просто оставить ее в покое. Делайте, что хотите — это ваша дочь. У нее такая же сильная воля, как у вас, и, вероятно, ничего изменить не удастся. Пусть пользуется ногами. Вероятно, она будет лазить по деревьям, бегать, плавать, прогуливаться.

— Вот, значит, как,— вздохнул Хейслер.— Это означает конец нашей семьи. Никто не захочет жениться на обезьяне, будь она даже сверхразумна. Вы действительно думаете, что однажды она залезет на дерево? Думаю, вы правы, и если существует ад, он станет моим уделом.

— Но ведь она счастлива!

— Да, если мерой счастья служит смех. Но разве все не изменится, когда она подрастет? Она будет не такой, как все. Где она найдет себе друзей? Конечно, в ее случае не применят закона об уничтожении, мое положение этого не допустит. Я мог бы даже приказать отменить его. Но она будет одинока, очень одинока!

— Научившись читать, она забудет об одиночестве.

Оба посмотрели на девочку.

— А что она делает сейчас? — допытывался Хейслер.— Похоже, вы знаете об этом больше, чем все, с кем я разговаривал прежде.

— Прыгает! Разве это не удивительно? Никогда не видела никого прыгающего, и все-таки делает это! Я тоже никогда не видел прыгающих детей, но знаю, как это называется. На иллюстрациях Кэт Гринвей были прыгающие дети.

— Да будут прокляты Миллеры! — проворчал Хейслер.

После этого разговора Хейслер взял старика к себе. Единственной его обязанностью было изучение привычек детей пешеходов, чтобы определить, как они играли и для чего использовали ноги. Потом он должен был передавать это девочке.

Он же ведал и всеми вопросами ее духовного развития. С этого времени случайный зритель мог видеть из окна самолета, как сидящий на траве старик показывает золотоволосой девочке рисунки из очень старых книг и оба разговаривают о них. А потом ребенок делал такое, чего уже сто лет не делал никто: она играла мячом и скакалкой, танцевала народные танцы или прыгала через бамбуковую палку, закрепленную на двух вертикальных. Целые часы они проводили, читая, и каждый раз старик начинал со слов:

— Так было в прежние времена.

Время от времени устраивались приемы для других богатых девочек, живших по соседству. Они были вежливы — как и Маргарет — но приемы не удавались. Девочки, передвигавшиеся только в своих миниавтомобилях, смотрели на хозяйку с интересом и презрением. У них не было ничего общего с этим странным ходячим ребенком, и после их отъезда Маргарет заливалась слезами.

— Почему я не такая, как другие девочки? — допытывалась она у отца.— Неужели так будет всегда? Другие смеются надо мной, потому что я хожу на ногах.

Хейслер был хорошим отцом, он выполнял свое обещание проводить с девочкой каждый день по часу и передавал ей свои знания и интеллект так же старательно, как занимался делами фирмы в часы работы. Часто он разговаривал с Маргарет как с человеком взрослым и зрелым.

— У тебя есть свое собственное лицо,— объяснял он.— То, что ты отличаешься от других, не значит, что ты хуже их. Возможно, у обеих сторон имеются свои достоинства... Во всяком случае, стороны следуют своим естественным склонностям. У тебя другие привычки и иное строение тела, нежели у остальных, но возможно, именно ты более нормальна. Профессор показывал нам снимки наших предков, и у всех были ноги, как у тебя. Откуда нам знать, стал человек лучше, или дегенерировал? Иногда, глядя, как ты бегаешь и прыгаешь, я завидую тебе. Все мы привязаны к земле, зависим от наших машин во всем, что делаем, а ты можешь идти, куда захочешь. Единственное, что нужно тебе для жизни — это пища и сон.

В каком-то смысле ты превосходишь нас. Но с другой стороны, профессор говорит, что ты можешь пройти максимум четыре мили в час, тогда как я могу проехать более ста.

— Но зачем ехать так быстро, если я никуда не спешу?

— Это-то и удивительно. Почему ты никуда не спешишь? Мне кажется, что не только твое тело, но и разум старомодны, как будто взяты из прошлого. Я стараюсь проводить с тобой в доме или в саду, по крайней мере, час в день, но в остальное время меня постоянно что-то подгоняет. Ты делаешь удивительнейшие вещи, например, обзавелась луком и стрелами. Я купил тебе лучшее огнестрельное оружие, а ты никогда им не пользуешься, зато добыла в каком-то музее лук и в конце концов подстрелила утку, после чего —как рассказал мне профессор — развела огонь, поджарила ее и съела. Даже ему дала попробовать.

— Но это было очень хорошо, папа, гораздо лучше, чем синтетическая пища. Даже профессор сказал, что после такого сочного куска мяса почувствовал себя моложе.

Хейслер рассмеялся.

— Ты просто дикарка, настоящая дикарка.

— Но я умею читать и писать!

— Верно. Ну, теперь беги поиграй. Хотелось бы мне найти тебе другого дикаря для компании, но что делать, все они вымерли.

— Ты уверен?

— Пожалуй, да. Честно говоря, последние пять лет мои агенты прочесывали мир в поисках колонии пешеходов. Несколько экземпляров сохранилось в Сибири и на Татарском Плато, но они отвратительны. Я бы предпочел увидеть тебя среди обезьян.

— Иногда я мечтаю о каком-нибудь друге, папа,— несмело прошептала девочка.— Чтобы он мог делать все то, что умею я. Может ли исполниться эта мечта?

Хейслер улыбнулся.

— Я верю, что она исполнится. А теперь мне нужно спешить в Нью-Йорк. Что тебе привезти?

— Привези мне кого-нибудь, умеющего делать свечи.

— Свечи? А что это такое?

Она побежала, принесла одну из своих старых книг и прочла ему абзац. Книга называлась «Благородный пират», и ее герой имел обыкновение читать в постели при свете свечи.

— Понимаю,— сказал под конец чтения Хейслер.— Теперь я вспомнил, что когда-то такое было в католических соборах. Значит, ты хочешь их делать? Поговори с профессором и закажи, что требуется. Гмм... что ж, они могут пригодиться ночью, если погаснет свет, но такого никогда не бывает.

— Я не хочу жить при электрическом свете, хочу иметь свечи и спички, чтобы их зажигать.

— Спички?

— Ну, папа! В некоторых делах ты полный невежда. Я знаю массу слов, которых ты не знаешь, хотя и такой богатый.

— Согласен. Хорошо, я постараюсь узнать, как делают эти твои свечи. Прислать тебе пару уток?

— Нет, нет. Гораздо забавнее их подстрелить.

— Ты настоящий маленький варвар.

— А ты — невежда.

Прошли годы. В свой семнадцатый день рождения Маргарет Хейслер была девушкой высокой, загорелой, сильной, ловкой, умеющей бегать, прыгать, точно стрелять из лука; она ела настоящее мясо, читала при свечах, ткала ковры и любила природу. Время она проводила в обществе старых мужчин и лишь иногда встречалась с дамами, жившими по соседству. Любовь к отцу она перенесла и на старого профессора, научившего ее всему, чему смог, и ставшего с годами немощным и слабым.

В конце концов ей захотелось путешествовать. Она хотела увидеть Нью-Йорк, его двадцать миллионов автомобилистов, стоэтажные административные здания, заводы без дыма и стандартные дома. Однако такое путешествие было довольно затруднительно, и отец девушки прекрасно понимал это. Ходить по дорогам ей было нельзя, а весь Нью-Йорк представлял собой лишь мостовую и дома — из-за отсутствия пешеходов тротуары не требовались. Кроме того, даже богатство Хейслера не могло бы ослабить замешательства, обязательно возникшего бы из-за присутствия в крупном городе такой диковины, как девушка, ходящая на своих ногах. Хейслер был могущественен, но боялся последствий такой экскурсии. Более того, до сих пор ее деформация была известна лишь нескольким людям, но если бы она появилась в Нью-Йорке, газеты сообщили бы об этом всему миру.

В центре Нью-Йорка стояло несколько стоэтажных зданий. Лестниц в них не было, а для аварийного выхода, на случай, если откажут лифты, сделали спиральные спуски для автомобилистов. Впрочем, такого никогда не случалось, и мало кто из жителей вообще знал об их существовании. По ночам ими пользовались уборщицы, поднимавшиеся на верхние этажи. Чем выше этаж, тем чище был воздух и тем самым дороже плата. В самом низу и на улицах на каждом шагу стояли озонаторы, очищавшие воздух и делавшие возможным передвижение без противогазов. Зато на высших этажах дул живительный ветерок с Атлантики, не было мух и москитов, в нишах гнездились голуби, а на самой высокой крыше год за годом вила гнездо пара американских орлов, как бы насмехаясь над механическими экипажами, бегавшими в тысяче футов под ними.

В самом новом здании Нью-Йорка, на высшем его этаже, откры-

лась новая контора, на дверях которой висела обычная позолоченная табличка: «Электрическая Компания Нью-Йорка». Декораторы оставили без изменений небольшие, отгороженные друг от друга рабочие места, улучшив только самый большой кабинет, что в результате дало обычное, стандартное конторское помещение. За беззвучную машинку посадили стенографистку, которая в случае надобности отвечала на телефонные звонки.

Однажды июльским вечером в это просторное помещение пригласили двенадцать промышленных магнатов. Каждый из них прибыл, уверенный, что будет единственным гостем, поэтому встреча началась в атмосфере удивления и подозрений. Трое из присутствующих давно и втайне друг от друга пытались выбить Хейслера из седла и сбросить его с финансового трона. Сам Хейслер тоже был там, внешне спокойный, но в душе кипевший гневом на конкурентов. Стенографистка разместила их всех вокруг большого стола. Гости остались в своих миниавтомобилях, поскольку стульями уже не пользовались. С Хейслером поздоровались все, но никто не заговорил с ним.

Внутреннее убранство, мебель, стенографистка — все являлось обычным для промышленной конторы, и лишь один предмет вызвал всеобщее удивление. У самого конца стола стояло кресло. Никто из собравшихся вокруг стола мужчин никогда не сидел в кресле, а если даже видели их, то лишь в Музее Метрополитен. Миниавтомобили заменили стулья подобно тому, как машины заменили людям ноги.

Колокола на башне пробили два, и все собравшиеся взглянули на часы. Один из мужчин нахмурился — его часы отставали. Минуту спустя хмурились уже все. Встречу назначили на два, а время этих людей было весьма ценным.

Наконец дверь открылась и появился хозяин — на собственных ногах. Уже само это удивило их, но еще больше поражал рост и сложение мужчины. Все вместе было невероятно, странно и необъяснимо.

Мужчина подошел к столу и сел... в кресло. Сейчас он выглядел не выше остальных, но был моложе, и лицо его загорело, резко контрастируя с мертвенной бледностью остальных. Очень серьезно он заговорил, четко и ясно, почти механически:

— Благодарю за оказанную мне честь и принятие моего приглашения. Прошу простить, что не предупредил никого о приглашении других особ, но тогда кое-кто из вас не явился бы, а чтобы наша встреча имела смысл, требовалось присутствие всех.

Название «Электрическая Компания Нью-Йорка» служит всего лишь ширмой, на самом деле никакой компании нет. Я представляю расу пешеходов. Собственно, я их президент, и меня зовут Авраам Миллер. Четыре поколения назад, как вы, конечно, помните, Конгресс издал «Закон об уничтожении пешеходов». В связи с этим, тех,

кто продолжал ходить пешком, преследовали, как диких животных, и убивали без жалости. Мой прадед, Авраам Миллер, погиб в Пенсильвании, а его жену переехали на шоссе в Огайо, когда она шла, чтобы присоединиться к другим пешеходам в горах Озарк. Все произошло без войн и конфликтов: в то время в Соединенных Штатах жило всего десять тысяч пешеходов. Через несколько лет не осталось никого — по крайней мере, так считали ваши предки. И все же раса пешеходов выжила. Борьба тех первых лет отражена в наших записях и передается из поколения в поколение. Мы основали колонию и жили в ее пределах, хотя, казалось, исчезли с лица Земли.

Так проходил год за годом, и теперь наша Республика насчитывает двести человек. Мы никогда не были невеждами и всегда работали ради одной цели: возвращения в мир. Уже сто лет наш девиз звучит: «Мы вернемся».

Я приехал в Нью-Йорк и созвал вас на конференцию. Вы были выбраны из-за своего влияния, состояния и возможностей, но важное значение имел и другой фактор: все вы потомки сенаторов, голосовавших за «Закон об уничтожении пешеходов». Значение этого факта очевидно — вы можете исправить вред, причиненный группе американских граждан. Позволите ли вы нам вернуться? Мы хотим вернуться как пешеходы и иметь право передвигаться, не опасаясь за свою жизнь. Мы умеем водить машины и самолеты, но не хотим ими пользоваться. Мы хотим ходить и, если захочется, выйти на мостовую, ничего не боясь. У нас нет ненависти к вам, только сочувствие. Мы не собираемся обострять наши отношения, а хотим лишь сотрудничать с вами.

Мы верим в работу мышц. Наша молодежь, независимо от направления обучения, занимается физическим трудом. Нам знакомы машины, но мы предпочитаем не пользоваться ими, принимая помощь только от домашних животных, лошадей и волов. В нескольких местах мы используем энергию воды для привода мельниц и лесопилок. Ради своего удовольствия мы охотимся, ловим рыбу, играем в теннис, плаваем в горном озере, заботясь о чистоте тела не меньше, чем о чистоте разума. Наши юноши женятся в возрасте двадцати одного года, девушки выходят замуж в восемнадцать. Порой рождаются ненормальные — дегенерированные дети; не буду скрывать, что такие дети исчезают. Мы едим мясо и овощи, рыбу и взращенные нами злаки. Пришло время, и наша разросшаяся колония уже не вмещается в долину, и мы должны вернуться в мир. Нам нужна лишь гарантия безопасности. Сейчас я оставлю вас одних на пятнадцать минут, а потом вернусь за ответом. Если возникнут какие-то вопросы или сомнения, я охотно отвечу на них.

И он вышел из комнаты. Один из мужчин подъехал к телефону и увидел, что провод перерезан, другой толкнул дверь — она была заперта. Стенографистка куда-то исчезла. Последовал быстрый об-

мен мнениями, характеризуемый раздражением и отсутствием логики. Только один из мужчин хранил молчание. Хейслер сидел так неподвижно, что сигара, зажатая между пальцами, погасла.

Когда Миллер вернулся, его засыпали десятками вопросов. В конце концов кто-то выругался, и воцарилась тишина.

— Ну так что? — спросил Миллер.

— Дайте нам немного времени... неделю, чтобы мы могли подумать... посоветоваться...

— Нет,— отрезал Хейслер.— Дадим ответ сразу.

— Конечно, вам нужен быстрый ответ,— заметил один из заядлых его противников.— Из-за того, о чем молчат газеты.

— Ты мне за это заплатишь! — рявкнул Хейслер.— Только мерзавец мог сказать такое!

— Черт побери, Хейслер, не думай, что я тебя боюсь!

Миллер ударил кулаком по столу.

— Каков ваш ответ?

Один из мужчин поднял руку, требуя слова.

— Мы все знаем историю пешеходов: два общества, представители которых здесь находятся, не могут жить вместе. Нас двести миллионов, их всего двести. Мое мнение таково: пусть остаются в своей долине. Если этот человек их предводитель, легко представить, каковы остальные: невежды и анархисты. Неизвестно, чего еще они потребуют, если их послушать. Думаю, нужно приказать арестовать этого человека, он представляет угрозу обществу.

Это сломало лед сдержанности. Все заговорили наперебой, а когда кончили, стало ясно, что кроме Хейслера все настроены враждебно и безжалостно.

Миллер обратился прямо к нему:

— А ваше мнение?

— Я оставлю его при себе. Эти господа знают, почему. Вы их слушали, они поют в унисон, и то, что я скажу, ничего не изменит. Да, честно говоря, мне все равно.

Миллер повернулся в кресле и посмотрел в окно на город. По-своему это был красивый город, если вам нравились такие пейзажи. На улицах и в домах кишели двадцать миллионов автомобилистов, проводящих жизнь на колесах. Вряд ли хоть один из миллиона желал вырваться из оков; дороги, соединявшие метрополию с другими городами, исполняли роль артерий, заполненных плазмой грузовиков и кровяными тельцами автомобилистов. Миллер боялся города, но сочувствовал живущим в нем безногим пигмеям.

Вновь повернувшись к столу, он попросил тишины.

— Я пытался решить вопрос мирным путем. Мы не хотим больше кровопролития и борьбы на жизнь и смерть. Вы, господа, представляющие общественное мнение, только что доказали, что раса пешеходов не может рассчитывать на милость властей. Вам, как и мне,

известно, что этой страной правит не общество, ею правите вы. Именно вы выбираете сенаторов и президента, по щелчку вашего бича они танцуют, как вам угодно. Потому я и встретился сразу с вами, вместо того, чтобы взывать к правительству. Впрочем, я предвидел, чем это кончится, и приготовил коротенький документ. В нем всего одна фраза: «Раса пешеходов не может сюда вернуться». Прошу вас подписать этот документ, и тогда я объясню, что мы собираемся сделать.

— А почему мы должны это подписывать? — спросил мужчина, сидевший справа от Миллера.— Я предлагаю вот что! — Он смял бумагу в комок и бросил его на стол — это вызвало общее одобрение. Только Хейслер сидел молча. Миллер смотрел в окно, пока не стало тихо. Потом заговорил снова:

— В своей колонии мы разработали использование нового закона электродинамики. Его применение нейтрализует атомную энергию, делающую возможной любое движение, кроме движения мышц. Ее действие мы изучали на малых машинах и в ограниченном пространстве, так что точно знаем, к чему это ведет. Причем однажды уничтожив энергию, восстановить ее уже невозможно. В эту минуту наши электрики ждут моего сигнала, переданного по радио. Точнее, они слушали весь наш разговор, и теперь я дам им знак повернуть выключатель. Знаком служит наш девиз: «Мы вернемся».

— И это был тот сигнал? — насмешливо спросил один из мужчин.— И что же произошло?

— Ничего особенного,— ответил Хейслер.— Во всяком случае, я не вижу разницы. Что должно было случиться, мистер Миллер?

— Ничего особенного,— сказал Миллер,— не считая гибели всего человечества, кроме расы пешеходов. Мы пытались представить что произойдет, когда наши электрики повернут выключатель, и новый закон начнет действовать, но даже наши социологи не смогли ответить, каков будет результат. Мы не знаем, выживете вы или вымрете, не знаем, уцелеет ли кто-нибудь из вас. Наверняка можно сказать, что жители городов умрут быстрее в своих искусственных ульях, а некоторые сельские жители могут уцелеть.

— Минуточку! — крикнул один из мультимиллионеров.— Я вовсе не чувствую себя хуже. Вы просто лжец! Я немедленно уезжаю отсюда и сообщу в полицию. Откройте эту проклятую дверь и выпустите нас!

Миллер открыл дверь.

Мужчины нажали на стартеры и взялись за рычаги управления, однако ни одна из машин даже не дрогнула. Охваченные ужасом, они пытались выбраться из конторы, но их экипажи были мертвы. Один из промышленников с истерическим ругательством направил на Миллера револьвер и нажал на спуск. Раздался щелчок — и ничего больше.

Миллер вынул часы.

— Сайчас четырнадцать двадцать. Автомобилисты начинают умирать, еще не зная об этом. Когда они это поймут, начнется паника. Мы не сможем им помочь. Нас всего двести человек, и мы не можем кормить и ухаживать за сотнями миллионов калек. К счастью, здесь есть спиральный спуск, а ваши машины снабжены тормозами. Если вы будете управлять своими машинами, я поочередно отвезу вас туда. Вполне понятно, что вы не хотите здесь остаться, но не менее понятно и то, что лифты не действуют. Я позову стенографистку, чтобы она помогла мне. Вы, наверное, уже поняли, что это представитель расы пешеходов, с детства обучавшийся умению изображать женщину. Это один из наших лучших агентов. А сейчас прощайте. Сто лет назад вы сознательно и по своей воле пытались нас уничтожить, но нам удалось выжить. Мы не хотим вас уничтожать, но будущее ваше покрыто мраком.

Он подошел к одной из машин и начал толкать ее к двери. Стенограф, одетый уже как мужчина расы пешеходов, взялся за другую машину. Вскоре остался только Хейслер, поднявший руку жестом протеста.

— Не могли бы вы подвезти меня к окну?

Миллер выполнил его просьбу, и автомобилист с интересом выглянул.

— Я не вижу в небе ни одного самолета, а их должны быть сотни.

— Они упали на землю, ведь тяга исчезла.

— Значит, все остановилось?

— Почти все. Существует только сила мышц, а также сила, создаваемая изгибом дерева, как в случае лука и стрел, и сила металлической спирали, как в случае пружины в часах. Обратите внимание, ваши часы по-прежнему ходят. Разумеется, домашние животные создают собственную силу, являющуюся силой мышц. В нашей долине есть мельницы и лесопилки, приводимые в движение водой, и я не вижу причин для их остановки, но все прочие формы энергии уничтожены. Вы можете это представить? Нет электричества, паровых машин, никаких взрывов. Все машины мертвы.

Хейслер вынул носовой платок, медленно вытер пот с лица и сказал:

— Я слышу шум внизу, он доходит до окна, как далекий прибой, разбивающийся о песчаный берег. Других звуков нет, только этот шум. Это похоже на жужжание пчел, покинувших старый улей и летящих с маткой внутри роя в поисках нового убежища. Еще он похож на шум далекого водопада. Что это значит? Вообще-то, я догадываюсь, но боюсь сказать это вслух.

— Это значит,— отчетил Миллер,— что повсюду внизу и вокруг нас двадцать миллионов людей начинают умирать в своих конторах, домах и магазинах; в подземных переездах, лифтах и поездах;

в метро и на паромах, на улицах и в ресторанах — двадцать миллионов людей вдруг поняли, что не могут двигаться. Никто не в силах им помочь. Некоторые вышли из машин и пытаются ползти на руках, таща атрофированные ноги. Они взывают о помощи, но еще не отдают себе отчета в размерах трагедии. К утру они превратятся в диких животных. Через несколько дней кончатся вода и пища. Надеюсь, они вымрут быстро, прежде чем начнут пожирать друг друга. Целый народ умрет, и никто не будет об этом знать, поскольку не будет газет, телефонов и телеграфа. Я буду поддерживать связь со своими людьми с помощью почтовых голубей. Пройдут месяцы, прежде чем мы снова будем вместе. Звук, который вы слышите — это стон отчаявшейся души.

Хейслер конвульсивно схватил Миллера за руку.

— Но раз вы это сделали, значит, можете и повернуть все вспять?

— Нет. Мы сделали это с помощью электричества, а его больше нет. Наверняка, и наши машины остановились.

— Значит, мы все умрем?

— Думаю, да. А может, ваши ученые сумеют найти выход из этой ситуации. Мы сто лет назад нашли его и выжили. Ваша раса пыталась уничтожить нас с помощью всех доступных вам средств, но мы выжили. Может, и вы выживете, откуда мне знать? Мы хотели с вами договориться, прося только равноправия. Вы сами видели, как реагировали эти люди и что они об этом думали. Появись у них возможность, они тут же сравняли бы с землей нашу колонию, так что мы действовали в порядке самообороны.

Хейслер попытался раскурить сигару, но электрическая зажигалка не действовала.

— Значит, вас зовут Авраам Миллер? Кажется, у нас был общий предок. Я нашел это в книге.

— Я знаю. Ваш прадед и моя прабабка были братом и сестрой.

— Именно так говорил профессор, но тогда я еще не знал о вашем существовании. Теперь я хотел бы поговорить с вами о моей дочери.

Мужчины начали долгий разговор. Снизу доносился все тот же шум, неутихающий, непрерывный, полный звуков, незнакомых нынешнему поколению. Но с такого расстояния — от земли до сотого этажа — все сливалось в один звук. Хоть и состоявший из миллиона разных, он сливался в одно целое. Миллер принялся ходить взад-вперед по комнате.

— Я всегда считал себя человеком со стальными нервами. Вся моя жизнь прошла в подготовке этого момента. Мы имели право так поступить, и даже забытый Бог на нашей стороне. Я по-прежнему не вижу иного выхода, но не могу этого вынести, Хейслер, это вызывает у меня тошноту. Еще мальчиком я нашел в дверях овина мышь,

почти перерезанную пополам, а когда хотел ей помочь, она укусила меня за палец, и мне пришлось свернуть ей шею. Понимаете? Я должен был это сделать, но, хотя был прав, мне стало плохо и вырвало на пол. Нечто подобное происходит там, внизу. Двадцать миллионов деформированных тел вокруг нас начинают умирать. Они могли стать такими, как мужчины и женщины нашей колонии, но их охватила мания использования механических устройств всевозможного вида. Если бы я попытался им помочь, если бы спустился сейчас на улицу, они убили бы меня. Я не сумел бы от них отбиться, не смог бы достаточно быстро убить их. Мы имели право, имели все и основания, но когда я думаю об этом, мне становится плохо.

— Я воспринимаю это иначе,— сказал Хейслер,— потому что привык уничтожать противников. Иначе они уничтожили бы меня. Я смотрю на все это, как на великолепный эксперимент. Долгие годы я думал о нашей цивилизации... из-за своей дочери. Я потерял интерес к миру, потерял свой бойцовский дух. Мне безразлично то, что произойдет, но я с удовольствием схватил бы мерзавца, съезжающего сейчас по спирали, и свернул ему шею. Я не хочу, чтобы он умер с голоду.

— Нет. Оставайтесь здесь. Я предлагаю вам описать всю эту историю. Нам нужно точное свидетельство, оправдывающее нашу акцию. Оставайтесь здесь и работайте с моим стенографистом, а я пойду за вашей дочерью. Мы не можем позволить, чтобы пострадал кто-то из нашей расы. Вас мы тоже возьмем с собой. С соответствующим устройством вы можете научиться ездить верхом.

— Вы хотите, чтобы я жил?

— Да, но не только для себя. Есть много других причин. Следующие двадцать лет вы можете учить нашу молодежь, можете рассказывать им, что произошло, когда мир перестал работать и потеть, когда люди сознательно поменяли дом на автомобиль, а труд и зной на машины. Вы можете рассказать им это, и они вам поверят.

— Чудесно! — воскликнул Хейслер.— Я выбирал президентов, а теперь стану безногим экспонатом в новом мире.

— Вы будете знамениты — как последний живущий автомобилист.

— Начнем,— заторопился Хейслер.— Зовите стенографиста!

Стенографист прибыл в Нью-Йорк за месяц до встречи Миллера с представителями автомобилистов. Все это время, благодаря долгому обучению искусству мимикрии, ему с легкостью удалось обманывать каждого, с кем он встречался. В своем миниэкипаже, одетый как стенографистка, надушенный и накрашенный, с кольцами на пальцах, он незамеченным разъезжал среди тысяч других женщин, посещал с ними рестораны и театры, и даже навещал их дома. Он был идеальным шпионом — но мужчиной.

С самого детства из него готовили разведчика, годами прививая преданность республике пешеходов, а затем он принял присягу, что благо республики всегда будет стоять для него на первом месте. Авраам Миллер выбрал его, потому что доверял. Стенографист был очень молод, и на щеках его еще пробивалась борода. Он был невинным и к тому же патриотом.

Однако он впервые оказался в большом городе. Фирма этажом ниже тоже имела стенографистку. Это была особа, одной работы которой было мало, и потому новая работница сразу возбудила ее интерес. Они встретились раз, другой, разговаривали о новой любви — между женщинами. Молодой разведчик мало понимал в этом, поскольку никогда не слышал о такой страсти, однако понимал ласки и поцелуи. Его знакомая предложила поселиться вместе, но ему удалось как-то открутиться. Впрочем, большую часть свободного времени они проводили вместе. Несколько раз молодой человек едва не рассказал ей о грядущей катастрофе, а также о своем настоящем поле и горячей любви.

В подобных случаях трудно объяснить, почему мужчина полюбил женщину. Впрочем, это всегда трудно сделать. Во всем этом было что-то ненормальное, какая-то патологическая извращенность. Просто невероятно, что он полюбил женщину без ног, когда, подождав немного, мог жениться на девушке с длинными ногами. Не менее патологичным было то, что она полюбила женщину. Душа у каждого из них была больна, и оба ради продолжения связи обманывали друг друга. Теперь, когда внизу умирал город, стенографист почувствовал неудержимое желание спасти свою безногую подругу. Он верил, что ему удастся убедить Авраама Миллера позволить ему жениться на ней или хотя бы избавить от смерти.

Видя Миллера и Хейслера, погруженных в разговор, он на цыпочках вышел, а потом спустился — в рубашке и брюках — этажом ниже. Здесь был полный хаос, но молодой человек храбро вошел в комнату, где стоял стол стенографистки, наклонился к ней и сказал о том, что является мужчиной из расы пешеходов. Внезапно она узнала, что все это значит: остановившиеся машины, неподвижные лифты, умолкнувшие телефоны. Он сказал, что мир автомобилистов погиб по каким-то причинам, но он хочет ее спасти, потому что любит. Он просил лишь права на опеку над ней. Сказал, что они поедут куда-нибудь в деревню и там поселятся.

Безногая женщина слушала его, и если побледнела, это скрыли румяна на щеках. Она слушала и смотрела на него, на мужчину, ходящего на ногах. Он говорил, что любит ее, но она-то любила женщину, женщину с прекрасными крохотными ножками, как у нее самой, а не с этими мускулистыми чудовищами.

Истерически рассмеявшись, она сказала, что любит его и поедет с ним, куда он захочет, а потом прижала к себе и поцеловала сна-

чала в губы, а потом в сонную артерию, и молодой шпион умер, обливаясь кровью, которая, смешавшись с румянами, покрыла ее лицо ярким кармином. Сама она умерла несколько дней спустя от голода.

Миллер никогда не узнал, как погиб его стенографист. Будь у него время, он, вероятно, начал бы его искать, но ему передалось беспокойство Хейслера за девушку-пешехода, одинокую среди мира умирающих автомобилистов. Для отца она была дочерью, последней и единственной надеждой семьи, а для Миллера — символом. Она была доказательством бунта природы, признаком последнего судорожного усилия вернуть человеку прежний вид и прежнее место на земле. Отец хотел спасти ее, как свою дочь, а Миллер — как одну из себе подобных, одну из расы пешеходов.

На сотом этаже приготовили бочки с водой и запасы продуктов, приложив все старания, чтобы сохранить этот островок среди океана смерти. Миллер устроил Хейслера с удобствами, а сам, захватив продуктов, фляжку с водой, карту и крепкую палку, покинул этот оазис покоя и двинулся вниз по спиральному спуску. Спускаться было неудобно, но спуск был настолько широк, что он не испытывал головокружения. Поначалу он боялся, что дорогу ему преградит груда столкнувшихся машин, но, похоже, все автомобилисты, которым удалось добраться до спуска, съехали вниз. Время от времени он останавливался на этажах, содрогаясь от доносившихся криков, и снова шел вниз, пока не оказался на улице.

Ситуация здесь была еще хуже, чем он думал. Как только в долине Озарк освободили электродинамическую энергию, весь мир машин замер. В этот момент двадцать миллионов людей в одном Нью-Йорке находились в своих миниэкипажах или автомобилях. Некоторые работали за столами или прилавками магазинов, другие обедали в ресторанах или отдыхали в клубах, третьи куда-то ехали. И вдруг все замерли в тех местах, где были. Телефоны, радио, телеграф — замолчали. Все миниэкипажи остановились, все автомобили потеряли управление. Мужчины и женщины были предоставлены сами себе, никто не мог никому помочь, не мог помочь даже самому себе. Транспорт замер, и никто не знал, что случилось, кроме того, что видел собственными глазами и слышал собственными ушами, ибо вместе с транспортом прервалась связь.

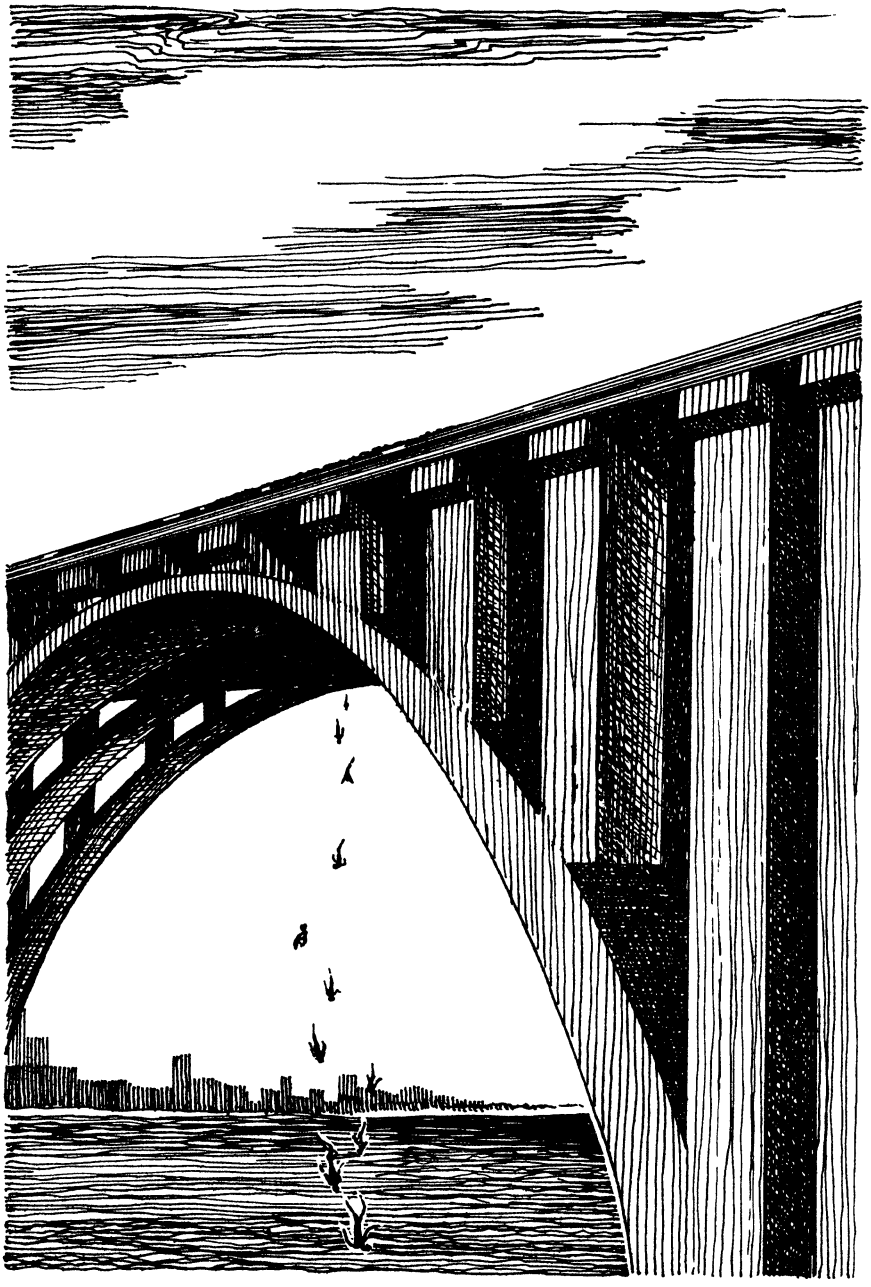
Когда же наконец люди поняли, что не могут двинуться с места, их охватил ужас, а затем и паника. Но то был новый вид паники. Раньше паника означала быстрое бегство огромного количества людей в одном направлении от реальной или воображаемой опасности. Эта же паника была неподвижна, поскольку в первый день средний житель Нью-Йорка хоть и трясся или плакал от страха, все равно оставался в своей машине. Только потом началось массовое бегство, но оно ничем не походило на прошлые. Это было медленное, убийственное карабкание искалеченных животных, тащивших безногие

тела на руках, отвыкших от физических усилий. Не быстрое, как ветер, мгновенное бегство обезумевшей, перепуганной толпы, а конвульсивное дерганье ползущего червя. Из уст в уста хриплым шепотом передавали, что город обречен на смерть, что вскоре он превратится в морг, ибо через несколько дней кончатся продукты. Хотя никто не знал, что произошло, все понимали, что город не выживет без поставок из деревень, и внезапно эти деревни стали чем-то большим, чем бетонные дороги среди рекламных щитов. Это было место, где можно найти пищу и воду.

Город остался без воды, ибо гигантский насос, гнавший миллионы галлонов воды, перестал действовать. Остались лишь реки, окружающие город, грязные и замусоренные. Но ведь где-то в деревнях должна быть вода.

Итак, на второй день началось бегство из Нью-Йорка, бегство людей, похожих на жертвы войны. Не все двигались с одинаковой скоростью, но самые быстрые преодолевали меньше мили в час. Философ в такой ситуации остался бы на месте и умер, животное — спокойно дожидалось бы конца, но автомобилисты не были ни философами, ни животными, и потому ползли вперед. Всю жизнь они проводили, мчась куда-то вперед. Первые пробки образовались на мостах. На каждом из них в критический момент оказалось по несколько автомобилей, но в два часа пополудни движение было невелико. Однако уже в полдень следующего дня мосты почернели от людей, ползущих из города. Пробки вызывали задержку, люди толкались, не продвигаясь ни на шаг. На этот дергающийся на месте слой людей взбирался следующий, а через минуту на него полз третий. К каждому мосту вели несколько улиц, а сам мост был не шире улицы. В конце концов внешние ряды верхних слоев начали падать в реку. Вероятно, многие сознательно выбирали такой конец. Над мостами повис шум, как рев волн, бьющих в каменистый берег. Это было началом кровавого безумия. Люди на мостах умирали быстро, но перед смертью они начинали кусаться. В городе возникали подобные заторы. Рестораны и кафе были заполнены телами почти до потолка. Там были продукты, но никто не мог до них добраться, за исключением тех, что имели их на расстоянии вытянутой руки, но и они погибали, раздавленные, прежде чем успевали воспользоваться своим удачным положением, другим же — еще живым и способным есть — мешали тела мертвых и умирающих.

В течение двадцати четырех часов человечество забыло о религии, гуманизме, возвышенных идеях. Каждый старался спасти себя, хотя бы сокращая жизнь близких. Однако были и случаи беспримерного героизма. В госпиталях некоторые сиделки оставались с больными, делясь с ними продуктами, пока все вместе не умирали от голода. В одном из родильных отделений мать родила ребенка и, покинутая всеми, держала его у груди, пока рука ее не ослабла от голода.



В этот мир ужаса и вошел Миллер, выйдя из здания. Правда, он приготовил себе крепкую палку, но ползущие автомобилисты не обращали на него внимания, и он медленно пошел по Пятой Авеню, а потом на север, и все время молился, хотя в первый день еще не было картин, наблюдавшихся позднее.

Наконец он добрался до реки, переплыл ее и шел дальше, а когда наступила ночь, был уже за городом и только тогда перестал молиться. Временами он встречал отдельных автомобилистов, злившихся, что их машины испортились. В деревнях никто не понимал, что случилось; до самой смерти люди не узнали этого. Только жители городов знали, но не понимали, почему.

На следующее утро Миллер встал рано и, внимательно изучив карту дорог, снова двинулся вперед. Он избегал городов, огибая их, испытывая постоянное мучительное желание поделиться тем, что имеет, с оголодавшими калеками, а ведь ему требовалось сохранить силы и принести пищу для той девушки из расы пешеходов, одинокой среди беспомощной прислуги, закрытой за железной оградой длиной в тридцать миль. Второй день путешествия близился к концу. За последние несколько миль он не встретил никого. Солнце, пробивающееся между стволами дубового леса, бросало фантастические тени на бетонное шоссе.

А по шоссе к нему приближался странный караван, состоявший из трех привязанных друг к другу лошадей. Две из них несли на спинах узлы и емкости с водой, притороченные крепко, хоть и не слишком умело. На третьей, в седле, похожем на стул, сидел старичок, спавший, уткнувшись подбородком в грудь и крепко держась за поручни руками. Кавалькаду эту вела женщина — высокая, сильная, красивая, идущая легким шагом по бетонной дороге. На плече ее висел лук и колчан со стрелами, в правой руке была тяжелая трость. Она шла уверенно и неустрашимо; видно было, что ее переполняют сила, уверенность в себе и гордость.

Миллер встал посреди дороги. Кавалькада подошла ближе и остановилась.

— Кто ты? — спросила женщина, и в голосе ее слышались любопытство, солнечное утро и дрожавшие листья.— Кто ты и почему становишься у нас на пути?

— Меня зовут Авраам Миллер, а ты, наверняка, Маргарет Хейслер. Я ищу тебя. Твой отец в безопасности и послал меня за тобой.

— И ты принадлежишь к расе пешеходов?

— Так же, как и ты! — И так далее и тому подобное...

Старый профессор проснулся и взглянул на молодую пару, которая, погрузившись в беседу, забыла обо всем на свете.

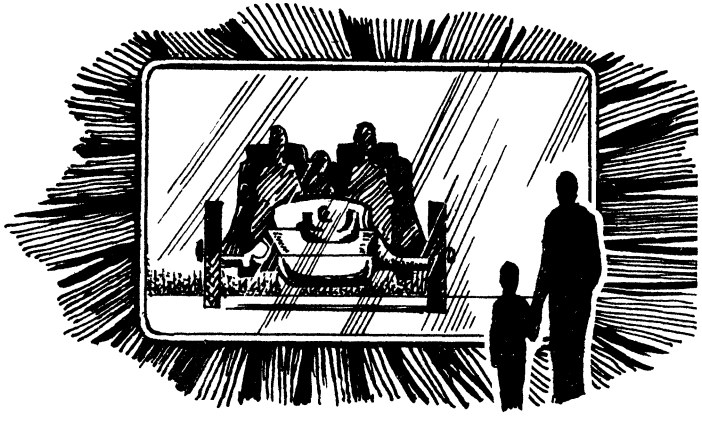
— Именно так и бывало в прежние времена,— буркнул он себе под нос.

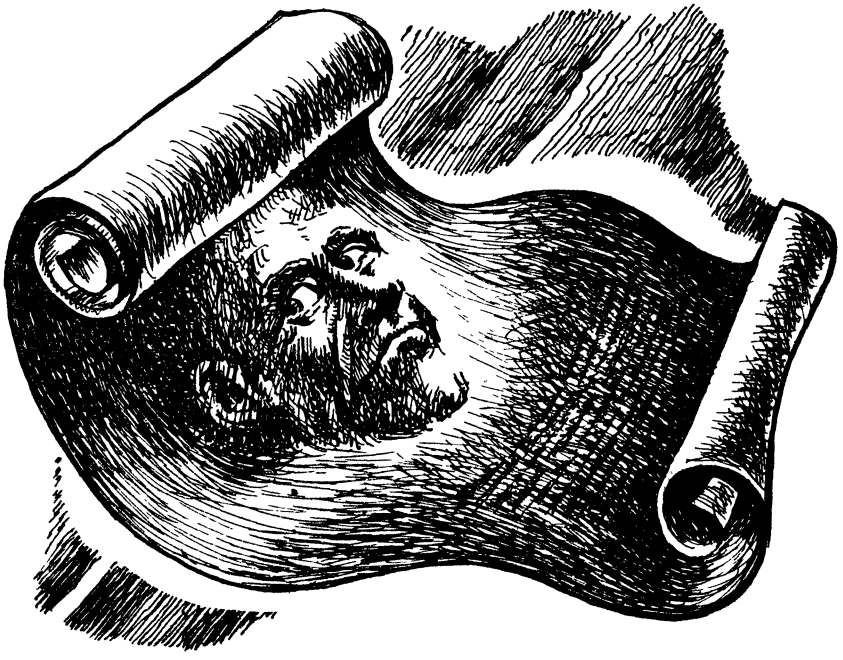
Сто лет спустя в воскресный полдень отец с сыном осматривали Музей Естественных Наук в реконструированном Нью-Йорке. Весь город был теперь одним большим музеем. Люди посещали его, но никто не хотел там жить. Никто уже не хотел селиться в городах, если можно было жить в деревне.

День в городе автомобилистов входил в программу воспитания каждого ребенка, поэтому в то воскресенье отец с сыном медленно шли по большому зданию. Они уже видели мастодонта, бизона, птеродактиля, постояли перед витриной, где находился вигвам с типичной индейской семьей. Наконец подошли к большому автомобилю на четырех колесах, но без дышла, чтобы запрягать лошадь или вола. В машине сидели мужчины, женщины и маленькие дети. Мальчик с интересом взглянул на них и дернул отца за рукав.

— Смотри, папа. Что это за машина и странные люди без ног?

— Это, сын мой, семья автомобилистов.— И отец рассказал сыну историю, которую все отцы расы пешеходов обязаны рассказывать своим детям.





Д. Финней

ИНТЕРЕСНЫЕ СОСЕДИ

Я не буду утверждать, что с самого начала догадывался о чем-либо в связи с Хелленбеками. Правда, я сразу заметил кое-что странное, но махнул на это рукой. Они были так милы, что я сразу полюбил их. Кроме того, у каждого есть свои маленькие чудачества.

В день их приезда мы наблюдали за ними из окон нашей веранды. Конечно, не для подглядывания, а просто так, из интереса. И Нелл и я довольно дружелюбны, и потому хотелось, чтобы в соседнем доме поселились люди нашего возраста и подобного характера.

Я как раз заканчивал завтрак — была суббота, и не нужно было идти на работу,— а Нелл пылесосила ковер на веранде. Потом пылесос затих, и Нелл крикнула: «О, уже приехали!» Я подбежал к окну, и мы вместе выглянули.

Он помогал ей выйти из такси, и я мог детально рассмотреть обоих. Похоже, им было столько же лет, как и нам, он — около тридцати двух, она — лет двадцати пяти. Она была очень красива, да и он производил неплохое впечатление.

— Только что поженились,— сказала Нелл с легким блеском в глазах.

— Откуда ты знаешь?

— У них все новое, даже ботинки.

— Да, пожалуй, ты права,— я некоторое время смотрел, потом добавил: — И похоже, они иностранцы,— показывая этим Нелл, что я тоже наблюдателен...

— Почему ты так думаешь?

— Потому что он не знает наших денег.

Так оно и было. Он не мог справиться, пока не вытащил целую горсть мелочи, чтобы шофер выбрал сам.

Однако потом оказалось, что оба мы ошибались. Они уже три года как поженились, оба родились в Штатах и почти всю жизнь прожили здесь.

Через полчаса привезли мебель: все новое, купленное в здешних магазинах. Мы живем в Сан-Рафаэль, Калифорния, в районе малых домов. Соседи наши, в общем, люди молодые, и атмосфера царит доброжелательная, поэтому через пару минут, надев старый фланелевый костюм, я вышел с мыслью познакомиться с ними и помочь, если будет нужно. Я пересек газоны и, подходя к дому, услышал их голоса в гостиной.

— О, здесь Трумен,— сказал Хелленбек, и раздался шелест бумаги.

— Трумен? — задумчиво переспросила она.— То есть, следующим был Рузвельт?

— Нет. Трумен был после Рузвельта.

— По-моему, ты ошибаешься, дорогой,— ответила она.— Сначала был Трумен, а потом Рузвельт, а потом...

Когда я остановился на пороге перед их дверями, разговор прервался. Я постучал и заглянул внутрь. Они сидели в гостиной на полу, и Тэд Хелленбек как раз поднимался на ноги. Они распаковывали ящик с тарелками, везде валялись мятые газеты, и они, видимо, просматривали их. Тэд подошел к двери. Сейчас он был в футболке, рабочих брюках и мокасинах — все новое, с иголочки.

— Я Ал Левис из дома рядом,— представился я.— Хочу спросить, не нужна ли вам помощь?

— Очень приятно! — он шире отворил дверь и протянул руку.— Я Тэд Хелленбек.

Его жена встала с пола, и Тэд нас познакомил. Ее звали Энн.

Потом мы вместе работали остаток дня. Я помогал им распаковывать вещи, и мы привели дом в жилой вид. Пока мы работали,

Тэд рассказал мне, что они жили в Южной Америке — он не говорил точно, где и когда — и, не желая платить за перевозку имущества, продали все, что имели там, за исключением дорожных костюмов и нескольких мелочей. Это было достаточно правдоподобное объяснение, вот только через несколько дней Энн сказала Нелл, что их дом в Южной Америке сгорел дотла, и они потеряли все.

Через полчаса после моего прихода привезли постельные принадлежности: одеяла, подушки, белье и тому подобное. Энн взяла две подушки и пошла в спальню. Был ясный день, дверь спальни была плотно закрыта и, кроме того, она из темного дерева, однако, Энн пошла прямо на нее и, конечно, ударилась. Я не мог понять, как это случилось. Это выглядело так, будто она ждала, что дверь откроется сама. По крайней мере, что-то в этом роде сказал Тэд, кинувшись ей на помощь.

— Внимательней, дорогая,— воскликнул он и рассмеялся, обращая все в шутку.— Тебе придется научиться, что двери не открываются сами.

Около половины двенадцатого прибыли книги, целая куча, и все новехонькие. Мы распаковывали их, сидя на полу, и Тэд, подняв одну из них, спросил:

— Вы читали это? — Он показал мне название: «Далекие круги» какого-то Вальтера Брэдена.

— Нет,— ответил я.— Но я читал недавно рецензии: они далеко не хвалебные.

— Знаю,— подтвердил Тэд с иронической улыбкой.— А ведь это отличная книга. Вы только подумайте,— продолжал он, кивая головой,— сейчас можно купить новенький экземпляр первого издания за три доллара! А через какие-нибудь... скажем, сто сорок лет такой экземпляр будет стоить пять, а может, и восемь тысяч долларов.

— Возможно,— ответил я, пожав плечами.— Но что из этого следует? Конечно, каждая книга может когда-нибудь стать очень ценной, но почему именно эта? Почему пять или восемь тысяч? И почему через сто сорок лет, ни больше, ни меньше?

Это и были те самые чудачества, о которых я говорил. Не то, чтобы уже в первый день случилось что-нибудь необычное или серьезное. Вот только иногда Тэд или Энн вели себя немного иначе, чем принято.

Однако, за исключением этого, все шло вполне нормально. Мы много болтали, смеялись и шутили, и я был уверен, что мы с Нелл полюбим этих Хелленбеков.

После полудня стало жарко, нам захотелось пить, и я сходил домой за пивом. Нелл тоже пошла со мной, познакомилась с соседями и пригласила их на ужин. Ее восхищали разные вещицы, которые имела Энн, а Энн благодарила и, как любая женщина, оправдыва-

лась, поскольку вещи были немного запыленными. Потом Энн пошла на кухню, принесла салфетку и начала стирать пыль. Салфетка была белой с зеленой каймой; она быстро загрязнилась, а после того, как ею протерли оконную раму, стала совсем черной.

Тогда Энн высунулась в окно и встряхнула салфетку, которая сразу стала чистой. То есть, совершенно чистой, на ней не осталось ни следа грязи. Энн повторила это несколько раз, вытирая пыль и встряхивая салфетку, которая тут же становилась белой.

Нелл смотрела на это с открытым ртом, и, наконец, спросила:

— Где вы взяли такую салфетку?

Энн удивленно взглянула на нее:

— Да это просто кусок старого костюма Тэда! — и вдруг покраснела.

Честно говоря, я бы тоже покраснел: разве бывает мужской костюм белым с зеленой каймой?

— Я еще никогда не видела такой салфетки,— ответила Нелл,— моя-то уж точно не станет чистой, если ее встряхнуть.

Энн была сейчас красной, как свекла, и как будто испугалась чего-то. Она пробормотала что-то о салфетках в Южной Америке, взглянула на Тэда, приложила руку ко лбу, и мне показалось, что она сейчас расплачется.

Тэд быстро поднялся, обнял ее, прижал к себе и буркнул что-то о переутомлении. Взгляд его глаз, смотревших на нас поверх плеча Энн, был тверд и подозрителен. На мгновенье мне показалось, что он хотел защитить ее от нас, как будто эти двое были против всего мира.

В эту минуту Нелл коснулась поверхности стола, рядом с которым стояла, и громко выразила свой восторг. Энн благодарно улыбнулась ей. Нелл встала и проводила Энн в спальню, сказав, что она не должна делать слишком много в один день; когда они вернулись через несколько минут, все было в порядке.

Мы довольно близко сошлись с Хелленбеками. Они были просты в общении и милы в обществе. Вскоре Нелл и Энн вместе ходили за покупками, постоянно навещали друг друга и обменивались рецептами.

Вечером, поливая газоны или подстригая их, Тэд и я болтали о разных проблемах до самой темноты. Мы говорили о политике, высоких ценах, огороде и т. д. Он хорошо разбирался в политике и международных вопросах, а его предсказания сбывались на удивление точно. Сначала я несколько раз хотел заключить пари, когда мы расходились во взглядах, но Тэд не хотел. И хорошо, что не хотел, ибо ошибался он редко.

Так все и шло. Мы ходили друг к другу, ездили по воскресеньям на прогулки, а вечерами играли в бридж.

Время от времени случалось что-нибудь странное, но это было

редко и никогда два раза подряд. Тэд уже не путал мелкие деньги, когда что-либо покупал, и не обнаруживал раритеты среди новых книжек. А Энн перестала натыкаться на двери.

Нас очень интересовали эти соседи. Во-первых, Тэд был изобретателем. Сам не знаю почему, но меня это удивило. Я знал, что существуют изобретатели, что они должны где-то жить, и нет ни малейших причин, почему бы одному из них не поселиться рядом с нами. Но Тэд не походил на изобретателя. Мало того: когда он впервые подстригал газон, мне пришлось показать ему, как регулировать гайку, поддерживавшую острия.

И все-таки он был изобретателем, и к тому же хорошим. Однажды вечером я собирал помидоры у себя в саду. Тэд подошел ко мне, подбрасывая что-то в руке, и сначала я подумал, что это что-то вроде скрепки. Он понаблюдал за моей работой, потом присел рядом, вытянул руку и спросил:

— Ты видел когда-нибудь что-либо похожее?

Я оглядел предмет: это был кусок тонкой проволоки, согнутой на обоих концах в закругленные петли. В центре проволока тоже была согнута, так что петли заходили друг на друга. Я не могу точно описать этого, но с легкостью мог бы сделать.

— Что это такое? — спросил я, возвращая вещицу.

— Небольшое изобретение,— ответил он.— Им можно пользоваться вместо булавки. Смотри! — он расстегнул мне пуговицу рубашки и вместо нее вставил свою проволочку.

Представьте, я никак не мог ее снять! Даже когда схватил рубашку с обеих сторон и тянул изо всей силы, проволочка держалась крепко. Потом Тэд показал мне, что достаточно нажать в определенном месте, чтобы проволочка легко снялась. Словом, это была одна из тех вещей, при виде которых мы думаем: «Почему никто до сих пор этого не придумал?»

Я сказал, что это чертовски хитро придумано.

— Как ты до этого додумался?

Он улыбнулся.

— Ты не поверишь, как легко! С таких вещей я и хочу жить, с изобретения таких мелочей. В первый день после нашего приезда я запатентовал эту штучку, а потом послал ее одной фабрике.— Он довольно улыбнулся и добавил: — Сегодня пришел ответ: они дают мне полторы тысячи долларов.

— Согласишься?

— Конечно. Может, это не лучшее предложение, и, подождав, я, наверняка, получил бы больше, но я уже боялся, что мне не хватит на жизнь и выплаты за мебель, так что хорошо и это. Во всяком случае,— добавил он,— я смогу спокойно закончить очередной проект.

— А что это будет? — спросил я.— Конечно, если об этом мож-

но говорить.— Отложив корзину с помидорами, я сел на траву.

— Ну, разумеется,— ответил он.— Представь себе фонарик с маленьким циферблатом под самой кнопкой. Есть и рефлектор, но выпуклый и закрашенный черной краской, за исключением малюсенького отверстия посередине. Нажимаешь кнопку, из фонаря вырывается луч света — особого света — толщиной с грифель карандаша. Свет не рассеивается, и луч остается одной и той же толщины. Понимаешь?

— Да. Но для чего это служит?

— Для измерения расстояний. Нацель световую точку на предмет, до которого хочешь измерить расстояние, потом смотри на шкалу и читай отсчет с точностью до одной шестнадцатой дюйма.— Он улыбнулся.— Как тебе это нравится?

— Очень,— сказал я.— Но на чем основано действие?

— Действовать это будет от обычной батареи,— сказал Тэд и встал, как будто это был ответ.

Я понял, что он не хочет дальнейших расспросов, и больше не спрашивал его, но подумал, что если он сумеет смастерить это — он, который совсем недавно не мог отрегулировать газокосилки — то я просто турок. И все-таки я порой думаю, что он сможет.

Что и говорить, Хелленбек, наверняка, очень интересный человек. Однажды он сказал мне, что лет через пятьдесят можно будет за десять дней вырастить из семени взрослое дерево. Из самого обычного семени. И что появятся настоящие фабрики деревьев. Я спросил, почему он так решил, а он пожал плечами и сказал, что просто подумал так. А потом добавил, что когда-нибудь так все и будет, и думаю, он прав. Надеюсь, теперь вы понимаете, что я имею в виду: Хелленбеки были действительно интересными соседями.

Но, пожалуй, самым интересным было то, что случилось однажды вечером, когда мы сидели у нас на веранде. Как-то после ужина я читал журнал, который получил утром. Нелл сидела в кресле-качалке и что-то вязала. В журнале были одни научно-фантастические рассказы: люди с Марса, межпланетные путешествия, атомные войны и т. д. Я люблю такие истории, хотя Нелл считает, что это вздор.

Потом пришли Хелленбеки, Энн села рядом с Нелл, а Тэд встал рядом со мной, прислонившись к двери.

— Что читаешь? — спросил он.

С легким смущением я подал ему журнал. На обложке был изображен житель Юпитера с глазами на длинных стебельках.

— Не знаю, читал ли ты когда-нибудь такое,— сказал я.

— Я опробовала тот рецепт бисквитов,— сказала в этот момент Энн, обращаясь к Нелл.— Пальчики оближешь!

— Вам, правда понравилось? — Нелл была очень рада, и обе углубились в обсуждение кухонных секретов.

Тэд начал листать журнал, а я закурил и с чувством приятной усталости смотрел на улицу. Ночь была ясная и звездная. Тэд молча перелистывал страницы, изучал иллюстрации, читал тут и там и только однажды буркнул:

— Черт побери!

Он смотрел этот номер минут пятнадцать, и видно было, что его это увлекает. Наконец он поднял голову, вернул мне журнал и сказал так, будто был очень удивлен: — Это очень интересно, даже очень интересно!

— Да, некоторые из этих историй, действительно, неплохи,— ответил я.— «Кольерс» печатал недавно рассказ Рея Бредбери о человеке будущего, который бежит в наше время, но тайные агенты хватают его и забирают обратно.

— Да? — сказал Тэд.— Я пропустил его.

— Может, он еще у меня где-нибудь. Если найду, дам тебе почитать.

— Охотно,— сказал Тэд. Я думал, что он незнаком с такими вещами, но после паузы он продолжал: — Теперь, когда я знаю, что тебя интересует...— он на мгновение заколебался, потом закончил: — Дело в том, что я сам написал подобный рассказ.

Энн быстро взглянула на него, как делают женщины, когда мужья касаются скользкой темы, потом снова повернулась к Нелл, с улыбкой поддакивая чему-то. Однако, я был уверен, что она слышит все, что говорит Тэд.

— Не может быть,— сказал я.

— Да, я написал рассказ о мире будущего, именно такой...

— Тэд! — воскликнула Энн, но он только улыбнулся ей и продолжал:

— Энн всегда боится, что я надоедаю людям со своими идеями.

— Во всяком случае, это не самая умная,— вставила Энн.

— Разумеется,— поддержала ее Нелл,— я никак не могу понять, почему Ал зачитывается такой ерундой.

— Женщины, вернитесь к своим делам,— сказал Тэд,— никто не заставляет вас слушать нас. Дорогая,— обратился он к Энн,— с этим все по-другому. Беспокоиться не о чем.

— Ну, конечно,— вставил я,— это совсем безвредно. И, пожалуй, лучше, чем если бы мы пошли в кабак или пили дома.

— Так вот,— начал Тэд. Он встал поудобнее, улыбнулся, и видно было, что язык у него так и чешется.— Был у меня знакомый, с которым мы часто говорили о таких вещах и, в конце концов, сочинили целый рассказ. Скажу тебе даже больше: этот приятель был печатником-любителем и держал в подвале собственную печатную машину. Очень симпатичную машинку. Однажды мы для забавы напечатали это как статью в журнале, таком, каким он мог бы быть в будущем. У меня даже сохранилась одна копия. Хочешь, покажу?

— Тэд! — умоляюще воскликнула Энн.

— Все в порядке, дорогая, все в порядке,— ответил Тэд.

Конечно, я сказал, что очень хочу это увидеть. Тэд пошел домой и вскоре вернулся с узкой и длинной лентой бумаги.

На ощупь это была вовсе не бумага. Она не шелестела и не мялась и напоминала, скорее, какую-то тонкую ткань, хотя и была жесткой. Сверху виднелся заголовок, набранный длинными красными буквами, очень тонкими, но вполне читаемыми. Заголовок гласил: «Время в наших руках». Дальше шли подзаголовки: «Должно ли ПВ быть запрещено? Новый вопрос встал перед миром, охваченным страхом перед вымиранием и новым молекулярным оружием».

— У страницы такая странная форма,— сказал Тэд,— поскольку в таком виде она выходит с аппаратов для передачи текста на расстоянии.

Наши жены посмотрели на него с презрением и вернулись к своему разговору.

— Отлично сделано,— сказал я.

— Знаю,— ответил он и засмеялся.— Мы потратили много времени, чтобы придумать это и сделать.

Я снова взглянул на статью, и мое внимание привлекла гравюра посреди страницы. Это было улыбающееся лицо человека, которое, казалось, буквально выпирало с листа. Нос торчал вперед, а уши и затылок находились как будто в глубине. Печать была великолепна, цвета переданы восхитительно. Видна была каждая морщинка у глаз, блеск и влажность глазных яблок и буквально каждый волос на голове. Я поднес гравюру к глазам: она стала плоской и двухмерной, видно было, что это, несомненно, печать, но когда я отодвинул ее подальше, снова появилась трехмерная человеческая голова, пропорционально уменьшенная.

Подпись под снимком гласила: «Ральф Кент, 32-летний квантовый физик и первый в мире Путешественник во Времени. Первые его слова, когда он появился в лаборатории после пробы ПВ, облетели весь мир. «В Англии шестнадцатого века,— заявил он,— никто, похоже, не понимает по-английски».

— Твой приятель настоящий мастер,— сказал я.

— Ты говоришь о фотографии? — спросил Тэд.— Это может сделать любой, если только постарается. Но читай статью.

Я закурил новую сигарету и стал читать. Вот что там было:

«В октябре прошлого года в лаборатории Дефардей Электрик Компани в Шенектеди приступили к строительству первой действующей модели машины времени. Строго охраняемая тайна известна семи высшим служащим фирмы. Конструкция основывается на развитии основополагающих идей известного физика-теоретика прошлого столетия Альберта Эйнштейна.

Сделанную вручную модель ошеломляющего изобретения закон-

чили 18 мая текущего года. Стоила она, не считая четырех лет предварительных исследований, 190 тысяч долларов. Однако модель устарела еще до того, как приступили к испытаниям. Некий молодой австралийский физик, Финис Брайд из университета в Мельбурне, опубликовал отчет об опытах, в которых с успехом применил простые в обслуживании электромагнитные поля вместо традиционного и дорогого платинового сплава, используемого до сих пор в гравитационных нивеляторах. Таким образом, как заявили работники Дефардей Э. К. (ДЭ), стал возможным массовый выпуск дешевых машин времени.

Правление ДЭ сочло вопросом огромной важности необходимость сохранения изобретения австралийца в тайне перед конкурентами. Однако — и это было почти неизбежно — пока ДЭ перестраивалась на новую продукцию, тайна вышла наружу. Сразу же началась погоня между Аско, БСА и Истерн Электрик за новые рынки. Почти одновременно в борьбу включились промышленники Англии, России, Италии, а также телевизионные заводы, и уже в июле части для ПВ продавали в количествах...»

Дальше статья продолжалась в том же духе. Правда, сделано все было великолепно. Порой можно было подумать, что это писал профессиональный автор научной фантастики. Речь шла о том, что с началом лета производители машин для Путешествий во Времени начали огромную рекламную кампанию. В первый день продажи общественность вела себя скептически, но уже назавтра телевизионные станции — или что их там заменило — передали множество бесед с людьми, которые совершили путешествия во времени и были совершенно потрясены, потому что дьявольские машины действовали.

В карман засовывали маленький приборчик «возвращатель», потом включали аппарат, устанавливали шкалу и становились в пучке невидимых световых лучей. После этого человек вдруг оказывался точно в том времени и месте, на какое установил шкалу. Выйдя из аппарата, можно было включить механизм самовключения через определенное время и, пока «включатель» был в кармане, достаточно было вернуться на место, куда прибыл, чтобы вдруг оказаться в своей квартире, в пучке невидимого света. Люди совершенно помешались на этих путешествиях, и в момент, когда писалась статья, производство оборудования для ПВ било все и всяческие расходы. Не было семьи, которая не нашла бы по крайней мере ста пятидесяти долларов — цены самой дешевой модели.

Статья была написана с огромным жаром, и очень интересен был, например, тон беспокойства, проглядывавшегося в содержании. Похоже было, что с безумием путешествий во времени была связана какая-то страшная проблема, о которой автор не хотел говорить прямо. Он только намекал и задавал вопрос, не пора ли ввести но-

вые законы, но я так и не понял, что его, собственно, волнует. Путешествия во времени казались мне чем-то очень приятным.

— Отличная вещь,— сказал я Тэду, дочитав до конца.— Но в чем, собственно, дело? Где здесь собака зарыта?

Тэд пожал плечами.

— Сам не знаю,— сказал он.— Может, ее вообще нет. Но тебе понравилось?

— Очень.

— Можешь оставить себе, если хочешь. У меня есть еще экземпляр.

— Спасибо,— сказал я, пряча статью.— Но как, по-твоему, это должно закончиться?

— Ах,— ответил он.— Хватит уже об этом.— Он казался немного смущенным, как будто жалел, что начал этот разговор. Взглянул на жену, но та на него не смотрела.— Собственно,— произнес он,— все это кончается ничем, ибо вообще-то я не очень умею придумывать такие истории.

— Нет уж,— сказал я Тэду,— закончи, если начал.

Тэд очень серьезно взглянул на меня, а потом покачал головой.

— Нет,— ответил он,— это очень трудно объяснить. Ты должен был бы знать очень много вещей об этом мире будущего, мире, в котором люди просто страдали от страха перед самоуничтожением. Какие-то чудовищные виды оружия, которые могли разнести на кусочки всю Солнечную систему. Каждый человек боялся завтрашнего дня.

— Неужели это так трудно представить?

— Конечно,— рассмеялся он,— мы живем в спокойное время.

— Спокойное?

— Ну да. Почти никакого оружия за исключением атомных и водородных бомб, да и те в очень простом, примитивном виде.

Я кисло рассмеялся.

— В сумме,— продолжал Тэд,— мы живем в очень приятное время.

— Как хорошо,— сказал я,— что ты в этом уверен.

— Да, я уверен,— ответил Тэд с улыбкой, однако вскоре стал серьезным.— Через какие-нибудь сто лет все это изменится, можешь мне поверить. По крайней мере,— добавил он тут же,— так я и мой приятель представляем себе дальнейший ход нашей истории.— Он покачал головой и заговорил как будто сам с собой.

— Жизнь не будет представлять никакой радости. Каждый будет работать по двенадцать-четырнадцать часов ежедневно, а бóльшую часть дохода будут поглощать налоги. Остальное будет уходить на покупку необходимых вещей по ценам небывало высоким из-за производства вооружения. Множество ограничений и искусственно созданных потребностей, а над всем этим, убивая остатки ра-

дости жизни, уверенность в неизбежной смерти и уничтожении. Каждый работает и посвящает себя собственному уничтожению, понимаешь? — Тэд взглянул на меня.— Отвратительный мир, весь этот мир будущего, вовсе не такой, какой предназначен человеку.

— Говори, говори,— сказал я.— Ты прекрасно рассказываешь.

Он удивленно взглянул на меня, улыбнулся, а потом пожал плечами.

— Хорошо. Итак, путешествия во времени имеют такой же успех, как сегодня телевидение, только раз в сто больше, ибо это единственное настоящее удовольствие. И удовольствие необыкновенное. Уже через неделю после появления на рынке первых машин люди повсюду обзавелись ими и после работы отправлялись, например, поплавать или позагорать на каком-нибудь девственном пляже в Калифорнии, скажем, 1000 года. Или бродили в лесах штата Мэн до того, как там появились викинги. А то забирались на какое-нибудь возвышение и наблюдали битву крестоносцев с неверными.

Тэд улыбнулся.

— Не всегда это бывает безопасно. Какой-то человек из Ньютона в штате Канзас вернулся домой смертельно раненым стрелами. В Таллахессе вдруг исчезла целая семья, а их машина времени напрасно посвистывала, поскольку они не возвращались. То же самое происходит во все новых и новых местах всего мира. В Чикаго возвращается человек из однодневной экскурсии во Францию семнадцатого века, а назавтра он умирает от чумы. Ужас охватывает всех, но болезнь, к счастью, не расходится дальше. В Мил Велли, в Калифорнии, появляется некто с диким лицом, разбитыми руками и в драной одежде. На следующий день он совершает самоубийство. Оказывается, он был с женой в датском городе одиннадцатого века, и толпа, слыша их современный английский и видя странные одежды, бросилась на них. Жену забили камнями насмерть, как ведьму, а муж с трудом ушел.

Тэд с улыбкой подмигнул жене, он был явно доволен.

— После таких событий,— вернулся он к своему рассказу,— правительства и производители МВ предупредили общественность, которая быстро научилась осторожности. Организовали краткие курсы, как вести себя в разных временах, как подбирать одежду и следовать обычаям давних эпох, каких времен и мест следует избегать. Риск, конечно, все равно остается, но несчастные случаи и трагедии случаются редко.

У некоторых людей слишком длинные языки, и, появляясь в прошлом, они говорят слишком много, после чего оказываются в тюрьме или в сумасшедшем доме. Другие не могут устоять перед искушением заглянуть в опасные времена и падают жертвами подозрительности толп. Множество людей умирает от обычного насморка, совершенно изжитого в будущем, отчего раса потеряла к нему имму-

нитет. Но риск был всегда и во всем; а важным является то, что можно, наконец, действительно отдохнуть. Уйти от современности на неделю или хотя бы на час перед обедом. Вернуться во времена простые и спокойные, когда жизнь еще чего-то стоила. Вскоре в мире не осталось человека, который тем или иным способом не обзавелся бы оборудованием для ПВ.

Тэд взглянул на меня, потом на Нелл.

— И, конечно, началось то, что было неизбежно. Единственно возможное окончание моего рассказа. Может, вы уже сами поняли?

Я покачал головой. Тэд взглянул на Нэлл, та тоже ответила отрицательно.

— А ведь это так просто,— сказал он.— Люди попросту перестали возвращаться. Через месяц после введения ПВ людям во всем мире вдруг пришло в голову: а почему бы не остаться? Каждый успел уже выбрать себе любимое место и время в истории и географии мира, каждый был полон энтузиазма для совершения своего собственного открытия: какое-нибудь столетие или более короткое время, какая-нибудь страна, город, деревня, остров, какие-нибудь леса или же берег моря, словом, определенное место в определенном времени, которое подходило человеку. Так вот одна и та же мысль охватила всех: почему бы не остаться? Зачем возвращаться? Для чего?

Тэд отогнал заблудившегося комара и говорил дальше:

— В течение сорока дней население мира уменьшилось до семи миллионов, да и те почти все готовились к путешествию. И вот в мире осталась только маленькая горстка, та часть людей, которые хотят войны и готовят ее, но те, кто на этой войне должны сражаться, ушли. Прежде чем правительства успели понять, что происходит, и что-нибудь сделать — население мира почти полностью исчезло.

Последнее чрезвычайное заседание совета министров Соединенных Штатов было прервано, когда оказалось, что все члены правительства — за исключением одного — планируют выезд в разные эпохи. Еще шесть дней, и двадцать первый век был брошен, как тонущий корабль, а его население рассеялось в глубине всех предыдущих столетий. Из небольшого числа тех, что остались, тех, что предпочли современность, большинству тоже пришлось отправиться на поиски своих семей и друзей, ибо одиночество сделало их жизнь непереносимой.

Тэд некоторое время смотрел на нас, потом сказал:

— Вот так, мои дорогие, кончился мир. Он оказался на краю пропасти и одной ногой уже стоял над ней, но остановился, повернулся и пошел обратно, оставив покинутую Землю на волю птиц, насекомых, ветра, дождя и смертоносного оружия.

Некоторое время Тэд стоял, глядя в пространство, и никто из нас не говорил ни слова. Наконец он улыбнулся:

— Ну что, как тебе это нравится, Ал? Хороший рассказ?

— Да,— медленно ответил я, продолжая думать об услышанном,— очень понравился. Почему ты не напишешь этого? Может, и напечатают.

— Я уже думал об этом, но, честно говоря, предпочитаю изобретения. Это проще.

— Но ведь рассказ хорош... Хотя,— добавил я,— в нем есть недостатки.

— Наверняка,— согласился Тэд.— Но какие?

— Ну, хотя бы это: неужели люди давних эпох не заметили внезапного населения?

— Не думаю. Если рассеять население мира на столько столетий, то для отдельных периодов или мест это будет капля в море.

— Ладно,— сказал я.— А, скажем, изобретения. Разве люди, путешествуя в прошлое, не пробовали вводить там изобретений двадцать первого века?

— Не думаю. Ты имеешь в виду, например, межпланетные корабли в 1776 году?

— Примерно.

Тэд покачал головой.

— Это невозможно. Допустим, ты отступил на сто лет, смог бы ты собрать телевизионный приемник?

— Нет.

— А радиоприемник?

— Это проще, скажем, детекторный.

— Допустим, ты собрал бы его,— сказал Тэд,— хотя сомневаюсь, что ты нашел бы все нужные материалы — например, медную проволоку. Но допустим. А что бы ты с его помощью принимал? Сказал бы людям, что это радио и для чего оно служит, а они бы тебя посадили. Разве нет? Подумай, что знают люди о всех тех чудесных вещах, которыми сегодня пользуются каждый день? Практически ничего. А горстка, которая знает, не нашла бы материалов и частей, нужных для создания простейших аппаратов, за пределами времени, к которому они принадлежат. Значит, ты смог бы, максимум, ввести пару самых простых вещей ежедневного пользования. Например, современную булавку в шекспировской Англии. Да и то, если бы нашел подходящую сталь. А пара таких мелочей не изменит истории мира.

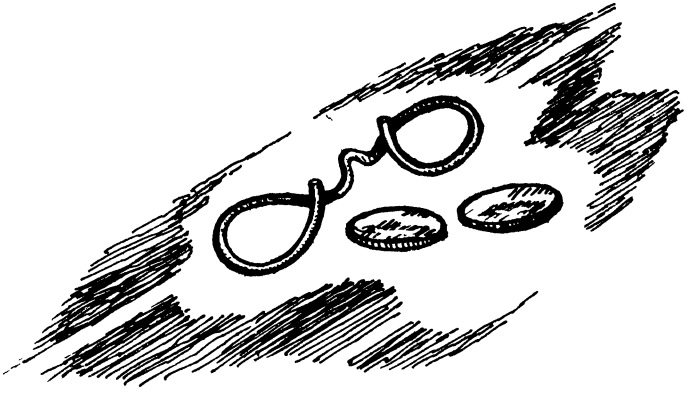
— Да, мой дорогой,— закончил Тэд,— тебе бы пришлось приспособиться к миру, вне зависимости от твоих знаний о будущем.

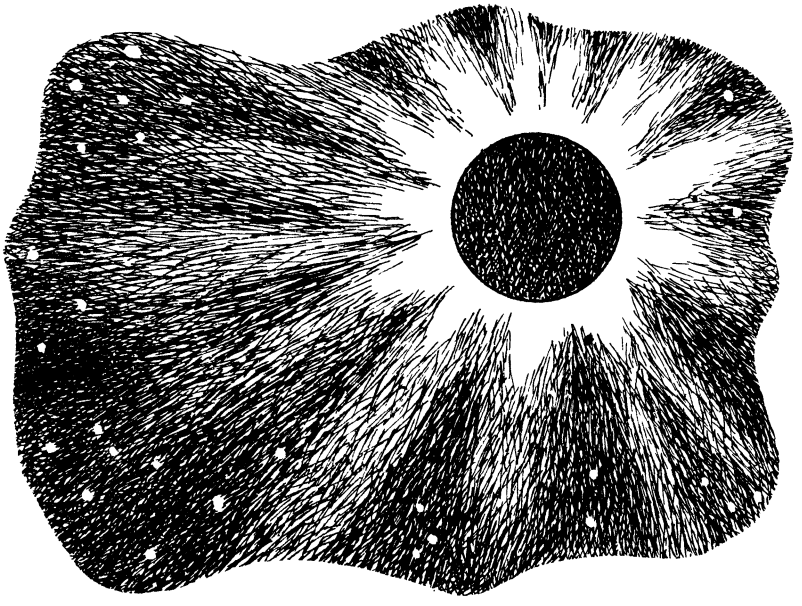
Я больше ничего не сказал. Да и зачем мне было искать новые проколы в рассказе Тэда? Войдя в дом, я принес для всех пива и еще раз похвалил историю Тэда. Тогда Нелл призналась, что и ей понравилось. Даже Энн, подумав, согласилась с нами. А потом разговор пошел о другом.

Но я возвращаюсь к своему. Как я уже говорил, у Хелленбеков были свои странности, и, несмотря на них, они были очень интересными соседями. Поэтому я действительно расстроился, когда вскоре после этого они уехали от нас. Уехали к каким-то старым друзьям, с которыми вместе росли, так что ничего странного в этом нет, хотя они всегда говорили, что любят Калифорнию и здешних людей.

Они перебрались в Оранж, в штате Нью-Джерси. Их друзья собирались там поселиться, а Хелленбеки хотели их упредить. Они договорились встретиться весной 1951 года, и Тэд хотел быть на месте пораньше.

В доме рядом живет теперь новая супружеская пара. Это милые люди, они хорошо играют в бридж, и мы их любим, но сам не знаю почему, после Хелленбеков они кажутся такими скучными.





О. Лесли

СОЗДАТЕЛИ

Эта история относится к типу «что было бы, если...» Мы знаем, что скорость света равна тремстам тысячам километров в секунду — теоретически ни одно материальное тело не может двигаться быстрее скорости света. Но что произойдет, если космический корабль достигнет этой скорости? Что произойдет тогда, ведь пространственно-временной континуум сбалансирован относительно скорости света.

Деймону не хотелось улетать.

В тот день, когда межзвездный корабль по расписанию должен был покинуть планету Векса, он бродил по пористым кочкам, окутанный непрерывными мрачными сумерками, высматривая новые виды колючих и вьющихся растений. Остальные члены экспедиции, наблюдавшие за ним из корабля, знали, что есть нечто, что заставляет Деймона задерживать отлет. Это была тайна, присутствие ко-

торой каждый из них почувствовал с момента посадки — что-то зыбкое, магическое в воздухе этого странного, жуткого мира за миллиарды миль от Земли. Странного и притягательного.

— Капитан Деймон, сэр,— почтительно сказал в коммутатор молодой офицер-навигатор Иверс.— Экипаж удивлен, сэр.

Капитан выпрямился с виноватым видом.

— Все в порядке, Рик. Начинайте проверку управления. Я буду через несколько минут.

— Да, сэр.

Три члена экипажа молча посмотрели друг на друга и сосредоточились на подготовке систем «ГЕНЕЗИСА» к длительному полету домой.

Землю они покинули почти шесть месяцев назад, как и тысяча других исследовательских экспедиций. Они летели к созвездию Андромеды, чтобы доставить в Центральное Межзвездное Бюро на Земле данные о планете Векса. Они великолепно выполнили свое задание, и теперь пришло время возвращаться.

Такие полеты стали обычными; при возвращении не будет ни фанфар, ни парадов. Но в каждом из четырех сердец под тонким, как кожа, космическим скафандром жила надежда, что открытие какого-нибудь неизвестного минерала принесет им лавры героев.

Это открытие сделал Иверс. Исследуя древнюю, ржавого цвета руду, которой изобиловала планета, он обнаружил нечто такое, что заставило его молодое почти безбородое лицо удивленно вытянуться.

— Может быть, мне мерещится, капитан, но вот элемент, о котором я никогда не слышал.

Деймон собственноручно во второй раз проверил находку, и на его обычно угрюмом лице отразилось восхищение.

— Черт возьми, все верно. Это тот самый элемент Икс, о котором всегда говорили — элемент, которого нет на Земле.

Лондон, корабельный математик, тихо смеялся. Он был коренаст и дороден и маскировал свое оксфордское образование под нью-йоркским акцентом.

— Это небылицы, капитан,— сказал он.— Старый космический миф. Во Вселенной не может быть новых элементов. Только старые добрые железо, никель, медь, цинк...

— Или с нами что-то не в порядке, или с приборами. Но это вещество по плотности превышает все, о чем я когда-либо слышал. Его атомный вес более чем в два раза превышает атомный вес урана.

Лондон не обратил внимания на его слова, взял немного руды и удивленно воскликнул, когда небольшой самородок оттянул его руку к колену.

— Тяжеловато, не так ли? Вы никогда не думали...

— Я говорю вам, он новый! — с энтузиазмом воскликнул Иверс.

— Самый подходящий для ядерной энергетики материал! Вы понимаете, каким ценным может оказаться это вещество?

— Не фантазируй,— хмыкнул Фаррел, долговязый инженер.— Мы не можем ставить какие-либо эксперименты с ним. Все, что мы можем сделать — это доложить о находке в Центральное Межзвездное Бюро.

— Но нам за это кое-что перепадет, капитан Деймон,— он вертелся перед главным офицером, и глаза его светились.— Вы позволите мне установить обогатительное оборудование? Если бы я мог привезти чистое вещество...

Деймон помотал головой.

— Подумайте, у нас появился шанс выделиться. Ну, пожалуйста, капитан! Если брать сырую руду, то с нашим ограничением стартового веса мы захватим с собой всего лишь несколько фунтов этого элемента.

Они поспорили, и капитан наконец согласился. За три недели было добыто почти шесть тысяч фунтов чистого вещества, и все они уместились в ржавом контейнере объемом менее кубического фунта.

Теперь можно было стартовать обратно, но они не были готовы. По мере того, как длинные сумеречные дни проходили один за другим, ими овладевало мистическое обаяние планеты. Они не знали, чем объясняется их дремотное состояние, но чувствовали, что им трудно включить двигатели, которые должны унести их отсюда.

— Капитан Деймон,— снова сказал Рик в коммутатор.— Управление проверено. Мы готовы стартовать в любое время, как только вы прикажете.

Они услышали ответный вздох капитана.

— Хорошо Рик. Я буду на борту через пять минут.

Они увидели, как фигура в скафандре выпрямилась, оглядывая серо-голубое небо. Деймон вскарабкался по узкой приставной лесенке и, как только блестящая макушка его шлема показалась у входа, сказал:

— Готовьтесь к старту.

Корабль вели автоматы, люди только смотрели в иллюминаторы на удаляющийся туманный шар планеты.

Космос выглядел пустым и бездушным.

— Ну, что ж,— сказал Деймон.— Теперь наступят тяжелые деньки.

Они знали, что он имел в виду. Обратное путешествие займет более трех месяцев. Делать будет почти нечего, разве только развлекать друг друга. Это будет трудно, но они справятся.

— Что за черт,— громко сказал Лондон, глядя на Рика.

— Ты что, плачешь?

— Я ничего не могу поделать с собой,— свирепо пробормотал

сквозь слезы Иверс.— Я не знаю, что на меня нашло. Но я чувствую такую дьявольскую печаль, как будто у меня кто-то умер.

Фаррел похлопал его по плечу:

— Все о'кэй, малыш,— протянул он.— Я тоже чувствую себя на редкость отвратительно. Должно быть, это связано с изменением давления или с чем-нибудь еще.

— Нет,— сказал капитан.— Это что-то другое. Я чувствую, что что-то произошло или должно произойти. Я тоже не могу ничего объяснить, но это что-то существует.

Они удивленно посмотрели друг на друга, пытаясь увидеть ответ на лицах. Затем Лондон принужденно рассмеялся и сказал:

— У меня появилась идея. Давайте обратимся к старику Чарли Чаплину. Он вытащит нас из этого уныния.

Деймон осклабился.

— О'кэй. Как насчет «Огней большого города»?

Они установили кинопроектор, и Лондон включил его. Но во время сеанса никто не смеялся.

Опасность они обнаружили днем позже. Это могло случиться и раньше, но никому и в голову не пришло контролировать управление.

Фаррел заметил это случайно.

— Какая у нас скорость? — спросил Деймон.

— Она увеличивается. Это не соответствует программе полета,— ответил Фаррел.

— Мы наращиваем скорость.

— Значит, приборы врут,— нахмурился капитан.

Он проверил их сам. Отличие в их показаниях было незначительным, но оно было. Это непорядок — корабельная автоматика должна поддерживать строго установленную скорость.

— О'кэй, ребята,— сказал Деймон.— В ближайшие дни скучать нам не придется. Нам необходимо проверить все приборы и механизмы «ГЕНЕЗИСА».

Лондон тяжело вздохнул.

— Да, это работка, капитан.

— Труд облагораживает человека.

Проверка не выявила ни малейшей неисправности в корабельном оборудовании, и Деймон принял другое решение:

— Лейтенант Иверс, ваше измерение скорости лагом дало 144770; на спидометре же 144703. Мы не нашли на корабле никакой неисправности, значит, ошиблись вы.

— Минутку, капитан,— сказал Лондон.— Может быть, все само собой пришло в норму? Спидометр сейчас показывает 144708.

Деймон уставился на него.

— Этого не может быть...

— Но это так. Может быть, это какое-то неизвестное нам явление?

— Что за явление? — сказал Фаррел.— Никогда не слышал ни о чем подобном. А я получил крещение космосом еще мальчишкой.

— Я не знаю,— сказал капитан,— но здесь нет ничего удивительного. Во всяком случае, пока.

Через два дня спидометр показал 144800.

— Ничего страшного,— снова сказал Деймон, громко и натянуто, словно хотел заглушить свой страх.— Расхождение очень незначительно. Мы раньше вернемся домой, только и всего.

Лондон, сидя у корабельного компьютера, чесал затылок и хмурился.

— Может быть, слишком рано,— сказал он.— Если мои вычисления верны, мы будем увеличивать скорость примерно на 0,000009 в час. Если вы построите отношение...

— Я сказал, прекратите. Мы все равно ничего не можем с этим поделать — значит, будем смотреть и ждать.

Они ждали.

Через шестьдесят часов скорость «ГЕНЕЗИСА» увеличилась на одну треть.

Они посмотрели на спидометр. Деймон сказал:

— Ну ладно, мы попали в переплет. Так давайте же не терять головы и искать выход из этого положения.

— Это все Векса,— горько произнес Лондон.— Она нас околдовала.

— Новый элемент,— сказал Иверс, облизывая губы.— Может быть, это он оказывает влияние на наши приборы. Откуда мы знаем, что́ может сделать неизвестный нам расщепляющийся материал?

— Но вы же знаете,— ответил Деймон,— что у нас инерциальные приборы, и никакой магнетизм, никакая радиация не может влиять на них, на их показания. Но это все-таки мысль. Может быть, элемент воздействует на сами двигатели корабля?

Фаррел хмыкнул.

— Никогда не слышал ни о чем подобном.

— Может быть, и так. Но мы никогда не слышали и о таком элементе. Итак, давайте проверим это.

Иверс с головой ушел в изучение проблемы, чувствуя персональную ответственность за элемент с Вексы. Он доложил через три дня, когда скорость корабля увеличилась уже наполовину.

— Что-то происходит. Это не радует меня, капитан. Вещество увеличивает плотность и радиоактивность. Я не могу сказать насколько они уже увеличились. Наши приборы недостаточно чувствительны.

— Я говорю вам, его надо выбросить! — крикнул Лондон.

— Нет! — Иверс тоже почти кричал.— Мы не можем сделать этого. Это единственная ценная вещь, которую мы везем домой...

— Давайте не будем волноваться,— успокаивающе проговорил Деймон.— Мы немного подождем и посмотрим, что произойдет. Если элемент станет еще более активным, то он, вероятно, и является виновником всех неполадок. Нам не останется ничего другого, кроме как выбросить его, если мы не хотим врезаться в Землю на скорости в миллион миль в секунду. Мы будем просто вынуждены избавиться от него.

— Не может быть, чтобы это был элемент,— сказал Иверс.— Это почти невероятно...

— Тебе не хочется, чтобы это оказался он,— усмехнулся Лондон.— Ты думаешь, это вещество сделает нас героями.

Они с вызовом посмотрели друг на друга, и капитан сказал им:

— Спокойно, джентльмены. Мы ничего не знаем наверняка.

На следующий день они уже знали наверняка.

— Скорость все увеличивается,— сказал Фаррел.— Она увеличивается еще более высоким темпом, чем раньше.

— Что с элементом?

— Нагревается,— угрюмо сказал Иверс.— Я полагаю, у нас нет выбора.

— Готовьтесь выбросить его,— сказал Деймон.

Все четверо направились в грузовой трюм, где на опорах лежал футовый кубик ржавого цвета. Они развернули электромагнитный подъемник, приготовили его и направили контактную шайбу на куб.

— Смотрите! — закричал Иверс.

Подъемник и его шайба заскользили с такой скоростью, что зарябило в глазах. Контактная шайба с лязгом врезалась в элемент с Вексы.

— Вы видели? — спросил Иверс, выпучив глаза.— У этого вещества магнитное поле сильнее, чем у подъемника. Мы не можем выбросить его!

— Этот маленький куб — словно концентрат гравитации,— сказал Лондон.— Он притягивается к чему-то вне корабля. Может быть, именно из-за этого увеличивается наша скорость: может быть, что-то тащит к себе этот чертов кусок вещества.

— Но что? — спросил Фаррел.— Мы в восьми миллионах миль от ближайшего твердого тела достаточных размеров.

Деймон казался задумчивым.

— Земля,— сказал он.— Может быть, Земля?

Они удивленно посмотрели на него.

— Хоть это и звучит дико, но я чувствую, что элемент притягивается к Земле и на наше несчастье увеличивает нашу скорость.

— Мы можем все проверить,— просто сказал Фаррел.— Давайте немного изменим курс. Нам не нужно опасаться, что это удлинит наше путешествие, мы и так опережаем сроки на несколько недель.

— Хорошо,— сказал Деймон.— Давайте попытаемся развернуть корабль по шести направлениям. Сделаем это в порядке эксперимента.

Они последовали в рубку ручного управления кораблем. Они смотрели, как капитан отключил автопилот и взялся за рукоятки включения вспомогательных двигателей. И увидели, как побелело его лицо.

— Что случилось? — спросил Иверс.

— Двигатели не запускаются. Абсолютно никакой реакции.

— Этого не может быть...

— Это так. Управление не действует. Мы больше не можем управлять кораблем.

Лондон выругался:

— Этот чертов элемент будет указывать, куда мне лететь...

— Если мы не можем изменить курс,— сказал Фаррел,— и скорость будет продолжать нарастать...

— Мы разобьемся! — воскликнул Иверс. В его голосе слышался страх.— Мы больше не сможем затормозить корабль. Мы не сможем замедлить нашу скорость...

— Это будет рекорд,— усмехнулся Фаррел.— Может быть, мы даже достигнем скорости света. Так вот почему ты так разгорячился, Рик.

— Нам необходимо избавиться от этого металла,— напряженным голосом сказал Деймон.— Это наша последняя надежда.

— Но как? Мы не можем сдвинуть его с места! Мы ничего не сможем сделать с ним, если он этого не захочет...

— Мы должны попытаться. Это все, что я могу придумать.

Они старались сдвинуть его, но безуспешно. Скорость «ГЕНЕЗИСА» все увеличивалась и увеличивалась.

Наконец они приняли решение.

— Металл с Вексы нагревается,— сказал Иверс.— Радиоактивность его увеличилась в тысячу раз. То же и с плотностью. Теперь этот куб должен весить миллионы фунтов. Это невероятно...

— Но это так,— сказал Лондон.

— Это опасно. Элемент обладает такой взрывной силой, что тысяча кобальтовых бомб по сравнению с ним — маленькие зажигалки. Как только что-нибудь спустит курок в этом веществе...

— Произойдет величайший взрыв в истории Земли,— закончил Фаррел.— Мы превратимся в сверхновую...

Капитан Деймон подошел к иллюминатору и пристально посмотрел на неподвижные немерцающие звезды.

— Он обязательно взорвется,— сказал капитан глухим голосом.— Нет никакого сомнения. Если наша скорость будет все время так же удваиваться и утраиваться, мы врежемся в Землю с силой кобальтовой бомбы. Элемент взорвется и — конец.

Он повернулся к экипажу.

— Это будет конец не только для нас,— спокойно закончил он.— Конец всего. Всей планеты. Земли.

Все ошеломленно молчали.

— Мы ничего не можем сделать? — спросил Лондон.

Сердитое выражение, до сих пор остававшееся на его лице, внезапно исчезло, а голос показал, что он подчинился неизбежному.

— Есть только одно, что я могу придумать. Подождать, пока мы не войдем в зону радиосвязи с Землей. Рассказать им, что произошло. Пусть пошлют корабль-перехватчик.

Иверс прикрыл рукой дрожащие губы. Он был молод, недавно женился и недавно работал в космосе. Он только начал узнавать, как сладка может быть жизнь.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы обстрелять «ГЕНЕЗИС». Разрушить корабль прежде, чем мы врежемся в Землю.

Они несколько минут помолчали, потом Фаррел сказал:

— Мы уже знали все, когда покидали ту безумную планету. Нас ожидает особая судьба...

— Я не хочу особой судьбы,— жестко сказал Деймон.— Я не хочу подчиниться ей. Я лучше погибну в космосе...

— Говорят, мир погибнет в огне,— мечтательно проговорил Лондон.— Этим огнем будем мы...

— Нет, если нам смогут помочь! Нет, если они смогут остановить нас. Иверс! Иверс!

— Да, сэр?

— Сделайте несколько вычислений. Вы и Лондон. Просчитайте, когда мы войдем в зону радиосвязи с Землей.

— Я могу сказать вам, когда,— ответил математик,— с нашей теперешней скоростью — через восемь или девять дней. Если же скорость снова удвоится, то и срок этот сократится наполовину.

— Линда,— сказал Иверс.

— Что?

— Линда,— у него были круглые глаза.— Она же ждет меня, капитан. Только несколько дней, а потом я должен был покинуть...

Деймон внимательно посмотрел ему в лицо.

— Выбрось это из головы, Рик.

— Черт возьми,— сказал Иверс. Он почти плакал.— Мы ходили в отель на Парк Авеню, очень модный, там всегда прохладный кондиционированный воздух. Дурацкий способ начинать медовый месяц...

— Смотри на это проще, Рик,— осторожно тронул его за плечо Лондон.

— Чертовски приятно смотреть на Линду. А как вам, Лондон? Почему вы к ней никогда не приставали? Боялись ответственности? — смех прорвался через его сжатые губы.

— Он тронулся,— протянул Фаррел.— Может быть, мне дать ему небольшую встряску?

— Стрелять! — Рик Иверс внезапно вскрикнул и подскочил.— Почему они не стреляют!

— Приди в себя! — Лондон схватил его за руку, но молодой человек дико выдернул ее.

— Не давайте им делать этого! Не давайте им делать этого, капитан!

Он подпрыгнул к потолку и выхватил гаечный ключ из магнитной защелки на металлической стене. Прежде чем они разгадали его намерения, он был уже около радиостанции и разбивал панель приборов, вдребезги кроша сопротивления и транзисторы. Фаррел настиг его через несколько секунд. Его большие руки легли на орудие разрушения, но Иверс в своей безумной панике черпал необычайные силы. Он развернулся и отбросил Фаррела. Подскочили Лондон и капитан Деймон, но только через несколько минут они смогли утихомирить буйствующего навигатора. Иверс, плача, лежал на своей кровати, а Фаррел безнадежно смотрел на разбитую радиостанцию.

— Это катастрофа,— сказал он, качая головой.— Ужасная катастрофа. Он не тронул приемник, но весь передатчик — на кусочки.

Казалось, Деймон борется с собой. Наконец, проиграв это Ватерлоо, он набросился на молодого человека.

— Вонючий трус! — вскричал он.— Предатель...

— Прекратите, капитан,— оборвал Деймона Лондон, также находящийся на грани срыва.— Он не виноват. Он не в себе...

— Он сделал это вовремя,— сказал Деймон, тяжело дыша.— Он обманул нас, это уж точно. Теперь мы должны покориться своей судьбе.

Шатаясь, он подошел к иллюминатору.

— Боже! — сказал он.— Не дай этому свершиться. Сделай так, чтобы это не было нашей виной.

Он продолжал молиться в охватившей его дикой панике.

Через четыре дня «ГЕНЕЗИС» шел уже со скоростью 167000 миль в секунду.

— На следующий день,— спокойно сказал Лондон.— Может быть, и раньше.

— Как Рик?

— Спит. Я вкатил ему изрядную дозу наркотика, если вы это имели в виду, капитан. Было бы неплохо, если бы он проспал все то время...

Он остановился.

— Я понял,— сказал капитан.

— Это неплохой выход для нас всех. Ведь мы не хотим думать о том, что будет. О разрушении созданного за миллиарды лет...

— Нам еще может повезти. Метеорит врежется в нас прежде, чем мы достигнем Земли...

— Даже это не поможет теперь. Металл накопил столько взрывчатой энергии, что прямо сейчас может разрушить всю Солнечную систему. Это неотвратимо, Лондон, другого слова не подберешь.

— Капитан,— Фаррел смотрел прямо на него.— Я поймал по рации Землю. Хотите послушать?

— Нет... Да,— сказал Деймон.— Давайте, послушаем.

В течение десяти минут из приемника доносились только писки и хрип, затем пробился человеческий голос:

— ...святое посвящение, святые намерения, единодушие в сердцах всех жителей Земли. Это цель Федерации, цель, которой мы будем добиваться. Мы добьемся ее или умрем...

— Что за черт,— сказал Лондон.— Это не управление Центрального Межзвездного Бюро.

— Мы попали на общественное вещание,— сказал капитан.— Что-то похожее на Калвера, Президента Федерации.

— Наверное, он. Смешно, не правда ли? Потом, как вы знаете, мы услышим рекламные песенки, коммерсы. Дурацкий способ встречать конец мира...

— Слушайте,— сказал Деймон.

— Седьмое отделение Лунных Военных Сил высадилось около кратера Тихо Браге в надежде окружить мятежников. Марсианское руководство докладывает...

— Что-то не то,— сказал Лондон.— Похоже на старые программы новостей во время Лунной Революции. Должно быть, какая-то специальная программа...

Дальше последовали обрывки музыки, очень странно перемешанные друг с другом, но мелодия вызвала у Лондона крайнее удивление.

— Теперь я знаю — я свихнулся,— сказал он.— Эти песни столетней давности звучат, как будто бы их сочинили только вчера.

— Какая у нас скорость? — задумчиво спросил Деймон. Он встал и подошел к спидометру.

— Смотрите! — громко сказал он.— На ваших глазах произошло эпохальное событие. Мы превысили скорость света.

— Без дураков? — Лондон тоже подошел к спидометру и свистнул.— Верно. 188979 миль в секунду. Если только приборы не врут...

— Все правильно.— ответил Деймон.— При все возрастающей скорости это неизбежно. Да, это величайшее достижение, но оно произошло не вовремя. Мы никак не сможем использовать его.

— Какая возможность! Эйнштейн продал бы душу за этот шанс, а, капитан? Но я не ощущаю ничего необычного. Я не исчез, и со мной ничего не произошло. А что должно было произойти согласно теории?

— Я не знаю. Никто никогда не попадал в такую ситуацию. Кроме того...

— Эти радиопередачи становятся все забавнее и забавнее, капитан,— сказал Фаррел.— Я думаю, мы ловим радиопередачи из прошлого века...

Деймон не ответил, но его лицо приняло такое странное выражение, что астронавты прекратили разговор и ждали, что он скажет.

— Скорость света,— произнес он.

— Что вы имеете в виду, капитан?

— Когда-то думали, что превзойти ее невозможно. Но мы сделали это. Металл сделал это.

— Ну и что?

— Говорят, что ни одно материальное тело не может превысить скорость света без серьезных последствий. Полный поворот времени.

— Ерунда,— фыркнул Лондон.— Ничего не может двигаться по времени вспять. Это бред сумасшедшего.

— Ничего не может двигаться со скоростью, с которой двигаемся мы, но ведь мы движемся. Может быть, может двигаться что-то еще? Может быть, мы движемся вспять и во времени? Именно поэтому мы принимаем странные радиопередачи...

— Передачи прекратились,— сказал ему Фаррел.— Прием окончен.

— Приемник в порядке?

— По-моему, да. Просто нет больше никаких радиопередач.

— Потому что их больше и не должно быть. В то мгновение истории, которое сейчас на Земле...

— Вы это серьезно? — спросил Лондон.

— Вы действительно думаете, что сейчас мы путешествуем во времени?

— Да,— Деймон подошел к иллюминатору.— Теперь мы смотрим на молодую Солнечную систему. Мы все время движимся вспять во времени.

— Что произойдет, когда мы достигнем Земли?

— То же, что и раньше... Мы уничтожим ее, безусловно, уничтожим. Может быть, уничтожим даже всю Солнечную систему...

— Но это же абсолютно невозможно! — с сомнением фыркнул Лондон.— Если мы уничтожим молодую Землю, значит, мы уничтожим и ее будущее. Это означает, что не будет никакого «ГЕНЕЗИСА», никакой планеты Векса, ни тебя, ни меня, ни Фаррела, ни Иверса, ни этого чертового элемента...

— Он прав, капитан,— мягко сказал Фаррел.— Это парадокс, значит, этого не может быть. Мы не можем уничтожить самих себя, прежде, чем появимся на свет.

— Я не могу объяснить этого. Но я почти уверен, что это так. Это единственный ответ.

Они все вместе смотрели в иллюминатор. В это время Рик Иверс спал в своем наркотическом сне, выражение его лица было мирным и безмятежным.

— Может быть, это произойдет в следующий час,— сказал Лондон.

— Даже раньше,— ответил Фаррел.

— Судьба,— сказал капитан Деймон.— Но какая?

— Я не могу принять все это,— Лондон оторвал свой взгляд от иллюминатора и подошел к корабельному компьютеру.

— Я должен заняться делом. Я вычислю наш курс и посмотрю, где мы находимся.

— Хорошая идея,— сказал Деймон.

Через двадцать минут математик поднял глаза от экрана компьютера.

— Мы почти на месте. Почти дома.

— Корабль меняет направление,— сказал Деймон.— Я чувствую это. А вы?

— Вы правы. Мы начинаем падать. Металл тянет нас вниз...

В следующее мгновение в иллюминатор ударила вспышка света, такая яркая, что все трое подняли руки, защищая глаза.

— О, боже! — воскликнул Деймон.— Что это?

— Солнце...

— Нет! — закричал Лондон.— Наше Солнце никогда не было таким...

— Идиотизм! Все вокруг совершенно неправильно...

— Это не может быть Солнечной системой. Мы угодили в ловушку. Чертов элемент доставил нас прямо в ад...

— Это какая-то гигантская звезда,— сказал Деймон слабым голосом.

— Это не наше Солнце...

— Но это должно быть Солнце. Другого ответа не существует...

— Мы нагреваемся! Температура растет...

— Боже мой, как жарко!

— Все не так, все неправильно! Где же Земля? Где Луна? Где все планеты?

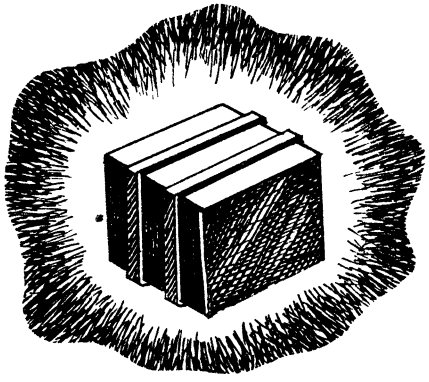
— Одно только Солнце. Гигантское светило...

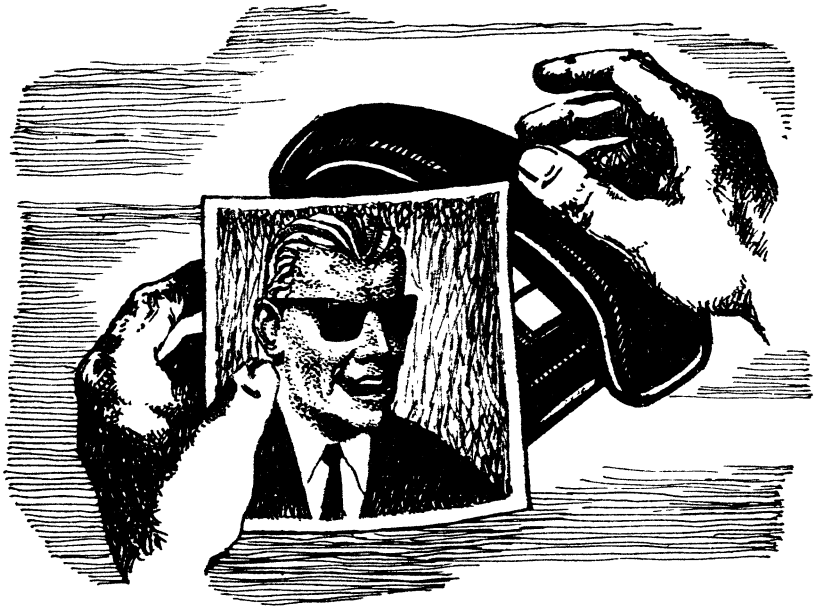
— Боже! Боже! — внезапно воскликнул Деймон, падая на колени перед ужасным огненным шаром в иллюминаторе, чей ужасающий свет и тепло заполнили весь корабль.— Боже, пожалуйста, пожалуйста...

— Нет! Нет! — крик Деймона прорывался сквозь все нарастающий гул колоссального горнила, тянущего их к себе, к смерти...

— Вы не понимаете! Никто из вас не понял! Это наша настоящая судьба! Создать Землю, а не уничтожить ее. Сотворить Солнечную систему, а не положить ей конец! Именно поэтому все так случилось — поэтому все так и произошло...

Они не услышали его последних слов. Огромное Солнце звало, и корабль ответил на его зов, стремясь в самое сердце огромной звезды. Он нес в себе атомы, которые потрясли Вселенную мощью своего взрыва, породив пылающие клочья, кружащиеся в пространстве. Если бы Бог существовал и умел считать, он насчитал бы девять таких клочьев.





Л. Альдани

ПСИХОСОМАТИЧЕСКИЙ ДВОЙНИК

«Нет, мой малыш,— сказал Дарбеда, покачивая головой,— это невозможно».

Ж. П. Сартр. «Комната»

Плоская сигарета, намного длиннее обычной. Аманда, не зажигая, покрутила ее своими нервными пальцами. Понюхала. Время от времени она в задумчивости роняла ее в широкий рукав домашнего халата и тотчас же торопливо доставала обратно.

Муж был в соседней комнате. Джон запретил ей курить гипнофен. В последний раз, застав Аманду за курением, он устроил бурную сцену, настоящий скандал, который закончился обещанием Аманды не предаваться этому пороку.

Но она не могла отказаться от этого. Она обожала мечтать с широко открытыми глазами, любила безумные грезы и приключения,

где одновременно бываешь актером и зрителем. Гипнофен это может. В сумерках зажигаешь сигарету, усаживаешься перед белой стеной, и после нескольких затяжек, картины и события, которые ты хочешь увидеть, как на экране начинают сменяться и накладываться друг на друга. В своих грезах можно увидеть самое желанное, можно путешествовать, где угодно, или выбрать мгновение из своей прошлой жизни, и вновь пережить то, что будет дальше. Все это может повторяться по желанию курящего два, три, десять раз подряд — до тех пор, пока не прекратится действие гипнофена и грезы не рассеются окончательно.

Аманда жила только этим. Услыхав в коридоре шаги Джона, она в страхе спрятала сигарету между страницами журнала и небрежно бросила его на столик.

Когда Джон открыл дверь, Аманда даже не обернулась.

— Я собираюсь навестить Эдит.

Он постоял в дверях, потом подошел к ее креслу.

— Ты была вчера у нее?

Аманда кивнула, взяла со столика пилку и принялась сосредоточенно обрабатывать ногти.

— Как она выглядит? — спросил Джон.— Вчера ты мне ничего не сказала, я узнал обо всем только сегодня за завтраком. Тебе не кажется, что ей лучше?

Аманда с трудом подняла глаза:

— Отстань, Джон. Ты прекрасно знаешь, что она совсем сойдет с ума, если у нее не забрать его...

— Замолчи!

— Прекрасно, я молчу!

— Я всего лишь спросил тебя, не лучше ли ей.

— Нет,— твердо ответила Аманда.— Нисколько не лучше.

Джон, заложив руки за спину, принялся медленно ходить вокруг кресла.

— Я говорил о ней с доктором Шютом,— он остановился.

— Мне кажется, ты совершил глупость,— возразила Аманда.— Доктор Шют не психиатр.

— Я знаю. Но, тем не менее, нужно знать и его мнение.

Аманда пожала плечами и, когда Джон умолк, безразличным голосом спросила:

— Что же он тебе сказал?

— Сначала он мне не поверил, но в конце концов согласился взглянуть на Виктора.

Аманда вскинулась.

— Джон! — раздраженно воскликнула она,— не зови его больше так, прошу тебя. Прекрати разыгрывать комедию!

Джон, едва открыв рот, вдруг умолк, схватившись руками за голову.

— Хорошо,— сдержанно ответил он.— Я назвал его так, не подумав. Кем бы он ни был, доктор Шют считает, что пока лучше не вмешиваться. Пусть Эдит остается со своими иллюзиями пока...

— Пока совсем не сойдет с ума,— закончила Аманда.

Джон трижды стукнул кулаком по ладони.

— Ну что я могу сделать? — неуверенно спросил он.— Прежде всего она — моя сестра. Если у нее его забрать, она способна на самоубийство. Это абсолютно точно. Ты представляешь, кем был для нее Виктор и что... О! Я вообще больше ничего не понимаю, и эта история начинает действовать мне на нервы.

Аманда поглубже забралась в кресло, вытянула ногу и начала разглядывать носок домашней туфельки.

— Эдит больна. Только ты не хочешь поверить в это. Ты не видел, какая она бледная? Она никуда не выходит, закрылась у себя и не оставляет его ни на минуту. Ты заметил — она не хочет, чтобы к ней приходили.

— Заметил. Где-то через полчаса она начала нервничать, зевать. Она хотела, чтобы я зашел в кабинет к... Она хотела, чтобы я с ним поговорил, как будто ничего не произошло. Аманда, у меня не хватило смелости.

— Понятно. Тем более, что у дома с постоянно закрытыми ставнями, с этими старомодными тяжелыми постоянно задернутыми двойными красными портьерами такой мрачный вид.

— Да,— еле слышно произнес Джон,— и потом — музыка... Она играет целый день. Музыка позапрошлого века. Дебюси, Стравинский. Ничего, кроме Дебюсси, Стравинского и Бетховена. Можно сойти с ума.

— Виктор очень любил этих композиторов,— сказала Аманда, отложив пилку. Она вытянула руки и, прищурив глаза, начала рассматривать ногти, сравнивая их по длине.

— Да, он их любит и теперь.

— Не говори глупостей! — крикнула Аманда и рассмеялась ему в лицо.— Ты говоришь так, словно эта кукла может разбираться в музыке.

— Послушай, Аманда. Я понимаю, что это невероятно, но я видел своими собственными глазами, как он покачивал головой и постукивал рукой в такт.

— Ты больше шагу не ступишь в ее дом,— сквозь зубы процедила Аманда, вскочив с кресла.— Или ты свихнешься, как твоя сестра.

Она нечаянно задела столик, журнал упал, и из него выкатилась сигарета с гипнофеном.

Побледнев, Джон, поднял ее. Он покачал головой, сжал сигарету в кулаке, намереваясь раздавить ее, но, передумав, аккуратно положил обратно на журнальный столик и молча отвернулся от жены.

— Ну? Что ты застыл, как истукан? — закричала Аманда.— Ты снова намерен устроить мне сцену. Валяй, не стесняйся!

— Но это же самоубийство, Аманда!

— Опять та же проповедь. Ты бы лучше попробовал закурить, чем шататься вечерами без дела.

— Ты не в своем уме. Ты не сознаешь, что все глубже увязаешь в пороке, более того — реальность кажется тебе пошлой и неинтересной. Если так будет продолжаться, ты потеряешь вкус к жизни...

— Вкус к жизни! Ты когда-нибудь спрашивал себя, почему начинают курить гипнофен? Отвечай! Ты путаешь причину и следствие, Джон. Начинают, когда вкус к жизни потерян давным-давно и все уже поблекло, опустело и лишено смысла...

— Замолчи! — взмолился Джон.— Стыдно этим заниматься. Возможно, я изменился, не всегда внимателен к тебе. Но и ты тоже совсем не та, что раньше. И потом, я не делаю из этого драмы. Я держу себя в руках. А ты... ты... у тебя нет ни капли воли, если ты так легко прибегаешь к удовольствиям воображаемого рая.

Аманда побледнела.

— Все это ты скажи своей сестре...

— Аманда!

— Тебя послушаешь, так курить гипнофен стыдно. Это... это воображаемый рай, как ты говоришь. А что же тогда с Эдит? Разве она не поступает еще хуже, чем я? А?

— Не говори глупостей.

— Нет, это не глупости. То, что она делает — намного хуже...— Аманда быстро прошла взад и вперед по комнате, резко повернулась на каблуках и встала прямо перед встревоженным Джоном.

— Как ты думаешь, Джон, как они проводят время? — спросила она с хищным выражением лица.

— Гм... Они слушают музыку.

— Хорошо. А потом?

— Потом они разговаривают. Ты прекрасно знаешь, что Виктор может говорить.

— Не зови его Виктором,— истерично взвыла Аманда. Она замолчала, но быстро пришла в себя и добавила мягким, нежным голосом с ироничной ноткой,— таким образом, значит, они слушают музыку, беседуют. Ты не думаешь, что они должны заниматься и другими вещами?

— Может быть. Я думаю, что он сможет также, плохо ли, хорошо ли, сыграть в покер или в шахматы...

— Какой ты наивный, Джон! Я говорю совсем о другом, о другом! Ты понимаешь меня?

Джон отшатнулся от нее.

— Берегись, Аманда! Ты переходишь все границы!

— Она сама это сказала! — с триумфом воскликнула Аманда.

— Ты лжешь! Она не могла сказать тебе такое!

— Тем не менее, это правда.

— Ты, должно быть, неправильно ее поняла.

— Ничего подобного. Послушай, Эдит определенно мне в этом не призналась, но я сама все прекрасно поняла. Вчера я почувствовала это по некоторым намекам, которые только мы, женщины, способны понять. Я бы скорее умерла, чем позволила этому чудовищу прикоснуться ко мне.

— Прошу тебя,— взмолился Джон.— Прекрати говорить глупости. Она обожала своего мужа, он мертв, но она не может смириться с тем, что его не стало в ее жизни. Она может сойти с ума перед его фотографией.

— Это не фотография,— сказала Аманда, чеканя каждое слово.— То, что Эдит прячет под замком, отнюдь не фотография.

— Согласен! — радостно воскликнул Джон.— Это не фотография. Это автомат, у него в груди шестеренки. Соматический двойник — назовем его так, если ты хочешь, но для нее он Виктор, пойми ты. Мы спорили об этом уже тысячу раз. Ты, Аманда, из-за гипнофена все видишь в извращенном свете и теперь не нашла ничего лучшего, как очернить мою сестру.

Аманда пожала плечами и отошла к окну.

— Оставь меня,— сказала она хриплым голосом.— Ты испортил мне день. Поди прочь!

Ответом ей были приглушенные шаги по ковру и гневный хлопок дверью.

Аманда еще немного постояла у окна. Потолок подрагивал от тяжелых шагов Джона на террасе. Она отодвинула занавеску и посмотрела на небо, на золотую сферу заходящего солнца.

Джон очень изменился. Он уже совсем не тот, каким был раньше. Злой, резкий не только при разговоре, но и в поведении. Она, должно быть, тоже изменилась. Наверное, поэтому Джон и отдалился от нее. Кто в этом виноват? Джон? Она сама? Или обстоятельства? Она уже ничего не понимала. У нее, Аманды, слишком маленькое сердце, чтобы надеяться победить мир, в котором можно или прекратить существование в тридцать пять лет, или остаться в окружении бессчетного количества различных сервомеханизмов, которые не позволяют вам даже пальцем пошевелить. Как, как убить время? Чем заняться? Как не умереть от скуки в этом океане вялости, изнеженности и монотонности? Любой досуг через полчаса или час надоест и начинает казаться пошлым и ничтожным.

— Вам нужно чем-то заняться, у вас должно быть какое-нибудь хобби,— посоветовал ей однажды доктор Шют. Это рассмешило Аманду. Хобби — это полумерка, уловка. Хобби? Но вся Вселенная, разве это не гигантское и забавное хобби? Миллионы поэтов, худож-

ников, спортсменов, музыкантов, ученых, летчиков, чемпионов — разве все они — не толпа дешевых комедиантов, которые делают вид, что чем-то интересуются, чем-то заняты, чтобы не сойти с ума?

Доктор Шют абсолютно ничего не понимает. Что она чувствует, так это жажду любви, мучительную необходимость оправдать свою собственную жизнь, не думать о ее бесполезности, почувствовать себя необходимой кому-то.

Аманда поерзала в кресле, устраиваясь удобнее, вытянула ноги.

— Возможно, Эдит и счастлива,— сказала она себе. И тотчас же позавидовала бездушию, которое истощает жизнь Эдит.

Сигарета с гипнофеном лежала на столике, стоило только протянуть руку. Аманда приласкала ее взглядом. Джон ушел, можно зажечь ее и накуриться вдоволь.

Она начала вспоминать. Пятнадцать лет назад, летом 2138 года, они познакомились. Счастливое, прекрасное лето. Казалось, оно никогда не кончится. Она любила гулять по пустынному пляжу Порт Нельсон, бегать по побережью, залитому лучами солнца, вдыхать запахи моря.

Аманда жадно затянулась несколько раз. И вот уже море здесь, на стене, и кресло становится все мягче и уютнее, и огромные волны набегают одна на другую и разбиваются о глыбы пористого туфа. Она чувствует теплый песок под ногами, она ощущает свою пьянящую молодость. А потом... Джон, его низкий прерывистый голос. Он бежит за ней. Комната исчезла, картина на стене стирается. Аманда погружается в окружающую ее голубизну, тонет в звенящей и светящейся лазурной Вселенной. Рука Джона ласкает ее плечо, тяжелая теплая рука, а потом они падают навзничь в набегающие волны.

Море ласково омывает гальку.

Эдит жила близ Вердена, в пятидесяти милях от Нью-Брэндона. У нее был большой старомодный дом, напоминающий стиль последователей ле Корбюзье. Южный фасад на высоте второго этажа рассекался широким навесом. Овальные газоны, дорожки из гравия,— все это немного напоминало автозаправочную станцию конца двадцатого века.

Джон пролетел над трансканадской железной дорогой. Миновав Верден, он слегка повернул влево, и через две мили на границе Манитобы и Саскачевана перед ним возник красно-белый дом Эдит.

Эдит почти тотчас же открыла брату дверь. Они прошли в зал, уселись на диван. Эдит улыбнулась, Джон взял ее руку в свои, погладил.

— Эдит,— он не знал, как начать разговор.

Они поговорили о погоде, о морозе, о недавно выпавшем снеге.

— Да,— сказала Эдит,— Виктор любит снег, но мы все-таки не выходим на улицу.

Джон внимательно посмотрел ей в лицо. У Эдит был светлый и живой взгляд, она вовсе не походила на помешанную.

— Ты хорошо себя чувствуешь, а? — он разговаривал с ней, как с ребенком.— Если тебе что-нибудь нужно, то скажи мне...

— О, нет, у меня все хорошо,— ответила она, поправляя свободной рукой волосы. Потом она добавила,— Виктор тоже чувствует себя хорошо. Ты никогда не спрашиваешь о нем.

Джон почувствовал ком в горле.

— Ты права, Эдит. Как дела у Виктора?

Лицо сестры сразу же засветилось.

— Он прекрасно себя чувствует, Джон,— ее голос моментально стал веселым, нежным и мелодичным.— О, Джон, зайди к нему. Он в своем кабинете. Виктор будет очень рад тебе...

Это повторялось каждый раз, когда Джон приезжал к сестре. Наступало мгновение, и она делала ему абсурдное, невыносимое предложение: поговорить с Виктором, пожать ему руку, разыгрывать бесполезную и жалкую комедию.

— Разве что на пару минут,— неохотно согласился Джон. Они вышли из зала и пошли по коридору к кабинету Виктора.

— Вик,— сказала Эдит, входя в кабинет.— Посмотри-ка, кого я привела!

Кто-то большой, угловатый, медленно повернулся к ним. В руках он держал какой-то забавный предмет, который Джон вначале плохо рассмотрел.

— Как дела, Виктор? — Джон с трудом произнес это бесцветным, механическим голосом.

Виктор положил странный предмет на стол и протянул Джону руку. Джон пожал ее, теплую, но сухую — его собственная рука подрагивала от волнения — и заметил, как Виктор вытер ладонь о брюки. Это поразило Джона, но он постарался не думать об этом.

— Чем ты занят, Виктор? — спросил Джон, показывая на предмет, лежащий на столе.

— Ничем особенным.

Виктор снова взял предмет, что-то вроде крошечного спасательного круга из пластика.

— Что это? — спросил Джон.

— Это баранка, в геометрии ее называют тором.

— Вик увлекся топологией,— объяснила Эдит.

На столе лежали и другие странные предметы.

— Это бутылка Клейна, а это... Что это, такое, Вик?

Эдит приподняла длинную спираль в форме кольца, бумажную ленту со склеенными концами. Виктор мягко отстранил ее руку, взял ножницы и разрезал ленту вдоль.

— Это односторонняя поверхность Мебиуса,— ответил он.

Наконец, вместо двух отдельных колец, как ожидал Джон, он увидел одно кольцо по размерам вдвое больше прежнего, но в два раза у́же его.

Виктор улыбнулся. Джон в недоумении смотрел на кольцо. Ему стало не по себе не из-за Эдит, а из-за...

«Боже мой,— подумал он,— я слишком серьезно воспринимаю все это».

Он бросил беглый взгляд вокруг. Камин горел, хотя в кабинете и так было очень тепло.

— Зачем ты зажгла камин? — спросил он Эдит,— Что, тепловентилятор неисправен?

— Нет, нет, просто камин создает более интимную обстановку. И потом, так любит Виктор.

Эдит подошла к камину, нагнулась, взяла маленький топорик, расколола надвое чурку и подбросила в огонь.

— Может, вернемся в зал, Эдит. Я...— Джон с опаской посмотрел на Виктора и продолжил, понизив голос.— Я хочу с тобой поговорить.

Когда они вернулись в зал, он не сразу нашел нужные слова.

— Эдит! Эдит! Так больше не может продолжаться.

Стало тихо. Сестра не моргая смотрела в одну точку на противоположной стене.

— Ты в конце концов сойдешь с ума,— продолжил Джон.— Ты разговариваешь с ним, улыбаешься ему, как если бы... Эдит! Почему ты не хочешь понять... Виктор умер... Сколько времени ты собираешься так жить? Твой муж умер, понятно? Он мертв!

Эдит, не говоря ни слова, встала, подошла к какому-то аппарату со множеством кнопок и нажала на некоторые из них. Музыка наполнила весь дом. Она так и осталась стоять там, спиной к Джону.

— Виктор не мертв,— медленно произнесла она.

Джон подошел к сестре, обнял ее за талию.

— Послушай, Эдит. Доверься мне, я твой брат, наконец...

— Виктор жив!

— Послушай, я знаю одного прекрасного врача. Если бы ты согласилась...

Эдит вырвалась у него из рук.

— Я не сумасшедшая,— сказала она.— Пока еще...

— Речь не об этом. Мы с Амандой каждый месяц показываемся врачу. Если ты согласна, я приведу доктора Шюта. Через час мы будем здесь.

— Я пока что не умалишенная,— повторила Эдит. Она нажала на другую кнопку, и музыка зазвучала еще громче.

— Сделай потише,— устало попросил Джон.

— Нет. Это увертюра к «Кариолану», любимый отрывок Виктора.

— Довольно! — крикнул Джон.— Можешь ты мне сказать, для кого эта музыка? Для тебя или для него? Эта стереомузыка тоже для него, как будто он действительно может слышать...

— Да, если бы он слышал...

— Да, если бы он слышал. Он двигает руками и ногами, но все это благодаря электронным процессорам. Он ничего не слышит, Эдит. У него нет души, понимаешь ты?

Эдит двусмысленно улыбнулась.

— Я знаю, он всего лишь робот. Но я все равно счастлива,— она звонко засмеялась.

— Ты идиот, Джон. Слышишь музыку? Ты сам ничего не понимаешь. Если бы Виктор был композитором, я провела бы остаток жизни в воспоминаниях о нем, слушая его музыку. Виктор был ученым, Джон! Его творение там, в кабинете. Я знаю, это всего лишь автомат, груда ламп и проводов. Но Виктор создал его по своему подобию, дал ему свой голос, жесты, память... Ты... ты не можешь знать, что я чувствую, когда вижу его читающим, пишущим, когда я чувствую, что он мыслит.

Джон не поверил своим ушам.

— Он мыслит?

— Да, он знает много такого, чего не знал сам Виктор.

— Ты заблуждаешься, Эдит. Ты хочешь в это верить, пытаешься убедить себя в этом. Ты же знаешь, что роботы не могут думать.

— Ты ошибаешься.

— Предположим. Но так ты действительно можешь заболеть, и однажды утром проснешься абсолютно уверенной, что этот робот — живой Виктор.

— Это уже произошло,— сказала Эдит, словно себе самой.— И происходит постоянно. Настолько легко спутать иллюзию с реальностью, желаемое с действительным... Я знаю, кончится тем, что я сойду с ума. Но я не боюсь этого, я этим дышу.

— Ты действительно нездорова, Эдит. Позволь, я приглашу доктора.

— Я не хочу излечиваться,— Джон увидел в ее глазах зловещий блеск. Эдит, словно желая защититься, прижалась спиной к стене.— Ты хочешь отнять у меня Виктора. Я знаю, ты этого хочешь...

— Успокойся, Эдит. Я только хочу, чтобы тебя посмотрел доктор.

Эдит зарыдала.

— Ты не осмелишься отнять его у меня, правда?

— Нет, обещаю тебе. А сейчас позволь мне уйти. Через часок я вернусь сюда вместе с доктором.

Виктор все сидел за столом, разрезая кольца. Эдит села у камина.

— Вик,— нежно позвала она.

Виктор неохотно поднял глаза, продолжая работать ножницами. Он с сожалением оставил свое занятие, подошел и сел на диван рядом с ней. Они молча смотрели на огонь. Эдит спросила:

— Вик, ты помнишь лето сорок первого?

— Конечно, мы тогда были в Кейтик-Парк, в Онтарио.

— Ты так любил ловить рыбу, правда?

— Да, я ловил рыбу, а ты загорала.

Эдит улыбаясь, придвинулась к нему и прижалась к его плечу.

— Ты помнишь музей в Торонто? Ты мне показывал барельефы, которые украшали центральный вокзал в Монреале до того, как он был разрушен. Ты был так весел в тот день. Ты помнишь, Вик? Ты долго стоял у барельефов и все рассказывал, рассказывал... Это было осенью сорок четвертого.

— Сорок третьего,— поправил Виктор.

— Знаю. Просто я хотела проверить, так ли ты хорошо помнишь, как помню я.

Они говорили так долго-долго. Потом голос Эдит ослаб. Странное оцепенение охватило ее тело и мозг. Мечта, реальность, прошлое, будущее, настоящее: клубок мыслей, карусель чувств, которые она не в силах контролировать.

Глубокий ласкающий голос Виктора заставил ее подскочить.

— Они хотели забрать меня, да?

Эдит задрожала. Виктор, не двигаясь, смотрел на пламя в камине.

— Нет еще. Нет еще,— ответила она, тоже, не мигая, глядя на огонь.

Доктор Шют плохо переносил реактивный вертолет, его тошнило.

— Мистер Роулинг,— непрестанно повторял он в то время, как Джон вел машину к Вердену.

— Мистер Роулинг, я согласился поехать с вами только ради того, чтобы посмотреть на робота...

Под ними была трансканадская дорога: длинная, блестящая, металлическая лента, вьющаяся по лесу. Огромные сухопутные корабли на воздушной подушке со страшной быстротой неслись по четырем полосам в двадцати сантиметрах от земли.

— Кто же, все-таки, включил его,— спросил доктор Шют.

— Что?

— Я спрашиваю, кто включил робота?

Джон переключил управление на автопилот.

— Вот этого я не знаю. Может быть, Эдит. Как бы то ни было,

она не приглашала специалиста-кибернетика. Я знаю только, что однажды, войдя в кабинет, я лицом к лицу столкнулся с ним. Он был точным двойником Виктора.

Доктор Шют растерялся. Одну руку он держал на области желудка, а другой время от времени почесывал бороду.

— Он действительно похож на человека? — наконец спросил он.

— Кто?

— Робот. Вы мне сказали, что он как две капли воды похож на человека из мяса и костей...

— Могу вам гарантировать. Это копия, портрет Виктора: его глаза, волосы, морщины на щеках, все, вплоть до родинки на шее. Все, как у Виктора.

Доктор покачал головой, он явно не поверил Джону. Он вспомнил, что месяцев восемь или десять назад читал в «Нью Канадиэн Джорнэл оф Рисеч» большую статью на эту тему.

Статья была довольно расплывчатая, заумная, предназначенная, скорее, для специалистов-кибернетиков. Он только и понял из нее, что Виктору Кюрводу удалось при помощи процесса, похожего на гальванопластику, получить ткань из псевдопротоплазмы. Это еще не все. Там говорилось о специальных контурах, которые, теоретически, могли бы совершенно точно воспроизвести человеческий мозг с его памятью, знаниями, привычками... Короче говоря, Кюрвод утверждал, что можно создать психосоматический двойник человека. Естественно, Правительственная Комиссия по контролю блокировала его проект и запретила продолжать исследования. Никто и подумать не мог, что он уже сконструировал прекрасный образец, смоделировав его по своему подобию и хранил в подвале, подальше от нескромных взглядов.

— Какой интеллект! — прошептал доктор Шют.— Ваш зять был гением.

— Да, он был очень умен. Кто знает, что бы он еще мог сделать, но...

— Минуточку. Если мне не изменяет память, он погиб в авиакатастрофе.

— Да, сгорел на своем реактивном вертолете.

Доктор Шют умолк и, затаив дыхание, сжался в своем кресле.

— Мой совет, доктор,— сказал Джон.— Хорошо бы, если бы вы не показывали явно, что хотите увидеть робота. Пусть Эдит сама пригласит вас пройти в кабинет Виктора после того, как вы ее осмотрите.

— Хорошо.

— Вам не кажется, что Эдит мог бы помочь гипнофен?

— Не думаю. Вашей сестре нужно забыться, сменить обстановку.

— Тогда посоветуйте ей поехать отдохнуть в Луна-Сити.

— Там будет видно. Я буду откровенен с вами, мистер Роулинг — я не специалист по нервным болезням, но мне кажется... Короче говоря, если я найду необходимым положить ее в психиатрическую клинику, я прямо скажу вам об этом. Договорились? За вами остается право обратиться к другому специалисту.

Наконец они прибыли. Реактивный вертолет плавно приземлился на террасу павильона напротив дома Эдит. Через минуту они уже стучали в дверь.

Окна были закрыты, все занавески плотно задернуты. Дом казался бы опустевшим, если бы музыка не струилась сквозь ставни, загадочно обволакивая все здание.

— В чем дело? — удивленно спросил доктор.— Там никого нет?

Джон постучал сильнее.

— Эдит, открой, это я, Джон!

В доме послышались приглушенные шаги, легкий шорох, будто кто-то в замешательстве остановился у самой двери.

— Эдит! Я прекрасно знаю, что ты дома. Открой!

По ту сторону двери раздался смех, серебристый и пронзительный смех Эдит.

— Нет, Джон, я тебе не открою. Ты пришел, чтобы отнять у меня Виктора и уничтожить его.

— Открой, Эдит. Открой, умоляю тебя.

Тогда Джон, словно одержимый, начал колотить в дверь кулаками и ногами, попытался высадить ее плечом, но дверь не поддавалась.

— Остановитесь,— сказал доктор.— Она откроет.

Раздался душераздирающий крик Эдит, дверь медленно открылась, и на пороге появился Виктор. Он смотрел на них зловеще и угрожающе. Бесчувственный, величественный и неподвижный, как статуя. В вытянутой правой руке робот держал термический пистолет.

— Я поражен вот чем,— рассказывал потом Джон.— Когда он подал мне руку, он тотчас вытер свою руку о брюки. Виктор всегда так делал, он не выносил влажных рук. Такое отвращение у робота — не просто электронная реакция...

— Ты хочешь сказать, что он разумен, как и мы?

— Не знаю, Аманда. Но иногда я начинал так думать. Доктор Шют тоже в нерешительности. Проблемы кибернетики выше наших знаний, ты понимаешь? Роботов бесчисленное множество. Стоит только оглянуться вокруг: водители, продавцы, репетиторы в школе и прочее и прочее. Но, если их поставить в ситуацию, не преду-

смотренную их программой, они сразу же остановятся. А робот Виктора выносил суждения, он принимает решения, Эдит сказала, что он без конца совершенствуется, и теперь знает даже то, чего не знал Виктор. Знаешь, что из этого следует? Шют мне все уши прожужжал, прямо замучил меня философией. Он все говорил о человеческом «я» — вначале оно ничего не значит, но постепенно формируется привычками, повторением опытов и так далее. Он утверждал, что это одинаково для робота и для нас. Я не верю. Я так и сказал ему об этом. Тогда он расхохотался и добавил: «Главное то, что робот действует так, как если бы... если бы... если бы...» Пока мы шли в полицию, он повторил это раз сто.

— Я что-то ничего не понимаю,— сказала Аманда.

— Чего ты не понимаешь?

— Я спрашиваю себя, понимает ли робот то, что он робот.

— Я тоже спросил об этом доктора Шюта.

— Что он ответил?

— Он сказал, что вопрос не имеет смысла. Боже мой, возможно ли серьезно говорить с человеком, который, почесывая бороду, не перестает повторять: «Если бы...» Он думает, что робот усвоил инстинкт разговорной речи или что-то в этом роде. Я не смог опровергнуть это. Нужно было видеть, Аманда, как робот появился в дверях с пистолетом в руке, чтобы защитить себя.

— Но он все же не выстрелил.

— Шют полагает, что он не выстрелил, потому что сам Виктор никогда не сделал бы этого.

— Ну, а если бы Виктор ненавидел тебя?

— Не знаю, Аманда. Возможно, он превратил бы меня в пепел. Одно ясно — теперь роботу известно, что часы его сочтены, он знает, что мы хотим его уничтожить, и принял меры предосторожности.

— Может, это Эдит заставила его?

— Нет. Эдит вскрикнула, прежде чем открылась дверь. Несомненно, этот робот не просто сервомеханизм, он действует по своему разумению. Это такая «вещь», которой невозможно управлять. Как бы то ни было, теперь дом окружен.

— Тебе кажется, что Эдит опасно оставаться там?

— Пока нет. Виктор хорошо относится к ней.

Аманда расхохоталась.

— Да, твоей сестре крупно повезло. Сначала Виктор, который обожал ее больше всего на свете, любовь, которая придала смысл ее жизни... А теперь, пожалуйста, робот. Влюбленный робот, который окружает ее заботой и вниманием...

Джон не обратил внимания на взрыв ее вымученного смеха.

Зазвонил телефон. Джон нажал на кнопку, и на экране появился человек в форме.

— Здравствуйте, мистер Роулинг. Позвольте представиться: сержант Хаук. Командир решил высадить дверь, но он хочет, чтобы вы присутствовали при этом.

— В доме никто не отвечает?

— Никто, сэр. Несколько часов стоит полнейшая тишина. Робот, должно быть, обрезал провода. Не отвечают даже на телефонные звонки.

— Ладно. Скажите командиру, что я скоро буду.

Аманда продолжала истерично смеяться. Джон строго посмотрел на нее.

— Не стой, как истукан,— пронзительно взвизгнула Аманда.— Тебя ждут, чтобы сыграть эпилог. Твоя сестра снова станет вдовой, но на этот раз без похорон.

Когда Джон подошел к дому Эдит, он увидел, что за всеми кустами засели полицейские.

— Я не могу больше,— сказал командир Дерек.— Эта музыка... она мне мозги просверлила. Должно быть, внутри что-то произошло: уже три часа звучит один и тот же отрывок.

— Вы хотите сказать, три дня, командир. По меньшей мере три дня непрерывно слышится увертюра к «Кориолану».

Командир взглянул на часы.

— Сейчас я взломаю дверь. Мои люди ворвутся с черного хода и в окна. Мы атакуем разом со всех сторон.

— Командир,— пробормотал Джон,— моя сестра...

— Будьте спокойны. Я подам знак, когда можно будет войти.

Джон повернулся к дому спиной. Командир удалился. Раздался скрежет разрываемого металла, и из дома с новой силой грянула музыка. Джон заткнул уши, время словно застыло, он слышал только ритмичные удары своего сердца.

Наконец на пороге кто-то появился. Это был сержант Хаук. Он знаком попросил войти. Джон пробежал по саду, прихожей, коридору, ворвался в кабинет.

Эдит сидела на диване, бледная, голова ее упала на грудь. Она все еще сжимала в руках флакон с ядом. В своем пурпурном домашнем халате она была прекрасна. Выражение ее лица было безмятежным и спокойным. Виктор неловко скорчился рядом с ней. Голова его была расколота и прижата к груди Эдит.

Джон подошел поближе. Эпидермическое покрытие и пластическая ткань были разрезаны до самой шеи. Из темного глубокого отверстия свисало множество проводов. Джон увидел сотни мельчайших продолговатых цилиндров различного цвета, ряды клапанов, контактов, реле, бесконечное множество маленьких блестящих катушек.

Джон обессиленно прислонился к камину.

— Она, должно быть, ударила его сзади,— сказал командир. Он показал на маленький топорик у камина.— Вот этим.

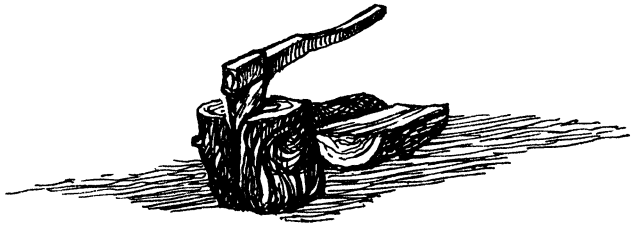
Джон кивнул.

— Эдит знала, что робота разберут на части, уничтожат... Она предпочла сделать это своими руками.

Назойливая музыка была невыносима. Она обволакивала все вокруг: вещи, мебель, наполняла весь дом, просачивалась в мысли, от нее распух череп.

Командир Дерек подошел к стереофону и нажал кнопку. Последняя прервавшаяся нота повисла в воздухе.

Затем, несмотря на суматоху, шум шагов, крики, вечная тишина заполнила дом.



Д. Типтри – младший

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ ДОКТОРА АЙНА

Доктора Айна опознали во время полета на трассе Омаха-Чикаго. Его коллега, биолог из Пасадены, выходя из туалета, заметил его сидящим у прохода. Еще пять лет назад этот человек завидовал Айну за его значительные дотации, но сейчас лишь равнодушно кивнул и очень удивился резкой реакции Айна. Он хотел даже вернуться и немного поговорить с ним, но слишком устал и, как почти все вокруг, боролся с атакующим его гриппом.

Стюардесса, раздававшая после приземления пальто, тоже запомнила Айна: высокого, худощавого, не броской наружности мужчину с рыжеватыми волосами. Он задержал очередь, вглядываясь в нее, а поскольку уже получил пальто, она сочла это неловкой попыткой завязать знакомство и поторопила его жестом.

Айн исчез в окутывающем аэропорт смоге; он был совершенно один. Несмотря на отчаянные призывы Гражданской Обороны, он

не спешил спуститься под землю. А женщины никто не заметил.

Больной, умирающей женщины.

По дороге в Нью-Йорк Айн не был идентифицирован, но в списке пассажиров самолета, вылетающего в 14.10, имелась фамилия «Амес», что, вероятно, искаженное «Айн». Так оно и было на самом деле. Самолет перед посадкой кружился почти час, и Айн разглядывал то появляющуюся, то вновь исчезающую через равные промежутки времени затянутую туманом поверхность моря.

Женщина была уже совсем слаба. Она закашляла, с трудом поднося ладонь к покрытому струпьями, частично закрытому длинными волосами лицу. Волосы ее, как заметил Айн, видимо, недавно еще такие прекрасные и густые, поблекли и явно поредели. Он выглянул в окно, на море, заставляя себя увидеть чистые холодные волны. На горизонте виднелось большое черное пятно: опять какой-то танкер открыл все вентили. Женщина снова закашляла. Айн закрыл глаза, а самолет влетел в смог.

В очередной раз на него обратили внимание, когда он явился на регистрацию перед отлетом машины фирмы BOAC до Глазго. Климатическая установка не могла справиться с температурой того жаркого сентябрьского дня, поэтому подземный аэропорт Кеннеди напоминал котел с медленно кипящим содержимым. Потные, переступающие с ноги на ногу пассажиры тупо пялились на световую газету. СПАСЕМ ПОСЛЕДНИЕ ОАЗИСЫ ЗЕЛЕНИ! — какая-то группа протестовала против эксплуатации и осушения Амазонки. Многие пассажиры вспомнили великолепные, цветные снимки пробного взрыва новейшей «чистой» бомбы и расступились, давая проход группе мужчин в мундирах. На пуговицах у них было написано: «РАЗВЕ КТО-ТО БОИТСЯ?».

Именно тогда Айна заметила некая женщина, услышавшая шелест газеты, которую он держал в дрожащих руках. Никого из ее семьи еще не тронула эпидемия гриппа, поэтому она быстро взглянула на него и, увидев покрытый каплями пота лоб, поскорее велела своим детям отодвинуться от него как можно дальше.

Она запомнила, что он пользовался дезинфицирующим аэрозолем для горла фирмы «Инстак». Об этой фирме она ничего не знала — в ее семье всегда покупали «Клир». Когда она разглядывала Айна, он неожиданно повернулся и взглянул ей прямо в лицо; облачко распыленной в воздухе жидкости поплыло в ее сторону. Что за манеры! Она поскорее повернулась к нему спиной и потом не могла вспомнить, разговаривал ли он с какой-либо женщиной, не прислушалась, когда проверявший документы пассажиров служащий прочел вслух цель путешествия Айна. Москва!

Служащий тоже вспомнил это, но со смешанными чувствами. Айн явился на регистрацию один, и ни одна из находящихся на борту этого самолета женщин не летела в Москву, но могло быть

и так, что кто-то из них имел отдельный билет на каждый из этапов своего путешествия. Почти наверняка, она уже была с ним.

Трасса полета проходила через Исландию с часовой остановкой в Кефлавике. Айн прохаживался по небольшому парку, находящемуся на территории аэропорта, жадно вдыхая насыщенный запахом моря воздух. Через каждые несколько вздохов тело его сотрясала сильная дрожь. Несмотря на рев работающих двигателей бульдозеров, слышно было, как море бьет своими огромными лапами по клавиатуре берега. В парке находилась небольшая рощица пожелтевших берез, на которых расселась стая готовящихся к дальнему перелету каменок. «Через месяц они будут уже в Северной Африке,— подумал Айн.— Две тысячи миль махания маленькими крылышками». Он полез в карман и бросил им горсть крошек.

Женщине как будто слегка полегчало. Не сводя глаз с Айна, она тяжело вдыхала веющий от моря бриз. Березы над ней были такими же золотыми, как растущие там, где он увидел ее впервые, в тот день, когда началась его жизнь... Он сидел сжавшись под кривым стволом дерева и разглядывал маленькую землеройку, когда вдруг что-то зашелестело в окружающей его зелени, и из папоротников прямо к нему вышла нагая девушка с ослепительно белым телом. Молодой Айн затаил дыхание, вжимая лицо в сладко пахнущую траву, чувствуя, как сердце в его груди безудержно бьется. В следующую секунду он смотрел уже на каскад черных волос, спадающих по узким плечам до ягодиц, не замечая, что землеройка пробежала по его одеревеневшей ладони. Озеро, отражающее в своем помутневшем серебряном зеркале туманное небо, было совершенно спокойно; плавающие на поверхности золотистые листья всколыхнулись не больше, чем если бы в воду вошла водяная крыса. Вновь воцарилась тишина, в которой деревья, отмечающие путь нагой девушки, отражались подобно пылающим факелам в блестящих глазах Айна. На мгновенье у него мелькнула мысль, что он видел ореаду *.

Айн последним поднялся на борт самолета, летящего в Глазго. Стюардесса смутно вспомнила, что он показался ей каким-то обеспокоенным. Она не смогла опознать женщины — на борту было много женщин и детей, а в списке пассажиров имелось много ошибок.

Кельнер из ресторана аэропорта в Глазго помнил, что человек, похожий на Айна, заказал шотландскую овсянку и съел две порции, хотя, конечно, это была вовсе не овсянка. Молодая мать с коляской видела, как он кормил крошками птиц.

Когда он явился с билетом к стойке BOAC, то встретил знакомого профессора из Глазго, отправлявшегося на ту же конферен-

---

* Ореада — нимфа, живущая в горах. *Прим. перев.*

цию в Москву. Профессор этот был некогда одним из учителей Айна. Сейчас уже известно, что, закончив учебу, Айн занимался наукой в Европе. Они проговорили все время полета над Северным морем.

— Я не мог ничего понять,— сказал позднее профессор,— и спросил: «Почему ты летишь кружным путем?» Он сказал мне, что все билеты на прямые рейсы были уже проданы.

Это оказалось ложью. Вероятно, Айн летел в Москву кружным путем, чтобы остаться незамеченным.

Профессор с одобрением высказался относительно научных достижений Айна.

— Выдающийся? О, несомненно. И к тому же упрямый. Очень, очень упрямый. Не раз случалось, что какая-то концепция или даже невиннейшая ассоциация настолько поглощали его, что вместо того, чтобы оставить это и перейти к основной работе, как поступил бы на его месте любой послушный разум, он останавливался и долго шарил вокруг. Если быть откровенным, поначалу я подозревал, что он просто не слишком понятлив, но вы же помните, кто сказал, что способность задумываться над повседневными явлениями дана лишь необыкновенным личностям? Это стало ясно когда он буквально поразил нас всех той историей с изменением энзимов. Жаль, что ваше правительство запретило продолжать работу над этой проблемой... Нет, молодой человек, он мне ничего об этом не говорил. Собственно, мы говорили только о моей работе, и я был удивлен, видя, что он не утратил контакта с предметом. Он спросил, что я в связи с этим ЧУВСТВУЮ, и тем самым снова поразил меня. Я не видел его пять лет, но сейчас он мне показался каким-то... усталым? С другой стороны, кто сейчас не устал? Уверен, он был доволен переменой, пользовался каждой остановкой, чтобы размять ноги. В Осло, даже в Бонне. Да, кормил птиц, но он всегда любил это делать. Его жизнь в период нашего близкого знакомства? Какие-то радикальные перемены? Молодой человек, до сих пор я говорил с вами исключительно ради особы, которая мне вас представила, но теперь вынужден заметить, что попытки бросить на Чарльза Айна * какие-либо подозрения просто наглость с вашей стороны. Всего хорошего.

Профессор не сказал ни слова о роли той женщины в жизни Айна.

Впрочем, он и не мог сказать, поскольку Айн завязал с ней интимные отношения еще в университетском периоде. Он не хотел, чтобы кто-либо догадался, до какой степени она стала его манией, насколько он был очарован богатством ее тела и вечной ненасытностью. Они встречались, когда у него было время. Если виделись

---

* Charles Ain — C. Ain — Cain — английское написание библейского имени Каин. *Прим. перев.*

на людях, то делали перед друзьями вид, что незнакомы, но пожирали друг друга взглядами. Уже потом, наедине... Что за напряжение любви! Он наслаждался, овладевал ею, не позволяя, чтобы она имела от него даже малейшие секреты. В своих снах он видел только роскошные тени и белеющие в лунном свете округлости ее тела, и его счастье находило все новые измерения, в которых могло расцветать.

В пении птиц и пленительном шепоте лугов возможность недуга казалась далекой и нереальной. Да, порой ей случалось закашлять, но и с ним такое бывало. Он не мог заставить себя заняться детальным изучением болезни.

Во время конференции в Москве почти каждый рано или поздно обратил внимание на Айна, в чем не было ничего необычного, принимая во внимание его профессиональную репутацию. Конференция была не очень представительна, но имела большой вес. Айн несколько опоздал; первый день заседаний уже закончился, а его доклад должны были заслушать в последний, третий день.

Множество людей разговаривали с Айном, многие обедали с ним. Никого не удивляло то, что он мало говорил, он всегда был таким, может, за исключением нескольких памятных, горячих дискуссий. Правда, некоторым из его друзей показалось, что он, вроде бы, несколько утомлен и легко возбудим.

Некий индийский инженер по ядерным системам заметил, что Айн пользуется аэрозолем для горла, и пошутил, что доктор привез на заседания азиатский грипп. Шведский знакомый Айна вспомнил, что во время обеда доктору звонили из-за океана, и, вернувшись от телефона, он, хотя его никто не спрашивал, заявил, что что-то пропало из его домашней лаборатории. Кто-то сделал какое-то шутливое замечание, на что Айн с улыбкой ответил:

— Действительно, это «что-то» весьма активно.

В это время один из китайских биологов начал свою ежедневную пропагандистскую песню о бактериологическом оружии и обвинил Айна, что тот занимается его созданием. Айн осадил его, невозмутимо заявив:

— Вы совершенно правы.

По негласному соглашению вообще не было разговоров о военном использовании, промышленном загрязнении среды и тому подобных вещах. Никто также не мог вспомнить, видел ли Айна в обществе какой-либо женщины, за исключением старой мадам Виалш, которая никоим образом не могла никого завербовать, ибо передвигалась в инвалидной коляске.

Сначала доклад Айна казался слабым для него. Правда, доктор никогда не обладал особыми ораторскими способностями, но мысли свои всегда выражал ясно и понятно. На этот раз казалось, что он был слегка рассеян и говорил не много нового. Слушатели

решили, что он делает это сознательно, заботясь о неразглашении. Наконец Айн добрался до весьма запутанной части своего выступления, касающейся процесса эволюции, где постарался привлечь внимание к тому, что выглядело не совсем обычно. Когда он заговорил о «птицах, поющих для очередной расы», многие слушатели заподозрили, что докладчик просто не в себе. Однако, в конце выступления Айн проговорился: неожиданно он начал описывать метод, использованный им для мутирования и переделки вируса белокровия. В четырех предложениях он изложил все от А до Я, сделал паузу, после чего коротко описал результаты действия мутировавшего вируса, наиболее отчетливо проявленные у высших приматов. Выживаемость у низших млекопитающих и других животных была близка к 90%. Носителем, продолжал доктор, может служить любое теплокровное. Более того, вирус может жить в любой среде и отлично переноситься воздушным путем. Показатель заражаемости им необычайно высок. Затем Айн мимоходом заметил, что ни одна из высших обезьян, а также случайно зараженных людей, не прожили больше двадцати двух дней.

После этих слов воцарилась мертвая тишина, прерванная делегатом из Египта, который опрометью бросился к двери. Мгновением позже то же сделал один из американцев, перевернув позолоченное кресло.

Айн вообще не отдавал себе отчета в том, что поверг слушателей в состояние, весьма похожее на полный паралич. Все произошло очень быстро: человек, сморкавшийся в платок, замер, вытаращив поверх него глаза, другой. раскуривавший трубку, очнулся, лишь когда огонь обжег ему пальцы. Двое мужчин, сидевших у двери и занятых разговором, не услышали ни одного слова из сказанного Айном. Их смех глухо прозвучал в воцарившейся тишине, заглушая последнюю фразу доктора: «..не имеет никакого смысла».

Позднее, как оказалось, Айн объяснял, что вирус использует механизм сопротивляемости организма, и любые попытки защититься от него обречены на неудачу.

Это было все. Айн с минуту подождал вопросов, после чего сошел с трибуны и двинулся по проходу между рядами кресел. Когда он добрался до двери, слушатели пришли в себя настолько, чтобы встать с мест и направиться к нему. Повернувшись на пятке, он горько сказал:

— Да, конечно, это очень плохо. Я уже говорил вам. Все мы ошибались. А теперь — конец.

Часом позже оказалось, что он исчез, вероятно, сев в самолет фирмы Синайр, летящий в Карачи.

Люди из разведки догнали его в Гонконге: он выглядел уже совсем больным и не сопротивлялся. Все вместе они отправились в Штаты через Гавайи.

Его опекунами были люди на уровне: они видели, что он ведет себя спокойно, и обращались с ним соответственно. При нем не оказалось никакого оружия или наркотиков. В Осаке они надели ему наручники, вывели на прогулку, позволили немного покормить птиц и с интересом выслушали информацию о трассах перелетов щеголя писклявого. Айн говорил очень хрипло. Речь тогда шла только о правилах сохранения тайны, которые он нарушил. Женщиной вообще не занимались.

Почти весь перелет на Гавайи он провел в полусне, но, когда острова появились на горизонте, проснулся, прижал лицо к стеклу и что-то забормотал. Сидевший за ним сотрудник услышал что-то о женщине и включил магнитофон.

—... голубизна, голубизна и зелень, и лишь под ними раны. Моя девочка, ты не умрешь, я не позволю тебе умереть. Говорю тебе, моя дорогая, это конец... Взгляни на меня своими блестящими глазами, дай увидеть, что они снова живы! Моя принцесса, моя девочка, удалось ли мне тебя спасти? Как страшно и благородно это дитя Хаоса в одеждах зеленых, голубых и золотых... кружащийся шарик жизни, совершенно одинокий в огромном Космосе... Удалось ли мне тебя спасти?

Во время последнего отрезка пути он уже явно бредил.

— Знаете, возможно, ей удалось меня обмануть,— доверительно прошептал он на ухо сидящему рядом с ним сотруднику.— Вы должны быть к этому готовы. Я ее знаю! — Он тихо засмеялся.— Не так-то с ней просто. Но будьте потверже...

Над Сан-Франциско его охватило радостное возбуждение.

— Вы знаете, что здесь снова появятся выдры? Я в этом уверен. Когда-нибудь здесь вновь будет настоящий залив.

На авиабазе Гамильтон его положили на носилки, и вскоре после старта он начал терять сознание, а перед вылетом стал требовать, чтобы ему позволили выбросить на поле остатки корма для птиц.

— Птицы, как известно, теплокровные,— обратился он к агенту, который пристегивал его наручниками к носилкам, после чего улыбнулся и потерял сознание. В таком состоянии он оставался почти все последние десять дней своей жизни. Разумеется, никого это уже особо не волновало. Оба агента умерли очень быстро, вскоре после окончания исследования корма для птиц и аэрозоля для горла. Женщина из аэропорта Кеннеди почувствовала, что с ней что-то не в порядке.

Магнитофон, который поставили у изголовья его кровати, работал непрерывно, но если бы даже нашелся кто-то, желающий прослушать ленту, он не услышал бы ничего, кроме бреда.

— Гея Глориатикс,— выводил он.— Гея, девочка, принцесса...— Порой он был величествен в своей муке.— Наша жизнь — твоя

смерть! — кричал он.— Наша смерть могла бы стать и твоей, но не нужно, не нужно...

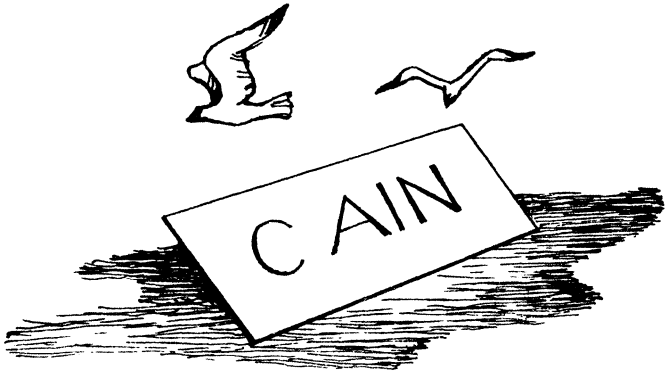
Потом вдруг начинал обвинять:

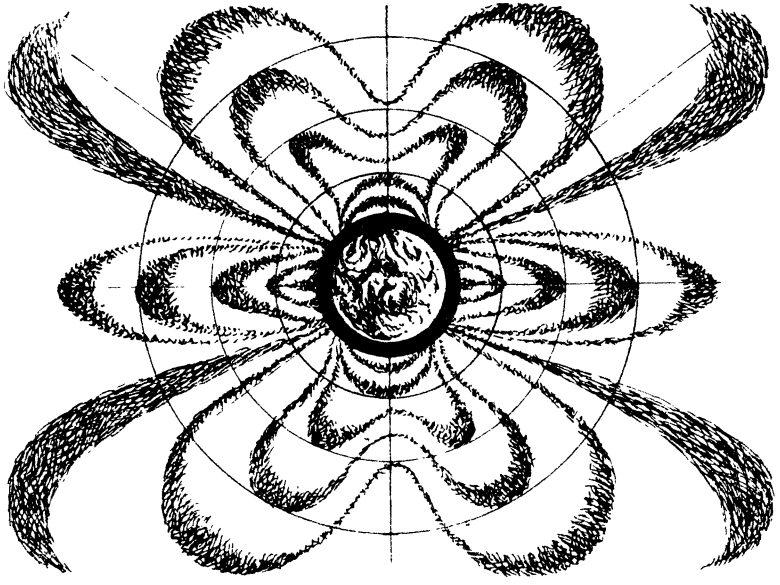
— Что ты сделала с динозаврами? Они тебя раздражали? И как ты с ними разделалась? — спрашивал он.— Холодно... Королева, ты слишком холодна! На сей раз не хватило совсем немного, моя девочка,— бормотал он, после чего рыдал и с умилением гладил постель.

И только в самом конце, когда мучимый жаждой и грязный он лежал там, где его оставили и забыли, доктор начал говорить осмысленно. Свободным, легким тоном парня, планирующего выезд с девушкой на пикник, он задал магнитофону вопрос:

— Ты не думала о медведях? У них так много... Странно, что они не пошли выше. Девочка моя, может, ты старалась их спасти?

Из глубин сухого горла вырвался короткий смех, и вскоре доктор Айн был мертв.





А. Ван Вогт

ЗАЩИТА

Внутри мертвой планеты шевельнулся старый усталый механизм. Замигали бледные электронные лампы, медленно заскрипел переключатель, меняя состояние с нейтрального на положительное.

Послышались шипение и треск плавящегося металла, когда медный предохранитель сдался наконец под напором могучей энергии. Металл напрягся, как мышца человека, под мощным электроимпульсом, потом предохранитель расплавился и с глухим стуком упал на пол.

Однако, перед этим ему удалось повернуть колесо.

Структура древней тишины этого помещения была теперь нарушена. Колесо лениво вращалось на тонкой пленке масла, которое — хорошо защищенное — сохранилось миллион лет. Три раза повернулось колесо, а потом его основание развалилось на куски. Бесформенная масса, в которую оно превратилось, ударилась в стену, рассыпавшись в пыль, не годную уже ни на что.

Однако колесо все же повернуло вал, открывший микроскопическое отверстие в дне уранового реактора. В канале под отверстием серебром блеснул другой уран.

В космическом напряжении два куска металла находились друг перед другом. Потом шевельнулись. Энергия, протекавшая между ними, мгновенно вызвала стремительную реакцию. То, что было твердым металлом, перешло в жидкое состояние, и верхний стек к нижнему.

Пылающая масса попала по каналу в специальную камеру, а там, образовав лужу, закипела, забулькала. Когда разогрелись холодные изолированные стенки, потек ток. Импульсы его побежали по пещерам мертвого мира.

Во всех камерах объединенной системы подземных фортов послышались голоса. Мегафоны хриплыми голосами передавали сообщения на таком забытом языке, что даже эхо искажало их смысл. В тысячах помещений тишину нарушали голоса из невероятно далекого прошлого, ждали ответа и, не дождавшись его, равнодушно принимали молчание за одобрение.

И вот в тысячах помещений переключатели замкнули цепи, повернулись колеса, и уран потек в специальные камеры. Последовала пауза, во время которой общий процесс близился к концу. Электронные устройства задавали себе вопросы без ответов.

Указатель определил цель.

— Там? — требовательно спросила электронная лампа.— Оттуда?

Указатель не шевельнулся.

Выждав положенное время, лампа включила передатчик.

— Там,— сказала она тысячам ждущих электронных устройств.— Приближающийся объект, несомненно, прибывает оттуда.

Миллионы рецепторов хранили спокойствие.

— Готово? — спросили они.

В помещениях механизмов за камерами кипящего урана контрольные огни лаконично подтвердили готовность.

Ответом была короткая команда:

— Огонь!

В пятистах километрах над поверхностью бледный и напряженный Петерс повернулся к Грейсону.

— Что это было, черт побери? — спросил он.

— А что такое? Я смотрел в другую сторону.

— Я бы поклялся, что видел там вспышки, их было трудно сосчитать. А потом мне показалось, что что-то пролетело мимо нас.

Грейсон сочувственно покачал головой.

— И ты не избежал этого, дружище. Не можешь вынести на-

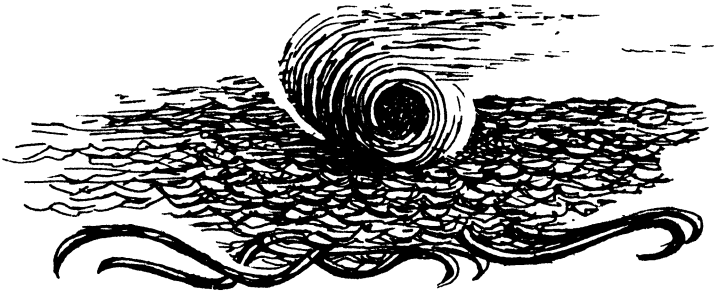
пряжения первой посадки на Луну. Расслабься, парень, мы уже почти на месте.

— Но я готов поклясться...

— Ерунда!

В трехстах восьмидесяти тысячах километров за ними Земля содрогнулась, когда тысяча суператомных бомб взорвалась одновременно, взметнув вверх грибообразные облака.

Мгла мгновенно закрыла всю стратосферу, скрыв от звезд подробности катастрофы.



Р. Бредбери

ЖЕЛАНИЕ

Вьюга выдохнула снег в холодное стекло. Дом скрипнул от порыва ветра.

— Что? — переспросил я.

— Я ничего не говорил,— ответил Чарли Симмонс. Он стоял у камина, потряхивая воздушную кукурузу на решетке.— Ни единого слова.

— Черт возьми, Чарли, я же слышал...

Я зачарованно смотрел, как снег падает на далекие улицы и пустые поля. В такие ночи к нашим окнам приходят белоснежные призраки, а потом улетают и теряются.

— У тебя богатое воображение,— сказал Чарли.

«Разве? — подумал я.— Неужели у зимы есть голос? Может быть, это язык ночи, времени, снега? Что за нить протянулась из вьюжной тьмы к моей душе?»

Не было ни луны, ни фонаря, но по стеклу пролетали бледные тени, словно от целой стаи голубей.

Может, это снег шепчет за окнами, или прошлое, средоточие времен и надежд, похороненных и отринутых, наконец, обрело голос?

— Боже мой, Чарли... Сию минуту, хоть присягнуть, я слышал, как ты сказал...

— Что я сказал?

— Ты сказал: «Загадай желание».

— Разве?

Он засмеялся, но я не обернулся. Стоял, смотрел на снег и говорил, не в силах молчать...

— Ты сказал: «Это особая, замечательная, небывалая ночь. Загадай самое заветное, самое небывалое желание за всю твою жизнь, из самой глубины сердца. И оно исполнится». Вот что я слышал.

— Ничего подобного,— в стекле я видел, как он покачал головой.— Послушай, Том, ты битых полчаса смотришь на снегопад, вот тебе и мерещится. Это говорил огонь в камине. Желания не исполняются, Том. Или...— тут он прервался и добавил изумленно,— бога ради, Том, неужели ты и в п р а в д у что-то слышал? Садись. Выпьем.

Воздушная кукуруза начала потрескивать. Чарли разлил вино, но я не прикоснулся к бокалу. Снег все так же обдавал окно своим бледным дыханием.

— Почему? — спросил я.— Почему мне послышалось именно ж е л а н и е? И если не ты сказал это, то кто же?

«Кто? — подумал я.— Что там, снаружи, и кто мы сами? Два бывших писателя, одинокие; друг пришел ко мне скоротать ночь. Оба слишком любим толковать о призраках, спиритизме, тароте и телепатии. Старые приятели — мы с полуслова понимаем друг друга, шутим, подкалываем, дурачимся.

Но вот что-то пришло оттуда, снаружи, и положило конец шуткам, стерло улыбки. Похоронило наш смех...»

— «Почему?» — повторил Чарли, пристально глядя на рождественскую елку в красных, синих и зеленых огоньках. Он отхлебнул вина и перевел взгляд на меня.— Отчего-то считается, что именно эта ночь создана для ж е л а н и й. Да, это ночь Рождества, вот-вот исполнится рождение Христово. И праздник, и зимнее солнцестояние приходятся на одну неделю, удостоверяя, что Земле предстоит ожить. Зима исчерпала себя, и время теперь начнет карабкаться вслед за Солнцем, все выше и выше. Потому-то все и верят, что эта неделя — особенная.

— Да...— пробормотал я в ответ, размышляя о древних вре-

менах, когда пещерный человек обмирал, стоило наступить осени. Солнце притухало, и эта полуобезьяна тосковала и выла до тех пор, пока мир не начинал просыпаться от белого сна, обещая тепло и возрождение вселенной.— Да, особенная...

— Так вот...— Чарли легко прочел мои мысли.— Христос — это обещание весны, не так ли? Посреди самой длинной ночи наступает потрясение Времени, Земля вздрагивает и разрешается мифом. «С Новым Годом!» — возвещает этот миф. Но ведь Рождество не совпадает с Новым Годом, это — день рождения Христа, когда его дыхание, сладкое и пряное, смешивается с нашим в зимнюю полночь, обещает новую весну. Так что дыши поглубже, Том.

— Заткнись!

— В чем дело? Ты что, снова слышишь голоса?

Да! Я снова повернулся к окну. До утра Его рождения оставалась всего минута. «И тогда,— испуганно подумал я,— наступит час чистейший и чудеснейший, час исполнения желаний».

— Том...— Чарли тронул меня за плечо, но я не обратил внимания: я слишком глубоко задумался, слишком замечтался.

«Неужели эта ночь и вправду особая,— думалось мне,— неужели святые духи странствуют в ночи вместе с метелью и в этот заветный час исполняют наши желания? Если я что-то загадаю про себя — разве эта ночь предшествия, эта древняя метель и этот странный сон не усилят его вдесятеро?»

Я крепко зажмурился. В горле пересохло.

— Не надо...— сказал Чарли, но слова уже рвались с моих губ.

«Сейчас,— думал я,— вот сейчас, пока чудесная звезда еще горит над Вифлеемом».

— Том,— выдохнул Чарли,— Христа ради...

«Да, Христа ради»,— подумал я и сказал:

— В этот час я хочу...

— Нет! — Чарли попытался зажать мне рот.

— ... чтобы мой отец снова ожил. Пожалуйста, сделай так.

Каминные часы пробили десятикратно и еще дважды.

— О, Томас...— тихо сказал Чарли. Ладони его опали с моих плеч.— Ох, Том...

Вьюга стукнула в окно, залепила его снегом, словно смертным саваном.

Дверь сама собою распахнулась.

Снег влетел в комнату.

— Какое ужасное желание, Том. И ведь... это может сбыться.

— Может сбыться! — я метнулся к распахнутой двери — она манила, как отверстая могила.

— Не надо, Том,— снова сказал Чарли.

Дверь хлопнула позади меня. Я выскочил из дома и побежал. Боже мой, как я бежал!

— Том, вернись! — голос Чарли терялся во вьюжной белизне.— Ради бога, не надо!

А я бежал и бежал через ночь, совершенно обезумев, невнятно бормотал, убеждая сердце биться быстрее, гнать кровь по жилам, а ноги — бежать и бежать.

«К нему! К нему! — думал я.— Туда! Пусть это случится. Пусть воплотится мое желание. Туда, на это место!»

И тут зазвенели, возвещая Рождество, запели, загомонили все колокола по всему заснеженному городу, и звоны окружили меня, подгоняли, тянули, а я все бежал к своей безумной цели.

«Идиот! — подумалось мне.— Вернись! Он же умер!»

А что, если все-таки ожил, всего на один этот час, и будет ждать меня, и не дождется?

Я оказался в поле, без шляпы, без пальто, но разгоряченный бегом, с лица моего при каждом шаге осыпалась соленая маска и тут же намерзала снова, а счастливый перезвон относило куда-то, и он там терялся.

Вьюга была со мною до самого конца пути, до самой темной стены.

Кладбище.

Я остановился у тяжелых чугунных ворот и оцепенел, глядя сквозь прутья.

Кладбище походило на руины крепости, взорванной поколение назад, все его надгробья поглотило новое Оледенение. А что, если чудес не бывает? Что, если в этой ночи не было ничего, кроме вина, разговоров и праздничного очарования? Что, если я бежал лишь затем, чтобы спасти свою веру, искреннюю веру в чудеса, которые еще случаются снежными ночами?

Я стоял и смотрел на заметенные могилы, на снег без единого следа на нем. Мне так не хотелось возвращаться назад, к Чарли, что я с радостью лег бы и умер здесь сам. Тут мне подумалось, что все это — его ужасная шутка, плод его беспощадного юмора. Ведь он как никто другой умел нащупать в человеке самую звонкую струну и играть на ней. Не он ли шептал за моей спиной, искушал, подталкивал к безумию?

Я тронул запертые ворота.

Где оно, это место? Там — гладкий камень с надписью: «Родился в 1888. Умер в 1957» — его и в ясный день трудно найти в высокой траве или под прошлогодними листьями.

Я отступил на шаг, и тут дыхание у меня занялось, а потом дикий, невероятный крик вырвался из горла — там, по ту сторону стены, рядом с домиком сторожа, что-то было!

Слабый вздох? Безгласный плач? Или просто первый намек на тепло в дыхании зимнего ветра?

Я снова вцепился в прутья, вгляделся до боли в глазах.

Вот оно! Зыбкий след, словно птица пробежала меж могильными камнями. Еще секунда, и их занесло бы снегом навсегда!

Я закричал, разбежался, прыгнул.

О Господи, никогда в жизни я не прыгал так высоко. Я упал, но уже с той стороны, разбил губы в кровь, вскрикнул и снова побежал, огибая сторожку.

Там, среди теней, то и дело скрываемый порывами метели, на фоне стены еле угадывался человек; глаза его были закрыты, руки — скрещены на груди.

Я смотрел на него с безумной надеждой — увидеть и узнать.

Этого человека я не знал.

Он был стар, стар, очень стар.

Я даже застонал от отчаяния.

И тут старец поднял дрожащие веки.

Это были его глаза!

— Папа! — закричал я и рванулся под тусклый свет лампочки, в снежную круговерть, чтобы обнять его.

А где-то далеко-далеко, в заснеженном городе, разносился голос Чарли:

— Нет, не надо, беги отсюда! Это кошмар, это безумие! Не надо! — умолял он.

Он стоял передо мной и не узнавал меня, а может, просто не мог разглядеть из-за пелены, подернувшей глаза. «Кто?» — наверняка думал он.

— ...ом! ...ом! — вдруг сорвалось с его губ.

Он никак не мог произнести звук «т».

Но звал он меня.

— ...ом!

Он вздрогнул и обхватил меня, словно человек, что стоит на кромке обрыва и боится, как бы земля не вздрогнула и не сбросила его в бездну.

Я крепко держал его. Он не мог упасть.

Сплетенные в неистовом объятии, не в силах сдвинуться с места, мы стояли посреди снежной пустыни и тихо покачивались — два человека, слившиеся в одного.

— Том, о, Том,— снова и снова судорожно и горестно повторял он.

— Отец, милый па, папочка,— твердил я.

Старик вдруг застыл в моих руках, увидев поверх моего плеча пустое поле смерти. Он судорожно вздохнул, словно пытаясь спросить меня, что это за место.

И как только он узнал, вспомнил это место, он увял, еще больше постарел, все его лицо говорило одно слово — «нет».

Он огляделся, словно надеясь увидеть заступников, защитни-

ков его прав, которые сказали бы это «нет» вместе с ним. Но в моих глазах он прочел правду.

Теперь мы оба смотрели на едва заметную путаную цепочку следов, что вела от места, где он был погребен долгие годы.

Нет, нет, нет, нет, нет, н е т!

Слова взрывались на его губах.

Но он все не мог выговорить «н» и «т».

И получались лишь дикие выдохи:

— ...е...е...е...е...е...е...Е! — одиноко и испуганно, словно детский плач.

А потом на его лице отразился другой вопрос: «Зачем?»

Он стиснул кулаки, глянул на свою бессильную грудь.

Господь одарил нас ужасным подарком. Но еще ужаснее — память.

Он вспоминал.

И начал оттаивать: тело как-то съежилось, слабое сердце замерло — закрывалась некая дверь в вечность и ночь.

Он был недвижим в моих руках, но веки его затрепетали над мертвыми еще глазами. Теперь он задавал себе самый страшный вопрос: «К т о сделал это со мною?»

Глаза открылись, и пристальный взгляд впился в меня.

«Ты?» — спрашивал он.

«Да,— безмолвно ответил я.— Это я попросил, чтобы ты ожил этой ночью»!

«Ты! — глаза его распахнулись, тело вздрогнуло, а потом, почти вслух, он спросил о самом мучительном.— Зачем?»

Мне вдруг передался весь его ужас.

В самом деле, зачем я сделал это? Как я додумался пожелать в Рождество именно это — ужасную, мучительную встречу.

Я ощутил себя напуганным ребенком. Что теперь делать с этим стариком? Зачем я прервал его ужасный сон, вызвал из могилы?

Разве я думал о последствиях? Нет, какой-то безумный толчок вышвырнул меня из дома на это поле скорби, и разума тогда во мне было не больше, чем в камне, брошенном рукою безумца.

Зачем? Зачем?

А старец, мой отец, стоял, овеваемый метелью, и ожидал моих жалких оправданий.

Я молчал, словно провинившийся ребенок, не в силах сказать ему правду. И раньше, когда он был жив, я часто терялся при нем, а теперь, когда он очнулся от смертного сна, я совершенно онемел.

Ответ рвался из меня, но я не мог пошевелить языком. Мой крик был намертво заперт во мне.

Секунда за секундой уходил отпущенный нам час, а с ним и возможность, последний случай сказать отцу то, что я должен был сказать еще много-много лет назад, но не успел.

Где-то далеко колокола пробили половину первого рождественской ночи: Христос уже реял в воздухе.

Снег хлопьями сыпался мне на лицо часто и холодно, часто и холодно...

«Зачем? — вопрошали глаза отца.— Зачем ты вызвал меня о т т у д а?»

— Па...— начал я и умолк, потому что его рука стиснула мое предплечье. По лицу его было видно, что он понял.

Ведь это был и е г о шанс, последняя возможность сказать мне то, что не сказалось при жизни, когда мне было двенадцать, четырнадцать или двадцать шесть. То, что я вдруг онемел, не имело значения. Он сам хотел сбросить путы могильного покоя и сказать это сам.

Губы его разомкнулись. Ему было адски трудно выдавить из себя слова: на такое мог решиться только мощный дух, пусть и обитающий в ветхом теле. Агонизируя, задыхаясь, он выдохнул три слова, и ветер тут же унес их.

— Что? — беспощадно спросил я.

Он крепко держался за меня. Вьюга била ему в глаза, но он ни разу не моргнул.

— Яя... юуу... яаааааа...— судорожно выдохнул он, замолк, вздрогнул и попытался сказать это разборчивее, но получилось то же: — Я... ууу... яяя... а!

— Па! — крикнул я.— Позволь, я скажу за тебя!

Он тихо стоял и ждал.

— Ты хочешь сказать: «Я... люблю... тебя»?

— Ааа! — выкрикнул он. И добавил совсем тихо: — О, да...

— О, папа...— сказал я и, окрыленный жалкой своей удачей, все обретя и все потеряв, ответил: — Милый па, и я... и я люблю тебя!

Мы крепко обнялись.

Я плакал.

И отец тоже. Из какого иссохшего колодца источились слезы, что дрожали и вспыхивали на его ресницах?

Последний вопрос был задан и последний ответ произнесен.

«Почему ты вызвал меня?»

«А почему возникает желание, почему дарят подарки и почему бывает такая ночь?»

Потому, что мы должны были сказать друг другу то, что не сказали при жизни, сказать это, пока не захлопнутся и не запечатаются навеки волшебные врата.

Все было сказано, и мы просто стояли, обнявшись. Отец и сын, сын и отец, две части единого целого среди снежной пустыни, один счастливее другого.

Слезы замерзали на моих щеках.

Мы долго стояли так на ветру, мы еще услышали, как колокола отзвенели двенадцать и три четверти, но больше ничего не слушали и не говорили — все было сказано. Так истек подаренный нам час.

По всему миру стрелки показали час ночи. Христос-младенец лежал в своих яслях. Колокола прозвонили конец чудесного часа. Как быстро протек он между нашими окоченевшими пальцами.

Отец все обнимал меня.

Увял последний звук колоколов, и я почувствовал, как отец разомкнул объятия, как его пальцы скользнули по моим щекам.

Я слышал, как он легко ступает по снегу. Шаги затихали, затихал и плач во мне.

Я открыл глаза и еще успел увидеть, как он обернулся и помахал мне рукой.

И тут снег опустил завесу.

«Какой он смелый, мой отец,— подумал я,— идет т у д а и не ропщет».

Я вернулся домой и еще выпил с Чарли у камина. Он взглянул мне в глаза и молча выпил за то, что он там увидел.

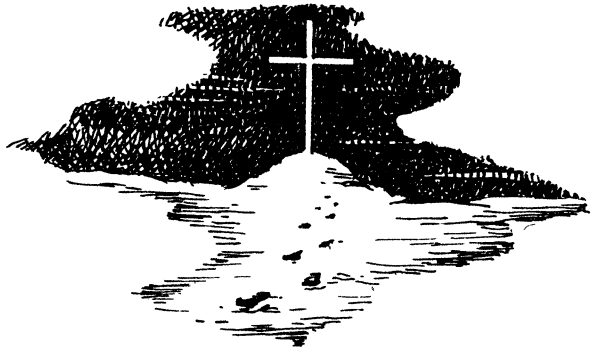
А наверху меня ждала постель, похожая на белое снежное поле.

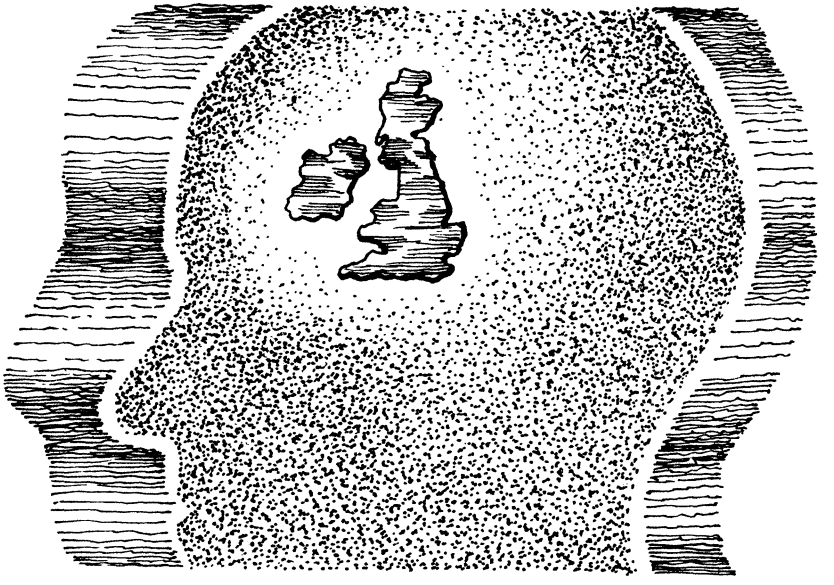
Снег все летел к моему окну со всех сторон света, падал на все и повсюду, заметал две цепочки следов: одна уходила в город, другая терялась среди могил.

Я лег на свое снежное ложе и вспомнил лицо отца, когда он в последний раз взглянул на меня, помахал рукой и ушел.

Это было самое счастливое, самое молодое лицо из всех, что я видел.

С этим я заснул и больше не плакал.





У. Ле Гуин

ПУТЕШЕСТВИЕ В ГЛУБЬ СОЗНАНИЯ

— Это Земля? — крикнул он, поскольку все вокруг резко изменилось.

— Да, это Земля,— сказал другой, который находился рядом.— Где же еще ты можешь быть? В Замбии люди катаются с горы в бочках, чтобы подготовиться к космическим полетам. Израиль и Египет внезапно уничтожили всю растительность в своих пустынях. Читательский сборник «Ридерс дайджест» купил контрольный пакет в Картеле Объединенных заводов США. Население Земли увеличивается на тридцать миллиардов к каждому четвергу. Миссис Жаклин Кеннеди-Онассис выходит замуж за Мао Цзе-Дуна в целях безопасности, Россия заразила Марс плесенью.

— Ну что ж,— сказал он.— Значит, ничего не изменилось.

— Ничего существенного. Как любил говаривать Жан Поль Сартр: ад — это другие люди.

— В ад Жана Поля Сартра. Я хочу знать, где я.

— Тогда скажи, кто ты? — спросил другой.

— Я.

— Кто «я»?

— Меня зовут...

— Как?

Он стоял, его глаза наполнились слезами, колени дрожали, и он знал, что не помнит, как его зовут. Он был пустым местом, зашифрованной строкой, иксом. У него имелось тело и все прочее, но он не знал, кто он.

Они стояли на краю леса: он и тот, другой. Этот лес был знакомым, но листья были блеклые, и паразиты леса, поработавшие здесь, искромсали все ветки. Мимо них в лес вошел олень и сразу же лишился имени. Безымянное животное посмотрело на них влажными глазами из лесного сумрака, затем исчезло.

— Это Англия!! — крикнул потерявший свое имя, хватаясь за спасительную соломинку, но другой сказал:

— Англия затонула год тому назад.

— Затонула?!

— Ну да, пошла ко дну. Ничего не осталось, кроме последних четырнадцати футов горы Сноудон, теперь называющейся Новый Уэльский Риф.

Известие потащило его ко дну. Он был уничтожен.

— О! — крикнул он, стоя на коленях. Он хотел умолять кого-то о помощи, но не мог вспомнить, к кому же должен обратиться. Помнил только, что первая буква «Б». В этом он был почти уверен. Он заплакал. Другой сел рядом и положил руку ему на плечо.

— Мы должны идти, не принимай все это близко к сердцу.

Добрый голос придал Иксу смелости. Он взял себя в руки, вытер лицо рукавом и посмотрел на второго. Между ними было некоторое сходство. Но он был другой. Во всяком случае, тоже без имени. Что в этом хорошего?

Когда Земля повернулась вокруг своей оси, тени пронеслись у него перед глазами, затем двинулись на восток, дальше и дальше, к глазам другого.

— Думаю,— сказал безымянный,— нам следует выйти из тени... ну, вот этих самых...

Он показал на длинные предметы, коричневые внизу и с обильной зеленью наверху, названия которых он больше не помнил. Ему было интересно, каждый ли предмет имеет свое название или же все они имеют одно имя. И как насчет его самого и того, другого: делили они одно имя, или каждый носил свое?

— У меня такое чувство, что я вспомню название, если отойду от них,— заявил он.

— Конечно,— ответил тот, другой,— но это все равно не имеет никакого значения.

Когда они вышли на солнечный свет, он сразу вспомнил, что место называлось лесом, а предметы имели название «деревья». Только он не мог вспомнить, были ли у деревьев свои личные имена. Если да, то он все равно их не помнил. Возможно, он не знал, что́ это за деревья.

— Что же мне делать, что делать?

— Эй, послушай, ты можешь называть себя так, как тебе нравится. Почему бы и нет?

— Потому что я хочу узнать свое настоящее имя.

— Это не всегда легко. А пока ты можешь взять какое-нибудь прозвище, для того, чтобы было легко общаться. Выбери имя, любое имя! — посоветовал другой.

— Нет,— гордо ответил Некто,— я выбираю свое имя.

— Ладно. Хочешь одноразовый носовой платок?

Некто взял платок, высморкался и сказал:

— Я назову себя...— он в ужасе остановился. Второй мягко смотрел на него.— Как я могу сказать, кто я, если я не знаю, что я из себя представляю?

— А как ты это узнаешь?

— Если бы у меня было что-то, если бы я сделал что-то...

— Это превратило бы тебя в человека?

— Конечно!

— Я никогда об этом не думал. В таком случае, как тебя зовут, не имеет значения, любое имя подойдет, в зачет идут только твои поступки.

Некто встал и твердо сказал:

— Я буду существовать и назову себя Рольфом.

Ковбойские джинсы туго обтягивали его крепкие бедра, широкий шарф обматывал ше́ю, в густых черных волосах поблескивал пот. Он стоял за спиной Аманды, постукивая рукояткой хлыста по голенищу, в то время как она сидела в своем старом платьице, прислонившись к ореховому дереву. Он стоял на солнце, но не солнце, а злоба распаляла его.

— Ты дура! — крикнул он женщине.

В ответ раздался веселый голосок южанки:

— Почему, мистер Рольф? Я только слегка упряма.

— Ты ведь понимаешь, что я, янки, владею всей этой землей до Вивилвилля? Страна, принадлежащая мне. Твоя ферма больше не принесет ни одного ореха для моей кухни!

— Разумеется. Почему бы вам не пойти в тенек, вы так разгорячились на солнце, мистер Рольф?

— Ты типичная самка,— пробормотал он, обернувшись. Он увидел ее: белую, как лилия, в стареньком платьице, в тени огромных старых деревьев Неожиданно он оказался подле ее ног, схва-

тив ее за руки. Она забилась в его сильных руках и слабо крикнула:

— О, мистер Рольф! Что это значит?

— А то, что я мужчина, Аманда, а ты женщина. Мне никогда не была нужна твоя земля. Мне ничего не было нужно, кроме тебя, моя белая лилия, моя маленькая мятежница! Я тебя хочу! Я хочу тебя, Аманда! Скажи, что согласна стать моей женой!

— Я согласна,— тихо выдохнула она, склоняясь к нему, как белый цветок, их губы встретились в долгом, долгом поцелуе. Но им этого было мало. Пусть он длился бы двадцать или тридцать лет.

— Ты подлая сука,— пробормотал он, отворачиваясь. Он увидел ее абсолютно голую, сидящую спиной к дереву с поджатыми коленями. Он шагнул к ней, расстегивая ширинку. Они совокуплялись в траве, кишащей сороконожками. Он был полон сил, как молодой мустанг, она только стонала. Это длилось бесконечно, они оба испытывали блаженство, наконец все было кончено.

— И что?

Некто стоял на некотором расстоянии от леса и печально смотрел на другого.

— Я — мужчина? — спросил он.— А ты женщина?

— Не спрашивай у меня об этом,— ответил другой угрюмо.

— Я подумал, что это надо установить во что бы то ни стало. Это очень важно.

— Не так уж и важно.

— Ты хочешь сказать, что тебе неважно кто я — мужчина или женщина?

— Важно, и для меня это важно. Но самое главное: какими мужчиной и женщиной мы являемся или, возможно, не являемся. Что, если вдруг Аманда была черной?

— Но ее пол?

— О, дьявол,— сказал другой с раздражением,— кольчатые черви тоже имеют пол, и деревья, и даже Жан Поль Сартр им обладает, но что это доказывает?

— Ведь секс реален, я имею в виду, по-настоящему, это обладание и действие в самой интенсивнейшей форме. Когда мужчина обладает женщиной, это доказывает, что он существует.

— Понимаю. Но вдруг «он» — это женщина?

— Я был Рольфом!

— Попробуй быть Амандой,— мрачно посоветовал другой.

Последовала пауза. Тени и леса́ поползли дальше на восток. Щебетали маленькие птички. Некто сидел, уткнувшись головой в колени. Второй растянулся и угрюмо принялся складывать узоры из опавших еловых иголок.

— Извини,— сказал Икс.

— Ничего. В конце концов, этого ведь не было.

— Послушай,— Некто вскочил.— Я знаю, что случилось. Я принимаю участие в каком-то путешествии. Я принял что-то и двигаюсь по какой-то дороге, вот в чем дело!

Так оно и было. Он плыл на каноэ. Он вел каноэ вдоль длинного, узкого, темного, сверкающего зеркала воды. Видел конкретные стены и крышу. Было достаточно темно. Длинное озеро, ручей или канал заметно шел под уклон. Он греб против течения наверх. Удары были тихие, весло входило в воду бесшумно, как нож в масло.

Его большая черная лакированная гитара лежала на переднем сидении. Он знал, что кто-то сидел сзади, но ничего не говорил. Ему запретили разговаривать и даже оглядываться, поскольку если они не выберутся (а это был их шанс), ему перестали бы доверять. Конечно, он не мог медлить, ведь течение могло захватить лодку и перевернуть ее, где бы он тогда очутился? Он закрыл глаза и продолжал грести, весла бесшумно входили в воду, и следовал сильный удар. Не было слышно ни звука. Он задумался, действительно ли продвигается вперед или стоит на месте, тогда как вода во весь дух неслась под лодкой. Он никогда не выберется на дневной свет. Прочь, прочь...

Второй, казалось, не заметил, что Икс был в путешествии, он просто лежал и составлял узоры из иголок, затем вдруг спросил:

— Как у тебя с памятью?

Некто поискал ее, чтобы убедиться, что она улучшилась. Но нашел еще меньше, чем раньше. Шкаф пустовал. В подвалах и на чердаке было полно хлама, старых игрушек, детских стихов, мифов, бабушкиных сказок, но не было никакой подпитки для взрослого, ни единого клочка собственности, ни крупицы успеха. Он продолжал поиски, как долго голодавшая крыса. В конце концов он неуверенно сказал:

— Я помню Англию.

— Почему именно ее? С таким же успехом это может быть Омаха.

— Я имею в виду, пребывание в Англии.

— Правда? — тот сел, разбрасывая хвою.— Значит, ты помнишь жизнь! Как жаль, что Англия затонула.

Снова молчание.

— Я потерял все.

В глазах другого был мрак, да восточный край Земли круто спускался по ступенькам в ночи.

— Я — никто.

— Ты, по крайней мере, знаешь, что ты человек.

— О, в этом нет ничего хорошего, ведь я не имею ни имени, ни пола — ничего. С таким же успехом я могу быть кольчатым червем.

Другой согласился и сказал:

— Или Жаном Полем Сартром.

— Я? — спросил тот оскорбленно. Доведенный до отчаяния отвратительным сравнением, он встал и заявил: — Конечно, я ни в коем случае не Жан Поль Сартр. Я — это... — и сказав «это», он нашел себя самого, настоящего. Его имя Льюис Д. Чарльз. Он знал это так же хорошо, как самого себя. Вот он кто!

Перед ним был лес, ветки и корни. Другой куда-то ушел. Льюис Чарльз посмотрел на красный глаз запада и черный глаз востока. И громко крикнул:

— Вернись, пожалуйста, вернись!

Он шел не вперед, а назад. Имя, которое он нашел, было неправильным. Он повернулся и, забыв об инстинкте самосохранения, кинулся в непроходимый лес, отбрасывая самого себя, чтобы найти оброненное имя.

В тени деревьев он снова потерял имя. Он даже забыл, что́ ищет. Что же это было? Он глубже и глубже продвигался под деревьями на восток, туда, где обитали безымянные тигры.

ВЕЩИ

На берегу стоял человек, глядя через огромное море туда, где вздымались Острова или, может быть, ему так казалось.

— Там,— сказал он морю,— лежит мое королевство.

Море ответило ему так, как отвечало всем. Когда на море из-за его спины стал надвигаться вечер, ветер стих, и краски моря поблекли, в западной части неба засияла, возможно, звезда, возможно, огонек или его мечта о свете.

Он стал карабкаться вверх, на улицы своего города, в полных сумерках. Хижины и мастерские его соседей были пусты, приведены в порядок и покинуты их хозяевами, готовившимися к Концу. Почти все жители были либо наверху, в Гейстхолле, на Отпевании, либо внизу, в полях, с Бешеными. Но Лиф не мог уйти, его вещи были слишком тяжелы, чтобы их выбросить, слишком крепки, чтобы их разбить или сжечь. Только века могли бы их разрушить. Где бы их ни сложили, где бы они ни упали, куда бы их ни выбросили, из них складывалось то, что должно было сложиться — город. Поэтому он и не пытался их выбросить. Его двор все еще был завален кирпичами, тысячами и тысячами кирпичей его собственного изготовления. Печь для их обжига стояла холодной, но в рабочем состоянии, там же были бочонки с глиной и сухой известью, с известковым раствором, лотки для погашения извести и мастерок. Все

необходимое для работы. Один парень из Нотариального переулка спросил с усмешкой:

— Ты что, собираешься выстроить кирпичную стену и спрятаться, когда придет Конец Света?

Другой сосед, отправлявшийся в Гейстхолл, посмотрел на эти груды и кучи штабеля и насыпи хорошо сформованных и обожженых кирпичей, купающихся в золотом свете послеобеденного солнца, и вздохнул, словно они давили на него.

— Вещи, снова вещи! Освободись от них, Лиф, от той тяжести, с которой они давят на тебя! Идем с нами, пока еще не наступил Конец!

Лиф поднял кирпич, снова положил его на место и смущенно улыбнулся. Когда они все шли мимо, он не отправился с ними ни в Холл, ни туда, где люди уничтожали посевы и убивали животных, его путь лежал к морю, туда, где был Конец всего живого, где была только вода. Теперь, вернувшись в свою хижину, просоленный и обветренный, он все еще не чувствовал ни хохочущего отчаяния Бешеных, ни слезного и возвышенного отчаяния тех, кто собирался в Гейстхолле. Он чувствовал пустоту и голод. Это был коренастый и невысокий человек, и ветер на краю света не мог сдвинуть его с места.

— Эй, Лиф! — позвала его вдова, живущая в переулке Ткачей, пересекающем улицу в нескольких метрах от его дома.— Я видела, что ты идешь по улице, ведь с самого захода здесь не проходила ни одна живая душа. Становится темнее и тише, чем...— она не уточнила и продолжила:— Ты уже ужинал? Я как раз собиралась вытащить из печи жаркое, но нам с малышом никогда не съесть столько до самого Конца Света, и мне не хочется, чтобы пропадало хорошее мясо.

— Большое спасибо,— сказал Лиф и снова надел пальто.

Они пошли в переулок ткачей, оставив переулок Каменотесов уже в полной темноте, минуя улицы, продуваемые ветром с моря. В залитом светом доме вдовы Лиф поиграл с малышом, самым последним из рожденных в городе, маленьким толстячком, учившимся вставать. Лиф поставил его на ножки, он рассмеялся и упал. В это время вдова поставила хлеб и горячее мясо на стол, сплетенный из толстых камышей. Они сели есть, даже ребенок, который жевал ломоть хлеба четырьмя зубами.

— Почему ты не в Холле и не в поле? — спросил Лиф.

Вдова отвечала так, словно ответ был приготовлен заранее.

— О, у меня ребенок.

Лиф осмотрел дом, построенный ее мужем, одним из его подручных, помогавших изготавливать кирпичи.

— Хорошо. Я с прошлого года не ел мяса.

— Знаю, знаю. Никто больше не строит дома.

— Никто,— подтвердил он.— Не было построено ни одного дома, ни одного курятника. Даже ремонта никто не предпринял. Но ведь ткани, которые ты изготавливаешь, еще нужны?

— Да, некоторые хотят иметь новую одежду к Концу Света. Это мясо я купила у Бешеных, уничтоживших усадьбу моего господина, заплатив им деньгами, вырученными за кусок полотна, которое я соткала для платья его дочери. Они хотели сшить его специально к Концу.

Она иронически хмыкнула.

— Но теперь у меня кончился лен, да и шерсть вряд ли будет. Нечего прясть, нечего ткать. Поля сожжены, птицы убиты.

— Да,— согласился Лиф, жуя хорошо прожаренное мясо.— Плохие времена, наихудшие времена.

— А теперь,— продолжала вдова,— откуда взяться хлебу, если поля сожгли? Где взять воду, если Бешеные отравляют источники? Я напоминаю плакальщиц там, наверху? Угощайся, Лиф! У весенних ягнят — лучшее в мире мясо, так говаривал мой муж, но когда наступала осень, то же самое он утверждал про жареную свинину. Кушай, бери кусок мяса побольше.

В ту ночь Лиф видел сны, лежа в своей хижине на Кирпичном дворе. Обычно он спал так же тихо и спокойно, как кирпичи, но на этот раз он всю ночь плыл к Островам. Когда он пробудился, они уже не казались ему просто мечтой, они стали так же отчетливы, как звезды, проступающие, когда меркнет день. Он узнал свои Острова. Но как во сне ему удалось перебраться на них? Он не летел, не шел, не плыл под водой, как рыба, и все же пересек серо-зеленые равнины и ускользающие холмы моря, слышал зовущие голоса, видел огни городов.

Он стал думать о том, как человек может передвигаться по морю. Он думал о способности травы плыть по воде и понял, что человек может сплести из камышей нечто вроде тюфяка и плыть, лежа на нем, а грести руками. Но заросли тростника все еще тлели у реки ниже по течению, а запасы ивы в лачугах корзинщиков давно сожгли. На островах своей мечты он видел тростник или траву высотой в пятьдесят футов с коричневыми стеблями, которые невозможно было обхватить, и целым морем зеленых листьев, обращенных к солнцу.

На таких стеблях человек мог переплыть море. Но таких растений не было в его стране, хотя в Гейстхолле и имелась рукоятка ножа, сделанная из какого-то крепкого коричневого материала, по словам знающих людей, из какого-то растения, выросшего в другой земле и именуемого лесом. Но на рукоятке моря не переплывешь. Смазанные салом шкуры тоже могут плыть, но дубильщики не работали уже многие недели, и не было ни одной шкуры для продажи. Он не мог рассчитывать ни на кого. В то ветреное утро он принес свою

тачку и лоток для кирпичей на берег и положил их в тихую воду лагуны. Они тоже могли плыть по воде, но едва он положил на них руку, они накренились, наполнились водой и затонули. «Они слишком легкие»,— решил он. Он вернулся назад к утесу и, пройдя через улицы, нагрузил тачку теперь уже бесполезными хорошо сделанными кирпичами и покатил тяжелый груз вниз, к морю. Поскольку в городе за последние годы было рождено очень мало детей, никто не полюбопытствовал, чем он занят, хотя пара хмельных после вчерашних погромов Бешеных и проводила его взглядом. Весь день он возил к морю кирпичи и известь, так же прошел и следующий день. Он не видел больше тот сон, но начал класть кирпичи на сверкающем мартовском пляже, благо песок и вода для цемента были под рукой. Он соорудил небольшой купол из кирпичей, овальный, с острыми краями, как у рыбы, все кирпичи лежали один к одному. Если бочка, наполненная воздухом, может плавать, почему бы не приспособить это сооружение? К тому же оно достаточно крепкое. Но когда весь купол был покрыт известкой, и Лиф развернул его и толкнул к линии прибоя, оно только глубже и глубже зарывалось в мокрый песок, словно моллюск или песчаная блоха. Волны наполнили его, и после того, как Лиф вычерпал воду, наполняли снова и снова, а затем зеленое крыло прибоя потащило все за собой, перевернуло купол и, швырнув назад его составные элементы, похоронило их в песке. Лиф стоял, мокрый по самую шею, и вытирал соленые брызги с глаз. На западе ничего не было видно, кроме бьющихся волн и туч. Но Острова были там. Он знал наверняка. Они лежали на западе, с их огромми травами, в десять раз превышающими человеческий рост, с их золотыми полями, колышущимися от морского ветра, с их белыми городами и горами, вершины которых покрыты снегом, а на склонах раздаются голоса пастухов.

— Я — строитель, а не мореплаватель,— решил Лиф, когда подробно обдумал предпринятую глупость. И он упрямо вышел из воды, поднялся на утес и под дождем пошел за очередной тачкой кирпичей.

Впервые за неделю освободившись от глупой мечты о плавании, он заметил, что Кожевенная улица опустела. Сыромятная была завалена мусором и безлюдна. Мастерские напоминали зевающие рты, а окна спален над ними были заколочены.

В конце переулка старый сапожник жег кучу новых ненадеванных башмаков, горевших с отвратительным запахом. Около него стоял оседланный ослик, шевеля ушами от едкого дыма.

Лиф прошел мимо и нагрузил тачку кирпичами. На этот раз он катил ее вниз, изо всех сил отклоняясь назад и натягивая лямки, чтобы тачка не потеряла равновесия на тропинке, ведущей к пляжу, из-за ветра. За ним следовала пара горожан. За ними пошли два или три жителя Нотариального переулка и еще несколько дру-

гих, живших по соседству с базаром. Вот почему когда он выпрямился — его черные босые ноги стояли в теплой воде, а на лбу у него выступил холодный пот — целая толпа растянулась вдоль глубокого следа на песке. Они походили на Бешеных. Он не обратил на это внимания, хотя знал, что с вершины утеса за ним наблюдает испуганная вдова из Нотариального переулка.

Он покатил тачку в море и, когда вода дошла ему до груди, опрокинул ее, и огромная волна вынесла его на берег, вовсю громыхая тачкой, полной воды.

Несколько Бешеных уже уходили вдоль линии прибоя. Один высокий парень подошел к нему и сказал с ухмылкой:

— Почему ты не бросаешь их вниз с утеса?

— Они только упадут на песок,— ответил Лиф.

— А тебе надо их утопить? Понятно. Видишь ли, кое-кто из наших решил, что ты собираешься тут что-то построить. Они хотели сделать из тебя цемент. Пусть эти кирпичи будут сырыми и холодными.

Нотариус удалился, ухмыляясь, а Лиф пошел наверх за очередной тачкой.

— Приходи ужинать, Лиф,— обеспокоенно сказала вдова, крепко прижимая ребенка, чтобы его не продуло.

— Я приду,— сказал он,— и захвачу ковригу хлеба. Я запасся двумя ковригами хлеба до того, как ушли булочники.— Он улыбнулся, но она осталась серьезной. Когда они вместе поднимались по улицам, она спросила:

— Ты топишь свои кирпичи, Лиф?

Он рассмеялся от всей души и сказал, что да.

Вид у нее был такой, будто она испытывала не то облегчение, не то печаль. Но во время ужина в ее светлом доме она была по-прежнему тихой и спокойной. Они съели сыр и ворованный хлеб с большим аппетитом.

На следующий день он продолжал возить кирпичи вниз, тачка за тачкой, и когда Бешеные его замечали, они думали, что он занят тем же, что и они. Уклон пляжа к морю был постепенным, и всю работу он делал под водой. Начинал он при низком приливе, поэтому его кирпичи никогда не обнажались. При высокой волне было очень трудно укладывать кирпичи более-менее ровно, так как море бурлило, и волны перекатывались через его голову, но он продолжал начатое дело.

К вечеру он принес длинные железные прутья и укрепил то, что успел построить, так как в восьми футах от места начала его работы подводное течение могло разрушить все, что он успел построить. Затем он убедился, что даже кончики прутьев находятся под водой при низком приливе, чтобы ни один Бешеный не увидел их и не заподозрил, что под водой делается какое-то укрепление. В сумер-

ках два пожилых человека прошли мимо него из Гейстхолла после Отпевания, громыхая своей тележкой по камням, и грустно ему улыбнулись.

— Это хорошо — освободиться от вещей,— сказал один, другой кивнул.

На следующее утро, несмотря на отсутствие снов об Островах, Лиф продолжил укладку пути. Песок стал расползаться сильнее, когда он продвинулся вперед. Теперь он приспособился вставать на передние кирпичи и наклонять аккуратно нагруженную тачку, затем нырять и укладывать кирпичи между заранее установленными прутьями. При этом он барахтался и ловил воздух, нырял и снова показывался на поверхности.

Уложив все кирпичи, он поднимался и шел к дому за новой партией.

Как-то раз вдова сказала ему, появившись на кирпичном дворе:

— Давай, я буду бросать их для тебя сверху, так ты сэкономишь время.

— Это нелегкая работа — грузить тачку,— заметил он.

— Пусть,— сказала вдова.

— Хорошо, попытайся. Но они довольно-таки тяжелые. Не пытайся перетаскивать много. Я дам тебе маленькую тачку. А твой мышонок может сидеть в ней и кататься.

Теперь она ему помогала. Серебряные дни с туманными утрами прошли, небо и море были чисты весь день, в расщелинах цвели травы, больше не осталось ничего, что могло бы расцвести потом. Дорога протянулась на многие ярды от берега, поэтому Лиф был вынужден выучиться тому, чего кроме рыб никто не умел: он мог плавать по воде и под водой в открытом море, не касаясь дна.

Он никогда не слышал, чтобы так мог делать человек, но не задумывался над этим, будучи слишком занят своими кирпичами, весь день находясь то в воде, то на воздухе, изучая пузырьки воздуха, циркулирующие в воде, и капли воды, циркулирующие в воздухе. Он был абсолютно один, наедине с апрельским дождем и туманом. Иногда он был счастлив в этом мрачном зеленом бездушном мире, борясь со странно упрямыми невесомыми кирпичами на виду у косяков рыб. И только потребность в воздухе вынуждала его вдыхать ветер с солеными брызгами.

Он строил весь день, выбираясь на песок за кирпичами, которые его преданная помощница бросала сверху, нагружал тачку и катил ее в море по дороге, которая была в двух футах от поверхности воды при низком приливе и в четырех-пяти при высоком. На краю дороги он высыпал их, нырял и строил. И снова шел на берег за тачкой. В город он возвращался поздно вечером, уставший, белый от соли, с зудящей кожей, голодный, как акула, чтобы разделить какой ни есть ужин со вдовой и ее малышом. Позже, хотя весна приближа-

лась мягкими, длинными, теплыми вечерами, город становился очень темным и тихим. Однажды ночью, когда он не настолько устал, чтобы не заметить этого, он сказал вдове о странной тишине.

— Я думаю, все они ушли,— ответила она.

— Все! — пауза.— А куда они направились?

Она только пожала плечами. Подняла свои глаза и в залитой лунным светом тишине некоторое время смотрела на Лифа.

— Куда? Куда ведет морская дорога? — спросила она.

Какое-то время он не отвечал.

— К Островам,— сказал он наконец, улыбнулся и посмотрел на нее.

Она не засмеялась, а только уточнила:

— А они существуют? Так это правда, что они есть?

Она обернулась на своего спящего ребенка, затем посмотрела на темную весеннюю улицу, по которой никто не прогуливался, а в домах никто не жил. Потом она опять посмотрела на него и сказала:

— Ты знаешь, кирпичей осталось мало. Несколько сотен. Тебе недолго осталось работать,— и она принялась тихонько плакать.

— Ради Бога! — успокаивал ее Лиф, думая о подводной дороге, убегающей от берега на сто двадцать футов, и о море, простирающемся на тысячи миль дальше.— Я туда поплыву. Ну-ну, не плачь, золотко! Разве я брошу вас с мышонком здесь одних? Разве после того, как ты чуть не разбила кирпичами мне голову, после того, как мы делили хлеб, после твоего стола и огня, после твоей постели и смеха, разве смогу я уйти, когда ты плачешь?! Успокойся и не плачь. Дай-ка мне подумать, как мы втроем сможем добраться до Островов.

Но он-то знал, что выхода нет. По крайней мере, не для того, кто делает кирпичи. Он сделал все, что смог. Все, что смог — это отдалиться от берега на сто и еще двадцать футов.

— Как ты думаешь,— спросил он после долгого молчания, в течение которого она убрала со стола и вымыла тарелки в чистой воде, которая снова стала безопасной, поскольку Бешеные пропали,— может ли это...

Ему было трудно говорить, но она тихо ждала.

— Может, это и есть Конец?

Тишина. В одной из освещенных комнат, среди остальных темных домов и улиц, на сгоревших полях и пустующих землях — Тишина. Тишина и в Холле наверху, молчаливое небо, тихий воздух, кругом ненарушаемое молчание. Кроме далекого шума моря и очень тихого, хотя и близкого, дыхания ребенка.

— Нет,— решила женщина. Она села напротив него и положила руки на стол, прекрасные руки, темные, как земля, ладони цвета чер-

ного дерева,— нет, Конец Света будет концом света. А это только его ожидание.

— Тогда почему мы еще живы — только мы двое?

— Ну, потому, что у тебя есть твои кирпичи, а у меня есть мой малыш.

— Завтра мы должны идти,— сказал он несколько минут спустя. Она кивнула.

Они встали до восхода. У них не было еды, и когда она положила в сумку несколько вещей для ребенка и одела кожаный плащ, а он сунул за пояс нож и мастерок и одел куртку ее мужа, они покинули домик, выйдя на холодный тусклый свет на пустынных улицах.

Они пошли вниз, он впереди, а она следом за ним, неся спящего ребенка и кутая его в складки плаща. Он не свернул к дороге, ведущей на север, прошел и мимо дороги к утесу, затем мимо рыночной площади и повел ее к пляжу. Всю дорогу она шла следом за ним, и никто из них не сказал ни слова. У самой воды он оглянулся.

— Я буду поддерживать тебя на воде, сколько смогу,— пообещал он.

Она кивнула и мягко сказала:

— Мы пойдем по дороге, построенной тобой, пока она не кончится.

Он взял ее свободную руку и повел в воду. Вода была холодной. Она была обжигающе холодной. Холодный свет на востоке освещал пену, шипящую на песке. Когда они встали на дорогу, кирпичи были тверды у них под ногами, и ребенок снова спокойно заснул.

Когда они продолжили свой путь, удары волн сделались сильнее. Приближался прилив. Первые волны намочили их одежду, забрызгали лица и заставили зябнуть их плоть. Они достигли края подводной дороги. Пляж находился на небольшом расстоянии позади них, песок темнел под утесом, над которым виднелось тихое бледное небо. Вокруг них бились неукротимая вода и пена. Впереди было неутомимое море, огромная бездна, провал. Прилив ударил их на своем пути к берегу, и они пошатнулись. Ребенок проснулся от сильного удара волны и заплакал — слабый звук в долгом и холодном глухом бормотании моря, всегда говорящего одно и то же.

— О, я не могу! — крикнула в женщине мать, но она тут же твердо взяла мужчину за руку и встала рядом с ним. Подняв голову, чтобы сделать последний шаг с того, что он построил в ту сторону, где не было берега, он увидел силуэт, плывущий по воде, на западе льющийся свет, белое мерцание, подобно белой ласточке, встречающей рассвет. Казалось, что кроме шума волн слышны какие-то голоса.

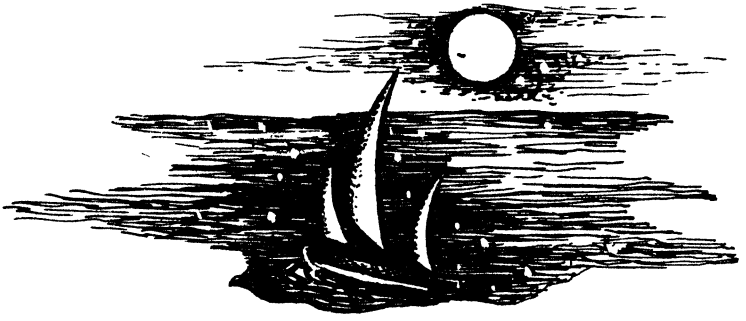
— Что это? — сказал он, но она смотрела на ребенка, пытаясь успокоить слабый плач, бросающий вызов монотонному бормота-

нию моря. Он стоял, тихо глядя на белеющие паруса, свет, пляшущий на волнах, двигающийся к ним и к великому свету, растущему за их спинами.

— Подождите! — донесся крик из той большой лодки, плывущей по серым волнам и танцующей на их гребнях.

— Подождите! — дружелюбно кричали голоса, и он увидел белый парус, лица и тянущиеся к ним руки.— Идите! Идите к нам на корабль, и мы поплывем на Острова!

— Держись,— сказал он, и они сделали последний шаг.



Ф. Браун

НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Конечно, никто не знал, что для Лоренса Кэйна все было предопределено уже в тот момент, когда он сбил девушку на велосипеде. Развязка наступила сентябрьским вечером за кулисами ночного клуба, хотя могла произойти когда и где угодно.

Перед этим он три дня подряд смотрел номер, исполняемый местной падшей звездой Кинни Кин. Номер был, что называется, зажигательным: под конец его из всей одежды на Кинни оставался только голубой свет да три клочка материи в стратегически значимых пунктах. И если уж говорить военным языком, сама Кинни была сложена, как бетонный бастион. Когда она кончила возбуждать мужскую похоть и скрылась за кулисами, Лоренс решил, что номер был бы гораздо приятнее, если бы исполнялся в более приватной

обстановке, а именно, в его холостяцкой квартире, и для ограниченной аудитории, точнее, для него одного. Его планы не исключали и более существенных впечатлений.

Итак, Кинни освободилась, шоу заканчивалось, словом, трудно было выбрать лучший момент для частной беседы.

Лоренс Кэйн вышел из зала, прошелся по аллее вокруг дома и отыскал служебный вход. Пятидолларовая купюра, врученная швейцару, вполне сошла за пропуск, и минуту спустя он уже стучал в дверь уборной, украшенную позолоченной звездой.

— Кто там? — послышалось из-за двери.

Кэйн хорошо понимал, что переговоры через дверь ни к чему не приведут. Он был достаточно искушен в театральных обычаях и сразу выбрал верный ответ, который помог ему сойти за своего человека, возможно, вовсе не собирающегося подкатываться к усталой женщине с гнусными предложениями.

— Вы одеты? — спросил он.

— Подождите минутку,— ответила Кинни и вскоре разрешила войти.

Лоренс вошел. Кинни была в красивом пеньюаре из тех, которые так идут голубоглазым блондинкам. Кейн раскланялся, представился и посвятил Кинни в детали своего плана.

Он был готов к тому, что она поначалу будет отнекиваться, был готов даже к решительному отказу. На этот случай он приготовил весомый четырехзначный довод: столько Кинни не зарабатывала за неделю, а может, и за месяц. Конечно, ведь второразрядный ночной клуб — не Карнеги-холл, это касается и гонораров. Но на вежливое предложение ангажемента Кинни ответила грубой бранью; мало того — она влепила Лоренсу пощечину. Довольно крепкую. Напрасно она это сделала.

В ярости он выхватил револьвер, отступил на шаг и прострелил ей сердце.

Потом он вышел на улицу, подозвал такси и поехал домой. Там он немного выпил для успокоения нервов и улегся спать. Когда глубокой ночью к нему явились полицейские с ордером на арест, он долго не мог взять в толк, о каком таком убийстве идет речь.

Мортимер Мерсон, лучший в городе адвокат, отработал с утра пораньше восемнадцать лунок и зашел передохнуть в здание гольф-клуба. Там его ждала записка: его просили как можно скорее позвонить городскому судье Аманде Хейс, что он тотчас же сделал.

— Доброе утро, ваша честь,— начал он.— Что у вас случилось?

— Кое-что, Морти. Если вы сейчас не сильно заняты, зайдите ко мне. Тогда мне не придется излагать вам дело по телефону.

— Через час я буду к вашим услугам,— пообещал адвокат.

И поехал во Дворец Правосудия.

— Еще раз доброе утро, дорогая судья,— сказал он Аманде Хейс.— Вздохните поглубже и расскажите, в чем дело.

— Надеюсь, вы уже почуяли, что дело это я приготовила для вас. Если коротко — этой ночью один человек арестован по подозрению в убийстве. Он отказывается давать показания в отсутствие адвоката, но своего адвоката у него нет. Он говорит, что никогда не соприкасался с правосудием и даже не знает ни одного адвоката. Он попросил прокурора порекомендовать ему кого-нибудь из вашей братии, а тот передал эту просьбу мне.

— Стало быть, очередное бесплатное дело! — вздохнул Мерсон.— Что ж, никуда от них не денешься. Вы официально назначаете меня?

— Не плачьте, бедное дитя,— утешила адвоката госпожа судья,— дело вовсе не бесплатное. Ваш потенциальный клиент, хотя и не миллионер, но все же человек весьма состоятельный. Этот молодой бонвиван хорошо известен в высшем свете и вполне способен платить, даже по вашему несусветному тарифу. Ну, об этом вы с ним сами договоритесь, если он согласится с вашей кандидатурой.

— Конечно, этот доброжелательный юноша невинен, словно агнец, и стал жертвой гнусного оговора? Кстати, как его зовут?

— Вам его имя знакомо, если вы читаете в газетах светскую хронику. Его зовут Лоренс Кэйн.

— Да, мне попадалось это имя. Такие обычно не убивают. Правда, сегодняшних газет я еще не читал. Кого убили? И вообще, расскажите-ка поподробнее.

— По правде говоря, милый Морти, дело это не подарок: у вашего клиента нет ни одного шанса, разве что вы умудритесь доказать его невменяемость. Потерпевшая была известна под псевдонимом Кинни Кин. Настоящее имя выясняется. Она исполняла стриптиз в ночном клубе «Мажестик», гвоздь программы, так сказать. Множество свидетелей видели, что Кэйн вышел из зала сразу после номера Кинни Кин. Швейцар, что пустил Кэйна через служебный вход, знал его в лицо, собственно, поэтому его и нашли так быстро. Тот же швейцар показал, что Кэйн вскоре вышел и что перед этим он слышал звук выстрела. Кстати, выстрел слышали и другие. А вскоре мисс Кин была найдена мертвой.

— Ну, что ж,— сказал Мерсон.— Тут слова Кэйна против слов швейцара. Здесь есть за что зацепиться: не составляет труда доказать, что этот швейцар — психопат и лжец олимпийского класса.

— Не сомневаюсь. Но полиция, учитывая связи Кэйна, испросила ордер не только на арест, но и на обыск в его квартире. В кармане его пиджака нашли револьвер тридцать второго калибра с одним стреляным патроном, а Кинни Кин была убита пулей именно тридцать второго калибра. Эксперты утверждают, что она была выпущена из револьвера Кэйна.

— Ясно. Значит, сам он не желает ничего говорить, пока не посоветуется с адвокатом.

— Да, если не считать одной довольно-таки странной фразы. Он произнес ее, когда его доставили в тюрьму. Полицейские передали ее слово в слово. Он сказал: «Боже мой, выходит, она была настоящей!» Как вы думаете, что это может значить?

— Не представляю, ваша честь. Но если он согласится, чтобы я защищал его, я непременно спрошу его. Не знаю, благодарить мне вас за это или тихо проклинать. Похоже, вы подсунули мне пресловутую палку о двух концах.

— Так я ведь знаю, что это ваш любимый инструмент, Морти. К тому же, выиграете вы процесс или проиграете, гонорар все равно у вас в кармане. Примите вдобавок добрый совет: не пытайтесь добиться освобождения Кэйна под залог до суда. Прокурор так и вцепился в эту пулю и в протокол экспертизы. Для него это дело совершенно ясное — умышленное убийство без смягчающих обстоятельств. Он даже прекратил следствие. Так что суд состоится, как только вы исчерпаете все свои проволочки. Вас интересует еще что-нибудь?

— Пожалуй, нет,— ответил Мерсон и откланялся.

Надзиратель привел Лоренса Кэйна в комнату для свиданий и оставил наедине с Мортимером Мерсоном. Адвокат представился, они обменялись рукопожатием. Мерсон отметил для себя, что Кэйн скорее заинтригован, чем обеспокоен. Это был высокий мужчина лет сорока, красивый, но не слишком. Он выглядел вполне элегантно, хотя и провел ночь в тюремной камере. Очевидно, он был из тех людей, которые сохраняют элегантность, даже если их бросить в одиночестве и без багажа где-нибудь в конголезских джунглях.

— Я рад, мистер Мерсон, что вы согласились защищать меня. Удивительно, как я сам не догадался обратиться к вам: я ведь слышал о вас от своих знакомых и читал в газетах отчеты о ваших процессах. Что будем делать? Выслушаете меня сперва или примете сразу, в радости и в горе?

— Приму сразу,— ответил Мерсон,— в радости и в горе, пока...

Он прервался: венчальную формулу не стоило произносить до конца при человеке, на которого уже пала тень электрического стула.

— ... пока смерть не разлучит нас,— с улыбкой закончил Кэйн.— Вот и хорошо.

Они уселись по сторонам стола.

— Нам предстоит часто встречаться,— сказал Кэйн,— так что давайте без церемоний. Зовите меня Ларри.

— А меня — Морти,— ответил Мерсон.— Прежде, чем вы расскажете свою версию дела, мне хотелось бы задать пару вопросов, Вы...

— Подождите, Морти. Сперва я спрошу вас: вы уверены, что здесь нет микрофонов и что нас никто не подслушивает?

— Абсолютно уверен. Итак, первый вопрос: вы в самом деле убили Кинни Кин?

— Да.

— Полицейские утверждают, что после ареста вы сказали: «Боже мой, выходит, она была настоящей!» Говорили вы эти слова и если да, то что это значит?

— Я был тогда не в лучшей форме, Морти, и вряд ли вспомню точно... Может, я и сказал что-то в этом роде, во всяком случае, подумал я именно это. А вот что это означает в двух словах не объяснишь. Придется вам выслушать все с самого начала.

— Хорошо. Начинайте не торопясь. Спешить нам некуда: я могу оттянуть процесс месяца на три, а то и больше.

— Столько времени нам не понадобится. Все это... только не требуйте пока объяснений, что я имею в виду... это началось с полгода назад, а именно — третьего апреля, в половине третьего утра. Я возвращался с приема в Арманд-Виллидж и...

— Извините, но я вынужден буду часто прерывать вас: мне нужны подробности. Вы сами были за рулем? С вами никого не было?

— Никого, я сам вел свой «ягуар».

— Вы были пьяны? Может, превысили скорость?

— Честно говоря, почти трезвый. Прием был скучный, и я уехал рано, так что хорошенько выпить просто не успел. Дорогой я проголодался и остановился у придорожного ресторанчика. Там я, правда, принял еще один коктейль, но потом съел здоровенный бифштекс с овощами и выпил несколько чашек кофе. Словом, из ресторана я вышел еще трезвее, чем раньше. Кроме того, я полчаса ехал в открытой машине на свежем ночном воздухе. Так что я был тогда трезвее, чем сейчас, а у меня с прошлого вечера капли во рту не было...

— Прервитесь на минутку.— Мерсон достал из заднего кармана плоскую серебряную фляжку и подал Кэйну.— Раритет времен сухого закона. Она часто помогает мне играть роль сенбернара, особенно, если мой клиент не знает, как достать выпивку в тюрьме.

— Ухх! — выдохнул Кэйн, приложившись к фляжке.— Разрешаю вам удвоить ваш гонорар: ведь эта услуга не входит в обязанности адвоката. На чем я остановился? Да, я утверждал, что был совершенно трезвым. Вы спрашивали насчет скорости? Пожалуй, я ее превысил. Я ехал по Уэйн-стрит, подъезжал к Ростоу...

— То есть, вы были неподалеку от сорок четвертого поста?

— Именно. Про полицейский пост я еще расскажу. Скорость там ограничена сорока милями в час, но я разогнался до шестидесяти — ведь в половине третьего ночи там не бывает ни одной машины. Там никто не смотрит на указатели, если не считать старой леди из Пасадены...

— Но эта леди по ночам не катается. Впрочем, извините, я вас слушаю...

— Внезапно из какого-то переулка прямо мне под колеса выкатилась девушка на велосипеде, она тоже разогналась вовсю. Я среагировал довольно быстро и нажал на тормоз. Ей было не более семнадцати лет, волосы были повязаны пестрым платком по-цыгански, с узлом сзади. Одета она была в зеленую безрукавку ангорской шерсти и велосипедные трусики. Велосипед был красного цвета.

— И вы успели все это заметить?

— Успел. Она как бы отпечаталась у меня в памяти, я и сейчас ее вижу, будто все это было только вчера. В последний момент она повернула голову и взглянула на меня. Я хорошо помню испуганный взгляд и очки в массивной оправе.

Затормозил я так резко, что «ягуар» чуть не завертело волчком. У меня отличная реакция, но когда едешь на шестидесяти, можно только уменьшить скорость, но не остановиться, так что когда я налетел на нее, моя скорость была не менее пятидесяти миль в час... Удар был страшный...

Я переехал ее сперва передними колесами, потом задними, а метров через десять я остановил-таки свой «ягуар»...

Впереди я увидел павильон полицейского поста, выскочил из машины и побежал туда. У меня не хватило смелости оглянуться и посмотреть на то, что осталось позади. К тому же я все равно ничем не мог ей помочь. Она наверняка погибла. Такого удара хватило бы на десятерых.

Сломя голову, я вбежал в павильон, и едва отдышавшись, рассказал полицейским, что произошло. Двое из них пошли со мною на место происшествия. Поначалу я почти бежал, но копы шли шагом, и я тоже сбавил темп: сами понимаете, мне не хотелось оказаться там первым. А когда мы пришли на место...

— Догадываюсь,— перебил адвокат.— Не было ни девушки ни велосипеда.

Кэйн кивнул.

— Мой «ягуар» стоял поперек дороги, фары горели, ключ торчал в замке зажигания, но мотор заглох. Ясно был виден тормозной след, он шел от самого переулка. Но больше ничего не было: ни девушки, ни велосипеда, ни крови, ни обломков. И на моем «ягуаре» не было ни одной царапины. Полицейские приняли меня за психа, и их можно понять. Они даже не позволили мне сесть за руль. Один из копов отвел машину на обочину, а ключ оставил у себя. Потом они отвели меня на пост и допросили.

Я провел там всю ночь. Можно было позвонить кому-нибудь из друзей, попросить связаться с адвокатом, чтобы он приехал и забрал меня под залог, но мне это и в голову не пришло, так я был ошеломлен. Наверное, если бы даже меня отпустили, я не знал бы, куда

идти и что делать. Мне нужно было успокоиться, хорошенько все обдумать, и полицейские предоставили мне такую возможность. Я был хорошо одет, в бумажнике лежала куча кредитных карточек, и копы решили, что если я даже и псих, то псих состоятельный, а значит, и обходиться со мною надо соответственно. Вместо того, чтобы запихнуть меня в отстойник для пьянчуг, они открыли отдельную камеру, где я мог размышлять, сколько захочу. Ясно, что заснуть я даже не пытался.

Утром ко мне явился психиатр. Но я к этому времени вполне оклемался и надумал, что от полиции в этом деле толку мало, а значит, надо поскорее с ней развязываться. Я повторил свой рассказ, но тоном ниже, и умолчал о том, как хрустнул велосипед под колесами «ягуара», и о толчке, из-за которого я чуть не вылетел сквозь лобовое стекло. Словом, у психиатра создалось впечатление, что я стал жертвой зрительной галюцинации, и только. Он сказал, что такое, мол, бывает от утомления, и меня отпустили на все четыре стороны.

Кэйн помолчал, отхлебнул из серебряной фляжки.

— Вам все понятно? — вдруг спросил он.— Вы ни о чем не спрашивали меня. Надо думать, вы мне просто не верите.

— Сейчас спрошу. Вы уверены, что действительно провели ночь на сорок четвертом посту? Вам это не пригрезилось? Я смогу найти документы, подтверждающие это? Они могут пригодиться, равно как показания полицейских и психиатра: можно попытаться доказать, что вы невменяемы и, таким образом, не несете ответственности за свои действия.

Кэйн криво усмехнулся.

— Конечно, все это было на самом деле. И столкновение тоже было. Правда, ночь на полицейском посту проще доказать: наверное, сохранился протокол, да и копы меня запомнили.

— Ясно. Рассказывайте дальше.

— Так вот, полиция списала все на галлюцинацию и успокоилась. Тогда я решил действовать сам. Я отвел «ягуар» в гараж, осмотрел снизу и не нашел никаких следов. Выходило так, что и в самом деле ничего не случилось: по крайней мере, машина этого не заметила.

Тогда я зашел с другого конца: решил установить, откуда взялась велосипедистка. Я нанял частных детективов, это обошлось мне в несколько тысяч, и они прочесали всю округу, разыскивая девушку по моему описанию, с велосипедом или без. Они нашли несколько похожих девушек и незаметно показали мне. Без толку.

Наконец, через своих друзей я познакомился с психиатром, самым лучшим и, ясно, самым дорогим в здешних местах. Угробил на него два месяца, и все зря. Я так и не добился от него, что он думал по этому поводу. Вы, наверное, знаете, как работает психиатр: позволяет вам выговориться, подталкивает к самоанализу и ждет,

когда вы сами объясните себе и ему, в чем причина ваших бед. После этого пациент благодарит врача, а тот благословляет его и отпускает с миром. Такой подход срабатывает, если пациент подсознательно знает решение своей проблемы, но у меня-то был совсем другой случай. В итоге я решил поберечь время и деньги и отказался от услуг психиатра.

Но проблема оставалась, и я доверился кое кому из ближайших друзей, и один из них, профессор философии, рассказал мне, что есть такая наука, онтология. Я кое-что почитал и начал помаленьку догадываться. Дальше — больше, и я, наконец, пришел к решению, а оно повлекло за собой совершенно поразительные выводы. Правда, вчерашний вечер показал, что эти выводы не совсем верны.

— Он-то-ло-ги-я,— проговорил Мерсон.— Что-то я такое слышал, но не могу припомнить...

— Уэбстеровский словарь определяет ее так: «Онтология — наука, занимающаяся вопросами бытия или реальности; отрасль знания, объясняющая природу, основные свойства и связи существования как такового».— Кэйн посмотрел на часы.— Извините, Морти, но рассказывать придется долго. Я утомился, да и вы, наверное, тоже. Может, отложим до завтра?

— Хорошо, Ларри,— согласился Мерсон и поднялся.

Кэйн прикончил виски и отдал фляжку адвокату.

— А нельзя ли нам и завтра поиграть в сенбернара и альпиниста?

— Я побывал на сорок четвертом посту,— начал Мерсон,— и отыскал протокол допроса. Еще я встретился с одним из полицейских, что были с вами на месте... словом, у вашей машины. Все ваши слова подтвердились, за исключением самого инцидента.

— Ну, тогда я, пожалуй, начну с того, на чем вчера остановился,— сказал Кэйн.— Итак, онтология изучает природу самой реальности. Начитавшись философских трудов, я сделался солипсистом. Солипсизм утверждает, что весь окружающий мир — всего лишь продукт воображения индивида... в данном случае — моего воображения. То есть, я — реален, а все прочие вещи и люди существуют лишь в моем мозгу.

— То есть,— нахмурился Мерсон,— эта девушка на велосипеде сначала существовала только в вашем воображении, а потом, когда вы на нее наехали, перестала существовать, так сказать, ретроспективно? Исчезла и не оставила по себе никакого следа, если не считать ваших переживаний?

— Вот и я рассуждал так же и надумал, наконец, поставить решающий опыт: убить кого-нибудь и посмотреть, что из этого выйдет.

— Но ведь людей убивают каждый день, Ларри, а я что-то не слышал, чтобы они исчезали вместе со своим прошлым.

— Поймите, тех людей убиваю не я,— истово объяснил Кэйн.— Это совсем другое дело, если считать весь мир продуктом именно моего воображения. А девушку на велосипеде убил я, лично, сам.

— Ну, ладно,— Мерсон глубоко вздохнул.— Значит, вы решили убить кого-нибудь, чтобы проверить вашу гипотезу, и застрелили Кинни Кин. А почему она не...

— Да нет же! — перебил Кэйн.— Я убил совсем другого человека, и было это с месяц назад. Это был мужчина. Нет смысла называть его имя и прочее, потому что он с тех пор исчез так же абсолютно, как и девушка на велосипеде.

Конечно, результат этого опыта я предсказать не мог и не стал в него палить чуть ли не у всех на глазах, как в ночном клубе. Я был очень осторожен. Даже если бы он не исчез, полиция никогда не вышла бы на меня.

Итак, я убил его, обнаружил, что все его следы в прошлом исчезли, и решил, что моя теория подтвердилась. С тех пор я начал носить с собой револьвер. Я был совершенно убежден, что смогу убить кого угодно и когда угодно... совершенно безнаказанно. Моральная сторона дела меня не заботила: при чем тут мораль, если я убиваю не человека, а лишь плод собственного воображения?

— Как сказать...— буркнул Мерсон.

— Вообще-то, я человек спокойный,— продолжал Кэйн.— До вчерашнего вечера я ни разу не пустил револьвер в ход. Но эта дрянь хлестнула меня по лицу, причем очень сильно, что называется, от всей души. Я света не взвидел, автоматически выхватил револьвер и нажал курок...

— ...Но Кинни Кин оказалась не менее реальной, чем вы сами,— подхватил адвокат,— и вас обвинили в убийстве, а теория разлетелась вдребезги.

— Не совсем. Исключения лишь подтверждают правило. Со вчерашнего вечера я много передумал и решил, что если Кинни Кин была реальной, значит я — не единственный настоящий человек. Значит, мир состоит из реальных и нереальных людей, причем нереальные существуют лишь как продукт сознания реальных. Сколько нас, реальных? Не знаю. Возможно, всего лишь горстка, может — тысячи, а может, и миллионы. Мне трудно судить, ведь мой опыт исчерпывается тремя особами, из которых одна оказалась реальной.

— Допустим. Но зачем нужна такая двойственность?

— Откуда я знаю? Предположить я могу все, что угодно, любой бред, но что толку? Возможно, это заговор или тайный союз. Но против чего и ради чего? Не может быть, чтобы все реальные люди входили в этот союз — я, например, ни о чем таком не знаю.— Кэйн невесело усмехнулся.— Этой ночью я видел странный сон. Знаете, бывают такие — на грани с явью. Его даже рассказать толком невозможно: в нем нет никакой внутренней логики, так... отдельные обра-

зы. Так вот, мне приснилось, что где-то есть архив реальности, ему-то и обязаны своим существованием настоящие люди. Архив этот можно наполнять, а можно и сокращать. Все реальные люди входят в некое сообщество, но не знают об этом. Резидент этого сообщества есть в каждом городе, и, конечно, работает где-то и кем-то для прикрытия. Дальше я ничего не помню... Ну вот, я совсем разболтался... Простите, Монти, что заставил вас выслушать этакую чушь.

Ну вот, теперь вы знаете все. Надо подумать, вы посоветуете мне прикинуться невменяемым. Пожалуй, так и придется сделать, иначе я — убийца без смягчающих обстоятельств. Кстати, что мне грозит в таком случае?

— В таком случае...— Мерсон рассеянно поиграл карандашом и вдруг взглянул Кэйну прямо в глаза.— Психиатра, о котором вы говорили, зовут не Бэлбрайт?

— Точно!

— Превосходно! Бэлбрайт — мой хороший приятель, а в суде его считают лучшим из экспертов. Можно сказать, во всей стране таких немного. Когда мы участвовали в процессах вместе, все они оканчивались оправдательным вердиктом. Прежде чем разрабатывать защиту, я хотел бы посоветоваться с ним. Я приглашу его сюда, а вы снова откровенно обо всем расскажете. Идет?

— Конечно. Вот только... сможет ли он оказать мне одну услугу?

— А почему бы нет? О чем речь?

— Попросите его захватить с собой вашу фляжку. Вы представить себе не можете, до какой степени она способствует откровенности.

В кабинете Мерсона запел вызов интеркома. Адвокат нажал кнопку.

— К вам пришел доктор Бэлбрайт,— доложила секретарша.

Мерсон велел немедленно проводить доктора в кабинет.

— Привет, знахарь,— поздоровался он.— Дай отдых своим ногам и поведай мне, в чем дело.

Бэлбрайт переместил свой вес с подошв на ягодицы и закурил.

— Поначалу я ничего не понял,— начал он,— но когда узнал о его прежних болезнях, мне все стало ясно. Однажды, ему тогда было двадцать два года — играя в поло, он получил битой по голове. Удар повлек сильную контузию и потерю памяти. Сначала это была полная амнезия, затем память вернулась, но только о детстве. Воспоминания юности, вплоть до контузии, проявлялись лишь изредка и фрагментарно.

— Господи! Он забыл все, чему его учили!

— Вот именно. У него бывали просветления... взять хотя бы этот сон, о котором ты говорил. Конечно, можно попытаться, полечить его, но боюсь, что уже слишком поздно. Другое дело, если бы мы

занялись им до того, как он убил Кинни Кин. Мы не можем рисковать и оставлять его карточку в архиве. Пусть даже его признают невменяемым... Так что придется...

— Что ж,— вздохнул Мерсон.— Сейчас я позвоню, куда следует, а потом пойду к нему. Жаль парня, но ничего не поделаешь.

Адвокат нажал кнопку интеркома.

— Дороти, вызовите мистера Доджа и соедините нас напрямую.

Бэлбрайт попрощался и ушел. Вскоре один из телефонов зазвонил, и Мерсон снял трубку.

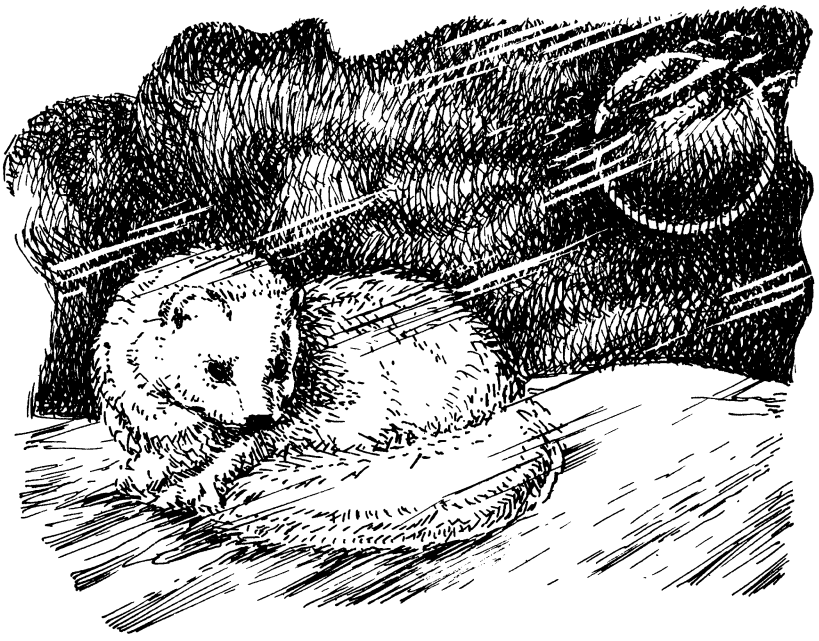
— Додж?... Говорит Мерсон... Нас никто не слышит?.. Хорошо. Код восемьдесят четыре. Немедленно уберите из архива карточку Лоренса Кэйна... Да, Лоренс Кэйн... Да, это совершенно необходимо и неотложно. Завтра получите мой рапорт.

Он выдвинул ящик стола, взял пистолет, вышел из конторы, подозвал такси и поехал во Дворец Правосудия. Там он попросил свидания со своим клиентом и, как только Кейн уселся напротив, выстрелил ему в лоб. Потом подождал минуту, пока тело не исчезло, и поднялся к судье Аманде Хейс. Нужно было проверить, все ли прошло, как надо.

— Приветствую, ваша честь,— сказал он.— Не вы ли говорили мне что-то о деле какого-то Лоренса Кэйна? Никак не могу вспомнить...

— Нет, Морти. Я первый раз слышу это имя.

— То есть, вы мне о нем не говорили? Ладно, попытаюсь вспомнить, от кого я его слышал. Спасибо, ваша честь. До скорой встречи.



Г. Хелинга-младший

УЧИТЕЛЬ

Пушистый краб едва заметен на снегу. Белый мех покрывает все его тело. Даже передние клешни до самых кончиков укутаны им. Шандор Гэрнади лежал на вершине небольшого холма с подветренной от животного стороны и наблюдал, как оно ползло к зарослям стелющихся елей. Он долго ждал этого момента, теперь настала заключительная часть охоты.

Экземпляр был необычайно крупным: между клешнями почти семь футов, а каждая из четырех лап в длину не меньше шести футов. Мех этого гиганта потянет, пожалуй, на две тысячи кредитов, если доставить его в скупочный центр неповрежденным. Краба нужно ободрать еще живым, ведь мех тускнеет через несколько минут после его смерти, и ценность его пропадает.

Прячась за холмом, Гэрнади ринулся к зарослям. Привязав

к стволам шесть белых веревок, он спрятался за серебристыми от снега ветвями, ожидая появления краба.

Охотник на Снежной должен быть терпеливым. Но сегодня Гэрнади торопился. Сезон подходил к концу, эта вылазка — последняя. Через два дня задуют северо-восточные ветры, предвестники приближающейся зимы. За это время ему надо будет добраться до фактории. Потом наступит шестимесячная зима. Впрочем, перспектива провести эти шесть месяцев вместе с другими колонистами не слишком радовала Гэрнади. Хотя жизнь на фактории имеет свои преимущества: там достаточно топлива для спасения от холода и можно полакомиться еще чем-нибудь, кроме мяса ледовых волков. Он вернется в свой охотничий район, когда 50-градусная стужа отступит, и начнется лето с его 20-градусными морозами.

Нынешний сезон оказался плохим: пушистики поредели. Следующим летом надо будет уходить еще дальше от базовой стоянки, если хочешь удачной охоты. Но для этого понадобится гораздо больше горючего, чем он сможет увезти с фактории. Конечно, можно эмигрировать туда, где охотничью добычу еще не истребили, но Гэрнади уже пятьдесят восемь, и тридцать из них он охотится на пушистиков. Вряд ли он сумеет приспособиться к иной гравитации, к иной атмосфере, освоить непривычные охотничьи уловки.

Пушистик добрался до деревьев. Гэрнади поднялся и набросил петлю на один из рогов, торчащих на спине животного, потом отпрыгнул к стволу дерева и с помощью скользящего узла натянул веревку. Дерево затрещало, когда пушистик попытался освободиться, но оказалось достаточно прочным — по крайней мере, на время.

Животное повернулось в сторону охотника. Пушистик попытался перекусить веревку одной из могучих клешней, но Гэрнади набросил на нее второе лассо и тоже натянул его. Одна из лап задергалась в воздухе в инстинктивной попытке сбросить со спины первое лассо, что дало возможность Гэрнади приарканить лапу к третьему дереву. Спустя некоторое время Гэрнади натянул все шесть веревок, и пушистик оказался практически парализованным. Охотник постоял минутку, чтобы перевести дыхание, и потер поясницу. Надо признаться, он уже староват для такой работы. Гэрнади поспешил к мононартам и вытащил тяжелую дубинку. Пару раз он взмахнул дубинкой, чтобы почувствовать ее вес. Наступила самая ответственная часть охоты. Он подошел к добыче сзади. Когда ухватился за торчащий рог, чтобы подтянуться вверх, животное задергалось сильнее. Спина была широкой, покрытой густым мехом. В нем застряло множество льдинок и камешков. Гэрнади не составляло труда сохранять равновесие и двигаться вперед. Примерно на середине спины он ударил дубинкой по небольшому бугорку. Часть мозга животного отключена. Немного позже он проделал такую же операцию с другой половиной мозга, и теперь пушистый краб полностью перестал соп-

ротивляться. Он не был мертв, но уже не представлял опасности для человека.

Впервые за три дня, с тех пор, как обнаружил пушистика, Гэрнади смог расслабиться. Он заполучил свою добычу и снова остался цел и невредим. Не в первый раз он подумал, что хорошо было бы придумать быстродействующий анестезирующий аппарат для этих тварей, но тогда на них сможет охотиться каждый, и ему придется искать другую работу.

Он прыгнул со спины и принялся долбить глубокое отверстие во льду перед клювом животного. Покончив с этим, он раздвинул челюсти, нащупал левую боковую артерию и, подавив дрожь, вонзил в артерию иглу с присоединенной к ней толстой трубкой. Розоватая, с сильным запахом кислоты, кровь хлынула из трубки в отверстие во льду. Он повторил это с правой артерией и присел на корточки. Не меньше двадцати литров крови должно вытечь, чтобы при разделке уберечься от порчи шкуры с драгоценным мехом.

Стемнело, когда Гэрнади вошел в свою избушку. Радостный щебет раздался при его появлении, и комок белого меха, лежавший на груде пустых банок из-под масла, мелькнул в воздухе и очутился на правом плече Гэрнади. Четыре крошечных лапки вцепились в ткань полярного костюма, белый пушистый хвост обвился вокруг шеи. Розовый язычок принялся слизывать льдинки на усах.

— Вот те на! — заговорил Гэрнади.— Ты еще не привык к моим отлучкам? Но я же всегда возвращаюсь! Ну, что ты натворил тут без меня?

Он огляделся. Посмотрел на жалкую кипу очищенных шкур, уже увязанных для доставки в скупочный центр, на дешевые меха, которые служили ему постелью, на печь — источник тепла и средство для приготовления пищи. Кажется, Тимми вел себя хорошо. С неожиданным приступом тоски Гэрнади подумал, что снова будет скучать и маяться вдали от своей избушки, как всегда случалось в зимнее время.

Следующий день прошел в приготовлениях к путешествию и в нелегких раздумьях. Северо-восточный ветер — один из феноменов Снежной. Если он будет дуть обычные шесть дней, то при движении под парусом можно будет сэкономить три литра горючего. Если теперь оставить это горючее дома, то на следующий год можно будет расширить охотничью территорию. Ведь ясно же, что наступит время, когда он не сможет охотиться. Ему бы только один по-настоящему удачный сезон, и можно будет до конца жизни спокойно проживать свои сбережения. Но езда под парусом — игра с непредсказуемым финалом: если что-нибудь пойдет не так (задержка из-за поломки, изменение маршрута, нападение ледовых волков) в запасе у него не окажется горючего.

Многие предпочли бы не рисковать, но Гэрнади решился. Ведь

ничем другим, кроме охоты, он на жизнь себе не заработает. Была и вторая причина для такой решительности: за годы, прожитые на Снежной, с ним никогда ничего плохого не случалось.

Как только задул северо-восточный, Гэрнади отправился в дорогу. Через несколько часов пути он миновал холмы — место последней охоты на пушистика — и перед ним раскинулся глетчер — почти тысяча миль ровного льда. Холодный ветер его не тревожил: полярный костюм полностью закрывал его от ветра. Клетка с Тимми была спрятана среди кипы мехов. Мононарты мчались под парусом с почти удовлетворительной скоростью. Гэрнади мурлыкал не слишком-то мелодичную песню. Он испытывал своеобразное наслаждение от этой одинокой поездки по бескрайним снегам, в которых чувствовал себя как дома.

Внезапно яркий красный свет полыхнул на половину неба. Охотничья ракета, означающая призыв о немедленной помощи. Ни секунды не раздумывая, Гэрнади направил сани в ту сторону. Если хочешь выжить в опасном окружении, надо подчиняться определенным правилам. Кто-то нуждается в твоей помощи? Помоги. Сегодня кто-то посторонний, но где гарантия, что завтра тебе самому не понадобится помощь? Даже такой мизантроп, как Гэрнади, не мог проигнорировать сигнал о помощи. Но он все-таки выругал неизвестного охотника, потому что ради него приходится делать крюк. Как раз такая ситуация и может стать причиной дальнейших неприятностей. Но, с другой стороны, если он поможет незнакомцу, то вправе потребовать взамен часть его горючего. Так что нечего беспокоиться.

Через пятнадцать минут он смог увидеть, что происходит. Стая ледовых волков окружила человека. По-видимому, что-то случилось с мононартами, иначе он бы легко ушел от преследования.

Гэрнади врубил сирену и лазерным лучом принялся поражать серо-белых тварей. «Как их много!» — подумал он, когда звери один за другим замертво катились по снегу. Болтают, что с каждым годом ледовых волков становится все больше. Эта огромная стая доказывает, что так оно и есть. Пушистики вымирают — волки процветают, ничего удивительного. Гэрнади снизил скорость саней, когда приблизился к удирающему человеку. Он вытянул согнутую в локте руку в надежде, что другой поймет, что от него требуется. Очевидно, спасаемый не потерял присутствия духа. В тот момент, когда сани скользили мимо, он просунул свою руку под локоть Гэрнади, одновременно с рывком оттолкнулся ногами и упал на шкуры, лежащие в задней части нарт. Он уцепился за веревку и на некоторое время замер в таком положении, пока Гэрнади управлялся с парусом и направлял нарты прочь от весьма озадаченной стаи.

Километров через десять он остановился. Теперь они достаточно далеко от волков; те не станут их разыскивать. И надо решить проблему с горючим. Спасенный сошел с нарт, потянулся с приглу-

шенным стоном, затем приоткрыл переговорный клапан в защитной маске ровно на столько, чтобы его можно было понять и, придерживая клапан рукой в толстой перчатке, сказал: — Зовут Перри Нискайто. Огромное спасибо и все такое, сам знаешь.

— Забудь об этом,— буркнул Гэрнади.— Мне нужно твое горючее.

— Мое горючее? — удивленно и слегка раздраженно ответил Нискайто.— Тебе тоже придется забыть о нем.

— Почему? Можно вернуться к твоим нартам и перекачать топливо. Без него мы не сумеем добраться до фактории. Второй человек — это дополнительная нагрузка, да и крюк я сделал порядочный.

Второй помолчал, затем хмуро произнес: — Приятель, я попал в переделку как раз из-за того, что у меня кончилось горючее. Течь, знаешь ли.

Теперь настала очередь Гэрнади помолчать.

— Тогда нам туго придется,— наконец отозвался он.— Посмотрим, как далеко мы сможем уехать.

Второй виновато потупился, но когда Гэрнади, даже не взглянув на него, снова взобрался в сани, Нискайто поспешно занял место среди шкур.

Теперь им не хотелось разговаривать, и весь оставшийся день прошел в молчании. Только вечером, когда они построили себе иглу и отдыхали в тепле меховой одежды, вытряхнув из спецприспособлений глубоко набившийся при безостановочной езде снег, разговор продолжился.

— Не понимаю,— начал Нискайто.— По всему видно, что нам не выкарабкаться живыми, а тебя, кажется, это совсем не беспокоит. Ты даже не проклинаешь меня за причиненные трудности.

Гэрнади пожал плечами: — Что будет, то будет...

Он надеялся, что другой поймет его нежелание вести пустые разговоры. Но такой ответ словно бы раскрыл плотину красноречия Нискайто. Он принялся рассказывать о своей жизни, вдаваясь в совершенно неинтересные для Гэрнади подробности. Выяснилось, что Нискайто принадлежит к новому поколению добытчиков пушнины. Они охотятся не сами, а нанимают аборигенов Снежной, внешностью схожих с пушистиками.

— У меня нет охоты с ними связываться,— буркнул Гэрнади, демонстративно отворачиваясь.— Они меня не трогают, а я их.

— Недальновидная точка зрения,— гудел наставительный голос Нискайто.— Кликетиксы довольно разумны, а если человечество желает обживать Вселенную, надо признавать равноправие других разумных существ во всех делах.

Гэрнади вздохнул. С таким напарником спокойно не уснешь. Он опять повернулся, вытащил кусок жевательного табака и, не

предложив другому, принялся жевать. Потом сплюнул красно-коричневую слюну и сказал: — Довольно разумны? Все их промысловые приемы один к одному слизаны с наших.

Нискайто передернул плечами: — Технологический процесс — не единственный признак разумности. Во всяком случае, они прекрасно охотятся на пушистиков. А мне остается только скупать шкуры. Это намного безопаснее, знаешь ли.

— Ну, конечно. А сколько кликетиксов гибнет во время охоты?

— Не так уж много. Но они вовсе не обязаны охотиться ради меня. Я просто расплачиваюсь с ними товарами нашей цивилизации. Нравится тебе это или нет, но в Галактике человечество не одиноко. А это означает возможность обмениваться товарами. Что, согласись, лучше, чем обрушиваться войной друг на друга.

— Возможно,— не проявил энтузиазма Гэрнади.

Нежданный гость не обратил внимания на скептицизм хозяина, но переменил тему разговора: — Ты интересный парень. У нас почти никаких шансов добраться до фактории, а ты беспокоишься о том, что аборигены гибнут на охоте.

Гэрнади снова не смог удержаться от соблазна поговорить о самой большой загадке своей жизни. Из-за любви к одиночеству и неумения общаться с другими людьми слишком редко выпадал ему такой случай. И теперь он его не упустил, несмотря на то, что гость, наверняка, примет рассказ за бред сумасшедшего.

— Снежная поможет,— пробормотал он с легкой надеждой, что Нискайто не потребует дальнейших объяснений, но и с чувством уверенности, что тот, конечно же, отреагирует. Так и вышло.

— Откуда такое доверие к планете?

— Не к самой платете. К чему-то на Снежной.

— Ты имеешь в виду аборигенов?

В его голосе послышались удивленные нотки. Все знали, что кликетиксы по собственной инициативе еще ни разу не помогли человеку. Они не обращают на людей внимания, пока им не понадобится какая-нибудь техническая новинка, которую они не могут изготовить своими грубыми клешнями.

— Конечно, не их,— ответил Гэрнади.— Но, все равно, кто-то мне помогает.

Преодолев порог психологической неловкости, он стал рассказывать, надеясь, что на этот раз говорит с человеком, который сможет объяснить происходившее с ним. Это была долгая история, но Гэрнади выбрал для примера только три случая. Один раз он провалился в расщелину, из которой невозможно было выбраться. Сверху свалилось лассо, которое оказалось привязанным к нартам. Он выбрался на поверхность, почти не веря, что это могло произойти. На несколько миль вокруг не было ни единого живого существа. В другой раз, когда он находился очень далеко от своей стоянки,

у него оказалось разряженным лазерное ружье. Два дня он голодал, не имея возможности охотиться. Похоже было, что придется умирать от голода. А на третий день у входа в иглу он нашел тушу ледяного волка. И опять никого вокруг. Однажды полоз у нарт сломался так, что никакой возможности отремонтировать его не было. На ночь он соорудил иглу, а когда проснулся — новый полоз лежал рядом с нартами.

Нискайто слушал его, не прерывая, и, когда Гэрнади закончил, сказал: — Я представился тебе, а ты не назвал свое имя. Теперь я знаю его. Ты — Шандор Гэрнади!

Это прозвучало, словно обвинение. Очевидно, гость наслышался рассказов о Гэрнади на фактории. Никто не воспринимал его всерьез с того самого дня, когда из его памяти выпала почти неделя жизни. Однажды утром его обнаружили бесцельно бродящим вокруг склада на краю фактории. Он понятия не имел, как попал туда. Он ничего не мог вспомнить из того, что с ним было в предыдущую неделю.

Гэрнади никогда не отличался особой общительностью. Он и не чувствовал в этом особой необходимости. Случись такое с кем-нибудь еще, любопытный эпизод давным-давно предали бы забвению. Ну, а в его случае люди без конца болтали и подшучивали по этому поводу. И когда он начинал рассказывать о чудесной помощи, все убеждались в его невменяемости.

Возможно, он сумел бы убедить Нискайто в реальности происходящего, обладай он минимальным искусством общения. Но тон, каким было упомянуто его имя, лишил Гэрнади последней надежды на продолжение разговора.

— А, да ладно,— бросил он.— Я хочу спать. Будь добр, заткнись на время.

На следующее утро Гэрнади выкарабкался из иглу с некоторой надеждой обнаружить возле входа то, что поможет им в беде. Однако, ничего не было. И он впервые начал испытывать нешуточное беспокойство. Может быть, таинственное «Нечто» в состоянии оказывать ему помощь только в окрестностях его летней стоянки? В силах ли оно везде следовать за ним?

Из-под груды шкур на мононартах послышался слабый щебечущий звук. Гэрнади вдруг вспомнил, что вчера он в спешке совершенно позабыл выпустить из клетки и накормить Тимми. Он разобрал шкуры и крепко прижал к себе единственное существо, с которым его соединяло нечто вроде дружбы. Красные бусинки глаз укоризненно смотрели на него.

— Прости меня, малыш! — воскликнул Гэрнади, скармливая зверьку кусочки тундрового мха.— Я был очень занят вчера.

— Извиняешься? — послышался голос.— Я не понимаю... О, Земля всемогущая! Ледопрытик!

— Его зовут Тимми,— отозвался Гэрнади.— И я хочу, чтобы ты относился к нему, как к моему другу.

Нискайто ответил не сразу. Он посмотрел на Тимми, затем медленно произнес: — Ты знаешь, это маленькое существо в состоянии помочь нам в решении наших проблем. Ты уже научил его каким-нибудь трюкам?

Гэрнади ощетинился: — Конечно, нет!

— Что ж, потратим некоторое время на его обучение. Послушай, я напишу послание на языке знаков, с помощью которых общаюсь с кликетиксами. Потом Тимми доставит записку к ним!

Гэрнади удивленно спросил: — Как ты скажешь ему об этом?

— Ты в самом деле интересуешься только теми вещами, которые как-то тебя задевают? У ледопрытиков и кликетиксов одни и те же враги, поэтому они помогают друг другу. Да, куда же я положил знаковый камень?..

Он порылся в карманах своего полярного костюма и вытащил небольшой камень, испещренный крохотными царапинами. При виде его Тимми возбужденно заверещал.

— Смотри, я привязываю записку вместе с камешком на шею Тимми. Видишь, он понимает, для чего это нужно.

И прежде чем Гэрнади смог высказаться против отправки своего маленького друга в опасный путь, Нискайто скомандовал:

— Пошел, Тимми! Ищи кликетиксов!

Зверек умчался прочь, оставив у Гэрнади противоречивые чувства. Конечно, им надо использовать любой шанс, но он подобрал Тимми совсем крошкой. Сможет ли зверек самостоятельно избежать ловушек Снежной?

Долго еще после наступления ночи Гэрнади ворочался с боку на бок в своей постели. Потом вдруг холодное и мокрое покрытое мехом существо проскользнуло к нему. Он испытал редкий прилив необычайной радости. В этот момент он вовсе не думал, выполнил ли Тимми поручение Нискайто. Его маленький друг вернулся, и этого было достаточно, чтобы спокойно уснуть.

Они проснулись от громких трескучих звуков. Нискайто немедленно выбрался из-под мехов.

— Ну, теперь можно считать, что мы выкрутились,— удовлетворенно произнес он.— Подожди немного.

Гэрнади остался в иглу. Он мало что мог понять из разговора, начавшегося за порогом, как бы ни старался. А Нискайто, по-видимому, не был новичком в переговорах.

Гэрнади почесывал Тимми, скармливал ему последние клочки тундрового мха и равнодушно прислушивался к щелкающим и дребезжащим звукам, которые издавали крабовидные существа. Эти звуки могли напомнить человеческую речь только при наличии хорошего воображения. Аборигены, кажется, не оправдывали ожи-

даний Нискайто. Гэрнади слышал, как он несколько раз ругнулся от всей души и в раздражении хлопал рукой о снег. Когда он вернулся в иглу, Гэрнади смог убедиться, как сильно он зол.

— Подлые мерзавцы! Они требуют все твои шкуры всего лишь за одну небольшую канистру горючего!

Удивленный Гэрнади спросил: — У них что, есть запасы горючего?

— Конечно, нет. Но они могут передвигаться по льду с огромной скоростью. Если захотят, могут доставить горючее из фактории к завтрашнему утру.

— Значит, это для них не так уж и трудно. Почему же они так много требуют взамен?

Нискайто пожал плечами.

— Они придерживаются правила торговли: «Взять как можно больше — отдать как можно меньше».

Гэрнади с подозрением посмотрел на него.

— Сколько ты платил этим членистоногим за хорошую шкуру пушистика?

Снова пожатие плеч.

— Это когда как. Дюжину веревок, прицеп на полозьях для транспортировки тяжестей. Ну, и тому подобное.

— Одну десятитысячную настоящей цены. Причем вещами, в которых они, в общем-то, и не нуждались бы, если бы не охотились вместо людей,— горько произнес Гэрнади.— А ты еще говорил красивые слова о равноправии.

Итак, в результате таких «взаимовыгодных» торговых сделок ему приходится расплачиваться добытыми шкурами. Это подтверждало правильность невысокого мнения Гэрнади о своих сородичах, но что толку. Он вынужден принять требование кликетиксов. Лучше разориться, чем умереть. Он поднялся и выбрался из иглу. Гэрнади зажмурил глаза от яркого света и попытался разглядеть кликетиксов. Когда он выпрямился, внезапно послышалось оглушительное щелканье и щебетание, словно бы его появление вызвало всеобщее оживление. Нискайто выбрался следом и, все еще стоя на четвереньках, прислушался.

Один из крабовидных обитателей Снежной выдвинулся вперед.

— Учитель,— произнес он. И заговорил медленно, очевидно, пытаясь высказаться как можно яснее.— Мы сожалеем, но мы не знали, что ты находишься здесь. Мы сейчас же отправляемся и доставим тебе топливо.

По мнению Гэрнади события разворачивались слишком стремительно. Внезапное переключение от вымогательства к готовности услужить, странные слова...

— Учитель?..

— Однажды ты подарил нам семидневное общение. Теперь кли-

кетиксы могут охотиться на пушистиков и менять шкуры на все, в чем они нуждаются. Ты научил нас охоте.

«Я стал чем-то вроде бога для них,— подумал Гэрнади.— Всегда надо помогать тому, кто в этом нуждается».

— Я далеко от своей обычной стоянки,— вслух произнес он. Откуда вы узнали, что я — Учитель?

— У тебя лиловый запах,— ответил абориген так, словно считал, будто этим все объясняется, и двинулся к зарослям серебристых кустов.— Этот запах только твой.

«Как объяснить слепому, что такое «зелень»?» — подумал Гэрнади, глядя на заросли, едва колышущиеся при движении крабовидных обитателей Снежной.

На следующее утро канистра с горючим стояла возле нарт. Два человека погрузили все пожитки Гэрнади и уже заняли места поверх шкур, когда заросли серебристого кустарника слегка зашевелились, и группа кликетиксов заняла позицию впереди и по бокам от нарт.

— Он не имеет права ехать,— объявил один из аборигенов,— он не расплатился.

— Но он со мной,— запротестовал Гэрнади.— Я не могу оставить его здесь!

— Ты должен это сделать. Ты — Учитель. Он — торговец. За ничего ничего получит.

Нискайто хрипло произнес: — Если хотите, можете взять у меня неделю воспоминаний. Я знаю многое, чего не знает он.

— Что именно?

— Я жил на десяти различных мирах, заселенных людьми. Вы не представляете, как много я видел.

— Такие знания не есть собственность. И ты не создал их. Ты просто был свидетелем. Такие знания бесполезны.— Абориген повернулся к Гэрнади: — Ты только закончил охоту, когда мы попросили твое знание. Ты сразу же согласился и ничего не просил. Мы у тебя в долгу.

— Трогайся, Гэрнади, не медли! — прошептал Нискайто. Гэрнади почувствовал, как что-то твердое уперлось ему в бок.— Езжай прямо через них, я отвечаю за это. И не вздумай оставить меня здесь!

Нискайто не нужно было прибегать к угрозам. Гэрнади не собирался оставлять его; стоило ли тогда спасать торговца от волков, чтобы тут же бросить его на произвол судьбы?

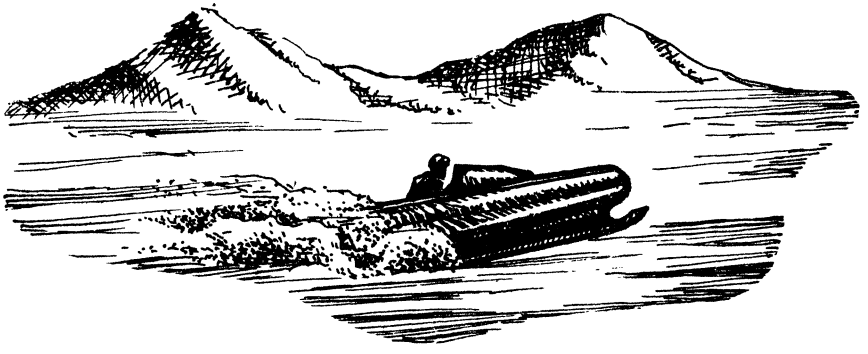
Позади нарт кликетиксов не было. Гэрнади переключил реверс, и двигатель взревел. Мононарты рванулись задним ходом. Тупые концы лыж взрыли снег. Через несколько секунд они наткнулись на камни, скрывающиеся под снегом, и резко остановились.

Толчок выбросил Нискайто из нарт. Он убедился, что Гэрнади не собирается оставлять его, и направил оружие в сторону кликетиксов. Теперь от толчка палец на спусковом крючке резко дернулся.

Алый луч без всякого вреда для кликетиксов пронзил пустое небо. К тому времени, когда он смог бы снова найти цель, кликетиксы уже исчезли в серебристых зарослях, а Гэрнади был достаточно далеко, чтоб лазерный луч мог его достать.

Гэрнади мчался через равнину, впервые за долгое время не испытывая тревоги. Каждый человек нуждается хоть в каком-то дружеском участии, но соплеменники слишком сложны и противоречивы, чтобы чувствовать себя с ними спокойно. Он приручил Тимми, чтобы иметь рядом живую душу. Но Тимми был для него лишь пушистой игрушкой. И сам требовал заботы и внимания. А теперь вдруг выясняется, что у него едва ли не целая планета друзей. Будущее больше не грозило тягостным одиночеством.

Теперь будущее выглядело гораздо привлекательнее.



М. Хэрли

ДОЗА

На вид это был обыкновенный кубик сахара, но какой-то бесцветный и поэтому — опасный. Он почти ничего не весил, и она играла с ним, поглаживая и перекатывая с места на место. Ладони ее вспотели от легкого страха и напряжения.

Слэшер взглянул на Синди, сунул ладони под мышки, замахал локтями и закудахтал, изображая ее — домашнюю курицу.

— У-ру-ру-рух,— закудахтал кто-то, присоединяясь к хору сумасшедших криков.— Цыпа-цыпа-цып!

Оцепеневшая, как в кошмарном сне, и надеясь избавиться от наваждения, она поднесла кубик ко рту.

— Молодчина, Синди! — воскликнул Слэшер, и все собрались вокруг нее, крича и прикасаясь к ней ритуальным жестом посвящения. Потом все разошлись по своим привычным местам, заглотили свои дозы и замерли в ожидании кайфа.

Синди закрыла глаза и сморщилась от боли, когда зихрящиеся черные и белые пятна заполнили ее сознание так, словно она видела их на киноэкране. Они сыпались, будто горошинки из лопнувших стручков, но в последнее мгновение превращались в ножи и вонзались в затылок. Она морщилась от этих ударов, пока череп не раскололся от уха до уха. Она подняла руку, погрузила пальцы в рану и закричала, когда макушка, словно крышка, откинулась назад.

— Хорошо! — пробормотала она с улыбкой, когда мозги превратились в наполненный гелием шар и выплыли наружу, потянув ее за собой.

Какое удивительное чувство! Какой блаженный покой!

Она совершенно свободна!

Синди дрейфовала по комнате, опускалась и поднималась, и малейший ток воздуха изменял направление ее полета. Она захотела и превратилась в мотылька, а потом устремилась к сияющей стоваттной лампе без абажура, что свисала с потолка. Синди несколько раз облетела вокруг нее, чтобы обнять это солнце, и прижалась к лампочке в самоубийственном экстазе.

Ожог!

Она скорчилась и упала, в падении превратившись в скелет с кортиком в костлявой руке и с черной повязкой, прикрывающей темную пустую глазницу. Громко клацнув костями, она ударилась о пол. Ноги отломились и ухнули в пустоту грудной клетки. Руки бешено и беспорядочно замолотили по воздуху, случайный удар кинжала отхватил уродливую черепную коробку. Остальной скелет недвижно развалился в кресле.

Синди встрепенулась от удара и вскочила на ноги, все еще убежденная, что головы у нее нет. Она ощупала распростертый скелет, сграбастала череп и быстро приткнула его к собственной шее. Потом, сытая всем этим по горло, она решила отправиться домой.

Через пару кварталов у нее заболели ноги, она взгромоздилась на пролетевшую мимо белку и вместе с ней спланировала над аптекой к собственному дому. Она поднялась по лестнице к себе в комнату и стала готовиться ко сну.

Синди бросила сумочку на столик, скинула туфли и аккуратно поставила их рядом с сумочкой. Потом сняла грубую хлопчатобумажную рубашку и вдруг, не сумев найти шкаф, она не повесила, как обычно, рубашку на плечики, а тоже положила ее на столик. Сверху она поместила свои аккуратно сложенные джинсы.

Удивительно, кто-то переставил в комнате всю мебель. Теперь, чтобы запрыгнуть в свою кровать, ей придется взбираться на столик. Но у нее не было сил расстраиваться из-за таких пустяков. Она уже собралась влезть на столик, но тут ее остановили.

— Девушка! — окликнул ее мужской голос.— Подождите немного... Ведь это бессмысленно.

— Кто вы? — пробормотала она, повернув лицо в его сторону.— И что вы делаете в моей спальне?

— Твоей спальне? — удивленным эхом отозвался он.— Вряд ли можно назвать это спаль...— продолжил было он, но тут же оборвал фразу.

— Понятно,— подытожил он вместо продолжения, уразумев, что каковы бы ни были ее проблемы, он легко сможет добиться своей цели.

Незнакомец быстро переключился на другой тон.

— Ты не узнаешь меня, девочка? — мягко спросил он с заметным огорчением.— Я тот, кого ты любишь больше всех.

— Папа? — откликнулась она не слишком уверенно.— Папа! Папочка! — закричала она сначала лишь с желанием поверить, а затем бросилась обнимать его, вся во власти радостных чувств. Обхватив руками его плечи, она заплакала... И он явил в ответ свою любовь — вонзил клыки в теплую нежную шею.

В полумиле от этого места патрульный полисмен Билл Эррада передал своему напарнику чашку свежего кофе. Только хороший кофе способен отогнать сон в такую черт знает до чего длинную ночь. Эррада забрался в машину, вытянулся поудобнее — осторожно, чтобы не расплескать кофе,— зевнул и приготовился отдохнуть с часок.

— Девять-три-девять вызывает Четвертый сектор,— прохрипела рация.

— Черт,— выругался Эррада.

— Ничего не поделаешь,— философски отозвался помощник.

Эррада схватил микрофон, пролив при этом кофе, и нажал на кнопку ответа:

— Четвертый слушает.

— Билл, позвонила старушка с бессонницей, говорит, кто-то собирается прыгнуть с моста. Не хочешь проверить?

— Хорошо, выезжаем.

Эррада включил мигалку и отвалил от обочины. Сирену он решил не врубать. Через три минуты они подъехали к мосту. Солнце только что проклюнулось над заливом.

— Тормози! — воскликнул помощник, Эррада нажал на педаль.— Приехали, но, кажется, поздно.

Они выскочили из машины и бросились к девушке, лежащей на дороге.

— Бог мой! Она совсем голая. Неси одеяло!

Напарник ринулся к машине, а Эррада приступил к осмотру места трагедии. Когда помощник вернулся с одеялом, Эррада накинул его на труп девушки, прикрыв заодно и лицо.

— Она мертва,— просто произнес он.

Они выпрямились, и Эррада заметил сумочку на стальной перекладине ограждения. Одежда, аккуратно сложенная, лежала рядом.

— Все выглядит так, словно она готовилась ко сну.

— Или ей казалось, что она у себя дома,— вставил напарник.

— Да,— согласился Эррада.— Мне и раньше случалось наблюдать такое. Ребята хватят лишку какой-нибудь дряни и начинают чудить. Наверное, ей померещилось, что она у себя в спальне и раскладывает все по своим местам. Мне кажется, она собиралась влезть вон туда и спрыгнуть в «свою кровать». Кто-то помешал ей.

— Жалко девчонку.

— Да, наркотики косят всех без разбора,— с горечью согласился Эррада и двинулся к машине.— Надо вызывать труповозку.

— Смотри, что это там? — воскликнул напарник, указывая вверх.

Эррада подтолкнул его, а сам вытащил револьвер и прицелился в темную фигуру среди верхних конструкций моста.

— Эй, мистер, спускайтесь-ка вниз! — приказал он.

Темная фигура, не обращая внимания на угрозу, распростерла руки, словно крылья, и повернулась в сторону солнца, всплывающего из устья реки.

— Я способен это сделать,— невнятно произнес неизвестный. — Я могу полететь к Солнцу!

Он взмахнул руками, прыгнул и пропал из поля зрения изумленных полицейских, которым оставалось только смотреть то на восходящее солнце, то друг на друга.

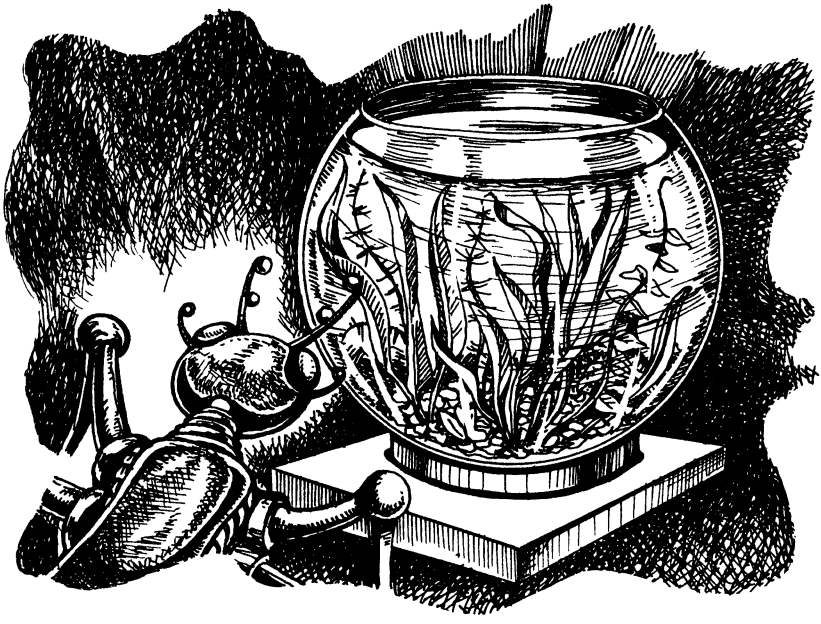
Лишь через несколько минут старший патрульный Эррада со своим напарником смогли убедить себя, что они и в самом деле видели то, что видели. Мертвая девушка под одеялом помогла им убедиться в реальности кошмара.

Эррада влез в машину и взял микрофон.

— Девять-три-девять, говорит Четвертый.

— Докладывайте, Четвертый.

— Присылайте фургон... и не спрашивайте ни о чем. Все равно вы не поверите.



Дж. Б. Файф

ПРОДЕШЕВИЛИ

Бесплодная планета совершенно разочаровала Райлата. Она единственная подавала какие-то надежды — на все прочие рассчитывать вообще не стоило.

— Уныло, как у нас на Олиттре,— подумал он в сторону Акайро.— Ничего не растет, кроме мха и ползучей мелочи. Чего еще ждать при таком освещении!

Все четыре его глазных стебелька шевелились, разглядывая пологие холмы на телеэкране. С орбиты признаки жизни вообще не угадывались, и приземлились они только потому, что Акайро заметил радиацию. Радиация обычно связана с населением, а население обычно связано хоть с какой-нибудь формой агрикультуры.

— А вдруг там жизнь? — с надеждой подумал тогда Акайро, возбужденно приподнимая свое синеватое треугольное тело на восьми парах ходильных конечностей.

Однако теперь, рассмотрев планету вблизи, он утратил свой энтузиазм.

— Ты ее осмотри,— подумал он Райлату,— а я есть хочу.

Не глядя больше на экран, он достал из хранилища большой ломоть синтепищи и пластиковую тубу жидкости. Ломоть он держал двумя маленькими пищевыми конечностями, вторая пара управлялась с тубой.

— Ну как ты можешь столько есть этой гадости? — подумал Райлат с раздражением.— Нам же пора выходить. Вот стошнит тебя в скафандре!..

— Энергию надо пополнять,— невозмутимо отвечал Акайро.

Райлат представил ему красное пламя.

— Ты скоро в ширину будешь такой, как в длину,— добавил он сердито.

Развить эту мысль он не успел: Акайро вдруг бросил пищу на пластиковый стол и вразвалку побежал к приборной доске. Он отвечал за приборы и всегда смотрел на них хотя бы одним глазом.

— Что-то есть? — спросил Райлат.

— Приближается источник радиации. Может, это корабль?

Он заработал настройкой и выдал Райлату координаты для телеэкрана. Догадка подтвердилась: это был корабль. Конечно, не с Олиттры — обводы совсем другие и шел он слишком низко над поверхностью.

— Всего один,— объявил Акайро.— Пригласим на посадку?

— Пожалуй,— согласился Райлат.

Он подполз к пилотскому сиденью и заработал рычагами. В верхние слои атмосферы полетела серия световых импульсов, разворачиваясь там в стандартное приветствие Галактического Кода.

Чужой корабль рванулся прочь от поверхности с внушительным ускорением. Потом, опознав мирный сигнал, повернул и на малой скорости направился к олиттранцам. Райлат одобрительно шевельнул конечностями.

— Раз они могут так маневрировать, значит, у них развитая цивилизация. Может, они знают необитаемые планеты, где можно достать растения для наших злосчастных земель?

Акайро не ответил, занятый переводом ответных сигналов. Он анализировал спектр излучения, определяя зрительный диапазон гостей: не все существа в известной Вселенной видят одно и то же в одних и тех же лучах.

— Пошли им наши звездные координаты,— велел он Райлату.— Они передают, что прилетели со звезды в Секторе... Четырнадцать, кажется. Да, вот она в каталоге: Солнце, спектральный класс 6, девять больших планет, из них три заселяет одна доминирующая раса, входящая в Конфигурацию Четырнадцатого Сектора, уровень — «цивилизованная».

— А что им надо здесь, в Двенадцатом?

— Не будем невежливы,— упрекнул Акайро.— Возможно, они то же самое думают про нас.

Райлат промыслил ему скверный вкус, но без злости: он сам понимал, что упрек справедлив.

— Я приглашаю их познакомиться,— объявил он.— Разворачивай палатку, в корабль пока звать не будем — мало ли какие у них скафандры!

Соляриане приземлились так, что Райлат опять одобрительно шевельнул ножками. Открылся люк. Палатку поставили в плохо освещенной песчаной низине: Райлат не знал, насколько хорошо гости видят при таком свете и зажег над ней переносную световую трубку.

Два незнакомца энергично передвигались по неровной почве. У них было по четыре крупных, далеко отстоящих друг от друга конечности, но передвижение обеспечивалось всего двумя. Их скафандры Райлат посчитал превосходно сделанными, но нефункционально кокетливыми: рабочих органов на виду не было, а скрывающие их панели — это неизбежный лишний вес.

— Смотри, как легко бегут,— заметил он.— Сразу видно — они с большой тяжелой планеты.

Когда соляриане приблизились, Райлат знаками пригласил их в палатку. Акайро уже запустил тепловой конвертор — как побочный продукт, он выдавал атмосферу, привычную для олиттранцев, так что они открыли головные отсеки скафандров.

Более крупный солярианин, пользуясь знаками Галактического Кода, выразил одобрение устройству палатки. Его скафандр заканчивался сверху шарообразной конструкцией, частично пропускавшей свет, и сквозь нее Райлат разглядел часть существа, которую посчитал лицом.

На ней было несколько рудиментарных органов, но ничего похожего на пищевые конечности. «Как же он питается?» — подивился Райлат. Единственная пара глаз сидела в углублениях и, судя по всему, не могла даже выдвигаться.

«Ну и раса,— восхитился Райлат,— так далеко уйти с такой анатомией! Оборудование у них, мягко говоря, на хуже нашего. Видимо, их выручает редкостное развитие интеллекта...»

— О чем он спрашивает? — подумал ему Акайро, глядя, как товарищ обменивается кодовыми знаками с солярианином.

— Удивился, как быстро мы развернули палатку, и спросил, что такое тепловой конвертор.

— Наверное, у них таких нет.

— Не похоже. Как только я объяснил принцип получения любого вещества в качестве побочного продукта, они сразу потеряли к нему интерес.

— А как они себя обозначают?

Райлат проделал передней конечностью серию жестов, соляриа-нин ответил тем же.

— Этот, с оранжевой шерстью наверху, называет себя «Мастер оболочек» или, пожалуй, точнее — «Ткач»*. А второй, насколько я понял, зовется «Сильная верхняя конечность»**.

Райлат снова занялся разговором с оранжевошерстым соляриа-нином. Его менее крупный товарищ тем временем обходил палатку. Он заинтересовался системой поддержки купола за счет внутренне-го давления и неуклюжими жестами дал понять Акайро свое одобрение простой, но эффективной конструкции дверного шлюза. На конвертор он больше не обращал внимания: видимо, понял его устройство после первого же объяснения.

В разговоре выяснилось, что солярианe тоже дышат кислородом, но им требуется гораздо более плотная атмосфера, чем хозяевам. Занимались они, насколько понял Райлат, в основном, торговлей. Когда он сказал Ткачу, что экспедиция у них чисто исследователь-ская, тот предложил все же обменяться сувенирами.

— Может, они знают такие планеты, какие нам нужны? — подумал Райлату Акайро.

— Неразумно проявлять чрезмерное любопытство. Если мы дадим понять, насколько это для нас важно, они могут запросить за информацию немыслимую цену.

— Это же неэтично! — возмутился Акайро.

Райлат промыслил ему глупую свежевылупившуюся личинку и добавил, что Акайро всегда был склонен чересчур доверяться пришельцам.

— Сначала полезно как следует узнать друг друга,— поучал он,— а потом уж беспокоиться об этике. Кстати, Ткач приглашает нас на корабль. Надо познакомиться с ними поближе.

Из палатки выбирались по одному — громоздким солярианам это удавалось не без труда. Зато на пути к кораблю они вежливо придерживали шаг, стараясь не отрываться от олиттранцев.

Оборудование солярианского корабля производило столь же приятное впечатление, как и скафандры его владельцев. В поме-щении, куда пригласили гостей, все говорило о высокой техниче-ской культуре. Райлата поразила роскошь планировки: пилотские отсеки располагались отдельно от жилых.

— Да,— подумал он,— они же торговцы, значит, могут позво-лить себе не экономить корабельный объем!

— Что он говорит? — спросил Акайро, следя за быстродви-жущимися конечностями Ткача.

---

* Тейлор.

** Армстронг.

— Приглашает посмотреть образцы груза. Боюсь, он все еще думает, что мы собираемся с ними торговать.

Отказываться было бы невежливо, и они пошли вслед за рыжешерстым в соседнее помещение. Тот начал демонстрировать товары.

Олиттранцы отметили, что соляриане предлагали в основном точные приборы и устройства, тогда как в отсеках, где они хранили приобретенное, было очень много минералов.

С непонятной гордостью Ткач показал им крупные друзы белого углерода и небольшие порции нескольких тяжелых элементов. Те, что излучали свободную энергию, были упакованы в тяжелые контейнеры.

Райлат не удивился. Он и сам однажды серьезно попортил свое прочное покрытие, оставив возле палатки слишком много урана — побочного продукта тепловой конверсии. А соляриане без скафандров выглядели очень тонкокожими. Прямо сквозь оболочку Ткача просматривались разветвления его кровеносной системы.

— Тут для нас нет ничего интересного,— подумал Райлат.

— Верно,— согласился Акайро.— Инструменты у них прекрасной работы, но и наши хорошо нам служат. А уж минералов-то можно наделать сколько угодно!

— Ну, этого я им не скажу,— решил Райлат.

— А что?

— Ну... по-моему, это невежливо.

И он передал Ткачу, что им пора возвращаться — проверить механизмы корабля и пополнить запасы в скафандрах.

Проходя через жилой отсек, Райлат повел одним глазом на плоский кусок пластика, на котором меньший солярианин расставлял пищу и жидкости. Мимоходом он отметил, что пища состоит из чего-то явно синтетического и чего-то, очень похожего на овощи. На одной из круглых подставок лежали белые необработанные стебельки с зелеными листьями.

Райлат вдруг сообразил, что это могут быть сырые, недавно выросшие овощи, он резко перевел на них второй глаз.

Недавно выросшие!

Это открытие его потрясло. Прежде, чем он успел овладеть собой, глазные отростки вытянулись наполовину и ходильные ноги почти сложились, так что Райлат прижался к полу.

Акайро, конечно, заметил эту реакцию — пережиток древних времен, когда лучшей защитой для их предков было припасть к земле и положиться на крепость своего мощного панциря.

— В чем дело? — спросил он встревоженно.

— Посмотри на их пищу!

Акайро глянул — теперь у него уже дернулись глаза.

— Свежие растения! Скорее спроси, где они их взяли!

Райлат с трудом овладел собой. Рыжешерстый Ткач уже повернул голову к замешкавшимся олиттранцам. Оба его глаза синхронно двигались, настраиваясь то на одного, то на другого. Он явно заинтересовался.

— Перестань пялиться! — приказал Райлат.— И пошли! Он заметил нашу реакцию.

— Ради потомства! — настаивал Акайро.— Спроси, где он их взял! СПРОСИ!

— Позже! — сурово подумал ему Райлат, решительно направляясь к выходу.

Акайро раздраженно подпрыгивал на ходу, целых три его глаза были устремлены назад — на растения.

— Не будь дураком! — упорствовал он.— Ты что, не понимаешь, что это для нас значит? У нас мор сгубил все растения, планета на грани голода, а ты тут сцены разыгрываешь!

— Твой сарказм не ко времени,— отбивался Райлат.— Я не хуже тебя знаю, зачем нас послали, зато больше твоего слышал о торговых цивилизациях. И я знаю, что делаю!

— Ты уверен?

— Абсолютно! Сейчас же прекрати изображать слабоумного и следуй за мной.

Акайро промыслил бездонное болото липкой грязи — но про себя — и поплелся к выходу.

Меньший солярианин надел скафандр и вежливо проводил их через шлюз. Райлат пообещал скоро вернуться.

После обычной проверки приборов и краткого отдыха Акайро зарядил визиплейер записью Галактического Кода и углубился в работу. При следующем посещении солярианского корабля он уже мог хотя бы догадываться о ходе разговора.

Сам он вступать в беседу еще не решался, но понял приветствие и первые знаки Ткача.

В этот день они узнали, что солярианe залетели к белой звезде только в надежде на торговлю, и ее необитаемые планеты огорчили их не меньше, чем олиттранцев.

— А мы прилетели просто осмотреть планеты,— семафорил Райлат.— Мы — исследовательская экспедиция.

— Нам, торговцам,— ответил Ткач,— часто приходится быть и исследователями.

— Это интересно,— поддерживал беседу Райлат.— Не расскажете ли, как действует торговая экспедиция?

Акайро все это раздражало.

— Ну что ты простачка разыгрываешь? — нетерпеливо думал он Райлату.

Тот кратко промыслил ему глазные стебли, завязанные узлом, и продолжал невозмутимо жестикулировать. Солярианин объяснял,

что совсем не обязательно выменивать товар более дорогой, чем отдаешь.

— Иногда,— толковал он,— сама доставка груза в другую планетную систему многократно повышает его стоимость: там он может оказаться редким или особенно нужным.

— По-моему, это смахивает на мошенничество,— подумал Акайро, но на него не обратили внимания.

— Я в таких вещах, конечно, не разбираюсь,— убеждал соляриянина Райлат.

Ткач с сомнением уставил на него свои голубые невыдвигающиеся глаза, потом повернулся к своему компаньону. Соляриане обменялись серией низкочастотных вибраций — это был, очевидно, их способ коммуникации. Потом Ткач снова повернул свою оранжевую голову к Райлату.— Я думаю, нам все-таки следует обменяться какими-нибудь пустяками на счастье или для забавы. Приятно будет сохранить сувениры на память о нашем знакомстве.

Райлат изъявил согласие. Последовал ряд безуспешных попыток предложить что-нибудь, представляющее интерес для собеседника.

Соляриане вежливо отказались от олиттранских инструментов, без которых Райлат мог бы обойтись. Они сказали, что инструменты хороши, но их собственные подходят им лучше. Райлат тоже не проявил интереса к безделушкам, собранным солярианами на десятке разных планет.

— У нас есть хорошие карты Одиннадцатого сектора,— предложил он в свою очередь.

Ткач выразил благодарность, но сказал, что в Одиннадцатый они не собираются. В конце концов он предложил снова сходить в грузовой отсек.

— Спроси про растения! — приставал Акайро.

— Ну как я могу? — ответил ему Райлат.— Нам нечего предложить за такую информацию! Не могут же они дать ее даром...

— Ну, если ты не желаешь спрашивать, я останусь тут и буду смотреть: может, этот мелкий вынесет еще растения.

— Твое дело,— ответил Райлат и ушел вслед за Ткачом.

Они отправились по металлическому коридору в тот же самый склад, где Райлат уже бывал. И на этот раз он не нашел ничего интересного и со всей возможной вежливостью дал это понять соляриянину.

Тут он почувствовал, что Акайро требует его возвращения, и в первый же удобный момент выразил желание вернуться.

— Они их сами выращивают! — возбужденно подумал ему Акайро, едва Райлат ступил на порог.

— Как это? Объясни! — потребовал Райлат, заметив при этом, что соляриане тоже воспользовались возможностью приватно обменяться информацией.

— РАСТЕНИЯ! — спешил Акайро.— У них тут на корабле резервуары, и они выращивают растения в воде с химикатами, а облучение искусственное! Я видел!

— Как?

— Стоял тут со скучающим видом, пока Сильная Конечность не предложил поводить меня по кораблю.

— И ты ему показал, что нам необходимо?! — Райлат промыслил плоский пузырь чистой пластмассы.— Конечно, показал, то-то они сейчас и зашевелили ртами! Ну, Акайро!

Тут Ткач обернулся к Райлату и спросил, не показать ли ему заодно гидропонные баки. Райлат согласился без излишней поспешности. Он только надеялся, что соляриании не сумеет правильно истолковать подергивание его глазных стебельков...

Все вместе прошли в гидропонную, и там у Райлата чуть не отказали ноги.

Вдоль всех переборок и по центру стояли большие прозрачные сосуды, полные живых растений на разных стадиях развития. Почти все они были зеленые, но разве это было важно?!

Всего на мгновение он позволил себе представить вымершие поля Олиттры заново заселенными этой мощной растительностью. Проблема питания будет решена, если ему удастся раздобыть семена или черенки! Как же он устал от синтепищи...

— Очень красиво,— сигналил он между тем солярианину.— Это мне напоминает густую растительность моей родной планеты.

— Райлат! — в ужасе думал ему Акайро.— Как ты можешь так лгать?! Это же неэтично!

— Это не ложь! Сейчас ЛЮБОЕ растение напоминает мне об Олиттре. И потом, он же не знает, что наши растения были пурпурными!

Но когда Райлат увидел, что сигналит Ткач, нервы у него сдали окончательно — он попросил повторить последнюю фразу.

— Я сказал, что мы с удовольствием подарим вам часть растений. Они очень питательны.

— Мы редко их едим,— ответил Райлат,— но они могут приятно украсить наш простой корабль.

Соляриане обменялись такими взглядами, что Райлат подумал: уж нет ли у них специфической формы телепатии? Потом Ткач потянулся к ближайшему бачку с густой зеленью.

— Может быть...— начал Райлат, но увидел направленные на него глаза Ткача и передумал.— Нет, ничего. Это не важно...

Ходильные ноги Акайро отказали окончательно. Он лежал на палубе, не замечая удивленных взглядов солярианин, и представлял мощнейшее извержение вулкана.

Сила его мысли была такова, что Райлат отчетливо увидел себя в центре огненного столба.

— Я как раз хотел спросить,— просигналил он Ткачу,— не могли бы вы уступить нам весь бачок, у вас ведь их много? Выращивание незнакомых растений скрасило бы нам скуку долгих полетов...

Ткач ответил, что сделает это с удовольствием. Он даже настоял на том, чтобы дополнить подарок набором химикалий и специальным светильником. Светильник рассмотрели все вместе, и Райлат убедился, что сможет на своем корабле подвести к нему энергию. Олиттранцам дали с собой даже запас воды.

Оба солярианина надели скафандры, чтобы помочь перенести бачок, укрытый в надежном контейнере. Собственно, они его и донесли — Райлату пришлось лишь изредка поддерживать драгоценный груз. Акайро на нетвердых ногах следовал за ними — глаза его все еще были наполовину втянуты.

Соляриане помогли занести контейнер в олиттранский корабль, но зайти отказались.

— Может быть, им тут неловко — они такие грузные и в таких громоздких скафандрах,— посочувствовал Райлат.

Он снова выразил новым знакомым благодарность, а потом еще раз спросил, не присмотрели ли и они что-нибудь интересное для себя.

— Ничего, ничего! — замахал конечностями Ткач.— А вы скоро стартуете?

— Райлат! — взмолился Акайро.— Скажи им — ДА, скажи — НЕМЕДЛЕННО! Если у них будет время подумать, они наверняка собразят, ЧТО отдали!

— Спокойно! Я сам только и жду, когда мы будем в глубоком космосе.

Райлат ответил солярианину, что они действительно собираются стартовать в ближайшее время. Ткач выразил искреннее сожаление.

— Скажите все-таки, что мы можем для вас сделать,— настаивал Райлат, опасаясь, как бы что-нибудь в последний момент не заставило его расстаться с добычей.

— Мы решили тут задержаться, осмотреть планету и поискать кое-какие минералы,— сообщил Ткач.

— Интересное хобби,— неуверенно поддержал Райлат.

Судя по взглядам, которыми обменялись соляриане, они были так же удивлены его оценкой, как он — их вкусами. Ну кому, в самом деле, надо искать дикие минералы? Их же можно наконвертировать, когда захочешь и сколько угодно.

— Мы собирались отдохнуть на поверхности планеты,— снова заговорил Ткач,— корабельная теснота утомляет...

— А! — догадался, наконец, Райлат.— Если вам может пригодиться наша палатка, то забирайте ее, пожалуйста!

Это предложение Ткач охотно принял, но спросил, как же они вернут палатку олиттранцам.

— Ничего страшного,— заверил его Райлат.— Мы можем ее забрать, когда прилетим сюда в следующий раз.

— Райлат! — взмолился Акайро.— ПОДАРИ ему! Неужели ты хочешь сюда возвращаться?!

— Собственно,— продолжал Райлат,— у нас ведь есть еще одна палатка, так что эту мы вам просто оставим. Я вам сейчас дам набор инструкций по входному шлюзу и тепловому конвертору. Надо полагать, чертежи будут вам понятны.

После вручения инструкций и продолжительного обмена любезностями соляриане, наконец, откланялись.

Акайро без промедления установил бесценный бак в грузовом отделении. Как только соляриане укрылись за стенами своего корабля, Райлат дал старт.

Он уходил от планеты по спирали, прокладывая курс между Одиннадцатым и Двенадцатым Секторами.

— А когда я сказал, что вернусь за палаткой,— поддразнил он Акайро,— ты так и поверил, что я рискну еще раз с ними встретиться? После того, как мы их обобрали!

Акайро не отозвался. Райлат взглянул на него и увидел, что тот уставился на приборы во все четыре глаза.

— Что там? — спросил он обеспокоенно.

— Источник радиации, движущийся по спиральной траектории. Не иначе — соляриане ушли с планеты!

— Какая скорость? — запросил Райлат, прикидывая, можно ли еще добавить ускорение.

— Как у нас... или чуть больше.

У Райлата втянулись глаза. Он лихорадочно рассчитывал, какой добавочной мощностью может распорядиться.

— Догоняют? — спросил он со страхом.

— Нет,— спокойно подумал ему Акайро.— Уходят в противоположном направлении.

— Что?!

— Именно это. И явно — на максимальной скорости.

Райлат слез с пилотского кресла и подсел к приборной панели.

— Я не понимаю,— подумал он.— Они же говорили, что хотят задержаться. И мы ничего такого им не оставили, чтобы так спешить.

— Может, шлюзовой механизм?

— Да нет... у них на корабле шлюз лучше нашего. А конвертор их не интересовал. Не станут же они с ним играть в трансмутацию элементов!

— С тепловым конвертором?! Они наверняка знают более удобные способы.

— Не сомневаюсь. Так что же такое у них на совести?

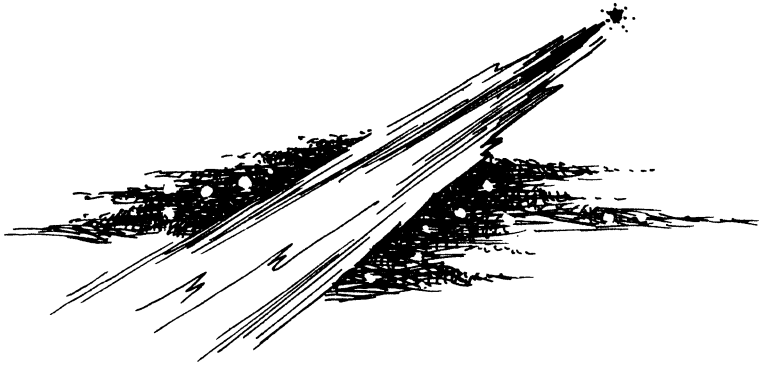
Теряясь в догадках, Райлат вернулся к пилотскому креслу и навел экран на солярианский корабль.

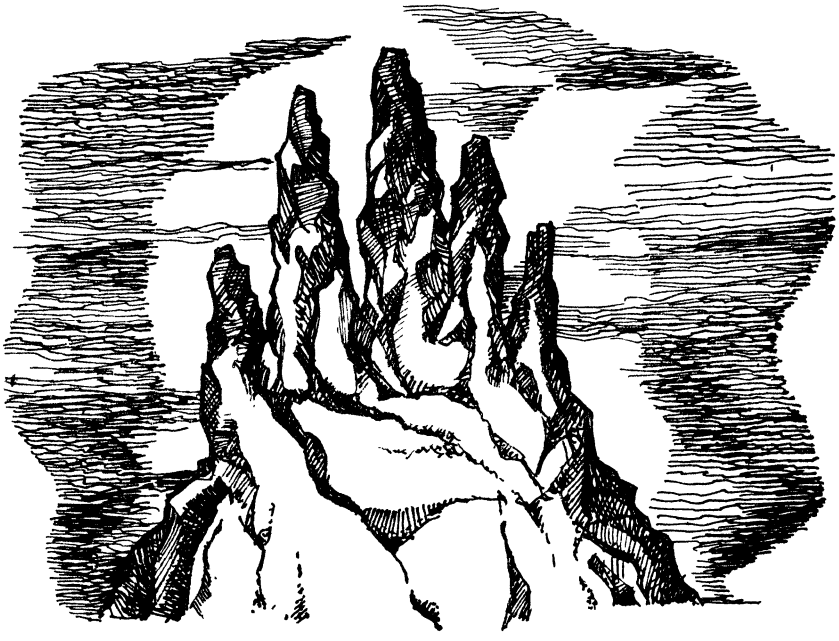
— Восхищаясь их безумством,— предостерег Акайро,— не будем забывать о собственной скорости.

— Да... но все-таки это — поразительно...

Райлат не сводил глаз с чужого корабля, пока тот не ушел за пределы экрана.

— Как уносят ноги! — потрясенно думал он.— Всякий бы сказал, что это они нас, а не мы их обобрали!





А. Меррит

ПЛЕМЯ ИЗ БЕЗДНЫ

К северу от нас поднялся к зениту сноп света, выходивший из-за пяти вершин. Его лучи устремлялись вверх сквозь столб голубоватого тумана, края которого были видны так же четко, как дождь, идущий из грозовой тучи. Он походил на свет фонаря в голубом тумане и не давал никакой тени.

Когда он устремился вверх, черные вершины стали видны четче, и я заметил, что вся гора имеет форму ладони. По мере того, как свет очерчивал ее контуры, гигантские пальцы распрямлялись, словно ладонь хотела что-то схватить или втолкнуть обратно. Светящийся столб на мгновение замер, а затем распался на тысячи маленьких ярких шаров, которые заколебались, а потом опустились вниз, как будто что-то искали.

Лес замер, все звуки стихли. Я чувствовал, что собаки жмутся к моим ногам; они тоже умолкли, но тельца их дрожали, шерсть

на загривке поднялась дыбом, а глаза, наблюдавшие за огоньками, остекленели от ужаса.

Я взглянул на Андерсона, устремившего взгляд на север, туда, где сноп вновь поднялся вверх.

— Это не может быть полярное сияние,— сказал я, еле двигая губами, такими сухими, словно Лао Т'цай насыпал мне в рот пыль страха.

— Если это и сияние, то я никогда такого не видел,— откликнулся Андерсон.— Да и кто слышал, чтобы сияние бывало в это время года?

Затем он громко произнес то, что вертелось и у меня на языке.

— Я начинаю думать, что там идет какая-то охота,— сказал он.— Дьявольская охота; нам повезло, что мы находимся за ее пределами.

— Каждый раз, когда сноп света поднимается вверх, мне кажется, что гора движется,— сказал я.— Что за этим кроется, Старр? Это напоминает мне замерзшую ладонь из облаков, которую Шан Надур поместил перед Вратами Вампиров, чтобы удержать их в норах, вырытых Эблисом.

Он поднял руку, прислушиваясь.

С севера и сверху доносился шепот. Он не походил на шелест северного сияния, на тот щелкающий звук, издаваемый духами ветров, дувших в момент Сотворения и мчащихся сквозь скелеты листьев древних деревьев, давших убежище Лилит. Это был шепот, содержащий в себе приказ. Он звал нас, чтобы мы отправились туда, откуда выходил сноп света. Он притягивал, в нем звучал торопящий мотив. Коснувшись моего сердца тысячью маленьких, перемазанных страхом пальцев, он наполнил меня стремлением бегом броситься к нему и слиться воедино с этим светом. Так, должно быть, чувствовал себя Улисс, когда, привязанный к мачте, слушал чарующее пение сирен.

Шепот стал громче.

— Что, черт возьми, творится с этими псами? — яростно воскликнул Андерсон.— Ты только взгляни!

Маламуты визжа помчались к свету. Мы видели, как они исчезали за деревьями. Какое-то время мы слышали их жалобный вой, потом он стих, и осталось только настойчивое журчание в воздухе.

Поляна, на которой мы разбили лагерь, открывалась прямо на север. Думаю, мы ушли миль на триста за первый поворот Коскоквима в направлении Юкона и, наверняка, находились в девственных краях. Мы шли на север из городка Доусон, стоявшего в излучине реки Спринг, двигаясь прямо к затерянным пяти вершинам, между которыми, как сказал нам шаман из племени атабасков, золото выплывает, как замазка между пальцами сжатой ладони. Мы не сумели найти ни одного индейца, который согласился бы сопро-

вождать нас, все они утверждали, что земля Открытой Руки проклята. Вершины мы заметили накануне, когда они рисовались на фоне пульсирующего зарева, а теперь видели свет, который нас к ним привел.

Андерсон замер. Сквозь шепот пробился легкий стук и шелест, словно к нам приближался небольшой медведь. Я подбросил в костер несколько поленьев, а когда огонь стал больше, увидел нечто, появляющееся из-за кустов. Оно шло на четвереньках, но совершенно не походило на медведя. Внезапно меня осенило — оно походило на ребенка, карабкающегося по лестнице. Передние лапы оно поднимало гротескно инфантильным способом. Существо приблизилось, мы потянулись за оружием — и тут же отложили его, поняв вдруг, что это ползущее нечто является человеком!

Действительно, это был человек. Он неуверенно дополз до костра, по-прежнему высоко, как при подъеме, поднимая конечности и ударяя ими.

— Безопасно,— прошептал он голосом, бывшим отражением шепота, витавшего над нашими головами.— Здесь вполне безопасно. Они не могут выбраться за пределы голубого, не могут до вас добраться... разве что вы пойдете к ним сами...

Он повалился на бок. Мы подбежали, и Андерсон наклонился.

— Боже мой, Френк! — воскликнул он.— Смотри!

Он указал на руки человека. Запястья их были покрыты обрывками какой-то толстой ткани, а самих ладоней просто не было! Когда-то они были сжаты в кулаки, а затем плоть с них была содрана до самых костей. Сейчас они выглядели, как ноги маленького черного слона. Я провел взглядом вдоль тела: вокруг бедер обвивался тяжелый пояс из желтого металла, от которого отходило кольцо и несколько звеньев белой сверкающей цепи!

— Кто он? И откуда здесь взялся? — спросил Андерсон.— Смотри, он спит, как убитый, и даже во сне старается куда-то подняться. Его колени... боже, как он вообще на них передвигался?

Все было так, как говорил Андерсон. Несмотря на глубокий сон, в который погрузился человек, его руки и ноги по-прежнему двигались страшными размеренными движениями. Это было так, словно они жили своей собственной жизнью и совершали свои движения независимо от неподвижного тела. Это были движения семафора. Если когда-нибудь вы стояли позади поезда и видели, как опускаются и поднимаются крылья семафора, вы знаете, о чем я говорю.

Внезапно висевший в воздухе шепот стих. Сноп света опал и больше уже не поднимался. Лежащий человек замер. Короткая аляскинская ночь кончилась и наступил рассвет.Андерсон протер глаза и повернулся ко мне.

— Приятель! — воскликнул он.— Ты выглядишь, словно перенес тяжелую болезнь!

— Ты тоже, Старр,— сказал я.— Понимаешь что-нибудь в этом?

— Думаю, ответ находится здесь,— сказал он, указывая на фигуру, неподвижно лежащую под одеялами, которыми мы ее накрыли.— Чем бы ни был этот ответ, именно от него он бежал. Это не было сиянием, Френк, больше всего это походило на разжигание какого-то странного костра, о котором не предупредило нас это племя атабаскинских проповедников.

— Сегодня мы уже не пойдем дальше,— решил я.— Нам не разбудить его даже за цену всего золота, выплывающего между пальцами пяти вершин.

Мужчина был погружен в сон, такой же глубокий, как Стикс. Мы обмыли и забинтовали обрубки, бывшие некогда его ладонями, а он даже не шевельнулся все это время: лежал так, как упал, с поднятыми руками и согнутыми ногами.

— Почему он полз? — прошептал Андерсон.— Почему не шел?

Я начал пилить обруч вокруг его пояса. Он был золотым, но с таким золотом я никогда не имел дела. Чистое золото бывает мягким. Это тоже было мягким, но, казалось, пульсирует какой-то нечистой, собственной жизнью; оно прилипало к напильнику. Разрезав, я разогнул его и закинул подальше. Оно было отвратительно!

Мужчина проспал весь день. Наступила ночь, а он продолжал спать. В ту ночь не было ни снопа света, ни ищущих шаров, ни шепота. Казалось, что с этих мест снято какое-то страшное заклятие. Был полдень, когда человек проснулся, и я даже подпрыгнул, услышав его певучий голос.

— Сколько я проспал? — спросил он. Его светло-голубые глаза стали какими-то странными.

— Всю ночь...— и почти два дня,— ответил я.

— А прошлой ночью вы видели свет? — он оживленно указал на север.— Слышали шепот?

— Ни того, ни другого,— ответил я. Откинув голову назад, он посмотрел прямо в небо.

— Неужели они сдались? — сказал он наконец.

— Кто сдался? — спросил Андерсон.

— Как это кто? Племя из Бездны,— тихо ответил человек.

Мы уставились на него.

— Племя из Бездны,— повторил он.— То, которое Дьявол сотворил еще перед потопом и которое каким-то образом избежало мести Бога. Вам с их стороны ничего не грозило... разве что вы откликнулись бы на их зов. Они не могут выйти за пределы голубого тумана. Я был их пленником,— просто закончил он,— и шепотом они пытались вернуть меня обратно!

Мы с Андерсоном переглянулись, подумав об одном и том же.

— Вы ошибаетесь,— сказал он.— Я не спятил. Дайте мне только немного выпить. Скоро я умру, но прежде, чем это произойдет, я хочу, чтобы меня забрали как можно дальше на юг, а потом разведите костер и сожгите меня. Я хочу принять такую форму, чтобы никакие дьявольские чары этого племени не могли вновь затащить туда мое тело. Сделайте это, когда я вам о них расскажу...— он заколебался.— Кажется, с меня сняли цепь?

— Я распилил ее,— коротко ответил я.

— Слава Богу и за это,— прошептал он, а потом выпил водку с водой, которую мы поднесли к его губам.

— Руки и ноги мертвы,— сказал он.— Так же мертвы, как скоро буду я сам. Что ж, они хорошо потрудились. А теперь я расскажу вам, что находится там, за Ладонью. Ад!

— Послушайте. Меня зовут Стентон, Синклер Стентон. Выпускник Йельского университета 1900 года. Путешественник. В прошлом году вышел из Доусона в поисках пяти вершин, поднимающихся, как ладонь, между которыми течет чистое золото. Вы ищете то же самое? Так я и думал. Поздней осенью прошлого года мой товарищ заболел, и я отправил его обратно с несколькими индейцами. Остальные вскоре сбежали от меня. Но я решил не сдаваться. Построил шалаш, запасся продовольствием и переждал зиму. Весной двинулся дальше. Спустя неполные две недели я увидел пять вершин, но не с этой стороны, а с обратной. Дайте мне еще водки.

— Я сделал слишком большой крюк,— продолжал он.— Пошел слишком далеко на север. С этой стороны не видно ничего, кроме леса, доходящего до самого подножия Открытой Руки, а вот с другой...

Он помолчал.

— Там тоже лес, но он не заходит так далеко. О нет! Я вышел из него, и передо мной предстала раскинувшаяся на много миль плоская равнина. Она выглядела такой же старой и разрушенной, как пустыня вокруг руин Вавилона. На краю ее вздымались вершины, а между мной и ими стояло что-то, похожее на барьер из скал. Потом я наткнулся на дорогу.

— Дорогу? — недоверчиво воскликнул Андерсон.

— Да,— сказал человек.— На каменную, идеально ровную дорогу, утоптанную так, словно сотни миллионов ног тысячелетиями ходили по ней. По обе стороны находились песок и груды камней. Я заметил эти камни только через некоторое время, а форма груд, которые они образовывали, навела меня на мысль, что сотни лет назад они могли быть домами. Я чувствовал в этом деятельность человека, и в то же время в них было что-то древнее. Так вот...

Вершины приближались, груды развалин стали чаще. Они производили впечатление покинутых необычно и, казалось, излучали

что-то, коснувшееся моего сердца, как прикосновение духов, настолько древних, что они могли бы быть только духами домов. Однако, я шел вперед.

Вскоре я понял, что невысокий барьер у подножия вершин был еще одним, более широким поясом руин. Открытая Рука находилась на самом деле гораздо дальше. Дорога проходила между двумя высокими скалами, стоящими, как ворота.

Рассказчик опять помолчал.

— Это и были ворота,— продолжал он.— Я дошел до них, миновал и тут же упал, судорожно хватаясь за землю. Я находился на широком каменном уступе, а подо мной была пропасть! Представьте себе Большой Каньон, только в пять раз шире и без дна — вот во что я заглядывал. Я как будто смотрел за грань рассеченного мира, в глубь бесконечности, где кружат планеты! На дальнем конце стояли те пять вершин, словно огромная, предостерегающая ладонь, вытянутая к небу. Край пропасти изгибался по обе стороны от меня.

Видеть можно футов на тысячу — дальше все закрывал густой голубой туман, напоминавший голубизну, видимую в сумерках и собирающуюся на вершинах гор. А сама расщелина была ужасающей, как маорийский Залив Раналак, разделяющий мир живых и мертвых, через который может перепрыгнуть новоосвободившаяся душа, но уже никогда не найдет сил пересечь его обратно.

Я отполз от края и встал, опершись рукой на один из столбов этих ворот. На нем находились какие-то скульптуры. Еще достаточно четко виднелась фигура огромного человека, стоявшего спиной к наблюдателю. Руки его были вытянуты, на голове — странное островерхое украшение. Я взглянул на соседнюю скалу,— там виднелась точно такая же фигура. Столбы были треугольными, а изображения находились на сторонах, отвернутых от расщелины. Казалось, фигуры что-то скрывают. Я пригляделся, и мне показалось, что за их вытянутыми руками виднеются другие фигуры.

Видел я их очень смутно, но похожи они были на больших распрямленных улиток. Их набухшие тела были едва обозначены, за исключением голов, напоминавших шары. Были они невероятно мерзки. Я вновь повернулся к пустоте, вытянулся на камне и заглянул вниз.

В глубь расщелины вела лестница!

— Лестница! — воскликнули мы.

— Да,— ответил человек, так же спокойно, как и прежде.— Она выглядела не высеченной в камне, а, скорее, встроенной в него. Ступени имели около шести футов длины и трех ширины, они уходили вниз и исчезали в голубой мгле.

— Кто мог создать такую лестницу? — спросил я.— Лестницу, встроенную в стену пропасти и ведущую в глубь бездонной расщелины?

— Вовсе не бездонной! — тихо сказал человек.— У нее было дно, и я добрался до него!

— Добрался до него! — повторили мы.

— Да, по лестнице,— ответил человек.— Я пошел по ней вниз. Да, да,— подтвердил он,— я пошел вниз по лестнице, но не в тот день. Я устроил лагерь сразу за воротами, а на рассвете набил рюкзак продуктами, наполнил фляги водой из источника, бившего у ворот, прошел между украшенными скульптурами монолитами и пересек край расщелины.

Ступени шли вдоль плоскости скалы под углом сорок пять градусов, и я разглядывал их, спускаясь вниз. Они были сделаны из зеленоватого камня, совершенно не похожего на гранит-порфир, образующий стену пропасти. Поначалу я думал, что строители использовали дайку той породы, в которой вырубили ступени, но постоянство угла наклона лестницы поставило мою теорию под сомнение.

Пройдя около полумили, я добрался до выступа. От него лестница резко поворачивала и шла дальше вниз, прилегая к скале под тем же углом, что и прежде. Она образовывала зигзаг и, миновав три таких поворота, я понял, что ступени идут вниз спиралью. Никакие дайки не могли возникнуть с такой правильностью. Нет, нет, лестница была встроена. Но чьими руками? Ответ находится в тех руинах, что окружают расщелину, но, думаю, никогда не будет найден.

Около полудня я потерял из виду пять вершин и край расщелины. Внизу и надо мной был голубой туман, а вокруг — пустота, поскольку дальний скальный выступ уже давно исчез. Я не испытывал головокружения, а страх пересилило огромное любопытство. Что меня ждало? Какая-нибудь древняя и великая цивилизация, царившая в мире, когда полюса были тропическими садами? Я был убежден, что там нет ничего живого, поскольку все вокруг было слишком древним, чтобы существовать до сих пор, однако думал, что эта великолепная лестница должна вести к чему-то такому же великолепному. Что это было?.. Я продолжал спуск.

Через равные расстояния я проходил мимо отверстий небольших пещер. Одну от другой отделяло две тысячи футов. Ближе к вечеру я остановился перед одним из таких отверстий. Думаю, спустился я тогда мили на три, хотя угол наклона был таков, что в сумме это составляло десять. Я осмотрел вход. С каждой его стороны были вырезаны фигуры с верхнего портала, только теперь они стояли лицом к наблюдателю с распростертыми руками, так, словно хотели удержать что-то от выхода из глубин. Лица их были закрыты, а за спинами у них не было никаких отвратительных созданий. Я вошел внутрь. Пещера уходила вглубь, как нора, метров на двадцать. Она была сухой и отлично освещенной. Я видел голубой туман, подни-

мающийся вверх, как колонна, с четко очерченными краями. Меня охватило чувство необычайной безопасности, хотя и прежде я не испытывал никакого страха. Вероятно, фигуры у входа были охранниками, но чего?

Голубоватый туман сгустился, стал слабо светиться, и я подумал, что снаружи, наверное, темнеет. Немного поев, я напился и лег спать. Когда проснулся, голубизна вновь просветлела, и я догадался, что снаружи рассвело. Снова я двинулся вперед, забыв о раскрывающейся рядом расщелине. Я не чувствовал усталости и, хотя поел мало, не испытывал ни голода, ни жажды. Еще одну ночь я провел в другой пещере, а на рассвете снова пошел вниз.

Было уже поздно, когда в тот день я впервые увидел город...

Он помолчал, потом продолжал:

— Да, там есть город, но я никогда не видел такого, и никакой другой человек не мог о нем рассказать. Думаю, расщелина по форме напоминает бутылку, и отверстие у пяти вершин является горлышком... Не знаю, какую ширину имеет дно — возможно, тысячу миль. Я начал замечать слабые вспышки света далеко внизу, потом увидел верхушки... пожалуй, деревьев. Но не таких, как наши, а неприятных змееподобных деревьев. Они имели высокие тонкие стволы, а кроны их состояли из множества ветвей с маленькими листьями, похожими на наконечники стрел. Деревья были красными. Кое-где виднелись пятна сверкающей желтизны, и я знал, что это вода, ибо видел, как расступалась ее поверхность — по крайней мере, замечал волнение,— но никогда не видел, чем это вызывалось.

Прямо подо мной находился город, и я смотрел на целые мили тесно лежащих цилиндров. Они лежали на боку, образуя пирамиды из трех, пяти, десяти, помещенных один над другим. Трудно описать этот город. Допустим, у вас есть водопроводные трубы определенной длины, и сначала мы укладываем друг подле друга три, на них две, а еще выше одну. Или же берем для основания пять, на них четыре, три, и так далее. Понимаете? Так они выглядели. Но на самом верху виднелись башни, минареты, вздутия и прочие ужасы, поблескивающие, словно их покрыли огнем. Рядом вздымались ядовито-красные деревья, похожие на головы гидры, охраняющей гигантские гнезда покрытых драгоценностями спящих червяков!

В нескольких футах подо мной лестница образовывала титаническую арку, такую же неземную, как арка, соединяющая Ад или ведущая в Асгард. Арка эта изгибалась и спускалась вниз прямо через вершину самой крупной пирамиды цилиндров и исчезала в них. Она была ужасна...

Человек прервал рассказ. Он весь дрожал, а руки и ноги вновь начали свои чудовищные ползущие движения. Из уст вырвался шепот, бывший эхом журчания в воздухе, которое мы слышали в ночь его прихода. Я положил руку ему на глаза, и он успокоился.

— Проклятые создания! — сказал он.— Племя из Бездны! Я шептал? Да... но теперь они не могут меня достать, не могут!

Через некоторое время он продолжал рассказ таким же спокойным голосом, как и прежде.

— Я прошел по арке и через верх того... здания. Голубая темнота на мгновение окружила меня, и я почувствовал, что лестница закручивается спиралью. Повернув вниз, я оказался в... даже не могу сказать в чем и буду называть это комнатой. У нас в языке нет слов для описания того, что находится в расщелине. Футах в ста подо мной находился пол, стены спускались вниз от места, где я стоял, рядом расширяющихся полумесяцев. Помещение было огромно... и заполнено странным пятнистым блеском — словно свет внутри зеленого и золотистого огненного опала. Я спустился на низший уровень. Далеко передо мной вздымался высокий, окруженный колоннами алтарь. Его столбы украшали чудовищные переплетения, словно безумные осьминоги с тысячами пьяных щупалец лежали на плечах бесформенных чудовищ, высеченных из пурпурного камня. Переднюю часть алтаря занимала гигантская пурпурная плита, покрытая барельефами.

Я не могу описать эти барельефы! Ни один человек не смог бы этого сделать, человеческий глаз не может их понять, как не может постигнуть фигуры, населяющие четвертое измерение. Только какие-то обостренные чувства, укрытые в глубинах мозга, туманно ощущали все это. Это были бесформенные предметы, не дающие никакого определенного образа и все-таки проникающие в мозг подобно небольшим горячим оттискам: ощущение ненависти... схваток между невообразимо ужасными существами... побед в туманном аду безумных джунглей... бесконечно омерзительные стремления и идеалы.

Стоя так, я вдруг понял, что что-то находится за пределами алтаря, футах в пятидесяти надо мной. Я знал, что оно там находится... чувствовал это каждым волосом и каждой клеткой кожи. Что-то бесконечно злобное, страшное и древнее. Оно ждало, что-то замышляло, угрожало и было... невидимо!

За мной находился круг голубого света, и я побежал к нему. Что-то подталкивало меня вернуться, подняться по лестнице и бежать, но это было невозможно. Отвращение к этому Нечто тащило меня вперед, словно сильное течение реки. Я прошел сквозь круг и оказался снаружи, на улице, тянущейся в туманную даль между рядами выдолбленных цилиндров.

Кое-где стояли деревья, а между ними находились каменные норы. Только теперь я разглядел удивительные украшения, которые были на них выдолблены. Выглядело это так, словно покрытые гладкой корой деревья свалились и поросли высокими болезненными орхидеями. Таковы были эти цилиндры; по-моему, они долж-

ны были исчезнуть вместе с динозаврами. Они являлись настоящим ударом для смотрящего на них глаза и резали нервы, как бритва. Нигде не было видно признаков живых существ.

В цилиндрах находились круглые отверстия, подобные кругу в Святыне Лестницы. Я прошел в одно из них и оказался в длинном пустом сводчатом помещении, стены которого смыкались над моей головой на высоте двадцати футов, оставляя широкую щель, открывающуюся в следующую сводчатую комнату. В помещении не было абсолютно ничего, кроме пятнистого красного света, который я уже видел в святыне. Я вдруг споткнулся. По-прежнему ничего не было видно, но на полу что-то находилось. Вытянув руку, я коснулся чего-то движущегося, холодного и гладкого; повернувшись, я выбежал из этого места — меня переполняло отвращение, близкое к безумию. Заламывая руки и плача от ужаса, я продолжал бежать вперед.

Когда я пришел в себя, то все еще находился среди каменных цилиндров и красных деревьев, пытаясь найти дорогу, по которой бежал, найти Святыню. Сказать, что я боялся, значит, ничего не сказать. Я чувствовал себя, как внезапно освобожденная душа, охваченная паникой при виде первых ужасов ада. Я не мог найти Святыни! Постепенно туман начал густеть, а цилиндры засветились ярче. Я знал, что там, наверху, темнеет, и чувствовал, что вместе с этим приходит время страха, что сгущение тумана является сигналом для пробуждения того, что живет в расщелине.

Взобравшись по бокам одной из нор, я спрятался за изогнутым кошмарным камнем, думая, что смогу остаться в укрытии до минуты, когда голубизна станет менее интенсивной, а опасность минует. Вокруг меня усиливался шорох. Он был повсюду и становился громче, пока не превратился в громкий шопот. Украдкой глянул я вниз, на улицу, и заметил движущиеся огни — все больше огней. Они выплывали из узких входов и заполняли улицу. Самые верхние находились футах в восьми над землей, нижние, может, в двух. Они спешили, прохаживались медленным шагом, кланялись, останавливались и шептались — а под ними не было ничего!

— Ничего! — прошептал Андерсон.

— Совершенно ничего,— продолжал человек.— Это было самое худшее: под огнями не было ничего. И все же огни эти, наверняка, были живыми существами. Они обладали сознанием, волей, думали... я не знал, что еще. Самые крупные были шириной в два фута, а в центре имели светлое ядро — красное, голубое, зеленое. Ядро это постепенно расплывалось в туманный полусвет, который, казалось, превращался в ничто, но под этим ничто находилось что-то конкретное. Я напрягал глаза, пытаясь рассмотреть это тело, в которое сливались огни и присутствие которого можно было только чувствовать, но не видеть.

Внезапно я замер. Что-то холодное, тонкое, как плеть, коснулось моего лица. Я повернулся — за мной находились три таких огня, бледно-голубого цвета. Они смотрели на меня, если можно представить огни, которые являются глазами. Другая плеть схватила меня за руку, и под ближайшим огнем прозвучал пронзительный шепот. Я испуганно вскрикнул, и тут же шепот на улице стих. С трудом отведя взгляд от бледно-голубого шара, я выглянул: огни на улице тысячами поднимались к уровню, на котором я находился! Остановившись на моей высоте, они разглядывали меня, толпились и толкались, словно толпа зевак на Бродвее. Я почувствовал прикосновение десятка плетей...

Когда я пришел в себя, то вновь находился в Городе Лестницы — лежал у подножия алтаря. Вокруг было тихо, никаких огней, только красный свет. Вскочив на ноги, я бросился к лестнице, но что-то швырнуло меня на колени. Тогда я и увидел, что вокруг пояса мне надели желтый металлический обруч, с которого свисала цепь, уходившая вверх, за край выступа. Я был прикован к алтарю!

Я сунул руку в карман за ножом — его не было! У меня забрали все, кроме одной фляги, висевшей на шее и, вероятно, признанной частью моего тела. Я попытался сломать обруч. Казалось, он был живым, извивался в моих руках и все сильнее сжимался вокруг меня. Я потянул за цепь — она была закреплена намертво. Потом до моего сознания дошло присутствие того невидимого Нечто над алтарем, и, рухнув у подножия алтаря, я заплакал. Подумайте только — один в таком месте при странном свете, а надо мной висит древний страх — что-то ужасное.

Через некоторое время я взял себя в руки и тогда увидел стоящую возле одного из столбов желтую миску, наполненную густой белой жидкостью. Я выпил ее. Меня не волновало, убьет меня этот напиток или нет, однако вкус оказался приятным, и по мере того, как я пил, силы быстро возвращались ко мне. Вероятно, меня не собирались морить голодом. Огни, чем бы они ни были, знали, что нужно человеку.

Красноватый свет постепенно усиливался, снаружи нарастал ропот, а сквозь отверстие входа появлялись шары. Они выстраивались шеренгами, пока не заполнили всю Святыню. Шепот их перешел в пение, ритмичное, монотонное пение, поднимающееся и опускающееся, а шары поднимались и опускались вместе с ритмом.

Огни появлялись и исчезали всю ночь, и всю ночь слышно было пение, вторящее их подъемам и спускам. Наконец я почувствовал себя лишь атомом мироздания в море ритмичного шепота, атомом, поднимающимся и опадающим вместе с шарами. Говорю вам, даже сердце мое билось в этом ритме! Красный полусвет побледнел, огни один за другим уходили, шепот стих. Я снова был один и знал, что в моем мире наступил день.

Я заснул, а когда проснулся, нашел у столба белый напиток. Внимательно осмотрев цепь, крепившую меня к алтарю, я принялся тереть друг о друга два звена и делал этого много часов подряд. Когда краснота начала густеть, в звеньях была вытерта канавка. Я воспрянул духом: появилась надежда на побег.

Вместе со сгущением красноты появились огни. Всю ночь продолжалось шепчущее пение, а шары поднимались и опадали. Пение захватило меня, пульсировало во мне, и каждый нерв и мускул пульсировал в его ритме. Губы мои начали дрожать, как у человека, который пытается крикнуть, когда ему приснился кошмар. В конце концов они тоже стали шептать мелодию Племени из Бездны. Тело мое кланялось вместе с огнями, в движениях и звуках я слился с неназванными вещами, пока душа моя страдала от ужаса и бессилия. Шепча так, я увидел их!

— Увидел огни? — глупо спросил я.

— Увидел то Нечто под огнями,— ответил он.— Большие, прозрачные, улиткообразные тела, с десятком отростков, торчащих наружу вокруг раскрытых губ под светящимися, видящими шарами. Они напоминали духов чудовищных улиток! И были прозрачны. Пока я смотрел на них, по-прежнему кланяясь и шепча, рассвело, они направились к выходу и стали покидать Святыню. Они не ползли и не шли, а просто поднялись! Поднялись и покинули помещение!

Весь день я снова работал над цепью, и, когда краснота сгустилась, перетер уже одну шестую ее толщины. Целую ночь я шептал и кланялся вместе с Племенем из Бездны, монотонно распевая в честь того Нечто, которое висело надо мной!

Еще дважды краснота сгущалась, и меня захватывало монотонное пение — а на пятое утро я перетер звенья цепи. Свобода! Напившись из миски белой жидкости, я перелил остатки во флягу и побежал к Лестнице. Миновав невидимый Ужас за выступом алтаря, я оказался на Мосту и помчался через Арку и вверх по Лестнице.

Можете ли вы представить, что такое подниматься вверх, за пределы расщепленного света, оставляя позади ад? Меня подгонял ужас. Когда я понял, что больше не могу подниматься, город давно исчез в голубом тумане. Сердце мое стучало, как молот, и я упал в одной из небольших пещер, чувствуя, что найду здесь убежище. Я заполз в нее поглубже и стал ждать, когда туман сгустится. Это произошло почти сразу же. Снизу донесся могучий гневный ропот, потом я увидел у входа в пещеру свет, поднимающийся сквозь туман, а по мере того, как он рассеивался, разглядел тысячи шаров, являющихся глазами Племени из Бездны, опускающихся вниз в расщелину. Огонь пульсировал много раз, и шары опускались. Шла охота на меня. Шепот стал громче, настойчивее.

Я чувствовал нарастающее желание присоединиться к этому шепоту, как делал в Святыне, и потому все сильнее кусал себе губы,

чтобы успокоиться. Всю ночь сноп света поднимался вверх по расщелине, шары перемещались, а вокруг раздавался шепот. Только теперь я понял цель создания пещер и скульптурных фигур, охранявших их. Однако, что за народ их создал? Почему он построил свой город вокруг провала и зачем сделал в расщелине Лестницу? Кем он был для Существ, живущих внизу, и каким образом Существа эти были ему настолько полезны, что он решил жить рядом с ними? Наверняка, имелась какая-то причина, иначе Лестница не была бы сделана. Но что за причина? И почему получилось так, что жившие над Бездной вымерли за прошедшие века, а ее обитатели живы до сих пор? Я не мог найти ответа, как не нахожу его и сейчас. У меня нет никакой теории на эту тему.

Пока я так размышлял, вместе с рассветом пришла тишина. Я выпил то, что осталось во фляге, выполз из пещеры и вновь начал подъем. В тот день ноги отказали мне, поэтому я разорвал рубашку и сделал из нее подкладки под колени и предохранители для рук. Потом полз дальше — все выше и выше. Вечером я снова забрался в одну из пещер и подождал, пока голубизна сгустится, поднимется сноп света и раздастся шепот.

Однако, в нем было что-то новое. На этот раз он не грозил, а звал и соблазнял. Меня охватил ужас. Я испытывал огромное желание позволить им сделать со мной все, что угодно, отнести, куда они захотят. И желание это нарастало. С каждым новым подъемом снопа света оно усиливалось, так что под конец я дрожал от желания сдаться, как дрожал во время пения в Святыне. Тело мое превратилось в некое подобие маятника. Сноп света поднимался вверх, и я тянулся к нему. Только душа была спокойна и крепко держала меня в глубине пещеры. Всю ту ночь она боролась с моим телом, противостоя чарам Племени из Бездны.

Когда рассвело, я вновь выполз из пещеры и остановился перед Лестницей. Встать я не мог. Израненные руки кровоточили, колени чудовищно болели. И все же я заставил себя подниматься ступень за ступенью... Через некоторое время руки потеряли чувствительность, боль в коленях утихла. Они умерли. Ступень за ступенью я силой воли тащил свое тело наверх.

Потом был кошмар подъема по бесконечному числу ступеней, воспоминание тупого ужаса, пока я прятался в пещерах, а свет снаружи пульсировал, и шепот звал меня... воспоминания того раза, когда я проснулся и заметил, что тело послушалось вызова и уже почти вывело меня на охранников пещеры, тогда как тысячи поблескивающих шаров собрались в голубом тумане, разглядывая меня. Короткое воспоминание борьбы со сном и опять подъем наверх, все выше и выше, вдоль бесконечно длинной лестницы, ведущей от Гибели к Раю голубого неба и открытого мира!

Потом, наконец, осознание открытого неба и края расщелины

передо мной, воспоминание портала расщелины и постоянного удаления от нее... сны о народе гигантов со странными островерхими коронами на головах и закрытыми лицами, толкающие меня вперед, и задерживающие огни шаров, пытавшихся утащить меня обратно в глубины, где планеты проплывали между ветвями красных деревьев, вместо крон у которых были змеи...

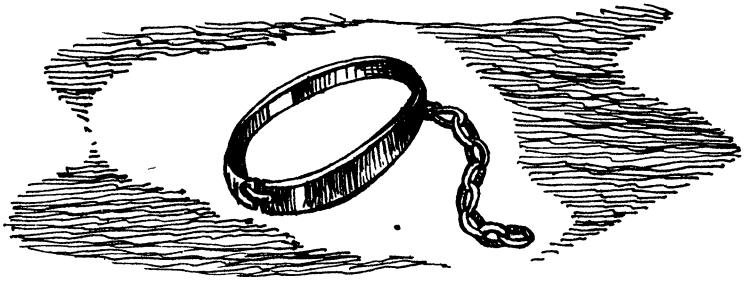
Потом очень долгий сон — один Бог знает, насколько долгий — в расщелине между скалами, пробуждение только для того, чтобы увидеть далеко на севере по-прежнему бьющий вверх сноп света, охотящиеся на меня шары и зовущий шепот, звучащий высоко надо мной.

Вновь ползание на мертвых руках и ногах, которые двигались помимо моей воли, как корабль Старого Моряка, унося меня от этого проклятого места. Потом ваш костер и — безопасность!

Человек улыбнулся нам и забылся сном.

В тот же день мы свернули лагерь и, неся его, двинулись обратно на юг. Мы несли его три дня. Он все время спал, а на третий день, по-прежнему во сне, умер. Тогда мы собрали кучу дров и сожгли его тело, как он сам того хотел. Прах его мы развеяли по всему лесу вместе с пеплом, оставшимся от сгоревших деревьев, поглотивших его тело. Велика должна быть мощь чар, чтобы они смогли собрать этот прах и притянуть его одним облаком к пропасти, которую он назвал Проклятой. Не думаю, чтобы даже Племя из Бездны владело ими. Пожалуй, все-таки нет.

Однако, мы не вернулись к пяти вершинам, чтобы убедиться в этом лично.



Д. Лондон

МАМОНТ ТОМАСА СТИВЕНСА

Первым долгом умываю руки по отношению к этому человеку. Я — не автор его россказней и не беру на себя ответственности за них. Заметьте, что я делаю эти оговорки ради поддержания моей собственной репутации. У меня есть некоторое общественное положение, есть семья; ради доброго имени общины, которая оказывает мне честь своим уважением, и ради моих детей я не могу рисковать, как позволял себе раньше, и подвергаться неожиданностям с беспечностью непредусмотрительной юности. Итак, повторяю: я умываю руки по отношению к нему, к этому нимвроду *, этому могучему охотнику, голубоглазому веснушчатому простаку Томасу Стивенсу.

---

* Нимврод — имя основателя древневавилонского царства, страстного зверобоя. Отсюда — прозвище охотников вообще.

Исполнив этот долг перед самим собой и во имя семейного мира, сохранение которого всегда так приятно моей жене, я могу теперь проявить и великодушие.

Я не стану критиковать рассказы, слышанные мною от Томаса Стивенса, и даже воздержусь от выражения какого-либо мнения о них. Если спросят, почему — могу прибавить, что мнения у меня никакого нет.

Я долго думал, взвешивал, сопоставлял, но каждый раз приходил к новому заключению, потому что, увы, Томас Стивенс — личность более крупная нежели я. Если он говорил правду — очень хорошо, если неправду — тоже хорошо. Ибо — кто может доказать, или кто опровергнет?

Я устраняю себя от всякого суждения, а люди маловерные могут сделать то, что сделал я: отыскать самого Томаса Стивенса и лично выразить ему свои сомнения касательно разных фактов, о которых я намерен повествовать с его слов.

А где можно его найти?

Адрес его очень прост: где-нибудь между 53° северной широты и полюсом, с одной сторон, а с другой — в любом удобном для охоты месте между восточным берегом Сибири и крайними пределами Лабрадора (Сев. Америка). Что он окажется где-нибудь тут, на этой точно определенной территории,— ручаюсь словом честного человека, карьера которого требует чистосердечия и неуклонного следования по прямому пути.

Томас Стивенс, может быть, и чудовищно искажал истину, но мы увиделись впервые (и это надо хорошенько заметить), когда он забрел ко мне на стоянку, где я считал себя на тысячу миль за пределами всякой культуры.

Увидев его лицо, первое человеческое лицо за несколько томительных месяцев, я готов был броситься к нему навстречу и задушить его в объятиях (между тем, я далеко не экспансивный человек). Стивенсу свидание со мной как будто казалось самым обычным делом на свете. Он просто зашел на огонек, поздоровался так, как принято между людьми на прохожих дорогах, отпихнул мои лыжи в одну сторону, пару собак — в другую и таким образом очистил себе место у костра.

Стивенс сказал, что зашел занять щепотку соли и взглянуть, нет ли у меня приличного табаку. Он вытащил старую трубку, набил ее весьма тщательно и тут же без спроса отсыпал половину моего табаку в свой кисет.

— Да, эта травка недурна.— Он блаженно вздохнул и с таким удовольствием начал поглощать дым от трещавших желтых волокон, что мне, старому курильщику, стало весело смотреть на него.

Охотник? Зверолов? Золотоискатель? Стивенс на мои наводящие вопросы отрицательно пожал плечами: нет, просто вышел побро-

дить. Недавно пришел с Большого Невольничьего * и подумывает перебраться в область Юкона. От фактора в Кошиме он слышал об открытиях на Клондайке, и ему пришло в голову сходить туда взглянуть.

Я заметил, что он называет Клондайк на старинный лад — «Оленьей Рекой», как делают старожилы, желающие поважничать перед индейцами и новичками-белокожими. Впрочем, тон его был так наивен и прост, что выходило вовсе не обидно, и я простил ему. Стивенс, прибавил, что имеет в виду, прежде чем перевалить на Юкон, пробежаться к форту Доброй Надежды.

А форт Доброй Надежды ведь находится на крайнем севере, далеко за полярным кругом, в таком месте, куда редко ступала нога человека. И когда из ночного мрака неведомо откуда является к моему костру неопределенного вида бродяга и об этаких концах говорит — «сходить» да «пробежаться», то думаешь, что пора бы проснуться и стряхнуть с себя грезы. Поэтому я посмотрел вокруг: я увидел нарты, а рядом — сосновые ветки, накиданные для ночлега, увидел мешки с провизией, чайник, пар от собачьего дыхания, освещенный костром, а надо всем — громадную дугу северного сияния, перекинутую через зенит с юго-востока на северо-запад.

Меня прохватила дрожь. Есть волшебство в полярной ночи, которое проникает в вас, как лихорадка с малярийных болот. Вы захвачены и порабощены, прежде чем успеете это заметить.

Потом я взглянул на лыжи, лежавшие крест-накрест там, куда он отбросил их. Я сунул нос и в свой кисет: из него исчезла по крайней мере половина запаса. Это решило вопрос. Нет, я не был жертвой своей фантазии.

Пристально посмотрев на этого человека, я подумал, что он — один из тех одичавших бродяг, которые оторваны от близких и родных, заброшены вдаль и, обезумев от давних страданий, странствуют по неведомым краям и беспредельным пустыням. Ну что же; не надо ему противоречить, пока, пожалуй, в голове у него не станет ясней. Кто знает, не довольно ли одного звука человеческого голоса, чтобы привести его в себя.

Поэтому я вовлек Стивенса в беседу и скоро начал удивляться, так как он стал толковать о дичи и ее повадках.

Он бивал и сибирского волка на крайнем западе Аляски, и дикую козу в тайниках Скалистых гор. Он утверждал, что знает места, где еще бродят последние буйволы, что видел канадских оленей, когда эти животные бежали стадами в сотни тысяч голов, и что он спал в Великой Пустыне на зимнем следу мускусного быка.

Тут я изменил свое мнение о нем (то была первая перемена, но никак не последняя), и счел его за образец правдивости.

---

* Название прииска в южной части Аляски.

Как это вышло, я и сам не знаю, только что-то толкнуло меня повторить ему рассказ, слышанный мной от человека, который прожил в тех местах достаточно, чтобы не болтать пустяков.

Дело шло о большом медведе, который будто бы держится на крутых скатах гор, никогда не спускаясь на более отлогие склоны. Природа как будто приспособила этого зверя так, что его ноги с одной стороны на целый фут длиннее, чем с другой. Всякий согласится, что это очень удобно.

Я в первом лице, в настоящем времени и от своего имени повествовал о том, как я охотился на этого редкого зверя, живо набросал подходящую обстановку, не забыв подробностей ради правдоподобия, и думал поразить слушателя своим рассказом.

Ничуть не бывало. Вырази он сомнение, я мог бы простить ему. Начни он возражать, отрицать опасность такой охоты, вследствие невозможности для зверя повернуться и пойти в обратную сторону,— поступи он так, признаюсь, я мог бы пожать ему руку, как истинному охотнику, каким он и был.

Но нет!

Он фыркнул, посмотрел на меня и опять фыркнул; потом воздал должное моему табаку, положил свою ногу ко мне на колено и велел мне осмотреть на ней обувь. То был «муклук» алеутского образца, сшитый сухожилиями,— без всякой меховой отделки или бус. В нем замечательна была сама кожа. Толщиной своей, превышающей полдюйма, она напомнила мне кожу моржа; но на этом сходство кончалось, так как ни у одного моржа не бывало такой роскошной растительности. Близ подошвы и на лодыжках эти волосы были почти стерты кустарниками и снегом; но на подъеме и более защищенном заднике они были грубы, грязно-черного цвета и очень густы. Я с трудом раздвинул эту шерсть, отыскивая под ней мягкий подшерсток, свойственный всем северным животным; в данном случае он отсутствовал. Впрочем, это возмещалось длиною шерсти; в сохранившихся пучках волос она достигала семи, даже восьми дюймов.

Я поднял взгляд на собеседника, а он снял свою ногу и спросил:

— Такая ли шкура оказалась на вашем медведе?

Я покачал головой.

— Ни у одного зверя ни на море, ни на суше я не видывал такой шкуры,— ответил я чистосердечно.

Толщина кожи и длина шерсти приводили меня в недоумение.

— Она снята,— сказал он, и притом весьма равнодушно,— с мамонта.

— Вздор! — воскликнул я, не будучи в состоянии удержаться от выражения недоверия.— Мамонты, дорогой мой, давно исчезли с лица Земли. Мы знаем об их существовании по ископаемым останкам и по замерзшей туше, которую сибирскому солнцу заблагорас-

судилось открыть, растопив находившийся на ней лед, но хорошо известно, что ни одного живого экземпляра нет на свете. Наши исследователи...

На этом слове он перебил меня с нетерпением:

— Ваши исследователи! Эти... Слабоваты они. Не будем говорить о них. Но скажите мне, что вы сами знаете о мамонте и его повадках?

Без сомнения, это было приступом к рассказу. Чтобы выманить его, я вызвал в памяти все сведения, какие имел по данному предмету. С самого начала я подчеркнул тот факт, что мамонт — животное доисторическое, и вся остальная часть моей речи была направлена к подтверждению этого. Я упомянул о сибирских песчаных отмелях, богатых древними костями мамонта, сообщил о громадных количествах ископаемой мамонтовой кости, покупаемых Аляскинской Торговой Компанией у иннуитов, прибавил, что я сам отрывал из золотоносного гравия в бухтах Клондайка мамонтовые бивни по шести и восьми футов.

— Все ископаемые — окаменелости,— сказал я в заключение,— пролежавшие бесчисленные века среди геологических наслоений.

— Помню, что еще мальчишкой,— тут Томас Стивенс фыркнул (у него была нестерпимая манера фыркать),— я видел окаменелый арбуз, поэтому спросим: хотя заблуждающиеся люди иногда обманывают себя, воображая будто выращивают и едят арбузы, есть ли в наш век такие плоды, как арбузы?

— Возникает вопрос о корме мамонта,— продолжал я свое, игнорируя эту колкость, как пустяк, недостойный внимания.— Почва должна производить растительность в изобилии, чтобы прокормить столь чудовищных животных. Нигде на севере теперь нет такой плодоносной земли. Следовательно, мамонту здесь нельзя существовать.

— Прощаю ваше незнание очень многого, бывающего здесь, на севере, потому что вы еще молоды и мало странствовали. Тем не менее, я согласен с вами в одном: мамонтов теперь нет. Почему я знаю? Я убил последнего собственной рукой.

Так сказал нимврод, великий ловец. Я бросил хворостиной в собак, приказав им прекратить свой жуткий вой, и умолк в ожидании. Было несомненно, что этот на редкость удачливый враль раскроет уста и отплатит мне за моего горного медведя.

— Вот как это вышло,— начал, наконец, он, выдержав приличную паузу.— Раз как-то сделал я привал...

— Где? — перебил я.

Он неопределенно махнул рукой по направлению к северо-востоку, где расстилалась обширная terra incognita *, куда отважилось

* Terra incognita — неизвестная земля *(лат.)*

проникнуть очень мало людей и откуда еще меньше вернулось.

— Так вот, я был на привале вместе с Клучью. Клучь была самая хорошенькая лайка из всех, бегущих по следу или сующих носы в котлы на привалах. Ее отец был чистокровный русский пес из-за Берингова моря, которого я с большим знанием скрестил с легконогой сукой гудсонбайской породы. Скажу вам по совести, что помесь получилась превосходная. И вот, как раз в тот день, который я имею в виду, ей предстояло ощениться от настоящего лесного дикого волка, серого, длинноногого, с глубокими легкими и беспредельной выносливостью. Каково! Кто может похвалиться чем-нибудь подобным? Я положил начало новой породе собак и мог ожидать великих событий.

Как я уже сказал, ей предстояло ощениться, и это произошло благополучно. Я присел на корточки над приплодом, над семью маленькими слепыми крепышами,— как вдруг сзади меня раздался трубный звук и какой-то сильный грохот. Пронесся порыв ветра, подобный тому, какой бывает после дождя, и только я собрался встать, как что-то меня свалило с ног и ткнуло носом в землю. В ту же минуту я услышал, что Клучь крякнула совсем как человек, если ему угодить кулаком в живот. Будьте уверены, что я лежал смирно; но, повернув голову, я увидел громадную глыбу, качавшуюся надо мной. Потом в глаза мне блеснуло синее небо. Я встал на ноги. Волосатая гора мяса как раз исчезла в поросли, окаймлявшей поляну. Я успел увидеть только зад животного с торчавшим хвостом. В следующее мгновение в поросли оставалась только громадная дыра, а до ушей моих доносился как бы рев стихающего смерча вместе с треском и грохотом сокрушаемых деревьев. Я было схватился за винтовку. Она лежала на земле, дулом на чурбане; но приклад оказался в щепах, ствол изогнутым, а замок исковерканным. Я захотел взглянуть на собаку и... ну, что бы вы думали?

Я покачал головой.

— Пусть моя душа горит в тысяче адских огней, если от нее хоть что-нибудь осталось. Не оказалось ни Клучи, ни семи маленьких крепышей. На том месте, где она лежала, осталось только скользкое кровавое углубление мягкой земли, диаметром этак с метр, а по краям его — несколько волосков.

Я отметил три фута на снегу, описал окружность и взглянул на Стивенса.

— Зверь был тридцать футов в длину, а высотой — в двадцать,— ответил он.— В одних бивнях было более шести футов. Я сам едва верил глазам, хотя все это только что произошло. Но если меня обманули глаза и уши, то откуда сломанное ружье и дыра в поросли? И куда же делась Клучь со щенятами?.. Меня даже и сейчас в жар бросает при одной мысли о них. Клучь! Красавица! Мать нового племени! И какой-то бессмысленный праздношатающийся бык-мамонт

стер ее с лица Земли со всем потомством, точно потоп. Удивительно ли, что напоенная кровью земля вопияла о мщении. Я схватил топор и кинулся по следу.

— Топор! — воскликнул я, крайне пораженный вызванной передо мной картиной.— С топором на громадного самца-мамонта в девять метров длиной и...

Стивенс присоединился к моему смеху, весело захихикав.

— Ведь это — помереть в пору! — крикнул он.— Не раз потом я сам хохотал над этим, но в ту пору было не до смеха; я разум потерял от злости из-за ружья и Клучи. Да вы и сами подумайте, почтенный. Самоновейшая, никуда еще не внесенная, патентованная порода истреблена, прежде чем щенята успели открыть глаза! Ну, да так и быть. Жизнь полна разочарований, и не даром: еда вкусна после голодовки, а постель мягка после трудного пути.

Как я уже сказал, схватив топор, я кинулся за зверем и побежал вслед за ним по долине; но когда он повернул кругом, опять к устью долины, я был еще на другом конце. По вопросу о корме я должен тут вам разъяснить кое-что. Там, в горах, в самой середине, есть прекурьезная формация. И не счесть, сколько там маленьких долин, похожих одна на другую, как пара горошин, и каждая аккуратно загорожена отвесными скалистыми стенами, поднимающимися со всех сторон. На нижнем конце каждой такой долинки существует узкий проход, пробитый водой или ледниками. Другого хода нет, как только через эти устья, да и те — одно у́же другого. Вот насчет корма — то... Ведь вам случалось как путешественнику бывать на залитых дождями островах вдоль Аляскинского берега, туда, к Ситне... Вы знаете, как там растет всякое добро — высоко, сочно, густо. Вот точно так же и в этих долинах: жирная плодоносная почва, а на ней папоротники, травы и всякая штука выше головы. Летом три дня из четырех идет дождь, и корма тут хватит на тысячу мамонтов, не говоря уже о мелкой дичи.

Но вернемся назад. На нижнем конце долины я запыхался и отстал. Я начал раздумывать, потому что по мере того как я выбивался из сил, мой гнев разгорался все больше и больше, и я знал, что не успокоюсь, пока не пообедаю жареной ногой мамонта. Я понимал также, что битва будет нешуточная. Но вход в долину был очень узок, а стены ее очень круты. С одной стороны высоко на скале торчала готовая к обвалу громадная глыба весом в несколько сот тонн. Как раз мне на руку. Все время наблюдая, чтобы зверь не проскользнул мимо, я вернулся к себе на привал и захватил оттуда амуницию. Без ружья она немногого стоила. Я открыл патроны, насыпал пороху под скалу и зажег пороховой шнур. Заряд был невелик, но мой камешек лениво покачнулся и свалился как раз куда следовало, оставив только щелку для прохода ручья. Теперь дело было в шляпе.

— Да каким же образом? — спросил я.— Где же слыхано, чтобы мамонтов убивали топорами? Да, по правде сказать, и вообще чем бы то ни было.

— Ох, да разве я не сказал вам, что я совсем обезумел,— возразил Стивенс не без раздражения.— Меня совсем свела с ума беда с Клучью и с ружьем. Да кроме того, разве я не охотник, разве передо мной не была новая и весьма редкая дичь? Топор?! Да он мне совсем и не потребовался. Слушайте, и вы услышите о такой охоте, какая могла происходить во времена юности нашей Земли, когда пещерные люди дрались каменными топориками. Для меня и такого было бы достаточно. Ну разве не правда, что человек может обойти собаку и лошадь, что он может извести их своим умом и выносливостью?

Я кивнул.

— Ну?

Я начинал понимать и попросил его продолжать рассказ.

— Моя долина имела около пяти миль в окружности. Устье было завалено. Выхода не оказывалось. Этот мамонт был трусливый зверь и очутился в моей власти. Я опять погнался за ним, выл точно дьявол, кидал в него камешками и прогнал его вокруг долины три раза, прежде чем бросил ради ужина. Понимаете? Бег взапуски, состязание между человеком и мамонтом. Точно в цирке, причем солнце, месяц и звезды могли бы быть зрителями и судьями.

Два месяца потребовалось мне для этого дела, и я его сделал. Я гонял его кругом да кругом, сам держась внутренней стороны круга, питаясь на бегу сушеным мясом и ягодами и урывками пользуясь сном. Разумеется, бывало он приходил в отчаяние и поворачивал на меня. Тогда я убегал на мягкий грунт, где разливался ручей, и оттуда выкрикивал проклятия ему и его предкам, предлагая ему подойти поближе. Но он был слишком умен, чтобы увязнуть в грязи. Раз он даже припер меня к отвесной скале, и я залег в глубокую трещину и стал выжидать. Каждый раз, как он пытался нащупать меня своим хоботом, я колотил по хоботу топором, пока он не вытаскивал его обратно с таким ревом, что у меня чуть не лопались барабанные перепонки. Ах, как он бесился. Он понимал, что поймал меня, а достать-то не мог. Вот и выходил из себя. Только он не давал себя дурачить. Он знал, что будет в безопасности, пока я в расщелине, и решил не выпускать меня оттуда.И он был чертовски прав, только вот он упустил из виду значение фуража. Корма и воды поблизости не было, значит, и нельзя было держать меня в осаде.

Целые часы простаивал мамонт перед расщелиной, не сводя с меня глаз и хлопая своими громадными, точно одеяла, ушами, чтобы сгонять москитов. Наконец, его стала одолевать жажда; тогда он начинал топтаться и реветь, так что земля дрожала: это он всячески ругал меня по-своему,— разумеется, с целью напугать. Затем,

считая произведенное впечатление достаточным, он тихонечко пятился и старался незаметно улизнуть к ручью. Бывало, что я подпускал его почти вплотную к воде,— до ручья оставалось лишь несколько сот ярдов,— и сейчас же выскакивал. Тогда он бежал назад, колыхаясь, точно громадная глыба. Когда я проделал это несколько раз, он понял мою хитрость и переменил тактику. Начал стараться выиграть время, понимаете? Без малейшего предупреждения кидался прочь и летел к воде во весь дух, рассчитывая поспеть туда и обратно, прежде чем я убегу. В конце концов, осыпав меня страшными проклятиями, он снял осаду и неторопливо направился к водопою.

Вот только раз зверь и осадил меня,— на это пошло три дня,— а затем наша гонка продолжалась безостановочно. Все кругом да кругом, как заведенные часы... Платье стало с меня клочьями валиться, но я не останавливался для починки, так что наконец остался совсем без одежды и бежал в чем мать родила со старым топориком в одной руке и булыжником в другой. Я останавливался только для сна, урывками, где-нибудь на выступе скалы. Что же касается мамонта, то он заметно худел,— должно быть, потерял в весе не менее нескольких тонн,— и сильно нервничал. Когда я подступал к нему с криком или кидал в него обломком скалы, он подпрыгивал, как жеребенок, и начинал дрожать с головы до ног, а потом бросался бежать, вытянув хвост и хобот, озирался через плечо, злобно сверкал глазами и ругал меня так, что просто ужас. Безнравственная это была скотина — убийца и ругатель.

Но наконец мой мамонт все это бросил и принялся хныкать и вопить, словно младенец. Он совсем упал духом, превратившись в какую-то дрожащую гору страдания. Он стал мучиться припадками сердцебиения, шататься, как пьяный, падать и обдирать себе бока. И потом стал неумолимо плакать, и все на бегу. Я же только ускорял бег. Наконец, я замучил зверюгу совершенно, и он лег на землю, задыхаясь, голодный и изнемогая от жажды. Когда я увидел, что он не двигается, я надрезал ему подколенные жилы и почти целый день врубался в него топором, слушая его хрипение и всхлипывание, пока он не умолк.

Длиной он оказался девяти метров, а высотой — шести; между клыками можно было подвесить гамак и выспаться всласть. Хотя, гоняя, я выпустил из него все соки, но для еды в нем осталось еще достаточно; одних только четырех ног могло хватить на жаркое в течение целого года. Я сам провел там всю зиму.

— А где же эта долина? — спросил я.

Стивенс махнул рукой по направлению к северо-востоку и сказал:

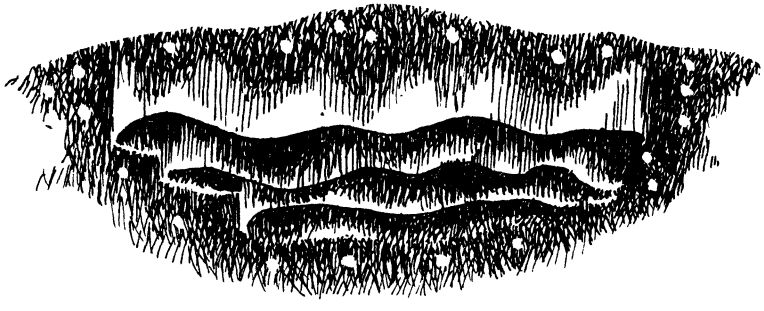
— Ваш табак очень хорош. Я ношу добрую половину его в своем кисете, но с воспоминанием о нем не расстанусь до смерти. В знак признательности и в обмен на мокасины, которые у вас на ногах,

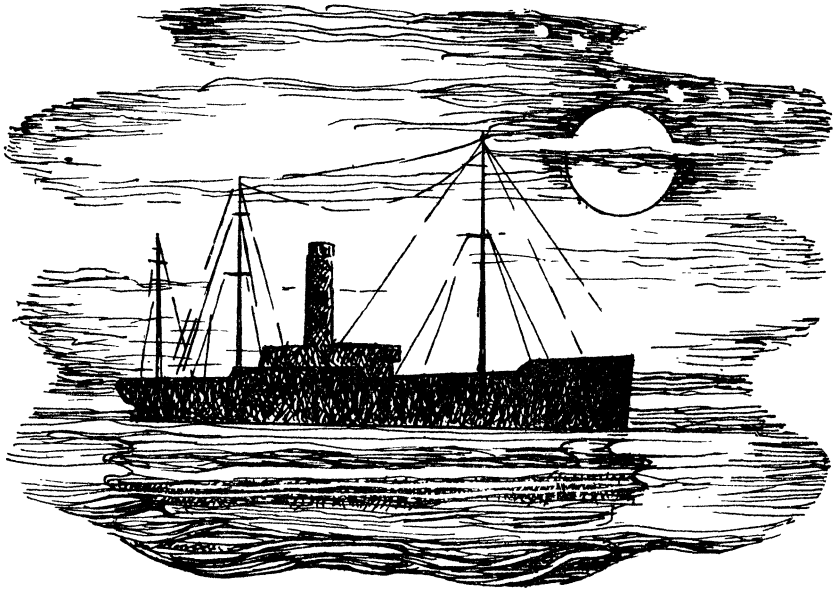
я презентую вам эти «муклуки». С ними связана память о Клучи и о семи слепых щеночках; больше того: они являются памятником события, единственного в истории, а именно — истребления двух звериных пород, самой древней и самой юной на Земле... Но главное достоинство этой обуви состоит в том, что она не износится никогда...

Совершив обмен, Томас Стивенс выколотил золу из трубки, пожал мне руку с пожеланием спокойной ночи, и удалился, шагая по снегу.

Что же касается рассказа, ответственность за который я уже заранее от себя отклонил, то советую маловерным съездить в Смитсоновский институт. Если они привезут с собой должную рекомендацию и явятся в каникулярное время, то, несомненно, добьются свидания с профессором этого института Дольвидсоном. «Муклуки» составляют ныне его собственность, и он может определить если не способ, каким они были добыты, то материал, из которого они сделаны. Раз он подтвердит, что они сшиты из кожи мамонта, то ученый мир должен будет склониться перед его приговором.

Чего же вам еще?





Е. Путкамер

ЧУДОВИЩА САРГАССОВ

Врачи заявили лондонскому журналисту Буслею, страдавшему нервным переутомлением, что самым рациональным средством для восстановления его здоровья они считают длительное морское плавание. Они настойчиво советовали ему сесть на грузовой, а не на пассажирский пароход: Буслею необходимо было избегать общества, а как же избежать болтовни на пассажирском пароходе?

Буслей сговорился с мистером Смитсом, капитаном грузового судна «Лидс», собиравшегося отплыть из Лондона в Тринидад *. Это был длинный рейс, что как раз и было на руку Буслею. В день отплытия «Лидса» журналист стоял на его палубе, в последний раз окидывая взглядом набережные мирового города, с которыми ему приходилось прощаться, как он думал, на несколько недель.

«Лидс» снялся с якоря в тот же день. Маленький, но могучий,

* Город на о. Куба в Вест-Индском архипелаге.

черный от копоти и угольной пыли, буксир потащил его вниз по течению Темзы. И скоро Буслей, все время находившийся на палубе, уже потерял из виду туманные силуэты зданий величайшего осиного гнезда, носящего имя — Лондон.

Буслею было как будто немного грустно расставаться с Лондоном — человеку свойственно сживаться с местом, как бы пускать корни, прирастать к нему, и когда приходится сразу порывать с таким местом, поневоле чувствуешь приступ щемящей тоски и необъяснимой тревоги.

«Пустяки,— встряхнулся Буслей,— поплаваю в океане, отдохну, ничего не делая, отвлекусь, отосплюсь, а главное — проветрю легкие свежим и чистым морским воздухом. Вернусь в Лондон совсем неузнаваемым».

И он направился к отведенной в его распоряжение капитаном Смитсом каютке.

И день, и два, и неделю плывет «Лидс» по океану. Жизнь идет на судне, как всегда. Разнообразия мало.

То погода станет свежей и разгуляются в океанском просторе волны, то стихнет буря и океан успокоится. То бушует ветер и гудит в снастях и словно пытается повалить на борт судно, то он уляжется и воздух как бы застынет. Вечером кажется, что на целые дни устанавливается хорошая погода. А утром смотришь — все кругом напоено, насыщено туманом. Ничего не разглядишь в нескольких шагах.

Пароход замедляет ход. Поминутно заунывно гудит сирена, чтобы дать знать встречным судам об опасности столкновения. Откуда-то чуть слышны, словно с трудом пробиваясь, такие же заунывные гудки. Может быть, это отзываются такие же встречные суда, а может быть, попросту откликается шаловливое эхо...

И час, и два, и десять часов блуждает пароход в тумане. И кажется, не выбраться из тумана никогда...

А там, смотришь, откуда-то потянуло холодным ветром, и уже унесло туман, изорванный в клочки. И вновь сияет над пароходом сверкающее солнце, голубеет небо...

Буслей скоро привык к судовому режиму. Он сдержал данное капитану слово — никому не мешал на судне, никому не надоедал вопросами и неуместным любопытством.

Капитан Смитс, не совсем охотно взявший Буслея на борт своего парохода, скоро совершенно примирился со своим пассажиром и в минуты доброго расположения духа охотно болтал с ним о том, о сем, посмеиваясь над его незнанием морских терминов, над непривычкой наблюдать явления, совершающиеся вокруг в природе, предвидеть по каким-то незаметным, почти неуловимым, но понятным морякам признакам близость изменения погоды.

Раза два или три Смитс снисходил до того, что принимался «сражаться» с пассажиром в шашки, но Буслей слишком легко обыгрывал моряка, забирая без пощады его шашки и проводя свои шашки в дамки, что очень не нравилось Смитсу.

— С вами сам черт не справится. Ну вас в болото,— ворчал он.

Таким образом, игра в шашки как-то сама собой скоро прекратилась.

Зато Буслей, оказавшийся недурным портретистом, успел зарисовать физиономии всех матросов, в десятке поз изобразил самого капитана, и все эти наброски поступили в собственность мистера Смитса.

В скором времени капитанская каюта превратилась в целую картинную галерею. Судовой плотник довольно искусно изготовил рамочки для акварельных эскизов и карандашных набросков Буслея, и «картинки», как называл весь экипаж «Лидса» его произведения, украсили собой стены капитанской каюты.

Предсказания врачей, уверявших Буслея, что он быстро оправится от своих недомоганий, как только отлежится и надышится свежим воздухом, оказались правильными: его бледные щеки заметно порозовели, приобрели здоровый загар, кожа, прежде пористая и вялая, сделалась гладкой, бархатистой. В усталых глазах появился блеск; на хмурых устах чаще и чаще мелькала веселая улыбка. В довершение всего — хороший аппетит, крепкий сон, полное отсутствие мучительных головных болей, почти всегда хорошее, ровное настроение духа...

Чего же желать больше?

Кроме того, на пароходе видны были только бодрые вечно занятые работой люди со смуглыми обветренными лицами, и не приходилось слышать бесконечных жалоб на те или иные болезни, как это бывает у больных в санатории.

Правда, жизнь на пароходе отличалась однообразием, казалась по временам слишком монотонной. Иной раз Буслею почему-то вдруг особенно ярко вспоминались концертные залы и театры Лондона, вспоминался клуб, в котором он бывал ежедневно, вспоминались некоторые постоянные собеседники.

Иной раз в голову приходили мысли о книгах, которые следовало бы прочитать. А то, особенно ночью, мозг Буслея принимался работать, как работает заведенная машина, и автоматически вырабатывать слова и целые фразы, просящиеся в какую-нибудь статью,— тянуло к перу и бумаге.

Но Буслей упорно отгонял от себя надоедливые мысли о начатых и брошенных за отъездом из Лондона работах.

«Вернусь, освежившись, тогда буду работать с удвоенной силой. Теперь самое важное — решительно ни о чем не думать и вести нормальный образ жизни»,— думал он.

И день ото дня молодой журналист чувствовал, как крепнут его силы.

По истечении некоторого времени плавания, совершавшегося в сравнительно благоприятных условиях, «Лидс» спустился до 22 градуса северной широты и перерезал 35 меридиан западной долготы.

В этот день вечером Буслей раньше обыкновенного улегся спать,— потянуло ко сну. Но едва он улегся, как сон словно рукой сняло.

Лениво Буслей достал свою записную книжку, чтобы занести в нее некоторые услышанные им сегодня от капитана Смитса характерные выражения, записать несколько собственных мыслей.

В это время с пароходом что-то случилось. Раньше Буслей всем своим существом улавливал поступательное движение судна. Теперь это движение по каким-то причинам замедлилось. Винт за кормой работал столь же энергично, как и раньше, корпус парохода дрожал обычной мелкой дрожью, но в то же время движение все замедлялось и замедлялось.

«В чем дело? Что случилось? — лениво думал Буслей, отрываясь от записной книжки.— Надо бы выйти на палубу, спросить капитана о причинах остановки, да, пожалуй, старик рассердится. Завтра узнаю».

С этой мыслью Буслей погасил электрическую лампочку, поправил сбившуюся подушку, вытянулся во весь рост и стал сладко дремать.

И опять грезился ему покинутый Лондон, ярко освещенные улицы, опера, где он бывал довольно часто. Грезились фигуры знакомых... Им овладел здоровый сон. Он спал и не слышал, что на палубе идет суета, что капитан сердито кричит что-то с высоты своего мостика и что матросы бегают от одного борта к другому, освещая спущенными на канатах фонарями поверхность моря.

Что же происходило с «Лидсом»?

В то время, как пароход почему-то стал замедлять ход, капитан Смитс находился в своей каюте. Судном командовал старший штурман Джефф. Он не сразу обратил внимание на странное явление замедления хода, но все же скоро забеспокоился и послал вестового вызвать капитана.

Смитс ворча выбрался из каюты.

— Ну, что тут у вас, Джефф? — крикнул он помощнику.

— Ничего не разберу, капитан. «Лидс», кажется, собирается остановиться, словно в кисель въехал,— ответил помощник.

— Машины как?

— В полной исправности.

— Не потеряли ли мы винта?

— Были бы слышны толчки. И потом ведь перед отправлением в рейс винт был осмотрен. Все в исправности.

— Распорядитесь-ка осветить море у бортов.

Через несколько минут над поверхностью моря закачались, бросая на воду призрачный скользящий свет, висячие фонари.

— Дьявольщина! — вырвалось из уст капитана.— Мы, должно быть, сбились с пути, Джефф!

— Этого нет, капитан. Компас в полной исправности. Наконец, при заходе солнца я делал проверку нашего курса. Мы не могли далеко уйти от обычной линии. На полградуса южнее, не более.

— А все-таки нас угораздило врезаться в саргассы, Джефф.

— Саргассы?! — голос помощника дрогнул.— Возможно ли?

— Поглядите сами.

Джефф перегнулся через борт, и глухое восклицание вырвалось из его уст. Кажется, он повторил то же самое словечко, которое только что было произнесено капитаном:

— Дьявольщина!

— Это — саргассы, Джефф,— угрюмо твердил капитан.

— Но мы можем избавиться от них. Дадим задний ход, и...

— Задний ход! — скомандовал Смитс.

Винт за кормой приостановился, потом двинулся в обратную сторону, все быстрее и быстрее.

— Двигаемся! — крикнул обрадованный Джефф.

— Какой там черт, двигаемся,— с досадой отозвался капитан.— Стоим преспокойно на месте. Вы только прислушайтесь, как стучит винт. Все глуше, глуше... Проклятие! Морская трава опутала винт. Боюсь, Джефф, мы засели крепко. Проклятая штука эта морская трава.

— Не попробовать ли нам спустить бот и вывести судно на буксире?

— Пожалуй.

Через минуту бот был спущен на воду.

— Капитан! — крикнул с лодки боцман.— Мы не можем протащить бот. Трава кругом.

— Отпихивайтесь веслами.

— Есть.

Матросы налегли на весла, но бот почти не двигался: кругом бота — и направо, и налево, и сзади его, и спереди,— везде и всюду поверхность моря была словно заплетена водорослями.

Эти бесконечно длинные, упругие, бледно-зеленые, покрытые слизью нити цеплялись за весла, не давая грести. Они наматывались на весла клубками, тянулись прядями, словно сознательно стремясь увлечь весла, вырвать их из усталых рук гребцов.

И в то же время, когда матросы пытались проталкивать бот вперед, упираясь веслами в водоросли, проклятая морская трава

не давала точки опоры для весел. Последние погружались в воду, не давая ни малейшего толчка боту.

Крупный пот каплями проступал на теле матросов. А бот не двигался или, если двигался, то только на несколько вершков в минуту.

— Бесполезно, капитан,— хриплым голосом произнес, наконец, боцман.— Выбиваемся из сил, а толку нет.

— Нажми еще ребята! — ответил капитан, внимательно наблюдавший за ходом работы матросов.

— Есть, капитан! Нажми, ребята! Разом! Н-ну!

Но бот через полчаса неимоверных усилий едва отдалился от борта парохода.

Видя полную безуспешность попыток освободиться таким путем, капитан отдал приказ — поднять лодку на борт.

— Да, так ничего не выйдет,— сказал он своему помощнику.— В самом деле, это была, признаться, глупая затея. Мускульная сила тут оказывается явно несостоятельной. Надо попробовать очистить запутавшийся винт, тогда попытаемся. Не можем же мы застрять тут на целые сутки. Мне будет здоровая нахлобучка от владельцев.

— Хотите, капитан, я лично спущусь с кормы на канате, чтобы очистить винт? — спросил Джефф.

— Валяйте. Возьмите с собой острый нож. Да покрепче привяжите вокруг пояса канат, а то сорветесь и примете холодную ванну.

Плотник быстро соорудил висячую «люльку». Помощник капитана спустился в ней через кормовой борт к воде и принялся за работу — кромсать острым ножом бесконечно длинные пряди водорослей. Капитан следил за его работой, перегнувшись через борт.

— Ну что? Как идет?

— Идет себе понемногу,— отзывался помощник, неутомимо рассекая и кроша водоросли.

Но, несмотря на успокоительный смысл слов Джеффа, капитан Смитс улавливал в его тоне нотки тревоги.

— Говорите правду, Джефф! — крикнул он сердито.— Слышите, что ли?

Несколько секунд штурман не отвечал. Потом снизу донесся его глухой голос:

— Трудно, чтобы их черти взяли,— ничего не выходит.

— Почему?

— Да эту проклятую траву словно со дна к поверхности выпирает. Я крошу, а на место разрезанных тысячи новых вырастают все гуще и гуще...

— Поднимайтесь на палубу. Бросьте. Ясно, что ничего из этого не выйдет. Придется подождать до утра. Попробуем еще раз ма-

шину в ход пустить. Полный ход! — скомандовал капитан, когда Джефф поднялся в своей «люльке» наверх.

Опять заработала машина, завертелся с бешеной скоростью винт, задрожал весь корпус судна, но — увы — пароход оставался на месте. Вокруг винта образовался целый ком водорослей, сам винт обратился в подобие зеленого шара, и лопасти его уже не давали судну толчков.

— Стой, будем ждать до утра! — скомандовал капитан.

Утром, когда Буслей, отлично выспавшийся и бывший в превосходном настроении, выбрался на палубу, он сразу даже не понял, что, собственно, случилось: его взор блуждал по поверхности моря и видел, что, насколько хватал взгляд, эта поверхность казалась изумрудно-зеленой. Словно каким-то чудом «Лидс» оказался перенесенным в центр огромного болотистого луга с роскошной, хотя и несколько однообразной растительностью.

— Что такое? Кажется, мы стоим? — обратился удивленно Буслей к штурману.

— Стоим,— ответил тот лаконически.

— Но почему, и что это за зелень?

— Водоросли.

— Да, но почему же мы стоим?

— Застряли. Винт опутан травой.

— А-а... Но, надеюсь, скоро избавимся?

— Гм, гм...

Помолчав, Джефф вымолвил самым беззаботным тоном:

— Саргассы *. Слышали, что это за штука?

— Мы попали в зону Саргассова моря?

— Ну уж, в зону...— с видимым неудовольствием ответил Джефф.— Просто течением оторвало от Саргассова моря, которое находится отсюда за добрых триста километров, известную часть травы и унесло в океан. А нас сам черт занес в это плавучее царство зелени.

Побродив по палубе, Буслей скоро заметил угрюмые лица матросов. От двух-трех человек он уже слышал о ночных попытках освободиться от саргассов.

---

* Саргассовым морем называется обширная часть Атлантического океана, покрытая морскими водорослями и лежащая к западу от Азорских островов. Различают две части Саргассова моря: большую, которая тянется от двух самых западных Азорских островов,— Корво и Флорес — до островов Зеленого Мыса; и меньшую — к юго-западу от Бермудских островов. В обеих частях находится такое множество морских водорослей, что при слабом ветре ход корабля заметно замедляется. Величина всего моря 50—60 тыс. кв. миль; границы и очертания его под влиянием морских течений, ветров и бурь меняются.

Главную массу водорослей представляют различные виды саргассовых водорослей из семейства фукусовых.

— Надо же, ребята, что-нибудь придумать,— твердил Буслей.— Не сидеть же нам тут целую неделю.

— Капитан, авось, что-нибудь придумает,— угрюмо, с видимым раздражением, отзывались матросы.

— Заберем лодки и уйдем отсюда — вот что надо сделать, если не хотим пропасть тут,— проворчал кто-то.

— Разумеется, не будем сидеть,— раздраженно поддакнул другой матрос.— Капитан завел судно сюда, пусть он и сидит сам, если ему нравится.

— Стойте, ребята! — встрепенулся Буслей.— Да ведь вы же сами говорили, что бот, спущенный сегодня ночью, не мог проплыть и пяти шагов.

— Ну, да.

— Так как же вы мечтаете о том, чтобы уйти на лодках? Ничего из этого не выйдет. Надо придумать что-нибудь другое.

— А вы придумайте, если можете.

Буслей задумчиво потер переносицу.

— Стойте, стойте! — вскрикнул он.— Мне пришла в голову идея. Я вспомнил, что когда-то в детстве, гостя у одного школьного товарища, я устраивал отчаянные штуки, путешествуя по болотам на маленьком плоту. Плот — не лодка: он будет не плыть, а, так сказать, скользить по поверхности. Я иду сейчас к капитану...

— Идите, идите. Авось, что-нибудь выйдет.

Капитан, выслушав заявление Буслея, отдал приказ изготовить плот.

Весело застучали топоры и молотки. Но, когда был спущен плот, оказалось, что и он двигаться не может.

Буслей, однако, не унывал. Его изобретательный ум выдумывал с лихорадочной быстротой один способ освобождения за другим.

Оставшийся в воде плот спокойно лежал не погружаясь. Это дало иное направление мыслям Буслея.

— Много ли у нас досок? — осведомился он.

— Сколько хотите. А что?

— Так, я попробовал бы, знаете ли, вот какую штуку: насколько я соображаю, мы не могли врезаться очень глубоко в водоросли. Так?

— Положим. Дальше.

— Мы проложим из досок тропинку, дорожку, мостик,—называйте, как хотите. Ну, а потом по этим доскам протащим бот.

— Куда именно?

— А вы посмотрите: вон там, мне кажется, довольно широкая лагуна, свободная вода. Проследив получше, вы увидите, что она только очень-очень узким перешейком отделяется от другой, еще большей лагуны. А там... А, черт! Да ведь там же, в самом деле, настоящее свободное море!

— Позвольте, мистер Буслей. Положим, все, что вы говорите, правда. Но что из всего этого следует?

— Очень многое. Прежде всего, у нас будет надежда хотя бы на лодках выбраться из этого положения.

— А пароход?

— Что пароход? Если судно осуждено на гибель, то это не значит, что должны погибать и мы.

— Я не покину судна. Я — капитан.

— Позвольте. Может быть, тогда можно будет попытаться спасти судно.

— Это каким же способом?

— Попробуем протащить его сквозь водоросли на буксире бота.

— А водоросли? «Лидс» будет упираться в упругие пряди, и его не стронешь с места.

— Стойте! Мне пришла еще одна мысль.

— Не слишком ли много мыслей у вас, Буслей,— угрюмо проворчал старый моряк.— Выдумываете-выдумываете, а толку мало.

Капитан махнул рукой. Он, видно, потерял всю свою энергию, попав в столь необычайные, непривычные условия, и его мозг, привыкший работать по раз намеченному трафарету, теперь отказывался работать.

— Ну, говорите, что вы там еще придумали,— сказал он, наконец, Буслею.

— Почему, капитан, нам не удавалось продвинуть бот по водорослям? Да потому, что водоросли не давали ему ходу, заплетая нос,— ответил Буслей.

— Ну, да.

— Почему мы не можем стронуть с места «Лидс»? По той же причине. Исходя из этого, я рассуждаю так: а что, если мы снабдим носовую часть судна подобием остро отточенного ножа, и затем попытаемся тянуть судно? Тогда нож на форштевне будет не напирать на водоросли, а разрезать их. Поняли?

— Идея, черт возьми! — оживился капитан.— Нож мы можем выковать. Слесаря есть... Слушайте, Буслей. Право, вы — башковитый парень. Никогда я этого от вас не ожидал.

И Смитс быстро вышел на палубу отдавать приказания матросам.

В машинном отделении застучали молотки: кузнецы принялись изготовлять под руководством механика огромный нож, чтобы, надев его на форштевень, обратить судно в подобие плуга для вспахивания саргассового поля.

Тем временем другая часть матросов занялась попыткой проложить мостки по саргассам, чтобы по ним протащить до лагуны бот для буксирования «Лидса».

Доски приходилось спускать с большой осторожностью, пото-

му что на глазах у команды парохода одна оброненная доска, попав концом в воду, погрузилась и после не всплыла на поверхность.

Но другие доски оправдали надежды: очутившись на поверхности воды, они опирались о водоросли и выдерживали довольно значительную тяжесть, погружаясь лишь незначительно.

Мостки быстро росли. Матросы оживились: они поняли, что таким путем представится возможность в крайнем случае хотя бы покинуть прикованное к саргассам судно и на лодках уйти в беспредельное пространство океана.

Работа кипела, и эту работу совершали все свободные люди. На борту парохода оставалось только семь-восемь человек, не считая Буслея и самого капитана.

Работа шла следующим порядком: положив около самого борта «Лидса» на водоросли две широких доски, матросы испытали их устойчивость и на всякий случай, чтобы доски не разошлись, скрепили их при помощи перекладины. Затем были спущены и уложены еще две доски, концами к прежним. Закрепили и эти доски, связав их с первыми, и так далее.

Работа не прерывалась даже на время обеда. Часть матросов обедала, другая работала, не покладая рук, создавая все новые и новые звенья мостков.

Так дело шло до вечера.

Вечером работу пришлось прекратить: было темно, фонари мало помогали, странствование по зыбким мосткам становилось опасным.

Но едва взошла багровая луна, как капитан отдал приказ продолжать работы, и матросы снова забегали по доскам мостков, весело перекликаясь.

Буслей и Смитс стояли на командирском мостике «Лидса», следя за работой матросов. Буслей обдумывал возникшие в его голове фантастические планы. Лицо Смитса было угрюмо, и глаза, казалось, с ненавистью глядели на все окружающее.

— Посмотрите-ка на луну,— вдруг прервал он размышления Буслея.— Кажется, что она сегодня точно выкупалась в крови.

— Ничего особенного. Это известное атмосферное явление — рефракция.

— Называйте как хотите. Это слово ничего мне не поясняет... А вот не нравится мне эта луна сегодня.

В это время крики матросов возвестили, что работа по сооружению мостков благополучно приведена к концу,— мостики достигли свободной воды.

Теперь следовало спустить с парохода бот и осторожно протащить его до лагуны.

— Отложим до утра,— предложил было Буслей.

— До утра? — удивился капитан.— Это с какой же стати?

Ночь ясна, спокойна. Все рады-радешеньки делать что-нибудь. Нет, пусть уж тащат бот, нечего откладывать.

И бот потащили по мосткам, соблюдая все предосторожности. Буслей и Смитс наблюдали за этим в бинокли.

Когда бот протащили всего третью часть мостков, «Лидс» вздрогнул, словно получил мягкий толчок. Может быть, под ним прокатилась выросшая в неведомых глубинах моря волна и всколыхнула массивный корпус судна.

— Осторожнее с ботом! — крикнул в рупор капитан.

— Есть! — отозвался штурман, командовавший матросами у бота.

И именно в это мгновение произошло нечто непонятное и вместе с тем ужасное: в нескольких десятках сажен от парохода воды океана вдруг словно вспухли, встали холмом. Холм этот быстро, неимоверно быстро рос. Еще миг, и затрещали жидкие скрепы досок мостков, сами же доски оказались разбросанными во все стороны. Крик, треск ломающегося в щепы дерева, стоны — и все смолкло...

Секунду спустя волна докатилась и до самого «Лидса», подняла его, поставив почти вертикально, положила на бок, потом пароход оправился и принял обычное положение.

Во время этой встряски Буслей был сбит с ног и покатился по палубе. Капитан устоял на ногах, но ударился головой о какую-то стойку настолько сильно, что на несколько секунд потерял сознание.

Опомнившись, Буслей закричал раздирающим голосом:

— Бот!.. Капитан!

Ни бота, ни матросов, ни мостков уже не было видно: их во мгновение ока поглотила зеленая морская пучина.

Только здесь и там еще виднелись обломки мостков, да по временам по зеленой поверхности саргассов ходили, перекатываясь, мелкие волны. На небе, сделавшемся прозрачным, удивительно чистым и светлым, спокойно плыла багровая луна, безучастная свидетельница ужасной драмы.

И день, и два, и три, и целая неделя прошла над молчаливо стоявшим в Саргассовом море «Лидсом», не принося несчастному судну никаких перемен.

Разыгравшаяся трагедия окончательно убила у оставшихся матросов надежду на спасение и, что еще хуже, убила всякую энергию. Ничем нельзя было расшевелить упавших духом моряков и заставить их приняться за выковывание ножа, при помощи которого Буслей мечтал вывести из саргассов если не пароход, то хоть лодки с экипажем.

По наблюдениям капитана, саргассы медленно, но безостано-

вочно плыли в северо-западном направлении, перемещаясь ежедневно на десяток километров. Плывя, они увлекали с собой свою жертву,— застрявший в водорослях пароход.

— Может быть, в этом наше спасение,— иногда говорил капитан.

— Это каким же образом? — спрашивал Буслей.

— Говорят, эти проклятые водоросли выдерживают только определенную и притом довольно высокую температуру воды. Попав в более холодные воды, они быстро умирают. А нас тянет именно туда, где имеется холодное океанское течение. Значит, можно рассчитывать, что некоторое время спустя водоросли начнут вымирать, распадаться, и тогда...

— А хватит ли у нас провизии и воды до тех пор?

— Кладовые у нас снабжены недурно, но все же припасы тают... Я и то уже распорядился, чтобы уменьшить рационы. Но матросы сердятся. Со дня на день жду среди них беспорядков.

Да, капитан Смитс не ошибся. Действительно, среди уцелевших матросов судна назревал бунт, и скоро он вырвался наружу.

Началось с того, что как-то днем матросы, окружив капитана, беседовавшего с Буслеем, закричали:

— Вы нас завели в эту ловушку, вы и выводите, как знаете!

Бледный, как полотно, капитан Смитс смотрел на обезумевших от тоски и ужаса людей, но не находил слов для ответа.

Покричав, матросы разбрелись по судну.

На ночь Буслей и Смитс забаррикадировались в одной из кают, куда стащили все наличное оружие. Долго они не спали, но потом, убедившись, что матросы не думают о нападении, предались сну.

Вскоре их разбудил грохот и крики на палубе.

— «Лидс» движется! — воскликнул, вскочив со своей койки, капитан.

В самом деле, с пароходом что-то творилось: он тяжело переваливался с боку на бок, трясясь всем корпусом. Потом послышались странные звуки, словно кто-то шлепал по бортам и палубе огромными тяжелыми лапами. Несколько мгновений судно лежало на левом боку, потом оно опять выпрямилось и приняло нормальное положение.

Капитан выбежал на палубу. Там не было ни души.

— Что случилось?! — кричал капитан.— Эй, кто-нибудь! Куда вы попрятались, черти?!

На голос капитана откуда-то из угла выползли два обезумевших от страха матроса. Но они ничего не могли сказать, ибо и они проспали это время.

В конце концов капитану удалось добиться толку от одного из матросов. Это был судовой повар, итальянец Джорджанэ, болтун и хвастун.

По его словам, он ночью выбрался на палубу за несколько минут до толчков, испытанных судном, и он видел, как из-под водорослей поднялось какое-то колоссальное чудовище.

Оно приблизилось к самому судну, вползло на него, оставляя полтуловища в саргассах, кучами облеплявших это безобразное тело. Чудовище давило палубу своими огромными лапами, словно пытаясь перевернуть судно.

Рассказ был настолько фантастичен, что Смитс в бешенстве закричал рассказчику:

— Лгун! Трус! Подлый лгун! Ты пьян был, как стелька, и теперь сочиняешь небылицы! Вон с глаз моих!

Джорджанэ клялся и божился, что он действительно видел странное явление, но в то же время был вынужден признаться, что с вечера выпил вина.

— Убирайся! Чтоб мои глаза тебя не видели! — крикнул ему еще раз капитан.

И несчастный повар забился в какую-то нору.

Но, когда на палубе уже никого не было, Смитс шепотом сказал Буслею:

— Посмотрите, сэр, вот на это.

И он показал измятый борт, глубокие царапины на досках палубы, изломанные, исковерканные штанги перил.

— Вы думаете, что тут есть доля правды? — так же шепотом спросил Буслей.— Вы допускаете возможность существования какого-то гигантского чудовища, могущего будто бы одной тяжестью своего тела перевернуть такое большое судно, как наш «Лидс»?

— Что я думаю? — отвечал Смитс.— Спросите ваших ученых, допускают ли они возможность всего этого. Я знаю только, что игра наша проиграна. Мы не выберемся отсюда.

Буслей хотел что-то еще спросить у капитана, но тот уже повернулся и ушел в каюту.

Побродив еще некоторое время по опустевшей палубе, Буслей последовал его примеру.

Войдя в каюту, он увидел, что капитан лежит ничком, уткнувшись лицом в грязную подушку.

— Капитан!

Но моряк не отвечал.

А утром следующего дня произошло то, что уже можно было предвидеть: на палубе гремели выстрелы, раздавались крики.

Буслей бросился было с револьвером в руках на палубу, но двери его каюты были забаррикадированы снаружи.

Только через час Буслею удалось освободиться из заключения, прорубив ход в соседнюю каюту.

В коридоре он встретил мрачного второго боцмана.

— Что случилось? — спросил Буслей.

Боцман махнул рукой.

— Где капитан?

— Нет капитана,— хриплым голосом вымолвил боцман.— Помер. В меня стрелял. Джони Люкса ухлопал... А потом и ему самому каюк пришел. Так ему и надо, собаке. Э, все там будем.

— Вы убили капитана?! — вскрикнул Буслей.

— А вам какое дело. Молчите вы. А то и вам каюк будет.

И, резко повернувшись, отошел прочь.

Буслей вскоре узнал, что во время бунта, который разразился на судне, кроме капитана и Джони Люкса, погиб еще один матрос, свалившийся случайно за борт. Теперь на судне оставалось четверо матросов, повар Джорджанэ, боцман и Буслей.

Матросы словно обезумели. Они по целым дням пили без просыпу виски, и результаты пьянства не замедлили сказаться: два матроса поссорились, и в драке один зарезал другого.

В этот день в капитанскую, где по целым дням сидел Буслей, вошел боцман.

— Вот что, сэр, я пришел повиниться. Капитана-то, верно... я ухлопал.

— Вы убили Смитса? За что?

— Обезумел, сэр. Все мне казалось, что он, капитан, во всем виноват. Ну, говорю же, с ума сошел я.

— А теперь?

— Теперь я пришел в себя. Вижу, нет мне прощения. Капитан-то Смитс ни сном ни духом не виноват был. Такая, знать, судьба... Ну и вот, принес я вам револьвер.

— Зачем это?

— Прошу я вас, сэр, покончите вы со мной. Застрелите меня, как последнюю собаку. Потому что я этого заслужил.

Но Буслей, вырвав револьвер из рук моряка, швырнул его под койку.

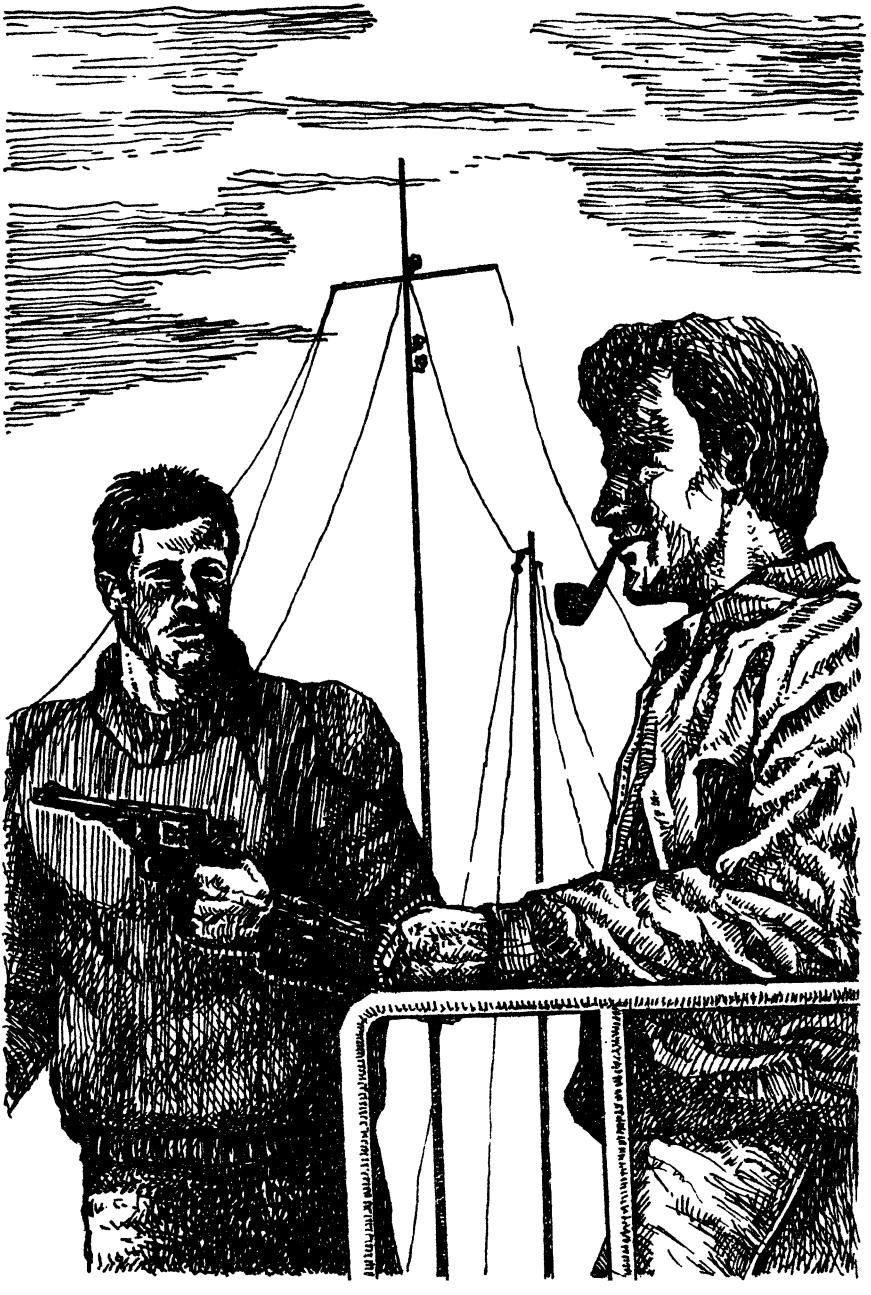
Боцман постоял, повздыхал, потом вышел из каюты. Пять минут спустя на палубе раздался выстрел.

Когда Буслей выбежал туда, на залитой кровью палубе лежало огромное тело застрелившегося боцмана. Около трупа стояло трое матросов.

Буслей распорядился сбросить тело боцмана в воду и замыть кровь на палубе. Выбежавший из камбуза Джорджанэ первым принялся за дело.

— Пожалуйста, синьор,— обратился он к мертвому боцману веселым тоном.— Позвольте отправить вас на новую квартиру. Вот так. Гоп-гоп!

И, когда тело самоубийцы гулко шлепнулось в воду и навеки скрылось под водорослями, итальянец засмеялся странным, ненормальным смехом, а потом пустился приплясывать.



— Весело, ох, как весело! — кричал он, захлебываясь и напевая какую-то бессмыслицу.

— Свяжите его! Он сошел с ума! — крикнул ошеломленным матросам Буслей.

Те нерешительно двинулись по направлению к Джорджанэ, продолжавшему распевать что-то во все горло.

— Э, шалишь,— засмеялся он, увидев подходивших матросов.— Вы хотите избрать меня сенатором и президентом? Но ваше дело не выгорит. Не смейте прикасаться ко мне! Иначе я... Гоп-гоп!

Он вскочил на перила, побалансировал там несколько секунд, потом ринулся за борт.

Еще одну жертву взяли неумолимые саргассы...

Шли дни, монотонные, однообразные.

Матросов Буслей почти не видел. Иногда только, выходя в поисках провизии, он наталкивался на кого-нибудь из них.

Как-то два дня подряд Буслей видел одного из матросов: тот лежал поперек коридора, не меняя позы. Буслей приблизился к лежавшему, тронул его. Перед ним был уже начавший разлагаться труп.

Буслей побрел по всему судну. Надо было найти двух остальных матросов, чтобы при их помощи выбросить с судна труп умершего. Но отыскать удалось только одного, да и тот был в ужасном виде. В припадке белой горячки метался он по большой матросской каюте, катался по полу, падал, разбивался, поднимался, весь окровавленный, и плакал, как ребенок.

С трудом Буслей поднял труп умершего матроса и выбросил его за борт. На другой день на пароходе стояла могильная тишина: последний из оставшихся еще матросов повесился, и его обезображенный труп также был сброшен Буслеем в водоросли.

Прошло еще несколько дней.

Оставшийся единственным обитателем судна, Буслей жил на пароходе странной, кошмарной жизнью. В сущности, он чувствовал себя здоровым, сильным и крепким, но им овладело полное безразличие ко всему.

Автоматически он просыпался по утрам, разыскивал в кладовых парохода какую-нибудь снедь, насыщался, потом выбирался на палубу и по целым часам сидел там, тупо глядя на расстилавшееся вокруг «Лидса», сплошь заросшее водорослями, пространство моря. Мысль работала сонно, тупо.

На ночь Буслей уходил в свою каюту, старательно баррикадировался, ложился на койку и засыпал мертвым сном.

Однажды днем ему под руки подвернулось маленькое зеркало. Машинально взглянул он в зеркало и не узнал себя: на него глядело совершенно незнакомое, грязное, несколько обрюзгшее лицо, за-

плывшее жиром, голова почти сплошь была покрыта седыми волосами...

— Но... но неужели это я? — хриплым голосом вымолвил Буслей.— Черт знает, что такое! Надо бы побриться, что ли.

И опять потекли дни сонной чередой.

27 сентября 1911 года с палубы шедшего в Вест-Индию французского парохода «Вилльфранш» заметили блуждавшее по морю судно — большой грузовой пароход. Снасти парохода были в порядке, на палубе же не было видно ни души.

Капитан «Вилльфранша» заинтересовался встречей, стал подавать сигналы, но никто на них не отвечал. Тогда он распорядился спустить бот и попытаться осмотреть загадочное судно. Бот благополучно добрался до «морского бродяги», кое-кто из матросов вскарабкался на палубу «Лидса».

Там матросы нашли единственного живого человека. Это был Джеймс Буслей.

Он казался помешанным, не понимал самых простых вопросов, обращенных к нему, то плакал, то смеялся. Пугался, при малейшем стуке забиваясь в угол.

Буслея перевезли на борт «Вилльфранша»» и поместили в судовом лазарете, отдав на попечение пароходного врача, который определил, что Буслей находится в состоянии полного истощения от продолжительного голодания.

Осмотр «Лидса» показал, что судно находится в сравнительно сносном состоянии, почему «Вилльфранш» взял его на буксир и благополучно привел в Вест-Индию, получив за это законную премию от владельцев «Лидса», которые считали судно безвозвратно потерянным,— ведь «Лидс» исчез больше года назад.

Буслей через несколько недель пребывания и лечения в лазарете оправился настолько, что смог вернуться в Лондон и снова приняться за свою обычную литературную работу.

Много раз и власти, и журналисты, и просто знакомые обращались к нему с вопросами, прося рассказать, что именно пережил «Лидс» и что видел, живя на его борту, Буслей.

Но единственным ответом Буслея было:

— Не могу. Нет, не могу... Это слишком ужасно.

— Но что случилось со всем экипажем?

— Погиб. Погиб в Саргассовом море.

— А как уцелело и как, главное, освободилось само судно?

— Была буря... Ужасная буря. Все трещало, ломалось... Но не могу, ничего не могу больше сказать.

Оставалось предположить, что «Лидс», пробывший почти год в объятиях саргассов, под конец этого срока был вырван из цепких тканей водорослей налетевшим ураганом и унесен в чистое море...

С. Блэк

НОСОРОГ МАРВИНА

Начну с того, что я не автор, а лишь простой повествователь странной истории Александра Марвина. Как мне пришлось узнать ее — это само по себе могло бы составить целую историю, излагать которую у меня нет ни охоты, ни времени. Но я хотел бы, чтобы вы увидели героя моего рассказа таким, каким я видел его в последний раз: осунувшимся, бледным и вялым, преждевременно состарившимся, безнадежно качающим головой и причитающим:

— Один, один. Несчастный человек. Зачем я спасся?

Я хотел бы, чтобы вы видели его, когда он, согнувшись и проливая горькие слезы, сидел на постели из папоротника в самом дальнем углу пещеры при свете наших факелов, с тусклыми, слезящимися глазами, устремленными на струйку воды, которая капля за каплей падала с каменной сырой стены напротив,— и слышали, как он слово за словом рассказывал нам свою совершенно невероятную историю.

Правда ли то, о чем гласит эта история, или нет — предоставляю судить читателям.

Если принять во внимание показания миссис Блисс, экономки профессора Грегсби, горничной Алисы Бенч и Сайлеса Тофета, исполнявшего обязанности метрдотеля за обедом,— можно установить одно: был еще шестой член собрания, а, между тем, в лаборатории профессора Грегсби было найдено лишь пять трупов (трое слуг спаслось).

Слуги слышали крики жертв и шум разгрома,— «будто туда ворвалось какое-то ужасно фыркающее и топающее ногами животное»,— как рассказывал Сайлес Тофет.

Кто был шестым членом общества, собравшегося у профессора Грегсби? Что сталось с ним? Очевидно, он не попал в число жертв Диттонской катастрофы, загадка которой не была разрешена до настоящего времени.

Я говорю «до настоящего времени» вполне обдуманно, ибо с настоящего момента ее можно считать разрешенной. Я убежден, что Александр Марвин был шестым членом собрания. Больше того, я безусловно верю его рассказу.

Покойный профессор Хэлиард Грегсби был если не популярной, то весьма выдающейся личностью в ученом мире. Его труды, особенно знаменитый трактат «Прошлое в настоящем», представляли большой интерес даже для неспециалистов.

Выдающееся положение профессора Грегсби и известность остальных четырех жертв делают это событие особенно памятным в летописях современных катастроф.

Кроме профессора Грегсби в числе погибших были д-р Харлей, выдающийся невропатолог, Смеддервик, знаменитый биолог, Артемус Биффен, популярный художник, и не менее популярный Бентлей Блэффингем, известный импрессарио (он, по собственному признанию, мог быть импрессарио кого угодно — от певца Карузо до дрессированной блохи включительно).

Тайна, окутывающая трагедию, произвела мировую сенсацию. Какова была природа этого невероятно огромного и свирепого существа, появившегося, так сказать, «из ничего»? Может быть, оно было только плод воображения, так как первое упоминание о нем относится к моменту появления его в лаборатории профессора Грегсби, откуда неслось фырканье и топот, так живо, хоть и неопределенно, описанные свидетелями?

Но если так, то что за существо напугало жителей Диттона, слышавших, дрожа от страха в своих постелях, как оно промчалось через их деревню? Что за существо убило полисмена на Портсмутской дороге, гналось за автомобилем от Григского луга до самого поворота на станцию Эшер, где оно, оставив преследование автомобиля, погналось за другим полисменом, которого тоже убило,

после чего направилось через Гэмптонский Двор и скрылось по направлению к Мольсейским Лугам?..

Но предоставим слово самому Марвину.

— Меня зовут Александром Марвином, и, если не считать того, что я единственный человек, видевший и переживший самую, пожалуй, странную трагедию, какую когда-либо видел свет, меня можно было бы причислить к разряду заурядных людей.

Так начал Александр Марвин свой рассказ, порой прерывая его глубокими вздохами.

— Моя история,— продолжал он,— связана с именем профессора Хэлиарда Грегсби и остальных несчастных джентльменов, разделивших его судьбу. Но, за исключением Эдварда Харлея, я не знал никого из них, по крайней мере до того рокового вечера, когда профессор Грегсби наглядно излагал свою теорию, которой посвящена целая его книга «Прошлое в настоящем», и, на гибель себе и своим товарищам, демонстрировал чудесные свойства «витализирующих лучей»*.

Харлей и я были знакомы друг с другом с детства, так как мы учились в одной и той же школе. Я был значительно моложе его и, как застенчивый и изнеженный мальчик, не подходивший к грубым нравам этой школы, часто пользовался его заступничеством и покровительством. Могу без преувеличения сказать, что я преклонялся перед его личностью.

Когда после одного пережитого мною увлечения я впал в сильную меланхолию и, уступая настойчивым просьбам своих товарищей, решил обратиться к врачам,— естественно, что я обратился к своему школьному другу и покровителю, доктору Эдварду Харлею.

Годы, отделявшие нас от школьного времени, и слава, приобретенная Харлеем, не изгладили в нем памяти о нашей былой дружбе. Он приветливо встретил меня, и я так же легко, как и в старину, в моменты своих детских затруднений, рассказал ему обо всем недавно мною пережитом.

— Гм,— задумчиво произнес Харлей, когда я окончил свой рассказ.— Значит, она бросила тебя?

Я утвердительно кивнул головой.

— Гм. Ты нуждаешься в систематическом лечении.— Минуты две Харлей молча смотрел на меня, потом продолжал:

— Милый Дэклинг * (это мое школьное прозвище). Милый Дэклинг, пробовал ли ты развлечься путешествиями, театром и прочим? Нет? Ты говоришь, что не в состоянии забыть ее. Конечно,

---

* Витализирующий — оживляющий (*от лат.* vita — жизнь).

* Утенок *(англ.)*.

это очень трудно. Ты вечно находишься в одиночестве и беспрестанно думаешь о своем горе, тем самым создавая вокруг себя неблагополучную атмосферу. Тебе необходимо культивировать в себе здоровое и целительное чувство общественности. Тебе надо бывать в обществе и найти для себя новые интересы, новую работу. Но прежде всего — общение с людьми.

Я пробовал было возразить Харлею, но он даже не стал меня слушать.

— Ты поселишься у меня,— продолжал он,— и скоро увидишь результаты моего лечения. За твоими пожитками мы пошлем завтра, а курс твоего лечения начнется сегодня же. Я возьму тебя с собою на обед к профессору Грегсби. Гений ли это, шарлатан или просто безумец — я не знаю. Но я уверен, что он развлечет тебя. Раз в месяц он устраивает у себя званые обеды, на которых с удивительной серьезностью ведутся разговоры на абсурднейшие темы. В последний раз там говорилось о «четвертом измерении в связи с астральным планом». Какая нелепость!

Я кротко согласился, что это действительно нелепость, и поспешно возразил, что профессор вряд ли будет рад незваному гостю. Но спорить с Харлеем было бесполезно.

Профессор Грегсби жил в Диттоне. При его доме, в котором помещалась лаборатория, был обширный сад, спускавшийся к самой реке.

Вопреки моему опасению, хозяин дома ничего не имел против моего присутствия. Очевидно, Харлей телеграфировал или телефонировал ему обо мне. Я был встречен профессором и его гостями с достаточной любезностью, чтобы чувствовать себя более или менее сносно.

Обед был подан вскоре после нашего прибытия. Разговор, который велся за ним, насколько мне помнится, мало отличался от обыкновенных застольных разговоров. Только после того, как мы отправились в курительную комнату и закурили свои трубки, он перешел на более серьезные темы.

Как совершился этот переход, я не заметил, так как был слишком поглощен своими печальными мыслями. Я отвлекся от них и стал прислушиваться к разговору лишь тогда, когда Смеддервик начал особенно страстно что-то доказывать. Он нападал на содержание последней книги профессора Грегсби. Я уже упоминал о ней. Это «Прошлое в настоящем».

— Если бы это оставалось только теорией,— говорил Смеддервик,— я не стал бы возражать. Но когда вы имеете смелость,— да, именно смелость, Грегсби,— ожидать, что мы поверим...

Я припоминаю, как в разговор вмешался импрессарио Блэффингем, напомнивший, что на настоящем собрании они условились говорить о Марсе:

— О каналах, господа, о вероятной природе марсиан, если таковые существуют...

— Совершенно верно,— спокойно прервал его профессор Грегсби,— мы действительно собирались говорить о Марсе. Но, если вы ничего не имеете против, мы отложим разговор о Марсе до другого раза и продолжим наш спор. Я совсем не предполагал, что мои исследования приведут к таким результатам.

— Вы утверждаете, что действительно испытали и проверили свои так называемые «факты»? — опять вмешался Смеддервик.

— Да,— спокойно ответил Грегсби,— если нужно, я могу подтвердить это честным словом.

Смеддервик что-то проворчал, но не стал дальше спорить.

— Конечно,— продолжал профессор, оглядывая присутствовавших,— вы все читали мою книгу. Она вышла в свет недели три тому назад...

(В этом месте Марвин прервал рассказ, видимо, вспоминая что-то, и прошло некоторое время, прежде чем нам удалось снова вернуть его к рассказу. Здесь вышел невольный пропуск, так как Марвин возобновил рассказ с того момента, когда профессор Грегсби проводил аналогию между пространством и временем).

— Приведенные профессором аргументы,— продолжал Марвин,— показались мне вескими. «Все, что может быть измерено, должно иметь свое протяжение...». Я сам читал книгу профессора Грегсби. Быть может, это помогло мне понять его теорию. Безусловно, это также помогло и другим, за исключением Блэффингема, понявшего теорию, по его словам, без книги. Даже Смеддервик соглашался с логичностью этих аргументов. Суть утверждения профессора Грегсби, насколько я мог понять, заключалась в следующем: можно, будучи поставленным в надлежащие условия, «наблюдать предметы во времени и перемещаться в нем» точно так же, как мы наблюдаем предметы в пространстве и перемещаемся в нем.

— А каковы эти «надлежащие условия?» — задал кто-то вопрос. (Марвин убежден, что этот вопрос был задан Блэффингемом.)

— Эти условия,— ответил Грегсби,— заключаются в том, что наши чувства должны быть приближены к «протяжению времени». Время, как я уже сказал, по аналогии с пространством имеет свое особенное протяжение, а мы — существа, ограниченные в восприятии вещей и свободе передвижения, так сказать, одной стихией.

Это вызвало чье-то замечание, что часы — вещь, относящаяся ко времени, между тем мы без всяких «надлежащих условий» можем наблюдать за их стрелками и «перемещаться за ними». Биффен поспешил загладить это неудачное вмешательство и спросил:

— Следовательно, будучи поставлены в эти условия, мы по-

лучим способность перемещаться из настоящего в прошлое и в будущее?

Грегсби ответил, что его исследования еще не зашли так далеко и пока ограничились только прошлым. Относительно будущего он надеется со временем тоже добиться успеха, если ему удастся открыть нужные световые лучи.

— Световые лучи? — спросил Смеддервик.

Грегсби начал говорить о световых лучах.

— Как всем известно,— объяснял он,— бывают видимые и невидимые световые лучи. К световым лучам, воспринимаемым нашими чувствами, приспособлены все пространственные существа. Эти лучи освещают нам «пространственное протяжение». Вторые же...— Здесь он остановился.

— А вторые? — спросил Смеддервик.

— Назначением или функцией света является «освещать»,— продолжал Грегсби.— Видимые световые лучи освещают видимый мир или то, что мы условились называть «пространственным протяжением». Вполне логичным будет допущение, что невидимые лучи освещают невидимый мир...

— Или, другими словами, то, что мы условились называть «временным протяжением?» — спросил мой друг Харлей.

— Совершенно верно. Или четвертое измерение, если вы предпочитаете этот термин, или «астральный план»...

— Все эти разно названные, но, очевидно, тождественные измерения, планы и прочее,— насмешливо произнес Смеддервик,— вместе с невидимыми световыми лучами позволяют нам предполагать все что угодно...

Все с большим возбуждением заговорили разом.

— Призраки! Тени! — кричал кто-то.

— Я уверен, что они существуют,— слышался голос Блэффингема.

Харлей и Смеддервик тоже говорили что-то в этом роде.

Весь этот шум покрывал голос профессора Грегсби.

— Повторяю,— спокойно говорил он,— я открыл и могу применять особые невидимые световые лучи, освещающие ту часть «протяжения времени», которую мы относим к прошлому. Кроме того, я могу тем или иным способом направить эти лучи куда захочу: на десять, сто, тысячу, сотни тысяч лет назад. Как уже было сказано, я усовершенствовал свой первый примитивный аппарат, и мы можем видеть существа, принадлежащие времени, существа прошлого. Мы можем воссоздать все, как было в тот промежуток времени, на который мы направим эти лучи.

— И эти существа будут словно призраки! — воскликнул Биффен.

— Да, словно призраки. Как я уже высказывался в своей кни-

ге, случайные спектральные или относящиеся к призрачным явления, иногда наблюдаемые людьми, по всей вероятности, обусловливаются частичными проявлениями невидимых световых лучей, показывающих нам, в каком-нибудь повторяющемся действии, явления, уже имевшие свое место в прошлом.

— Теперь,— продолжал Грегсби,— я хочу обратить ваше внимание на следующее: я говорил о нас, как о пространственных существах. Но наряду с этим я употреблял термин «существа настоящего»,— термин, относящийся к «временному протяжению». Этим я не противоречил себе. Я должен обратить ваше внимание на то, что эти два протяжения не совсем разделены. В известном пункте вечно меняющегося настоящего они пересекаются. Это и заставило меня произвести некоторые исследования, результат которых я намерен сейчас продемонстрировать перед вами.

С этими словами Грегсби поднялся среди всеобщего молчания, в продолжение которого глаза всех были устремлены на него, и пригласил всех присутствовавших последовать за ним.

Марвин помнит, что последовал за остальными в комнату, которая служила профессору Грегсби лабораторией. Марвин не может подробно описать ее, но помнит, что это была длинная, задрапированная черным комната, в одном конце которой стоял аппарат, сделанный из блестящего, похожего на серебро металла, и имевший вид волшебного фонаря с целой системой рычагов. Все сели. Профессор Грегсби занял место у аппарата. Дальше Марвин помнит только то, что все погрузилось в глубокий мрак.

— Ну, а потом? — спросил я.

Но Марвин, казалось, забыл на минуту, что рассказывает свою историю. Наконец, он снова заговорил:

— Было темно-темно... Об этом я говорил?

— Да,— ответил я.

— Стоял непроглядный мрак... Грегсби объяснил, что когда он осветит невидимыми лучами известную часть пространства, тогда можно будет увидеть то, что происходило в ней в тот промежуток времени, на который направлены эти лучи.

После этого появилось подобие экрана с серой туманной поверхностью, освещенной слабым светом. Грегсби спросил, в какую эпоху прошлого они хотели бы заглянуть?

— Как можно дальше,— быстро ответил Блэффингем,— этак тысяч на сто лет назад.

Это, очевидно, настроило известным образом воображение присутствовавших, и все поддержали просьбу Блэффингема.

Послышалось щелканье, точно нажали какой-нибудь рычаг, и внезапно перед нами открылась большая полукруглая стена тростника, который был так высок, что скрывал от зрителей небо. На переднем плане было открытое место болотистого характера.

В продолжение нескольких минут мы смотрели на открывшуюся перед нами картину, но она оставалась неизменной.

Биффен высказал мысль, что следует переместить фокус лучей на другой период, но Грегсби сказал:

— Нет, подождем еще.

Внезапно какое-то большое крылатое существо опустилось на открытое болотистое пространство. Все увидели, что существо это похоже на летающего дракона со злой, заканчивавшейся длинным клювом головой и огромными, имевшими вид кожаных, крыльями. В общем, существо имело в высшей степени отвратительный вид...

— Птеродактиль *,— высказал я свое предположение, прервав Марвина.

— Да,— сказал Марвин,— и Смеддервик назвал его так...

В когтях птеродактиля было мертвое тело какого-то небольшого пушистого животного, которое чудовище начало пожирать.

В продолжение нескольких минут мы смотрели на это ужасное зрелище, испытывая отвращение, смешанное с любопытством. Вдруг птеродактиль прекратил свой обед, расправил крылья, прянул в воздух и скрылся из виду. Очевидно, он был чем-то напуган.

И сразу же в середине болотистого места, куда спускался птеродактиль, появилось волосатое обезьяноподобное существо с острыми ушами, которыми оно шевелило, бросая по сторонам пугливые взгляды. Это существо стояло согнувшись и жадно пожирало кровавые остатки брошенной птеродактилем добычи.

Но вот обезьяноподобное существо бросило остатки пиршества птеродактиля и, оглянувшись через плечо, убежало. Едва оно скрылось из виду, как появилось другое такое же существо, которое несло в руках большую сучковатую палку. Это был самец.

Яростным движением он бросил палку вслед убегавшей самке, потом подобрал уже дважды брошенную добычу и медленно пошел за самкой, грызя на ходу свою находку.

Это были первобытные люди...

Ждать новых явлений пришлось недолго.

Внезапно на узкой тропинке, которая шла через густую чащу тростника, показалось новое обезьяноподобное существо. Оно проявляло признаки крайнего беспокойства и вдруг в ужасе шарахнулось в сторону. Вслед за ним показалось десятка два таких же существ, бежавших в разных направлениях. Прежде чем они скрылись, два из них подошли так близко к нам, что можно было ясно рассмотреть искаженные страхом лица. Некоторые были вооружены подобием топоров, другие держали в руках целые пучки копий, но многие были без оружия, которое, очевидно, где-то бро-

---

* Птеродактиль — ископаемое пресмыкающееся, которое было приспособлено и к жизни в воздухе. Переходная ступень к птицам.

сили. Когда все скрылись, тростниковая стена пришла в такое волнение, будто сквозь нее пронеслась сильная буря.

Сперва из волнующегося тростника показалось очевидно отставшее обезьяноподобное существо, потрясавшее в бессильной ярости единственным своим оружием — маленьким копьем. За ним выкатилось странное чудовище, имевшее вид носорога, но такого носорога, которого еще не видал никто. Оно было необычайно огромного роста, с тремя большими рогами на носу и с подобием гребня вокруг шеи. Оно остановилось, как вкопанное, у самого края тростниковой заросли.

Чудовище медленно ворочало головой, яростно сверкая своими маленькими, как у свиньи, глазами. Все присутствовавшие смотрели на него, затаив дыхание и храня глубокое молчание.

Вдруг тишину нарушил голос профессора Грегсби.

— Блэффингем! — вскричал он.— Глупец! Что вы делаете?

К нему присоединились другие голоса.

Марвину казалось, что он слышал шум борьбы. Но он был так поражен видом чудовища, что плохо разбирался во всем происходящем.

Марвин слышал спорящие голоса и среди них голос Блэффингема, кричавшего:

— Этот уж не уйдет от нас! Нет, не уйдет!

Почти одновременно произошло следующее:

Марвин видел, как что-то мелькнуло в воздухе, и маленькое копье вонзилось в правый глаз чудовища.

В этот самый момент послышался полный ужаса голос профессора Грегсби:

— Что вы наделали?!

Вслед за тем чудовище ринулось вперед... Комната погрузилась во мрак.

Топот, хрюканье и фырканье чудовища, крики умирающих людей...

Дальше Марвин не мог говорить,— да вряд ли и помнит, что было дальше.

В лондонском музее естественных наук хранится гигантский скелет, найденный на лугу недалеко от слияния рек Аймбера и Моля. Этот скелет был найден в день загадочной катастрофы. Полное научное описание скелета вместе с изложением обстоятельств, при которых он был найден, находится на дощечке, помещающейся у ног. На трех страшных рогах чудовища торчит скелет лошади. Но в момент открытия этих останков допотопного животного сама лошадь не была скелетом.

«В ее теплое, истекающее кровью тело были вонзены рога гигантского скелета»,— написано на дощечке.

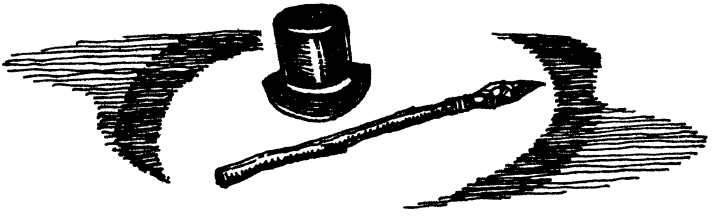
От развалин лаборатории профессора Грегсби по всей дороге вплоть до того места, где был найден скелет, можно было легко различить отпечатки ног огромного зверя. Они, несомненно, принадлежали «живому зверю», но именно такому, «каким был много-много лет назад скелет». В правой глазной впадине скелета застряло маленькое копье с кремневым наконечником...

Ученые и до сих пор не разгадали Диттонскои загадки. Быть может, прочитав историю Марвина, они придут к какому-нибудь заключению.

Что касается меня, то у меня есть своя собственная теория. Я полагаю, что Блэффингем, будучи охвачен безумным желанием добыть себе, как импрессарио, представителя седой древности, пустил в ход «витализирующие» лучи профессора Грегсби и оживил чудовище...

Остальное само собой понятно.

Вот и вся история Марвина. Дальнейшая его судьба вряд ли заинтересует читателя.



Г. Уэллс

ДОЛИНА ПАУКОВ

Около полудня трое преследователей, обогнув крутой изгиб реки, очутились в виду обширной горной долины. Трудная извилистая каменистая дорожка, по которой они так долго неслись за беглецами, перешла в широкий скат. Все трое, оставив след, поехали к небольшой возвышенности, поросшей масличными деревьями, и остановились: двое из них — несколько поодаль от ехавшего впереди человека, на лошади которого была украшенная серебром уздечка.

Несколько минут путники всматривались в широкое пространство, открывавшееся перед ними. Оно уходило все дальше и дальше, и однообразие пустыни, покрытой пожелтевшей травой, только изредка прерывалось группами засохших колючих кустов и следами теперь высохших русел временных потоков. Красноватая даль

наконец сливалась с синеватыми скатами отдаленных холмов, может быть, даже покрытых зеленью. А над ними, держась на невидимом основании, будто действительно вися в воздухе, высились одетые снегами вершины гор, становившиеся все выше и опаснее к северо-западу, где бока долины суживались.

На западе же долина была открыта до того места, где темное пятно на небе указывало на начало леса. Но трое людей смотрели не на восток и не на запад, а прямо перед собой.

Сухощавый человек с рассеченной губой заговорил первым, и в его голосе слышалось разочарование:

— Нигде не видать. Да ведь, правда, у них был целый день впереди.

— Они не знают, что мы гонимся за ними,— сказал маленький человек на белой лошади.

— Она-то, наверное, знает,— с горечью сказал предводитель и подумал:

«И все же они не могут продвигаться быстро. У них всего только один мул, а из ноги девушки весь день сочилась кровь...».

Человек на лошади с серебряной уздечкой бросил на худощавого свирепый взгляд:

— Ты думаешь, я не понял этого? — огрызнулся он.

— А все же это не без пользы,— прошептал маленький как бы про себя.

Худощавый с рассеченной губой невозмутимо смотрел вдаль:

— Они не могли уйти из долины,— сказал он.— Если нам поехать поскорее...

Он взглянул на белую лощадь маленького и замолчал.

— К черту всех белых лошадей,— сказал человек на лошади с серебряной уздечкой и обернулся на животное, к которому относилось проклятие.

Маленький взглянул вниз между ушами своего белого коня.

— Я сделал все, что мог,— сказал он.

Двое других опять начали вглядываться в долину. Худощавый провел обратной стороной руки по рассеченной губе.

— Вперед! — вдруг приказал обладатель серебряной уздечки.

Маленький вздрогнул, натянул поводья, и копыта трех лошадей чуть слышно и часто застучали по густой высокой траве, направляясь с холма — обратно к следу, вниз.

Всадники осторожно спустились с длинного ската и, проехав сквозь чащу покрывавших скалы колючих кустов со странными, как бы роговыми ветвями, очутились на ровном месте внизу. Здесь след виден был очень слабо, потому что земля лежала тонким слоем и единственным покровом была засохшая трава, торчавшая из почвы. Однако, зорко всматриваясь, свесившись с шеи лошадей и часто останавливаясь, всадникам удалось найти след беглецов.

Попадались вытоптанные места, сломанные и согнутые стебли сухой травы и местами достаточно ясные отпечатки ног. Вскоре предводитель увидал кроваво-бурое пятно там, где, вероятно, ступила девушка-креолка. И здесь он про себя выругал ее сумасшедшей.

Сухощавый ехал по следу передового, а маленький человек на белой лошади следовал позади, погруженный в свои думы. Все ехали гуськом, человек на лошади с серебряной уздечкой показывал дорогу, и никто не говорил ни слова. Через несколько времени маленькому человеку на белой лошади подумалось, что кругом очень тихо. Он очнулся от забытья. Кроме легкого шума, производимого лошадьми и оружием, вся большая равнина была тиха, как нарисованный ландшафт.

Впереди ехал предводитель с товарищем, оба склонились влево и покачивались вместе с мерным шагом лошадей; их тени, как тихие, бесшумные, крадущиеся спутники, двигались впереди них. Предводитель оглянулся. Что это с ним? Ему припомнился отсвет от стен ущелья и постоянный аккомпанемент скатывающихся с шумом камней. А потом... Не было ни малейшего ветерка. Вот причина. Какое обширное тихое место, все погруженное в вечернюю дремоту! И небо чистое, ясное, только немного затуманенное в верхней части долины, где собралась тонкая дымка.

Маленький человек поиграл поводом, сложил было губы, чтобы свистнуть, и только вздохнул. Он на минуту обернулся в седле и стал всматриваться в ущелье, из которого они выехали. Все голо, голые скалы с каждой стороны, и нигде ни следа животного или растения, а тем более человека. Что это за сторона? Ему это место вовсе не нравилось.

Он почувствовал минутное удовольствие, увидав темно-красную змейку, мелькнувшую стрелой и исчезнувшую в сумерках. Это значило, по крайней мере, что в долине есть жизнь. А затем, к еще большей радости, его лица коснулось легкое дуновение, до слуха донесся как бы шепот, только кусты местами заколебались на небольших пригорках; можно было думать, что это — первые признаки вечернего ветерка. Всадник послюнявил пальцы и поднял их в воздухе, чтобы узнать направление ветра.

В это время ему пришлось резко остановить лошадь, чтобы избегнуть столкновения с сухощавым, который тоже вдруг остановился, не находя больше следа. Как раз в эту минуту он поймал взгляд предводителя, обращенный на него.

Маленький попытался выказать интерес к выслеживанию; но затем, когда поехал дальше, снова углубился в наблюдение за тенью хозяина, за его шляпой и плечами, появлявшимися и исчезавшими за фигурой сухощавого, ехавшего ближе. Они уже четыре дня ехали, словно с края света, по этой безводной пустыне, питаясь только сушеным мясом, которое везли под седлом, пробиваясь

по горам и скалам, где, наверное, никого не бывало, кроме преследуемых ими беглецов!

И все это было из-за девушки, капризного ребенка!

«И зачем этому человеку, самые низкие прихоти которого исполняет чуть ли не целый город, понадобилась именно эта девушка?» — мысленно задал себе вопрос маленький человек и нахмурился, облизывая засохшие губы почерневшим языком. Таков уж был нрав хозяина, и больше он ничего не знал.

Перед его глазами целый ряд сплошного тростника сразу нагнулся, а затем шелковистые ленты, висевшие на нем, затрепетали и опустились. Ветер усиливался. Он как бы оживлял все кругом, и это было хорошо.

— Алло! — крикнул сухощавый.

Все трое вдруг остановились.

— Что такое? — спросил хозяин.

— Там... — отвечал сухощавый, указывая вдаль по долине.

— Что такое?

— Что-то движется к нам навстречу: вон — бежит... Видите?

В эту минуту какое-то желтое животное появилось на подъеме холма и стало приближаться к всадникам. Это была большая дикая собака, бежавшая, высунув язык, так быстро, что не замечала приближавшихся всадников. Она бежала, подняв нос, очевидно, без всякой цели и следа. Когда собака была уже близко, маленький человек схватился за нож.

— Она бешеная,— решил сухощавый.

— Крикните,— сказал маленький человек и сам крикнул.

Собака поравнялась со всадниками, но, когда маленький человек уже обнажил нож, отклонилась в сторону и пробежала мимо. Маленький человек смотрел ей вслед.

— Пены не видно,— сказал он.

С минуту предводитель смотрел вдаль и наконец крикнул:

— Ну, едем дальше! Какое нам дело!

И он тронул лошадь.

«Едем дальше,— прошептал про себя маленький человек, повторяя слова предводителя.— Почему один человек может сказать: «едем дальше», и его все слушаются? Всю свою жизнь человек с серебряной уздечкой говорил это. А если бы вот я сказал то же самое... Все даже удивятся, если не послушаешься самого нелепого приказания хозяина. Эта девушка, на его взгляд и на взгляд других, сумасшедшая, решившаяся на неслыханный поступок».

Затем мысли маленького человека перешли к худощавому с рассеченной губой, такому же необузданному, как и хозяин, такому же, а может быть, даже более храброму, но, между тем, не знающему ничего, кроме слепого повиновения.

Какое-то особенное ощущение в руках и коленях заставило

маленького человека вернуться к окружавшему. Что-то такое привлекло его внимание. Он поравнялся с сухощавым человеком.

— Заметил ты, что с лошадьми? — спросил он.

Сухощавый взглянул вопросительно.

— Им не нравится ветер,— сказал маленький человек, когда предводитель обернулся.

— Нет, ничего особенного,— ответил сухощавый.

Они проехали некоторое время молча. Передовые все время присматривались к следу, а ехавший сзади смотрел в сумрак, спускавшийся в обширную долину, и наблюдал, как ветер крепчал с каждой минутой. Далеко на западе он заметил темное пятно,— должно быть, стадо диких свиней, быстро несшееся вниз по долине, но не сказал ничего и не сделал вторичного замечания о беспокойстве лошадей.

А затем он вдруг увидал блестящий белый шар, за ним другой, похожий на огромный репейник, который ветер гнал по ущелью. Шары взлетали высоко в воздухе, опускались и снова поднимались, останавливались на мгновение и быстро пролетали мимо, а беспокойство лошадей при виде их увеличивалось.

В следующее мгновение показалось еще несколько таких шаров, несшихся навстречу всадникам... и все чаще, чаще...

До слуха ехавших донесся визг. Дорогу перебежал дикий кабан, но не остановился, а только мельком взглянул на них. После этого все трое остановились, всматриваясь во все сгущавшуюся мглу, надвигающуюся на них.

— Если бы не репейник..— заговорил предводитель.

Но в это мгновение огромный шар пронесся совсем близко. Это был вовсе не ровный шар, а что-то огромное, мягко-шершавое и волосатое, вроде листа, собранного за края, или летающего спрута. Предмет переворачивался, приближаясь, таща за собой следом длинные нити и полосы паутины.

— Это не репейник,— сказал маленький человек.

— Не нравится мне эта штука,— пробормотал сухощавый.

И они переглянулись.

— Черт возьми! — закричал передовой.— Здесь воздух кишит ими. Если так пойдет дальше, они заставят нас остановиться.

Инстинктивное чувство, вроде того, которое заставляет оленей сплачиваться при приближении чего-нибудь неопределенно страшного, побудило всадников повернуть лошадей против ветра, и, проехав несколько шагов, остановиться в ожидании приближавшейся летучей массы. Она надвигалась по ветру быстро, бесшумно колыхаясь, опускаясь на землю и снова взлетая высоко в воздух согласным уверенным движением.

Передовые этого странного войска пролетали справа и слева от всадников. И вдруг масса покатилась по земле бесформенными

клубами и полосами, лошади испугались и начали подниматься на дыбы. Предводителя охватило внезапное безграничное нетерпение. Он награждал шары и лошадей самыми отборными ругательствами.

— Вперед! — кричал он.— Не смотрите на них! Какое нам до них дело! Назад, к следу!

Он выругал свою лошадь и затянул повод, яростно крича:

— Говорю вам, я поеду по этому следу!.. Где он?..

Он схватил повод поднимавшегося на дыбы коня и стал искать след в траве. Длинная клейкая нить легла ему на лицо и серое щупальце упало на руку, державшую повод, а по затылку быстро пробежало что-то живое на многих ногах. И предводитель почувствовал, как одно из этих серых существ будто впилось в него. Между тем свободные концы нитей хлопали над ним наподобие паруса причаливающей лодки, но без шума.

Ему показалось, будто на него смотрит много глаз из груды мягких тел, которые готовы были спуститься на него на своих коленчатых ногах, пробиравшихся по толстым нитям. С минуту он смотрел вверх, сдерживая коня по привычке, приобретенной долгими годами верховой езды. Но над его головой сверкнуло лезвие ножа и перерезало нити паутины, на которых шар держался в воздухе. Вся масса мягко поднялась и медленно поплыла дальше.

— Пауки! — крикнул сухощавый.— Здесь все полно огромными пауками. Взгляните!

Человек на лошади с серебряной уздечкой продолжал следить за удалявшейся массой.

— Хозяин, хозяин! — вдруг крикнул маленький.

Но хозяин смотрел на что-то красное, лежавшее на земле и еще шевелившее ногами. Когда сухощавый указал ему на другую массу, опускавшуюся на них, он поспешно выхватил нож.

Верхняя часть долины казалась теперь туманной стеной, разорванной в клочки. Он попытался определить положение. Маленький человек закричал:

— Поезжайте вниз по долине!

То, что произошло потом, походило на свалку. Человек на лошади с серебряной уздечкой увидал, как маленький промчался мимо него, яростно отбиваясь от пауков, и изо всей силы налетел на сухощавого, сбив его и лошадь с ног. Его собственная лошадь пробежала шагов десять, прежде чем ему удалось остановить ее. Потом он взглянул наверх и назад, где увидал лошадь, валявшуюся на земле, и сухощавого, стоявшего над ней и отбивавшегося от окутывавшей его серой трепещущей массы, спускавшейся на них обоих. Паутина неслась быстро, плотным слоем, как семена одуванчика в ветреный июльский день.

Маленький человек сошел с лошади, но не выпускал повода.

Он старался удержать вырывавшееся животное одной рукой, размахивая другой в воздухе без определенной цели. Щупальца второй серой массы протягивались к нему, а вся масса медленно опускалась.

Хозяин стиснул зубы, подобрал повод, нагнул голову и пришпорил коня. Упавшая лошадь сухощавого перевернулась, встала, на ее боках виднелась кровь и копошились живые существа. Сухощавый вскочил на нее и бросился вдогонку хозяину, успевшему отъехать шагов на десять. Его ноги были все окутаны серым; он беспомощно размахивал ножом. Потоки серых лент спускались с него, лицо скрывалось под тонкой серой дымкой. Левой рукой он старался оторвать что-то от своего тела. Вдруг лошадь его споткнулась, и он опять упал. Он пытался подняться, но снова упал и вдруг завыл во все горло:

— О-о-о!..

Хозяин с ужасом смотрел на огромных пауков, присасывающихся к худощавому, и на других, ползающих по земле.

Когда он пытался заставить своего коня подъехать к судорожно бившемуся и кричавшему серому узлу, пытавшемуся встать, послышался стук копыт, и мимо промчался маленький человек, сбившийся в сторону на своей лошади и ухватившийся за ее гриву. И все новые и новые клочки серой ткани заволакивали лицо хозяина. А над ним и кругом его кружились, все теснее и теснее обхватывая его, нити паутины...

Впоследствии до самого последнего дня своей жизни он не мог припомнить, как произошло то, что случилось с ним в эту минуту. Удалось ли ему повернуть лошадь, или она сама, по собственному желанию, бросилась за товарищем,— неизвестно. Он помнит только одно: что в следующее мгновение она несла его вниз по долине в то время, как он отчаянно махал ножом над головой. А над ним, при усиливавшемся ветре, воздушные корабли пауков, наполненные воздухом шары и лоскуты летели, будто сознательно преследуя его.

Копыта стучали, человек с серебряной уздечкой мчался, сам не сознавая куда, подняв кверху свое испуганное лицо и держа нож наготове, чтобы нанести удар. А в нескольких шагах впереди ехал маленький человек, таща за собой хвост разорванной паутины, но все еще держась в седле. Камыш склонялся перед ним, ветер дул сильный и свежий; через плечо хозяин видел, как паутина гналась за ними...

Он так стремился убежать, что только тогда, когда его лошадь приготовилась сделать большой прыжок, заметил, что находится на краю рва, но не мог сообразить, что следует сделать. Он сидел, сильно нагнувшись вперед, и откинулся назад уже слишком поздно.

Но если волнение помешало ему сделать скачок, то он, во всяком случае, не забыл, ка́к следует падать. Он отделался только

ушибом плеча, лошадь же его упала и судорожно билась. Но нож воткнулся в твердую почву и сломался, как бы отказываясь дальше служить ему.

Хозяин быстро вскочил, не переводя духа, отбиваясь от настигавшей его паутины. Одну минуту он думал было бежать, но вспомнил, что находится во рву, и повернул назад. Он отбежал в сторону, и в следующее мгновение стал спускаться еще ниже, скрываясь от бури.

Здесь ему удалось спрятаться под выступом высохшего русла потока, и из своего прикрытия он смотрел на эти странные серые массы, несшиеся мимо и застилавшие плотной пеленой кусочек неба над его головой, ожидая, пока ветер утихнет и явится возможность уйти.

Один раз летевший мимо паук упал в ров рядом с ним. Он с растянутыми ногами был величиной в целый фут. Посмотрев несколько минут, как чудовище старалось убежать и пыталось кусать его сломанный нож, он поднял свой подбитый железом сапог и с проклятием бросил им в мягкую массу, намереваясь сделать то же и со вторым сапогом.

Убедившись, что полчища пауков не достигнут его, человек сел и начал раздумывать, грызя, по своему обыкновению, ногти. Его оторвало от этого занятия появление человека на белой лошади.

Он услышал стук копыт его лошади и ободряющий голос товарища еще раньше, чем увидел его. Затем маленький человек показался с лицом кающегося, таща за собой хвост белой паутины. Люди встретились, не приветствуя друг друга и не говоря ни слова. Маленький человек устал и дошел до крайнего озлобления, когда встретился с хозяином. Последнего несколько покоробил взгляд подчиненного.

— Ну что? — спросил он наконец стараясь придать своему вопросу начальнический тон.

— Вы бросили его.

— Лошадь помчала.

— Знаю, и моя тоже.

Он дерзко захохотал в лицо хозяину.

— Я говорю, моя лошадь помчала,— сказал человек, у которого прежде была лошадь с серебряной уздечкой.

— Мы оба трусы,— решил маленький.

Другой продолжал грызть ногти, как бы в раздумьи, не спуская глаз с подчиненного.

— Не называй меня трусом,— сказал он наконец.

— Вы такой же трус, как и я.

— Может быть. Есть предел, за которым каждый человек начинает бояться. Это я узнал недавно.

— Но не так, как вы. Вот в том-то и разница. Я никогда не думал, что вы его бросите. Он спас вам жизнь несколько минут тому назад... Но что же вы, наш хозяин?!

Хозяин опять начал грызть ногти и сильно нахмурился.

— Никто не называл меня трусом,— сказал он.— Нет... Сломанный нож все же лучше, чем ничего... Загнанной белой лошади не снести двух человек четыре дня... Терпеть не могу белых лошадей, да уж нечего делать на этот раз. Ты начинаешь меня понимать... Я вижу, что после всего случившегося ты намереваешься очернить меня... Ты никогда не был мне по душе.

— Хозяин...— начал было маленький человек.

— Нет, нет! — отвечал хозяин.

Он вскочил, когда маленький человек хотел отойти. С минуту они смотрели друг другу в глаза. Над их головами пролетали пауки. Камни покатились, раздалось топанье ног, отчаянный крик... удар...

К ночи ветер стих. Солнце зашло безмятежно ясно, и бывший владелец лошади с серебряной уздечкой очень осторожно вышел по легкому подъему из рва; только теперь он вел на поводу белую лошадь, на которой прежде ехал маленький. Ему хотелось подойти к своей лошади, чтобы снять уздечку с серебряными украшениями, но он боялся, что ночь и ветер могут застать его в долине, а кроме того, ему была неприятна мысль, что он может увидать своего коня, усеянного пауками, а может быть, частью изъеденного ими.

Взгляд его обратился на долину.

«Я погорячился,— подумал он,—а теперь она уж получила свою награду. И они — в этом нет сомнения...»

Но что это? Далеко, над поросшим лесом скатом долины, к небу, озаренному закатом, вилась отчетливо струйка дыма.

При виде ее покорность старика сменилась яростью. Дым! Он повернул лошадь; но колебался. В эту минуту над ним что-то зашуршало в воздухе. Далеко над тростником плыл разорванный серый лоскут. Он взглянул на паутину и на дым.

«Может быть, в конце концов, это вовсе не они»,— снова подумал он. Но он знал, что это именно они.

Еще некоторое время он смотрел на дым, а потом сел на лошадь.

Ему предстояло пробраться через плотную сеть паутины. На земле оказалось много мертвых пауков, а живые грызли своих товарищей. При звуке копыт они разбежались.

Их время миновало. С земли, когда ветер не подхватывал их, они, несмотря на весь свой яд, не могли ничего сделать человеку.

Хозяин отбивался своим поясом от тех, которые подползали слишком близко. Однажды, когда их собралось несколько на чистом месте, он решил было слезть и перетоптать их ногами, но преодолел свое желание.

Каждую минуту он поворачивался в седле и смотрел на дым.

«Пауки...— бормотал он про себя.— Пауки помешали?.. Ладно... Следующий раз я сам должен соткать паутину. И уж тогда — не выпущу!».

КЛАНГ-УТАНГ ОСТРОВА БОРНЕО

Обсерватория в Аву на о. Борнео стоит на вершине потухшего вулкана. К северу старый кратер вырисовывается темной массой на безоблачном ночном небе. От маленького круглого здания с крышей в форме гриба крутые склоны горы уходят прямо в темный девственный тропический лес у подножья. Небольшой домик, где живут заведующий обсерваторией и его помощник, отстоит метров на сорок от обсерватории, а дальше стоят домики туземных жителей — рабочих обсерватории.

Седди, заведующий астрономической обсерваторией, лежал дома в легкой лихорадке. Его помощник, Вудхауз, прежде чем начать свое ночное дежурство, остановился на минуту перед входом в здание в немом созерцании красоты тропической ночи. Ночь была тихая. Из домиков туземцев по временам доносились голоса и смех, а в глубине леса слышался крик какого-то животного. Из густой темноты непрерывно вылетали ночные насекомые и кружились около огня.

Помощник думал о возможности новых открытий в этой темной лесной чаще, лежавшей у его ног: для натуралиста девственные леса Борнео до сих пор представляют заманчивую страну, полную неразрешенных вопросов и открытий. Вудхауз нес в руке маленький фонарь, желтый свет которого составлял резкий контраст с бесконечной гаммой оттенков ночи, начиная от бледно-голубого и кончая черным, в которые был окрашен ландшафт. Руки и лицо астронома для защиты от москитов были намазаны особой мазью.

Здание обсерватории было временное, не вполне оборудованное всем необходимым. Поэтому Вудхауз размышлял о том, что работа во временном здании, снабженном, кроме телескопа, только самыми примитивными приспособлениями, опять потребует долгого неподвижного наблюдения в самой неудобной позе. Натуралист вздохнул при мысли о предстоящей физической усталости, потянулся и вошел в обсерваторию.

Читатель, вероятно, знаком с устройством обыкновенной астрономической обсерватории. Здание имеет большей частью цилиндрическую форму с легкой полукруглой крышей, которую можно вращать изнутри в любом направлении. Телескоп опирается основанием на каменную тумбу, находящуюся в центре здания, а ча-

совой механизм, указывающий вращение Земли, позволяет постоянно наблюдать какое-либо нащупанное трубой небесное светило. Кроме того, целая система колес и винтов у стойки дает возможность астроному устанавливать трубу телескопа в желательном положении. В подвижной крыше имеется отверстие, перемещающееся вместе с трубой телескопа, направленной к небесному своду. Наблюдатель сидит или лежит на наклонной деревянной скамье, которую можно передвигать на колесах, как потребует того положение телескопа. С целью усилить яркость наблюдаемых звезд, в обсерватории сохраняется полная темнота.

Пламя в фонаре заколыхалось, когда Вудхауз вошел в свою круглую нору, и мрак побежал темными тенями за большой аппарат, а когда свет был прикрыт, снова как будто расползся по всей комнате.

В отверстие крыши смотрела прозрачная синева, на которой горели с тропической яркостью шесть звезд, и бледный свет их скользил по темной трубе инструмента. Вудхауз установил крышу, потом, подойдя к телескопу, повернул одно колесо, затем другое, ставя большую трубу в новое положение. Потом он посмотрел в «искатель» — маленький вспомогательный телескоп,— немного подвинул крышу, привел в порядок еще кое-какие приспособления и завел часовой механизм. Вудхауз снял пиджак, потому что ночь была очень жаркая, поставил как ему надо было неудобную скамью, на которой ему предстояло провести следующие четыре часа, и со вздохом начал свои наблюдения над небесными светилами.

В обсерватории царила полная тишина, пламя в фонаре продолжало колебаться. Лишь изредка доносился из лесной чащи крик какого-то животного, а из туземного поселка говор малайских и даякских жителей-рабочих. Вот один из них затянул заунывную протяжную песню; другие через определенные промежутки подхватывали ее припев, но и песня замолкла,— все, по-видимому, разошлись по домам, и уже никакого звука не доносилось из поселка. Шепчущая тишина становилась все глубже и глубже.

Часовой механизм ровно тикал. Слышалось пронзительное жужжание москита, по-видимому, раздосадованного мазью, покрывавшей лицо Вудхауза.

Вудхауз переменил положение, когда медленное движение телескопа сделало его уж чересчур неудобным, и опять весь отдался работе.

Он наблюдал группу звезд в Млечном Пути, в одной из которых заведующий обсерваторией незадолго перед тем обнаружил какое-то особенное, по его словам, колебание света. Такие наблюдения не входили в круг ежедневной работы обсерватории, и, может быть, именно поэтому Вудхауз особенно заинтересовался ими. Он

совершенно забыл обо всем земном. Все его внимание сосредоточилось на большом голубом круге небесного свода в поле телескопа,— круге, усеянном миллионами звезд, которые ярко сверкали на темном фоне. Во время наблюдения Вудхаузу казалось, будто и сам он несется в эфире пространства. Бесконечно далеко было светлое пятнышко, мерцавшее слабым красным огнем, которое он наблюдал.

Вдруг звезды как будто померкли. Промелькнуло что-то темное, и они опять засияли.

— Странно,— сказал Вудхауз,— должно быть, птица.

Снова повторилось то же, и вслед за этим большая труба телескопа содрогнулась, словно кто-то толкнул ее. Потом раздались оглушительные удары о крышу обсерватории. Звезды будто поплыли в сторону, между тем как телескоп, сдвинутый с места, повернулся и выскользнул из отверстия в крыше.

— Черт возьми! — воскликнул Вудхауз.— Что такое?

Что-то огромное, темное, неопределенное, вроде бьющегося крыла, как бы пыталось пролезть в отверстие крыши. Через минуту отверстие снова очистилось, и в него снова лился яркий свет длинной полосы Млечного Пути.

Вверху комнаты, под крышей, было совершенно темно, и только какое-то царапанье указывало на присутствие там невидимого живого существа.

Вудхауз встал со скамьи. Он дрожал и обливался потом, пораженный неожиданностью происшедшего. Где это существо — кто бы оно ни было — в комнате или на крыше? Одно было несомненно, что оно велико.

Вдруг опять что-то промелькнуло, влетев в отверстие крыши, а телескоп заколебался. Вудхауз вскочил. Стало быть, это существо в обсерватории, с ним? По-видимому, под самой крышей? Что же это может быть?

Вудхауз постоял секунду в оцепенений. Существо царапалось под сводом, потом вдруг метнулось прямо в лицо, и звездный свет скользнул по чьей-то блестящей коже. Бутылка с водой полетела со стола на пол.

Чувство, что странное неведомое существо скрывается в темноте, в нескольких футах от лица, было особенно неприятно Вудхаузу. Придя немного в себя, он подумал, что это, должно быть, какая-нибудь ночная птица или большая летучая мышь. Он решил убедиться в этом и, вынув из кармана спички, чиркнул. При вспыхнувшем свете он заметил огромное крыло, приближавшееся к нему, перед ним мелькнула серая шерсть, что-то ударило в лицо, и спичка выпала из руки. Удар угодил ему в висок, а коготь скользнул вдоль щеки. Вудхауз пошатнулся и упал, слыша, как в ту же минуту свалился фонарь. В то мгновение, как он падал, последовал

второй удар. Вудхауз почувствовал, что по его лицу течет горячая кровь. Инстинктивно он схватился за глаза, как бы желая убедиться, целы ли они, и, повернувшись лицом вниз, пытался проползти под защиту телескопа.

Вудхауз снова почувствовал удар в спину, затем услышал, как зашуршал его пиджак; между тем животное опять взлетело под крышу обсерватории. Вудхауз забрался как можно дальше между тумбой и трубой телескопа, высовывались одни только ноги, которыми он мог, по крайней мере, отбиваться. Он все еще не мог определить, кто его враг. Странное животное долго носилось в темноте и, наконец, опустилось на телескоп с такой силой, что инструмент закачался и стойка затрещала. Вот крылья взмахнули около астронома совсем близко, он отчаянно лягнул и нащупал ногами мягкое тело. При бледном свете звезд Вудхауз с ужасом различил темную голову с острыми ушами, с бугорком между ними. Голова показалась ему величиной с голову бульдога. Вудхауз начал отчаянно звать на помощь.

В эту минуту неведомое животное снова опустилось совсем около него. Вудхауз протянул руку и коснулся чего-то мягкого на полу, затем снова лягнул, и в то же мгновение ряд острых зубов впился в его щиколотку. Он опять закричал от боли и страха, пытаясь освободить схваченную ногу и брыкаясь другой. Тут он вспомнил, что около него должна быть поблизости упавшая и разбившаяся бутылка из-под воды; схватив ее, он старался принять сидячее положение. Когда он ощупал прижатую ногу, ему под руку попалось ухо, покрытое шерстью, как у большой кошки. Схватив бутылку за горлышко, он изо всей силы ударил ею странное животное по голове, а потом начал колоть и бить осколком наугад, норовя попасть в темноте по тому месту, где должна была находиться морда животного... Мелкие зубы разжались. Вудхауз поджал освобожденную ногу и вновь сильно брыкнул. Он почувствовал отвратительное ощущение меха и костей, подавшихся под каблуком. Вдруг зверь сильно укусил его руку, он протянул другую, ища морды, и схватил мокрую шерсть.

Наступила пауза, затем послышалось царапанье когтей и шорох тела, тяжело ползущего по полу. Затем водворилась тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием зверя, по-видимому, зализывавшего раны. Кругом стояла полнейшая темнота, только прямоугольник в крыше светился ярким сиянием звезд, и темным силуэтом вырисовывалась труба телескопа. Вудхауз по-прежнему лежал между тумбой и трубой телескопа, каждую минуту ожидая, что животное вот-вот подберется к нему и снова схватит за ноги. В этом ожидании время казалось вечностью. Он нащупал в кармане спички и, узнав, что осталась только одна, попытался было зажечь ее, но спичка, зашипев, погасла. Вудхауз выругался. Он

силился сообразить, где находится дверь, чтобы воспользоваться ею в случае бегства, но совершенно потерял во время борьбы способность ориентироваться. Между тем, странный зверь, встревоженный шорохом зажигаемой спички, опять задвигался.

— Постой же ты! — крикнул Вудхауз с внезапным проблеском энергии, но зверь не шелохнулся.

«По-видимому, я ранил его осколком бутылки»,— подумал астроном.

Вудхауз чувствовал тупую боль в ноге; из нее, вероятно, сочилась кровь; он подумал, сможет ли он теперь встать.

Ничто не нарушало глубокой тишины, крепко спали работники, не слыхавшие ни ударов животного о крышу, ни призывов о помощи. Еще кричать — значило тратить силы попусту.

Чудовище продолжало слегка хлопать крыльями. Тогда астроном, пытаясь принять оборонительное положение, оперся было локтем о скамью, но она с треском обрушилась.

Вдруг продолговатое пятно звездного неба в отверстии крыши словно заколебалось. Неужели он теряет сознание? Это уж никуда не годится. Вудхауз сжал кулаки и зубы, чтобы удержать свои силы. Да где же, наконец, дверь? Ему вспомнилось, что можно определить ее положение по звездам, видимым через отверстие в крыше. Группа звезд, видимая ему, была созвездием Стрельца и лежала на юго-западе; дверь была к северу, или нет,— к северо-востоку. Он пытался сообразить. Если бы только удалось добраться до двери,— можно бежать. Может быть, зверь ранен? Медлить глупо.

— Постой же ты,— вновь прошептал астроном,— если ты не хочешь подойти, так я подойду к тебе.

Животное начало взбираться по стене обсерватории. Видно было, как постепенно его темное тело закрывало отдушину, собираясь выбраться наружу. Вудхауз теперь забыл о двери и смотрел наверх, где купол вертелся и трещал. Теперь астроном несколько освободился от волнения, но в то же время почувствовал такое ощущение, точно он опускается куда-то все ниже и ниже. Резкое светлое пятно отдушины с темным в нем очертанием крылатого туловища становилось все меньше и меньше. Как странно!.. Вудхауз чувствовал сильную жажду, а между тем пить ему не хотелось. Ему казалось, что он скользит вниз по длинному узкому проходу...

Вудхауз ощутил страшное жжение в горле, и тут увидел, что уже светло, а один из служителей-даяков стоит перед ним и смотрит с каким-то странным выражением. Затем над ним мелькнуло лицо заведующего Седди в обратном положении. Смешной Седди, что это ему вздумалось принять такую позу! Но затем Вудхауз стал соображать яснее и, наконец, понял, что голова его лежит на

коленях у Седди, а Седди льет ему в горло водку. А потом ему бросилась в глаза труба телескопа, вся в бурых пятнах. Он начал припоминать все случившееся.

— Однако, нечего сказать, в хорошенький вид привели вы нашу обсерваторию,— заметил Седди.

Даяк взбивал желток с водой. Вудхауз проглотил лекарство и сел. Он вновь почувствовал острую боль в ноге, которая теперь была перевязана так же, как рука и лицо. На полу валялись окровавленные осколки стекла; подставка телескопа была свернута на сторону, а у противоположной стены заметна была темная лужа. Дверь была открыта, и в нее виднелись серые очертания гор на сверкающем фоне лазурного неба.

— Бррр...— произнес Вудхауз.— Кто здесь резал телят? Увезите меня отсюда!

Он вспомнил о страшном существе, о своей борьбе с ним.

— Что это была... за вещь, с которой я дрался? — спросил он Седди.

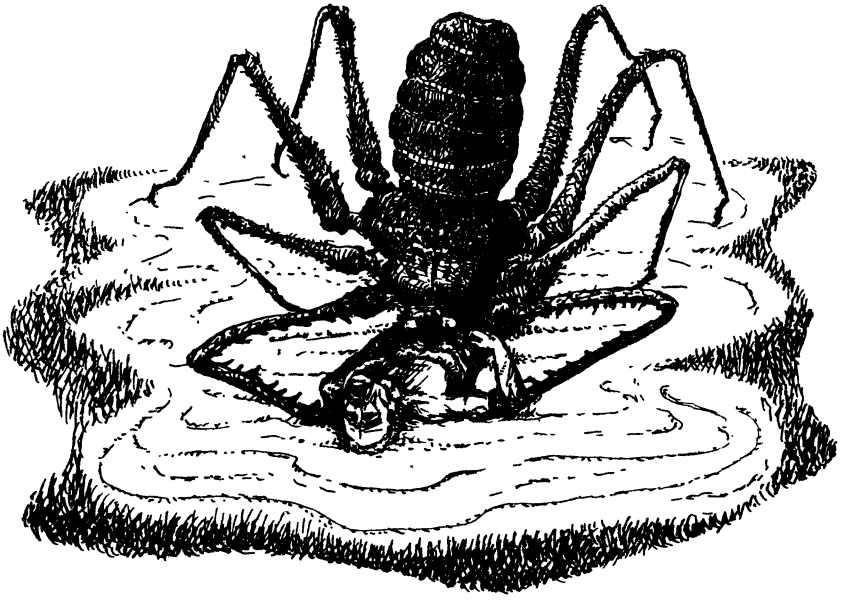
— Вам лучше знать,— ответил Седди,— но лучше пока не старайтесь припоминать. После. Вам надо отдохнуть. Выпейте-ка еще глоток, и идемте домой.

Хотя Седди было самому любопытно узнать, что произошло с его помощником, но пока он сдерживал свое любопытство, чтобы не беспокоить потрясенного и раненого товарища. Наконец, дав Вудхаузу хорошую порцию мясного бульона, Седди уложил его в постель, в которой тот сейчас же крепко заснул. Только хорошенько выспавшись, Вудхауз рассказал Седди все, что с ним произошло.

— По-моему, зверь больше всего был похож на большую летучую мышь,— говорил Вудхауз.— У него были острые короткие уши, мягкая шерсть, крылья кожистые, зубы маленькие, но чертовски острые, а челюсти, по-видимому, не особенно сильные, иначе он перекусил бы мне кость.

— Да почти что и перекусил,— ответил Седди.— Даяки толкуют о каком-то «большом колуго» или «кланг-утанге», кто их знает, и уверяют, что животное это не часто нападает на человека, не будучи раздраженным. Вы, вероятно, чем-нибудь раздразнили его. Даяки говорят: есть «большой колуго» и «малый колуго», и тот и другой — хищники, они летают только ночью. Что касается меня, то я знаю только, что здесь водятся летающие лисицы — лемуры, но они небольшие животные.

— Гм... Если фауне Борнео,— проворчал Вудхауз,— угодно будет как-нибудь напустить на меня еще одного из своих представителей, наподобие того, с которым я столкнулся, пусть уж это будет не в нашей обсерватории, и не ночью, и не с беднягой без всякого оружия...



М. Сейлор

АРАНЬЯ МЕКСИКАНСКИХ БОЛОТ

Человек, с которым я разговаривал, назвал себя Смитом. У него были молодые глаза и здоровое мускулистое тело, но на голове — совершенно седые волосы. И когда он мне сказал, что ему двадцать семь лет и совсем недавно его волосы были черны, как вороново крыло,— я понял, что с ним случилось нечто потрясающее.

Тоном слов, всем его поведением я глубоко убежден, что он говорил мне правду и только правду. Но, с другой стороны, все рассказанное им кажется настолько неправдоподобным, что при всем моем доверии к рассказчику я затрудняюсь поверить его повествованию.

В южном Техасе, на границе с Мексикой, существует масса еще совершенно не исследованных уголков, хотя эта территория присоединена к Соединенным Штатам больше шестидесяти лет назад, в то «доброе старое время», когда знаменитый романист Майн Рид участвовал в походе против мексиканцев.

Объяснить существование таких неисследованных уголков можно только природными условиями местности. Огромные пространства Южного Техаса представляют собою настоящую пустыню, где нет ни воды, ни каких-либо животных или птиц. Какой-то дикий хаос камней, обожженных беспощадным солнцем. А рядом с такой пустыней тянутся девственные лесные чащи, где лианы, переплетаясь, образуют непроходимую растительность стену-завесу, в тени которой на плодородной почве копошится богатейшая экзотическая фауна.

Если по такой чаще идет, с трудом прокладывая среди зарослей дорогу, беспомощно спотыкаясь, человек, то на каждом шагу его подстерегает грозная опасность — лес кишит хищными животными: на ветвях могучего дерева прячется свирепый кугуар; в кустах раздается злое шипение и характерный звук, похожий на звон,— там гремучая змея; ночью в ложе странника, если оно предварительно не осмотрено, залезет и расположится в складках одеяла или простыни ядовитый скорпион... Да не перечислить всех опасностей, грозящих человеку в этих дремучих лесах.

Итак, в нашей области сохранилось еще очень много уголков, о которых мы пока знаем мало.

Рассказы коренных обитателей страны, немногих краснокожих, еще уцелевших от прежних побоищ,— дело другое. Но... но им трудно верить. Они рассказывают о некоторых местностях столь невероятные истории, что поневоле начинаешь сомневаться в их правдивости.

Помимо всего прочего, у краснокожих существует манера нарочно запугивать белых россказнями о разного рода чудовищах, населяющих заветные уголки Южного Техаса. Может быть, там таятся какие-нибудь неизвестные нам храмы, к святыням которых суеверные индейцы не желают подпускать своих покорителей; может быть, там хранятся сокровища, скопленные во времена инков *... кто знает?

Итак, рассказ злополучного юноши с волосами дряхлого старца, рассказ Смита, относится, по-видимому, к одному из таких уголков. Местность эта находится милях в пятидесяти от ближайшего поселения и, по меньшей мере, в двенадцати милях от шоссейной дороги.

Но лучше я предоставлю слово самому Смиту.

— Нас было трое,— начал Смит глухим голосом,— Мортимер, Эндрью и я. Все здоровые, крепкие парни, потому что мы золотоискатели и трапперы. По совести сказать, мы были людьми,

* Инки — коренное население Мексики, уничтоженное испанцами-завоевателями при покорении их государства. Сохранившиеся следы позволяют утверждать, что жадные завоеватели XVI-XVII вв. стерли с лица земли нацию, стоявшую на высокой ступени культуры.

о которых говорят, что они не верят ни в сон, ни в чох, ни в кобылью голову, то есть не придают ни малейшего значения всяким приметам и предсказаниям, не верят в бабьи россказни. Но вот нам пришлось натолкнуться на нечто такое, при виде чего у любого волосы дыбом встанут.

Однажды мы должны были проехать в поселок Бодрильо по старой, проложенной еще испанцами дороге, по которой проходят только вьючные животные. Дорога находится в ужасном состоянии: ее не ремонтировали, надо полагать, со времен Кортеса и Писарро, пресловутых «покорителей» Америки. Кроме того, скучна и однообразна эта дорога, проходящая по крутым скалам, до такой степени, что поневоле в голову лезут разные мысли.

В довершение удовольствия местами от дороги не осталось и следа. Поэтому тот, кто хочет добраться с этой стороны в Бодрильо, обыкновенно берет в проводники какого-нибудь краснокожего парня. Эти краснокожие — странные существа, стоящие на весьма низкой ступени развития,— они мало походят на обыкновенных людей. Речь их состоит из слов испанских, португальских, английских и еще каких-то; получается такая страшная мешанина, что приходится затыкать уши и вовсе не слушать, что лопочет ваш краснокожий проводник, или купить предварительно в аптеке полкило терпения, два кило снисхождения, три кило понимания... Вот такого-то проводника, подростка Педро, мы имели с собой.

Часа через два после того, как мы начали свое шествие по вьючной дороге, нервы у всех размотались до крайних пределов, а впереди еще чуть ли не сутки странствования по неведомым местам.

Проклятая дорога вьется туда и сюда, делает зигзаги, петли, словно прокладывал ее не род человеческий, а какой-нибудь представитель благородной заячьей породы, утикавший от борзых собак.

— К черту! Я поеду напрямик,— раздраженно ворчал Мортимер, неистово понукая своего мула.

— А *я* лягу в первую попавшуюся канаву и буду выть по-волчьи,— поддакивал ему Эндрью.— Да, буду выть по-волчьи, покуда звезды с неба не посыпятся.

Тут мы обратили внимание, что с вьючной дороги, в сторону, спускаясь вниз, ведет тропка, а на ней следы конских копыт. Может быть, какой-нибуь мустанг проходил здесь на водопой.

— Я поеду по этой тропке,— решил Мортимер.— Куда-нибудь к человеческому жилью она должна же вывести. Я не я буду, если при помощи этой тропки мы не сократим наш путь километров на двадцать.

Эндрью тоже стал соблазняться подобной перспективой. Я же колебался, но и сам потом сдался:

— Если вы, то и я. Вперед не лезу, но и от товарищей не отстаю. Валяй, ребята!

Видели бы вы, что тут сделалось с нашим проводником, с этим подростком-краснокожим. Его коричневое лицо побелело, губы почернели, глаза из орбит вылезли, сам весь трясется. Схватил он под уздцы моего мула, оттягивает его с тропки в сторону.

— Нельзя! — кричит.— Нельзя! Там смерть!

— Что такое? Почему смерть? Ну-ка, пусть попробует кто напасть на трех бравых гамбузино, вооруженных скорострельными ружьями, браунингами и острыми испанскими ножами... Да мы раскатаем целую банду!

Вместо ответа проводник, загораживая тропку, с ужасом повторил несколько раз какое-то совсем нам непонятное слово:

— Аранья! Аранья... Аранья!..

И при этом развел руками, как бы показывая величину этого «араньи».

— Змея?.. Кугуар?.. Рыба такая, что ли? — допытывались мы.

Но толку так и не добились. Тогда Мортимер стегнул бичом проводника, по-прежнему стоявшего посреди дороги, не позволяя ехать. От удара краснокожий зашипел, как змея, которой наступили на хвост, отскочил было в сторону, но, когда мы тронулись в путь, погнался за нами и снова загородил тропинку.

На глазах у него появились даже слезы, и опять все то же:

— Аранья! Аранья! Смерть!

Ушел он от нас только тогда, когда Эндрью, рассердившись, прицелился в него из ружья.

Я видел: покуда мы не свернули в сторону, покуда мы не отъехали на порядочное расстояние, мальчуган стоял у начала тропинки, долго и печально кивал головой и махал руками, зовя нас обратно.

— Старая шутка,— сказал Мортимер.— Знаем мы эти фокусы чертей с красной кожей. Может быть, в этой трущобе и прячется какое-нибудь диковинное существо, но посмотрим, что там такое. Не правда ли, ребята?

— Разумеется, посмотрим,— отозвались мы и продолжали путь.

Километров через пять дорога пошла болотами. Мулы наши стали увязать в грязи местами по брюхо. Я видел, что толку тут не будет. Попробовал было уговорить товарищей вернуться, но оба они словно с ума сошли. Подняли даже меня на смех:

— Что, струсил? Какой-то «араньи» или «орканьи» испугался... Тьфу, стыдись, Смит. Если трусишь, то поворачивай оглобли, а мы хоть и к черту на рога, да полезем.

Меня взорвало: вовсе я не трус, но разбивать лоб о стенку — благодарю покорно. Но что же делать? Как-то неловко оставлять

товарищей на полдороге. Может быть, и в самом деле им будет грозить какая-нибудь опасность, а я буду в стороне?.. Нет, эта марка не пройдет. Едут они, так поеду и я. Пусть никто не говорит потом, что я, Гуг Смит, испугался какой-то мифической «араньи».

К вечеру мы забрели в страшную глушь. Но тут стали попадаться кое-какие следы: во-первых, я обнаружил в траве скелет лошади, возле которого валялось полуистлевшее мексиканское седло, а немного поодаль — скелет мула.

— Смотрите, ребята,— сказал я,— это не к добру. Вероятно, тут водится ядовитая болотистая трава. Если наши мулы ее налопаются и подохнут, нам будет круто.

— А мы не будем пускать их пастись, а ножами нарежем травы, среди которой не будет ни одного подозрительного растения,— ответил Мортимер.

— Ну, разве что так,— согласился я.— Но смотрите в оба, товарищи, мне эта штука вот как не нравится, должен вам сказать откровенно.

— Заскулил опять,— засмеялся Эндрью.— Нет, Смит, тебе надо помолчать. Я боюсь, что с тобой эта мудреная болезнь... как она называется? — гиперкрохия, что ли... Ну, когда мужчина начинает перерождаться не то в бабу, не то в обезьяну...

Поехали дальше. Еще через полчаса обнаружили какую-то постройку,— гасиенду с забором из колючего кустарника. Но тут не было ни души, а у ворот опять скелет мула или коровы.

По правде сказать, внутрь дома мы войти опасались: было жутко глядеть на выбитые окна, полуразвалившиеся стены, заплетенные зеленым ковром вьющихся растений. На дворе мы отыскали удобное местечко, выжгли на нем траву и расположились на ночлег, разложив порядочный костер. Мулов поместили у изгороди.

Для корма им должно было хватить запасов овса, бывших с нами в торбах, да, кроме того, мы нарезали несколько охапок дикого клевера.

Утром я проснулся от крика Мортимера:

— Эй, Смит! А ведь парочку мулов мы проворонили!

— Конокрады увели, что ли?

— Кой черт, сами ушли. Пошли по направлению к этой заросли. Эндрью уже побежал искать их, да что-то долго не идет обратно. Мы не хотели тебя будить, потому что ты сделался нестерпимым ворчуном. Но теперь придется и тебе, пожалуй, пойти туда. Эндрью будет загонять мулов, а ты будешь загонять самого Эндрью. А то мы застрянем тут. Я же покуда приготовлю завтрак. Пойдешь? Ну, ладно, не задерживайся только.

И я пошел. Следы мулов и следы Эндрью, действительно, вели к густой заросли метрах в полутораста от жилья. Следы виднелись очень ясно, так как почва тут была сырая. Но вот и заросль.

— Эндрью! Ау! Где ты? — кричу я.— Нашел?.. Ау!..

Но в ответ только ветер гудит в листве. Потом следы вывели меня на полянку, покрытую необычайно яркой зеленью. Тут следы прерывались. Не понимая, в чем дело, я полез напрямик, и... бух в воду. Это было тинистое болото с дном, состоявшим из какой-то гнусной слизи черного цвета.

Я едва не захлебнулся в этой зловонной трясине, хотя она была неглубока. Когда я выбрался на берег, с меня струями стекала жидкая грязь. В таком виде продолжать путь было решительно невозможно. Я разделся донага, отыскал местечко, где вода не была еще взбаламучена, и принялся полоскать одежду.

И вот во время этого занятия я услышал звуки, сразу же привлекшие мое внимание. Какое-то животное издавало противный скрипучий писк, словно растирая железными челюстями стеклянные бутылки.

Заинтересовавшись, я осторожно обошел лагуну, раздвинул ветви и обомлел. На небольшой поляне лежали: труп одного из наших мулов, почти рядом — судорожно скорченное тело Эндрью, а около последнего — что-то такое, что и во сне не приснится,— существа колоссальной величины, похожие на пауков, с налитыми жиром мягкими телами и мохнатыми ногами. Признаюсь, я не удержался и отчаянно вскрикнул. Потом, совершенно позабыв, что я безоружен, как сумасшедший бросился на полянку, крича во все горло и размахивая руками. Должно быть, я не добежал до чудовищ всего пяти шагов, но тут меня объял такой панический ужас, что я повернулся и побежал обратно во всю мочь. А сзади меня уже десятки скрипучих пискливых голосов отзывались на мой крик испуга. И что-то бесформенное, безобразное, черное катилось за мной.

Оглянувшись, я увидел кошмарное чудовище, настигающее меня. Миг... и оно скачком налетело на меня и впилось в ногу. Я почувствовал жгучую боль, свалился, вскочил, крича не своим голосом, протащился еще несколько шагов и опять упал.

Теперь я лежал, буквально окаменев от ужаса. Но боли я уже не слышал. Должно быть, боль была парализована ужасом. Зато я ясно видел, что творилось со мною.

Колоссальный черный паук, впившийся в мою ногу, противным писком созывал, казалось, свое кровожадное потомство. Десятки других, более мелких, но не менее отвратительных животных черными клубками катились следом за гигантом, изловившим меня и крепко державшим мою ногу мохнатыми лапами. Но, должно быть, вся эта компания уже позавтракала основательно: по крайней мере, только немногие осадили меня, принявшись грызть мое тело или, вернее, не грызть, а... высасывать кровь длинными мохнатыми хоботками.

Слабея с каждым мгновением все больше и больше, я чувствовал, что погибаю. Но вот самый большой паук отошел в сторону и скрылся в зарослях. Тогда я, собрав остатки сил, вскочил и что было мочи побежал по направлению к покинутой гасиенде, зовя во все горло Мортимера на помощь.

Вот я уже около самой гасиенды, еще два-три шага, и я спасен. Но тут в мою левую ногу снова впились железные челюсти моего врага, и я опять упал.

Мортимер выскочил на мой зов.

— Ружье! Возьми ружье! — кричал я.

Но он или не понимал меня или сам ошалел от ужаса. По крайней мере, он стоял в двух шагах от меня, глядя выпученными глазами на пожиравшее меня чудовище. Потом я видел, что мохнатый паук-гигант, оставил меня в покое, прыгнул на Мортимера и впился хоботом в его горло...

Должно быть, я пролежал без сознания с час или полтора... Придя в себя, я пополз в дверь гасиенды. По пути лежал труп Мортимера с раздувшимся багровым лицом. Вероятно, и мое лицо напоминало лицо трупа.

Один из мулов стоял еще в углу двора: он был привязан и не мог сорваться. Я отвязал его, вскочил к нему на спину и помчался из этого проклятого места, где погибли мои товарищи. Дня два пробродил я по болотам, покуда не выбрался на старую испанскую вьючную дорогу.

Наконец, я добрался до поселка. Тут меня приняли за сумасшедшего, да, по правде сказать, я и сам себе кажусь помешанным. Меня накормили, напоили, дали мне одежду.

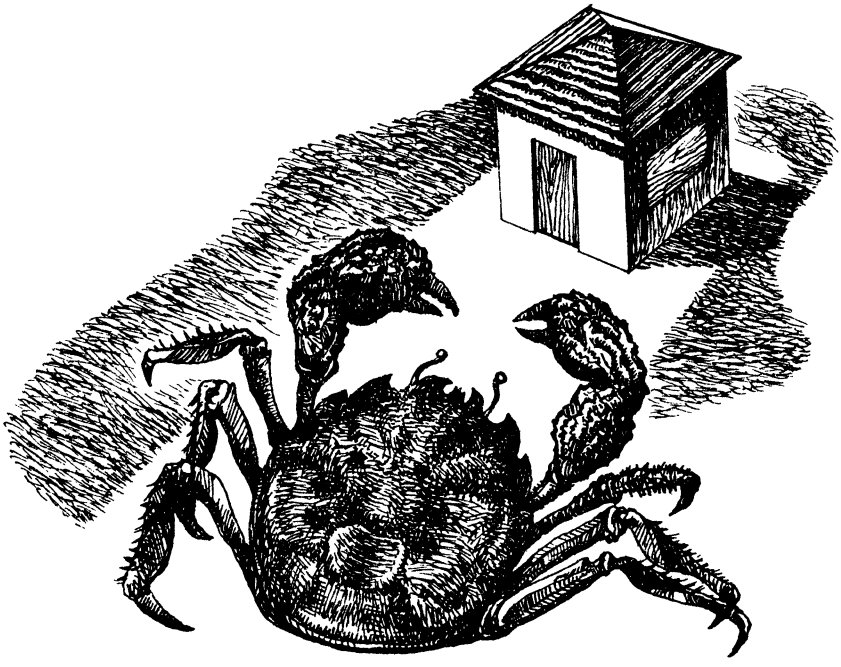
Зашел я к вам, мистер Сэплент, зная вас, как ученого человека,— зашел сказать, что я решил завтра же возвратиться туда, к болоту. Я уже раздобыл ружье и сделал запас разрывных пуль. Правда, никто из жителей поселка ни за какие блага не согласится последовать за мной: их напугала моя история. Но я знаю дорогу.

Только теперь узнал я, что окрестные индейцы отлично знают это место и называют его «Болотом Гигантского Паука». Слово «аранья», которое кричал нам наш проводник, индеец Педро, по-испански означает, как я теперь узнал, «паук». Мальчуган, значит, предупреждал нас, но мы были идиотами...

Итак, завтра я отправляюсь туда, к болоту и паукам. Я не могу, не могу не поехать туда. Я должен расплатиться с этими «аранья» за гибель Мортимера и Эндрью.

Если мне это дело удастся, я вернусь через два дня.

С тех пор, как Смит отправился к «Болоту Гигантского Паука», прошло не два дня, а две недели. Он не вернулся. Значит — и не вернется...



Ф. Марза

КРАБ ГАЗЕНЦИО

Арндель с Левингтоном уверяют, что во всей этой истории виноваты... кулики. Однако, обвинять бедных куликов не совсем справедливо.

Кулики, как известно, птицы самые дикие из диких — болотные птицы, которые трогаются на юг в самом начале осени. Большинство их появляется в наших краях пролетом и вскоре отправляется дальше — в Африку, а те, которые заживаются, становятся слишком опытными. Поэтому Арндель с Левингтоном вздумали охотиться на куликов тотчас же после их прилета, когда они так доверчивы и простодушны, а погода так хороша.

Может быть, это было не совсем по-охотничьи, но зато чрезвычайно занятно. Это снова превратило Арнделя с Левингтоном в маль-

чишек, хотя они были сильные смелые люди, которые в течение остальных одиннадцати месяцев в году не имели дела с такими простодушными существами, как кулики.

Эта охота была для друзей настоящим праздником, и они устроили ее на затерянных где-то в глуши морских рукавах залива, впадавших один в другой и очень пустынных.

В один погожий, ясный денек они стреляли с лодки, поразительно похожей своими очертаниями на половинку сигары, разрезанной вдоль, и сидевшей в воде на пятнадцать сантиметров.

Когда солнце село за горной цепью, из камышей медленно поднялись две цапли и, резко выделяясь черными пятнами на огненно-красном фоне зари, полетели прямо к светилу дня. Налюбовавшись этой картиной, Арндель с Левингтоном повернули к острову. Их суденышко бесшумно скользило по морю, похожему на тусклое бледно-красное стекло, а так как оба охотника лежали плашмя, то лодка походила больше на какую-то огромную рыбу, чем на лодку с людьми.

— Жалкая нора! Кто может тут жить? — молвил, глядя на остров, Арндель, высокий молодой человек с желтовато-смуглым лицом.

— Кто его знает,— ответил Левингтон, оборачивая энергичное лицо к хмурым деревьям и крутя усы.— Каравайка живет теперь там, судя по голосу.

Приблизившись к берегу, охотники услыхали, что каравайка, должно быть, кричала на каком-нибудь болоте за темным, хмурым частым лесом, росшим у самого края воды. Под деревьями кто-то пытался развести сад, но заброшенные дорожки густо заросли сорными травами, а на развалившейся скамье реполов свил себе гнездо. Кто-то выкопал даже маленький прудик, теперь уже заросший и предоставленный крысам и разной водяной твари. Кругом было очень пустынно.

И вдруг, как будто для того, чтобы нельзя было ошибиться в свойствах местности и чтобы ни одно живое существо не могло приблизиться сюда со спокойным сердцем, послышался какой-то донельзя странный смех. Я нарочно говорю «донельзя странный», потому что он ничуть не походил на смех какого-нибудь животного, и никто, будучи в здравом рассудке, не счел бы его человеческим смехом. В нем не было ни капли веселья — какое-то отрывистое, бездушное и невыразимо злобное гоготанье, походившее на лай гиены.

Левингтон порывисто вскочил и сел, весь зардевшись.

— Что это такое? — воскликнул он.— Кто живет здесь, на острове?

Арндель ничего не ответил, но посмотрел под деревья, нахмурив темные брови.

Наступила мертвенно тяжелая тишина. Затем снова зазвучал тот же зловещий отвратительный безотрадный смех. Затем где-то отломился сук, с треском, похожим на пистолетный выстрел, и на острове снова водворилась тишина.

Подождав очень долгое время, не обнаружится ли еще что-либо новое, Арндель сел. Его лицо, оттенка слоновой кости, не изменилось.

— Я подъеду к берегу,— сказал он, и, энергично взмахивая веслами, направился к острову.

Левингтон тихо засмеялся.

— Вы всегда были отчаянным сорвиголовой,— пробормотал он.

Друзья причалили к берегу и побрели, утопая по колено в тучных сочных травах, по узким просекам под безмолвными деревьями, разыскивая тварь, что так странно смеялась, но ни одно живое существо не вознаградило их поисков. Только лес становился все темнее и темнее, да слабый ветерок одиноко пробегал по ветвям, как бы вздыхая и шепчась сам с собой.

— Да черт с ним! — объявил, наконец, Левингтон.— С меня довольно. Уйдем отсюда. Мы поехали, чтобы доставить себе удовольствие, а не исследовать неизвестные дебри и звуки без начала и конца.

Они наискосок пробирались к берегу, и были, пожалуй, уже в ста метрах от него. Непролазная чаща кустов и низких деревьев отделяла их от берега морского рукава, так что они слышали шум воды, но не видели ее. И в эту минуту им показалось, как будто гиппопотам поднялся на ноги в густой массе зелени и направился к морю. Слышался треск и хрустение веток, ломавшихся вдребезги; затем раздалось страшное скользящее грузное падение, сопровождающееся скорее не плеском воды, а грозным звонким бульканием, которое слышится при погружении огромного, тяжеловесного тела. Охотники прислушивались с минуту к шипению и клокотанию бесчисленных пузырей и к звучному чмоканию и глухому плеску волн, поднятых погрузившимся телом, затем побежали, хрустя ветками, через чащу к берегу, где, однако, ничего не нашли.

— Благодарю,— пробормотал Левингтон, с трудом переводя дух,— мне это надоело. Уйдем из этой мрачной пустыни. Мне хочется вернуться в культурный мир, в общество здоровых людей и обычных звуков.

Вдруг,— как бы в ответ на это,— снова раздался смех, тот же ужасный безумный смех, который прежде всего привлек их сюда. На этот раз он доносился издалека, из самых темных лесных дебрей.

Они усердно принялись грести, спеша скорее удалиться от острова. Ими овладело внезапное и непреодолимое желание видеть

огни, много огней, и сидеть за настоящим столом, накрытым настоящей белой скатертью, и слышать звуки веселого людского говора.

— Скажите, пожалуйста, что за странное существо живет на этом острове? — спросил Арндель хозяина гостиницы после ужина, развертывая карту местности и указывая загорелым твердым пальцем на крошечный клочок земли, изображенный на ней.

— Сеньор Антонио дон Педро де Газенцио,— отвечал на это добродушный хозяин.

— Вот как! — воскликнул Арндель, закуривая сигару.— А что он за человек?

— Он странный человек, сэр, очень странный, и больше ничего. Вот что я всегда слышал о нем.

— Ага! Что же, он живет там ради удовольствия?

— А кто его знает. Прошу прощения, сэр, мне ничего больше не известно.

Андель взглянул на хозяина, открыл портсигар и налил стакан вина.

— Присядьте-ка,— произнес он настойчиво, подвигая хозяину сигары и вино,— расскажите нам все, что вы знаете.

Хозяин сел и закурил дорогую сигару.

— Хорошо,— начал он медленно, но затем остановился.— Ну, хорошо, слушайте, джентльмены,— проговорил он наконец,— но только нам ничего не известно. Вот в чем дело... Мы знаем только, что ему принадлежат остров и дом, и что он живет там со своим другом и слугой-негром. А впрочем, друг его теперь уехал. Прежде это была господская усадьба, но я слышал, что она пришла в упадок после того, как он купил ее. Вот и все. Я больше ничего не знаю, кроме того...

— Кроме чего? — прервал Арндель, наклонившись вперед и пристально глядя своими темными глазами прямо в глаза хозяину.

— Кроме того... Но ведь я говорил все время Биллю: «Послушайте, Билль, вы были пьяны и теперь рассказываете какие-то небылицы».

— Продолжайте,— произнес Арндель убедительно.

— Ну, хорошо. Третьего дня, к вечеру, Билль ехал в лодке к верховью гавани с ловли креветок... Мы славимся своими креветками, сэр... Он клянется, что когда проезжал мимо острова, то сам слышал, как в воде, у берега, будто бы слон плескался. Но ведь я вам говорил,— заключил хозяин, вставая,— что Билль в ту пору был пьян.

Левингтон задумался, устремив свои простодушные карие глаза в стакан с вином. На несколько секунд водворилось молчание.

— Постойте,— сказал Левингтон наконец,— скажите-ка мне, откуда явился сюда этот сеньор... как бишь его?..

— Из Южной Америки, сэр, как говорили в ту пору.

— Ага, благодарю вас. Я спросил, конечно, только из любопытства, из одного праздного любопытства. Мы заметили запущенный вид островка. Странный народ живет там, это несомненно. Да, вашему Биллю могло что-нибудь померещиться...

На следующее утро Арндель с Левингтоном опять отправились на охоту за куликами. Так они, по крайней мере, сказали. Но надо заметить, что они взяли с собой скорострельные винтовки.

— Лучше не выдавать им, куда мы отправляемся... на случай какого-либо происшествия,— заметил Арндель, усаживаясь в лодку и поворачивая к востоку.

Через час рыбак, встретившийся с ними в морском рукаве, видел, как они гребли изо всей мочи к западу, а на западе лежал загадочный остров.

— Надо подплыть теперь к острову поосторожнее,— заметил Арндель, когда они приблизились, наконец, к цели их путешествия.

Так и сделали.

Лодка бесшумно скользила по воде у самого берега, а гребцы лежали в ней плашмя, продвигаясь вперед с помощью одного весла, действуя им с кормы, наподобие пароходного винта.

Был прилив, и потому они могли грести таким образом, иначе весло только задевало бы тину. Добрались они до острова в самый полдень, а жара стояла такая, что даже стволы винтовок были горячи на ощупь.

Винтовки они зарядили такими тяжелыми пулями, что могли бы убить слона; они ожидали, очевидно, встретить кое-кого побольше куликов.

Но они не нашли ничего, когда приблизились к мрачному убежищу существа, которое так странно смеялось и так грузно окунулось в воду в прошлый раз.

Вода стояла под деревьями маслянистым пестрым ковром, черным с золотом, и на заброшенном прудике не было ни одного живого существа, кроме голубых стрекоз.

Здесь было очень прохладно и тихо.

Остров казался необитаемым и совершенно покинутым всеми его жителями.

Повертывая в устье маленького прудика, Левингтон с беспокойством осмотрелся по сторонам.

— Какая жуть здесь, однако, черт возьми! — воскликнул он.— Я чувствую, как будто... как будто... ну, а вы, мой милый, разве не чувствуете какого-то страха?

Арндель кивнул.

— Да,— согласился он,— у меня такое ощущение, как будто кто-то старается изо всех сил предостеречь нас, но не может сде-

лать этого, потому что нем. Никогда не чувствовал я ничего подобного прежде, а вы?

Левингтон покачал головой.

— Выйдем на берег,— проворчал он.— Может быть, почувствуем себя лучше, ступив на твердую землю.

Они причалили к берегу посреди густых камышей и засохшей прошлогодней травы, и Левингтон, выпрыгнув из лодки с якорем в руках, чтобы снести его на берег, вдруг громко вскрикнул и остановился. Он стоял на одном месте, не двигаясь, и так пристально смотрел перед собой, что Арндель тоже выпрыгнул из лодки и подошел к нему.

Затем оба остановились как вкопанные, устремив глаза на дорогу, шедшую от берега в лес.

Это была странная дорога,— широкая и хорошо проторенная, но посредине заросшая травой в полметра высотою, имевшей вид широкой колышащейся полосы; с обеих сторон этой полосы почва как будто была не утоптана ногами какого-нибудь животного, а истыкана ямами, более глубокими в тех местах, где земля была мягче, как будто их сделали, слегка ударяя ломом или тыча в землю заостренной палкой.

Но что было необъяснимо в этой дороге, так это чрезмерная ширина полосы непротоптанной травы — расстояние между обеими истыканными тропками. Можно было подумать, что эта большая дорога проложена каким-то живым существом, не только огромным, но и имевшим ширину, равную его длине. Там и сям с обеих сторон дороги на деревьях и сучьях виднелись ссадины и большие царапины, как будто их хватали и рвали железными клещами.

— Черт возьми! — вскричал Арндель, медленно переводя дух.

— Ну, уж, право. Это, знаете ли, я вам скажу...— отозвался Левингтон, разводя руками и останавливаясь в недоумении.

Охотники были знакомы из собственного опыта с тропами большинства крупных животных, водящихся в разных странах; но такой дороги, как эта, им никогда не приходилось видывать во время их запутанных, но и увлекательных похождений. Это был путь исполина, тропа допотопного чудовища. А следы его ног, отвратительные заостренные следы! Что же тогда можно было сказать о них?

Левингтон повернулся и пошел по дороге к берегу. Затем он наклонился над тиной у самого края воды и, пробормотав что-то, кивнул своему приятелю. Кроме заостренных ям, как будто сделанных неизвестным орудием, здесь были другие следы,— странные большие извилистые царапины, длинные неправильные борозды, а в одном месте, где загадочное чудовище спускалось в воду, виднелась длинная гладкая ссадина, как будто здесь кто-нибудь спустил на воду лодку.

— Да, это необходимо,— промолвил Арндель.

— Что необходимо? — спросил Левингтон.

— Необходимо не мешкая расследовать это дело. Нам надо отправиться по этой большой дороге. Хватит у нас на это мужества?

— Да,— ответил Левингтон.

И охотники тронулись вместе на откос, держа винтовки наготове.

Не знаю, кого они думали встретить. Быть может, они совсем не думали об этом, а только приготовились на всякий случай, все время ясно сознавая близость нависшей над ними неведомой опасности.

Дорога привела их под густую прохладную сень старых деревьев, в самой глубине леса и здесь окончилась — дальше идти было некуда. Они очутились на самом краю опасного скользкого тинистого спуска в воду, черную в тех местах, где она не была затянута тиной, и зеленую и пурпуровую там, где ее покрывал радужный налет гнили.

Это был пруд величиной несколько больше полуакра, с виду очень глубокий и мертвенно тихий. Его окружали со всех сторон суковатые искривленные деревья, хмурые и поросшие мхом, а на деревьях росли мясистые разноцветные поганые грибы, сверкавшие в полумраке нездоровым блеском. Пруд был окружен высокой решеткой из заостренных железных прутьев, и хотя она казалась очень массивной и прочной, некоторые прутья были погнуты, а в том месте, где стояли охотники, у самого спуска в воду, решетка была сломана на протяжении двух метров или около того и лежала на земле, погнутая и исковерканная.

Ни одного живого существа не было здесь за исключением бесчисленных комаров и ни одного живого звука не раздавалось в воздухе. Но не в этом был главный ужас этого места — он заключался в нездоровом отвратительном зловонии, в невыразимо отвратительных испарениях, от которых оба охотника побледнели. А на дне пруда, у спуска в воду, виднелись кости и черепа животных.

Арндель с Левингтоном переглянулись. Выше уже было упомянуто, что они были люди нетрусливого десятка, однако это место устрашило их; они почувствовали себя здесь очень плохо и содрогнулись. Кроме того, тяжелое, гнетущее ощущение присутствия какого-то немого существа, напрасно старавшегося заговорить, было здесь сильнее прежнего, и потому они поспешно удалились — шагов на сто от пруда — и стали совещаться.

— Ну-ну! — воскликнул Левингтон, задыхаясь.— Куда это мы попали?!

Арндель закурил папиросу,— он чувствовал непреодолимое желание курить, хотя табачный дым мог их выдать.

— Мне кажется,— возразил он наконец,— что пруд этот был жилищем твари, пленной твари, которая вырвалась на свободу. Но что это за тварь, сказать пока трудно... Скоро, вероятно, мы узнаем.

Через некоторое время, опомнившись немного от изумления и подкрепившись глотком вина (есть тут они не могли), они открыли другую дорогу, шедшую в противоположную сторону от первой, и пустились по ней, держа по-прежнему винтовки наготове.

На этой дороге в воздухе также носилось зловоние, но не такое сильное, как у пруда, и друзья проворно шли вперед. Скоро они подошли к краю леса, надеясь увидеть свет. И они, действительно, увидели его, но скорее, чем ожидали.

Внезапно и сверх всяких ожиданий откуда-то донесся протяжный женский крик. Крик замер и больше не повторился.

Это было первое ужасное обстоятельство, за ним последовало другое, которое было гораздо хуже. После крика водворилась тишина, которую нарушало только безостановочное жужжание насекомых, но вскоре раздался взрыв, а за взрывом — прежний злобный отвратительный смех, походивший на лай гиены.

— О! — воскликнул Арндель, задыхаясь.— Что это за чертовщина?

Левингтон ничего не сказал, но бросился бежать в ту сторону, откуда донесся крик, а затем смех. В ту же сторону вела и дорога.

Когда они пробежали по этой дороге шагов двадцать, к ней присоединилась другая, усыпанная гравием и заросшая высокой сорной травой. А пробежав еще шагов сто, они увидели ограду, в которой были проделаны высокие и крепкие ворота, но самые створки ворот валялись на земле, сорванные с петель.

У этой ограды лес кончался.

Заглянув в ворота, они увидали большой старый сад, отличавшийся, вероятно, когда-то необыкновенной красотой, но теперь запущенный и превратившийся в джунгли, где были заметны только следы дорожек. В саду стоял дом с высокой нависшей крышей, выкрашенный розовой краской и обросший мхом.

Арндель с Левингтоном стояли в воротах и смотрели, очарованные прелестью картины. Легко представить себе, что такого зрелища они совсем не ожидали. В саду вокруг голубятни, такой же старой, как и все остальное, летали воркуя голуби, а в воздухе пахло цветами и слышалось жужжание пчел.

— Вот рай-то,— тихо прошептал Левингтон.— Но где же убийца?

Арндель схватил приятеля за руку и указал вглубь сада. Лицо его медленно бледнело.

В саду, неподалеку от дома, стоял павильон в одну комнату, отделенный от дома двором. Павильон был окружен рододендронами и снабжен трубой, одним окном с запертыми ставнями и дверью, которая была также заперта. Из прекрасного старого дома вышел человек со смуглым болезненным злобным лицом и всклоченными волосами, в небрежно накинутой одежде. Остановившись без шляпы на солнцепеке, он указал на павильон и... засмеялся.

— О! — мог только произнести Левингтон, опуская ружье.

Смех этот он слышал уже раньше. Это было то самое ужасное бездушное гоготанье, которое сопровождало крик и которое они слышали, когда в первый раз посетили остров.

В ответ на смех незнакомца из павильона тотчас же послышался поток злобных ругательств.

Охотники смотрели на павильон, не говоря ни слова, и вдруг лица у обоих побледнели, как полотно, и хотя губы их шевелились, но не произносили ни слова... И это было неудивительно, так как из-за угла павильона медленно и осторожно выползло страшное чудовище...

Это был сухопутный тропический краб невероятного, исполинского размера.

Он выполз из-за угла, размахивая в воздухе огромными клешнями и выпучив глаза, сидевшие на длинных стебельках и как две капли воды походившие на черные полированные пуговицы, повернулся к человеку, стоявшему на лугу, и равнодушно посмотрел на него.

В ворота было ясно видно страшное безостановочное колыхание щупальцев, сидевших вокруг сложного рта — характерное противное движение крабов,— было также видно, как животное медленно поводило стебельками, на которых сидели его бессмысленные выпученные глаза.

Затем краб повернулся и с ужасающей стремительностью бросился к павильону. Добравшись до него, он принялся долбить в окно, запертое ставнями, громадной правой клешней, размахивая ею, точно косой, равномерно поднимавшейся и опускавшейся. Послышался звон падающего стекла, а на дереве ставен, в том месте, куда ударялась клешня, появилась ясно видимая желтоватая борозда.

Из павильона послышался женский крик, и Арндель с Левингтоном как нельзя лучше поняли все, когда человек, запертый внутри, принялся осыпать стоявшего на лугу новыми ругательствами.

— Да ведь это сумасшедший,— пробормотал Арндель,— а внутри заперты две его жертвы. Это чудовище скоро сломает дверь или окно и тогда...— Он остановился, не смея докончить фразу.

И он был совершенно прав: рано или поздно окно либо дверь поддались бы под равномерными ударами огромных клешней, рабо-

тавших подобно цепам. Только щепки летели кругом, и было слышно, как дерево трещало и откалывалось при каждом ударе.

Внутри снова раздались крики, скоро, впрочем, утихшие.

— Необходимо действовать, черт возьми! — воскликнул, наконец, Левингтон.— Отсюда до павильона около ста шагов. Как вы думаете?

И он стал уже прицеливаться из винтовки, как вдруг остановился и окаменел, как статуя.

До сих пор помешанный не отходил, по всей вероятности, далеко от дома. Этим обстоятельством, а также и тем, что животные редко нападают на душевнобольных или пьяных, можно объяснить, что он еще оставался в живых.

С другой стороны, сдержанность животных имеет свои границы, которые регулируются голодом, а краб, как затем оказалось, был страшно голоден.

В эту минуту сумасшедший тронулся вперед и дошел до конца усыпанной гравием дорожки, откуда он принялся насмехаться над несчастными, запертыми в павильоне.

Медленно и осторожно, как и до сих пор, краб повернулся и вытянул свои глазные стебельки во всю длину; еще медленнее огромные клешни опустились, замерли на миг, затем и клешни и глазные стебельки устремились вперед, прямо к беснующейся фигуре, жестикулирующей на дорожке.

И вдруг краб кинулся вперед, как-то пригнувшись к земле и покосившись на бок, причем его большие ноги сверкали, как спицы колеса,— до того быстро они двигались. И прежде чем человек успел бы перевести дыхание, сумасшедший упал и был смят под огромным панцирем краба.

Почти в одно и то же время грянули два выстрела скорострельных винтовок, и голуби со свистом взвились кверху всей стаей. Краб прыгнул вперед гигантским прыжком, и, все так же омерзительно покосившись на бок, помчался по лугу и скрылся из виду.

Человек, лежавший на дорожке, не кто иной, как сам Газенцио, был мертв, убит наповал одним ударом клешни.

Убедившись в этом, молодые люди бросились к павильону.

— Все благополучно! — крикнул Левингтон сидевшим взаперти.— Краб убежал, а сумасшедший умер.

Говоря это, он вытащил задвижку, которой была заперта дверь.

Дверь отворилась, и к ним на руки упал, теряя сознание, пожилой мужчина. На полу лежала в обмороке высокая смуглая молодая женщина.

Приятели молча перенесли в дом мужчину и молодую женщину, заперли дверь на задвижку и принялись приводить обоих в чувство с помощью вина и холодной воды.

Спустя полчаса спасенный, сидя в кресле, рассказывал охотникам хрипловатым голосом свою историю.

— Мы с Газенцио,— говорил он,— были компаньонами в одном предприятии в Южной Америке. Моя фамилия Кальдотеро. Что? Да, я англичанин. Однако эту фамилию я ношу уже много лет. Мы с Газенцио нажили состояние на своем предприятии, рассказывать о котором не стоит: в конце концов, ведь все равно, на чем бы мы ни нажили его; нажили и вернулись в Англию. Газенцио, будучи богаче меня, купил это поместье. В Южной Америке у Газенцио был любимый краб, большой сухопутный краб. Краб этот ползал за ним, точно собака, и сеньор кормил его сырым мясом.

Все ненавидели краба, но Газенцио всегда был странным человеком. Отправившись в Англию, он взял краба с собой, а когда он стал слишком велик, что произошло, как мне кажется, от сырого мяса, Газенцио посадил его в пруд, окруженный железной решеткой, и кормил молодыми барашками, просовывая их сквозь дверку в решетке.

Рассказчик вздрогнул и замолчал.

— Это мы знаем,— заметил Левингтон,— продолжайте, пожалуйста.

— Прожив на родине около года, мы с Газенцио влюбились в одну девушку. Она ненавидела Газенцио и любила меня. Мы с ней уехали отсюда... Это было уже пять лет назад. Я думал, что Газенцио будет нам мстить,— при этих словах говоривший опять содрогнулся,— однако я ошибся. Вместо этого он писал нам самые любезные письма, прислал нам великолепный свадебный подарок. Неделю тому назад он снова написал нам, прося нас приехать навестить его. Он болен и может умереть,— говорилось в письме,— а перед смертью хотел бы повидаться с нами.

Третьего дня вечером мы приехали и были приняты им весьма радушно. После обеда он повел нас в сад, не обнаруживая еще никаких признаков умопомешательства, показать нам свою новую молочную ферму, и не успели мы войти в нее, как он кинулся наружу и запер дверь. Он кричал на нас сквозь ставни, грозил, что напустит на нас краба, который, мол, вырвался из своего пруда и скоро явится за нами. Тогда я понял, что он сошел с ума. Краб, действительно, явился и был голоден. Хозяин давно уже не кормил его, как сам сказал нам. Мы увидели краба сквозь ставни при свете месяца. Я никак не думал, чтобы это животное могло за пять лет так вырасти! Немало барашков, должно быть, понадобилось ему для этого. Ну, вот и все. Остальное вы знаете. А теперь нам необходимо отправляться отсюда. Мы с женой не в силах оставаться здесь дольше.

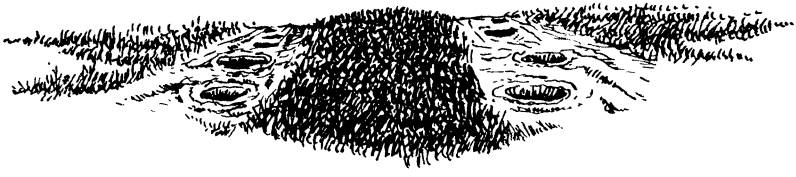
— Ужасно, ужасно. Хорошо, что нам удалось спасти вас,— сказал Левингтон.— Если вы только чувствуете себя в силах,—

скорее уезжайте. Не потрудитесь ли вы по дороге уведомить о случившемся властей?

Поговорив еще с полчаса, друзья проводили своих новых знакомых на берег, где они, не теряя времени, сели в лодку.

— Я уведомлю обо всем, что случилось! — крикнул Кальдотеро, отталкиваясь от берега.— До свиданья!

Ни черного слугу, ни краба не могли нигде найти: они исчезли бесследно. Что касается краба, то смертельно раненое чудовище, наверное, бросилось в море и, будучи слишком слабо, чтобы подняться на поверхность подышать, утонуло... А о негре, вероятно, мог бы рассказать только покойный Газенцио... или его краб.



Э. Рассел

БЕСПОКОЙНЫЕ ГРОБЫ БАРБАДОСА

6 июля 1812 года явилось днем возникновения необычайной загадки. Ее необычность заключалась в том, что она периодически повторялась через несколько лет, приводя в изумление людей в обеих частях земного шара. В настоящее время эта история кажется не менее таинственной, чем полтора века назад.

А зародилась она в семейном склепе кладбища церкви Христа, находившегося в Ойстине на южном побережье Барбадоса. Он стоял спокойно, не привлекая к себе ничьего внимания, и поменял своих владельцев не менее двух раз. Сооруженный из больших цельных блоков кораллов, которые были прочно зацементированы, склеп находился наполовину на поверхности, наполовину под землей. Длиною в двенадцать футов, а шириною в шесть он слегка суживался вверху под крышей, сооруженной в форме арки. В одной из его стен была дверь в виде тяжелой мраморной плиты. Даже если бы это сооружение предназначалось для хранения ценностей,

а не останков, оно не могло бы быть построено более основательно.

Первое захоронение, как известно, состоялось 31-го июля 1807 года. В этот день в склепе была погребена усопшая Томазина Годдард. Следующей была девочка по имени Мэри Анна Мария Чейз 22-го февраля 1808 года. Прошло четыре года, прежде чем 6-го июля 1812 года прибыла еще одна похоронная процессия, на этот раз с гробом Доркас Чейз, сестры Мэри Анны Марии. Двое мужчин оттащили тяжелую плиту, служащую дверью, а люди, идущие перед гробом, пригнули головы, и, нащупав ногами ступеньки, ведущие в склеп, начали спускаться. Пройдя половину пути, они вдруг остановились, пораженные увиденным.

Гроб миссис Томазины Годдард лежал у стены наклоненный на одну сторону. Тот, в котором покоился прах Мэри Анны Марии, стоял в вертикальном положении в углу изголовьем вниз. Это сильно взволновало участников похоронной процессии и вызвало среди них бурные споры. Наконец они решили, что в этом осквернении, вероятно, виноваты негры, присутствовавшие на предыдущих похоронах. Гробы были возвращены на прежние места, а гробу Доркас было с почтением отведено место среди них. Склеп закрыли, и присутствовавшие на похоронах удалились.

Месяц спустя, 9-го августа 1812 года, склеп снова открыли и поместили туда гроб Томаса Чейза, отца Мэри и Доркас. На этот раз там все осталось без изменений. Прошло еще четыре года, и 25-го сентября 1816 года прибыла похоронная процессия с гробом другого ребенка Самуэля Бревстера Амеса. Негры-рабочие отодвинули тяжелую дверную плиту. И зрелище, представшее перед людьми, заставило их вздрогнуть от ужаса.

Гробы были снова смещены со своих мест. По неизвестным причинам всю вину за произошедшее снова возложили на негров, несмотря на их пылкие уверения в полной невиновности и суеверный страх перед умершими. Сами же негры винили во всем злых духов. Слухи о беспорядках в склепе стали предметом бурных дискуссий. Мнение большинства было склонно приписывать эти действия человеку, хотя мотив оставался неизвестным.

17 ноября 1816 года в склеп было перевезено тело Самуэля Бревстера из его могилы в Сант Филиппе. Никто не мог сказать, существовало ли родство между Самуэлем Бревстером и Самуэлем Бревстером Амесом. В первоисточнике сообщается, что они не имели друг к другу никакого отношения. В это время интерес к склепу возрос настолько, что перед ним собралась целая толпа зевак. В напряженной тишине ожидали они того момента, когда вход в склеп будет открыт.

Мраморную плиту оттащили в сторону. И войдя, снова увидели гробы, находившиеся в совершенном беспорядке. Первый из них, принадлежавший Томазине Годдард, разбился на несколько час-

тей. Другие гробы были разбросаны по склепу, несмотря на то, что это были тяжелые свинцовые гробы. Один из них был такой тяжелый, что потребовалось восемь человек, чтобы поднять его.

Несколько человек тщательно осмотрели в склепе все: стены, потолок, крышу, пол, но не смогли найти ключа к разгадке тайны. Части гроба миссис Годдард соединили, гробы установили на прежние места, закрыли вход плитой и зацементировали.

С того времени кладбище и его жуткий склеп стали главной достопримечательностью Барбадоса, своего рода обязательным пунктом каждой туристической программы. Не проходило ни одного дня, чтобы церковь Христа и ее кладбище не посетила масса людей. Чем больше путешественников навещали это место, тем больше становилось людей, обсуждавших эту историю. Интерес публики, прикованный к этому месту, был так велик, что у нее едва хватило терпения дождаться следующего открытия склепа.

И наконец такой долгожданный день наступил. Это произошло 7-го июля 1819 года, когда в склеп должны были поместить гроб Томазины Кларк. Всеобщее волнение, охватившее жителей, побудило губернатора лорда Комбермера принять участие в похоронах, где он присутствовал с двумя сотрудниками из своего ближайшего окружения. Огромная взволнованная толпа выстроилась полукругом, в то время как рабочие откалывали цемент и отодвигали плиту в сторону. Наконец внутренняя часть склепа стала доступна взглядам. Собранный по частям гроб миссис Годдард все еще был у стены на том самом месте, куда его и поставили. Что касается других гробов, то они были разбросаны вокруг в совершенном беспорядке. Комбермер и присутствовавшие с ним должностные лица, несмотря на странный холодок, пробежавший по их спинам, вошли в склеп и обследовали каждый дюйм помещения, простукивали пол и стены в надежде найти секретный ход. Поиски не принесли успеха. Склеп был построен так, что в нем не было ни одной щели, и даже мышка не могла бы проникнуть внутрь.

Совершенно сбитые с толку люди поднатужились и установили тяжелые гробы на их места. Проделав это, они посыпали пол слоем белого песка толщиной в полдюйма, надеясь, что со временем здесь могут остаться отпечатки следов или какие-либо другие отметки, которые помогут открыть эту тайну. Мраморная плита-дверь была вставлена в проем и очень тщательно зацементирована. На цементе Комбермер сделал несколько оттисков своей собственной печатью. Несколько человек последовали его примеру, поставив различные отметки. Несомненным казалось одно — никто не может проникнуть в склеп или выйти из него, не оставив следов.

Эти предосторожности разожгли любопытство до такой степени, что в следующий раз склеп открыли просто для того, чтобы проверить его, не ожидая похорон, 18-го апреля 1820 года. Несколько

человек, обсуждавших загадку склепа, сгорали от любопытства поскорее узнать, что произошло в склепе и, если что-то случилось, то какие следы остались на песке.

Эта группа людей, заинтригованных тайной, состояла из лорда Комбермера, мистера Натана Люкаса, мистера Р. Боучера Кларка, мистера Роланда Коттона и секретаря губернатора майора Дж. Финча. Как уже было сказано, после длительной, не удовлетворившей никого беседы они решили приступить к активным действиям.

Сопровождаемые небольшой группой негров-рабочих с близлежащих плантаций, они подошли к церкви Христа и отыскали пастора преподобного Томаса Ордерсона. После этого вся компания направилась в склеп.

Перед тем, как войти, они продолжительное время осматривали сооружение. Оно было построено как нельзя более основательно. Блоки из коралла были твердыми, целыми, без единой трещины, щели. Цемент вокруг двери стал твердым, как камень, и сохранял различные отметки и оттиски печатей. Люди пришли к заключению, что со времени последнего захоронения все осталось нетронутым. В склеп никто не мог проникнуть.

Рабочие приступили к выполнению нелегкой задачи — отковырять цемент вокруг двери-плиты. Ценой больших усилий они завершили эту операцию. Когда же они стали отодвигать плиту, раздался холодящий душу скрежет. Последние усилия, и вход открыт. Перед остолбеневшими людьми стоял перевернутый вверх дном гроб. Стала понятна и причина скрежета — он возникал, когда плита задевала за край гроба. Другие гробы находились в совершенном беспорядке. Но на белом песке на полу не было никаких следов.

Терпению жителей Барбадоса, в частности, лорда Комбермера, наступил предел. Из склепа вынесли все до единого гроба и захоронили в других местах. Он остался открытым и пустым. С тех пор никто никогда не пользовался этим склепом. Очень жаль — ведь загадка могла бы быть решена в наше время благодаря последним открытиям науки. То, что происходит в темноте, может быть зафиксировано при помощи приборов ночного видения и кинокамеры, заряженной соответствующей пленкой. Электроника, реагирующая на каждое движение гроба, способна подавать команды на включение камеры в нужный момент.

Рассказы об этом странном событии различаются лишь незначительными деталями, и в нескольких случаях факты настолько искажены, что это переводит историю в разряд мифов.

Наиболее достоверным и самым авторитетным свидетельством являются слова Натана Люкаса:

— ...Я проверил стены, арку и каждую частичку склепа и нашел все старым и добротным, каменщик в моем присутствии

простукивал молотком пол, но все было в полном порядке. Я признаюсь, что мне трудно представить себе передвижение этих свинцовых гробов. Совершенно очевидно, что не воры приложили к этому руки, а что касается любителей пошутить и прочих остряков, то было бы слишком трудно для такого количества людей сохранить все это в тайне. Негры тоже не имеют к перемещению гробов никакого отношения из-за их суеверного страха перед умершими. Все, что я знаю, это то, что эти события действительно произошли и я был их очевидцем.

Мне известны и другие примеры о передвигавшихся, очевидно, по их собственной воле гробах. Во всех случаях причина оставалась невыясненной, а сам факт этого устрашает очевидцев. В 1844 году людей взбудоражила весть о необычном беспокойном поведении лошадей, привязанных на кладбище Аренсбурга, маленького городка на балтийском острове Ойзеле.

Приехавшие верхом всадники привязали своих лошадей к ограде кладбища. В то время, когда они отсутствовали, лошади взвились на дыбы, пытались сорваться с привязи. Говорят, что несколько лошадей потеряли сознание, а две или три умерли от страшного испуга.

Беспокойство публики переросло в панику, когда выяснилось, что в склепе, принадлежащем семье Баксевденов, каким-то загадочным образом двигались гробы.

Согласно документам эта история началась 22 июня 1844 года, когда мадам Далман верхом на лошади приехала на кладбище, чтобы поухаживать за могилой матери. Некоторое время спустя она возвратилась к тому месту, где была привязана лошадь. Животное находилось в таком состоянии, что она была вынуждена обратиться к ветеринару. Тот объяснил ей, что лошадь была чем-то или кем-то чрезвычайно сильно напугана. Через неделю с несколькими лошадьми, ожидавшими своих хозяев на кладбище, случилось нечто подобное, а еще через две недели одиннадцать из них взбесились.

Вскоре после этого в семье Баксевденов случились похороны. Похоронная служба проходила в собственной семейной часовне, и в это время нескольким присутствующим показалось, что они услышали странные звуки, доносившиеся из примыкающего к ней склепа. Служба была тотчас прервана, а самые храбрые отправились в склеп в надежде застать там источник звуков, что бы он из себя не представлял. Но все было напрасно. Вокруг стояла полная тишина, и они не обнаружили ничего, кроме гробов, разбросанных по склепу в страшном беспорядке. Люди привели помещение в порядок, аккуратно установили гробы на надлежащие места и после этого заперли склеп.

Слухи о происшествии облетели все окрестности. Люди гово-

рили только о нем. Вполне вероятно, что кое-кто из них приписал все козням вампиров и оборотней. Поднялась такая тревога, что председатель консистории барон де Гульденштуббе лично вмешался в это дело. В сопровождении двух членов семьи Баксевденов он нанес официальный визит в склеп. Снова гробы были разбросаны повсюду в беспорядке. Больше сбитый с толку, чем напуганный, Гульденштуббе немедленно создал комитет из восьми человек для выяснения причин происходящего в склепе. Эта группа состояла из него самого, епископа провинции, бургомистра Аренсбурга, трех гражданских должностных лиц, местного доктора и секретаря. Собравшись вместе, они отправились в склеп и тщательно осмотрели его от пола до потолка, от одного конца до другого. Никаких улик не нашли. Предположив, что здесь могли быть замешаны грабители, проверили гробы, но не обнаружили следов преступления.

Между этим случаем и тем, что произошел на Барбадосе, можно провести параллели. Оба раза расследование предпринималось по инициативе местных властей совместно с людьми, имеющими в обществе значительный вес. В обоих случаях проводился тщательный осмотр склепов, а также поиски секретного входа, а пол покрывался песком или золой с целью обнаружения следов.

Будучи неспособным найти этому какое-либо другое подходящее объяснение, аренсбургский комитет предположил, что несколько злоумышленников проникли в склеп и разбросали гробы для устрашения жителей. Члены комитета не ограничились простукиванием помещения с помощью молотка. Они пошли дальше, вызвав группу рабочих, которые вскрыли весь пол в склепе и осмотрели фундамент. Не было найдено никакого туннеля для вурдалаков и ничего другого, способствующего разгадке тайны.

Потерпевший фиаско комитет отказался от дальнейшего расследования этой таинственной истории. По его приказу рабочие установили гробы на прежние места, посыпали слоем чистой золы пол и заперли склеп. По краям наружных и внутренних дверей склепа были поставлены официальные печати консистории и муниципалитета Аренсбурга и епископа. Еще больше древесной золы насыпали на ступеньки, ведущие из склепа, и на пол в часовне. Местный гарнизон на три дня выставил у часовни усиленную охрану и своевременно менял ее.

После этого члены комитета приняли решение снова отправиться в склеп. На золе, насыпанной в часовне и на ступеньках, ведущих в склеп, не было найдено никаких следов. Многочисленные печати на наружных и внутренних дверях склепа остались нетронутыми. Взломав печати, открыли двери и вошли в склеп. Перед глазами вошедших предстала картина страшного беспорядка. Почти все гробы лежали, разбросанные по всему склепу. Несколько гробов находились в вертикальном положении изголовьем вниз.

Крышка одного из них была сдвинута и оттуда торчала рука скелета.

Точно так же, как и на Барбадосе, комитет решил положить этому конец. Гробы были вынесены и захоронены в других местах, склеп опустел. Все эти факты были оглашены в официальном докладе, помещенном затем в архивы Аренсбурга, и на этом дело закончилось.

Прошло много времени, прежде чем в конце 1906 года некий граф Перовский Петров-Солово попытался вернуться к этому факту в своем докладе для Общества психологических исследований. Он установил, что аренсбургские архивы были переведены в Ригу. По его просьбе рижские власти организовали поиски, но не смогли найти доклад.

Было высказано предположение, что его можно отыскать среди архивов церкви святого Лаврентия в Аренсбурге. Граф написал туда и получил ответ от пастора, преподобного Лемма, что он также не сможет раскрыть эту тайну. Пастор сообщал, что подобные поиски, предпринимавшиеся ранее по просьбе нынешнего барона Баксевдена, окончились неудачей.

Петров-Солово связался с Баксевденом, который ответил, что несмотря на все его попытки найти доклад он не смог, хотя и не сомневался в его существовании, потому что «... все старожилы, с которыми мне довелось об этом беседовать, отлично помнят этот случай, а многие из них утверждают, что слышали о том, что официальный доклад был действительно составлен».

Руперт Т. Гоулд, который рассматривал тайну движущихся гробов в своей книге «Странные случаи», утверждает, что неудачные попытки найти доклад аренсбургского комитета наводят его на мысль о том, что он никогда не существовал, а сама история всего лишь красивая выдумка. Вместе с тем, он не исключает возможности, что предпринятые попытки могли быть неэффективными, так как поиски доклада велись через людей, которые в отличие от организаторов поиска не были в той же степени заинтересованы в его конечном результате.

В качестве доказательства он приводит пример из своего собственного опыта. Астроному Ройалу в 1841 году были вручены некие рисунки, чтобы поместить их для сохранности в сейф Гринвичской обсерватории. Гоулду потребовалось взглянуть на эти рисунки, когда он собирал материал для своей книги «Морской хронометр». По его просьбе управление обсерватории произвело продолжительные и тщательные поиски, но ничего не нашло. Будучи человеком настойчивым, Гоулд попросил позволения поискать самому. Ему разрешили. Он перевернул всю обсерваторию вверх дном и нашел рисунки в самом неподходящем для них месте.

Вполне возможно, что доклад аренсбургского комитета давно

покрылся пылью в каком-нибудь ящике письменного стола.

Барон Баксевден, чьей семейной истории он касается, не сомневается в том, что доклад действительно был написан и помещен в местные архивы.

Полная история движущихся гробов Аренсбурга была рассказана 8 мая 1859 года сыном и дочерью барона де Гульденштуббе Роберту Дейлу Оуэну, который и опубликовал ее в 1861 году в своей книге «Звуки шагов на границе с другим миром». Насколько известно, это был первый случай появления в печати такого полного доклада. В другой книге «Старинные рассказы Вест-Индии» автор сэр Элжернон Е. Эспиноя ищет связь между тайной гробов Барбадоса и подобным происшествием в Англии, примерно в то же самое время. Он приводит цитаты из журнала «Юропиан Мэгэзин» за сентябрь 1815 года, в котором рассказывается о необычном склепе в Стэнтоне, Суффолк: «Открыв его через несколько лет, к великому изумлению многих жителей деревни, обнаружили, что несколько свинцовых гробов с деревянными крышками были смещены со своих мест. Гробы поставили так же, как и прежде, склеп закрыли. Спустя некоторое время умер один из членов семьи, и при его захоронении обнаружили, что гробы в склепе снова оказались в беспорядке. Через два года после этого события гробы были не только смещены со своих мест — один из них, поднять который могли только восемь человек, был найден на четвертой ступеньке, ведущей к двери склепа вверх. Очевидно, к этому перемещению гробов человек не имел никакого отношения. Тогда как же это произошло на самом деле? Представляется вероятным, что перемещение гробов обусловлено воздействием воды, хотя в разные периоды времени, когда открывали склеп, не было обнаружено, что она тут появлялась».

Еще один пример. В колонке для писем журнала «Ноутс энд Квериз» за 1867 год мистер Ф. С. Пэлей рассказывает о тяжелых цинковых гробах, которые перемещались два или три раза в склепе церковного прихода Грейтфорд около Стэмфорда, где в это время его отец был священником. Он пишет, что один из гробов был настолько тяжелым, что его могли приподнять не менее шести человек, да и то с большим трудом. Эти события вызвали в деревне большой переполох.

В письме от 15 октября 1867 года он сообщал показания очевидца происшествия. Этот человек подтверждал, что свинцовые гробы, отделанные снаружи деревом, были очень тяжелые. Во время загадочного события в склепе часть из них была опрокинута, а некоторые — наклонены на одну сторону. Он считает, что гробы могли плавать в то время, когда склеп был заполнен достаточным количеством воды, хотя, когда его открыли, не обнаружили никаких следов пребывания там воды.

Барон Баксевден также предполагает, что события, так напугавшие его предков, были обусловлены не чем иным, как появлением воды в склепе. Затопление склепа — это была версия, выдвинутая аренсбургским комитетом, который пытался доказать ее, но не смог. Трудно поверить, чтобы превосходный склеп, построенный частично ниже уровня земли, мог вмещать воду в таком количестве, что множество гробов плавали бы там, а затем бы все высыхало так быстро и основательно, что не оставалось ни малейших следов наводнения.

Рассматривая теорию затопления, Руперт Т. Гоулд указывает, что свинцовый гроб может плавать даже с отягощением в пятьдесят фунтов. Он полагает, что такой гроб весит около 900 фунтов, а вес воды, которую он может вытеснить, составляет около одной тысячи ста пятидесяти фунтов. Таким образом, двести пятьдесят фунтов остается на тело, а максимальный вес трупа не превышает двухсот фунтов.

Для подтверждения способности гробов держаться на воде Гоулд обращается к газете «Лондон Ивнинг Пост» от 16-го мая 1751 года, в которой сообщалось, что корабль «Джонанес» под командованием капитана Уирка Питерсона подобрал в открытом море цинковый гроб некоего Френсиса Хамфри Меридита. Этот ужасный предмет был обнаружен качающимся в волнах через несколько недель после того, как Меридит был похоронен в Гудвин Сэндс согласно его последней воле.

Я приложил немало усилий, пытаясь найти материалы о беспорядках в склепах в 20-м веке, но безуспешно. Если подобное и случалось, то это не описано или, возможно, замалчивается. Ф. С. Пэлей считает, что загадочную историю в Гретфорде скрыли из чувства уважения к семье, которую эти события затронули.

Исчезновение в наши дни таинственных явлений из числа тех, что были описаны выше, связано с изменениями в обычаях людей. Теперь умерших или кремируют, или хоронят в могилах, а практика использования фамильных склепов ушла в небытие. И гроб, зарытый в землю, не имеет никакой возможности перемещаться.

Версия о плавающих гробах во временно затопленном склепе не имеет, достаточно четкого объяснения, поскольку после открытия склеп оказывается совершенно сухим. Вот почему эту теорию нельзя считать достаточно убедительной. В трех случаях — в Аренсбурге, Гретфорде и Стэнтоне — вода могла бы служить причиной движения гробов. Правда, поиски доказательства этого оказались безуспешными. А что касается Барбадоса, то затопление было просто невозможным, потому что склеп стоял на возвышении и всегда оставался абсолютно сухим.

Кстати, в склепе на Барбадосе находились не только цинковые гробы, но и деревянный гроб мисс Годдард, который был единст-

венным, оставшимся на своем месте. В Аренсбурге, где не указывается точное количество гробов, хотя известно, что оно превышало дюжину, разбросанными в беспорядке оказывались все гробы, кроме трех. И всякий раз эти три, и только эти, оставались на своих местах. Это были деревянные гробы, совершенно лишенные какой-либо металлической отделки.

Если вода может держать на плаву свинец, то она, конечно, может держать и дерево. Эта теория плавучести не годится для объяснения событий, происходивших в склепе, что вызывает естественный в таком случае вопрос, почему двигались только металлические предметы, а деревянные оставались на своих местах.

Версия, что в перемещении гробов следует винить негров, выдвинутая на Барбадосе, едва ли годится для объяснения загадочных событий и уж, конечно, не может быть применена в отношении трех подобных случаев. На Барбадосе эта теория появилась потому, что один из обитателей склепа, Томас Чейз, считался жестоким и властным человеком. Он вынудил свою собственную дочь Доркас покончить жизнь самоубийством. Говорили, что негры-рабы сильно ненавидели его. Маловероятно, чтобы мстительные негры, сумевшие незамеченными проникнуть в склеп, получили бы удовлетворение, просто разбросав гробы в беспорядке. К тому же ни одного полного ненависти цветного не видели бродящим ночами вокруг склепов в Гретфорде, Стэнтоне и Аренсбурге. И очень сомнительно, чтобы на острове Ойзель в это время жил хотя бы один негр.

Многие люди пытались проникнуть в тайну Барбадоса и особенно писатели. Одним из них был сэр Артур Конан-Дойль. Он всесторонне изучил дело, но когда пришло время делать выводы, его проницательный ум, создавший Шерлока Холмса, уступил место порыву души. Дойль дал путаное объяснение об остаточной жизненной силе, по его мнению, сохраняющейся в телах самоубийц и других преждевременно умерших. По его мнению, эта потенция потом переходит в разряд сверхъестественных сил и совершает подобные действия. Эта теория основывается больше на вере, чем на фактах.

Для всех этих случаев характерно, что движение металлических предметов под воздействием какой-то неизвестной силы возможно при условии, что металл должен быть свинцом определенного веса, формы, размеров и находиться в соответствующем месте в установленное время.

Эти условия не будут казаться странными и все станет на свои места, если мы представим себе действие намагниченной стрелки компаса.

Автор считает, что перед нами феномен, изучить который было

бы возможно, отыскав детальные чертежи всех этих склепов, на которых с большой точностью указывалось бы местонахождение гробов до и после перемещений. Во всем этом хаосе может существовать определенный порядок, своего рода ключ к неизвестной, но естественной силе, доступной исследованию, развитию и в дальнейшем использованию ее человеком.

Это предположение имеет под собой основание. Существуют два изображения одного склепа. Они показывают расположение гробов, установленных до беспорядка и найденных после него при открытии склепа на Барбадосе 18 апреля 1820 года.

На первый взгляд эти рисунки воспроизводят картину хаоса. Но вглядевшись, можно заметить необычный, но определенный порядок.

Расположение гробов не является случайным, хотя оно полностью отличается от первоначального.

Когда гробы устанавливали в склепе, три из них, самые большие были поставлены в аккуратный ряд, причем тот, который стоял посередине, находился немного дальше от входа в склеп. Три меньших аккуратно стояли на больших гробах. Изголовьями все гробы были направлены к задним стенкам склепа, а их противоположной частью — в сторону входа. Продольные оси гробов располагались параллельно боковым стенам.

Осмотрев их после перемещения, установили, что все они находились в измененных положениях, которые, однако, соответствовали определенной системе — их изголовья, в большей или меньшей степени, были направлены к двери, а противоположные части таким же образом к задней стене. Казалось, что они медленно повернулись вокруг собственного центра тяжести. Несколько гробов выдвинулись при повороте вперед дальше других гробов, а их оси сдвинулись по дуге на 120°. Картина эта была вызвана центробежным эффектом. То же самое происходит со многими металлическими предметами, один конец которых тяжелее другого, при воздействии на них гравитационных, электромагнитных и еще бог знает каких сил.

Будучи в достаточной степени реалистом, автор отказывается верить, что гробы двигались при помощи духов, привидений и прочих сверхъестественных сил. Что бы ни двигало гробы в Барбадосе и других местах, я считаю, что это была только естественная, хотя и не изученная до сих пор наукой сила.

Мне думается, что чертеж смещенных гробов представляет собой малоизученное явление, объект для изучения.

Наблюдая за силой пара, поднимающей крышку чайника, мы создали громадные локомотивы. Люди должны сделать еще больше, используя силу, которая вращает 900 фунтов свинца.

ОГНЕННЫЙ ОБРЯД

Всякий раз, если загорится человек, причины произошедшего остаются, как правило, невыясненными. Специалисты буквально соприкасаются с неведомым, кружат вокруг тайны и не могут разгадать ее. Дело не заканчивается, когда сбитые с толку люди выносят ничего не значащий вердикт: «Смерть в результате несчастного случая». День, неделю или месяц спустя еще кто-нибудь погибает в огне, и расследование проводится по тому же сценарию.

Вполне вероятным будет предположение, что при определенных обстоятельствах, которые, к счастью, встречаются нечасто, человек вдруг загорается или в еще более редких случаях вспыхивает с почти взрывной силой. В моей коллекции данных по этой теме, собираемой уже более двадцати пяти лет, есть только один случай, когда экспертами была допущена возможность того, что смерть явилась результатом самовозгорания.

28 декабря 1938 года «Шеффилд Стар» сообщила о том, что миссис Амелия Ридж без какой-либо видимой причины загорелась, в результате чего умерла. «Дейли Телеграф» за то же число опубликовала небольшой список таких же таинственных самокремаций: Сара Пеглер с Астон Стрит в Бирмингеме; Элин Райт с Мельбурн Стрит в Карлайле, Генриетта Лоулесс с Баттерсби Лейн в Уорринг-тоне, Генриетта Гарнер с Линд Стрит, Уолтон, Ливерпуль.

Так как с расстоянием преуменьшается значимость событий, касающихся одиночных человеческих трагедий, то в газетах не сообщается об аналогичных случаях, происходящих в это же время в других частях мира. Приводится пять случаев, но их настоящее число может быть пятьдесят или пятьсот. В том случае, о котором рассказывалось выше, с Генриеттой Гарнер, ее сын Джозеф Гарнер заявил на следствии, что он обнаружил свою мать в тлеющей одежде в комнате, где не было не только открытого огня, но и вообще света, так что ничто не могло вызвать вспышку. Умирая, она была совершенно не в состоянии объяснить, что произошло.

Миссис Селена Бродхарст, Рексхем, Северный Уэльс, на которой вспыхнула одежда, горела, потрескивая. «Это произошло при обстоятельствах, не предрасполагающих к несчастному случаю»,— писала «Ливерпул Экоу» 2 января 1939 года. Миссис Сара Батчер сгорела до пепла в огне, который не пощадил и ее сына Фреда. Об этом сообщила «Рейнолдс Ньюс» 6 ноября 1938 года. Пытавшиеся спасти ее люди не смогли приблизиться к ним из-за ярости пламени. Та же газета неделей раньше сообщала о подобной трагедии в Ньюкастле.

27 декабря 1938 года «Дейли Телеграф» и несколько других газет сообщили, что миссис Флоренс Хилл из Гройдона, миссис Агнесса Флайт из Брикстона и миссис Луиза Горриндж из Дауню-

ма в Кенте необъяснимым образом вспыхивали и погибали в огне. Джеймс Дункан из Баллины, Ирландия, превратился в пылающий столб. Смерть наступила в его спальне. «Пламя было настолько свирепым... что пытавшиеся его спасти люди не смогли даже приблизиться»,— отмечалось в газете.

Большинство жертв были престарелыми людьми, некоторые из них были прикованы к постели, но никто не курил сигар и не рассыпал пепел вокруг себя. Они даже находились далеко от источника света. Пресса назвала все эти происшествия «таинственными». Свидетельства о подобных случаях встречались во все времена. Приведенные здесь данные охватывают, в основном, сравнительно короткий период перед началом войны. Это сделано, чтобы показать частоту подобных явлений.

«Ливерпул Экоу» 7 января 1939 года сообщала: «Миссис Н. Эдвардс, Мейкин Стрит, Уолтон, Ливерпуль, загорелась и погибла. Ее одежда вспыхнула по абсолютно неясной причине. В это время в доме не было ни открытого огня, ни света».

«Рейнолдс Ньюс» 12 июня 1948 года писала: «Женщина из Баттерворта загорелась и умерла по причине необъяснимого возгорания ее одежды». «Ливерпул Экоу», 30 июля 1938 года: «В Норфолке заживо сгорела женщина. Полисмен заявил: «Очевидно, вспыхнула ее одежда». Он не смог объяснить, каким образом это произошло».

20 сентября 1938 года «Дейли Телеграф» опубликовала сообщение о женщине, загоревшейся четко посередине танцевальной площадки. Она не курила. Никто с сигаретой около нее не проходил. В этом месте не было ни огня, ни яркого света. По залу плавно скользили танцующие пары, остальные, неторопливо попивая прохладительные напитки, беседовали между собой. Вдруг в середине зала раздался пронзительный визг, тут же заглушенный ревом пламени. Пламя было настолько сильным, что никто не мог спасти эту женщину. Проводивший следствие Л. Ф. Беклесс, выслушав многих ошеломленных очевидцев, признал: «Это самый таинственный случай за всю мою практику».

«Неистовое пламя абсолютно неизвестного происхождения убило Питера Ситона, одиннадцати месяцев, Пекхем Рай, Лондон,— писала «Дейли Телеграф» 4 января 1939 года.— Управляющий лондонского пожарного депо Е. Х. Дэвис сообщил, что пламя возникло в детской, но предположение о том, что причиной этому мог служить камин, не подтвердилось. Свидетель произошедшего Гарольд Эдвин Хакстеп, предпринявший безуспешную попытку спасти ребенка, сказал: «Мне показалось, что я открыл дверь топки. Комната была в огне, мои волосы загорелись, и я выскочил в коридор. Не было никакой возможности вынести оттуда Питера». По-видимому, Питер Ситон и его кроватка были сожжены каким-то ад-

ским огнем». Заключение: смерть в результате несчастного случая.

«Горас Трю Николас, наверное, был самой необычной жертвой огня или какого-то другого, неизвестного явления. На Уиндмилл Роуд, что в лондонском районе Хэмптон Хилл, произошел взрыв, и Горас Трю Николас взлетел, как ракета. Он приземлился у трубы дымохода на крыше соседнего дома. Его одежда была в огне, волосы сгорели, а резиновая обувь расплавилась прямо на ногах»,— сообщила «Дейли Телеграф» 28 декабря 1939 года. Эксперты решили, что причиной этому был взрыв газа. Представители газовой компании осмотрели улицу вдоль и поперек в поисках газового кармана или утечки газа, но ничего не обнаружили. Тогда появилась версия о взрыве газа, идущего по трубам. Муниципальные эксперты тщательно осмотрели улицу во второй раз и не обнаружили никаких свидетельств, подтверждающих это предположение. Снова следует вывод о несчастном случае, а дело закрывается.

Такой эффектный костер может создать машина с легко воспламеняющимися обшивкой и резиновыми шинами, с двигателем, хорошо смазанным машинным маслом и баком, доверху заполненным жидким горючим. Особенность тех случаев, когда горят люди, заключается в том, что огонь выбирает именно их себе в жертву, несмотря на присутствие вокруг объектов, более подверженных воздействию пламени. Так происходит даже в тех случаях, когда жертвы находятся в машинах. Люди в них сгорали быстро, причем сами машины на удивление мало повреждались огнем. Все это наводит на мысль, что пламя было явно необыкновенного происхождения.

В сообщении, полученном в 1941 году из неизвестного источника и опубликованном в одной датской газете, утверждалось, что в 1938 году из личной машины было извлечено то, что осталось от голландского водителя, а именно, горстка пепла. При этом его машина была почти не повреждена, ее дверцы открывались свободно, а бак с горючим был в целости и сохранности.

8 апреля 1938 года «Шеффилд Индепендент» сообщила о подобном же случае. Дж. А. Шефердсон, подрядчик по строительству кораблей, проезжал на машине в районе новостроек около Хессла в Йоркшире. Увидев своих друзей, он на ходу помахал им рукой, а минутой спустя подвергся быстрой кремации.

Он сгорел заживо с неожиданной скоростью. Эксперты расписались в своем бессилии что-либо понять. Думается, что их подкупающая честность немного подкрепила их пошатнувшуюся репутацию. Полиция обнаружила, что бак с горючим в машине Шефердсона был полным и неповрежденным, а ее двери легко открывались. Но тем не менее внутри находилось обугленное человеческое тело. Одному богу известно, как все это произошло.

По случайному совпадению обстоятельств подобный случай произошел почти в том же месте десять лет спустя. В начале 1949 го-

да «Шеффилд Стар» сообщила о том, что вблизи от Хессла, Йоркшир, из машины было извлечено тело неизвестного человека. Тело настолько обгорело, что нельзя было определить личность того, кому оно принадлежало. Машина не была повреждена. Двери ее открывались без помех, бак с горючим остался нетронутым. Ничто не указывало на то, каким образом и почему так сильно обгорел владелец машины.

«Водитель грузовой машины из Биркенхеда превратился в горящий факел в Антоне на Честер,— писала «Ливерпул Экоу», 7 апреля 1938 года.— Его испепелило в кабине собственной машины практически за мгновение. Отвечавшие на вопросы полиции свидетели заявили, что бак с горючим был полным и не пострадал от огня, дверцы кабины открывались легко, но внутри была «настоящая топка». Выслушавшие это представители закона определили «несчастный случай» и добавили, что они не представляют, как возникла эта трагедия».

Но особенно ценные документы по этой теме, которые хранились у меня, исчезли. Они как будто испарились в тот момент, когда я отвернулся! Я постараюсь напрячь мою память. Я прочитал эту чисто криминальную историю в одном журнале в начале пятидесятых годов.

Согласно этому журналу, полиция Флориды затратила много времени и сил, пытаясь найти человека, совершившего убийство, хотя на самом деле никакого убийства не было. В гостиной большого дома, где проживала одинокая старая леди, было обнаружено ее тело. Соседи, обеспокоившись ее отсутствием, вызвали полицию.

Тело обнаружили на стуле, обшивка которого слегка обгорела. Стул также обгорел, внизу на полу было выжжено пятно в форме круга. Пламя было настолько свирепым, что жир вытопился из тела и просочился вниз сквозь половицы. Тело находилось в таком состоянии, что для его опознания потребовалась экспертиза костей, зубов, металлических пуговиц, драгоценностей и других предметов.

Комната была завалена всяким хламом, который мог бы стать причиной возгорания, однако по какой-то таинственной причине все это не загорелось. Пламя набросилось на тело, стул и пол под ним. На первый взгляд, произошло убийство. Кто-то после содеянного облил жертву горючей жидкостью и поджег ее, чтобы скрыть следы преступления.

Полиция стала разрабатывать эту версию. Тело, или, точнее, то, что от него осталось, было помещено в лабораторию для проведения научной экспертизы. Специалисты практически разобрали «комнату смерти» по частичкам. Полицейские в форме и детективы в гражданском рыскали по окрестностям, собирая информацию о приходивших к жертве людях и подозрительных личностях, появлявшихся около ее дома.

Тщательному анализу подверглось и ее прошлое с целью выявления возможных недоброжелателей. Все известные неврастеники, бывшие заключенные, наркоманы, взломщики и маньяки были собраны со всей округи и допрошены. Родственники, друзья и знакомые жертвы были подвергнуты перекрестному допросу. Те, кто могли извлечь выгоду из смерти женщины, пережили не лучшие времена. Каждая минута их алиби проверялась и перепроверялась.

Многие недели интенсивной работы не сдвинули дело с мертвой точки. Удалось только выяснить, что никто не входил в дом до этого происшествия, никто не проник туда силой и ничего ценного не пропало. На обгоревшем скелете жертвы не было обнаружено свидетельств насилия; анализы останков показали отсутствие следов легко воспламеняющейся жидкости. С жертвой никто не ссорился и ни у кого не было причин для зависти или ненависти. Все те, кому ее смерть приносила определенную выгоду, были вне подозрений, фактически наиболее вероятные потенциальные преступники находились за сотни миль во время ее смерти и были способны доказать это.

Количество нестыковок возрастало, и сбитый с толку начальник полиции послал полное и детальное описание этого дела нескольким авторитетным специалистам, изучающим несчастные случаи с огнем. В конце концов от одного из них он получил ответ, в котором говорилось о том, что подобная смерть может быть вызвана самовозгоранием. Хотя это происходит нечасто, но несколько таких же случаев зарегистрировано. Как говорилось несколькими страницами ранее, это — единственная инстанция, допустившая подобную возможность.

Гений, никогда не проходивший мимо даже единичного аномального явления, а именно, Чарльз Форт, также имел в своей коллекции сообщения о подобных случаях. Два из них уже взяты мною из «Книг Чарльза Форта».

«Дейли Ньюс» 17 декабря 1904 года писала: «Миссис Томас Кокрейн, Роузхилл, Фалькирк, Шотландия, была найдена мертвой на своем стуле, обложенная подушками. В камине не было огня, свечи не горели, лампа тоже. В комнате вообще не было света. Подушки обгорели, но не полностью. Но сама женщина сгорела так, что ее было трудно опознать».

27 и 28 декабря 1916 года «Нью-Йорк Геральд» сообщила, что Лилиан Грин, экономка отеля «Лейк Денмарк», находящегося в семи милях от Дувра, Нью Джерси, была найдена при смерти сильно обгоревшей. Ее одежда и пол непосредственно под ней обгорели, но ничто больше в комнате не указывало на то, что здесь был пожар. Невозможно было определить и происхождение того пламени, от которого пострадала Лилиан Грин. В больнице жертва еще могла говорить, но была абсолютно не способна объяснить, что

же все-таки произошло. Она скончалась, так ничего и не объяснив.

Даже в этой очень малой выборке из множества подобных наводящих ужас историй вам были представлены два случая, удаленные во времени и пространстве, но полностью схожие по финалу. Генриетта Гарнер в Ливерпуле в 1938 году и Лилиан Грин в Нью-Джерси в 1916 году — обе прожили еще достаточное время, чтобы успеть рассказать о том, что с ними случилось. Но результат был идентичный: они были не способны объяснить, что же произошло. Они просто не знали, что случилось. Даже после того, как они сами горели, женщины все еще не верили, что люди могут загораться от внутреннего пламени. Но, тем не менее, это случается.

Из всего этого можно сделать вывод, что почти каждый человек может воспламениться в любое время и в любом месте, независимо от возраста и пола. Однако тщательный анализ подобных случаев позволяет выявить преобладание одних ситуаций над другими. Большая часть трагедий произошла в закрытых помещениях с пожилыми людьми, преимущественно женского пола. Преобладание женщин-жертв над мужчинами-жертвами, возможно, не более чем вводящая в заблуждение статистика; в большинстве стран женщины превосходят численностью мужчин, живут дольше, и в любое время суток на улице вы увидите намного больше старых леди, чем джентльменов.

Все выглядит так, как будто значительное количество возгораний происходит со стариками или с теми, кто чрезмерно тепло одевается и пренебрегает правилами личной гигиены. Избыточное тепло, некоторая влажность, вызванная выделяющимися потом или мочой, взаимодействие различных химических препаратов, использование обесцвеченных, окрашенных и «садящихся» тканей, трение, возникающее при обычном движении — все эти факторы способны, объединившись в одно целое, вызвать возгорание тела, которое, будучи уже подготовленным к этому, пожирается огнем вместе с одеждой.

Когда мне было тринадцать лет, я состоял в банде малолетних преступников. Далеко не последним в ряду наших грязных дел было изготовление взрывчатых веществ в заброшенном курятнике, где у нас был штаб. Это неблаговидное занятие закончилось тем, что мы подорвали крышу, а два члена нашей банды приняли в себя изрядную порцию пороха.

Одним из наших излюбленных занятий было смешивание аммиака с йодом. Мы перемешивали эти вещества, фильтровали их через газету, а осадок оставляли на просушку. В результате получался коричневый порох такой высокой чувствительности, что он взрывался, лишь только на него оказывалось давление. Через некоторое время в округе не осталось человека, который бы не по-

страдал от наших опытов. При этом особенно доставалось полицейским. Один неверный шаг в ночи вызывал хлопок, вспышку и фиолетовый дымок.

Человеческий организм содержит йод, который постоянно выделяется из него в некотором количестве. Моча содержит значительное количество аммония. Объедините эти вещества, пренебрегая правилами гигиены — и перед вами объяснение произошедшего. Я предлагаю свое объяснение не только в качестве истины или наиболее вероятной версии случившегося, но и для того, чтобы показать, как это может произойти.

«Манчестер Гардиан» 23 ноября 1954 года пишет: «Миссис Мэри Ханна Райт, вдова в возрасте 90 лет, была найдена вчера мертвой в спальне своего дома на Оксфорд Террэс, Хэрроугейт, где она проживала одна. Она сгорела, следы огня остались на постели и на полу. Прошлой ночью для определения причин произошедшего на место прибыли судебные эксперты. Не исключено и то, что таким образом пытались скрыть следы преступления».

Иногда достаточно одной искры для того, чтобы человек сгорел заживо. Одежда может способствовать этому, особенно, если человек носит такие искусственные ткани, как нейлон.

«Дейли Экспресс» 10 января сообщает в статье «О д е ж д а м о г л а б ы т ь п р и ч и н о й в з р ы в а»: «Стокгольм, воскресенье. Вчерашний взрыв на Линдесбургском снарядном заводе был вызван искрой, проскочившей в нейлоновом нижнем белье у работавшей там женщины». Агентство Рейтер, чье сообщение было также опубликовано, добавляет, что в результате взрыва погиб один человек и двенадцать ранено.

СОДЕРЖАНИЕ

А. ВАН ВОГТ
Миссия к звездам. *Перевод с англ. И. Невструева* 5
М. ЛЕЙНСТЕР
Проксима Центавра. *Перевод с англ. И. Невструева* 107
М. ДЖЕМИСОН
Лилии жизни. *Перевод с англ. И. Невструева* 158
К. СМИТ
Планета Шайоль. *Перевод с англ. К. Маркеева* 179
К. МУР
Шамбло. *Перевод с англ. В. Портянниковой* 197
Э. НОРТОН
Сон кузнеца. *Перевод с англ. Л. Дейч* 225
С. КОРНБЛАТ
Авантюристы. *Перевод с англ. Ю. Беловой* 238
Д. КЕЛЛЕР
Восстание пешеходов. *Перевод с англ. И. Невструева* 252
Д. ФИННЕЙ
Интересные соседи. *Перевод с англ. И. Невструева* 279
О. ЛЕСЛИ
Создатели. *Перевод с англ. С. Ирбисова, В. Беликовича* 293
Л. АЛЬДАНИ
Психосоматический двойник. *Перевод с итал. Е. Вагановой* 306
Д. ТИПТРИ-мл.
Последний полет доктора Айна. *Перевод с англ. И. Невструева* 321
А. ВАН ВОГТ
Защита. *Перевод с англ. И. Невструева* 329
Р. БРЕДБЕРИ
Желание. *Перевод с англ. С. Ирбисова* 332
У. ЛЕ ГУИН
Путешествие вглубь сознания. *Перевод с англ. Г. Барановской* 340
Вещи. *Перевод с англ. Г. Барановской* 345
Ф. БРАУН
Ничего не случилось. *Перевод с англ. С. Ирбисова* 354

Г. ХЕЛЛИНГА-мл.
Учитель. *Перевод с англ. А. Д. Восточного* 365
М. ХЭРЛИ
Доза. *Перевод с англ. А. Д. Восточного* 376
Д. ФАЙФ
Продешевили. *Перевод с англ. Е. Гаркави* 380
А. МЕРРИТ
Племя из бездны. *Перевод с англ. И. Невструева* 391
Д. ЛОНДОН
Мамонт Тома Стивенса. *Перевод с англ. Из сб. «Борьба с химерами»* 405
Е. ПУТКАМЕР
Чудовища саргассов. *Перевод с англ. Из сб. «Борьба с химерами»* 415
С. БЛЭК
Носорог Марвина. *Перевод с англ. Из сб. «Борьба с химерами»* 432
Г. УЭЛЛС
Долина пауков. *Перевод с англ. Из сб. «Борьба с химерами»* 442
Кланг-утанг острова Борнео. *Перевод с англ. Из сб. «Борьба с химерами»* . . 451
М. СЕЙЛОР
Аранья мексиканских болот. *Перевод с англ. Из сб. «Борьба с химерами»* . . . 457
Ф. МАРЗА
Краб Газенцио. *Перевод с англ. Из сб. «Борьба с химерами»* 464
Э. РАССЕЛ
Беспокойные гробы Барбадоса. *Перевод с англ. В. Юрченко* 476
Огненный обряд. *Перевод с англ. В. Юрченко* 487

Литературно-художественное издание

ФАТА-МОРГАНА 2

Фантастические рассказы
и повести

Составитель
БАРСОВ Сергей Борисович

Редакторы **И. Мудрова, Н. Резанова**
Художественный редактор **В. Кременецкий**
Технический редактор **И. Антоненко**
Корректор **И. Пигулевская**

Сдано в набор 24.04.91. Подписано к печати 06.12.91. Формат 60×84/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,83. Усл. кр.-отт. 30,23. Уч. изд. л. 32,92. Тираж 100 000 экз. Заказ № 3503. Цена договорная

Издательство «Флокс». 603600, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

Отпечатано в типографии издательства «Горьковская правда», 603005, Нижний Новгород, ул. Фигнер, 32.